Ю
Д 29
Дельбрюк Г.
Истор. военн.
иск.
т 4
1938

Г. Дельбрюк

ВОЕНИЗДАТ

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

VIERTER TEIL

NEUZEIT

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1920

НО
D29

Ганс Дельбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1938

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

Перевод с немецкого

Издание второе

Настоящим томом заканчивается личная разработка профессором Г. Дельбрюком важнейших источников по истории военного искусства. Последующие (V, VI и VII) томы написаны профессором Даниэльсом на основании материалов, оставшихся после смерти Дельбрюка (умер в 1929 г.).

В IV томе автор занимается исследованием военного искусства эпохи Возрождения, религиозных войн, эпохи постоянных армий, Великой французской революции и наполеоновских войн.

Книга представляет широкий интерес для всех занимающихся историей вообще и историей военного искусства в частности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
5-21219

НОВОЕ ВРЕМЯ

ОТ АВТОРА

Настоящий — четвертый и последний — том «Истории военного искусства»[1] вышел в свет в том самом году, в котором закончилась величайшая из всех войн. Уже в 1914 г. он был почти завершен в отношении предварительных исследований и даже в большей своей части был обработан.

Но внешняя гроза,— вместо того чтобы, как можно было предполагать, побудить меня к выполнению именно этой задачи — к разработке этой темы,— напротив, отвлекла меня, и я прервал работу с тем, чтобы в заключение довести ее до конца, не перекидывая моста между нею и современностью. И если я в этой книге касаюсь современных условий, то разумею под ними довоенное время, т. е. то время, когда я писал эти строки, иногда же условия того времени, когда мне лично пришлось познакомиться с военным делом (я был рядовым в 1867 г. и вышел в отставку в 1885 г. премьер-лейтенантом запаса).

Первоначально я предполагал довести мой труд до войн за объединение Германии и изобразить дальнейшее развитие наполеоновской стратегии в стратегию Мольтке. Однако, я отказался от этой мысли, ибо она неизбежно привела бы меня к проблемам мировой войны, которые еще не совсем созрели для научной обработки их в духе настоящего сочинения. Я не хочу этим сказать, что решил вовсе не касаться современности, но явления нашего времени нельзя рассматривать в той систематической и законченной форме, какой требует сочинение, подобное выпускаемому мною теперь. Поэтому мой труд обрывается на Наполеоне и его современниках. Продолжение же его до наших дней уже имеется, хотя и в иной форме. То, что я имел и мог сказать о явлениях военной истории второй половины XIX в., в частности о стратегии Мольтке, и, наконец, о явлениях мировой войны, изложено мною в отдельных монографиях и в сборнике

[1] Этот том действительно явился последним из числа четырех, составленных и отредактированных лично самим проф. Г. Дельбрюком. Вышедшие позднее V, VI и VII томы составлены лишь по материалам Г. Дельбрюка его литературным наследником проф. Даниэльсом.— *Ред.*

«Война и политика», 1914—1918 гг. (три тома), выпускаемом мною одновременно с этой книгой. Статьи о Мольтке помещены в сборнике «Воспоминания, монографии и речи», дополненном статьею о сочинении Кеммерера: «Развитие стратегической науки в XIX столетии», помещенной в «Прусском ежегоднике», т. 115, стр. 347 (1904 г.). Здесь, в согласии с Шлихтингом, я подробнее изложил и обосновал — как технически, так и психологически — новую мысль Мольтке о стратегическом наступлении с двух фронтов (по двум направлениям.—*Ред.*), мысль, которую фон-Шлиффен впоследствии развил в идею двустороннего охвата на основах моего анализа сражения при Каннах, а это служит переходом к тем моим стратегическим соображениям, которые я излагал в связи с событиями мировой войны.

По самой природе вещей, при рассмотрении явления современности я имел возможность совершенно отодвинуть на второй план техническую сторону военного дела как тактики, так и вооружения, не потому, что она в наше время имеет меньше значения, чем в прежние времена,— наоборот, развитие техники шло ускоренным и усиленным темпом, — но потому, что по своему существу и значению роль ее настолько ясна, что дальнейшего исследования не требует; к тому же имеется налицо богатая литература по этому предмету, так что я мог довольствоваться лишь установлением практических результатов. Я тем более мог ограничиться самым необходимым, что многоценный труд Макса Иэнса — «История военных наук» — дает прекрасно систематизированный материал всякому желающему более подробно ознакомиться с этим предметом.

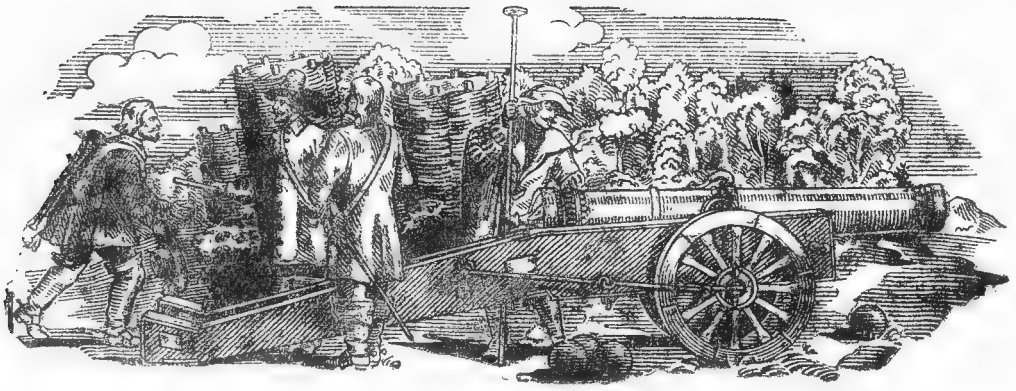
Благодаря такому ограничению технической стороны я получил, как надеюсь, возможность рельефнее выявить в своей «Истории военного искусства в рамках политической истории» основную мысль моего сочинения, а именно — связь между государственным устройством, тактикой и стратегией. Взаимозависимость между тактикой, стратегией, государственным устройством и политикой проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались. Настоящее сочинение написано не ради военного искусства, но ради всемирной истории. Если его будут читать военные и если оно натолкнет их на новые мысли, то это меня порадует и будет для меня великой честью, но написано оно историком для любителей истории. Я не стану возражать даже против того, если этот труд, трактующий о войне, и притом исключительно в рамках политической истории, все же зачислят в категорию сочинений по истории культуры. Ибо военное искусство — такое же искусство, как живопись, зодчество или педагогия, а вся культурная жизнь народов в высокой мере определяется их военной организацией, связанной, в свою очередь, с техникой войны, тактикой и стратегией.

Все находится во взаимодействии: дух эпохи проявляется в ее многообразных единичных явлениях, а познание каждого отдельного явления — в данном случае военного искусства — содействует познанию развития человечества в целом. Нет ни одной эпохи всемирной истории, которая в основе своей не была бы затронута выводами настоящего сочинения. Однако, не без труда и даже не без борьбы удалось добиться признания мысли о возможности достигнуть чего-либо на этом пути. Даже Леопольд Ранке решительно это отверг, когда я однажды изложил ему мой план; факультет, в состав которого я входил, затруднялся предоставить мне ученую степень, ибо военное дело не составляет предмета университетского преподавания; Теодор Моммзен, столь глубоко проникший в древнюю, и особенно римскую, историю, когда я поднес ему первый том моего сочинения, благодарил меня, но заявил, что едва ли время позволит ему прочитать эту книгу. А так как, с другой стороны, и генеральный штаб был против меня, то всякий согласится, что борьба у меня была нелегкая. Ни один из моих учеников не мог рассчитывать на место преподавателя в военной академии, а историки, убедившись в ценности результатов моих исследований, все же из осторожности избегали громко заявлять об этом. От других же, вплоть до последнего времени, мне не удалось добиться, как будет показано ниже, даже того, чтобы они хотя бы правильно передавали мою концепцию. Новым идеям приходится преодолевать не только упорное сопротивление традиционных взглядов, но и почти не поддающееся разъяснению неправильное понимание их.

Подобно тому как при выпуске первого тома моего сочинения я должен был в своем первом к нему предисловии указать на книгу Юлиуса Белоха «Население греко-римского мира», как на труд, долженствовавший предшествовать моей книге, так и теперь я не могу не назвать другое сочинение, которое является не только необходимым для предварительной проработки, но и ценнейшим добавлением к настоящему тому. Я говорю о книге Мартина Гобома «Возрождение военного искусства Макиавелли». Я имел возможность включить в свою работу выводы этого столь же ученого, сколь блестяще написанного труда.

Ганс Дельбрюк.

Берлин, Груневальд,
7 августа 1919 г.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава I

Возникновение пехоты в Европе

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ СИЛА швейцарского воинства опиралась на массовое действие крупных сомкнутых колонн, в которых каждый отдельный солдат был полон уверенности в своих силах, питаемой двухсотлетней традицией непрерывных побед. Охвативший весь народ воинственный дух давал возможность вводить в бой массы, а массовое построение, в свою очередь, одерживало верх над любой индивидуальной доблестью прежних профессиональных воинов. В сражении под Нанси это массовое швейцарское воинство впервые вышло за пределы своих гор, которые до тех пор являлись столь сильными союзниками в их прежних боях. Уже в войне, исход которой был решен под Грансоном и Муртеном, швейцарцы сражались скорее ради выгод французского короля, чем ради собственных политических интересов, в дальнейшем же их военная сила начала работать далеко от родины в пользу чужих интересов. Уже этим самым этот небольшой осколок одного из германских племен стал оказывать существенное влияние на историю; но еще более значительным оказалось это влияние, когда и другие народы, убедившись в превосходстве швейцарской военной организации, начали ей подражать.

С давних пор наряду с тяжелой, одетой в латы конницей имелись не только стрелки, но и вооруженные холодным оружием пехотинцы, оказывавшие рыцарям поддержку в бою. Шаг вперед, который надо

было сделать, и реформа, которую надо было провести, заключались в том, чтобы значительно увеличить численность этих пехотинцев, служивших до того времени лишь вспомогательным родом войск, и сплотить их в один прочно спаянный отряд.

Сперва эта реформа увенчалась полным успехом только у двух народов — у немцев и испанцев. Хотя подобные же попытки мы встречаем также у французов и итальянцев, но они либо совсем не осуществились, либо достигли цели значительно позднее. Несомненно, это различие весьма знаменательно, и ему придется посвятить специальное рассмотрение. Теперь же приступим к выяснению первого положительного явления нового времени, развивавшегося на немецкой почве.

НИДЕРЛАНДЦЫ И СРАЖЕНИЕ ПРИ ГИНЕГАТЕ[1]

7 августа 1479 г.

Первым сражением, в котором швейцарский метод ведения боя применялся не-швейцарцами, было сражение при Гинегате, в котором через 2½ года после сражения под Нанси эрцгерцог Максимилиан, зять Карла Смелого, одержал победу над французскими войсками,— следовательно, те самые бургундцы, которые на самих себе испытали превосходство швейцарских методов, первыми попытались с успехом применить те же приемы тактического искусства.

Максимилиан осаждал небольшую пограничную крепость Теруан, на выручку которой подходила с юга, под начальством де-Корд, французская армия. С целью отбросить последнюю, Максимилиан выступил ей навстречу. Французское войско состояло, по тогдашнему обыкновению, из рыцарей и стрелков; наряду с прикомандированными к отдельным рыцарям стрелками ордонансовых рот имелись также многочисленные стрелки-ополченцы (Francs archers). В обоих этих видах войск Максимилиан значительно уступал своему противнику; зато у него было не менее 11 000 пехотинцев, вооруженных холодным оружием — пиками и алебардами, которых ему привел Жан Дадизеель, бальи Гента и генерал-капитан Фландрии. Максимилиану было всего лишь 20 лет; ему недоставало опытности и авторитета в стране, принадлежавшей его жене, а они были необходимы для того, чтобы создать здесь новую военную организацию. Но в его войске был граф де-Ромон, владения которого были расположены на берегу Невшательского озера, в ближайшем соседстве с Берном и Фрейбургом. Состоя на службе у бургундского герцога, граф де-Ромон принимал участие в сражениях против швейцарцев. Весьма неохотно выступал он против них в качестве врага. Никто лучше его не знал швейцарцев и в мирное время и на войне. Вот этот-то швейцарский граф, согласно источникам, и перестроил фламандских солдат по швейцарской системе. Надо полагать, что он же и посоветовал своему новому государю собрать возможно большее число таких пехотинцев. Надо сказать, что нигде в мире нельзя было найти лучшего материала для таких нововведений, как именно в Бургундских Нидерландах. Ведь именно здесь уже раз выступила военная организация, весьма близкая к швейцарской, когда возмутившиеся фландрские города

[1] Руководящей монографией является Ernst Richert, Die Schlacht bei Guinegate, Берлинская диссертация, 1907 г.

разбили французское рыцарство в сражении при Куртрэ (1302). Под Розебеком (1382) это воинство было снова разгромлено, ибо на фландрской равнине в бою с рыцарством у него недоставало на местности таких опорных пунктов, какие швейцарцам предоставлялись их горами. Тем не менее в этой стране в значительной мере сохранились и человеческий материал для военного строительства и воинственный дух; ведь и войска Карла Смелого в значительной мере состояли из нидерландцев, а швейцарский образец дал ту форму, в которой вновь могла проявить себя эта воинственность.

В общем, бургундское войско на несколько тысяч человек превосходило французское, даже если причислить к последнему гарнизон Теруана из 4 000 человек, который во время сражения угрожал тылу бургундцев.

Оба войска построили свою кавалерию на флангах, а пехоту, состоявшую у одних из стрелков, а у других — преимущественно из пикинеров, — в центре. Бургундские пикинеры были разделены на две крупные, глубокие колонны, из которых одной командовал граф Энгельберт Нассауский, сражавшийся под начальством Карла Смелого под Нанси, а другой — граф де-Ромон, и в ряды последней колонны стал вместе с группой дворян [1] сам Максимилиан с пикой в руках, вместо того чтобы, по рыцарской традиции, сражаться в строю рыцарей.

Максимилиан сам в своих мемуарах рассказывает, что, прибыв молодым человеком в Нидерланды, он велел изготовить длинные пики и упражняться во владении этим оружием. Следовательно, пехота вырабатывалась, так сказать, систематически: длинные пики, вступление в ряды дворян и учения. Стремление придать устойчивость и прочность колонне пехоты посредством включения в нее дворян, сражавшихся, конечно, в первых рядах, представляет прием, с которым мы не раз встречаемся в конце Средних веков. Однако, различие, и притом весьма существенное, заключается в том, что теперь дворяне сами берутся за длинную пику, являвшуюся оружием пехотинца, и не только сражаются в первых рядах пехоты, но сливаются с нею в одну целостную тактическую единицу. «Самые благородные люди,— сообщает нам «Преславная хроника»,— граф де-Ромон и сам герцог (Максимилиан) стояли среди простых солдат и сражались пиками».

Де-Корду удалось опрокинуть на своем правом фланге бургундских рыцарей, прикрывавших отряд пехоты, и захватить поставленные там бургундские пушки. О бургундских, хотя и довольно многочисленных, стрелках вовсе не упоминается в описании боя; по всей вероятности, уступая превосходству французских стрелков, они либо бежали, либо втиснулись в ряды колонн пикинеров.

Победа французских рыцарей дала возможность де-Корду атаковать с фланга левую колонну бургундских пикинеров, предводимую герцогом Нассауским. Этим он заставил ее остановиться; эта колонна, будучи подвергнута обстрелу со стороны французских стрелков как с фронта, так и с фланга, при поддержке огня отнятой у бургундцев артиллерии оказалась в крайне тяжелом положении, хотя большинство победоносных французских рыцарей бросилось преследовать бегущую бургундскую кавалерию, не приняв тем самым участия в завязавшемся бою пехоты.

[1] Dadizeele, Mémoires, éd. Kerwyn de Lettenhove, стр. 19. Согласно Комину, было 200 дворян.

Если бы ход сражения принял такой же оборот и на другом фланге, то бургундцы были бы разбиты. Но здесь против французского рыцарства было сосредоточено большинство бургундского рыцарства; оно не допустило французов до фланга своих пикинеров. В результате колонна Ромона продолжала продвигаться вперед, обратила в бегство французских стрелков, разгрузила и освободила этим другую колонну от наседавших на нее французов и, таким образом, решила исход сражения.

Мы не располагаем сообщением современников, в котором было бы дословно сказано, что гинегатские пехотные колонны представляли воспроизведение швейцарской тактики. В частности, об этом не упоминается ни в одной из четырех реляций этого сражения, или составленных самим Максимилианом, или могущих быть ему приписанными. Как это ни странно на первый взгляд, однако, ведь нередко бывает, что современники не отдают себе отчета в моменте принципиального переворота, и лишь потомство познает все значение этого момента. Ведь в военной истории древности мы видим, например, что о такой существенной реформе, как введение линейного боевого порядка во время второй Пунической войны, в современных источниках вовсе не встречается прямого упоминания. Тем не менее как там, так и здесь факт не подлежит ни малейшему сомнению. И Дадизеель, и Молине, и де-Бют, и Базен сходятся на том, что фламандская пехота решила исход сражения. «Dux Maximilianus»,— пишет де-Бют,— cum picariis fortiter instabat, ut equitatus Francorum qui ab utraque parte cum aliis suis obpugnare quaerebat eundem non posset in eum prevalere» [1].

Еще более наглядную картину рисует Базен, говоря, что фламандская пехота своими длинными пиками отражала натиск неприятельской конницы. «Nam ipsi Flamingi pedites, cum suis longis contis praeacutis ferramentis communitis, quos vulgo piken appellant, hostium equites, ne intra se immiterent, viriliter arcebant» [2].

Однако, в этом случае не надо забывать, что победе способствовало то обстоятельство, что фланг, по крайней мере одной из колонн копейщиков, прикрывался рыцарством. Без этого фламандская пехота легко могла проиграть сражение, как то некогда и произошло под Розебеком.

Доныне остается невыясненным, почему эта победа не повлекла за собою падения Теруана и почему Максимилиан отказался продолжать поход и распустил свое войско. Не будь победа подтверждена столькими надежными свидетельствами, пришлось бы в ней вообще усомниться, судя по такому исходу сражения. Говорят, будто бы фламандцы не хотели больше служить; по всей вероятности, здесь сыграл свою роль старый антагонизм между государем и сословиями; нидерландцы боялись собственного властителя, Максимилиана, не менее, чем французов, и не хотели, чтобы он, пожав плоды своей победы, стал слишком могуществен. Может быть, и казна Максимилиана была настолько

[1] Герцог Максимилиан со своими пикинерами храбро наступал, так что французское рыцарство, которое с остальными войсками старалось на него напасть с обеих сторон, не могло его одолеть.— *Ред.*

[2] Ибо сами фландрские пехотинцы своими длинными, с очень острыми железными наконечниками, копьями, в просторечии называемыми пиками, мужественно отражали неприятельских всадников, препятствуя проникновению в их ряды.— *Ред.*

пуста, что он не мог собрать необходимой суммы для выплаты жалованья даже такому небольшому войску, какое было еще нужно для продолжения осады.

Поэтому с политической точки зрения сражение при Гинегате не имело никакого значения; с военной же точки зрения оно представляет собою поворотный пункт. Банды нидерландской пехоты, которые в следующем поколении играли такую значительную роль, повидимому, имели своими родоначальниками победителей при Гинегате, а для французов их поражение послужило толчком для реформы их военной организации, отразившейся, пожалуй, и на Испании. Но, прежде всего, эта нидерландская пехота явилась предтечей ландскнехтов.

ЛАНДСКНЕХТЫ[1]

Победитель не пожал никаких плодов от победы при Гинегате, ибо не сохранил своего войска после победы; и вскоре Максимилиан, правивший страной сначала как супруг законной государыни, а после ее смерти — как опекун ее сына Филиппа, оказался в открытой борьбе с сословиями. Чтобы устоять в ней, ему пришлось вместо городской милиции обзавестись другим войском.

Он стал набирать пехотинцев из всевозможных стран,— даже из тех же Нидерландов, с Рейна, из Верхней Германии, из Швейцарии. Вот этих-то солдат между 1482 и 1486 гг. и называли «ландскнехтами».

Почему именно их назвали ландскнехтами (provinciae servi, patriae ministri, compagnons du pays)?[2]. Почему их не назвали пехотинцами (Fussknechte), наемниками (Soldknechte), солдатами (Kriegsknechte) или другим каким-либо комбинированным наименованием? Это название сохранялось приблизительно в течение целого столетия, вплоть до Тридцатилетней войны; затем оно исчезло, ибо свободный, меняющий места своей деятельности наемный солдат начинает вступать в более длительные, прочные отношения к какому-либо государству или полководцу и по нему получать свое наименование.

Много толкований было предложено для объяснения этого названия, но все они не выдерживают критики. Оно не означает «воинов собственной страны» («Knechte des eigenen Landes») в противоположность швейцарцам, ибо они служили вместе с последними под одними знаменами и в одних и тех же отрядах. Оно не означает и «воинов равнины» («Knechte des platten Landes») в противоположность швейцарцам — воинам горной страны. Не означает оно и «солдат для защиты страны» («Knechte zur Verteidigung des Landes»), «солдат, служащих стране» («Knechte, die dem Lande dienen»). Оно не означает «солдат, вербуемых по всей стране», т. е. выставленных не сословиями («Knechte, die nicht von den Ständen gestellt, sondern aus dem Lande geworben sind»). Не означает оно и «солдат из одной и той же земли»,

---

[1] Все предшествующие исследования относительно ландскнехтов оставлены далеко позади тем глубоким изучением предмета и той остроумной критикой, которые мы находим в образцовом произведении Мартина Нелля (Martin Nell, Die Landsknechte, Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Берлин, 1914 г.). Первая часть представляет Берлинскую диссертацию. Подававший самые блестящие надежды, автор этой книги пал во Франции в 1914 г. Erben в «Historische Zeitschrift», 116, стр. 48, сделал несколько возражений против выводов Нелля, вполне основательных, но не меняющих существа дела.

[2] Слуги провинции, слуги отечества, земляки.— *Ред.*

т. е. земляков («Knechte desselben Landes, also «Landsleute»). Слово это не является производным от немецкого слова Lanze, ибо оружие, которое носили ландскнехты, называлось Spiess или Pike (пикой)[1].

Слово Landknecht встречается в XV в. как в верхнегерманском, так и в нижнегерманском наречии и означает полицейского, судебного пристава, судебного рассыльного, конного или пешего жандарма, выполняющего также военные функции. Так, Иоганн фон-Посилге рассказывает в своей хронике, написанной в 1417 г., что прусский замок Бассингайен был изменнически сдан польскому королю «несколькими ландкнехтами». Годы, в которые это название получило в Нидерландах свое специфическое значение, это — с 1482 г. по 1486 г., когда Максимилиан был в мире с Францией, но воевал со своими сословиями, стремившимися отнять у него опеку над его малолетним сыном Филиппом. Сословия именно и хотели добиться роспуска наемных солдат, которых Максимилиан набирал все в возраставшем количестве и которые, желая получить свою плату, притесняли страну. Зачем были нужны эти наемные солдаты? Ведь был мир! Вот поэтому-то Максимилиан и дал им, вероятно, это безобидное название «ландскнехтов», обозначавшее до тех пор не столько воина, сколько полицейского.

Процесс развития привел Максимилиана к тому, что он дал своей пестрой ватаге наемников военное воспитание в тактических формах, созданных швейцарцами, следуя примеру коих, городские милиции Нидерландов уже одержали победу при Гинегате. Лучшим воспитательным средством было не то, или, по крайней мере, не главным образом то, что в наемные отряды было включено известное число швейцарцев, а то, что сам герцог взял в руки пику и побудил своих дворян войти в ряды пехотных солдат, дабы таким братанием поднять самосознание солдат и вдохнуть в них сохраненную рыцарской традицией воинственность.

Впоследствии летописцы рассказывали, будто император Максимилиан учредил орден ландскнехтов; это указывает, что на ландскнехтов, обученных новым боевым строям, уже стали смотреть не как на простое вспомогательное войско, но что в них развился особый воинственный цеховой или корпоративный дух, который придал им характер чего-то нового, существенным образом отличного от прежних наемников.

Из первых наиболее знаменитых предводителей ландскнехтов укажем на Мартина Шварца, который, будучи по происхождению нюренбергским сапожником, был посвящен в рыцари за свою храбрость и объединил под своим начальством швабов и швейцарцев; его «веннером», или прапорщиком[2], был известный Ганс Кутлер, швейцарец из Берна.

Первое достоверное упоминание об этом новом явлении под новым примененным в этом смысле наименованием мы встречаем в протоколе заседания представителей швейцарской федерации в Цюрихе 1 октября 1486 г., на котором раздавались сетования на приемы вербовки одного швабского рыцаря, состоявшего на службе у Максимилиана, некоего Конрада Гэшуффа, который произносил обидные речи,

[1] В первых семи документах, в которых встречается это название, как то установил Нелль, слово это дважды пишется «Lanzknecht», в швейцарском протоколе 1486 г. мы читаем «Landtsknecht» и три раза «Lantknecht».

[2] Знаменосцем (Fähnrich). — *Ред.*

похваляясь, что он так обучит и снарядит швабских и иных стран ландскнехтов, что любой из них будет стоить больше двух швейцарцев.

Из этого документа мы можем заключить, что осенью 1486 г. термин «ландскнехт» представлял собой уже твердо установившееся понятие, что ландскнехт обучался своей профессии и что ландскнехты и швейцарцы представляли собой нечто отличное друг от друга и даже друг другу противоположное.

Еще за 10 лет перед тем немецкого наемного солдата ни во что не ставили. Когда Рене Лотарингский захотел в 1476 г. снова завоевать свое герцогство при помощи верхнерейнских наемников, они не оправдали его расчетов и при Понт-а-Муссоне бежали от бургундцев. Пришлось обратиться к швейцарцам, и под Нанси колонны (5 июня 1477 г.) были составлены из швейцарцев и швабов вперемежку. Но швейцарцы настолько сознавали свое превосходство, что презрительно обходились с немцами и претендовали во время этих походов почти на всю добычу только для себя.

Когда ландскнехты путем систематического обучения были доведены до ступени боеспособности, внушавшей им уже известную уверенность в себе, швейцарцы отделились от их корпорации, и с этой минуты учителя и ученики начинают ревниво глядеть друг на друга. Швейцарцы, гордясь традициями славных побед, хотят сохранить за собою превосходство ни с кем не сравнимых, никем не превзойденных воинов; а ландскнехтам их вожди говорят, что и им было бы то же по плечу, вследствие чего и они сами начинают проникаться этим убеждением. Из Нидерландов сомкнутые банды отправляются в Англию, в Савойю. Под знаменами герцога Сигизмунда Тирольского, с Фридрихом Капеллером во главе, они одерживают победу над венецианскими кондотьерами в сражении под Каллиано (10 августа 1487 г.). Сначала у Сигизмунда были и швейцарские наемники, но, вместо того чтобы, как это прежде бывало, с пренебрежением глядеть на своих соратников, швейцарские командиры теперь сообщают на родину, что ландскнехты им угрожают и что они даже опасаются за свою жизнь.

Когда в 1488 г. имперское войско выступило против Нидерландов, чтобы помочь Максимилиану в его борьбе с сословиями, одно время захватившими его в плен, перед воротами Кельна появились и швейцарцы; однако, их не захотели принять «из-за ландскнехтов», во избежание раздоров, и швейцарцы возвратились во-свояси.

Два года спустя, в 1490 г., мы снова встречаем швейцарцев и ландскнехтов под одними знаменами, во время похода Максимилиана против венгерцев. Позднейший сен-галленский летописец Натт сообщает: «В этом походе среди ландскнехтов было много швейцарцев, между прочим некоторые из наших сентгалленцев». Таким образом, им не раз пришлось служить вместе.

Лишь в этом походе, во время которого был взят штурмом Штульвейссенбург, на это новое явление было, повидимому, обращено всеобщее внимание, так что летописец нашел нужным присоединить к термину «ландскнехт» несколько слов пояснения или истолкования.

В народной песне слово «ландскнехт» встречается в первый раз с определенным указанием на дату — 1495 г.: «В стране — не один ландскнехт...» [1].

[1] Liliencron, II, 362, 20.

52/8/19

Ландскнехты — это наемные солдаты, с которыми мы познакомились еще в XI в. В XV в. мы встречаемся с различными для них наименованиями, как, например: «козлы» (Böcke) и «драбанты». Вся разница в том, что они уже не представляют индивидуальных воинов, но образуют сомкнутые тактические единицы и уже приучены к тому, чтобы обретать и осознавать свою силу именно в этой сомкнутости, в этой сплоченности. Внешней сплоченности соответствует и внутренняя, — новый корпоративный профессиональный дух. Чем у швейцарцев, служивших образцом, были землячества и их военные традиции, тем для этих вольных наемных банд, поскольку они уже сформировались, являлось военное воспитание, передававшееся от одного солдата к другому.

В первый раз в мировой истории войн мы встречаем тактическую единицу в виде спартанской фаланги, по поводу которой Демарат, сознательно противополагая ее индивидуальному бойцу, будто бы говорил с похвалою царю Ксерксу, что спартанцы не храбрее других людей, но сила их, собственно, заключается в том, что закон повелевает им победить или умереть, не покидая своего места в строю.

Хотя и в Нижней Германии банды существовали продолжительное время, однако, название ландскнехтов установилось собственно за верхнегерманцами, швабами и баварцами, — видимо, по той причине, что, с одной стороны, близкая Швейцария представляла соблазнительный пример и влекла к военной профессии, а с другой, — что именно здесь находились наследственные владения Максимилиана, а потому отсюда особенно охотно стекались под его знамена наемники (кнехты). Земляческие подразделения и группировки были естественны, особенно вначале, причем наиболее мощная группа — швабская — наложила на все свою характерную печать. Lanczknechti et Hollandrini, — говорит в одном месте своей автобиографии Максимилиан и приравнивает в другом месте «Lanczknechti» к «alti alimany» (верхнегерманцам). И «голандрини» продолжали существовать; в 1494 г. они появляются в итальянских походах Карла VIII под названием «гельденерцев» наряду с швейцарцами и, по всей вероятности, погибли в сражении при Павии в 1525 г. под названием «черной банды».

Из жалобы швейцарцев на Конрада Гэшуффа мы могли заключить, что происходило форменное обучение ландскнехтов. Это подтверждается сообщением о военном учении, организованном на рынке города Брюгге 30 января 1488 г. графом Фридрихом Цоллерном. Мы располагаем несколькими описаниями этого события, которые не вполне совпадают между собою, а именно — относительно того, кто, собственно, обучался. По одной версии это были немецкие дворяне из свиты Максимилиана, по другой — немецкие пехотинцы, по третьей — нидерландцы, которых обучали немцы. Как бы то ни было, оружием этого отряда была длинная пика, так как раздалась команда: «Построить «улитку»! (Faisons le limaçon à la mode d'Allemagne) [1], а затем последовала команда: «Пики наперевес!» («Chacun avale sa pique»), после чего раздался боевой клич: «sta, sta!». Собравшимся на площади гражданам показалось, что кричат «sla, sla» [2], и они в страхе бросились врассыпную, боясь нападения.

[1] «Стройся улиткой на немецкий манер».— *Ред.*

[2] Надо полагать, от «Schlagen» — бить: «бей, бей».— *Ред.*

Под «улиткой», несомненно, надо понимать какое-то правильное перестроение, при помощи которого из походной колонны перестраивались в боевую колонну, и наоборот. Этот маневр, конечно, сам собою не выполняется, — ему надо обучиться, так как его можно выполнить различным образом [1]. Он ничего общего не имеет с более поздним маневром стрелков, тоже называемым улиткой (limaçon, caracole).

Применение длинной пики не так просто, как это может казаться [2]. Швейцарец Мюллер-Гиклер, который упражнялся с пикой, пишет по этому поводу следующее:

«...Самым нежелательным явлением следует считать вибрацию древка. Сам я при фехтовании длинной пикой испытал, что попасть ею в намеченную цель почти невозможно из-за сильного дрожания острия при стремительном ударе; особенно наблюдается это при энергичном выпаде, когда используют всю длину пики и наносят удар вытянутой вперед правой рукой...

«Для того чтобы нанести излюбленный удар — в шею или нижнюю часть живота — одетому в латы наемнику так, чтобы удар пришелся в промежуток между латами, требуется верный, относительно медленный удар, наносимый лишь после выжидания удобного случая» [3].

Вместо длинной пики многие ландскнехты были вооружены огромными мечами, которые в бою приходилось держать обеими руками. Но это оружие существенной роли не играло. По этому поводу Бегейм справедливо замечает [4], что этими мечами были вооружены единичные солдаты, обладавшие исключительной силой и предназначенные специально для охраны знамени, а впоследствии — командира полка.

Хотя фехтованию этим оружием систематически обучали, но в действительности носившие это оружие хвастуны-голиафы имели не больше значения, чем исполины-тамбурмажоры наполеоновской армии.

В источниках постоянно восхваляется тот порядок, в котором маршировали солдаты. Упоминаются роты, построенные в 4, 5 и 8 рядов по фронту. Ни о чем подобном мы не находим упоминания в средневековых источниках.

Осенью 1495 г. 10 000 немцев выступили на помощь миланскому герцогу Людовику Моро, осаждавшему в Новаре герцога Орлеанского. Врач Алессандро Бенедетти оставил подробное описание одного парада, принятого герцогом близ Новары в присутствии его супруги. «Все взоры,— пишет он,— были устремлены при этом на фалангу немцев, представлявшую собой четырехугольную колонну из 6 000 человек, под предводительством Георга Эберштейна (Волькенштейна), ехавшего на великолепном коне. По немецкому обычаю из рядов этого отряда раздавался оглушительный бой множества

---

[1] Подробнее у Гобома, Возрождение военного искусства Макиавелли, II, 394, с приложениями II, 405. Объяснение Нелля меня не вполне удовлетворяет.

[2] Hobohm (II, 426 и сл.), опираясь на Иовия, высказывает взгляд, что швейцарская пика первоначально имела в длину 10 фут. и, постепенно удлиняясь, по мере того, как отрядам, вооруженным пиками, все чаще приходилось сражаться друг против друга,— дошла до 17—18 фут. На это Нелль, на стр. 158 своей книги, замечает, что такое удлинение пики должно было быть произведено в таком случае в 1483 г. По всей вероятности, для пик не было установлено определенной длины, и последняя всегда была весьма различной.

[3] Этюд о длинной пике «Zeitschrift für historische Waffenkunde», т. IV, стр. 301, 1908 г.

[4] Böcheim, там же, т. I, стр. 62.

барабанов, от которого готова была лопнуть барабанная перепонка в ушах. С одним лишь нагрудным панцырем шли они с небольшими промежутками между шеренгами. Передние ряды имели длинные пики, опущенные острием вперед, следующие несли пики острием вверх, за ними следовали воины, вооруженные алебардами и двуручными мечами; при них были знаменосцы, по знаку которых весь отряд двигался вправо, влево, назад, словно его везли на плоту. Далее шли аркебузиры, а справа и слева — вооруженные арбалетами. Поравнявшись с герцогиней Беатрисой, четырехугольная колонна внезапно, по знаку, перестроилась в клин (т. е. широкое построение превратилось в узкое или «пространственный» квадрат в квадрат «людской»)[1], затем она разбилась на два крыла и, наконец, вся масса сделала захождение, причем часть двигалась медленно, а часть — чрезвычайно быстро, так что один фланг обернулся вокруг другого, который оставался на месте, словно все они составляли одно целое[2].

Наряду с обучением военному строю особое значение имело для подготовки ландскнехтов участие дворян. То и дело мы читаем в хрониках, что они с пикою в руке становятся в ряды пехоты. В бою под Бетюном немцы потерпели поражение от французов (1486). Герцог Адольф Гельдернский и граф Энгельберт Нассауский стали в ряды пехоты, говоря, что они хотят с нею жить и умереть; по словам летописца, «они пролили свою кровь, защищая пехотинцев» (pour la protection des piétons).

Обратный случай поясняет нам значение этого.

Когда император Максимилиан осаждал в 1509 г. Падую и ландскнехты должны были итти на штурм, они потребовали, чтобы в нем приняли участие и дворяне. Но Баярд сказал: «Неужели мы должны подвергаться опасности бок о бок с сапожниками и портными?» А немецкие рыцари заявили, что прибыли сюда, чтобы сражаться в конном строю, а не для штурма. Тогда император снял осаду.

Первое крупное столкновение между швейцарцами и ландскнехтами произошло во время швабской войны в 1499 г. На этот раз побеждает еще старейшее, сплоченное успехами и опытом швейцарское воинство. Швабы терпят поражение под Гардом, под Брудергольцем, под Швадерловом, под Фрастенцом, на Кальвене, под Дорнахом.

---

[1] О квадрате «пространственном» и «людском» см. дальше, на стр. 54.— *Ред.*

[2] Цитируемое сочинение появилось в Венеции уже в 1494 г. Я пользуюсь текстом, перепечатанным в сборнике Эккарда, Corpus Historicum, II, 1612 г. Я не выдаю приведенный мною перевод за безусловно точный. Выражения, употребленные автором, хотя он и был очевидцем, не вполне ясны; итальянский перевод (Венеция, 1549 г.) мало способствует разъяснению. Иэнс (1, 727) полагал, что речь идет не о захождении, а о караколе. Поэтому привожу оригинальный текст: «Ab his phalanx una peditum Germanorum erat, quae omnium oculos in se convertebat quadratae figurae quae VI M. peditum continebat, Georgio Petroplanensi Duce integerrimo, in equo eminente. In ea acie tympanorum multitudo audiebatur germanice more, quibus aures rumpebantur; hi pectore tantum armato incedebant per ordines primo a posteriore parvo intervallo. Primi longiores lanceas in humeris ferebant infesto mucrone sequentes lanceas erectiores portabant, post hos bipennibus et securibus armati; ab his signiferi erant ad quorum inclinationem agmen totum ac si una rate vaherentur, in dextrum, laevum, retro regrediuntur; a tergo pilularii dicti parvorum tormentorum: hos a laeva et sinistra scorpiorum Magistri sive manubalistarii sequuntur. Hi in conspectu Beatricis Ducis quadratum agmen uno signo in cuneum subito commutavere, paulo post in alas sese divisere; demum in rotundum altera tantum parte levi motu, altera cursim movebant, prima parte circumacta postrema immota ita ut unum corpus esse videretur».

Несмотря на это, во время мирных переговоров Максимилиан выставляет самые неумеренные притязания, причем по мирному договору швейцарцы едва добиваются кое-каких выгод, а кое-что им пришлось уступить. Правда, последствием заключения мира явилось то, что тем временем Людовик XII занял Милан.

ФРАНЦУЗЫ, ИСПАНЦЫ И ИТАЛЬЯНЦЫ

Военная организация Франции в XV в. опиралась на ордонансовые[1] роты и на вольных стрелков. После того как последние так плохо показали себя при Гинегате, Людовик XI хотел переформировать их в пехоту по швейцарскому образцу. Он заменил у них луки длинными пиками и алебардами и собрал их, числом свыше 10 000 человек, для обучения в лагерь под Геденом в Пикардии, а на следующий год — под Пон-де-л'Аршем, близ Руана.

«Король, — доносит на родину швейцарский посланник[2] Мелхиор Русс, — приказал изготовить много длинных пик и алебард по немецкому образцу; если бы он мог изготовить и людей, которые умели бы обращаться с ними, то ему не понадобились бы больше ничьи услуги». Позднейшие историки полагали, что на лагерь под Пон-де-л'Аршем можно смотреть как на колыбель французской пехоты; там-де систематически обучали солдат, пригласив для образца отряд в 6 000 швейцарцев. Три года, говорят, продержался этот учебный лагерь, причем один год в нем провели учителя-швейцарцы. Однако, более внимательное исследование рассеяло эту фантастическую картину[3].

На самом деле ни о какой муштре, ни о каком образцовом отряде швейцарцев документальных данных мы не имеем. Несомненно, король намеревался сделать то же самое, что именно тогда было сделано Максимилианом в Нидерландах. Доподлинно известно, что 1 500 рыцарей из ордонансовых рот были направлены в лагерь, дабы, в случае надобности, они могли сражаться и в пешем строю, а это, пожалуй, означало вступление их в ряды пехоты. Однако, такие реформы нельзя проводить простым приказом.

Пехота, вышедшая из этого лагеря, никогда не могла сравняться с швейцарцами и ландскнехтами. Такой же отряд, как и на бельгийской границе, был сформирован на итальянской границе. Наряду с этими войсками, которые позднее были известны под названием «старых банд» Пикардии и Пьемонта, существовали и другие, более или менее организованные наемные банды, называвшиеся «авантюрьерами»,

---

[1] Лицо, желавшее посвятить себя военному ремеслу, должно было испросить у правительства патент (ordonance) на образование роты, величина которой определялась вместе с выдачей патента. Эти роты получили название ордонансовых (compagnies d'ordonance). — *Ред.*

[2] Jahrbuch für Schweizer-Geschichte, т. VI, стр. 263. Basin: «Surrogavit enim in eorum locum alios pedites, quos appellabant halbardurios, qui similibus armis induti ut franci sagittarii, loco arcuum contos longos ferratos, quos Flamingi piken appellant, aut latas quasdam secures secundum Alemanorum peditum ritum deferebant».

(«Он набрал на их место других пехотинцев, которых стали называть алебардщиками; они, нося такие же латы, как и французские стрелки, были вооружены вместо луков длинными копьями с железными наконечниками, называемыми у фламандцев пиками, или же как бы широкими секирами, по обычаю немецких пехотинцев»).

[3] Гобом, II, 329, 345.

вооруженные частично холодным оружием, но главным образом несшие службу стрелков. Они однажды отличились под Генуей в 1507 г., когда Баярд и другие рыцари, став во главе их, повели их на штурм. Отсюда Сюзан, историк французской армии, считает возможным повести начало французской пехоты. С тех пор появился обычай, чтобы молодые дворяне, не располагавшие средствами на снаряжение для конной службы, поступали в пехоту на повышенный оклад жалованья. Таких молодых людей обозначали итальянским термином «lanze spezzate» (сломанные копья). Термин «lanspessades» сохранился во французской армии вплоть до середины XVIII в.; им обозначали солдат первого класса, занимавших среднее положение между капралами и рядовыми.

Так называемые мемуары Виельвиля передают, что в каждой роте было 12 таких ланспессадов; они были вооружены не аркебузами и не алебардами, а пиками.

Но, несмотря на это социальное усиление, французские отряды пехоты, по сравнению со служившими по найму у их короля швейцарцами и ландскнехтами, всегда играли лишь второстепенную роль. Они, правда, участвуют в больших сражениях, начиная Равенной и кончая Павией; среди них упоминают также о гасконцах и бургундцах, однако, нигде они не заслужили полного признания и доверия, и французские короли, начиная с Карла VIII, пользовались во всех крупных сражениях преимущественно немецкой пехотой. В 1523 г. французский полководец Бонивэ отослал из Италии французских солдат домой, как только ему удалось заменить их швейцарцами. Впервые в 1544 г., в сражении при Черезоле, отряд гасконцев с успехом применяет швейцарские методы.

Франциск I в 1533 г. сделал другую попытку создать национальную французскую пехоту милиционного типа, которой он дал гордое название «легионов». При этом была даже сделана попытка создать новые тактические формы, представлявшие собою сочетание фаланги с римским легионом и приемами современной войны. Из того, что нам о них передают, можно заключить, что их построение представляло большую квадратную колонну, распадавшуюся чрезвычайно искусственным образом на мелкие отделения с небольшими интервалами. Притом решительно нельзя уяснить себе какого-либо назначения, каких-либо функций этих мелких отрядов; очевидно, мы имеем в данном случае дело с чисто теоретическим мудрствованием. В 1543 г. 10 000 французских легионеров, назначенных для обороны Люксембурга, дезертировали толпами и сдали крепость имперцам. То же случилось и в Булони в 1545 г.

Под 1557 г. мы читаем в мемуарах маршала Виельвиля, что эти легионеры — не воины; они бросили плуг лишь для того, чтобы за 4—5-месячную службу освободиться от налогов на основании удостоверения, зарегистрированного в местном окружном управлении.

В руководящих кругах Франции вполне сознавали, как невыносимо было вести французские войны при помощи иноземных войск, но приходили к заключению, что французский характер не приспособлен для службы в пехоте и что, принимая к себе на службу наемников — немцев, швейцарцев и итальянцев, — не только сам получаешь хороших солдат, но и оставляешь без них неприятеля.

Около 1500 г. кавалерию во Франции называли «l'ordinaire de la guerre» (ординарное войско), а пехоту — «l'extraordinaire» (экстра-

ординарное), потому что в мирное время только первая имелась налицо [1].

Наименование «инфантерия» впервые появилось, повидимому, только в царствование Генриха III; около 1550 г. еще употребляли термин «фантерия» — от итальянского слова «fante» — «малый», «слуга» [2].

Иначе, чем во Франции, протекал этот процесс в Испании. Уже в 1483 г., — следовательно, тотчас после создания Людовиком лагеря в Пикардии, когда еще шли бои за Гренаду, король Фердинанд Арагонский будто бы пригласил отряд швейцарцев, который должен был служить образцом для формирования такой же пехоты. Однако, швейцарские источники ничего не сообщают о подобном же роде войск по ту сторону Пиренеев, и исторические исследования до сих пор не дали нам никаких сведений о каком-либо новом формировании в течение последующих 20 лет.

Так как наряду с немцами одни лишь испанцы сумели в первое время создать годную для войны пехоту по образцу швейцарской, то военное дело в Испании в эту эпоху представляет особый интерес; поэтому и доктор Карл Гаданк, по моему почину и при поддержке министерства народного просвещения, предпринял поездку в эту страну для изучения на месте этого вопроса в архивах и по литературным источникам. Однако, результаты его поездки оказались ничтожными и мало что прибавили к тому, что можно найти у Гобома. Правда, мы обладаем довольно богатыми литературными источниками по испано-французским походам в Нижней Италии; из них на первом месте стоит жизнеописание «великого полководца» («Gran Capitan») Гонзало де-Кордова, составленное Иовиусом, однако, оно дает мало материалов по основному вопросу — об организации тактической единицы в пехоте. Формирование милиции, согласно постановлению юнты в 1495 г., неоднократно подтвержденному впоследствии, не выявляет характера нового военного искусства; и когда испанцы вступили в борьбу с французами за обладание Неаполитанским королевством и перевезли в Италию свои войска под начальством Гонзало де-Кордова (1495 г.), последние не могли противостоять швейцарцам, которых французы двинули против них. «Ни по качеству вооружения, ни по прочности организации» испанцы не могли равняться с швейцарцами и, несмотря на свое численное превосходство, обратились в бегство. Однако, Гонзало не считал еще своего дела проигранным. Во время войны и благодаря войне он обучил свои войска и добился первого успеха в сражении под Черинъолой в 1503 г. Повидимому, материал, из которого составлена была его армия, первоначально был очень плох. В ее рядах находились не только авантюристы и бродяги, которые вообще охотно следуют за барабаном вербовщика, но и насильно забранные в войска люди. Однако, ему помогло то, что они оказались на чужой стороне, далеко от родины; ради собственных интересов им не оставалось иного выхода, как держаться стойко своего знамени, и уже несколько лет спустя не подлежало сомнению, что испанская пехота не уступала в боеспособности ни швейцарцам, ни ландскнехтам. Это доказало сражение под Равенной (1512 г.), хотя испанцы и потерпели в нем поражение от ландскнехтов, находившихся в союзе с фран-

[1] Spont, Revue des questions historiques, 1899 г., стр. 60.
[2] Susane, Histoire de l'infanterie française, I, 14.

цузскими рыцарями. С этого момента в течение полутора столетий испанская пехота поддерживала свою превосходную боевую репутацию.

Мы знаем кое-что и о той принципиальной оппозиции, на которую наткнулась эта реформа. Некий Гонзало де-Айора, который одновременно с Гонзало де-Кордова хотел организовать пехоту и обучить ее действиям в квадратных колоннах, подвергся насмешкам. Целые дни напролет он обучал своих солдат и просил короля отпустить ему поэтому для них лишнее количество вина и провианта, а для поднятия своего авторитета ходатайствовал о назначении его полковником и об отдаче указаний капитанам беспрекословно подчиняться его распоряжениям. Вопрос о целесообразности идей де-Айора обсуждался на большом военном совете. Говорят, придворные долго по этому поводу потешались и острили. Но вот в 1506 г. супруг наследницы престола, Филипп Красивый, сын Максимилиана, привел с собой в Испанию 3 000 ландскнехтов, и их пример, вероятно, окончательно сломил последнее сопротивление.

Иначе, чем в Испании, сложились обстоятельства в Италии. В XIV и XV вв. Италия была чрезвычайно воинственной страной. Она породила великих кондотьеров, создавших определенную школу в военном искусстве. Различали по известным, хотя и не очень существенным, расхождениям в стратегических принципах, школу Сфорцы и школу Браччио. Великие итальянские историки эпохи Возрождения Макиавелли, Гвичиардини и Иовиус единодушны в утверждении, что для кондотьеров война была забавой, а не серьезным кровавым делом; с своекорыстным расчетом — возможно дольше затянуть войну и выколотить побольше денег из своих нанимателей, они не стремились к решительному бою, а избегали его; когда же дело доходило все-таки до сражения, то и солдаты, смотревшие друг на друга как на товарищей, щадили друг друга и не проливали крови. Так, например, передают, что в сражении при Ангиари (1440) погиб только один человек, да и тот не был убит, а утонул в болоте. Позднейшие писатели, характеризуя этот род ведения войны, утверждали даже, что подобным ведением военных действий кондотьеры подняли войну до степени искусства, а именно — искусства маневрирования.

Однако, проверка сообщений современников доказала, что в этой характеристике, хотя она и исходит от трех великих авторитетов, нет ни слова истины. Верно только то, что кондотьеры вели войну не с такой жестокостью, как это наблюдали Макиавелли и его современники у швейцарцев, которым было запрещено брать пленных и которые даже убивали всех мужчин в городах, взятых штурмом. Бой кондотьеров походил на бой рыцарей, которые также, если это не противоречило цели войны, щадили пленных и ради выкупа не только разрешали брать в плен, но даже к этому стремились. Дальше этого не шли и кондотьеры, и их сражения были нередко чрезвычайно кровопролитны [1].

Особенно высокой репутацией пользовались в течение XIV и XV вв. итальянские стрелки — генуэзцы и ломбардцы, игравшие также значительную роль в армии Карла Смелого.

[1] Основанное на первоисточниках подтверждение можно найти у Вилибальда Блока в его книге «Кондотьеры». Исследование относительно так называемых «бескровных» сражений (Willibald Block, Die Condottieri, Studien über die sogenannten «unblutigen Schlachten»), Берлинская диссертация, 1913 г.

Войска кондотьеров, как вообще все средневековые войска, состояли по преимуществу из конницы. Это также являлось причиной, почему Макиавелли их ненавидел и презирал, ибо, по примеру римлян, он признавал решающим родом войск пехоту.

Когда же молва о славных делах швейцарцев и ландскнехтов распространилась и в Италии, нашлись вскоре проницательные военные, которые захотели перенести новую практику и в свою страну. Население Италии могло предоставить тогда гораздо лучший материал и в большем количестве, чем хотя бы Франция. Испанец, о котором мы упоминали выше, Гонзало де-Айора, изучил новое искусство в Милане, и знаменитая семья кондотьеров,— три брата Вителли, владевшие в Романье небольшим княжеством Чита ди Кастелло,—задалась целью создать дотоле не существовавшую еще итальянскую пехоту (1496). Они стали вербовать солдат среди собственных подданных, объединили рекрут с опытными ветеранами, вооружили их пиками, на 1 фут длиннее немецких, и обучили их, как картинно повествует Иовиус, «следовать за знаменем, маршировать в такт барабанного боя, направлять и поворачивать колонны, строиться улиткой и, в конце концов, поражать врага с большим искусством, сохраняя в точности порядок в своих рядах». (Signa sequi, tympanorum certis pulsibus scienter obtemperare, convertere dirigereque aciem in cocleam decurrere, et denique multa arte hostem ferire, exacteque ordines servare.) Действительно, Вителоццо удалось разбить в бою под Сориано 800 ландскнехтов, состоявших на службе у папы Александра VI, отрядом в 1 000 человек (26 января 1497 г.). Но создатели не намного пережили свое творение. Камилло Вителло умер уже в 1497 г. в Неаполе, находясь на службе у французов; Паоло отрубили голову флорентинцы в 1499 г., а Вителоццо был задушен в 1503 г. по приказанию Цезаря Борджиа.

Цезарь Борджиа сам взял в свои руки и продолжил дело, которое начали Вителли; после его падения многие из Романьи поступали наемниками на службу к венецианцам и оказались весьма пригодными. Однако, в конце концов, попытки эти были слишком незначительными, и за ними не стояла могущественная политическая власть, которая могла бы поддержать их и после кризиса. Попытка Макиавелли организовать для Флорентийской республики боеспособную отечественную милицию была неудачна по своему замыслу и не увенчалась успехом. Наиболее благоприятные условия могли бы сложиться в Венецианской республике, располагавшей многочисленным и преданным крестьянством, но правительство опасалось военизировать собственных подданных и предпочитало производить вербовку за границей, преимущественно в Романье. Эти отряды романиолов, которые могли бы сделаться родоначальниками национальной итальянской пехоты, были разбиты швейцарцами в обоих сражениях, под Ваилой (1509 г.) и под Ля-Моттой (1513 г.), а затем уничтожены испанцами и ландскнехтами. С тех пор итальянская пехота, где бы она ни выступала, расценивалась столь же низко, если не ниже, чем французская, хотя в одиночку итальянцы пользовались такой блестящей военной репутацией, что значительное число капитанов французских авантюрьеров были итальянцами.

После всего сказанного можно категорически утверждать, что хотя французы и итальянцы и остались далеко позади немцев и испанцев в новом военном искусстве, но расовые особенности здесь не при чем, ибо французы проявили впоследствии выдающиеся боевые

способности, а итальянцы до исхода эпохи Возрождения пользовались репутацией превосходных воинов. В данном случае это скорее результат стечения обстоятельств и хода исторических событий. Немцам пошло на пользу то, что они с самого начала служили вместе со швейцарцами под знаменами Максимилиана. Сами швейцарцы таким путем стали родоначальниками ландскнехтов, на которых они впоследствии, отделившись от них, глядели не только как на своих соперников, но и как на злейших своих врагов. Несколько выдающихся людей, под руководством самого Максимилиана, теоретически осознав всю важность задачи, разрешили ее при помощи обучения и упражнений; когда же было создано ядро ландскнехтов, преисполненных новым духом и верой в свои силы, и когда выдвинулось некоторое число капитанов и полковников, пользовавшихся общим уважением и доверием, институт ландскнехтов стал непрерывно развиваться благодаря собственной внутренней силе.

Почему ничего подобного мы не видим у французов, об этом не раз спрашивали себя уже и современники; одни приписывали это нежеланию сделать народ боеспособным, дабы было легче держать его в повиновении. Такова была точка зрения дворянства, и сам король подпал под ее влияние[1]. Однако, этому противоречат постоянно повторявшиеся попытки создать национальную французскую пехоту. Успехом они не увенчались, так как никогда не удавалось довести солдат до той боеспособности и до той уверенности в своих силах, которыми отличались швейцарцы и ландскнехты; понятно, что французские короли предпочитали иметь вместо малоценных войск полноценные. Причина неудачи французов заключается в отсутствии исходной точки — контакта с швейцарцами. Правда, и сами французские короли имели у себя на службе швейцарцев, но невозможно было перемешать в одной колонне с швейцарцами французские роты, как это делали швабы и тирольцы. Швейцарцы служили образцом для французов только теоретически. Французскую пехоту надо было вырастить из новых семян. Но в применении потребной для этого работы и энергии не ощущалось необходимости, ибо под рукой всегда имелся удобный выход из положения — завербовать первоклассных воинов в Швейцарии. Весьма кстати пришлась французским королям вражда, вспыхнувшая между швейцарцами и ландскнехтами. Когда Людовик XII в 1509 г. рассорился с швейцарцами и они не дали ему солдат, он приказал вербовать ландскнехтов.

Совершенно обратное положение было в Испании. Как только там уяснили себе значение нового военного искусства, крайняя необходимость заставила обучить ему собственных солдат. Где было королям Арагонии и Кастилии достать столько денег (не говоря уже о географических затруднениях), чтобы оплатить притязательных немецких наемников? Ведь к разработке благородных металлов в Америке только начали приступать. В отношении Италии надлежит отметить еще одно весьма существенное обстоятельство: образование более или менее постоянных войск, состоящих из пехоты, поставило бы республики и другие не слишком большие государства в крайне опасную зависимость от их вождей. Для королей могущественных государств, которые сами являлись верховными вождями армии, эта опасность была не столь велика.

---

[1] Гобом, II, 336.

Глава II

Огнестрельное оружие

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОРОХА И СТРЕЛЬБЫ

Лишь здесь я вставлю главу об огнестрельном оружии; хотя к этому времени им уже пользовались в течение 150 лет и я неоднократно об этом упоминал, однако, существенное значение оно приобрело лишь в ту эпоху, рассмотрением которой мы сейчас занимаемся [1].

Во взглядах на вопрос об изобретении пороха еще недавно наблюдались значительные колебания, причем исследования относительно места и времени его изобретения до сих пор не завершены окончательно.

Несколько лет тому назад считалось бесспорно установленным, что греческий огонь, первые сведения о котором относятся к VII в. (при осаде Кизика в 678 г. н. э.), ничего общего не имеет с порохом —

---

[1] Из обширной литературы, посвященной изобретению пороха и старейшим видам огнестрельного оружия, я приведу:

Napoléon III, Du Passé et de l'Avenir de l'Artillerie. Это сочинение, написанное во время заключения Людовика Наполеона в Гаме, еще и теперь заслуживает внимания. Оно перепечатано в несколько сокращенном виде с пропуском примечаний и таблиц в собрании сочинений Наполеона III (Oeuvres de Napoléon III, т. IV, 1856 г.) и переведено на немецкий язык лейтенантом (позднее генерал-лейтенантом) Г. Мюллером. Берлин, 1856 г.

Essenwein A., Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Факсимильные воспроизведения старых оригинальных рисунков, миниатюр, гравюр на дереве и на меди, вместе с воспроизведением старинного оружия и моделей его. Издание германского национального музея. Текст Эссенвейна. С 213 факсимильными иллюстрациями. 4-е изд., Лейпциг, 1872—1877 г.

Thierbach M., Die Geschichtliche Entwicklung der Handfeuerwaffen. Дрезден, 1886 г. Добавление 1899 г.

Köhler G., Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit, III, Бреславль, 1887 г. (Пожалуй, наиболее ценная часть широко задуманного сочинения.)

Romocky S. J. von, Geschichte der Explosivstoffe, т. I, Берлин, Ганновер, 1898 г. В высшей степени ценное произведение, особенно вследствие включения в него исправленного текста Марка Грека.

Jähns M., Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen (приложение — огнестрельное оружие). Берлин, 1899 г.

Sixl P., Entwicklung und Gebrauch der Handfeuerwaffen («Zeitschrift für historische Waffenkunde», I и сл. 1899 г. и сл.).

Reimer P., Das Pulver und die ballidistischen Anschauungen im XIV und XV Jahrhundert. «Zeitschrift für historische Waffenkunde», там же, т. I, стр. 164 и сл., а также т. IV, стр. 367.

Oscar Guttmann, Памятники огневого пороха (Monumenta pulveris pyrii), Лондон, 1906 г.

Karl Jakobs, Das Aufkommen der Feuerwaffen am Niederrheine bis zum Jahre 1400, Бонн, изд. Петера Ганштейна 1910 г.; превосходная книга, дающая гораздо больше того, что обещает заглавие.

Rudolf Schneider. В журнале «Zeitschrift für historische Waffenkunde», т. VI, вып. 3. Eine bysantinische Feuerwaffe и, как дополнение к предыдущей статье, изыскание Р. Форрера (R. Forrer, Archäologisches und Technisches zu der bysantinischen Feuerwaffe des codex Vatic. 1605 c. XI Jahrhundert) в IV выпуске того же журнала (1909 г.). Обе эти статьи содержат совершенно новый, неиспользованный Ромоцким, материал.

Ценный обзор, основанный на собственных исследованиях, дает M. Feldhaus, Rhumesblätter der Technik, Лейпциг, 1911 г.

За последнее время появился новый вклад с весьма ценными новыми выводами: Rathgen und Schäfer, Feuer- und Fernwaffen beim päpstlichen Heere im XIV Jahrhundert, выше цитированный журнал, т. VII, вып. I, 1915 г.

взрывчатым веществом, составленным из селитры, угля и серы, а состоит в основном из негашеной извести или как-нибудь иначе составленных зажигательных смесей. А теперь найден, опять-таки в византийских рукописях, рисунок, который надо отнести к X в. и который трудно истолковать иначе как изображение взрыва пороха; произведенные в связи с этим повторные исследования описаний греческого огня снова приводят нас к заключению, что наиболее удачным и естественным истолкованием его все же будет действие пороха[1]. Если это так, то мы здесь имеем старейшее исторически доказанное применение пороха. Тем не менее кое-какие данные говорят за то, что изобретение его имело место не здесь, а в Китае. Взрывчатое вещество — порох — получается, если в измельченном виде смешать приблизительно шесть частей селитры, одну часть угля и одну часть серы. Эта смесь представляет собой массу, подобную муке, очень быстро сгорающую, продукты горения которой в большей своей части газообразны и требуют для своего вмещения приблизительно в тысячу раз большее пространство, чем то, какое занимал порох. Следовательно, главная составная часть пороха — селитра. Но последнюю редко можно найти в естественном виде в наших старых культурных странах. Между тем в Монголии и в Китае, наоборот, она встречается весьма часто. Здесь, вероятно, давно уже обратили внимание на то, что наличие селитры усиливает процесс горения, и легко могли притти к изобретению пороха, подмешивая селитру к ранее известным зажигательным веществам. Далее, арабы называли селитру китайским снегом; а это также наводит на мысль, что правильное смешение трех составных частей пороха впервые открыто было в Китае и оттуда уже перешло к арабам и восточным римлянам.

В Китае также дошли до применения пороха для военных целей, но не ранее как в XIII в., — следовательно, значительно позднее, чем ввели его в употребление греки, и незадолго до появления на Западе первых рецептов изготовления пороха и огнестрельного оружия.

При обороне осажденного города Пиен-Кинг в 1232 г. пускали ракеты, метали железные ручные гранаты и закладывали мины. В 1259 г. пользовались порохом для того, чтобы метать из бамбуковых стволов зажигательные хлопья. Китайцы называли этот инструмент «пики неистового огня»; в современной пиротехнике это приспособление известно под названием «римской свечи». Такого рода процесс приближается уже к стрельбе, ибо в данном случае мы имеем трубку, из которой силой взрыва выбрасываются снаряды на расстояние около 100 футов. Но так как задача ограничивается лишь зажиганием воспламеняющихся предметов, то «пику неистового огня» еще нельзя назвать огнестрельным оружием, — а дальше этого китайцы в своем изобретении не пошли.

Первый дошедший до нас правильно составленный рецепт пороха, три составные части которого взяты в пропорции 6 : 1 : 1, находится в одной латинской рукописи, приписываемой некоему Марку Греку. Эту рукопись следует отнести к середине XIII века. Несомненно, это — латинский перевод греческого сочинения, трактующего о всевозможных пиротехнических устройствах. Прямо или косвенно из него почерпнуты и рецепты пороха, которые имеются в сочинениях Альберта Магнуса (умер в 1280 г.) и Роджера Бэкона (умер в 1204 г.).

---

[1] Шнейдер и Форрер — упомянутые выше статьи.

Однако, все, что содержат эти сочинения о применениях пороха, указывает на то, что тогда им еще не пользовались для стрельбы; это подтверждает и самое заглавие книги Марка Грека — «Liber ignium ad comburendos hostes»[1].

То же мы находим и в несколько более поздних арабских сочинениях в Испании — Гассана Альрама (около 1290 г.), Юсуфа и Шемаэддин-Магомета, содержащих рецепты пороха и указания способов пользования им, по которым силой пороха надо пользоваться для сжигания неприятеля, а не для стрельбы по нем. Особенно это относится к инструменту, называемому «мадфаа», который, как у китайцев, силой пороха метал в неприятеля зажигательные вещества (а не снаряд или пулю)[2].

Таким образом, секрет изготовления пороха проник в западные страны из Восточной Римской империи, благодаря переводу на латинский язык греческого сочинения. Самое название — «римская свеча», обозначавшее инструмент, который китайцы называли «пикой неистового огня», дает основание предполагать, что вместе с рецептом пороха из Восточной Римской империи к нам проникли и указания о способе применения этого нового вещества.

Мощное действие пороха алхимики объясняли жаром серы и холодом селитры, которые не могут вместе ужиться.

Заслуживает внимания, что мы находим у Альрама описание инструмента, который можно назвать хотя и первобытной, но, по существу, совершенно разработанной самодвижущейся торпедой[3].

Следовательно, фактически торпеда была изобретена ранее, чем орудие или ружье, и это может служить иллюстрацией того, насколько трудно было дойти до изобретения огнестрельного оружия, даже после того как уже имелся порох[4].

Первый с исторической достоверностью установленный случай применения огнестрельного оружия в европейских войнах имел место в 1331 г., в царствование императора Людовика Баварского на итальяно-немецкой границе в Фриоле, во время нападения на город Чивидале двух рыцарей, Крусперго и Шпилимбергo. В хронике значится: «ponentes vasa», что по-немецки означает Büchsen (ружья)[5] «versus civitatem» и «extrinseci balistabant cum sclopo versus Terram et nihil nocuit»[6]. Sclopus, или Sclopetum, по-итальянски Schippo (хлопающее, гремящее орудие, самопал), впоследствии означало ручное огнестрельное оружие в противоположность артиллерийскому орудию.

Через три года после боя под Чивидале хроника д'Эсте за 1334 г. сообщает, что маркграф (Ферарский) велел изготовить огромное количество различного рода орудий (praeparari fecit maximam quanti-

---

[1] Книга об огнях для опаления врагов.— *Ред.*

[2] Лучше и подробнее всех об этом говорит Ромоцкий в цитированном выше сочинении.

[3] Ромоцкий, в той же книге, стр. 31.

[4] Я считаю возможным совершенно не касаться в этой книге вопроса о том, известны ли были и в какой мере ружейный порох и огнестрельное оружие в древней Индии. По этому поводу отсылаю читателя к статье Gustave Oppeit, Zur Schiesspulverfrage im alten Indien в журнале «Mitteilungen zur Geschichte der Medizin und Naturwissenschaft», т. IV, стр. 421—437.

[5] Büchse означает по-немецки шкатулку (вместилище) и ружье; по-латыни — сосуды.— *Ред.*

[6] Стоявшие снаружи стреляли из самопала по направлению к городу и к земле, и это не причиняло никакого вреда.— *Ред.*

tatem balistarum, sclopetorum, spingardarum). Означали ли спингарды огнестрельное оружие того времени — установить нельзя, vasa же и sclopeta, несомненно, означали такой вид оружия.

Третье по времени свидетельство об огнестрельном оружии было лишь недавно обнаружено в счетах папского двора [1].

Из них мы узнаем, что в 1340 г. при осаде Терни папские войска применяли в виде опыта гремящие трубы (Aedificium de ferro quod vocatur «tromba marina», «tubarum marinarum seu bombardarum de ferro») [2], метавшие болты, а в 1350 г. во время осады замка Салуэроло — бомбарды, стрелявшие круглыми железными пулями весом около 300 *г*.

Таким образом, при первых же упоминаниях о новом оружии мы находим в хрониках различные обозначения его, из чего, повидимому, можно заключить, что уже тогда употреблялись разные виды его, а следовательно, самое изобретение следует отнести к несколько более раннему времени. Но так как ни Альберт Магнус, ни Роджер Бэкон, ни Альрама о нем еще ничего не знали,— то, очевидно, открытие это следует отнести, примерно, к 1300 г. или несколько позже.

Мы не имеем ни описания, ни изображения этого старейшего огнестрельного оружия. Правда, в одной роскошной английской рукописи [3], составленной приблизительно между 1325 и 1327 гг., имеется иллюстрация, несомненно долженствующая изображать заряжаемое порохом орудие, следовательно, несколько более раннее, чем то, которое применено было при осаде Чивидале. Сосуд, напоминающий своей формой большую пузатую бутыль, лежит на деревянной скамье; в горло бутыли воткнут чурбан, к которому прикреплена тяжелая стрела; человек, стоящий на почтительном расстоянии, подносит фитиль к затравке, которая виднеется на бутыли; инструмент направлен на запертые ворота замка. Как ни интересна эта картинка, все же нельзя допустить, что она изображает действительно применявшееся когда-либо огнестрельное оружие. Если бы бутыль была заряжена количеством пороха, соответствующим тяжести вложенного в качестве снаряда чурбана и стрелы на нем, или даже прочности подлежащих разрушению ворот, а сама бутыль сделана из соответственно прочного металла, то отдача разнесла бы вдребезги не только легкую деревянную скамью, на которой покоится бутыль, но не уцелел бы и сам

[1] Ратген и Шеффер — упомянутые выше статьи.

[2] «Железное орудие, называемое морской трубой»; «морских труб или железных бомбард».— *Ред.*

[3] Рукопись эта называется «De officiis regum» («О королевских службах»); она составлена Вальтером де-Мильметом и может быть отнесена или к 1325 г., или к началу царствования Эдуарда III, т. е. вскоре после 1327 г. Самая рукопись хранится в Оксфорде, рисунок у Гуттмана (фиг. 69) воспроизведен в «Журнале исторического оружеведения» («Zeitschrift f. historische Waffenkunde») и крайне неотчетливо у Фельдгауза, стр. 100. Я показывал оттиск, сделанный у Гуттмана, своему коллеге Танглю, и он мне сказал, что по почерку решительно ничего нельзя заключить; рукопись может быть наверное отнесена к XIV в., но написана она теми роскошными каллиграфическими письменами, которые не носят никакого индивидуального характера, а потому более точной датировке не поддаются. Если же рукопись, действительно, составлена в указанные годы (1325—1327), то, несомненно, и рисунок должен быть отнесен к тому же времени. То, что снаряд с наконечником стрелы направлен на ворота замка, можно объяснить тем, что в данном случае мы имеем дело с чисто декоративной композицией, причем вовсе не имелось в виду изобразить попытку разбить массивные ворота. Стрельба болтами, а не шарами, действительно практиковалась.

стрелок, как бы предусмотрительно он ни держался на известном расстоянии. Поэтому нельзя не предположить, что сам художник никогда не видал такого орудия, а лишь слыхал об удивительном новом изобретении и сконструировал свой рисунок по неясным описаниям. Как бы то ни было, рисунок представляет интересное свидетельство того, что и в ученых кругах говорили о применении силы пороха, с которой тогда ознакомились в западных странах. Однако, истинный вид старейших орудий следует восстановить не по этому рисунку, а по позднейшим реалистическим изображениям [1] и сохранившимся реликвиям.

Из них можно с несомненностью заключить, что древнейшее огнестрельное оружие было весьма небольшим и чрезвычайно коротким. Очень рано появляются две основные формы: одна — в которой к стволу прикреплен довольно длинный стержень, предназначенный для того, чтобы стрелок держал его подмышкой или упирал в землю; другая — несколько более крупного калибра, где ствол прикреплен к балке, положенной на землю или вкопанной задним концом в землю.

Трудно сказать, какая из этих двух известных нам древнейших форм является первичной, но вполне возможно поставить обе в прямую связь с предыдущим применением пороха, как огня, для военных целей. Стержень, прикрепленный к стволу, напоминает стержень, который мы видим у мадфаа; а как на прототип более крупного калибра, можно предположительно указать на византийское военное орудие, изображение которого можно проследить до середины X в. Этот инструмент размером и формой напоминает большую пивную кружку с ручкой и затравкой наверху; из него должны были пускать в лицо противнику струю огня в ту минуту, когда его атаковали. И здесь, правда, можно сомневаться, имеем ли мы дело с оружием, когда-либо действительно применявшимся на практике, или же опять с фантастически измышленным сооружением. В самом деле, так как огненная струя бьет на расстояние не более 1 *м*, то и вооруженный этим инструментом подвергается также опасности, что его противник со своим холодным оружием — мечом или копьем — доберется до него раньше, чем он успеет дохнуть на него своим огнем, который к тому же в лучшем случае может внушить страх, но значительного вреда причинить не может [2].

Особенно затрудняло применение пороха то обстоятельство, что в селитре нередко бывает примесь других солей или же пыли. Такое засорение ее притягивает влагу, отчего порох, вскоре после его изготовления, становится негодным. Производство пригодного пороха требует знания действительного способа очистки или кристаллизации селитры, чего добивались уже в XIII в., но окончательно достигли лишь постепенно в дальнейшем.

Как выше было показано, изобретение пороха еще не было равнозначно изобретению огнестрельного оружия, т. е., выражаясь обще-

---

[1] Наибольшее значение имеют два таких изображения в церкви упраздненного монастыря св. Леонардо в Летчетто, близ Сиены, на которых изображена осада с пушкой и ручным самопалом (Гуттман в цитированном сочинении, стр. 28). Согласно приходо-расходной книге, мастеру Павлу за них заплачено 16 ливров 12 грошей в июне 1343 г. Профессор Тангль пояснил мне, однако, что запись в книге сделана значительно позднее.

[2] Ср. цитированные статьи Шнейдера и Форрера.

принятым языком, превращению взрывчатой силы пороха в силу ударную. Много столетий прошло с тех пор, как порох стал известен; его даже в военном деле применяли раньше, чем появилось огнестрельное оружие. Каким же образом оно, наконец, было изобретено? В Византии существовала огнеметная кружка с затравкой, а у арабов в Испании — мадфаа; для того чтобы перейти от этих инструментов к огнестрельному оружию, недостаточно было наложить на заряд пороха металлический или каменный шар. Старейший вид пороха, подобный муке (пороховая мякоть.— Ред.), загорается не сразу всей своей массой, но для воспламенения его требуется несколько мгновений. Следовательно, снаряд, просто положенный на заряд пороха, не был бы выброшен полной силой взрыва, а медленно выкатился бы из орудия, а главная сила взрыва развилась бы в стволе лишь вслед за тем. Поэтому сущность изобретения, ведущего от пороха к стрельбе, заключается в изобретении способа заряжания. Снаряд должен быть так плотно вдвинут в ствол, или, еще лучше, между снарядом и порохом должен быть помещен пыж, который так плотно закупоривал бы ствол, чтобы и пыж и снаряд могли быть выброшены из ствола лишь тогда, когда весь заряд пороха воспламенится и разовьет полную силу взрыва. Наибольший эффект получался тогда, когда между зарядом пороха и пыжом еще оставалось пустое пространство. Накопление силы, достигаемое посредством пыжа, создает и сильный грохот. А так как еще у византийцев упоминается о громе, производимом их греческим огнем, то надо полагать, что они уже давно открыли способ накладывать пыж на заряд пороха[1].

Но и отсюда до огнестрельного оружия, обладающего пробивным действием, еще большое расстояние. Ведь сила взрыва действует не только вперед — на снаряд, но и во все стороны. Поэтому ствол должен был быть очень крепким и тяжелым, а следовательно, его нельзя было держать непосредственно одной рукой, но, как было сказано выше, приходилось его прикреплять либо к стержню, дававшему возможность стрелку противодействовать отдаче силою всего своего тела, либо, если калибр и, соответственно, заряд были слишком велики,— прикреплять его каким-нибудь способом к земле. Поэтому ни византийская огневая кружка, ни арабская мадфаа не могли быть непосредственными предшественниками огнестрельного оружия — если вообще между ними существует какая-либо преемственность. По скудости источников здесь еще открыт широкий простор воображению. Возможно, например, что византийскую огневую кружку превратили в огнестрельное оружие тем, что вместо того, чтобы держать ее в руках, ее прочно устанавливали на землю, забивая в нее пыж, и что из нее опять-таки сделали огнестрельное оружие, взяв за образец внешнюю форму мадфаа со стержнем. За эту гипотезу, до некоторой степени, говорит и то, что впервые с огнестрельным оружием мы встречаемся в Италии, которая поддерживала отношения как с Византией, так и с Испанией.

Где и кем было сконструировано первое огнестрельное оружие — покрыто мраком неизвестности; можно лишь приблизительно устано-

[1] Правда, Ратген и Шеффер отмечают, что в счетах папского двора мы не встречаем записей расходов на дерево для таких пыжей, хотя они во всем остальном отличаются чрезвычайной точностью; но ведь их можно было изготовлять и на месте.

вить, что это произошло около 1300 г.; местом этого изобретения надлежит считать Верхнюю Италию; затем можно утвердительно сказать, что для изобретения огнестрельного оружия требовалось не только наличие пороха, но и уменье очищать селитру, прочный ствол с затравкой, заряжание пыжом и устройство ложи.

Несколькими годами позднее, чем в Италии, появились первые известия о гремящих самопалах во Франции (в 1339 г.), в Англии (в 1338 г.)[1] и в Испании (в 1342 г.); спустя еще несколько лет мы встречаем сведения о них и в Германии: ранее всего в счетах города Аахена (в1346 г.), в Девентере (в 1348 г.), в Арнгейме (в 1354 г.), в Голландии (в 1355 г.), в Нюрнберге (в 1356 г.), в Везеде (в 1361 г.), в Эрфурте (в 1362 г.), в Кельне (в 1370 г.), в Мейссене[2] (приблизительно в 1370 г.), в Трире (в 1373 г.). Древнейшее упоминание о самопале в Швейцарии исходит из Базеля (в 1371 г.): пушкарское дело пришло «из-за Рейна»[3].

Первые военачальники, о которых источники гласят, что они применяли на войне огнестрельное оружие, были, как выше сказано, рыцари фон-Крейцберг и Шпангенберг (1331 г.)[4]; хотя оба они были немцами, однако, сравнительно позднее появление нового оружия в Германии опровергает легенду, будто бы изобретение его принадлежит Германии. Не удалось также установить факта какого-либо существенного усовершенствования, которое дало бы повод к созданию такой легенды[5].

Как мала была дальность действия старейшего огнестрельного оружия, усматривается из инструкции относительно пользования им. Замок Биуль рыцаря Гуго де Кондильяка был вооружен в 1347 г. 22 самопалами; каждые два самопала обслуживались одним человеком; повидимому, они не были рассчитаны на повторное заряжание их во время боя. Стрелок должен был лишь последовательно выстрелить из них. Но сперва полагалось стрелять из больших арбалетов, затем пускались в ход пращи и под конец стреляли из самопалов, которые, следовательно, били на наименьшее расстояние[6].

Сведения о применении впервые орудий якобы в сражении при Креси (1346 г.) представляют собою вымысел. По Фруассару, гентцы в сражении с брюггенцами пользовались 200 «рибодекенами», неясно описанными, вроде каких-то тележек с небольшими пушками, из которых спереди торчала пика[7]. Вопрос — какова была сила их действия — остается открытым.

---

[1] Согласно Clephan, A sketch of the history and evolution of the handgun (юбилейное издание Тирбаха, стр. 35 и 40). В Англии впервые упоминаются порох и различного рода орудия в 1338 г. в одном контракте на поставку.

[2] Относительно Мейссена ср. ст. Бармана в юбилейном издании Тирбаха, стр. 67, согласно которому защитник Зальцдергельдена уже за несколько лет перед тем с успехом применял свинцовый самопал.

[3] Dr. J. Häne, Ueber älteste Geschütze in der Schweiz, mit einer Urkunde vom Jahre 1391, Цюрих. Anzeiger für Schweizer. Altertumskunde. Новая серия, т. II, стр. 215—222, 1900 г.

[4] Эти немецкие фамилии были приведены выше в искажении их итальянской хроникой. — *Ред.*

[5] Jacobs, стр. 136.

[6] Favé, т. III, стр. 80 и сл., по Кёллеру.

[7] Рибодекены первоначально представляли большие арбалеты, которые размещались на валах. В XV в. этим именем нередко обозначают огнестрельные орудия. Главнейшие места, упоминающие о них, цитируются и перепечатаны у Köller в его книге Kriegsverfassung der Ritterzeit, т. III, стр. 178, 279, 315.

Чтобы иметь годный к употреблению порох, надо было, как мы уже видели, прежде всего позаботиться об очистке селитры. В этом деле постепенно совершенствовались, причем научились отличать хорошую селитру от плохой. Решающее же значение имело то, что научились изготовлять зернистый порох. Порох увлажняли и делали из него небольшие катышки, которые затем снова сушили. Это давало то преимущество, что, благодаря небольшим промежуткам между отдельными катышками, воспламенение происходило гораздо быстрее. Кроме того, при перевозке пороха в виде мякоти нередко случалось, что от тряски отдельные его составные элементы частично вновь разъединялись, тогда как в катышках их соединение было прочнее. От катышков перешли к изготовлению зернистого пороха, получая его пропусканием влажной пороховой кашицы через сито. Улучшением качества пороха путем зернения его надлежит, вероятно, объяснить исчезновение промежутка между пыжом и снарядом, а начиная с XV в., снаряд с пыжом или без него накладывался непосредственно на порох [1].

К этому времени как раз относятся поиски наилучшей пропорции смеси. В Германии в XIX в. наилучшей считалась смесь из 74 частей селитры, 10 частей серы и 16 частей угля (или также 74 : 12 : 13).

В XV в. мы встречаем подобные же рецепты. Но наряду с ними — и другие, с гораздо меньшим содержанием селитры; это опять-таки объясняется тем, что за слишком сильным порохом не гнались из-за слабости орудий, которые в случае разрыва представляли серьезную опасность для прислуги.

При несовершенной очистке селитры трудно было правильно судить об эффективности того или другого состава пороха, а кроме того, и действие пороха было не одинаково.

Первое литературное упоминание о новом оружии мы находим в произведении Петрарки, озаглавленном: «De remediis utriusque fortunae» («О средствах против превратностей судьбы»), которое он посвятил своему другу Аццо да-Корреджио, но закончил лишь после смерти последнего. После того как Аццо продал д'Эсте свой город Парму, он перенес много горя: болезнь, изгнание, смерть близких, измену друзей, а потому сочинение Петрарки ищет источников утешения в несчастьях этого мира. В диалоге один из собеседников хвалится своими машинами и балистами; его спрашивают с насмешкой, не обладает ли он и теми инструментами, которые с громом и пламенем извергают медные жолуди; еще недавно эта напасть представляла такую редкость, что на нее глядели с величайшим изумлением, но теперь она так же распространена, как всякое другое оружие.

Келлер, Иэнс, Фельдгаус и др. относят это сочинение Петрарки к 1340—1347 гг. Будь это так, пришлось бы признать, что Италия

---

[1] О том, как изготовлялся порох катышками и что он действеннее, чем пороховая мякоть, мы находим сведения в одном из списков книги об огневом деле (Feuerwerksbuch, 1429 г.). Кёстер (стр. 836) и Иэнс (стр. 401) видят в этом катышковом порохе еще не зернистый порох, а лишь переходную к нему ступень. Ромоцкий (стр. 182) и Клефан (стр. 36) называют его просто зернистым. Клефан добавляет, что, тем не менее, пороховая мякоть еще долго употреблялась и что лишь в начале XVI в. вошел в общее употребление порох зернистый. Как на причину этого, он, а также и Кёллер (т. III, стр. 255) указывают, что взрыв зернистого пороха был настолько силен, что его не выдерживали слабые орудия. Это объяснение я не нахожу вполне убедительным, ибо ничто не мешало брать на заряд соответственно меньшее количество зернистого пороха.

в отношении применения огнестрельного оружия опередила прочие страны еще гораздо больше, чем то можно заключить из других данных. Фактически, однако, сочинение это было закончено лишь в 1366 г.[1], когда огнестрельное оружие уже достаточно было распространено во всей Европе. Следовательно, рассуждения Петрарки не могут служить свидетельством об успехах, достигнутых огнестрельным оружием; тем не менее некоторые обороты речи у него заслуживают внимания, и нам не бесполезно будет ознакомиться целиком с этим местом. Приводим подлинный текст[2]:

«Mirum, nisi et glandes aeneas, quae flammis injectis horrisono tonitru iaciuntur. Non erat satis de coelo tonantis ira Dei immortalis, nisi homuncio (O crudelitas juncta superbiae) de terra etiam tonuisset: non imitabile fulmen (ut Maro ait) humana rabies imitata est, quod e nubibus mitti solet, ligneo quidem, sed tartareo mittitur instrumento, quod ab Archimede inventum quidam putant... Erat haec pestis nuper rara, ut cum ingenti miraculo cerneretur; nunc ut rerum pessimarum dociles sunt animi; ita communis est, ut unum quodlibet genus armorum»[3].

Изобретение огнестрельного оружия имело место, вероятно, около 1304 г.— времени рождения Петрарки — или когда он подрос, однако, об изобретателе он ничего не знает и приписывает изобретение Архимеду. Из этого мы можем заключить, что уже тогда имя изобретателя не было известно. Далее Петрарка называет этот инструмент «хотя и деревянным, но адским». Трудно понять, в каком смысле это сказано. Деревянным было только ложе, которое с его длинным массивным стержнем было, пожалуй, более громоздким, чем короткий железный ствол; однако, на него нельзя было смотреть как на существенную часть инструмента. Мы стоим перед дилеммой: либо предположить, что Петрарка не видал нового оружия и не имел о нем правильного представления, либо сказать, что он, будучи соблазнен антитезой: «деревянный» и «адский», охарактеризовал его столь несоответствующим образом[4].

---

[1] G. Körting (Petrarka's Leben und Werke, стр. 542) говорит, что поэт работал над этим сочинением долгие годы и закончил его лишь в старости — по заслуживающему доверия преданию — 4 октября 1366 г. Аццо умер в 1362 г. Эта дата признается и Карлом Фёрстером в его книге «Полное собрание канцон Петрарки» (перевод, 2-е изд., стр. XI). Сведения эти исходят от Бальделли (Del Petrarka e delle sue opere. Флоренция, 1797 г., изд. 2, Фиезоле, 1837 г.). Blanc у Эрша и Грубера (III, 19, стр. 237) сообщает, что Петрарка начал писать это произведение в 1358 г. и закончил его в 1360 или в начале 1361 г.; будучи послом во Франции, он будто поднес свое произведение дофину или французскому королю Карлу V, последний же велел перевести его на французский язык. При этом, в подтверждение сказанного, Блан ссылается также на Бальделли, который, однако, в своем 2-м издании называет 1366 г. датой окончания сочинения.

[2] Изд. Genevae apud Jacobum Stoer, 1645, стр. 302.

[3] «Что может быть удивительнее медных жолудей, которые выбрасываются пламенным потоком с страшно звучащим громом! Недостаточно оказалось гнева бессмертного бога, гремящего с неба, и вот ничтожный человек (о, жестокость, соединенная с гордыней!) даже с земли загремел; не неподражаемой молнии (как говорит Виргилий), а человеческому неистовству подражает то, что обычно посылалось из облаков, ныне же некто посылает из деревянного, но адского инструмента, который, как некоторые полагают, был изобретен Архимедом... Прежде эта напасть была редкостью, так что на нее смотрели как на чудо; ныне же, когда души покорны худшим влечениям, она сделалась такой же обычной, как всякое иное оружие».— *Ред.*

[4] Иэнс усматривает в «деревянном» косвенное свидетельство о происхождении от мадфаа. Для меня это не убедительно.

Третье заслуживающее внимания выражение Петрарки — это «адский». Этим как бы задается тон, который звучит далее через целые столетия, которым говорят Ариост и Лютер, осуждая жестокие орудия войны, и который слышится и доныне в речах пацифистов, сетующих на изобретение все новых смертоносных машин.

В наши дни в изобретении пороха видят один из важнейших технических успехов, достигнутых человечеством, и даже тот, кто признает неверным и отвергает взгляд, что огнестрельное оружие победило рыцарство и феодализм — не может не отвести последующему развитию техники огнестрельного оружия существенной роли в развитии человечества; мы приобрели в силе пороха и примыкающих к нему в новейшее время взрывчатых веществ власть над природой и варварством, которая исключает возможность повторения такого разгрома, какому античный мир подвергся во время переселения народов. Однако, современники мыслили об этом иначе.

В 1467 г. флорентийские изгнанники сражались недалеко от Имолы под предводительством Коллеони против флорентийцев, войсками которых командовал Федериго Урбинский. Ввиду того что Коллеони пустил в ход полевые орудия в необычном количестве, Федериго запретил давать пощаду неприятелю.

Паоло Вителли, который сам пользовался тяжелыми орудиями, велел отрубить руки и выколоть глаза пленным аркебузирам, ибо, как говорит Иовиус, не пристало благородным рыцарям погибнуть неотмщенными от руки худородных пехотинцев [1].

В том же смысле высказывается и Фрэнсбергер: «Так не понадобится больше ни настоящего человека, ни храбрости, раз всевозможная хитрость, обман, предательство вместе с этими омерзительными орудиями получили такой перевес, что ни фехтованием, ни борьбой и дракой, ни оружием, ни вооружением, ни силой, ни искусством или храбростью ничего сделать нельзя. Ибо часто случается, что храбрый герой бывает убит из пушки никуда не годным, отовсюду выгнанным малым, который не посмел бы в другое время с ним заговорить или даже взглянуть на него».

И Лютер объявил самопал и пушку творением дьявола и ада. Примерно того же взгляда держался и Себастиан Мюнстер. Фуггер, наоборот, говорит, что огнестрельное оружие подобно воде и огню, которые могут быть и полезны и вредны.

Нередко встречаются сообщения, что плённых мастеров, изготовлявших огнестрельное оружие, сажали в жерла их собственных пушек и выстреливали ими.

КРУПНЫЕ ОРУДИЯ

Хотя вполне достоверно, что вначале огнестрельное оружие было весьма небольших размеров [2], однако, диференциация началась довольно скоро; наряду с небольшими ручными самопалами — предшественниками ружей — стали изготовляться и более крупные орудия — предшественники пушек; последние стали очень быстро увеличиваться в размере. Около 1370 г., опять-таки впервые на романской почве, начали сооружать гигантские бомбарды, предназначенные для пробивания брешей в стенах при помощи огромных каменных ядер.

[1] Jovius, Elogia virorum bellica virtute illustrium, Базель. 1575 г., стр. 184. Также Guiciardini, Historia d'Italia, т. IV, Венеция. 1562 г., стр. 100.

[2] Jacobs, стр. 53.

Для этого недостаточно было просто увеличить размеры орудия, ибо при стволе диаметром в полметра нельзя было достигнуть столь необходимой, как мы видели, закупорки заряда пороха. Поэтому разделили орудие на две части: камору для пороха с небольшим диаметром, которая прочно забивалась и закупоривалась чурбаном из мягкого дерева, и переднюю часть (Vorhaus) или ствол (Flud), в котором помещалось исполинское ядро, по возможности, закреплявшееся паклей и глиной. Колоссальный размер каменных ядер обусловливался самым материалом их; они должны были действовать своей тяжестью, даже если им давалась умеренная начальная скорость; ядрам меньшего размера пришлось бы придавать бо́льшую скорость — но в таком случае они легко сами разбивались бы вдребезги при ударе о стены, которые они должны были разрушить.

Камора представляла собой отдельную от ствола часть и соединялась с ним лишь для выстрела; пригонка их друг к другу производилась или при помощи лафета, или каким-либо затвором; такую камору легче было заряжать, а орудие — перевозить; к тому же можно было заготовить несколько камор на один ствол и тем достигнуть ускорения стрельбы. Однако, такие орудия нельзя еще считать заряжавшимися с казны.

В старейших орудиях этого рода для каменных снарядов передняя часть еще так коротка, что ядро только-только в него входило и даже, пожалуй, несколько выступало из него вперед. Лишь постепенно стали понимать, какие преимущества доставляет длинный ствол, и, сообразно с этим, его стали удлинять.

Когда такое орудие ставилось перед стенами города или замка, то для ограждения его и его прислуги от выстрелов осажденных перед орудием сооружался деревянный щит с амбразурой, замыкавшейся ставней.

В 1388 г. город Нюрнберг отправил свое большое орудие, «Кримгильду», для разрушения одного замка; она весила приблизительно 56 *ц*[1], стреляла ядрами весом 5½ *ц* и перевозилась 12 лошадьми. В лафет — «люльку» (Die Wiege) орудия впряжено было 16 лошадей. Вместе с пушкой везли и щит на трех пароконных телегах. Четыре телеги, запряженные четверкой каждая, были нагружены 11 каменными ядрами. Для перевозки прочих принадлежностей — подъемных приспособлений, лопат, веревок, багажа пушечного мастера — потребовались еще две четырехконных подводы. Орудийный расчет из 8 человек в панцырях и железных шлемах ехал на подводе. Пушечный мастер Грунвальд ехал верхом. Поразительно малым может показаться запас пороха, который повезли для этого чудовищного орудия, — не более 1½ *ц*. Но так как предполагалось сделать не больше 11 выстрелов, то этого было достаточно — по 14 фунт. на выстрел. Для того чтобы выпустить эти 11 снарядов, наверно потребовалось несколько дней.

Сохранившаяся до настоящего времени в Вене большая бомбарда — более 2½ *м* длины; ее каменное ядро, 80 *см* в диаметре, весит около 12 *ц*. Вес бомбарды значительно превышает 200 *ц*; сооружена была она, вероятно, между 1430 и 1440 гг.

Еще больше было орудие города Франкфурта, примененное в 1399 г. для бомбардировки замка Танненберга в Гессене.

---

[1] Около 3½ *т.* — *Ред.*

Стволы древнейших пушек изготовлялись преимущественно из железа, которое выковывалось вокруг шипа; но уже в XIV в. отливка из бронзы взяла верх. Старались достигнуть достаточной прочности при не слишком большом весе, для чего стенки ствола суживались к дулу. Внутренней поверхности ствола придавали возможную гладкость и правильность при помощи последующего сверления и выглаживания напилком. Однако, в конце XV в. еще не могли добиться вполне цилиндрической формы ствола [1].

С ростом калибра орудий особенное значение получала задача — дать им прочную установку, парализовать отдачу и сделать их легко подвижными при перевозке и наводке. За одной попыткой следовала другая, за каждым изобретением — новое, до тех пор, пока не выработали тип пригодного во всех отношениях лафета. Уже лафеты Карла Смелого пользовались большой славой, но балансирующие цапфы появились лишь к моменту похода Карла VII в Италию в 1494 г., а шайбы для цапф, устранившие зазор в гнездах для цапф, мы встречаем лишь в орудиях Максимилиана. Вплоть до XVIII в. еще не всюду умели придавать цапфам надлежащую форму, необходимую для правильной и надежной установки ствола на лафете [2]. Еще в 1540 г. инженер Биринґучио жаловался на то, что лафеты построены так неуклюже, что едва удается передвигать орудия и это замедляет движение войск.

Из крупных орудий стреляли не только ядрами, но и кучей небольших пуль и щебнем,— прообраз картечи, а к концу XV в. появились и бомбы [3].

Но важнейшим усовершенствованием, которое надлежало сделать, было изготовление пригодного снаряда. Каменные ядра были недостаточно прочны, крестообразно надетые на них железные обручи, конечно, помогали мало. Но вот в XV в. стало развиваться литье чугуна благодаря использованию водяной силы, которая давала возможность устроить мехи достаточной мощности, чтобы довести железо до жидкого состояния. Говорят, что применение силы падения воды, которую лишь тогда человечество научилось использовать, имело для развития техники не меньшее значение, чем 300 лет спустя сила пара. Литье чугуна дало чугунное пушечное ядро. Когда именно они впервые были применены, остается невыясненным; достоверно известно лишь то, что ими пользовались французы во время их первого итальянского похода в 1494 г., особенно быстро разнося при их помощи в прах стены неприятельских городов [4].

---

[1] Наполеон III, Etudes, стр. 66.

[2] Baarmann, Die Entwicklung der Geschützlafette bis zum Beginn des XVI Jahrhunderts und ihrer Beziehungen zu der des Gewehrschaftes. Юбилейное издание Тирбаха, стр. 54. Весьма ценное исследование. Однако, я не могу согласиться с уклончивыми предположениями Эссенвейна и Гольке (Essenwein u. Gohlke, Geschichte der Feuerwaffen). Еще Ф. Гревениц в своей книге Gattamelata und Kolleoni und ihre Beziehungen zur Kunst, Лейпциг 1906 г., стр. 96) сообщает, что Коллеони поставил свои орудия на лафеты, которые можно было перевозить, и сделался, таким образом, творцом полевой артиллерии в Италии.

[3] Robertus Valturius, De re militari. Верона, 1482. В X части этой книги помещен ряд изображений орудий; между прочим, есть и изображение бомб с горящим трутом; впрочем, изображения эти—в значительной мере фантастические.

[4] Во время своего быстрого марша из Рима в Неаполь в 1495 г. Карл VIII обстрелял город Монте-Фортино так, что его можно было взять штурмом (Rilorgerie, Campagne de 1494—1495, стр. 174). То же повторяется и при Монтеди-

Так как чугунные ядра не должны были быть особенно крупного калибра, то французы без труда могли перевозить с собою свои осадные орудия и в короткое время брать город за городом. Таким образом, лишь в это время, через пять поколений после первого появления огнестрельного оружия, благодаря подсобному открытию — отливке чугунных ядер, мы видим действительно пригодные орудия [1].

Пушкарного дела мастера составляли своего рода цех и смотрели на свое искусство как на профессиональную тайну, передававшуюся либо по наследству в семье, либо через учеников. Поэтому, когда около 1420 г.,— следовательно, приблизительно через 100 лет после нового изобретения, — неизвестный мастер написал «Книгу огневого дела», содержавшую изложение всей техники изготовления пороха, отливки орудий, заряжания их, наводки и стрельбы из них, — эта книга распространилась в большом количестве списков и была переведена на французский язык; однако, хранилась она в такой тайне, что лишь в 1529 г. была напечатана. Более полутора столетий эта книга в дополненных, по мере совершенствования этого искусства, копиях оставалась основным руководством для артиллеристов, и, пожалуй, ее славой можно объяснить распространение легенды, будто бы порох был изобретен в Германии.

Охрана артиллерии почиталась в рассматриваемое нами время за особо почетную службу, но на самих артиллеристов еще смотрели не как на солдат, а как на техников [2].

Сан-Джиованни (стр. 174). «Четыре часа бомбардировки, — свидетельствует в своем письме в самый день штурма Карл VIII (9.II.95), — за это время пробита была изрядная брешь (там же, стр. 176). Монте-Фортино Карл VIII обозначает в своем письме от 11.II как «один из городов, славившихся в этой местности своею крепостью». Атаковал он этот город после полудня; не прошло и часа после первого выстрела, как штурм уже увенчался успехом (там же, стр. 177—178).

В письме высокопоставленного военного из Неаполя от февраля 1495 г. мы читаем: «Артиллерия наша немногочисленна, зато мы нашли в этом городе обильные запасы пороха, но у нас нехватает чугунных ядер, ибо здесь у них есть только каменные» (там же, стр. 197). В присутствии короля стреляют лучше: «Сегодня король пошел обедать с артиллерией, и пушкари так быстро работали, что в короткое время своим огнем разрушили башню» (там же, стр. 211, 13/III, 1495).

[1] Beck, Geschichte des Eisens (I, 906). Бек говорит, что чугунные ядра представляют первые образцы литья чугуна и восходят к более раннему времени, чем 1470 г., когда, как передают, Людовик XI купил секрет их отливки у немецкого еврея. На стр. 915 он даже указывает начало XV в. Но в этом он, повидимому, ошибается. Там, где раньше упоминаются железные ядра, речь, вероятно, идет о кованых ядрах, как то признает и Бек, а появившиеся в конце XV в. литые ядра рассматривались как новинка. Иэнс (I, 427) цитирует анонимную военную книгу 1450 г., в которой говорится, что каменные ядра имеют то преимущество перед железными или свинцовыми, что они дешевле. Однако, высокая цена не могла иметь решающего значения, ибо хотя каменное ядро и было гораздо дешевле, зато тем дороже обходились изготовление, перевозка и обслуживание орудия. Рукописное руководство по огнестрельному делу, которое Иэнс (II, 405) относит к 1545 г., рекомендует покрывать железные ядра слоем свинца; это, конечно, может касаться лишь кованых ядер, которым этим способом придавали необходимую ровную, округленную поверхность, достигнуть которой путем ковки не так легко. Это может служить косвенным указанием на то, что плавить железо тогда еще не умели. Нюрнбергский инвентарь 1462 г., упоминаемый Иэнсом (I, 472), не называет железных ядер.

[2] Liebe. Die sociale Wertung der Artillerie. «Zeitschrift für historische Waffenkunde». II, стр. 146.

Де-ля-Ну (1568 г.) называет покровителем этого цеха св. Антония[1], впоследствии же место его заняла св. Варвара, которую призывали во время грозы.

Трудно сказать, как велика была сила действия старейших осадных орудий, т. е. больших, заряжавшихся каменными ядрами пушек, в последних десятилетиях XIV и в начале XV в. В 1388 г. архиепископ Фридрих Кельнский осаждал город Дортмунд и довел силу огня до того, что в один день выпустил 33 снаряда, а за 14 дней всего выпустил их 283. Передают, что посредством бомбардировки были взяты Блаубейрен в 1390 г. и замок Элькерсгаузен в 1395 г. Аппенцельцы, восставшие в 1401 г. против своего господина, Сен-Галленского аббата, осадили замок Кланкс и, как говорят, взяли его, наконец, с помощью артиллерии, подвезенной гражданами Сен-Галлена.

Когда в 1414 г. Фридрих Бранденбургский выступил в поход вместе со своими союзниками против фон-Квицовов, последние уже успели тоже обзавестись орудиями. Фридрих, согласно данным его завещания, велел отлить для себя пушки из колоколов Мариинской церкви в Берлине; однако, вопрос о том, сделал ли он это для вышеупомянутой экспедиции или же позднее — для войны с гусситами, остается открытым[2].

Он занял у ландграфа Тюрингенского его исполинскую пушку, которую легенда именует «ленивой Гретой». Это орудие было пущено в дело лишь против замка Фризака под Ратенау, а затем — против замка Плауэ под Бранденбургом: первый защищался Дитрихом, а второй — Гансом фон-Квицовом; однако, оба бежали раньше, чем дело дошло до крайности, после чего оба замка капитулировали. Нельзя предполагать, чтобы орудие при этом сыграло решающую роль, ибо для взятия замков во всяком случае достаточно было превосходства сил бургграфа, который действовал совместно со своими союзниками — архиепископом Магдебургским и герцогом Саксонским. Уже в 1437 г. курфюрст в своем артиллерийском парке имел, кроме пушек, и баллисты.

В 1422 г. гусситы за 5 месяцев выпустили против богемской крепости Карльштейн около 11 000 снарядов и все же были вынуждены уйти, не добившись своей цели.

В 1428 г. англичане, бомбардируя Орлеан каменными ядрами, весом от 120 до 164 фунт., не повредили стен; были разрушены только отдельные здания внутри города, а раненых и убитых не оказалось и 50 человек.

В 1453 г. турки взяли Константинополь штурмом; при этом они пользовались техническими средствами, бывшими в ходу еще до изобретения огнестрельного оружия. Артиллерия нисколько не способствовала их успеху, хотя по городу и стреляла исполинская пушка каменными ядрами, весом в 1 200 фунтов[3].

Рудольф Шнейдер установил, что система орудия, которым в древности достигали наибольшего действия, была утрачена во время вели-

---

[1] De-la-Noue, Discours «Observations Militaires», изд. 1857 г., стр. 755.

[2] Sello, Der Feldzug Burggraf Friedrichs im Februar, 1414 г. «Zeitschrift für Preussische Geschichte», 1882 г., т. 19, стр. 101.

[3] Три последних примера заимствованы из статьи Шнейдера, помещенной в журнале «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 1909 г., стр. 139. Однако, другие изображают действие гигантской турецкой пушки против Константинополя как весьма мощное. Ср. Эссенвейн, стр. 34, и Якобс, стр. 128 и сл.

кого переселения народов [1]. Это орудие было построено на силе скручивания, т. е. натяжения скрученных жил и волос животных. Эта сила очень велика, но конструкция орудия, действовавшего при его помощи, чрезвычайно сложна, и когда варварство охватило военное дело, уже утратилась способность применять эту технику. Средневековье знало лишь арбалеты увеличенного размера и приводимые в действие рычагом орудия — баллисты. Шнейдер считает возможным утверждать, что если бы сохранились орудия, действующие на началах скручивания, то огнестрельные орудия, действующие порохом, никогда не появились бы, ибо ранние типы огнестрельных орудий, вплоть до 1600 г., не могли бы по силе действия состязаться с первыми.

Как ни логичен кажется такой ход мышления, он все же был недавно опровергнут открытием того факта, что одновременно с изобретением огнестрельных орудий вновь были изобретены и пущены в дело античные орудия, действовавшие на началах скручивания. Такое орудие применялось в 1324 г. во время обороны Меца, а в 1346 и позднее Иоганн Гюи из Меца строил такие орудия [2] за чрезвычайно высокую плату для папы в Авиньоне.

Как странно, однако, может заблуждаться дух изобретателя! Иоганн Гюи или его учитель из Меца, изучавший древних писателей, почерпнувший у них идею своей машины и воссоздавший ее, был несомненно гениальным человеком: он вновь изобрел орудие, которое, конечно, значительно превосходило существовавшие в то время огнестрельные орудия. Но в то время как последние носили в себе зачатки будущего развития, первое безусловно этого не имело. Иоганн Гюи достиг бы практически гораздо большего, если бы сумел научить своих современников отливать чугунные ядра.

И еще в 1740 г. Дюлак в своей «Новой теории механизма артиллерии» предлагал заменить орудия навесного огня (мортиры) метательными машинами древних, так как действие первых чрезвычайно ненадежно и неравномерно.

Как бы низко ни расценивать действие больших каменных ядер, все же нельзя считать его абсолютно ничтожным, ибо, в противном случае, не стали бы то и дело отливать все новые и новые гигантские пушки и пользоваться ими на войне. Если считать за действительное мерило соответственные изменения в методе обороны, в расположении и конструкции укреплений, то надо заметить, что такие изменения начинают наблюдаться со второй половины XV в. [3].

---

[1] R. Schneider, Anonymi de rebus bellicis liber, 1908 г. Его же, Anfang und Ende der Torsionsgeschütze в том же журнале за 1908 г. Его же, Artillerie des Mittelalters, 1910 г. В этих превосходных статьях я считаю неправильным лишь то, что автор говорит об эпохе Каролингов. Капитулярии — не «законы», а распоряжения по единичным случаям, и нет никаких доказательств тому, что во времена Карла Великого не было метательных орудий, действующих рычагом; поэтому ничто не препятствует отнести цитированные Шнейдером (стр. 24 и сл.) места из Павла Диакона и «Жизни Хлодвига» к таким орудиям; нет также никаких оснований (стр. 61) приписывать их изобретение норманнам. Неправильным также считаю рассуждение автора (стр. 22) относительно неспособности «скары» (гвардии Карла Великого. — *Ред.*) сооружать такие орудия и их обслуживать.

[2] Ратген и Шеффер, там же.

[3] Иэнс, стр. 429. У Буркгардта (Burckhardt. Geschichte der Renaissance, § 108, стр. 222) мы читаем, что Федериго Урбинский (1444—1482 гг.) ввел вместо высоких стен крепостей—низкие, которым орудия могли причинить меньше вреда. Фон-Штетен (von Stetten, Geschichte von Augsburg, т. I, стр. 195 и сл.) говорит, что, в то время как весьма энергичные работы по укреплению города

Чрезвычайно разнообразны названия, которые давались разного рода орудиям, — до того, что было невозможно провести какую-либо определенную границу между значениями этих названий. Кулеврина, означавшая во времена Карла Смелого ручное оружие, в XVI в. означает орудие; дальше назову еще бомбарды (Bombarde), каменнобойные орудия (Steinbüchse), чурбанную пушку (Klotzbüchse), главную пушку (Hauptbüchse), «девку» (Metze), мортиру (Mörser), «свинку» (Tummler), мортирку (Böller), гаубицу (Haufnitze), квартану (Karthaune), т. е. четвертную пушку, змею (Schlange), беду-змею (Notschlange), серпентину (Serpentine), сокола (Falke), фальконет (Falconet), ястреба (Sperber), таррас-пушку (Tarrabüchse), «певицу» (Singerin), соловья (Nachtigal), птицелова (Vögler), пеликана (Pelican), василиска (Basilisk), дракона (Drache), кречета (Saker), пушку (Kanone) [1].

Итальянцы и испанцы для запряжки орудий первоначально применяли волов. Когда французы в 1494 г. появились в Италии, всех поразило, что они впрягали в свои пушки лошадей, и притом особенно крупной породы [2]. Подвижность, которой они этим достигали, была их большим преимуществом, но и накладные расходы, вызываемые такой упряжкой, были, с другой стороны, очень велики. Когда в 1507 г. император Максимилиан выступил в поход, то у него,— как мы читаем в жизнеописании Баярда,— хватало упряжки только на половину его артиллерии, так что, когда первая ее половина была перевезена, упряжка возвращалась назад, чтобы подвезти другую половину.

Несмотря на это, порою восхваляют артиллерию Максимилиана, в другом месте — швейцарцев [3], в третьем — французов [4].

Еще в начале XVI в. роль артиллерии во время сражения была незначительна. Техника и искусство наводки стояли еще на слишком низком уровне. Наблюдались постоянные перелеты; густые колонны пехоты ложились на землю, если им приходилось стоять под огнем

во второй половине XV в. еще заключались в поднятии городских стен, на переломе столетия произошел резкий поворот в противоположном направлении. Стены и башни сносят до известной высоты, возводят мощные земляные валы, рвы расчищают и обкладывают дерном, строят бастеи и равелины и т. д. Закон о крепостном районе становится все строже, и в 1542 г., несмотря на протест духовенства, сносят даже церковь. Ср. для развития этой мысли Гвичиардини, История Италии (Венеция, 1562 г., стр. 388 и 425). Знаменательными событиями в истории осад являются взятие Отранто турками в 1480 г. и отбрание его у них в следующем году герцогом Альфонсом Калабрийским.

De-la-Noue, 18 Discours. 2 Paradoxe, изд. 1587 г., стр. 387. Я не буду распространяться ни относительно техники укрепления городов, ни относительно нападения на них, а отсылаю своих читателей за дальнейшими подробностями к книге Иэнса Geschichte d. Kriegswissenschaften. Методологический интерес представляет то, как преувеличенные сообщения о чем-нибудь новом и мало известном находят себе веру. Наполеон III в своей «Истории артиллерии» установил, что Карл VIII во время Итальянского похода 1494 г. взял с собою 100 орудий среднего и 40 орудий крупного калибра. Между тем ряд писателей уверяет, будто у него было до 240 пушек и до 2 040 полевых орудий, другие же доводят это число до 6 000 орудий, отчасти благодаря ошибке при переписке, отчасти же, приняв 6 000 вастардэров (сапер, рабочих), сопровождавших войско, за орудия.

[1] Согласно «Источникам к истории огнестрельного оружия», стр. 100, впервые мы встречаем слово «Kanone» (пушка) в испанской описи артиллерии Карла V.

[2] Guiciardini, Historia d'Italia, I, стр. 24; Jovius, 1515 г., Historia, кн. XV, т. I, стр. 298.

[3] Fon Elger, Kriegswesen und Kriegskunst der Schweizerischen Eidgenossen, Люцерн, 1873 г., стр. 139.

[4] Иовиус, кн. I, 1494 г. и кн. XV, перед Мариньяно.

артиллерии, или старались добежать до нее настолько быстро, чтобы орудия могли дать не больше одного выстрела [1]. Знаменитый предводитель наемных дружин Тривульцио заявил поэтому в 1494 г., когда ему расхваливали артиллерию, привезенную с собою французами, что от нее мало проку в сражении [2], а Макиавелли в своих Discorsi, написанных еще между 1513 и 1521 гг. [3], находил, что она-де больше всего нагоняет страх своим непривычным грохотом.

Того же взгляда держался и Монтень в 80-х гг. и выражал надежду, что «снова откажутся от этих бесполезных штук» [4]. Тем не менее, говорит Иовиус в жизнеописании Пескары [5], ни один мудрый полководец ни при каких обстоятельствах не выступит в бой без артиллерии, а Авила с похвалой отзывается о том, как искусно ландграф Филипп и его офицеры умели пользоваться артиллерией во время Шмалькальденской войны [6]. Однажды они выпустили под Ингольштадтом в течение 9 часов 750 ядер, что в то время почиталось ужасающей канонадой.

РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Повидимому, огнестрельное оружие очень рано диференцировалось на ручное, называвшееся в Германии Lotbüchsen (пулевые ружья), и орудия. Хотя ход развития этих двух видов и был различный, однако, в нем встречаются аналогичные моменты. И в ручном оружии ствол удлинялся, а иногда — либо разделялся на две части, либо в середине устраивался выступ, отделявший камеру от дульной части ствола, для того чтобы при забивке деревянного пыжа последний не доходил вплотную до пороха, но оставалось бы пустое пространство для полного развития газов.

Воспламенение в крупных орудиях производилось тем, что втыкали в затравку раскаленный железный крюк; у ручного оружия прижи-

---

[1] Швейцарцы под Фрастенцем: Stettler, стр. 342; у Ранке, Собр. соч. 34, стр. 115; Valerius Anshelm, Berner Chronik. Берн, 1826 г., II, стр. 396; Иовиус, Жизнь Гонзальво. Венеция, 1581, стр. 292. Под Чериньолой, 1503 г. Также под Туриано, 1497 г.; Иовиус, Historia, кн. IV. Под Мариньяно; Иовиус, кн. XV; под Равенной, 1512 г.; Иовиус, Жизнь Льва X, кн. II; Гвичиардини, История Италии, кн. XI; Reissner, Leben Frundsbergs, Франкфурт, 1620 г., стр. 41, 42. Под Новарой швейцарцы, как передают, стреляли из французских пушек, захватив их и повернув против неприятеля: Флеранж, Мемуары, стр. 151. Венецианский посол Квирини пишет в конце 1507 г. о немецкой колонне: «... пехотинцы обычно, когда попадут под огонь артиллерии, сразу подымают вверх алебарды и длинные пики над своими головами и скрещивают их между собою, в то же самое время пригибаясь к земле, так что снаряды, пускаемые издалека, пролетают сверху или ударяют по алебардам и пикам, не нанося особенного вреда строю пехотинцев. Поэтому немцы делают колеса лафетов такими маленькими и низкими, что противник поражается снарядами, даже когда пригибается к земле; когда же строй пехоты должен вступать в бой, алебардщики и пикинеры держат алебарды и пики наперевес, а не на плече». Relazioni degli Ambasciatori Veneziani. Ed. Albèri, serie I, vol. VI, стр. 1.

Лангей в 1537 г. учил, что лучший прием против артиллерии — брать ее штурмом, чтобы ей не было времени дать второй залп, либо подходить к ней рассыпным строем, так чтобы она могла попасть лишь в немногих людей. «Trewer Rat», fol. III, рекомендует бросить на артиллерию 300 «бегунов» (Läufer) с несколькими аркебузирами в их числе.

[2] Nullo prope usui fore. Jovius, Historia, кн. I, Венеция, 1553, I, стр. 30.

[3] Кн. II, гл. 17, ср. также рассказ Комина, т. II, 258, Э. Мондро.

[4] Essais, т. I.

[5] Le vite de dicenove huomini illustri, Венеция, 1581 г., кн. III.

[6] Авила, Шмалькальденская война, Венеция, 1548 г., стр. 40.

мали зажженный фитиль к затравке, наполненной порохом. Пока затравка была наверху, она мешала прицеливанию, тем более что из нее при выстреле выбивалось пламя. Поэтому иной раз к одному ружью приставляли двух людей: одного — для прицеливания, другого — для производства воспламенения по знаку первого. Позднее поместили затравку сбоку, устроили полку для затравочного пороха и изобрели курок, в зажиме которого помещался фитиль и который стрелок, пока целился, мог, не глядя, спустить рукою. За фитильным курком, который стрелок прижимал вниз рукою, появился фитильный замок, который простым движением пальца спускал посредством пружины курок; замок этот был вроде того, который уже устраивался в арбалетах.

Заряжание облегчалось тем, что стрелок имел при себе небольшие деревянные трубки для пороха, из которых каждая заключала в себе заранее отмеренный заряд пороха для одного выстрела. Чтобы иметь эти патроны, как их можно назвать, всегда под рукой, стрелок носил их, числом 11, на перевязи через плечо. Кроме того, у него была сумка с пулями и пороховница для насыпки пороха на полку. Для этого затравочного пороха, или, как его называли, зажигательного зелья пользовались другим, более мелким сортом пороха, чем для заряда. К полке устроили крышку.

Самыми старыми ружьями манипулировали по-разному: упирали ложу в землю, клали ее на сгиб руки или на локоть, упирали ее в грудь или держали оружие обеими вытянутыми вперед руками.

Но все эти приемы не могли обеспечить ни дальности, ни точности выстрела, а когда для достижения этого стали удлинять ствол, то усилившаяся отдача вызвала новые неудобства. Дабы парализовать эту отдачу, под концом ствола, у дульного среза, пристроили железный крюк (начиная с 1419 г.) [1]. Ружья с такими крюками встречаются весьма часто, но так как они требуют прочного упора — стены или балки,— то в открытом поле они почти не применимы. Даже когда стали сооружать особые сошки, то для боя в поле это мало помогало, ибо переноска сошек и всякое изменение стрелковой позиции были слишком затруднительны [2].

Более точная наводка сделалась возможной благодаря изобретению прицела и мушки. С 1430 г. стали организовываться состязания в стрельбе между горожанами. Однако, тонкая стрельба не играла особой роли на войне, где ей препятствовало более или менее сильное волнение, овладевавшее стрелком во время боя; позднее, в XVIII в., тонкая стрельба сознательно подавлялась, как помеха массовому огню и скорости стрельбы.

Преимущество нового оружия перед луком и арбалетом заключалось в его пробивной силе и дальнобойности. Во время стрелковых праздников в конце XV в. стреляли из ружей на расстоянии, не меньшем, чем в 230—250 шагов, тогда как для арбалета оно не превышало

---

[1] Сикселъ, вышеуказ. соч., II, стр. 167.

[2] Название «гаковница» (Hakenbüchse) происходит от этого крюка (Haken) и сохранилось долго и на французском языке «haquebutte». При этом могло играть роль и созвучие со словом arquebuse (аркебуз). Однако, Иэнс предполагает, что это название происходит от крючка, в котором был защемлен фитиль, и, пожалуй, за это предположение говорят основания внутреннего порядка. Изобретение этого крючка было гораздо бо́льшим достижением, чем устройство крюка для уничтожения отдачи. Ведь последний был применим лишь при заранее подготовленной обороне или при стрельбе в цель. Сошки не давали упора против отдачи; даже трехногие козлы были для этого слишком неустойчивы.

110—135 шагов[1]. Пользование нарезными стволами, которые тогда уже были изобретены, категорически воспрещалось. Из дальнейших указаний вытекает, что на состязаниях стреляли без упора, а не из ружей, зацепленных крюками.

Однако, для того чтобы пробивать тяжелые рыцарские латы, пули аркебуз часто еще оказывались слишком слабыми. Поэтому сконструировали мушкет — ружье для пехоты, которое стреляло пулями весом в 4 лота (т. е. приблизительно вдвое тяжелее, чем пуля старого иольчатого ружья Дрейзе). А так как стрелок не мог им управлять одними руками, то его опирали на сошки. Дю-Беллэй сообщает нам об этом изобретении в 1523 г., следовательно, после сражения при Бикоке и перед сражением при Павии.

Сошки были настолько легки, что стрелок мог носить их вместе с мушкетом; воткнув в землю, их можно было поворачивать во все стороны.

Во время заряжания стрелок держал сошку на ремне, перекинутом через левую руку. Лишь постепенно прикладу стали придавать такую форму, что его можно было упереть в плечо.

Легкой аркебузой и тяжелым мушкетом пользовались одновременно в течение всего XVI в. При выковке ствола вокруг шипа внутренняя поверхность его оставалась очень неровной, что, несомненно, препятствовало действию газов и меткости стрельбы. Путем тщательного сверления старались добиться вполне гладкой внутренней поверхности стволов. Уже тогда были изобретены двустволки, револьверные и органные орудия, имевшие некоторое сходство с современными митральезами и пулеметами. Пробовали также стрелять болтами.

Недостаточно надежное действие огнестрельного оружия внушило мысль использовать его одновременно и как оружие ударное. Стали изготовлять палицы, из которых можно было также и стрелять; делали их даже многоствольными[2].

Эти изобретения и конструктивные приспособления представляют интерес лишь как опыты и курьезы. Подлинное развитие идет по пути усовершенствования самого огнестрельного оружия, как боевого инструмента.

Уже на рейхстаге в Нюрнберге было принято решение относительно похода против гусситов: половина стрелков должна была быть вооружена огнестрельным оружием, половина — арбалетами. Подобные постановления мы встречаем нередко. Еще в войсках Карла Смелого наряду с лучниками и арбалетчиками встречались и стрелки, вооруженные огнестрельным оружием. Лишь в 1507 г. Максимилиан исключил из вооружения арбалеты. К тому времени прошло уже около 200 лет с момента изобретения первого огнестрельного оружия. После того удлинили ствол, изобрели ложу с прикладом, пороховую полку

[1] Sixl, «Zeitschrift f. hist. Waffenkunde», т. II, стр. 334, 407, 409, на основании «Стрелковых писем» Цюриха, 1472 г., Вюрцбурга, 1474 г., Эйхштадта, 1487 г., и др. В странном противоречии с этими данными находится замечание Гвичиардини, что под Павией, 1525 г., окопы обеих сторон находились друг от друга на расстоянии 40 шагов (passi), а бастионы расположены были так близко один от другого, что аркебузиры обеих сторон могли бы обстреливать друг друга. Большие дистанции во время стрелковых состязаний подтверждены столь многими документальными свидетельствами, что в них сомневаться не приходится, однако, как бы малы ни были шаги, все же трудно допустить, что на таком расстоянии могло быть много попаданий из ружей того времени.

[2] Forrer, «Zeitschrift für hist. Waffenkunde», IV, стр. 55.

к затравке с крышкой, фитильный замок, сошки, патроны, сверление дула. Однако, послушаем, как современный знаток описывает манипуляцию с этим столь усовершенствованным ружьем [1]:

«Томительно, сложно и в высшей степени опасно было обращение с огнестрельным оружием, снабженным фитильным замком. Прежде всего — зажигание фитиля кремнем, огнивом, трутом и серой (если не было под рукой другого зажженного фитиля или лагерного костра); затем надо было позаботиться, чтобы оградить фитиль от сырости; нужна была осторожность, чтобы оградить себя, свою одежду и амуницию от тлеющего фитиля. Далее идет скучная процедура заряжания порохом из маленького патрона и пулей — из сумки; наконец, насыпание пороха на полку, причем, после того как она закрывалась крышкой, требовались сильные легкие, для того чтобы сдуть лишний порох изо всех щелей замка, из опасения, что он случайно может воспламениться. Если не надо было стрелять тотчас или вскоре после этого, то в большинстве случаев необходимо было замазать крышку полки для вящшего ограждения пороха калом — операция несколько нечистоплотная; затем вправляли фитиль в отверстие курка, не слишком вытягивая его вперед, иначе он не попал бы на полку, а также не слишком назад, чтобы он не потух; всаживать надо было фитиль не слишком плотно, ибо, по мере сгорания, его опять приходилось вытягивать, но и не слишком свободно, иначе он легко мог проскользнуть сквозь зажим курка и потухнуть; в то же время — непрестанная забота, как бы горящие концы фитиля или искры от него не попали в открытую пороховницу или на платье. В конце концов, войдите в положение этого несчастного человека с его фитильным оружием, которого сажают на лошадь, в качестве драгуна, и которому приходится проделывать все эти сложные манипуляции и в то же время управлять своим конем!»

Не удивительно, что Макиавелли в своей книге о военном искусстве не раз говорит об опасности аркебуз и полевых орудий, а иной раз отзывается о них пренебрежительно, а об аркебузах говорит, что они пригодны лишь для того, чтобы распугать мужиков, занявших какой-нибудь проход. В одном французском сочинении 1559 г. рекомендуется снова вернуться к арбалетам, ибо они прекрасно действуют против кавалерии, во время дождя и при внезапных нападениях [2].

В частности, лук долго имел многочисленных приверженцев и защитников. Еще в 1590 г. в Англии велся литературный спор о преимуществах лука и аркебуза. Сэр Джон Смайт стоял за лук: он-де стреляет более метко и быстро, с ним не попадешь впросак из-за отсыревшего пороха или фитиля; стрелять из лука можно большим числом шеренг, а стрелы пугают лошадей. На это возражал Барвик, что сырость одинаково вредна как для пороха, так и для тетивы лука; что редко можно найти хороших стрелков из лука, ибо легче прицеливаться из аркебузы, чем из лука, и что вообще утомление сильно отражается на боеспособности лучников, которые часто пускают стрелы слишком поспешно и не с полной силой. Может быть, лошади и больше пугаются стрел, зато пули больше устрашают людей.

[1] Тот же журнал, I, стр. 316.

[2] «Institution de la discipline militaire au Royaume de France», Лион, 1559 г., т. I, гл. 10, стр. 46. По словам Иовиуса, Карл V понес в Алжире большие потери, вследствие того что дождь потушил все фитили. То же у Виельвиля, Mémoires, т. III, гл. 22.

На это возражал Смайт, что аркебузир, сделавший в час более 10 выстрелов, уже не в состоянии попасть в цель [1].

В 1547 г. английский лук нанес поражение шотландцам под Пинкин Клю; еще в 1616 г. в боях между Венецией и Австрией упоминаются лучники; в 1627 г. под Ля-Рошель появились англичане, вооруженные луками и стрелами; в 1730 г. в Мюльбергском лагере саксонские тусары были вооружены луками и стрелами; в Семилетнюю войну русские привели с собою калмыков, о которых в одном дневнике говорится: «Они вооружены луками и стрелами, из которых они стреляют невероятно далеко и метко, однако в сырую и ветреную погоду оружие это не очень опасно». В конце концов, генерал Фермор отправил большинство калмыков домой, так как они не подчинялись военной дисциплине и к тому же боялись огня так же, как и казаки [2].

Даже еще в 1807 и 1813 гг. мы встречаем в русской армии калмыков, башкир и тунгусов, вооруженных луками и стрелами. Французский генерал Марбо рассказывает в своих мемуарах, что в Лейпцигском сражении он сам был ранен стрелой; хотя число таких конных лучников и было огромно и они реяли вокруг французов, как осиный рой, наполняя воздух целой тучей стрел, однако, насколько ему известно, лишь один француз был убит стрелою, и раны, причиняемые ими, были весьма легкие. Это слабое действие плохо вязалось бы со сведениями, которые мы имеем из Средних веков, если не принять во внимание, во-первых, того, что Марбо чрезвычайно преувеличивает число этих диких воинов в русской армии, а во-вторых, что они, естественно, держались на почтительном расстоянии от огнестрельного оружия [3].

Если французы [4] в 1495 г., швейцарцы [5] в 1499 г., ландскнехты Фрундсберга [6] в 1526 г. прикрывали свой арьергард во время марша от преследовавших их противников стрелками, то то же выполняли в аналогичных случаях и раньше лучники и арбалетчики.

В то время как орудия в полевых боях представляли совершенно новое явление, орудиями в крепостной войне и ручным огнестрельным оружием сперва пользовались лишь как добавлением к однородно действовавшим боевым инструментам, и лишь постепенно они вытеснили последние окончательно. Поэтому вначале тактическое применение ручного огнестрельного оружия ничем не отличалось от применения прежнего метательного оружия. В сражениях, которые положили конец средневековой военной организации и начало новой эры в этой области, под Грансоном, Муртеном и Нанси, новая сила, мы это еще раз подчеркиваем, была на стороне рыцарства: его сломило

---

[1] Из Бадмингтонской книги об искусстве стрельбы из лука Charles Longmann, Archery Book, Лондон, 1894 г.

[2] Tielcke, Beiträge zur Kriegskunst und Geschichte des Krieges, 1756—1763 гг., ч. 2, стр. 22.

[3] О поразительной меткости стрельбы из лука современных монголов рассказывает фон-Биндер в журнале «Militärwochenblatt», 1905 г. № 8, стр. 173; относительно достижений в этой области в Средние века ср. Жиральдуса Камбренсиса, цитированного Оманом в его History of the art of war, стр. 559. Валисцы пронзили своими стрелами во время одной осады дубовую дверь 4-дюймовой толщины; сам он видел в 1188 г. застрявшие в ней стрелы, которые, как диковину, оставили в ней; из внутренней стороны двери как раз торчали железные наконечники. Одна стрела пробила рыцарю панцырную рубашку, ножную кольчугу, бедро, дерево седла и проникла еще глубоко в бок лошади.

[4] Commines, Ed. Mandrot, II, 296.

[5] Escher, Neujahrsblatt der Züricher Feuerwerker, 1906 г., стр. 23.

[6] Ranke, Werke, II, 269.

не огнестрельное оружие, а наоборот, — оно потерпело поражение, несмотря на то, что сумело использовать новую технику и вступить с нею в союз.

Первое, более крупное, сражение, на исход которого оказало существенное воздействие ручное огнестрельное оружие, произошло в начале 1503 г. в Нижней Италии, между французами и испанцами; о нем нам рассказывает, на основании, повидимому, достоверных источников, Иовиус в своем жизнеописании Гонсальво де-Кордова [1]. Французский полководец, герцог Немурский, пытается выманить Гонсальво из его укрепленного опорного пункта, Барлеты. Гонсальво держался выжидательно; однако, когда французы прошли мимо, он за ними последовал со своей легкой конницей, присоединив к ней отряд аркебузиров, прикрывавших ее с обоих флангов. Французские жандармы повернули обратно и обрушились на испанскую кавалерию, которая обратилась в притворное бегство, чем завлекла французов в промежуток между аркебузирами; последние открыли по французам сильный огонь. Тут конница могла бы, конечно, ринуться на аркебузиров и затоптать их, но это она не успела сделать, так как испанская кавалерия, получив тем временем подкрепление, снова перешла в наступление, вследствие чего французы, потерпев большой урон, вынуждены были обратиться в бегство.

Вскоре после этого произошло сражение под Черинъолой (28 августа 1503 г.), где огнестрельное оружие в соединении с полевой фортификацией определило характер боя, и это явление все ярче и ярче выступает в каждом из последующих сражений.

ПИСТОЛЕТЫ

Уже со второй половины XIV в. стали изготовлять огнестрельное оружие для кавалерии [2], а к концу XV в. Камилло Вителли сформировал отряд конных стрелков [3]. Но затем от них отказались, и еще в 1535 г., когда Карл V рассказывал Иовиусу о своем походе в Тунис, он добавил, что имеет намерение вновь создать отряд конных арбалетчиков. Повидимому, император тогда еще не находил вполне пригодного огнестрельного оружия для кавалерии. Несколько лет спустя, мы, однако, узнаем от того же Иовиуса, что кавалерия императорского войска обладает пистолетами с колесным кремневым замком. Когда в сентябре 1543 г. Штульвейссенбург был вынужден капитулировать перед войсками султана Сулеймана, гарнизону был предоставлен свободный выход с сохранением всего имущества, и условие это турки действительно сдержали, за одним исключением: они отняли у отступавших войск их кремневые пистолеты, удивительная конструкция которых возбудила их любопытство и жадность. В следующем, 1544 г. этими пистолетами пользуются ландскнехты в пешем строю во время сражения под Черезолой [4], и сам Карл V рассказывает в своих мемуарах, какой вред нанесли французам «маленькие пистолеты», или «маленькие аркебузы» немецких всадников в бою под Шалоном [5]. Во время Шмалькальденской войны о них снова упоми-

[1] De vita magni Consalvi, Opere, 1578 г., т. II, стр. 243.

[2] Согласно крайне тщательному и убедительному исследованию Форрера в «Zeitschrift für hist. Waffenkunde», IV, 57.

[3] Jovius, Elogia virorum illustrium, кн. III.

[4] Мартин дю-Беллэй, как очевидец. Мемуары, изд. 1753 г., V, 296.

[5] Ср. также у Мартина дю-Беллэй, Мемуары, т. X, изд. 1753 г., VI, 35.

нает испанский историк Авила, характеризуя их как «аркебузу 2 пядей длины» или «маленькую аркебузу». Следовательно, название «пистолет» еще не вошло в употребление [1].

За 1547 г. мы имеем сведения из Франции, что конные стрелки, прежде, «до изобретения этой чертовщины, называемой пистолетами», имевшие луки, теперь уже снабжены этим новым оружием [2].

Колесный замок, сделавший пистолет пригодным для кавалеристов, построен был на том, что колесико с острыми зазубринами приводилось посредством заведенной пружины во вращательное движение и выбивало из кремня искру, воспламенявшую насыпанный на полку порох. Однако, на практике этот замок имел столько недостатков, что для пехоты фитильный замок был предпочтительнее [3].

В заключение приведем следующий отрывок из «Военной книжечки» цюрихского капитана Лафатера (1644 г.) (стр. 65):

«Когда же солдат стреляет пулей, железной или оловянной, залитой в сало, жеваной или рубленой, или разрезанной на четыре части, то ему не должно даваться никакой пощады. Всякий, кто стреляет из нарезного ствола или французской фузеи, тем самым уже лишился права на пощаду, а также те, кто стреляет железными четырехугольными, квадратными или иными картечинами, либо пулями с зазубринами, или носит волнистые шпаги — повинны смерти».

МУШКЕТЫ

Не так легко определить, в чем заключается принципиальное различие между аркебузой и мушкетом, и то, что выше по этому поводу сказано в тексте, подлежит некоторому сомнению. Сравни Гобом, Путеводитель по берлинскому цейхгаузу, ст. 83. «Мускетами» (Muschettae) называет Марино Сануто уже в 1321 г. стрелы арбалета (Jähns, Kriegwesen, стр. 637; Schneider, Artillerie des Mittelalters, стр. 48). В Германии слово «мускет» появляется впервые лишь в 1587 г. [4] Говорят, весной 1504 г. в Бордо отливались аркебузы с сошками, о которых до 1499 г. еще не упоминается.

Мартин дю-Беллэй (Мемуары, кн. II, парижское издание 1586 г., стр. 43), рассказывая об осаде Пармы имперцами, говорит (1521 г.): «Происходили славные стычки: с этой поры были изобретены аркебузы, из которых стреляли с сошек». Иовиус в своем жизнеописании Пескары [5] сообщает: Когда императорские кирасиры (Kürisser) приведены были в замешательство французскими «Piscarius ...hispanos sclopettarios circiter octingentos subsidio mittit, qui repente circumfusi a tergo et a lateribus edita terribili pilarum procella, ingentem equorum atque

[1] Пистолет происходит от славянского (чешского) «пистала»—трубка, огневая трубка. В одном Бреславльском инвентаре от 1483 г. мы встречаем уже 235 «писдеалов». Это, судя по его количеству, огнестрельное оружие; какое именно—установить нельзя. Источники, касающиеся огнестрельного оружия, изданы Германским музеем. Текст — Лейпциг, 1877 г., стр. 46 и 112. С городом Пистойей это название ничего общего не имеет.

[2] Susane, Histoire de la cavalerie française, I, 48.

[3] Согласно «Источникам к истории огнестрельного оружия», стр. 118, мы встречаем пистолет на рисунке, датированном 1531 г.; другое изображение, с кремневым замком, «по профилям отдельных частей и по форме» можно приблизительно отнести ко второму десятилетию XVI в.

[4] Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen, стр. 123.

[5] Paulus Jovius, Vitae illustrium virorum, tom. I, in Opera, tom. II, стр. 403 и 405.

hominum numerum prosternunt... Hispani natura agiles, et levibus protecti armis, retro sese celeriter explicant equorumque impetum tortuosis discursibus (aggirandosi intorno) eludunt: auctique numero uti erant cum longo usu, tum novis Piscarii praeceptis edocti, manipulatim (Rucsner: rottmeris) toto campo sine ordine diffunduntur. Erat id pugnae genus per se novum et inusitatum, sed in primis saevum et miserabile, quod magna rerum iniquitate praeoccupantibus sclopettariis, praeclare virtutis usus in equite penitus interiret: nec ullae vel fortissimae dextrae diu (ne alcuve braccia, anchor che fortissime giovano lungo tempo) proficerent, quin conferti a raris et paucis, plures et clarissimi saepe duces et equites inulta caede passim ab ignobili et gregario pedite sternerentur».

«...Erat pugna omnium maxime funesta et magnopere iniqua Gallis equitibus: nam a circumfusis et expeditis Hispanis in omnem partem ad lethales ictus pilae plumbeae spargebantur; quae non iam tenuioribus (uti paulo ante erat solitum), sed gravioribus sclopettis, quos vocant arcabusios, emissae non cataphractorum modo, sed duos saepe milites et binos equos transyerberabant; sic ut miserabili nobilium equitum strage et morientium equorum cumulis constrati campi, et alarum virtuti simul officerent, si densato ordine irrumpere conarentur, et passim veluti obiectis aggeribus, si cui decore vita potior foret, minime expeditum ad fugam iter praeberent»[1].

Когда в 1544 г. французы нанесли под Черезолой поражение испанцам, полководец последних, Гуастор, вспомнил победу испанских стрелков под Павией. По словам Иовиуса (Historia, кн. 44), сам Гуасто в беседе с ним сказал, что он думал, что теперь уже французских рыцарей нечего бояться.

Когда в 1542 г. итальянская пехота и конница безуспешно сражались с янычарами под Будапештом, Иовиус в своем рассказе добавляет: «Янычары очень проворно подтыкают назад с обеих сторон полы своих кафтанов и стреляют из более длинных самопалов (Janizeri summa agilitate suspensa ad utrunque latus anteriore tunica, peritissime longioribus sclopettis utebantur) (Historia, кн. 42, т. I, стр. 517).

[1] «Пескара послал на подмогу испанских аркебузиров, числом приблизительно 800 человек, которые, быстро рассыпавшись кругом — с тыла и с флангов — и выпустив тучу снарядов, перебили множество лошадей и людей.

Испанцы, проворные от природы и защищенные легкими панцырями, быстро уклонялись назад, избегая извилистыми перебежками (кружась вокруг них) натиска коней; с увеличением же их числа, будучи давно к тому привычны, да и приучены к новым приемам Пескарою, они рассыпались по всему полю в беспорядке. Этот способ сражаться, новый и непривычный, но жестокий и плачевный с первого раза, погубил при посредстве аркебузиров славу доблестной конницы: ей не помогла ни мощная длань, ни сила, которой они давно пользовались, когда многие и славнейшие вожди и рыцари, избранные из среды редких и малочисленных, погибли неотомщенной смертью от руки бесславного стада пехотинцев.

Бой был чрезвычайно пагубным и неравным для французских рыцарей. Ибо их осыпали рассеянные кругом испанцы смертоносными свинцовыми пулями, которые посылались не из менее крупных (какими раньше пользовались) ружей, а из более тяжелых, называемых аркебузами; они поражали не так, как арбалеты, а часто пронизывали двух воинов или двух коней сразу. Поле быстро покрывалось кучами поверженных на землю благородных рыцарей и издыхающих коней, как только они пытались ударить на врага сомкнутым строем, а если кто-либо предпочитал славе жизнь, то и его все же не спасало бегство.

Глава III

Тактика колонн пикинеров

Крупные пехотные колонны, вооруженные холодным оружием, формировались некогда швейцарцами, дабы в оборонительном бою отражать атаки рыцарей, а в наступательном бою сильным натиском опрокидывать и рыцарей и стрелков. Распространение подобного рода пехоты среди других народов выдвинуло новую задачу для таких пехотных колонн — не только сражаться с рыцарями и стрелками, но и друг с другом. И эта задача стала теперь уже не только новой задачей, но и главной.

Превосходство сомкнутой пехоты над старыми родами войск стало настолько очевидным, что ее пришлось сделать главным, основным родом войск; она составляла основную массу и силу войска в то время, как другие роды войск отходили на второй план, и ее победа или ее поражение решали исход боя. Макиавелли, изучая древний мир, узнал, что и у античных народов пехота, вооруженная холодным оружием, составляла ядро войска; поэтому он предсказывал и требовал обновления военного искусства по образцу древних.

Однако, новые формы построения пехоты значительно отличались от античных.

У древних была фаланга, широкое построение, будь то с копьем, с пилумом или мечом; новейшая пехота строилась несколькими, в большинстве случаев — тремя квадратными колоннами с длинными пиками. Больше всего она походила на позднейшую македонскую фалангу, вооруженную сариссами, но различие между единым широким построением и тремя колоннами является существенным, основным. К этому вопросу мы еще вернемся.

Новая задача — бой пехоты против пехоты — может быть, вызвала и известные изменения в существе самых квадратных колонн и их вооружении. В предыдущем томе, при описании швейцарского военного дела, я придерживался, следуя традиции, того взгляда, что длинная пика, т. е. пика в 5 *м* длины приблизительно, если ее еще и не было под Моргартеном и Земпахом, все же получила право гражданства в течение XV в., ибо это оружие, казалось, было так приспособлено для отражения рыцарства. Однако, мы встречаем у Иовиуса, и притом всякий раз с известным подчеркиванием, сведения о том, что швейцарцы, когда они в 1494 г. вторглись в Италию из Франции, находясь на службе у Карла VIII, были вооружены пиками в 10 фут. длины. Рюстов толкует это сообщение так, будто швейцарцы, в приподнятом сознании своего превосходства, сократили длину своих пик на 10 фут., — тем более, что чересчур длинные пики были неудобны в походе.

Гобом высказывает противоположное мнение, полагая, что до того времени швейцарцы вообще не пользовались более длинными пиками, а настоящая длинная пика, т. е. удлиненная с 3 до 5 *м*, появилась лишь в результате боя пехотной колонны против пехотной же колонны. Ведь раньше швейцарцы в сомкнутом строю могли с успехом отражать рыцарей и 3-метровыми пиками, а в одиночном бою эта пика была несравненно удобнее, чем чрезмерно длинная. Если все же это оружие было удлинено, то это надо приписать ландскнехтам,

которым такое удлинение предоставляло неоценимое преимущество в бою со швейцарцами, так как они раньше своих противников могли нанести первый удар.

Таким образом, и швейцарцам пришлось по необходимости следовать этому примеру. Иллюстрации к рукописям дают основание предполагать, что швейцарцы манипулировали своими пиками несколько иначе, чем ландскнехты.

Если таков был ход развития, — чего, впрочем, я не решаюсь безусловно утверждать, — то мы здесь можем найти аналогию с историей развития македонской сариссы, которая ведь не с самого начала, а лишь в последних стадиях достигла длины в 21 фут, о чем гласит историческое предание.

Впрочем, вопрос о длине пики не имеет большого значения, ибо преимущество одной стороны — раньше противника нанести первый удар более длинной пикой — уравновешивается значительно большей сподручностью более короткой пики.

Испанцы при обучении своей пехоты с самого начала придавали главное значение ловкости отдельного бойца, поэтому они остановились на пике длиною, примерно, лишь в 14 фут., и в этом за ними последовали французы и итальянцы.

Гобом смотрит на развитие длинной пики следующим образом.

Сначала рыцари удлинили свои копья, чтобы доставать пеших пикинеров. Сделать это оказалось возможным лишь с введением в XV в. пластинчатых лат, ибо последние были снабжены крюком для закладывания пики, которую без крюка долго удержать наперевес было невозможно.

После этого за эксперименты с удлинением пики взялись ландскнехты.

Но с опытами еще не было покончено, когда в 1494 г. швейцарцы выступили с Карлом VIII в поход в Италию; следовательно, швейцарцы явились еще с 10-футовыми пиками.

Лишь с этого момента началось действительное удлинение пики.

При столкновении двух отрядов пехоты, вооруженных длинными пиками, происходила ужасная давка. То и дело читаем мы в источниках о «нажиме» или «натиске», при помощи которого пытались сокрушить глубокое построение противника. Под Бикоккой, где швейцарцы были разбиты, отмечают с известным ударением, что натиск был не особенно напористым (ибо солдат задержал сначала ров). Под Черезолой капитан швейцарцев сдерживает свою колонну, чтобы колонна противников-ландскнехтов при быстром движении вперед несколько расстроилась и не ударила бы на швейцарцев плотно сомкнутыми рядами, что и было достигнуто. Когда гасконцы в том же сражении сшиблись с ландскнехтами,— рассказывает Монлюк,— то столкновение было так сильно, что первая шеренга с обеих сторон рухнула на землю (tous ceux des premiers rangs, soit du choc ou des coups, furent portés à terre). Конечно, этого не следует понимать вполне дословно. Но когда дальше говорится, что победу одержали вторая и третья шеренги, ибо задние потеснили их вперед (car les derniers rangs les poussaient en avant), то такое описание соответствует сообщениям других источников.

Следовало бы думать, что при таком натиске сзади, когда бойцы прижаты один к другому плечом к плечу, первые шеренги должны были бы проткнуть друг друга пиками; иногда так и бывало, но так

как именно первые ряды носили крепкую броню, то нередко пики либо ломались, либо поднимались острием в воздух, или же выскальзывали из рук солдат назад, несмотря на зарубки, которые имелись на древке, чтобы крепче его держать, и, наконец, происходила давка, при которой было почти невозможно пользоваться оружием.

С такой картиной боя мы не встречаемся в древности, ибо позднейшей македонской фаланге не приходилось сражаться с однородным противником [1].

Впрочем, и во времена ландскнехтов только что изображенная нами нормальная картина иногда носила и другой характер. В первую шеренгу ставили несколько особенно хорошо вооруженных и испытанных бойцов, которые поражали врага двуручным мечом или алебардой. О самом Фрундсберге сообщают, что «в сражении под Ля-Моттой (1513 г.) он стоял в первой шеренге, разил мечом и рубил, как дровосек, который валит дуб в лесу». Ставили также в первой или во второй шеренге стрелков, например, под Черезолой. Под Равенной отборным испанским пехотинцам, опытным солдатам, было приказано проползать под пиками по земле и поражать ландскнехтов коротким испанским мечом.

Но все эти подсобные приемы могли иметь лишь второстепенное значение. Ибо, примешивая к копейщикам передней шеренги слишком большое число или меченосцев, или алебардщиков, или стрелков, или солдат, вооруженных коротким оружием, расстраивали не столько неприятельские ряды, сколько собственный строй, ибо он, по существу, и был основан на колоссальной мощи тесно скученных пикинеров.

Мы располагаем сочинением, озаглавленным «Добрый совет и размышления старого испытанного и опытного воина», составленным, вероятно, к концу 1522 г. Принадлежат они чуть ли не перу самого Георга Фрундсберга. Автор отвергает тот взгляд, что построение должно быть глубоким (dick) и что напор сзади решает дело, ибо «передние, которым приходится проделывать всю работу, не должны быть слишком стеснены; им надо предоставить простор» для нанесения укола, иначе их сдавили бы так, как можно сдавить в яме целую толпу.

«Добрый совет» рекомендует поэтому другое средство. Старый швейцарский строй, каким его переняли ландскнехты, представляет «человеческий квадрат»: столько же шеренг, сколько рядов,—значит, более глубокий, чем широкий, — во всяком случае, во время наступления, ибо человек при движении занимает большее пространство в глубину, чем в ширину. «Добрый совет» поэтому требует, чтобы ширина фронта была в три раза больше глубины, «ибо, чем больше наш фронт превосходит в ширину фронт противника, тем глубже нам удастся ударить последнему со стороны фланга и охватить, как тисками, его более узкий строй. Этим наверняка наносится смертельный удар и выигрывается сражение», даже в том случае, когда противник сильнее, «ибо стоит добраться до его флангов, как он погиб». Выигрывают или проигрывают сражение первые пять или шесть шеренг, и чем больше людей, благодаря широкому построению, «могут добраться до дела», тем работа их легче.

---

[1] Могло бы по этому поводу притти на память сражение при Селлазии, но дошедшие о нем до нас данные весьма недостоверны. Ср. т. I, 2-е нем. изд., стр. 239.

Для поддержания своего плана охвата «Добрый совет» присоединяет к своей главной ударной колонне еще несколько небольших колонн, которые должны вступать в стычки с противником и бить его во фланг.

Трудно себе представить что-нибудь более убедительное, чем эти рассуждения. Но ударная колонна главных сил, согласно «Доброму совету», все еще чрезвычайно глубока и массивна (на 6 000 человек — 45 человек в глубину и 135 в ширину); все же почти до конца этого столетия и даже в начале следующего фактически придерживались принципа квадратного построения. Один теоретик за другим рекомендовали более тонкое построение, практика же продолжала держаться глубины; но, по крайней мере, перешли от «человеческого квадрата» к пространственному квадрату, что уже означало меньшую глубину при большей ширине построения [1]. Мы еще вернемся к этому предмету, когда подойдем к моменту появления этой перемены. Укажем здесь лишь основание, заставлявшее придерживаться старых форм: широкими построениями гораздо труднее управлять, в особенности при наступлении, чем узкими. Но прежде всего установим с полной определенностью, что фактическое развертывание фронта не исходило из идеи — получить преимущество от более широкого построения, — выражаясь терминами военной истории, посредством перехода от построения колонной или клином к построению фалангой [2].

Единственное изменение, происшедшее внутри самой тяжелой пехоты, заключается в том, что постепенно начинают отказываться от принятого у швейцарцев деления войска на три колонны. Когда войско шмалькальденцев построилось против Карла V на берегу Дуная, то его рассматривали как двойную армию и ему противопоставили два построенных рядом отряда по три колонны в каждом, с кавалерией в промежутках. Уже в сражении под Равенной (1512 г.) испанцы освободились от установленной схемы и в конце столетия перешли к большему, в зависимости от обстановки, числу колонн, сохраняя

---

[1] И испанские теоретики из школы Альбы, Вальдес, Эгвилуз Лехуза (Иэнс, I, 729 и сл.) высказываются за более тонкое построение пехоты; не только против «человеческого квадрата» и пространственного квадрата, но и за более тонкое построение, даже с отношением сторон, как 1 : 7; Вальдес ссылается на пример Альбы, который построил свои 1 200 пикинеров в три терции, имея всего 60 человек в ширину и 20 в глубину.

Мендоза не дает положительных указаний, но упоминает лишь, что пользуются как более широкими, так и более глубокими построениями. В книге «Institution de la discipline militaire au Royaume de France» (Лион, 1559 г., стр. 73) установлен пространственный квадрат с вдвое большим числом рядов, чем шеренг.

[2] Итальянец Джиовакино да-Кониано, в 40-х годах XVI в. состоявший в должности «сержанте маджиоре» в английских войсках, воевавших против Франции, начертил и описал целую серию из 32 разных боевых построений; говорят, их было еще больше. (Примечание автора при окончании этого труда. Оно озаглавлено: «Dell' ordinanze overo battaglie del capitan Giovacchino da Conjano» и напечатано в III книге сочинения: «Della fortificatione delle citta di Girolamo Maggi e Jacomo Castriotto, Венеция, 1583 г., стр. 115 и сл.). Труд был закончен в 1564 г. (Ср. Maurice Cockle, A Bibliography of English military Books up to 1642 and of contemporary foreign works, Лондон, 1900 г., стр. 141 и 200). Хотя несколько самохвальный вояка то и дело ссылается на то, что он на практике испытал свои построения перед лицом неприятеля, все же ему нельзя очень доверять: то, что сделали тогда английские войска перед г. Булонь, не произвело особого впечатления на общественное мнение. Любопытно, однако, что этот «сержанте маджиоре» уже чертит весьма тонкие построения, обосновывая это тем, что он на собственном опыте испытал, насколько выгоднее пустить сразу в дело как можно больше оружия на фронте (119—720).

их квадратную форму. С этой более вольной трактовкой мы встречаемся и в войнах с гугенотами. Однако, это увеличение числа колонн еще не означало принципиального внутреннего изменения тактики пехоты.

Глава IV

Внутренняя организация наемных войск[1]

В Средние века военный начальник всегда является в то же время и организатором войска. Это в равной степени относится и к феодальному ополчению и к наемным дружинам; тот же порядок переходит и к наемным войскам XVI в. вплоть до Тридцатилетней войны.

Главный военачальник отпускает при крупных начинаниях нескольким полковникам, а при менее значительных — одному или нескольким капитанам — все необходимые деньги целиком и дает поручение навербовать и содержать ландскнехтов или рейтаров; но часто эти полковники и капитаны являются и подрядчиками-предпринимателями в том смысле, что авансируются сразу или постепенно, по мере развития действий, всеми деньгами, либо частью их.

При очень значительном предприятии какой-нибудь «генерал-подрядчик», вроде Валленштейна, берет на себя обязанность выставить армию; он же является и ее главным военачальником.

Полковник назначал своих капитанов, а эти последние — своих лейтенантов (loco-tenentes—заместители), прапорщика[2], фельдфебеля[3], фурьера и ротмистров (отделенных); последних нередко избирали сами солдаты.

Различное число рот (Fähnlein), от 10 до 18, образуют полк «Regiment» (в собственном смысле — режим, правление); это выражение означает, что полковник установил свое командование, свою власть над ротами. В роте насчитывается до 400 человек и более. Сообразно с этим и численность полков бывает весьма различной. Как рота, так и полк — чисто административные, а не тактические единицы. Тактической единицей, как мы видим, являлась колонна, квадратная колонна, называемая также батальоном.

[1] Основные данные: тщательное, плодотворное исследование Вильгельма Эрбена (Wilhelm Erben, Ursprung und Entwicklung der Kriegsartikel) в юбилейном издании Теодора Зикеля «Mitteilungen d. Instituts für österreichische Geschichts-Forschung», дополнительный том VI, 1900 г. с некоторыми добавлениями того же автора. Далее укажем на столь же превосходную книгу Буркгардта фон-Бонина (Burkhardt von Bonin, Grundzüge der Rechtsverfassung in dem deutschen Heere zu Beginn der Neuzeit bis 1600), Веймар, 1904 г. Весьма дельной и хорошо ориентирующей в этом вопросе своей наглядностью является книга Вильгельма Бека, Die ältesten Artikelbriefe für das deutsche Fussfolk, 1908 г., и еще статья Эрбена в журнале «Historische Zeitschrift», т. 102, стр. 368.

[2] Т. е. носители прапора — ротного знамени.— *Ред.*

[3] Weibel происходит от слова weben — ткань и означает служащего, который быстро двигается, бегает взад и вперед. Фельдфебель первоначально назначался полковником на весь полк, как распорядитель; должность его лишь постепенно превращается в ротную. «Артельные вейбели» (Gemeinweibel), которые, по многим данным, избирались солдатами для передачи их претензий капитану, вызывают во мне некоторые сомнения. Ср. по этому поводу у Бонина (стр. 50) и фон-Эрбен (стр. 14).

О внутренней структуре средневековых наемных дружин нам мало что известно; повидимому, они всецело зависели от неограниченной дисциплинарной власти начальника и силы его личности.

Позднее стали составлять полевой устав, старейшим примером какового является «лагерный устав» Барбароссы (т. III, стр. 269 нем. изд.). Дабы обеспечить повиновение этим правилам, в Швейцарской федерации начали с того, что присягой обязывали солдата к повиновению. Этому примеру стали подражать в Германии с конца XV в., когда появились ландскнехты, и заставляли этот буйный народ, чтобы держать его в повиновении, приносить при поступлении на службу присягу в соблюдении полевого устава, все более и более детализировавшегося в так называемую «Артикульную грамоту» (Artikelbrief). Автор «Доброго совета» (Фрундсберг) рекомендует приводить к присяге солдат последовательно, маленькими группами, «ибо, — говорит он, — если они, не приняв присяги, соберутся в один большой отряд, вы их не заставите присягнуть на исполнение этой артикульной грамоты, так как они тогда предложат вам тот режим, которым они хотят управляться и который им нравится, и вам придется подчиниться, а тогда уже самая жизнь ваша будет постоянно в опасности. Не имея возможности всегда держать солдат в повиновении силою, вы должны иметь возможность предъявить им те законы, соблюдать которые они поклялись». Содержание и форма этой свободной присяги на верность и на соблюдение полевого устава, естественно, были различны у различных военачальников, в различных странах и в разные времена. Основная идея заключалась в двустороннем договоре между наемными солдатами, с одной стороны, и военачальником или кондотьером, с другой. Солдаты клялись выполнить принятые на себя обязанности, которым соответствовали обещания, данные нанимателем их. Малопомалу, с превращением завербованных на время наемных дружин в постоянную армию, двусторонность исчезла, демократическое начало было упразднено и заменено односторонней дисциплинарной властью военачальника. Артикульные грамоты, из которых создались нынешние военные уставы, представляют документы громадного культурно-исторического и военно-исторического значения.

Из массы подробностей, дополненных и разъясненных данными, почерпнутыми из других источников, я выбрал несколько характерных черт.

Основным положением было обязательство солдат не объединяться в «общины», т. е., говоря современным языком, они не имели права организовывать профессиональных союзов. Но они были в праве заявлять претензии и приносить жалобы старшему капитану через своих товарищей, получавших двойной оклад, выбор которых был им предоставлен.

Для придания большего веса своим приказаниям начальники, несомненно, при случае учиняли физическую расправу[1]. Вообще же действовало входившее в сферу дисциплинарной власти судебное производство. Еще со времени Средних веков установилось правило, что судом ведал «фельдмаршал», ибо войско состояло из всадников, а маршал ведал лошадьми и всем тем, что с ними было связано. На

[1] Бонин (стр. 170) приводит отдельные выдержки из артикула, из которых явствует, что фельдфебель должен бить не кулаком или, еще менее того, палкой, а древком своей алебарды. «Капитан и лейтенант должны в полку расправляться и дубиной», «но не без серьезных оснований».

его место появились старшина (Schultheiss) и профос — оба из опытных старых воинов. Однако, за фельдмаршалом долго еще оставалась функция — делить добычу [1].

Порядок производства военного суда тесно примыкает по существу и по форме к производству немецкого суда присяжных. Судебное производство было публичным.

Присяжные или заседавшие с ними офицеры должны были быть товарищами или старшими по службе обвиняемого.

Наряду с этим судом, в собственном смысле этого слова, существовал и так называемый «суд рядового солдата» с его разновидностью, «судом длинных пик». Этот суд мог функционировать лишь по распоряжению полковника и являлся демократическим народным судом, а на практике превращался в грубый суд Линча. С установлением более прочной организации в войсках он исчезает.

В значительной степени отличались права кавалеристов от прав пехотных солдат, так как кавалеристы развились из среды феодального рыцарства. Поэтому еще долго сохранялся обычай вербовать не единичного всадника, а какого-нибудь дворянина с более или менее многочисленной обслуживавшей его свитой, что, несомненно, отражалось на внутренней жизни конных частей. Артиллерия тоже пользовалась своими особыми вольностями.

Корпоративный дух, царивший в этом военном устройстве, добился в XVII в. того, что солдаты были совершенно изъяты из ведения общегражданских судов и даже по чисто гражданским преступлениям должны были отвечать только перед своим профессиональным судом.

Хозяйственное управление упрощалось тем, что каждый солдат должен был сам заботиться о своем вооружении, одежде и коне. Продовольствие войска было в основном предоставлено маркитантам и регулировалось таксой, устанавливаемой профосом.

Филипп Гессенский сам продавал своим наемным солдатам жизненные припасы и надеялся, таким образом, вернуть себе половину выплаченного им жалованья; следовательно, он применял то, что в современной промышленности называется у немцев «Trücksystem» [2]. Если самому Филиппу нечего было продавать, то он, чтобы не лишаться доходов, взимал с маркитантов пошлину. Понятно, что для больших войсковых масс такая система продовольствия была недостаточна, и солдаты забирали у населения все необходимое, что не только сильно истощало страну, но и в военном отношении создавало нетерпимые условия.

В дружественных и нейтральных странах Филипп и Иоганн-Фридрих Саксонский требовали от своих солдат, чтобы они брали только сено и овес для лошадей, хлеб, овощи, сало, вяленое мясо и прочие съестные припасы, но не трогали бы скота и домашней утвари, не взламывали бы шкафов, сундуков и ящиков.

Де-ля-Ну пишет [3], что Колиньи озаботился тем, чтобы завести для своего войска искусных комиссаров и достаточный обоз. Когда ему приходилось организовывать войско, он обычно говорил: «Начнем создание этого чудовища с живота» (Commençons à former ce monstre par le ventre). На каждый эскадрон держали по одному хлебопеку,

[1] Бонин (стр. 21).

[2] Georg Pätel, Die Organisation des Hessischen Heeres unter Philipp dem Grossmütigen, 1897.

[3] 26 Discours, Observations Militaires. Ed. 1587, стр. 750.

которые, как только войско располагалось по квартирам, приступали к выпечке хлеба. Угрозой все предать огню население в районе квартирного расположения принуждалось поставлять все необходимое.

Месячное жалованье (в XVI в. для пехотного солдата — 4 гульдена) устанавливалось военными уставами. Часто, однако, возникали споры, как исчислять месяц: солдаты требовали, чтобы после каждого сражения или штурма города начинался новый счет месяца. Король Франциск I однажды вынужден был дать обязательство держать солдат на службе не менее 10 месяцев и выдавать им накануне сражения жалованье за один лишний месяц. Филипп Гессенский рекомендовал в своем завещании сыновьям вести лишь оборонительные войны, так как стало невозможным удовлетворять требования наемников [1].

В тексте присяги о повиновении категорически говорилось, что воины обязаны исполнять все приказания, «будь они благородные или неблагородные, из состава крупного или мелкого отряда» [2].

Не только отдельный солдат, но и каждое отделение, каждая рота обязывались исполнять приказания своего капитана или его заместителя.

При посылке в 1480 г. 6 000 наемников на службу французского короля швейцарский съезд постановил, что в войске должен быть мир, и что «если кто нарушит мир, хотя бы словом, бранью или сквернословием, то капитаны должны иметь власть, в силу присяги, наказывать виновного, каждый в своей части либо телесным наказанием, либо смертью. Кто же мир нарушит делом, тому отрубить голову, а кто во время мира убьет другого, того, как убийцу, колесовать».

В 1499 г. ландтаг Швейцарской федерации издал постановление, по которому все солдаты обязаны повиновением каждому капитану [3].

По взятии города военные артикулы категорически обязывают солдат вести преследование, согласно приказанию полковника, даже если жалованье еще не выплачено им. Гарнизоны обязываются выполнять саперные и строительные работы. Когда богемские войска в 1619 г. должны были строить укрепления, они отказались это делать и объявили, что это противно их чести, так как они еще не получили жалованья.

Во время драк было строго запрещено призывать к участию земляков; слишком часто случалось, что когда к двум дерущимся приходили на помощь их земляки, то между солдатами возникали форменные сражения. А к спорам всегда было достаточно поводов: провиант, добыча, женщины и, особенно, азартная игра, во время которой проигравший легко шел на обвинение партнера в шулерстве.

«Драка» (das Balgen), т. е. дуэль, не наказывалась безусловно как таковая, но так или иначе вводилась в известные рамки: в ней нельзя было применять смертоносного оружия, или же она могла происходить лишь на определенном месте и непременно утром.

Различные правила регулируют вопросы, связанные с добычей, но основной принцип: «что кто добыл, то и должно ему достаться, согласно роду войны и уставу». Захваченные орудия и порох принадлежат старшему начальнику.

---

[1] Пэтель, там же, стр. 231.

[2] Саксонский военный артикул 1546 г., опубликованный в «Военном еженедельнике» за 1909 г., № 157, Г. Бербигом.

[3] Постановления федерации, III, 1, 599.

Средневековый воин был, как мы видели, квалифицированным солдатом; не только рыцарь, но и рядовой наемный солдат должен был отличаться ярко выраженной физической храбростью и телесной силой, чтобы быть пригодным на войне. То же требовалось и от ландскнехтов. Однако, их действенность в основе своей зиждилась на их массе и сплоченности; эта сплоченность включала и отдельного человека, обладавшего первоначально недостаточными данными, воспитывала его и превращала его во вполне пригодного воина. При той неуклюжей форме колонны, в которой велся бой, не требовалось трудных упражнений, длительного обучения, чтобы делать из здорового, крепкого человека солдата. Достаточно было знать несколько приемов и получить простые навыки для сохранения своего места в строю. Раз были созданы кадры, нетрудно уже было набирать большие массы таких наемных солдат. Массы давали решительный исход делу. Тот, кто вел на штурм самые большие колонны, должен был победить. Средние века были еще слишком слабы экономически, чтобы выставлять в поле такие массы, да от них не было бы и проку без образования из них тактических единиц. Таким образом, экономико-политическая предпосылка этого нового явления в военном деле — образование больших государств: Французского национального королевства, объединения Арагонии и Кастилии, объединения габсбургских и бургундских владений через брак Максимилиана с дочерью и наследницей Карла Смелого. Как бы ни были велики и богаты ресурсами эти новые государственные образования, однако, в своих войнах они стремились превзойти друг друга и поэтому не только доходили до пределов своих ресурсов, но и переступали через них, ибо, как мы видели, увеличить число солдат было нетрудно, и лишь большое их число открывало путь к победе. Естественный предел численности войск определялся финансовыми ресурсами государей, ведущих войну. Но если противник выходил за эти пределы в расчете на то, что таким напряжением сил он добьется победы, а победа пополнит его дефицит по выплате жалованья, что тогда? Эта надежда с самого начала заставляла обе стороны выходить за пределы денежных возможностей.

Численность армий намного переросла нормальную численность средневековых войск, не только потому, что теперь появились государи, которые могли эту численность оплатить, — нет, она была выше той, какую они в состоянии были оплатить. Ведь солдат можно было набрать значительное количество за задаточные деньги и за посулы будущей платы. Уже наперед знали, что сдержать эти обещания едва ли удастся; даже в военных артикулах мы встречаем оговорку, что солдаты и при неаккуратной выплате им жалованья не должны терять терпения и отказываться от дальнейшей службы. Фактически жалованье очень часто и подолгу не выплачивалось. О стратегических последствиях этого недостатка мы еще будем говорить в дальнейшем. Здесь же речь идет о его влиянии на внутренний склад института ландскнехтов. Несмотря на присягу, несмотря на наличие военных судов, старшин и профосов, внедрить в среду этих наемников действительную дисциплину было невозможно. Могли ли они чувствовать себя связанными своей присягой, когда нанимавший их военачальник не держал данных им обещаний? Военные бунты почти неотделимы от самого существа ландскнехтов. Уже в 1490 г., когда они взяли Штульвейссенбург, они отказались продолжать кампанию

из-за недоплаты им Максимилианом жалованья, и это явление повторяется постоянно.

В 1516 г. ландскнехты взбунтовались под Миланом из-за того, что они получили меньшее жалованье, чем швейцарцы. Максимилиан обратился к ним с речью, называя их «своими дорогими, верными, немецкими ландскнехтами», и, «хотя его императорское величество и говорил такие и еще более прекрасные слова солдатам, все же они его не послушались», — говорит летописец.

Ландскнехт требовал, чтобы недоплаченное жалованье ему возмещали добычей; как же мог начальник помешать ему в этом, раз он не имел возможности уплатить ему жалованье? Последствием такого порядка было ужасающее опустошение страны и притеснение ее жителей там, где проходили войска. Совершенно неправильно представление, будто лишь позднейшее, выродившееся наемничество представляло подобные уродливые явления[1]. Неверно также, что только всякий сброд и преступники шли на призывный бой барабана вербовщика. Конечно, сбегалось много всякого негодного элемента, но масса состояла из сыновей бюргеров и крестьян, часто из хороших семей; патриции и рыцари служили среди них на двойном окладе жалованья. Но сила, когда ей не ставит пределов другая сила, в данном случае — дисциплина, очень скоро считает себя в праве совершать дикие насилия. Даже в отношении рыцарей, которых воспитание и обычаи своего сословия удерживали в известных границах, нам достаточно часто приходится слышать о разбоях и жестокостях. Пехотинцы были в отдельных случаях еще свирепее и страшнее, в силу их большой массы. В городе, взятом штурмом, им все было дозволено, и все женщины были предоставлены их произволу. Предельным зверством было, когда захваченных в плен горожан и крестьян систематически подвергали пыткам, чтобы заставить их указать предполагаемые скрытые сокровища или принудить их родственников уплатить за них выкуп. Нередко даже в тех случаях, когда главнокомандующий заключал договор с осажденным городом и торжественно обещал неприкосновенность жизни и имущества, солдаты не хотели выпустить из рук добычи, грабили и бесчинствовали в сдавшемся городе, как будто он был взят штурмом; начальники не имели власти этому воспрепятствовать и заранее отказывались перечить этой дикой орде.

Хотя солдаты и обязывались присягой соблюдать артикул, предписывавший не оказывать сопротивления профосу, когда он будет их арестовывать, и хотя при полковниках и капитанах состояла личная охрана из нескольких телохранителей, однако, даже о таких полководцах, как Гонсальво де-Кордова и Пескара, нам передают, что они не осмеливались итти наперекор разбушевавшейся толпе, но приказывали хватать и вешать преступника ночью или же мстили впоследствии вожакам бунта.

Полковники и капитаны тем менее могли оказывать своим моральным авторитетом воздействие на солдат, что последние прекрасно

[1] Когда в 1562 г. начались религиозные войны, солдаты той и другой стороны вели себя вначале весьма благонравно: у гугенотов не слышно было божбы и сквернословия, не было азартных игр, не было разврата, народ не мучили. Однако, Колиньи тут же заявил де-ля-Ну: «Это не продлится и двух месяцев», и оказался прав. Впрочем, сам Колиньи в таких случаях действовал сурово и приказывал вешать грабителей. Де-ля-Ну, 26-я речь (Замечания), изд. 1587 г., стр. 681—686.

знали, как их офицеры не только сами были жадны до добычи, но и всячески старались обмануть своего нанимателя, содержа под знаменами менее условленного числа солдат, чтобы положить в карман излишнее жалованье. То же, вероятно, происходило и во время великого переселения народов, и у арабов (II, 299; III, 214). В Средние века, когда мы почти не слышим о численности войск и когда исход сражения зависел от качества бойцов, это зло не могло играть такой существенной роли. Но в наемных войсках XVI и XVII вв. это представляет регулярно повторявшееся и доведенное до невероятных пределов явление. Лазарус Швенди называет обман на смотрах «пагубой немцев». На смотр выводили обозных мальчишек и даже женщин, переодетых в ландскнехтов и поставленных в строй для заполнения условленного числа солдат.

Иногда предписывалось отрезать носы этим «пассиволантам», чтобы одновременно и наказать их за обман и сделать их негодными для повторения такого же обмана в будущем.

Зло, причиняемое распущенностью, усугублялось тем, что за каждой ротой ландскнехтов тащился ее обоз. Притязательный ландскнехт непременно хотел иметь при себе свою жену или, по крайней мере, мальчика для услуг. Действительно, трудно было обойтись без такой поддержки в случае заболевания и ранения, при недостатке лазаретов, а заболевания играли огромную роль в этих скученных массах с их дикой распущенной жизнью, переходившей от излишеств к лишениям, при недостатках их размещения и медицинской помощи и крайне антисанитарных условиях.

Против вспыхивавших эпидемий люди были бессильны. Богемская армия под Будвейсом зимой 1618/1619 гг. потеряла от заболеваний две трети своего состава, более 8 000 человек. У испанцев организовывались товарищества взаимной помощи на случай заболевания или ранения [1]. В основном же уход лежал на женщинах — как на законных женах, так и на проститутках.

Когда в 1567 г. герцог Альба шел походом из Италии во Фландрию, за его войском следовало верхом 400 куртизанок, «прекрасных и добрых, как принцессы», — говорит Брантом; другие описывают их как мегер, более злобных, чем мужчины. Как бы то ни было, такой обоз представлял большие затруднения для передвижения и довольствования всех армий и усугублял бедствия, обрушившиеся на страну, через которую проходили. Некая рукописная военная книга так описывает нам этих солдатских женок [2]:

«Надлежит отметить, что у римлян не дозволялось брать с собой в поход женщин ни лицам высокого ранга, ни лицам низкого ранга, что было бы крайне желательным и в наши времена, как у нашей нации, так и у валлонов. В том, что этим так страшно злоупотребляют у нас, виновны не одни простые солдаты, но и офицеры высоких рангов, да и сам государь. Впрочем, немецкие женщины оказались весьма полезными нашим солдатам для ухода во время болезни и для переноски вещей, особенно в Венгрии. Редко встретишь такую из них, которая тащила бы на себе менее 50—60 фунтов. Сам солдат нагружен продовольствием и другими вещами, а на нее наваливает солому

[1] Об этих товариществах подробно говорит де-ля-Ну, 16-я речь, изд. 1587 г., стр. 352 и сл.

[2] Иэнс, II, стр. 924.

и дрова, не говоря о том, что многие из них несут вдобавок на спине одного, двух и даже больше детей. Обычно, впрочем, она носит на себе для мужа сверх надетого на него платья 1 пару штанов, 1 пару чулок, 1 пару башмаков, да и для себя столько же чулок и башмаков, 1 куртку, 2 рубашки, 1 сковороду, 1 горшок, 1 или 2 тарелки, 1 простыню, 1 плащ, 1 палатку, 3 колышка. К тому же, на стоянках она не получает дров для варки пищи и потому нагружается ими еще по дороге. А в довершение бремени она обычно еще ведет собачку на веревочке или несет ее на руках в плохую погоду».

Граф Иоганн Нассауский предлагал заменить жен маркитантами, врачами и санитарами: «Холостые ребята должны образовывать товарищества, как испанцы, чтобы помогать друг другу во время болезни или иной беды».

Договором рейтаров с гугенотами в 1568 г. было обусловлено, что на каждых 4 или 6 всадников они должны были получить по одной подводе. У ландскнехтов полагалось по одной повозке [1] на каждые 10 человек.

Дисциплина — дело не только карательной власти и наказаний, но также воспитания и привычки. Хотя препятствием выработке дисциплины служила уже неаккуратная выплата жалованья, но едва ли не в еще большей мере этому содействовало то обстоятельство, что ландскнехта всегда брали на службу временно — на несколько месяцев или на продолжительность данного похода. Вальгаузен передает нам [2], как солдаты, после увольнения, «как только знамя снято с древка и полк распущен», мстят строгим начальникам и тем их запугивают; «тут самый ничтожный, распущенный и пустой негодяй может вызвать на поединок своего капитана, своего лейтенанта, своего знаменосца, своего фельдфебеля, своего капрала, своего вахтмейстера, своего квартирмейстера, самого профоса и его помощников, которые не смеют показаться. Мало того, он может им сказать: «Ну, брат, ты был моим начальником, теперь уж — нет! Теперь ты ни на волос не лучше меня, теперь фунт волос (да и грубых волос, выдранных из места, где скверно пахнет) стоит то же, что фунт ваты. Ну-ка, выходи со мною на бой! Посмотрим, лучше ли ты мошенника или вора? Помнишь, как ты меня там-то и там-то смазал на карауле, там-то и там-то угощал?».

Немецкие солдаты служили то у одного государя, то у другого, то императору, то французскому королю, то папе, Венецианской республике, либо Нидерландам или Англии, а там — датскому королю и особенно часто королю шведскому. Наоборот, мы нередко встречаем поляков на службе у немецких государей [3] и, конечно, венгерцев и кроатов на службе у императора. Наемный солдат идет к тому, кто ему платит; он не спрашивает, за что сражается. Правда, религия иногда оказывала известное влияние. Ландскнехты Фрундсберга были сторонниками Лютера; но главную роль при этом играла отрицательная,

---

[1] S. E. Gigon, La troisième guerre de religion. Jarnac—Moncontour (1568—1569), стр. 376.

[2] Военное искусство пехоты (Kriegskunst zu Fuss, стр. 20, 21). *Прим. Дельбрюка.*

Переводом этого труда является первый русский устав: «Хитрости ратного строения пеших людей». — *Ред.*

[3] Например, Георг Люнебургский держал у себя на службе в 1636 г. не менее 1 200 поляков.

а не положительная сторона — ненависть к попам. Во время религиозных войн во Франции католики-швейцарцы помогали Карлу IX, а немецкие протестанты посылали подмогу своим единоверцам. Можно было бы полагать, что в Тридцатилетнюю войну войска должны были бы стоять друг против друга, строго различаясь в отношении вероисповедания. По началу так и было, и немцев-католиков поддерживали испанцы и итальянцы, а протестантов — венгерцы, англичане и шотландцы.

Но антагонизм внедрился в массы недостаточно глубоко для того, чтобы был исключен переход из одного лагеря в другой. В особенности пленные весьма охотно поступали на службу к победителю. Когда в 1594 г., — сообщает граф Эбергард Сольмс [1] своему двоюродному брату Иоганну Нассаускому, — Гронинген капитулировал, Мориц предоставил свободный выход гарнизону и «из милости почтил и пожаловал им их 9 знамен». При выходе многие убежали от своих капитанов и «стали под знамена» победителя; если бы знамена сорвали с древков еще в городе, то, пожалуй, как они дали понять, перебежала бы половина. Когда в 1600 г. нидерландцы завоевали крепость св. Андрея, почти весь гарнизон, 1 100 человек, перешел на службу Штатов [2].

После сражения при Брейтенфельде Густав Адольф писал домой, что он взял столько пленных, что пополнил ими все свои потери. В сражении при Лейпциге, в 1642 г., к концу боя имперская пехота оказалась окруженной в открытом поле и частью была перебита, «частью же попросила пощады и предложила поступить на службу, чем и сохранила себе жизнь. Затем они колоннами и ротами, частью даже со знаменами, продефилировали в таком порядке, сначала по полю сражения, а затем к шведскому обозу, словно они присягнули королеве и шведской короне. Так как полковник Даниэль, взятый с ними в плен, пользовался большим авторитетом среди этих солдат, то он отправился с ними к фельдмаршалу (Торстенсону). С разрешения последнего он сформировал почти целый новый полк, ибо прежний его полк был сильно потрепан. Этот полк долгое время просуществовал и исправно нес службу в шведской армии» [3].

В 1647 г. император и Врангель [4] стояли друг против друга на р. Эгер в двух укрепленных лагерях. Имперцы терпели нужду. «Много старых солдат перебежало к шведам, так что кавалеристам пришлось сторожить пехоту» [5].

Когда швейцарцы в свое время противопоставили рыцарству свою военную организацию, жестокость войны усилилась до крайних пределов. Рыцари часто больше стремились к тому, чтобы взять противника в плен, чем его убить. Швейцарцы не только не давали в бою пощады, но закалывали и убивали всех мужчин в городах, взятых приступом. Швейцарцы и ландскнехты также долгое время были врагами, не дававшими друг другу пощады. Постепенно, однако, нравы несколько смягчились; стали различать «злую» и «добрую» войну и заключать между собою соответственные конвенции, которые преду-

---

[1] Archives Oranien-Nassau, 2-я серия, ч. IV, кн. 2, стр. 275.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Chemnitz, Der Schweedische Krieg, ч. IV, кн. 2, стр. 114.
[4] Врангель — шведский полководец, командовавший после Торстенсона в конце Тридцатилетней войны. — *Ред.*
[5] Пуфендорф, т. XIX, изд. 1688 г., II, стр. 320. Очевидно, по Хемницу.

сматривали выкуп пленных; выкупная плата устанавливалась, например, в размере месячного жалованья; такие договоры полагали также пределы грабежам, убийствам и поджогам в стране. Со временем подобная взаимная пощада стала даже опасной в военном отношении, так что Валленштейн однажды нашел нужным запретить принимать пленных, если перед тем не происходило боя [1].

Однако, мы нередко наблюдаем, как при взятии приступом крепости избивались целые неприятельские гарнизоны, а противная сторона при первом же случае платила той же монетой.

Особое явление в такой военной организации представляет ландскнехт после его увольнения со службы. Редко он желает или может вернуться к какой-либо гражданской профессии: он ждет, пока его снова не призовут, или сам отправляется на поиски нового военного вождя. До тех же пор он пробавляется попрошайничеством, воровством и грабежом. По не вполне достоверно истолкованному выражению, которое, может быть, просто означало «ожидать», это называлось «auf die Gart gehen» (итти на сторожку) и говорили о «gardende Knechte» или «Garde Brüder». Конечно, они были жестоким бичом для страны. Уже в XII в. Барбаросса и Людовик VII французский заключили между собой соглашение об их подавлении (т. III, стр. 330); в XV в. они под названием «арманьяков» и «живодеров» (Schinder) оставили по себе особо дурную память.

В январе 1546 г. Дания, Кельн, курфюрст Саксонский, Мюнстер, Люнебург, Гессен, Маннсфельд, Текленбург, Аугсбург, Гамбург, Гослар, Магдебург, Брауншвейг, Гильдесгейм, Ганновер объединились между собою, чтобы вместе со своими соседями принять меры против «ожидающих» (gardende) ландскнехтов.

Вальгаузен [2] прекрасно разъясняет, что народам стоило бы дешевле все время держать солдат под знаменами и тем самым в повиновении, чем предоставлять им самим добывать себе пропитание таким путем. Но для этого требовалась правильная налоговая система, а налоговую систему, как мы увидим ниже, не так-то легко организовать.

Так дело дошло до уродливого промежуточного положения: между «ожиданием» ландскнехта и систематическим сбором налогов. Курфюрст Георг Вильгельм Бранденбургский издал по этому поводу (5 мая 1620 г.) эдикт, который я привожу здесь дословно, как культурно-исторический документ величайшего значения и показательности. Он гласит:

«Поскольку всем известно, что мы приказали вербовать и принимать на службу известное число пехотных солдат и что при этом последние, особенно до того времени, которое назначено для смотра, бродят повсюду и обременяют бедных селян своими многими просьбами, то дабы тому положены были известная мера и порядок, настоящим мы повелеваем этим нашим солдатам накрепко, дабы они не бродили толпами более 10 человек, и притом без удостоверений своих капитанов и командиров, и удовлетворялись бы тем, что на отряд из 10 человек

---

[1] Такое соглашение о доброй войне (de bonne guerre) было, например, заключено между Гонзаго и Бриссаком в 1553 г. Гарди (Hardy, Histoire de la tactique française, стр. 463) сообщает: «Hommes d'armes» (дворяне) и простые солдаты будут тотчас выпущены (soudain relachés), после того как они будут «devalisés», т. е. обезоружены и обобраны.

[2] «Военное искусство пехоты», стр. 16 и 22; Иэнс, II, 1018.

в каждом селе им будут давать 3 рейхсгрошена, или 36 пфеннигов по предъявлении ими их удостоверений. Когда же они бродят в одиночку и им каждый крестьянин или хуторянин (Hüfner) подадут 2 пфеннига, а половинщик и огородник — по 1 пфеннигу, то и этим они должны удовлетворяться и никого из-за этого не обижать; особенно же пусть не дерзают они похищать кур или другое что; если же у одного или нескольких из них выйдет при этом неладно и их прогонят побоями, то пусть не пеняют ни на кого, кроме как на себя самих.

Не хотим мы также, чтобы они взяли в обычай слишком часто или в слишком большом числе посещать одно какое-нибудь село и тем высасывали бы все соки из тамошней бедноты; как только они придут на село, они должны, как уже сказано, предъявить свои удостоверения, а так как нигде или почти нигде нельзя найти такого села, в котором не было бы ни одного грамотея, то надлежит записать имена тех, которые заходили, и день их прихода, а запись эту хранить.

Предоставляем выбору самих поселян, будут ли они каждый подавать безработному солдату положенные 2 или 1 пфенниг или же они вместе соберут свои гроши и отдадут их своему помещику (Junker), чтобы тот их распределил между солдатами. В таком случае прибывающих солдат надо всякий раз отсылать к помещику. В тех селах, где помещик не проживает, деньги эти можно сдавать и сельскому старосте».

Таким образом, эдикт предусматривает и тот случай, когда безработный солдат вместо подаяния получит затрещину. В действительности, надо полагать, что когда один или несколько таких буйных молодцов со шпагой у бедра или с алебардой на плече входили на крестьянский двор, да еще в отсутствие мужа, который работал в поле, то крестьянка рада была, когда они, получив несколько грошей или курицу, проходили дальше. Однако, не будем смеяться над неловкостью или недомыслием наших предков: безработный наших дней, выброшенный на улицу в поисках заработка и вынужденный тем временем питаться подаяниями, — явление, знакомое и в наши времена.

В журнале немецкого языковедения — Приложение (Zeitschrift für deutsche Sprachkunde, 1912 г.) Гельблинг сделал несколько весьма интересных сопоставлений тех иностранных военных терминов, которые проникли к нам еще до Тридцатилетней войны. Tross (обоз) (с французского) появился еще в Средние века. Proviant (провиант) или Provandt, Bastei (бастея) — еще в XV в.; Leutenant — лейтенант, Quartier — квартира, Furier — фурьер, Munition — огнестрельные припасы, marschieren—маршировать, Profoss (от латинского propositus—предложенный)—профос, Säbel (со славянского) — сабля, с начала XVI в., Soldat (с итальянского) — солдат, приблизительно с 1550 г., более распространено с 1609 г., General — генерал (сперва в соединении — General-Hauptmann — генерал-капитан и т. п.), Commiss — комиссар для снабжения солдат провиантом, Marketender (с итальянского) — маркитант, с середины XVI в., Officier — офицер (сначала придворный служащий, с конца XVI в. применяется и к военным должностным лицам). Disciplin — дисциплина, конец XVI века. Infanterie — инфантерия, или пехота, Front — фронт (впервые у Валльгаузена), Armée — армия, Kompagnie — рота, Kavallerie — кавалерия, Kanone — пушка, Garnison — гарнизон, Bagage — войсковой багаж (Paggagie), Exerzieren — строевое учение, около 1600 г. или в начале XVII в.

Глава V

Отдельные сражения

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРИНЬОЛЕ
28 апреля 1503 г.

Этот бой между испанцами и французами в Нижней Италии можно рассматривать как первый законченный образчик нового военного искусства со времени создания европейской пехоты. Я не намерен давать здесь подробного анализа этого сражения, отмечу лишь, что Фабрицио Колонна, принимавший в нем участие, сказал Иовиусу, что победу одержали не храбрость войск и не доблесть (valore) полководца (Гонсальво), а небольшой вал и ров, который испанцы соорудили перед своим фронтом и заняли стрелками. Эта-то позиция и послужила исходной для наступления пехоты.

Препятствие на фронте — действие огня стрелков, — атака или отказ от атаки препятствия, оборона препятствия или выход из него в контратаку, — таковы основные черты, характеризующие отныне картину любого сражения. Гонсальво де-Кордова был творцом первичной формы; полководцы, впоследствии применявшие ее, все вышли из его школы [1].

СРАЖЕНИЕ ПРИ РАВЕННЕ [2]
11 апреля 1512 г.

На одной стороне — папа Юлий II, в союзе с Венецией и Испанией, на другой — Людовик XII, король французский, который владел тогда Миланом. Испанцы продвигались из Неаполя с вице-королем Кардоною во главе; с севера, со своих гор, спускались швейцарцы, предоставившие себя в распоряжение папы (осенью 1511 г.). Но так как нелегко было организовать совместные действия, особенно в плохую зимнюю погоду, то швейцарцы, может быть, не без участия французского золота, повернули назад. Теперь перевес оказался на стороне французов. Они заставили союзников снять осаду с Болоньи, снова захватили Брешию, захваченную венецианцами, и с прибытием новых подкреплений, состоявших из французской пехоты, главно-

---

[1] Гобом, II, стр. 518.

[2] Это сражение подробно разобрано Рюстовым в его «Истории пехоты» (Rüstow, Geschichte der Infanterie), Иэнсом в его «Руководстве по истории военного дела» (Jähns, Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens) и у Ранке в «Истории романских и германских народов» (Ranke, Geschichte der Romanischen und Germanischen Völker). Собр. соч., т. 33, стр. 275. Все эти описания, значительно расходящиеся между собою, подлежат существенным исправлениям. Рюстов чрезмерно и исключительно придерживался Гвичиардини; Ранке и Иэнс опирались главным образом на Кокциния, который, по сравнению с более достоверными источниками, едва ли заслуживает внимания. Основоположное, построенное на источниках исследование мы имеем в Берлинской диссертации Эриха Зидерслебена (1907 г.), изд. Георга Наука. Основными первоисточниками служат: письмо Фабриция Колонны, командовавшего рыцарством на стороне испанцев (напечатано в «Дневниках»), Diarii (Марино Сануто, т. XIV, стр. 176, Венеция, 1886 г.) и отчет флорентийского уполномоченного Пандолфини, который присутствовал при сражении во французской главной квартире (напечатано у Desjardins, Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, т. II, стр. 581, Париж, 1861 г.).

командующий Гастон де-Фуа решил, во исполнение приказа своего короля, перейти в широко задуманное наступление, с тем чтобы, при благоприятных обстоятельствах, продвинуться даже до самого Рима.

Испанский полководец, напротив, стремился оттянуть решение, ибо император, английский король и швейцарцы, повидимому, были склонны держать сторону испанцев. Когда французская армия, сопровождаемая продовольственным транспортом (Гвичиардини), в конце марта стала приближаться, Кардона занял позицию на восточном склоне Апеннин, которую противник, несмотря на свое превосходство сил, не рискнул атаковать.

В то время как испанцы без труда добывали себе продовольствие из городов Эмилии, французы стали терпеть недостаток. Тогда Гастон направился к Равенне. В последнюю минуту испанцам удалось усилить ее гарнизон, и штурм, предпринятый французами, был отбит. Однако, долго этот город не мог бы устоять против французской артиллерии; полевой армии надо было что-нибудь предпринять для его выручки. Испанцы продвинулись ближе и нашли к юго-востоку от Равенны позицию, которая, по мнению Фабриция Колонны, начальника испанской кавалерии, отвечала всем требованиям: ее трудно было атаковать, легко было доставлять продовольствие, из нее можно было серьезно угрожать противнику, если бы он продолжал осаду, и в то же время препятствовать подвозу ему провианта.

Наварро, начальник испанской пехоты, считал более удачной другую позицию, на 1 итальянскую милю ближе к неприятелю, и Кардона приказал ее занять, несмотря на протесты Колонны и его заявления, что это неизбежно приведет к сражению [1].

Левый фланг опирался на р. Ронко, протекавшую по глубокой ложбине, по ту сторону которой стояли французы. Таким образом, до их подхода у испанцев оставалось время обеспечить фронт возведением укреплений. Наварро уже прославился устройством таких укреплений. Позади рва [2] был расставлен ряд повозок, из которых каждая была снабжена пикой, торчащей в направлении неприятеля, между повозками были расставлены стрелки и полевые кулеврины (орудия). Позади этого укрепления построилась пехота, с испанцами в первой линии; вторую линию образовали две квадратные колонны итальянцев; влево от пехоты, близ крутого берега Ронко, поместилась тяжелая кавалерия, перед фронтом которой не было непрерывного искусственного препятствия; по всей вероятности, нехватило времени протянуть ров до берега реки; расстояние от берега реки до конца рва равнялось, приблизительно, 40 *м*.

На правом фланге стояла легкая кавалерия под начальством молодого Пескары, мужа Виттории Колонны.

Источники ничего не говорят о том, что этот фланг также примыкал к какому-либо местному препятствию. Однако, итальянский топографический план показывает, что на расстоянии несколько больше километра от Ронко начинаются сырые, топкие луга, пересеченные канавами и, следовательно, почти непригодные для передвижения войск. Поэтому-то, вероятно, легкую конницу отделили от тяжелой и поста-

[1] Согласно письму Колонны.

[2] Судя по итальянской топографической карте, ров этот, повидимому, существует и доныне, хотя и не доходит так близко до Ронко, как то было, согласно нашим источникам, в 1512 г. во время сражения.

вили на этот фланг. А так как, к тому же, линия фронта направлялась перпендикулярно к течению Ронко, с некоторым уклоном назад, то обход с этой стороны был тем более затруднен.

Численность французов достигала приблизительно 23 000 человек [1], в том числе сильный отряд немецких ландскнехтов в 5 000—6 000 человек под начальством Якоба фон-Эмса. Испанцев было 16 000 чело-

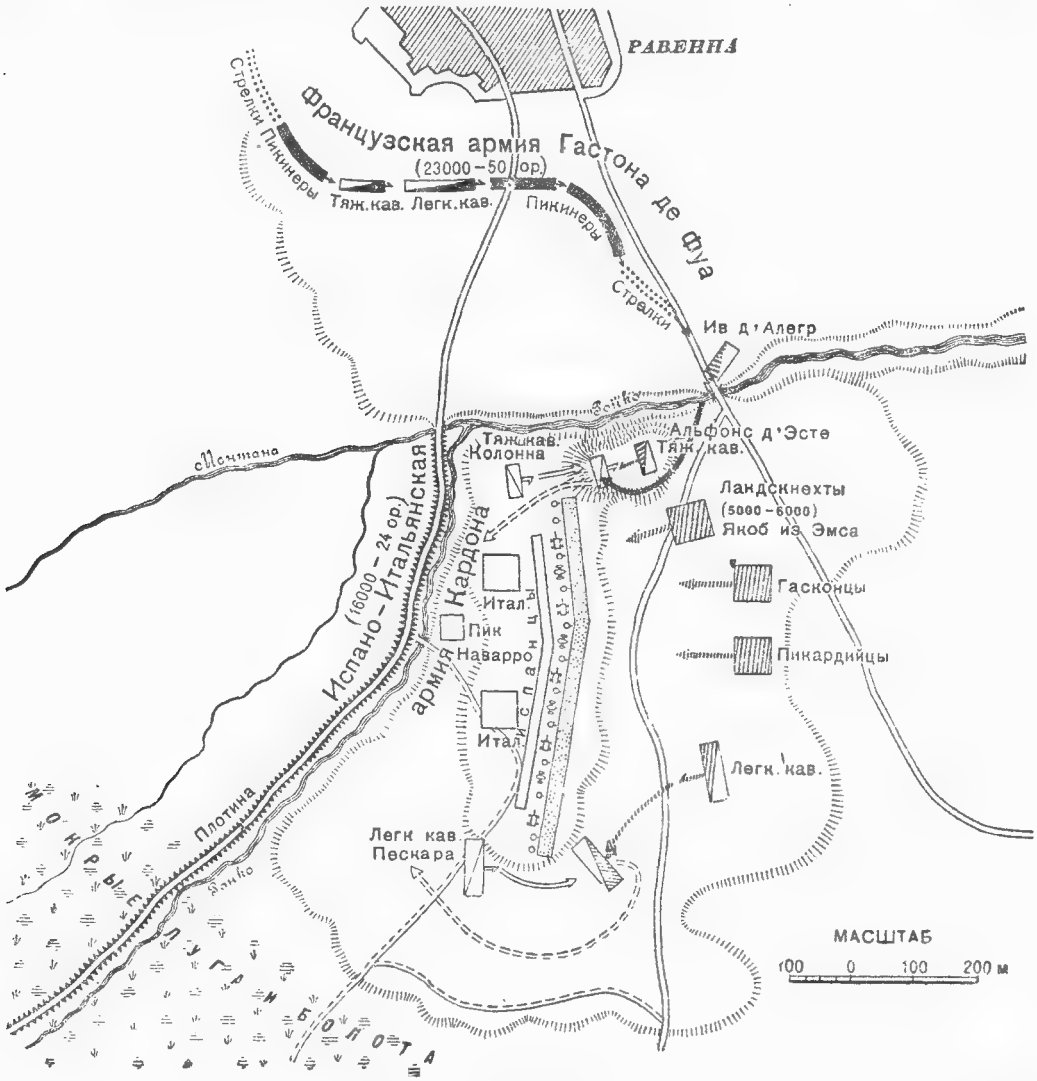


Схема 1. Сражение при Равенне 11 апреля 1513 г. Завязка боя. Атака испанской кавалерии.

век, т. е. они были почти вдвое слабее. Кроме того, французы почти вдвое превосходили их артиллерией, имея около 50 орудий против 24.

Вследствие естественной силы позиции испанцев, наращенной к тому же укреплениями, на французском военном совете обнаружилось колебание — отважиться ли на атаку. Но так как при ином решении ничего другого не оставалось, как снять осаду и бесславно

[1] Я считаю в том числе и те 400 копий, которые под начальством Ив д'Алегр стояли у моста через Ронко и позднее приняли участие в сражении.

отступить, то юношески пылкий принц Гастон решился, в конце концов, на атаку и нашел средство лишить противника всех преимуществ его положения.

Едва забрезжило утро, как французское войско переправилось через Ронко, частью по мосту, частью вброд, и развернулось перед неприятельским фронтом.

Колонна предлагал вице-королю, ввиду близости противника, выступить еще до рассвета и атаковать его во время переправы через реку. Мост отстоял от испанских позиций всего на полкилометра. Однако, испанский главнокомандующий решил держаться плана Навarро и ожидать неприятеля на неприступной оборонительной позиции.

Итак, французы развернулись прямо перед фронтом испанцев: справа — тяжелая кавалерия, слева — легкая, в центре — пехота. Центр, говорят, был несколько отодвинут назад, так что построение имело форму полумесяца; однако, нельзя усмотреть, какая именно цель этим преследовалась, да и на ход боя это не оказало никакого влияния.

Ни с той, ни с другой стороны мы не наблюдаем никаких следов трехколонной швейцарской тактики. Эта трехколонная тактика рассчитана на бурное наступление, по крайней мере, одной или двух, если не всех трех колонн. Испанцы же занимали чисто оборонительную позицию, да и французы после развертывания не сразу двинулись в атаку.

Произошло нечто совершенно новое. Правда, атакующая армия приблизилась на известное расстояние к неприятельскому фронту, но тут она пустила в ход свою артиллерию, а остальные войска действовали, только прикрывая артиллерию.

Испанская артиллерия успешно отвечала французской, ибо, хотя она и была численно гораздо слабее, но имела на своей стороне преимущество позиции. Однако, на стороне французов был герцог Альфонс д'Эсте (Феррарский), который поставил своей особой задачей развитие нового оружия — артиллерии. Его цейхгаузы были полны орудий; французы, благодаря присланному им контингенту, были весьма сильны в этом роде войск, а орудийный расчет был превосходно обучен. Герцог понял невыгоды своей позиции, а потому вывел часть орудий из-за фронта пехоты и поставил их на таком месте, — вероятно, на небольшом возвышении, — откуда они могли поражать испанцев с фланга[1]. Навarро приказал своей пехоте лечь на землю, чтобы избежать действия огня. Зато испанское рыцарство жестоко пострадало от перекрестного огня с фронта и с фланга. Современная кавалерия, несомненно, уклонилась бы от сильнейшего действия неприятельского огня, переменив место и использовав какую-нибудь неровность почвы. Но испанское рыцарство не было до такой степени в руках своих вождей, чтобы правильно выполнять подобного рода передвижения. Напротив, как только орудийные снаряды начали попадать в их ряды, они стали требовать от своего начальника Колонны, чтобы последний вел их в атаку.

---

[1] Нельзя сказать, чтобы артиллерийский маневр был совершенно ясен, ибо нельзя допустить, чтобы, как то передает Гвичиардини, Д'Эсте очутился совершенно на правом фланге неприятеля, а его орудия, конечно, не обладали такой дальнобойностью, чтобы поражать продольным огнем весь неприятельский фронт. Возможно, что новый осмотр поля сражения мог бы выяснить это недоумение.

Потери, понесенные при этом, были, вероятно, численно не так уж велики, ибо даже наиболее опытный орудийный расчет мог тогда стрелять лишь крайне медленно и далеко не метко. Но и те немногие тяжелые ядра, которые пролетали через массу или ударяли в нее, разрывая на части и поражая отдельных всадников и коней, создавали впечатление невыносимости положения. Колонна послал Наварро и Пескаре предложение — начать одновременное наступление по всему фронту. Естественно, что Наварро отклонил такое предложение, ибо этим испанцы отказались бы от всех преимуществ столь тщательно выбранной оборонительной позиции. Это так ясно, что едва ли сам Колонна мог в этом отношении заблуждаться. Но вести оборонительный бой — дело не легкое; для этого нужно, чтобы войска были всецело в руках полководца. Колонна же не был полным хозяином своих рыцарей. Последние бросились в атаку на стоявших против них французских рыцарей, чтобы уйти от пушечных ядер. В бою, который развернулся, они были разбиты, тем более что французы могли привлечь еще резерв в 400 копий, который они оставили на мосту через Ронко, и направили его испанцам во фланг.

На другом крыле, где стояла легкая кавалерия, разыгрались совершенно тождественные события: итало-испанская кавалерия Пескары атаковала неприятельские орудия и была разгромлена превосходными силами противника. В центре Наварро сдержал свою пехоту; при безусловно рациональном командовании французская пехота тоже должна была бы удержаться от наступления до тех пор, пока кавалерия не одержала бы полную победу на флангах, чтобы затем совместно с нею пойти на штурм.

Но, повидимому, испанская артиллерия начала поражать неприятельскую пехоту на большем расстоянии, чем последняя того ожидала; тогда и ее уже нельзя было удержать, и она ринулась в атаку. Наварро велел своим солдатам подняться, задние колонны примкнули к первой линии, и все бросились на неприятеля, когда последний, уже расстроенный предшествовавшим залпом аркебуз, пытался перебраться через ров. Пикардийцы и гасконцы отступили под напором испанцев, но ландскнехты устояли, хотя испанцы, лучше вооруженные коротким оружием, наносили им тяжкий урон там, где им удавалось втиснуться между длинными пиками.

К решительному исходу привело то, что французская кавалерия тем временем одержала победу на обоих флангах и ударила в оба фланга итало-испанской пехоте. Отхлынувшие было пикардийцы и гасконцы снова перешли в наступление; атакованные со всех сторон значительно превосходными силами, войска Наварро были вынуждены, в конце концов, отступать. Однако, несмотря на все понесенные ими потери, они не дали себя рассеять и отошли в числе 3 000, сомкнутым строем по плотине вдоль Ронко. Их предводитель Наварро был взят в плен, так же как и оба предводителя кавалерии Фабриций Колонна и Пескара. Гастон де-Фуа был убит, когда он с отрядом рыцарей попытался рассеять отступающую колонну главных сил испанских пикинеров.

Интересная сторона Равеннского сражения заключается в той роли, которую сыграла артиллерия на стороне наступающего. Гастон де-Фуа вполне сознательно пустил ее в ход, сначала совершенно одну, не только для того, чтобы разрыхлить к предстоящей атаке ряды рыцарей и пехотинцев, но и для того, чтобы при помощи огня выма-

нить неприятеля из его прекрасной оборонительной позиции и побудить его перейти в наступление. О том, что это не было лишь случайным последствием, но сознательно намеченной целью — свидетельствует Гвичиардини, который вкладывает заявление об этом в уста Гастона, в его обращении к войскам; особенно же это подтверждает

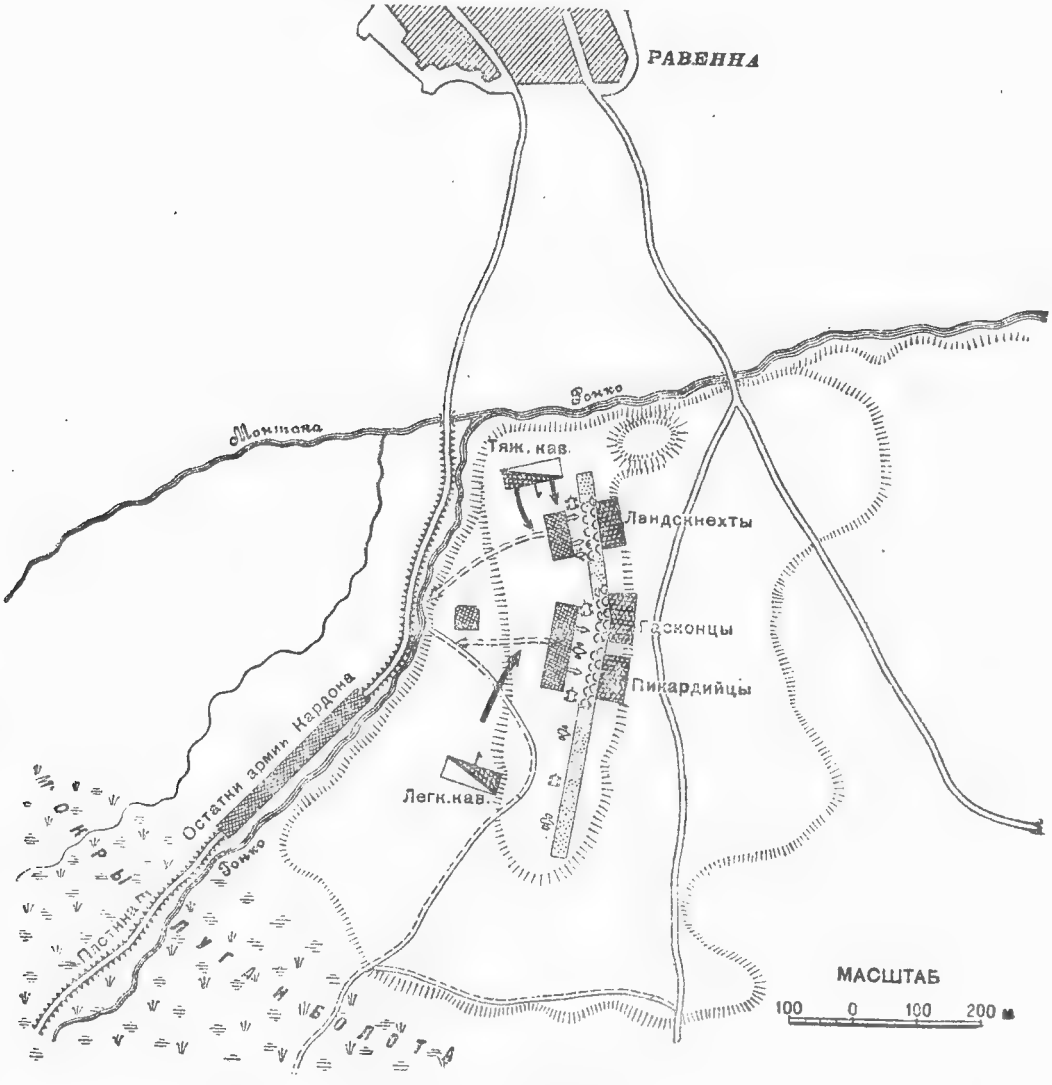


Схема 2. Сражение при Равенне 11 апреля 1513 г. Атака пехоты, поражение и отступление испанской армии.

флорентийский посол Пандолфини, присутствовавший в сражении с французской стороны. Макиавелли в своих Discorsi (Речи) I, 206, говорит: «Неприятельский огонь выгнал испанцев из их окопов и заставил их дать бой». Принуждение имело место исключительно в отношении испанской конницы левого фланга.

Поэтому легко возникает вопрос: почему же ее не отвели и не поручили прикрытие стоявших позади орудий отряду пехоты, которая, лежа на земле, могла бы до известной степени оградить себя от действия огня, как то сделала основная масса испанской пехоты? Ответ

на этот вопрос заключается в том, что рыцарство не так-то легко было увести назад с того места, где оно построилось.

Противоречившая намеченному плану атака испанского рыцарства загубила сначала атакующего, а затем — вследствие фланговой атаки французского рыцарства — сгубила пехоту, которая тем временем чуть было не одержала победу. Если бы испанская кавалерия выждала на своей позиции атаку французской кавалерии, то смогла бы, вероятно, ее отразить, ибо промежуток между рвом, тянувшимся вдоль фронта, и берегом Ронко, по которому должна была пойти атакующая кавалерия, был лишь в 40 *м* (20 braccia) ширины (Пандолфини), а у Наварро был наготове отряд из 500 пикинеров на подмогу там, где это потребовалось бы, в данном случае — рыцарству, как только у них завязался бы рукопашный бой с неприятельской конницей.

Как ни блестяща была победа под Равенной, французы не извлекли из нее никакой выгоды. Немецкие ландскнехты, принявшие столь существенное участие в одержании победы, были отозваны императорским указом из французского лагеря и последовали этому повелению, за исключением каких-нибудь 800 человек, которые ни во что не ставили авторитет императора. Между тем швейцарцы, которые своим уходом в предшествующую зиму развязали руки французам для борьбы с испанцами, снова появились на сцене. В качестве союзников папы и Венецианской республики и с согласия императора Максимилиана, они, в числе 18 000 человек, прошли через Тироль и присоединились к венецианцам, благодаря чему образовалась такая могучая армия, что французы, не отважившись на новое сражение, покинули Италию. Прошло лишь два месяца после сражения при Равенне, а они уже были на пути во Францию через Монт-Сенис, удержав за собой в Миланской области лишь несколько укрепленных замков. Правда, мы читаем у современников, что смерть полководца, Гастона де-Фуа, якобы, лишила французов всех плодов их победы.

Правильнее было бы сказать наоборот — что рыцарская смерть на поле брани оградила молодого французского принца от того, чтобы непосредственно за тем последовавшее стратегическое поражение оказалось связанным с его именем.

Я не представляю себе, чтобы он смог поступить существенно по-иному и лучше, чем заместивший его Ля-Палис. Перед абсолютным превосходством сил даже стратегический гений должен оказаться бессильным.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НОВАРЕ [1]
6 июня 1513 г.

Столь же быстро, как политическая конъюнктура вытеснила французов из Италии, несмотря на их победу при Равенне, столь же быстро она изменилась и снова открыла им двери в эту страну. Венецианцы перешли на их сторону, а политика Швейцарской федерации стала колеблющейся. В Италии появилась французская армия, вновь усиленная крупными контингентами немецких ландскнехтов; она взяла

[1] Это сражение проанализировано в двух весьма ценных брошюрах, появившихся непосредственно одна за другою: «Новара и Дижон. Кульминационная точка и момент упадка великодержавного значения Швейцарии в XVI столетии» (Novara und Dijon. Höhepunkt und Verfall der Schweizerischen Grossmacht im XVI Jahrhundert, д-р фил. Э. Гальярди. Цюрих, 1907 г., изд. бр. Лесман и К°). «Битва при Новаре» Георга Фишера (Georg Fischer, Die Schlacht bei Novara). Берлинская диссертация, 1908 г., изд. Георга Наука.

Милан и осадила герцога Максимилиана Сфорцу с его вспомогательным швейцарским отрядом в Новаре. Когда бедственное положение в этом городе, вызванное превосходным действием французских орудий, дошло до крайнего предела, с севера на выручку явилась швейцарская армия; французы решили отступить на восток, к своим венецианским союзникам. К вечеру прибыла в Новару, после чрезвычайно форсированных маршей, только первая половина швейцарской армии, снятие же осады, увод орудий и весьма значительного

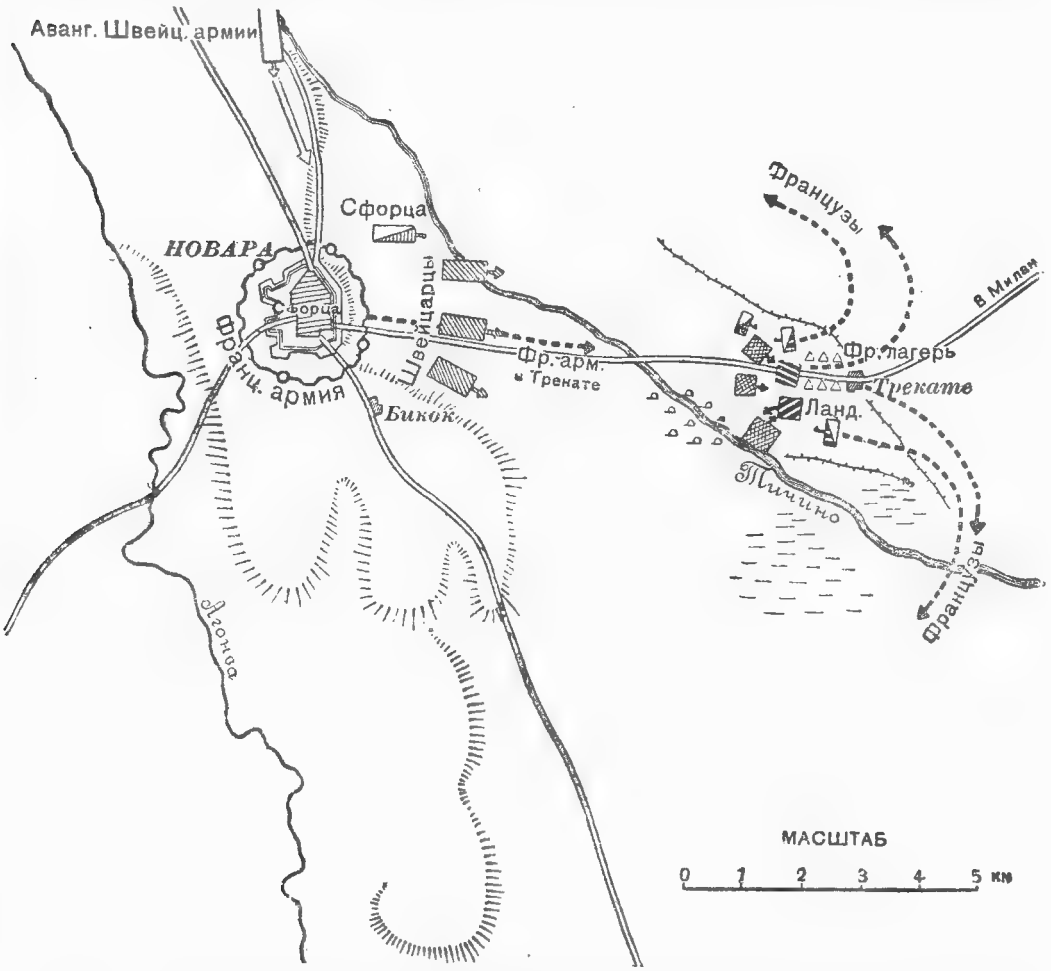


Схема 3. Сражение при Новаре 6 июля 1513 г. Атака швейцарцами французского лагеря.

обоза отняло много времени и труда; поэтому французское войско отошло в этот день лишь на 4 *км* от Новары и разбило свой лагерь перед местечком Трекате в несколько болотистой, пересеченной канавами местности.

Эта непредусмотрительность не ускользнула от внимания швейцарских вождей. Ничто так не соответствовало их тактике, как внезапное нападение: со времен Моргартена они хорошо знали цену стратегии, умеющей пользоваться внезапностью. Лишь вечером прибыв в Новару, вожди уже ночью собрались на военный совет и решили, не дожидаясь подхода второй половины армии, тотчас же

перейти в наступление. До полуночи французы слышали, как швейцарцы шумели в городе, и предполагали, что они пируют по случаю снятия осады. Передают, что Тривульцио, командовавший вместе с Ля-Тремуйль французской армией, сказал: «Теперь пьяницы отсыпаются после хмеля, и мы можем спокойно лечь отдохнуть!»

Французы тащили с собою своего рода деревянную крепость из пригнанных друг к другу столбов и плах — изобретение графа де-ля-Марка,— немало затруднявшую движение их обоза; к тому же в ней было мало проку, хотя бы потому, что она была так мала, что могла вместить лишь часть армии. Однако, в эту ночь французы чувствовали себя в полной безопасности и не расставили даже своей крепости.

Внезапно по лагерю разнеслась весть, что швейцарцы уже здесь и начинают атаку. Лишь несколько часов отдыхали эти крепкие горцы после своего форсированного марша и попойки; до рассвета их созвали, и они, «как пчелиный рой», ринулись через ворота и через бреши, пробитые в стенах артиллерийским огнем, в открытое поле, «чтобы отыскать своих врагов и испытать свое счастье».

Здесь вновь мы видим старый боевой порядок трех колонн, но обдуманно приноровленный к обстоятельствам. Колонна, шедшая с севера в обход правого фланга французов, имела сравнительно немногочисленную пехоту, но ее сопровождал герцог Максимилиан со своими итальянскими рыцарями; средняя колонна, направлявшаяся прямо на фронт лагеря, где стояла французская артиллерия, была тоже немногочисленна; ее задача заключалась не в том, чтобы итти непосредственно на штурм, а лишь в том, чтобы отвлечь внимание противника при поддержке нескольких орудий и произвести демонстрацию. Главная же колонна должна была, под прикрытием небольшой лесной заросли, обойти французский лагерь с юга; этим она избегла опасного артиллерийского огня и всей своей тяжестью обрушилась на основные силы французского войска — колонну немецких ландскнехтов [1].

В отношении численности пехоты обе армии были приблизительно равны. Но у французов сверх того была их сильная артиллерия, не менее 1 100 человек тяжелой и 500 человек легкой конницы. Правда, за швейцарцами, которые еще ни разу не терпели поражения,— а такое сознание придает войскам изумительную силу,—можно признать известное качественное превосходство над ландскнехтами и французской пехотой, однако и последние, особенно ландскнехты, обладали боевым опытом и боевыми качествами, и трудно допустить,

[1] Гальярди и Фишер различно и даже противоречиво распределяют отдельные моменты сражения, ибо Фишер относит к правому флангу то, что, по Гальярди, происходило на левом. Я примыкаю к изложению Фишера.

Однако, по словам Фишера, в северной колонне было только 1 000 человек, в центральной — 2 000, а в южной — 7 000; хотя я это и не считаю невозможным, все же не могу признать неоспоримо доказанным. Если швейцарцы были хорошо осведомлены о неприятеле и знали, что ландскнехтов можно было найти именно в южной части лагеря, но что местность здесь была мало пригодна для действий кавалерии, то, сообразно с этим, они могли сделать северную и центральную колонны слабыми, подкрепив первую из них кавалерией, а вторую артиллерией и возложив на них лишь демонстративные задачи, главный же удар поручить третьей колонне, составив ее из $^{7}/_{10}$ всей своей пехоты. Однако, таким тонкостям можно поверить лишь в тех случаях, когда они непосредственно подтверждаются достоверными источниками. Поэтому, придерживаясь в общем версии Фишера, я выражаюсь осторожнее и сдержаннее и избегаю называть определенные цифры для обозначения силы отдельных частей армии.

чтобы в нормальном бою безумная отвага швейцарцев могла взять верх над огромным перевесом французов в кавалерии и орудиях. Но внезапность нападения уравнивала шансы обеих сторон. Хотя неожиданность и не была столь велика, как, например, при Муртене, но и паники она не вызвала. Ландскнехты тотчас сомкнулись в свою ударную колонну, рыцари надели свои латы и сели на коней; выступили и другие части войск, но совместные действия их не были целесообразно направлены.

Успев лишь наполовину вооружиться, французский главнокомандующий Ля-Тремуйль вскочил на коня, чтобы руководить боем;

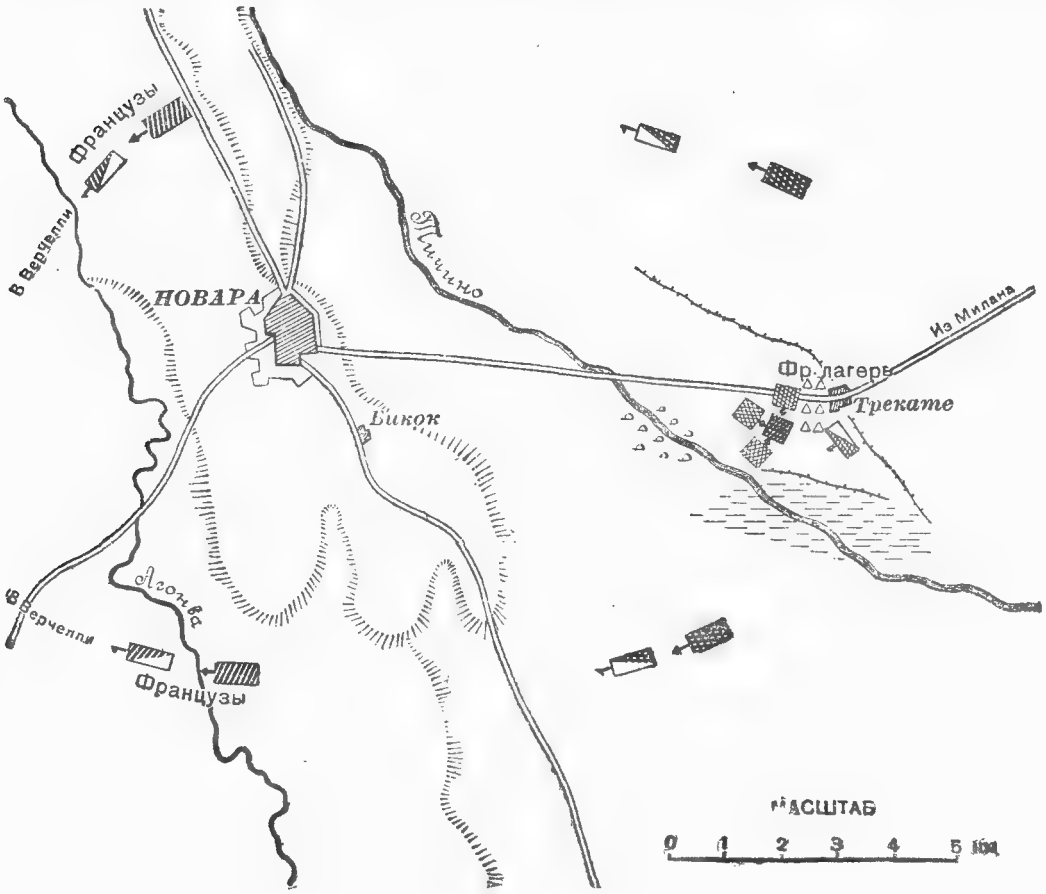


Схема 4. Сражение при Новаре 6 июля 1513 г. Гибель ландскнехтов.

однако, на самом деле никакого фактического руководства не было. Две относительно слабые швейцарские колонны отвлекли на себя сравнительно значительную часть неприятельских сил, — без того, однако, чтобы французы, хотя бы в этом направлении, перешли в наступление, и после одержанной победы обратились на левый фланг, где у ландскнехтов кипел главный бой.

Особенно бросается в глаза, как слабо действовало обычно столь храброе французское рыцарство. В конечном счете пало лишь 40 жандармов, и Гвичиардини бросает им прямо обвинение в трусости. Такое явление казалось невероятным, и его пытались объяснить небла-

гоприятными условиями мягкой почвы; это, действительно, могло оказать известное влияние, но не могли же французы избрать для лагерной стоянки такое место, где по почвенным условиям их тяжелая конница вообще не могла действовать. Из военной истории мы можем почерпнуть другое объяснение. Начиная с персидских всадников при Марафоне и далее, во всех сражениях средневековья, мы всякий раз наталкивались на тот факт, что управлять рыцарством не представляется почти никакой возможности. Если в нормальном бою его направить на видимую, определенную, цель, то оно даст все то, что от него только можно потребовать. Но любой непредвиденный случай распылял их, ибо каждый отдельный рыцарь не привык ни смыкаться с другими, ни слушаться команды или сигналов, а умел лишь действовать по собственному усмотрению, и никак не мог действовать совокупно со своими товарищами в надлежащий момент, на надлежащем месте, для достижения надлежащей цели. Одни, по внушению собственной отваги, атакуют в одном месте, другие — в другом, третьи хотят выждать, пока не подойдет подкрепление или пока не выяснится положение дел, а иные считают дело уже проигранным и не хотят жертвовать собою понапрасну. Ландскнехтам все же удалось повернуть и перевезти несколько орудий, так что они образовали новый фронт против шедших в обход швейцарцев. Их аркебузы также действовали успешно против неприятельской массы. Если бы было направлено несколько сотен жандармов во фланг швейцарской ударной колонне в тот момент, когда она готова была вступить в рукопашный бой с ландскнехтами, то последние, несомненно, выдержали бы удар швейцарцев. Но хотя несколько рыцарей и ринулись отважно на колонну, однако, задержали ее так же мало, как и огонь орудий и аркебуз. После того как французские отряды в центре и на правом фланге были обращены в бегство и, потеряв голову, покинули поле сражения, швейцарцы своим безудержным напором, при поддержке других своих колонн одолели, наконец, ландскнехтов и истребили их почти поголовно, так как пути отступления последних были отрезаны обходным движением, а пощады никому не давалось [1].

Французской пехоте, так же как и рыцарству, удалось спастись без особых потерь. Часть отступила в восточном направлении к Трекате, другая часть уклонилась на север и, обойдя с севера Новару, двинулась к расположенному в юго-западном направлении городу Верчелли, где к ней присоединился, обойдя швейцарцев с юга, и первый отряд из-под Трекате с уцелевшей войсковой казной.

Лагерь побежденных вместе со всеми орудиями сделался добычей швейцарцев. Но хотя, по словам герцога Максимилиана, бой длился лишь 2—3 часа, все же победа обошлась швейцарцам дороже, чем какая-либо другая, ранее ими одержанная. Потери их достигли, вероятно, 1 500 человек убитыми. В огне орудий и аркебуз и, наконец, в отчаянном сопротивлении сомкнутой колонны ландскнехтов выявились такие новые силы, с которыми швейцарцам еще не приходилось встречаться в прежних боях.

---

[1] Источники рассказывают о 400 швейцарских алебардщиках, которые сначала прогнали ландскнехтов, вооруженных аркебузами, а затем ударили во фланг главной их колонне. Гальярди (162 стр.) видит в них случайно отбившуюся колонну, Фишер (162 стр.) — сознательно выделенный отряд, а я предполагаю, что здесь речь идет о группе швейцарцев на фланге их колонны, протянувшемся за фронт ландскнехтов в момент рукопашного столкновения.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЯ-МОТТА КРЕАЦЦО

7 октября 1513 г.

Альвиано, венецианский полководец, атакует значительно превосходными силами испано-германо-папское войско к северу от Виченцы. Он разбит потому, что посланный им для охвата фланга отряд тяжелой кавалерии застрял в болоте, а его итальянская пехота не выдержала натиска грозной испанской пехоты (под начальством Пескары) и немецких ландскнехтов (под начальством Фрундсберга) [1].

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАРИНЬЯНО

13 и 14 сентября 1515 г.

Швейцарцы, в развитие своей победы при Новаре, осенью того же года вторглись в самую Францию. Они заключили тесный союз с императором Максимилианом, подкрепившим их вторжение конницей и артиллерией. Одновременно и англичане вступили во Францию с севера, и французы потеряли сражение при Гинегате, так что разыгравшееся воображение союзников уже намечало Париж как конечную цель и место встречи их армий.

Когда имперско-швейцарское войско, вторгшись в Бургундию, появилось под Дижоном и город был близок к гибели от огня орудий, французы не видели иного исхода, как подчиниться требованиям швейцарцев. Ля-Тремуйль, командовавший в городе, чтобы спасти его от штурма, заключил со швейцарцами договор, согласно которому французский король отказывался от Милана и обязывался уплатить 400 000 крон в возмещение военных расходов.

Однако, договор не был выполнен. Швейцарцы, войско которых с каждым последующим походом становилось все более и более разнузданным и склонным к грабежу, не могли удержать своих солдат так долго перед Дижоном в ожидании ратификации королем заключенного соглашения; а король, как только непосредственная опасность миновала, вздохнул с облегчением и заявил, что деньги он готов заплатить, но от своих притязаний на Милан отказываться не намерен.

Дело в том, что швейцарцы отобрали у французов Милан в 1513 г. в качестве наемников на службе герцога Максимилиана Сфорцы. Но вследствие этого молодой герцог попал в полную зависимость от своих союзников. Он был вынужден не только уступить им несколько пограничных местностей и выплатить 200 000 дукатов, но и поставить себя и все свое герцогство под длительный протекторат федерации. Пусть они смотрят,— писал он федеральному правительству,— на него самого, на его землю и подданных, как на свою собственность, и возьмут под свое покровительство, как истинные отцы, его самого и его город Милан, а он, с своей стороны, будет относиться к ним, как добрый сын к своему родителю. Швейцарцы поняли это в буквальном смысле; они заняли укрепленные замки, потребовали ежегодной уплаты 40 000 дукатов и через своих резидентов указывали герцогу, как он должен управлять. Такие отношения можно, пожалуй, сравнить с отношениями французов к теперешнему (1906 г.) Тунису и тунисскому бею, англичан — к Египту или германских федеративных племен — к Римской империи в начале переселения народов. Таким

[1] Это сражение образцово исследовано Отто Гайнцем в диссертации «От Новары до Ля-Мотты» (Otto Hainz, Von Novara bis La-Motte, Берлин, 1912 г.).

образом, добиваясь с настойчивостью от французского короля отказа от Милана, швейцарцы боролись не за интересы Сфорцы, а за свои собственные. Если бы это положение упрочилось, то Миланское герцогство (в состав которого, собственно, входила и Генуя) превратилось бы в страну, подчиненную швейцарской федерации, в швейцарскую провинцию. Тогда Швейцария образовала бы государство от Боденского озера до Средиземного моря. Если бы можно было себе представить, что во главе объединенных кантонов станет владетельная династия, проводящая устойчивую, последовательную политику, как некогда Меровинги, возглавлявшие франкские племена, или какое-либо другое твердое правительство, — то военная федерация жителей Альп создала бы такое обширное государство, границы которого трудно было бы себе представить. Однако, широкие политические цели были не под силу шаткому союзу кантонов. Те самые условия, которые породили их крупную военную мощь, препятствовали им использовать ее. Военная мощь франков зиждилась на их варварстве; они охотно подчинились Хлодвигу, который вел их по пути завоеваний и добычи. Предпосылкой военной мощи швейцарцев было участие каждого в политической жизни; дерзкое самосознание, одушевлявшее каждого отдельного солдата, придавало военным предприятиям федерации присущую ей неотразимую напористость.

Подобное самосознание могло иметь политическое значение лишь в пределах маленьких кантонов, из которых каждый обладал полным суверенитетом и которые объединялись между собою от случая к случаю для достижения той или другой политической цели [1]. Однако, взаимная зависть кантонов и воля массы, всегда устремленная на непосредственную выгоду, не позволили выдвинуть крупные задачи. Отчасти в качестве французских наемников, отчасти следуя завоевательным стремлениям бернских аристократов, федерация некогда напала и разбила Карла Смелого. В результате блестящих побед Берну удалось удержать за собою лишь несколько ничтожных местечек и клочков земли, тогда как Франш-Конте и Во были снова возвращены за деньги, и опять-таки за деньги та же игра началась вокруг Милана. Если раньше восточные кантоны не хотели делать завоеваний для Берна, то на этот раз Берн и близлежащие кантоны, Фрейбург и Золотурн, не проявляли никакой склонности вступать в борьбу за обладание Миланом, выгоды от которого были впрок одним лишь лесным кантонам.

Когда летом 1515 г. наследовавший Людовику XII Франциск I снова перешел через Альпы с большой армией, в рядах которой было не меньше 23 000 ландскнехтов, чтобы опять завладеть Миланом, у него хватило политической мудрости на то, чтобы не только угрожать швейцарцам силою оружия, но соблазнить их в то же время и деньгами. Он, кроме обещанных в Дижоне 400 000 крон, предложил еще 300 000 и ежегодную пенсию, если швейцарцы согласятся передать ему Милан; герцога же Максимилиана он также хотел вознаградить герцогством Немур во Франции и пенсией.

Уже давно среди швейцарцев возникали внутренние раздоры по поводу их отношений с Францией. Ведь с Людовиком XI и Карлом VIII они всегда были в союзе. Затем, по случайному недоразумению,—

[1] Эти противоречия превосходно развиты у Гальярди, Новара и Дижон, стр. 327.

главным образом вследствие чрезмерных притязаний швейцарцев,— они рассорились с Людовиком XII; папа, стремившийся вытеснить французов из Италии, искусно раздул эту ссору и при посредстве епископа Зиттенского, кардинала Шиннера, чрезвычайно энергичного дипломата-церковника, целиком перетянул швейцарцев в противный лагерь. Однако, франкофильская партия среди них продолжала существовать. Щедрыми подарками в ней поддерживалось воспоминание о старом союзе.

Уже самый поход на Дижон был проведен лишь при помощи народного движения, возбужденного против сторонников Франции, так называемых «золотоедов», которых обвиняли в подкупности и измене. Взятками и угрозами, с которыми Франциск теперь обратился к совету швейцарских военачальников, ему, наконец, удалось оказать на него воздействие. За миллион крон, в общей сложности, федерация

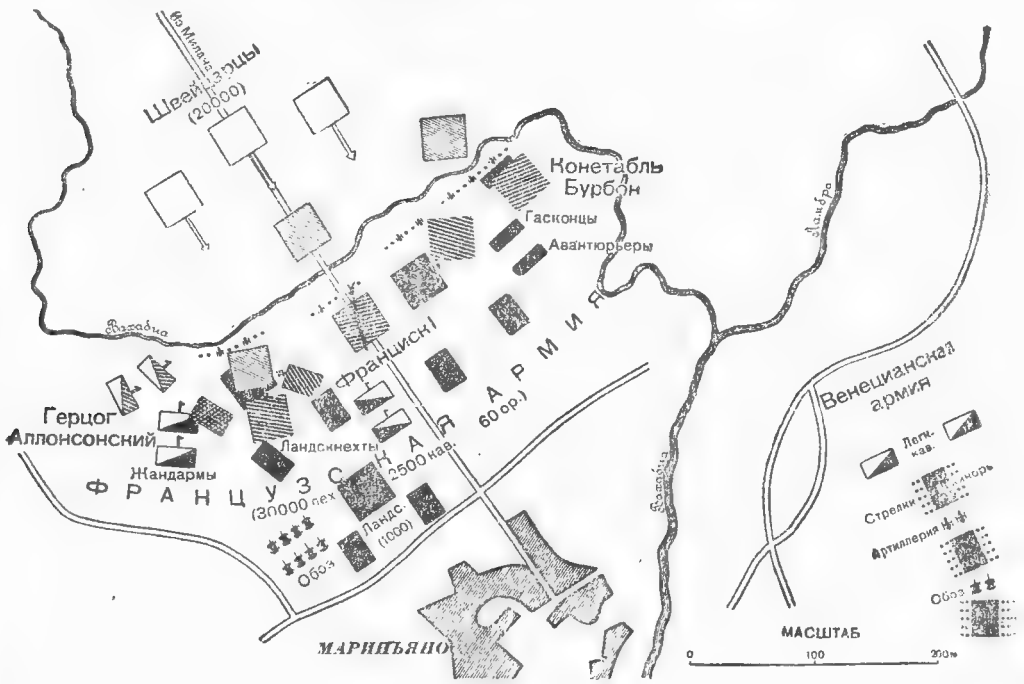


Схема 5. Сражение при Мариньяно 13 и 14 сентября 1515 г.

передала по Галлератскому миру (8 сентября 1515 г.) французскому королю Миланское герцогство со всеми зависящими от него областями и, кроме того, заключила с ним союз на все время его жизни и на 10 лет после его смерти, при условии уплаты 2 000 франков в год каждому поселению. Бернцы со своими друзьями и валиссцы отправились домой. Между тем среди контингентов других кантонов поднялась буря негодования, и в лагере швейцарцев нашелся достаточно дерзкий интриган, чтобы, несмотря на заключение мира и уход значительной части войска, все же попытаться стравить между собой обе противные стороны, дабы принудить швейцарцев путем их собственной победы к иной политике, чем та, какую решил вести совет. То был папский легат, кардинал Шиннер, разнуздавший фурию войны.

Французское войско в общем насчитывало до 30 000 человек; современные источники указывают еще бо́льшую цифру. В пехоте

наряду с основным ядром ландскнехтов, были и французы; к этому надо добавить до 2 500 копий и 60 орудий тяжелой артиллерии. Швейцарцев, после ухода столь значительного контингента, оставалось едва 20 000 человек пехоты, подкрепленной совершенно ничтожным числом рыцарей — около 200 — и несколькими орудиями.

Федеральное войско стояло под Миланом; французское — приблизилось к нему с юга, на расстояние не более 2 миль. Вдруг по квартирной стоянке разнеслась молва, что под стенами города идет бой, что на швейцарцев напали французы. Шиннер уговорил командира герцогской гвардии, унтервальденца Арнольда Винкельрида, завязать стычку с передовым отрядом французов. Тотчас ринулись за ворота на выручку урийцы, люцернцы и воины других лесных кантонов, которые хотели удержать за собою власть над Миланом и не хотели слышать о мире с французами. Хотя французы тотчас отступили, все же в город дали знать, что бой продолжается. Тогда и прочие кантоны, хотя отход и был решен по настоянию главным образом Цюриха и Цуга, не сочли себя в праве покинуть товарищей и последовали за ними.

Лишь к закату солнца наткнулись на лагерь французского авангарда, атаковали его, обратили в бегство и захватили несколько орудий. Однако, король, расположившийся лагерем с главными силами несколько позади, уже поспешил со своими рыцарями на выручку; наступившая темнота положила конец бою. Оба войска расположились на ночлег так близко друг от друга, что в продолжение всей ночи происходили отдельные стычки. К утру Франциск справился со всеми беспорядками, вызванными внезапным нападением швейцарцев на его авангард, и построил весьма искусно свое войско позади нескольких рвов, перемежающимися колоннами рыцарей и пикинеров, расставив между ними и впереди них орудия и стрелков, чтобы встретить атаку швейцарцев.

Швейцарцы, по своему обыкновению, построились тремя колоннами. Однако, ни средняя, ни левая колонны не довели дела до настоящей атаки. О левой колонне, несмотря на изобилие источников, мы вообще почти ничего не знаем; относительно же средней колонны, против которой стоял сам Франциск, нам совершенно ясно, что бой ограничился канонадой, перестрелкой и отдельными налетами. Вожди швейцарцев, которые командовали на этих участках, видимо, хотели выждать, как это имело место и при Новаре, успешных результатов обходного движения одной из двух остальных колонн, прежде чем штурмовать центр. Для короля Франциска, с его численно подавляющей артиллерией, в свою очередь, не было никакого основания выходить из своей выгодной оборонительной позиции за наполненными водой рвами.

Действительную атаку швейцарцы повели своею правофланговой колонной; вначале она увенчалась некоторым успехом. Но у французов было, в общем, значительное превосходство сил, а немецкие ландскнехты давали отпор швейцарцам. Повидимому, Франциск, заметив стесненное положение своего левого крыла, которым командовал его брат д'Алансон, послал ему подмогу из центра, а затем прибыл авангард венецианского войска и пришел на помощь французам на этом фланге.

Итак, вся отчаянная храбрость швейцарцев оказалась напрасной. Кардинал, который накануне сел на коня в своей пурпуровой одежде

и разъезжал повсюду, ободряя пламенными речами бойцов, еще в ночь, когда вечерний налет не дал решительного результата, понял, что сражение уже не может быть выиграно, и советовал отступить. Когда же начал отходить правый фланг швейцарцев, все поняли, что и для центра нет надежды на успех, и все швейцарское войско начало отступать.

Если бы в это мгновение французский король, располагавший сильной кавалерией, отдал приказ преследовать неприятеля, то, вероятно, швейцарцам пришлось бы так же худо, как два года тому назад ландскнехтам под Новарой. Но Франциск вовсе не желал сражения. В отраженном противнике он видел не столько настоящих врагов, сколько будущих друзей. Если бы он велел перебить или перестрелять возможно большее число отступавших швейцарцев, то тем самым загубил бы своих будущих наемников и, пожалуй, пробудил бы в швейцарцах жажду мести, которая снова порвала бы так удачно завязавшиеся узы дружбы. Поэтому король запретил преследование, как то объясняли современники, из уважения к храбрости, проявленной швейцарцами. Тем не менее потери последних были весьма значительны, ибо французские орудия даже там, где дело не дошло до рукопашного боя масс, оказали убийственное действие на густые колонны швейцарцев, и, наконец, во время отступления несколько отрядов оказались отрезанными, а один был совершенно истреблен в загоревшемся доме.

Сражение при Мариньяно принадлежит к числу тех сражений, которые историческая традиция совершенно исказила. Постоянно повторяемая, переданная Гвичиардини, фраза маршала Тривульцио, что это была битва не людей, а гигантов, подлинна ли она или нет, во всяком случае не вполне применима к этому сражению в целом. Эта фраза вызывает представление о военном действии совершенно исключительного, неслыханного масштаба, между тем как, напротив, сражение при Мариньяно принадлежит к числу не доведенных до конца сражений. Политический момент в данном случае играл гораздо бо́льшую роль, чем военный, так что в нашей «Истории военного искусства» мы могли бы даже обойти это сражение молчанием, если бы не представлялось полезным опровергнуть ложную традицию более правильным изображением и в то же время дать яркую иллюстрацию сражения, искаженного политикой [1].

Это сражение — плод народных страстей, искусно использованных интриганом,— не имело никаких последствий. Король Франциск согласился на мир с швейцарцами на точно таких же условиях, как и

[1] Хотя монография Генриха Гаркензее (Гёттингенская диссертация, 1909 г.) продвинула в отдельных направлениях исследование этого вопроса, однако, она еще не установила правильной тактической точки зрения на все сражение в целом. Необходимые поправки сами собою вытекают при сравнении с приведенным выше описанием. В особенности слишком много веры придает Гаркензее преувеличенным данным о численности французских войск. Рецензия Гаданка в «Немецкой литературной газете», 1910 г., № 26 уделяет излишнее внимание мелочам и несправедливо выдвигает против автора обвинение, что он будто бы не понял взаимной стратегической связи событий. Определяя численность французов в 30 000, он, повидимому, прав. Прав он также, отстаивая версию, что гасконцы были снабжены большими упиравшимися в землю щитами. Такими щитами (павезами) пользовались стрелки-арбалетчики. Он ссылается при этом на миниатюру, на которой изображены стрелки-арбалетчики с большими воткнутыми впереди них щитами (Hewet, Ancient armour and weapons, III добавление, стр. 543).

раньше, с той лишь разницей, что швейцарцам было предоставлено оставить за собой часть пограничной Миланской области (где ныне проходит граница), за что они получили деньгами на 300 000 крон меньше. Но и в военном отношении незаметно, чтобы швейцарцы ощутили свое поражение, как таковое, и чтобы, при их смелой манере итти напролом, они утратили свою безусловную самоуверенность. Это нам покажет следующее сражение при Бикокке.

Вылазки Швейцарского союза, направленные к развитию в великую державу, закончились в 1515 г. Правда, еще в 1536 г. Берн использовал удобный случай приобрести кантон Во. Но это было, так сказать, лишь запоздалым плодом Бургундской войны, и с 1515 г. уже ни разу дело не доходило до проведения Швейцарией какой-либо широкой политической программы. Военная мощь Швейцарской федерации поступила на более или менее длительный срок в услужение к Франции и при этом постепенно спустилась с прежней недосягаемой высоты до уровня войск других национальностей. Если бы швейцарцы захотели развиться до положения самостоятельной великой военной державы, им надо было бы не только обзавестись иным централизованным правительством, но и своевременно развить у себя два других рода войск — конницу и артиллерию. Ведь сила их зиждилась исключительно на пехоте: даже для осады Дижона императору Максимилиану пришлось взять на себя поставку орудий. Это превышало возможности маленьких горных округов и городов [1].

Всемирно-историческое достижение швейцарцев ограничилось лишь созданием пехоты, послужившей образцом для прочих стран. До Мариньяно она была непобедима, да и неудача, постигшая ее в этом сражении, была обусловлена чересчур исключительными обстоятельствами, чтобы она могла умалить ее славу.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БИКОККЕ [2]

27 апреля 1522 г.

Шесть лет спокойно владели французы Миланским герцогством. Затем Карл V, в лице которого, как правнука Карла Смелого, внука императора Максимилиана и испанской четы, Фердинанда и Изабеллы, сосредоточились все наследственные враждебные Французскому королевству тенденции, возобновил борьбу за господство в северной Италии. Франциск набрал швейцарских наемников, но имперский главнокомандующий, Просперо Колонна, до тех пор маневрировал около французской армии, не вступая в сражение, пока, наконец, казна Франциска не опустела, так что ему нечем было платить жалованье швейцарцам, и те вернулись во-свояси. Тогда Колонна без сопротивления вступил в Милан, ибо французы возбудили против себя такую ненависть, что горожане сами открыли имперской армии ворота.

На следующий год французы снова появились с таким большим войском, что смогли предпринять осаду Милана. Пришедший на выручку имперский отряд в 6 000 ландскнехтов и 300 всадников заставил французов отойти от Милана и сосредоточиться на более скромном объекте — Павии. Но когда и эта осада не увенчалась успехом,

[1] Выше, в главе II, мы привели цитату, в которой как раз восхваляют швейцарскую артиллерию. Однако, факты этому противоречат.

[2] Paul Kapitsch, Die Schlacht bei Bicocca. Берлинская диссертация, 1909 г., изд. Эберинга.

а подъем воды в Тичино стал затруднять доставку продовольствия, попытка же принудить имперское войско к сражению при помощи обходного движения тоже не удалась,—дело снова дошло до того, что французское войско готово было растаять, ибо швейцарцы не хотели оставаться долее. У них было правило — едва только выступив в поход, тотчас отыскать неприятеля, напасть на него, разбить и уйти с добычей и жалованьем домой. Осаждать города и истощаться в маневрах и в занятии позиций — противоречило их натуре и их взглядам на военное дело, особенно же если самое жалованье не выплачивалось аккуратно. Поэтому последнее передвижение французского войска, вероятно, было вызвано тем, что оно пошло до Монцы навстречу военной казне, которая должна была быть доставлена из Франции через Симплон. Но денег все еще не было, и швейцарцы не поддавались никаким обещаниям: они хотели или драться, или итти домой [1].

Французско-венецианское войско превосходило имперское раза в полтора или еще больше: около 32 000 против 20 000. Но Просперо Колонна, полководец императора, занимал почти неприступную позицию у охотничьего замка Бикокки: перед фронтом проходила рытвина; левый фланг был защищен болотом; правый — глубоким водяным рвом, на котором имелся только один узкий мостик. Его фронт, обращенный на север, протяжением около 600 *м*,— что как раз отвечало численности армии,— был занят орудиями и расставленными в четыре ряда стрелками, оружие которых было только что усовершенствовано и которых научили стрелять шеренгами: после того как первая и вторая шеренги выпустят свои заряды, они должны были лечь на землю так, чтобы третья и четвертая шеренги могли стрелять через их головы. Позади стрелков построены были в глубоких колоннах ландскнехты под начальством Георга Фрундсберга и испанская пехота с Пескарою во главе. Дальше позади стояла кавалерия, дабы воспрепятствовать возможному обходу с правого фланга через мост.

Эта позиция была гораздо сильнее той, которую некогда занимали испанцы под Равенной. Уловку — выманить противника при помощи артиллерийского огня из его позиции, принудить его или к отступлению или к атаке, что так блистательно удалось тогда,— в данном случае нельзя было повторить, так как едва ли у французов был существенный перевес в артиллерии, а испанская кавалерия, по которой под Равенной так успешно действовала артиллерия, на этот раз была расположена не на фронте, а во второй линии. С другой стороны, совершенно обойти позицию имперцев или атаковать ее с тыла отдельным отрядом было чрезвычайно трудно, так как очень близко от позиции имперцев был расположен город Милан. Кроме того, когда было замечено приближение атакующих французов, Колонна побудил герцога Франческо Сфорца приказать ударить в набат и вывести вооруженных горожан, в числе 6 000, для прикрытия тыла имперской армии.

В этих условиях командовавший французским войском Лотрек, естественно, предпочел бы избежать сражения и оперировать в том же духе, как и раньше, т. е. осаждать и захватывать отдельные города

[1] По словам Гвичиардини, дело было так: они хотели итти домой, но, чтобы показать всему свету, что они уходят не из страха, они желали раньше разбить врага. Возможно, такие разговоры и были, но если бы была одержана победа, то швейцарцы, вероятно, остались бы, и таково было, в сущности, их действительное намерение.

герцогства, в надежде когда-нибудь, во время контрманевров противника найти случай использовать свое превосходство сил в сражении в открытом поле. Хотя за два месяца, прошедшие с начала похода, ему и не удалось вследствие бдительности и искусства противника добиться сколько-нибудь значительных успехов, однако, такая возможность не была окончательно исключена в будущем. Но нетерпение швейцарцев не дозволяло ему продолжать маневрирование. Сколько ни указывал им Лотрек на неприступность неприятельской позиции, самоуверенность и отвага их, повидимому, ничуть не были подорваны опытом Мариньяно. Они напомнили французам, как, усту-

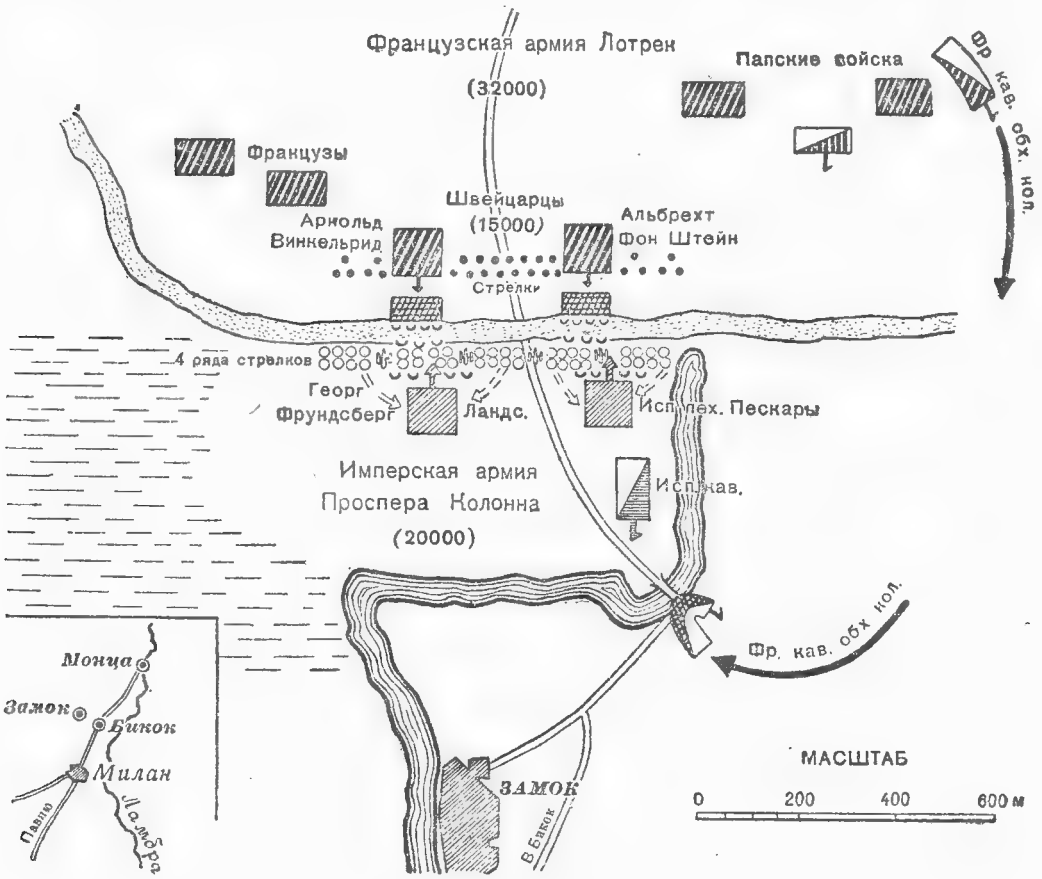


Схема 6. Сражение при Бикокке 27 апреля 1522 г.

пая им численно под Новарой, они все же их победили, и теперь так же намеревались разбить и испанцев, которые хотя и превосходят французов хитростью и коварством, но никак не храбростью.

Таким образом, для Лотрека не оставалось ничего другого, как направить их в атаку против фронта имперцев. Для этого все 15 000 швейцарцев построились двумя колоннами, каждая по 100 человек по фронту и 75 человек в глубину; колонны сопровождались стрелками; третья же колонна, составленная преимущественно из кавалерии, получила задание — обойти правое крыло неприятеля и ударить на него через мост. Всего их было около 18 000 человек. Венецианцы же и прочие итальянские войска, числом до 14 000, оставались в резерве.

Что побудило Лотрека избрать такой план сражения — источники не сообщают. Повидимому, так как разбушевавшиеся швейцарцы, ссылаясь на свою непобедимость, требовали боя, то им и предоставили разгромить с налета неприятеля; возможно и то, что на фронте уже не оставалось места для третьей или четвертой штурмовой колонны. Наконец, возможно, что при образовании резерва у Лотрека был и положительный замысел; он мог рассчитывать, что если швейцарцы своим бурным натиском все же не одержат победы и будут отброшены, то неприятель перейдет в контратаку, и тогда представится случай напасть на него, расстроенного и вышедшего из-под защиты своей позиции, свежими войсками; если же швейцарцы снова обратятся на врага, то нанести ему удар значительно превосходными силами.

В то время, когда швейцарцы наступали, Лотрек пытался их задержать, чтобы, по крайней мере, его обходный отряд успел прибыть на место и вступить в дело. Однако, швейцарцы, настроенные подозрительно уже потому, что вообще только они заставили Лотрека дать сражение, усмотрели в его уговорах — несколько задержаться — лишь последнюю попытку уклониться от сражения и стали требовать с диким криком сигнала к атаке; при этом дала себя знать подозрительность масс даже по отношению к собственному командному составу, выразившаяся в требовании, чтобы капитаны, юнкера, пенсионеры, солдаты тройного оклада стали во главе, а не кричали из задних рядов. Так бушевала масса, продвигаясь сквозь град ядер и пуль из орудий и аркебуз, которые били почти без промаха в плотно сомкнутые ряды. Наконец, когда они дошли до рытвины, то стрелки начали спасаться, и швейцарцы взбирались на противоположный крутой откос, около 3 футов вышины, чтобы добраться до неприятельских пикинеров.

Ландскнехты и испанцы стояли, как того требовала тактика, не у самого края рытвины, но на некотором расстоянии позади, так что стрелки, когда к ним вплотную подобрались швейцарцы, легко могли отхлынуть мимо них в обе стороны. Тут-то и произошла ошибка, причем обороняющиеся, не ожидая натиска швейцарцев, пошли им навстречу в то мгновение, когда они начали показываться из лощины, намереваясь броситься вперед. Сам Фрундсберг стоял с алебардой в руке в первой шеренге своих войск, которые опустились на колени, чтобы прочитать молитву. «Вперед, в добрый час, во имя бога!» — воскликнул вождь и бросился с ними на неприятеля. Там во главе швейцарской колонны «сельчан» (Länder) шел Арнольд Винкельрид из Унтервальдена, который семь лет тому назад начал бой при Мариньяно и некогда уже сражался в имперском войске бок о бок с Фрундсбергом. «А, старый товарищ! Вот где мы встретились! Ты должен умереть от моей руки!» — воскликнул он.— «Это случится с тобой, с божьей помощью»,— ответил Фрундсберг. Фрундсберг был ранен ударом пики в бедро. Винкельрид пал, пронзенный пиками ландскнехтов.

Швейцарцы вынуждены были отступить; они устали от длительного сближения с противником; многие из них пали, сраженные огнем имперских орудий и стрелков; их боевой порядок расстроился при переходе через рытвину и «напор не удался», как потом писали домой аппенцельцы. Задние шеренги, отделенные от передних дорогой, не могли оказывать давления на передних, на чем, собственно, и была построена вся тактика глубокой квадратной колонны.

В то же время попытка французского рыцарства ударить через мост в правый фланг была отражена имперцами.

Пескара, который со своими испанцами таким же образом, как и Фрундсберг с ландскнехтами, отбил атаку другой колонны швейцарцев-«горожан» (Städter), наступавшей под предводительством Альбрехта фон-Штейна, предложил теперь завершить победу и броситься в погоню за швейцарцами; однако, Фрундсберг это отклонил: «На сегодня мы достаточно добыли славы», и главнокомандующий Колонна присоединился к его мнению.

Между тем швейцарцы, несмотря на понесенные ими тяжкие потери, отступили в порядке, а за ними, как мы знаем, стояло 14 000 человек, подстерегавших, очевидно, тот момент, когда имперцы бросятся к ним навстречу в открытое поле. Но так как этого не произошло, то французам пришлось признать не только сражение, но и всю кампанию проигранной, ибо швейцарцы ушли домой.

Впервые ландскнехты одержали победу над швейцарцами и немало этим гордились. Они распевали насмешливые песни насчет побежденных, на которые раздавались ответные песни. С развитием этого песенного турнира различные сражения сливались вместе, так что, в конце концов, самое сражение при Бикокке с сомкнутым строем ландскнехтов, перед которым погиб храбрый Арнольд Винкельрид, перенесено было на 136 лет назад и слилось с рыцарским сражением при Земпахе [1].

По самому скромному подсчету, швейцарцы потеряли под Бикоккой 3 000 человек убитыми, т. е., пожалуй, не меньше, чем во всех их больших победах, вместе взятых. «Однако, потеря отваги превосходила людские потери», — пишет Гвичиардини, — ибо можно с уверенностью сказать, что урон, который швейцарцы понесли при Бикокке, настолько их ослабил, что даже много лет спустя они не проявляли уже прежнего своего мужества». Ведь их отвага покоилась на безусловной уверенности в своей непобедимости, воспитывавшейся в них в течение 200 лет, а теперь, как полагали, эта уверенность была подорвана. Однако, история последующих войн не подтверждает этого суждения. Если значение швейцарцев и начинает постепенно меркнуть, то зависело это не от того, как мы увидим в дальнейшем, что их собственная боеспособность ослабела, но от общего развития событий, все более и более сужавшего арену, на которой могла бы проявляться сила швейцарцев.

Ранке дает следующую характеристику швейцарцев при Бикокке: «Они были преисполнены дикого боевого пыла, лишенного высшего воодушевления, который дерзко рассчитывал только на самого себя и считал, что ни в каком руководстве он-де не нуждается. Они знали, что они наемники, но каждый из них должен был — да и хотел — исполнять свой долг; все их мысли были направлены на то, чтобы добиться решительного исхода в рукопашном бою, заработать дополнительное жалованье за атаку и одолеть своих старых противников — швабов и ландскнехтов».

---

[1] Выяснение личности истинного Арнольда Винкельрида — заслуга швейцарского социалистического писателя Бюркли. — *Ред.*

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПАВИИ [1]
24 февраля 1525 г.

Несмотря на свое поражение под Бикоккой, французы продолжали вести борьбу за господство в Италии. Следующие две кампании, прошедшие в оживленных передвижениях, но без сражений, закончились тем, что имперское войско, продвинувшееся до самого Марселя, почти распалось, а Франциск, снова перешедший через Альпы, занял Милан (кроме цитадели) и осадил Павию.

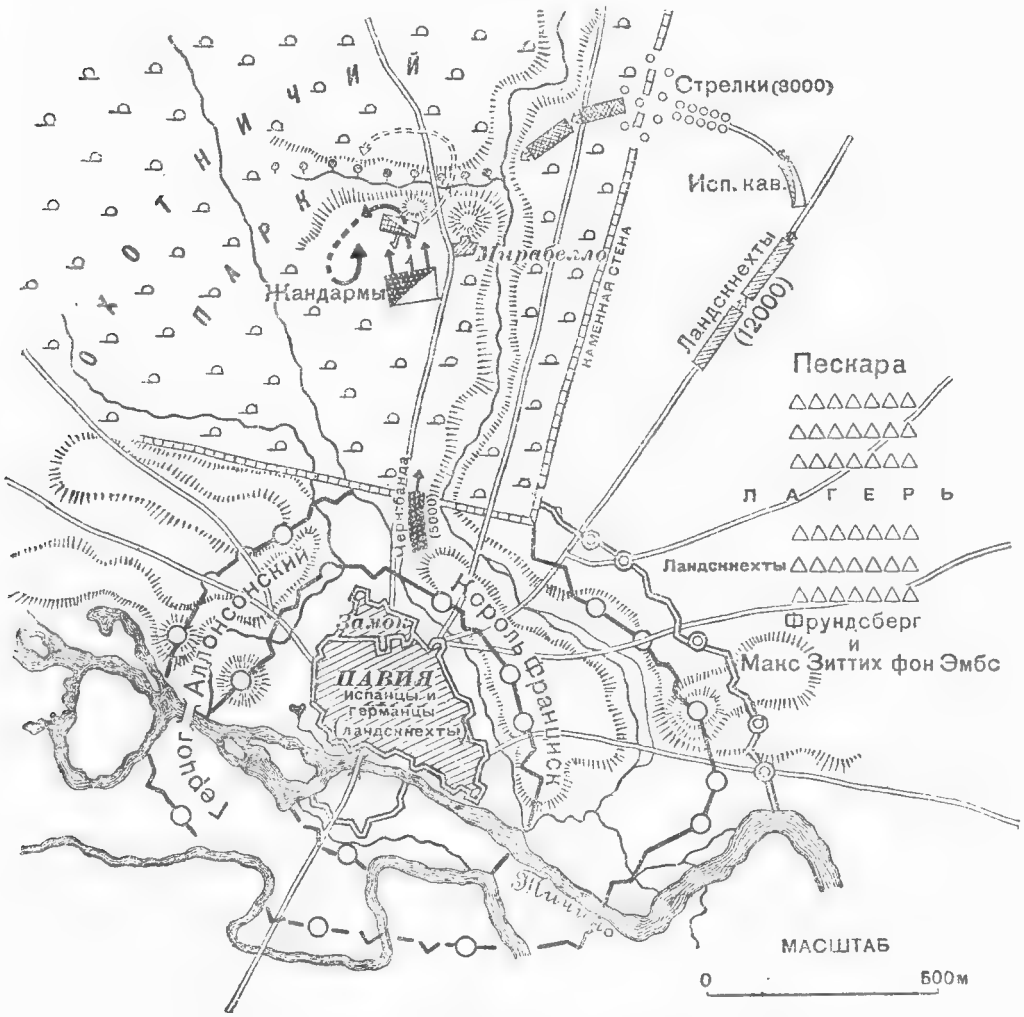


Схема 7. Сражение при Павии 24 февраля 1525 г. Завязка сражения (бой конницы).

Город защищали испанцы и ландскнехты, отразившие приступы французов; король в конце концов решился ограничиться блокадой города, чтобы взять его голодом. Тем временем подошли через Альпы

[1] Основоположной монографией является Берлинская диссертация Рейнгарта Тома (1907 г.), исправившая многие ошибки в частностях, допущенные в прежних описаниях этого сражения, при помощи точного анализа источников. Некоторые добавления источников в рецензии на нее в № 8 «Немецкого литературного журнала» 1909 г. не представляют для нас существенного интереса.

вновь завербованные отряды ландскнехтов, под начальством Фрундсберга и Маркса Зиттиха фон-Эмбса, и, объединившись с испанцами, с Пескарой во главе, двинулись с востока для снятия осады с города. С своей стороны, французы, которые осаждали Павию уже больше двух месяцев (с 24 ноября), использовали это время для укрепления своего лагеря с наружной стороны, так что он казался неприступным. Пескара придвинулся своими укреплениями так близко к лагерю, что местами стрелки обеих сторон находились друг от друга на расстоянии не более 40 саженей; однако, король считал свою позицию настолько крепкой, что находил излишним предпринимать какой-либо встречный маневр против подошедшей на выручку армии.

Он перевел свои главные силы на восточную сторону, где ему угрожало неприятельское войско, и полагал возможным одержать победу одной лишь выдержкой. Он тем более мог рассчитывать на успех, что в имперском войске царило полное безденежье, и ландскнехты угрожали уйти домой, если им, наконец, не выплатят жалованья. Действительно, отдельные отряды их стали уходить. Наконец, удалось убедить ландскнехтов подождать еще несколько дней, обещав им, что дело доведут до сражения.— «Пошли мне бог сто лет войны и ни одного дня сражения, — говорил Пескара,— но теперь — нет другого выхода».

Осаждающая армия как с наружного фронта, так и с фронта, обращенного к Павии, укрепилась совершенно неприступным образом; но ее северное крыло оказывалось у большого окруженного кирпичной стеной охотничьего парка. Эта стена, казалось, служила совершенно достаточным прикрытием для этого крыла, если бы охранялась надлежащим образом: раньше чем стена могла быть разрушена и значительная часть пришедшего на выручку войска успела бы проникнуть через пролом, превосходные силы французского войска могли бы оказаться на месте, чтобы вытеснить вторгшегося неприятеля.

Для имперского войска все зависело от того, удастся ли ему обмануть бдительность французов и проникнуть в парк значительными силами раньше, чем они соберутся для контратаки.

В ночь с 23 на 24 февраля отряд испанских сапер (рабочих-солдат — vastadores) был отправлен с таранами и другими подобными инструментами к северной стороне стены, довольно далеко отстоявшей от французского лагеря. При этом умышленно для разрушения стены не были пущены в ход орудия, дабы не привлечь их грохотом внимания французов. Ночь была бурная и безлунная, и работу, действительно, удалось выполнить так, что неприятель ее не заметил. Такому упущению со стороны неприятеля могло способствовать то, что перед тем в течение трех недель, с тех пор, как армии стояли друг против друга,— каждую ночь происходили мелкие стычки, а потому кое-какие передвижения не возбуждали подозрений, что за ними кроется какое-либо серьезное предприятие [1].

Когда вастадоры, проработав всю ночь, пробили в стене три большие бреши, вся армия пришла в движение. Выступили еще в глубоком мраке и подошли к брешам, когда уже рассвело. Если французы и заметили выступление имперцев из лагеря, то они могли его принять за начало отхода.

---

[1] Исключительно в этом усматривает причину небрежности французов сиенский посланник в своем донесении.

Имперцы устремились тремя колоннами в парк и развернулись. Впереди шли 3 000 стрелков, испанцев и ландскнехтов. За ними выступала кавалерия, а далее ландскнехты; последние шли позади, — может быть, потому, что составляли главную массу войск, и им потребовалось больше всего времени, чтобы пройти через узкий пролом в стене.

Парк был расположен на волнистой луговине, пересеченной ручьем; здесь и там росли деревья и небольшие перелески; приблизительно посредине стояла ферма или небольшой охотничий дом Мирабелло.

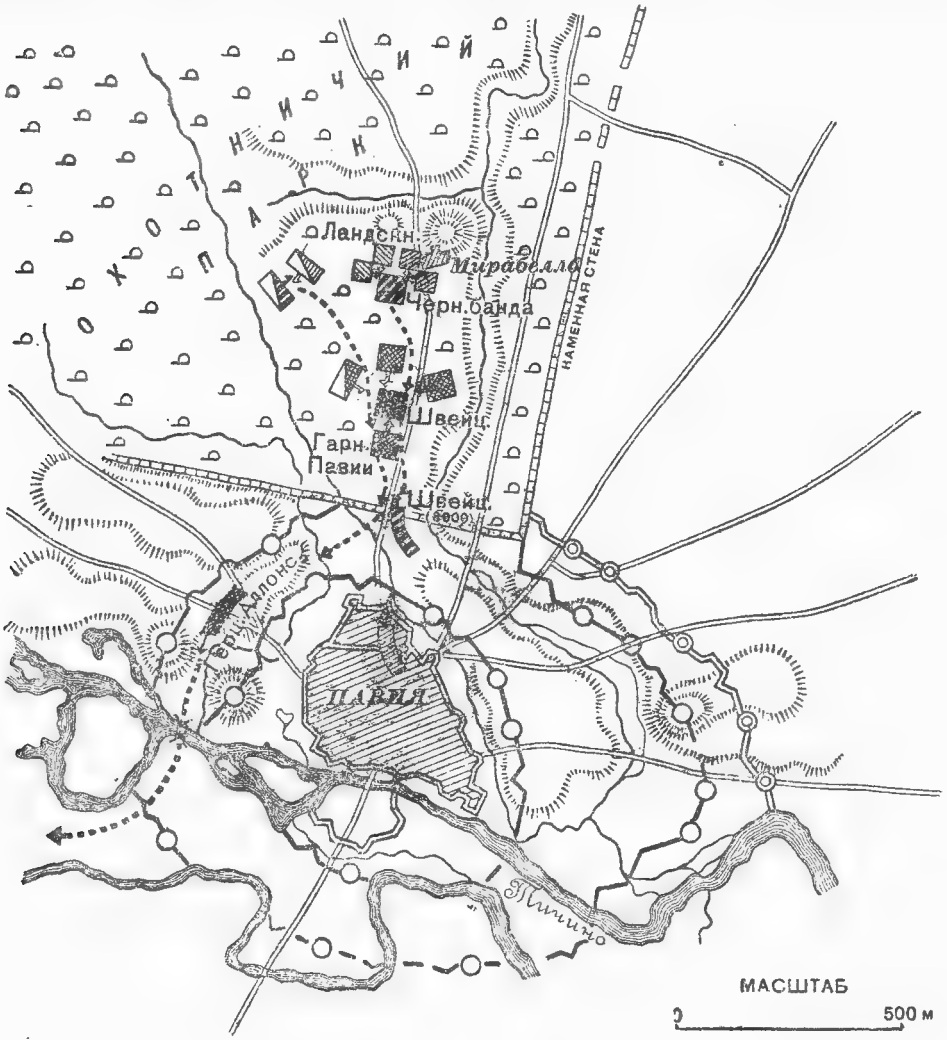


Схема 8. Сражение при Павии 24 февраля 1525 г. Бой пехоты.

Имперцы уже проникли до этого места, когда французы выступили им навстречу. Сам король Франциск прискакал во главе своих жандармов, а французская артиллерия открыла огонь.

Имперцам, и без того не обладавшим сильной артиллерией, на этот раз вовсе не удалось выставить ее на позицию. Французы, у которых было не менее 53 орудий, стреляли удачно. Храбрая французская жандармерия настолько успешно отбросила неприятельскую конницу, что король Франциск заметил одному из сопровождавших его, что сегодняшний день сделает его хозяином Милана.

Однако, первый успех скоро прошел. Испанские и немецкие стрелки, уже, вероятно, частично вооруженные новым оружием — мушкетами, бившими далеко и метко и обладавшими значительной пробойной силой, поддержали свою кавалерию. Деревья, перелески и самый ручей служили им прикрытием от французских жандармов, и огонь их свалил так много французских всадников, что имперская конница могла снова вернуться в бой. Тем временем стали подходить большие колонны пехоты. Французская артиллерия не смогла их задержать, и они ринулись на только что продвинувшуюся квадратную колонну французской армии — «черную банду», состоявшую из 5 000 нижнегерманских наемников.

В общем, оба войска располагали приблизительно одинаковым числом пехоты, около 20 000 человек, причем французы имели перевес в коннице и орудиях. Но внезапное появление имперского войска в предрассветных сумерках на совершенно неожиданном месте имело своим последствием то, что в тот момент, когда оно уже совершенно построилось и стояло в середине парка, та часть французского войска, которая занимала южную часть лагеря,— швейцарцы, числом 8 000 человек,— еще не оказалась под рукой. Таким образом, обе колонны — Фрундсберга и Эмбса — в числе 12 000 человек могли охватить «черную банду» с обеих сторон «как железными тисками» и разбить ее вдребезги; лишь когда остатки ее вместе с французскими всадниками отхлынули назад, появились швейцарцы. Но они тем менее могли изменить судьбу сражения, что в это мгновение гарнизон Павии сделал вылазку и появился у них в тылу. В их отчаянном положении швейцарцы не смогли даже произвести сомкнутой атаки; на них обрушились со всех сторон, и они были частью перебиты превосходными силами, как перед тем «черная банда», частью же искали спасения в бегстве.

Арьергард французского войска, под начальством герцога Алансонского, стоявший, вероятно, большей частью с другой стороны Павии, еще не вступал в бой, но герцог видел, что рассчитывать на успех невозможно, и велел сломать мост, который французы перекинули на юге через Тичино.

Этим он спас себя и свои войска, но сгубил остальных: одни потонули в реке, другие, как сам король Франциск и многие его рыцари, попали в плен. Победа, уничтожившая неприятельское войско, обошлась имперцам недорого: они, говорят, потеряли не более 500 человек убитыми, что вполне возможно, ибо, благодаря внезапности своей фланговой атаки, в каждой отдельной фазе боя они всегда могли действовать значительно превосходными силами.

Этим самым опровергается обвинение в недостатке энергии, выдвигаемое Гвичиардини против швейцарцев: фактически же они ничего сделать не могли.

СМОТР ВОЙСК БЛИЗ ВЕНЫ В 1532 г.

Наряду с анализом сражений заслуживает также нашего внимания смотр войскам, сделанный Карлом V в 1532 г. близ Вены. Иовиус, лично присутствовавший на нем в свите папского легата, оставил нам подробное описание его, для чего, повидимому, он воспользовался официальным отчетом с чертежами. Войско, участвовавшее на смотру, согласно данным письма короля Фердинанда к своей сестре (от 2 октября), насчитывало 80 000 пехоты и 6 000 конницы. Шэртлин фон-

Буртенбах оценивает его в 65 000 пехоты и 11 000 конницы; Сепульведа и Иовиус — в 120 000 человек, из них 30 000 всадников и 20 000 стрелков, причем, однако, в счет вошли и гарнизоны.

Заслуживает внимания расхождение в цифрах, сообщаемых свидетелями, каждый из которых заслуживает доверия; невероятной кажется цифра 30 000 для конницы.

Построение было таково: огромная масса пикинеров образовала три квадратных колонны, — следовательно, от 140 до 150 человек по фронту и в глубину; в промежутках между этими колоннами с такой же глубиной построилась вся конница; а вся эта масса была окружена пятью шеренгами стрелков. Перед фронтом стояла артиллерия, а вне фронта — легкая венгерская кавалерия. Причину такого построения Иовиус видит в том, что кавалерию не хотели подвергать нападению подавляющей своим численным превосходством турецкой кавалерии, которую он оценивает в 300 000 человек.

Рюстов понял дело так, что в данном случае мы имеем оборонительное построение, которое применялось в войнах против турок еще в течение 100 лет под названием «венгерского боевого порядка».

Я, с своей стороны, усматриваю в нем лишь парадное построение, не имеющее никакого тактического значения. Я не знаю ни одного сражения, в котором было бы применено подобное построение.

Все огромные призывы 1532 г. не дали никакого положительного результата, ибо Сулейман побоялся довести дело до сражения и отступил, а протестанты не хотели делать завоеваний для императора. Среди солдат поднялся бунт из-за плохого содержания и неаккуратной выплаты жалованья, и вся армия распалась.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРЕЗОЛЕ[1]

14 апреля 1544 г.

Французы осаждают Кариньяно, расположенный к югу от Турина; имперское войско, под начальством дель-Гвасто, старается захватить такую позицию, которая заставила бы французов либо отказаться от осады, либо атаковать пришедшее на выручку войско при неблагоприятных условиях. Однако, этот маневр, хотя и подготовленный весьма тщательно, не удается отчасти потому, что дождливая погода распустила дороги, и войска, обремененные огромным обозом провианта, не могли поспеть во-время к месту назначения.

Полный юношеской отваги вождь французов, принц Ангиенский, в предвидении попытки дель-Гвасто заставить его снять осаду, испросил и получил разрешение короля дать сражение. И вот, при приближении имперцев, французы, на этот раз бдительные, снимаются в 3 часа утра со своего лагеря под Кариньяно и появляются на правом фланге неприятельских походных колонн, так что дель-Гвасто остается на выбор — или отступить и тем самым предоставить Кариньяно его судьбе, или принять бой.

Силы у обеих сторон — относительно равные. Дель-Гвасто имеет численный перевес в пехоте, у принца Ангиенского — превосходство в коннице; под самый конец к нему присоединилось еще около 100 французских дворян, которые, услыхав, что предстоит сражение, по

[1] Карл Шталвиц, Берлинская диссертация, 1911 г. Рецензия на нее Гаданка в «Немецкой литературной газете», 1912. г., № 16.

древнерыцарскому обычаю поспешили принять в нем участие. Дель-Гвасто, как он впоследствии рассказывал Иовиусу, полагал, на основании опыта сражения при Павии, что мушкетеры одолеют рыцарей; а ландскнехты в конце доставят ему победу. Итак, он решил принять сражение, и обе армии развернулись в случайном районе — в том месте, где они пришли в соприкосновение друг с другом.

Однако, обе армии стараются заручиться тактическими выгодами обороны и свалить друг на друга инициативу атаки. Поэтому сражение открывается рядом действий, совершенно напоминающих современные приемы боя — огневым боем артиллерии и пехоты, для-

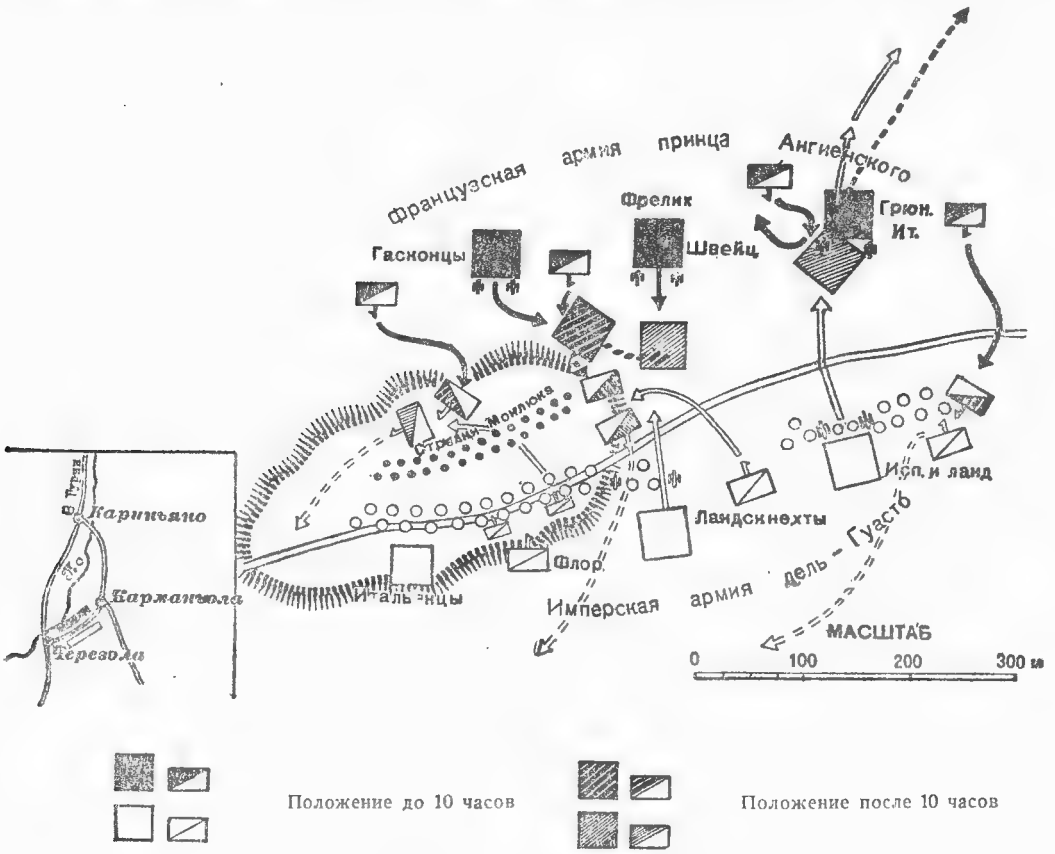


Схема 9. Сражение при Черезоле 14 апреля 1544 г.

щимся несколько часов. Стрелки ведут бой, передвигаясь с места на место, а когда попадают в затруднительное положение, то призывают на помощь конницу. Как только последняя появляется, стрелки в открытом поле, естественно, вынуждены отступить.

Наконец, дель-Гвасто решается атаковать, — может быть, потому, что он больше не в состоянии выдерживать огонь французской артиллерии, а может быть, в предположении, что тем самым он предупреждает атаку неприятеля.

Обе стороны, по старому швейцарскому методу, построили своих пикинеров тремя большими колоннами, которые просто расположились одна подле другой на равномерно волнистом поле. Если швейцарцы в прежнее время строили свои три колонны уступами, то делали они это для того, чтобы в течение своей бурной атаки обеспечить

себе полную свободу движений. Здесь, где обе стороны выжидали атаки противника, и каждая колонна была прикрыта с флангов кавалерией, линейное построение получилось само собою.

При столкновении лучшая по составу колонна имперских пикинеров — авангард, образовавший теперь правое крыло,— составленная из испанцев и ландскнехтов, сталкивается с неприятельской колонной, хотя численно и превосходной, но недостаточно сплоченной, состоявшей из новонабранных швейцарцев (гройфцернцев) и итальянцев, опрокидывает и преследует их, и даже атака французских жандармов не может ее задержать.

Зато в центре колонна свеженавербованных ландскнехтов натыкается на стоявшую против нее колонну особо испытанных на французской службе швейцарцев. Сдерживаемые своим начальником Фрелихом, последние бросаются навстречу ландскнехтам лишь тогда, когда они, благодаря недостаточному боевому навыку и трудностям условий местности, пришли в некоторое расстройство и уже находились на близком расстоянии от фронта противника. Уже сами по себе эти швейцарцы, хотя и более слабые численностью, превосходили своих противников боеспособностью. А к тому же французские жандармы разбили сопровождавшую ландскнехтов легкую испанскую кавалерию, и, наконец, третья французская колонна пикинеров, состоявшая из гасконцев, ударила ландскнехтам во фланг.

Это могло произойти лишь потому, что третья имперская пехотная колонна, которая должна была атаковать гасконцев, этого не сделала, а держалась в стороне. Эта колонна состояла из итальянцев, которые до тех пор еще ничем себя не проявили в области новой пехотной тактики; к тому же она была и малочисленна. Дель-Гвасто полагался на то, что эта колонна была очень сильна стрелками, но последние должны были отступить перед неприятельской конницей, сопровождавшая же ее флорентийская кавалерия была также разбита французской жандармерией; таким образом, у гасконских пикинеров руки оказались развязанными, и, верно руководимые, они направили свой удар на решительный пункт. Источники расходятся относительно того, в какой именно момент гасконцы ударили на ландскнехтов: завершили ли они только их поражение, после того как их уже отразили швейцарцы, или и те и другие действовали совместно, или, наконец, гасконцы одни проделали всю работу. Ввиду того, однако, что, по собственным показаниям швейцарцев, они потеряли всего лишь 40 человек убитыми, из которых часть следует отнести за счет предшествовавшего огневого боя, надо полагать, что столкновение с ландскнехтами не было особенно жестоким, и что воздействие гасконцев уже сказалось самым фактом их приближения, раньше чем можно было пустить в ход оружие. Рассказ Монлюка, будто удар при ошибке был настолько силен, что первые шеренги с обеих сторон попадали на землю, не следует повторять как нечто реальное.

Первоначально одержавший победу правый фланг имперцев допустил коренную ошибку: он напрямик преследовал дрогнувшие под его натиском части, вместо того чтобы сперва помочь одолеть главную колонну противника — швейцарцев; в последнем фазисе боя, когда он хотел вернуться на поле сражения, его атаковали со всех сторон и разгромили.

Все особенности этого сражения, повидимому, определяются применением огнестрельного оружия; они заключаются как в результатах

действия огнестрельного оружия, так и в ожиданиях, которых оно не оправдало. Тогда как в предшествующих больших сражениях мы видим ясно обозначенную обороняющуюся сторону и не менее ясно обозначенную атакующую — мы наблюдаем здесь то явление, что обе стороны почти до самого конца хотели сохранить за собою тактические преимущества обороны. В данном случае, очевидно, имелись в виду не одни выгоды, даваемые местностью, — ведь прежде швейцарцы с ними не считались,— но и преимущества, доставляемые дальнобойным оружием. Далее нам сообщают, что как у ландскнехтов, так и у гасконцев во вторые шеренги были поставлены вооруженные аркебузами или пистолетами стрелки, которые должны были открыть огонь по массам противника непосредственно перед самым столкновением. Этим плотность и сомкнутость колонны пикинеров несколько разрежаются. Это — как бы начало распада больших колонн; швейцарцы хотя и не применяют этой новомодной уловки, но все же остаются победителями. Однако, так как и против французского рыцарства в открытом поле огнестрельное оружие не устояло, то сражение при Черезоле показывает, что успех мушкетеров при Павии в значительной мере был обусловлен теми прикрытиями, какие предоставляли стрелкам условия местности парка. Большее влияние, чем ручное огнестрельное оружие, оказала на ход сражения артиллерия, хотя и немногочисленная. Конечное решение все же еще остается за крупными колоннами пикинеров.

Потери имперцев убитыми и взятыми в плен были огромны, достигая, приблизительно, половины всего войска; из них 5 000 было убитых. Тем не менее реальное значение победы, достигнутой французами, оказалось ничтожным. Спустя некоторое время они взяли Кариньяно и на этом остановились, так как император Карл как раз готовился вторгнуться из Германии во Францию, и король Франциск отозвал часть войск из Италии для обороны от него. Правда, если бы дель-Гвасто победил при Черезоле и, перейдя через Альпы, вторгся во Францию,— французы оказались бы в чрезвычайно затруднительном положении. Однако, и этого все же было бы недостаточно для полного сокрушения Франции.

Глава VI

Макиавелли

Новое военное искусство тотчас же породило своего крупного теоретика. И в Средние века не переставали читать Вегеция. Карл Смелый велел перевести для себя Вегеция и Ксенофонта, и переводы эти дошли до нас. Перевод же, сделанный для него Васк де-Люсеном с «Киропедии» Ксенофонта, утерян во время бегства из-под Нанси [1].

Карл V самым внимательным образом изучал сочинения Цезаря и снабдил свой экземпляр этих сочинений множеством заметок на полях. По его инициативе была отправлена во Францию для установления

[1] Гильом, стр. 165.

местоположения лагерей Цезаря научная экспедиция, снявшая с них до 40 планов.

Но классическим военным писателем этой эпохи стал Никколо Макиавелли, о труде которого «Возрождение военного искусства» Мартин Гобом написал сочинение, и основоположное и в то же время исчерпывающее [1].

Макиавелли находился под глубоким впечатлением того обстоятельства, что во времена его молодости (он родился в 1469 г.) конница была почти всецело господствующим родом войск, теперь же участь сражений начала решать пехота. Он связал это со своими изысканиями в области классической древности, убедившими его в том, что римляне некогда покорили весь мир только благодаря своим легионам, и поставил себе задачей показать всему свету, и прежде всего своим соотечественникам, что хорошая пехота из граждан представляет собою идеал военной организации и что она призвана избавить Италию, а главное Флоренцию, от тех ужасных наемных банд, при помощи которых в его время вели войны. Его патриотизм, его склонный к логическим построениям ум, его литературные изыскания и ясное понимание реальных явлений окружающего мира оказывали на него одновременное воздействие и побуждали итти вперед: с одной стороны, к созданию теоретически продуманной системы, с другой — к организации флорентийской государственной милиции, в которой он думал возродить идеи древних римлян.

---

[1] Э. Фютер в рецензии на книгу Гобома признает за автором большую заслугу, но все же находит много поводов для критических замечаний: он упрекает его в недостаточной методичности и в недостаточном знакомстве с военным делом и даже с итальянским языком. Я проверил все его возражения, сопоставил их с рукописной ответной критикой Гобома и пришел к заключению, что упреки, сделанные критиком, ложатся на него самого.

Даже если бы все те частности, на которые он направил свою критику, были действительно ошибками автора, то все же они не имели бы никакого значения, если их сопоставить с той изумительной эрудицией и критической проницательностью, с которыми Гобом расчищает груды неправильных суждений, передававшихся по традиции, и дает ряд новых положительных сведений; между тем по проверке оказалось, что из всех возражений и исправлений Фютера ни одно — положительно ни одно — не обосновано. Не Гобом страдает недостаточным пониманием итальянского языка, но Фютер не понял различия между современным итальянским языком и словоупотреблением XVI в. Не Гобом, а Фютер сообщает неверные данные о военном деле того времени. Приведем лишь три примера: Макиавелли рекомендует, чтобы при выборе капралов милиции обращали внимание на то, чтобы они были угодны остальным призванным (scripti). Фютер не знаком ни с этим принципом, ни с словоупотреблением; он хочет найти смысл в этом указании, переводя «scripti» — «предписаниями», и провозглашает Гобома невеждой из-за его правильной передачи текста. Макиавелли рекрутирует свою милицию исключительно из крестьян подвластной Флоренции сельской местности, а не из горожан. Фютер же так поверхностно читал книгу Гобома, что он приписывает этим крестьянам образ мыслей и душевный склад «флорентийского купеческого государства».

В милиционную систему Макиавелли входило, в-третьих, то, что Флоренция пыталась, хотя не всегда успешно, воспрепятствовать своим подданным наниматься на военную службу в чужих краях, между тем как в Швейцарии и Германии это не только было дозволено, но даже официально организовано местными властями. Это различие, весьма интересное, подробно и обоснованно выдвинутое Гобомом, Фютер настолько не понял, что вообразил себе, будто Макиавелли заимствовал у швейцарцев административную регламентацию такого найма на иностранную службу, и пытается наставительным тоном исправить «ошибку» Гобома. И в этом роде пункт за пунктом! Мне остается лишь пожалеть, что «Исторический журнал» в такой мере ввел своих читателей в заблуждение относительно этого фундаментального труда.

Пост канцлера, который Макиавелли занимал во Флорентийской республике, был не руководящим, а, скорее,— пользуясь современной терминологией, — высокой, но зависимой должностью. Находясь в подчиненном положении, Макиавелли силой своего красноречия и личного влияния добился того, что в 1506 г. республика организовала у себя ландвер, ополчение, которое в конце концов было доведено приблизительно до 20 000 человек.

Страна была разделена на округа; правительственные комиссары объезжали их, намечали людей, которые им казались подходящими, и вели их списки. Каждый округ выставлял одну роту, начальником которой назначали опытного в военном деле капитана. Ополченцам выдавали оружие — пику и нагрудный панцырь, а также форменную одежду — белый кафтан и брюки с одной белой и одной красной штаниной. Каждая рота имела свое знамя из материи соответствующего цвета, причем все знамена были украшены изображением флорентийского льва. При каждом капитане состояли: канцлер — для несения административных и хозяйственных обязанностей, ведения списков и прочих канцелярских работ, прапорщик, известное число капралов и один или несколько барабанщиков, которые «барабанили на манер ультрамонтанов»[1].

Время от времени, по случаю праздника, капитан собирал по отдельным поселкам своих людей, производил им смотр, один или при участии правительственного комиссара из столицы, и обучал их военным движениям «по образцу швейцарцев». Иногда в самой Флоренции устраивались большие парады.

В мирное время ополченцы пользовались правом носить оружие и известными юридическими привилегиями; во время войны они получали (или должны были получать) такое же жалованье, как наемные солдаты, т. е. 3 дуката в месяц. Капитаны получали регулярно жалованье в 12 дукатов в месяц или, взамен части его, выдачи натурой, даровую квартиру и фураж на одну лошадь.

Роты постепенно были доведены до значительной численности — 800 человек,— следовательно, они стали слишком многочисленными для командования одним офицером, но расчет был построен на том, что в критическую минуту в поход выступит не более трети; в действительности их оказалось еще меньше — около 150 человек на роту.

На каждую роту приходилось слишком много — до 70% — вооруженных длинными пиками и до 10% были стрелками, остальные были вооружены легкими алебардами (ronca), рогатинами и другим холодным оружием. Строились большими квадратными колоннами, приучались маршировать под барабанный бой до некоторой степени в ногу, сохранять свое место в строю, делать повороты направо и налево; эти движения, как и обращение с оружием, так просты, что их нетрудно было усвоить за немногие дни праздничных учений. Более основательными строевые учения не были ни у швейцарцев, ни у ландскнехтов. Единственное оружие, требовавшее известного умения и навыка,— огнестрельное,— носили те, кто самостоятельно упражнялся в пользовании им и сам являлся его владельцем; при этом предоставлялось выбору самого ополченца носить арбалет или аркебузу.

До сих пор можно сказать, что организация флорентийской милиции отвечала всем разумным требованиям, какие к ней можно было бы

[1] Народов, живущих по ту сторону гор. — *Ред.*

предъявить. Однако, далее идут еще и другие постановления. Уже в первой памятной записке, в которой Макиавелли рекомендует флорентийцам устройство милиции, он ставит вопрос, не представляет ли создание такой вооруженной силы угрозу для самой республики. Конституция последней базировалась прежде всего на господстве города над сельскими местностями, которые представляли довольно обширную область с многими крестьянскими поселками и небольшими городами. Лишь небольшая часть этой области — так называемый «контадо»—считалась безусловно надежной, бóльшая же часть — distritto— была постепенно завоевана силой и в любую минуту могла отказать в повиновении городу. В городе господствовал весьма искусственно организованный средний класс с аристократической прослойкой. Хотя во главе республики стоял пожизненно избранный гонфалоньер Содерини, но полномочия его были ничтожны. Правительственная власть, в собственном смысле, была в руках нескольких коллегий: коллегии 80-ти, 10-ти, 9-ти и 8-ми, состав которых постоянно, по истечении нескольких месяцев, обновлялся, а функции нередко перекрещивались между собою. Над всеми ими стояло собрание граждан, участвовать в котором могли те граждане, отец, дед или прадед которых когда-либо входили в состав одной из этих коллегий или могли быть в них избраны.

Коренное отличие этой конституции от государственного устройства древнего Рима бросается в глаза. В Риме крестьянин пользовался теми же правами, что и горожанин, и между городом и деревней не было противоречий. Магистратура там была полновластна. Аристократические роды обладали унаследованным, подкрепленным религией авторитетом; влияние их уравновешивало влияние демократической массы. Вот эта-то масса и составляла войско.

Флорентийский правительственный механизм, и без того не спаянный и рыхлый, находился еще под постоянной угрозой притязаний изгнанного семейства Медичи. Поэтому все здесь было построено на взаимном недоверии и постоянном наблюдении друг за другом. Одной из коллегий — коллегии 9-ти была подчинена милиция в мирное время; но едва лишь дело доходило до войны, как командование переходило к другой — коллегии 10-ти. Это и представляло, по мнению Макиавелли, то преимущество, что солдаты милиции не знали, кто, собственно, их хозяин. Но каким же образом правительство, само столь текучее, могло создать устойчивую военную организацию? Все, что было сделано, опиралось фактически на личность Макиавелли, который, будучи секретарем по назначению в различных коллегиях, создавал и представлял собой то персональное единство, благодаря которому различные инстанции действовали в одном направлении.

Но и он не мог поступать иначе, как искать средних путей между желанием республики иметь собственное войско и страхом республики быть ликвидированной этим же самым собственным ее войском.

Первое условие, необходимое для создания пригодной для дела милиции, — это возможно более тесная, органическая связь между капитаном и его ротой.

Люди должны доверять своему командиру, командир же должен знать своих людей. Но чего только не могут натворить капитаны, приучившие свою роту к беспрекословному повиновению! Во избежание этих опасностей было предписано ежегодно перемещать капитанов из одного округа в другой, дабы «их авторитет не мог укорениться».

Капитан вообще не должен был иметь действительной власти над своей ротой. Ополченец, не пожелавший выйти на учение, не нуждался ни в каком разрешении; ему достаточно было представить только какое-либо оправдание. Капитан не имел непосредственной карательной власти, но мог лишь при открытом бунте временно арестовать виновного; карательная же власть была в руках комиссара и коллегии во Флоренции. Однажды капитаны получили такое циркулярное предложение: «Имея в виду небольшое вознаграждение, какое наши призванные получают за свои труды, и неудобства, которым они подвергаются при обучении в качестве милиционеров, мы желаем, чтобы с ними обращались гуманно и чтобы им делали замечания ласково, когда они по своей неопытности ошибаются во время учения. Мы этого желаем в тех видах, дабы они тем охотнее и веселее продолжали эту работу, ибо, по вышеприведенным основаниям, мы считаем это средство наиболее действительным для того, чтобы склонить их к послушанию и поддержать в них хорошее настроение и расположение к этому обучению. Ругать же и раздражать их — это значит, как нам кажется, добиваться как раз обратных результатов. Поэтому мы и увещеваем тебя обходиться с ними любовно и стараться поддерживать в них хорошее настроение; ты должен всемерно избегать всего того, что, по твоему мнению, может вызвать какое-либо осложнение (disordine)».

Тогда как капитан был чужой человек, назначенный в данный округ центральной властью, прапорщик и капралы были уважаемые местные жители. Но мы не видим, чтобы им были поручены какие-либо военные функции, так что самое руководство службой было всецело возложено на капитана.

У капитанов не было надлежащих органов для осуществления возложенной на них задачи; точно так же и у милиции в целом недоставало единого высшего командования. Сами капитаны прожужжали уши Макиавелли, требуя от него, чтобы он провел назначение полковника. За неделю до окончательного крушения ему действительно удалось провести это назначение: 25 августа 1512 г. Джиакопо Савелли, заслуженный кондотьер конницы Флорентийской республики, был назначен верховным командующим, но он уже не мог спасти положение. Если бы он действительно смог это сделать, если бы он действительно успел дисциплинировать 20 000 ополченцев, то ему нетрудно было бы повести свои роты против принадлежавших тиранам города мешков с золотом и своим солдатским сапогом растоптать бумажную «народную» конституцию, при условии, если его еще раньше не успеют отправить на тот свет (Гобом).

После того как была организована пешая милиция внушительной численности, Макиавелли в конце 1510 г. провел создание и конной милиции.

Милиция Макиавелли просуществовала около 7 лет. Ее использовали для того, чтобы снова подчинить Пизу Флоренции: для этого был прерван подвоз продовольствия к городу и дважды в год уничтожался урожай на принадлежавшей городу территории, вплоть до самых городских стен. Эта система голодной блокады заставила, наконец, Пизу сдаться. Истинному же испытанию милиции пришлось подвергнуться впервые в 1512 г., когда образовалась большая лига для того, чтобы снова водворить семью Медичи во Флоренции. Во главе этой лиги стояли испанцы. Это была та самая испанская пехота.

которую разбили под Равенной; однако, несмотря на поражение, она своей несокрушимой сплоченностью спаслась от полного уничтожения. Когда испанцы вступили в пределы Флорентийской республики, была созвана милиция. Можно было легко бросить 12 000 человек против 8 000 испанцев. Но с самого начала выступление в открытом поле против этой испытанной армии показалось невозможным риском. Поэтому милицию разместили в качестве гарнизонов во Флоренции и в городке Прато, в 2 милях к северу от столицы, которому прежде всего угрожали испанцы.

У Прато еще сохранились средневековые укрепления — высокая, тонкая стена. Попытку осаждающих взобраться на стену по лестницам обороняющиеся отразили. Испанцы располагали только двумя осадными орудиями, из которых одно к тому же разорвалось. Единственной уцелевшей пушкой они пробили брешь, или, по выражению одного источника, скорее окно, чем брешь, — дыру в стене в 4 *м* шириной и в 2 *м* высотой. Осаждающие уже терпели крайние лишения из-за недостатка продовольствия. Продержись Прато еще два дня — испанцам пришлось бы отступить и, может быть, во время отступления их войско развалилось бы. Вот эта-то крайняя нужда и заставила их отважиться на штурм бреши. Брешь была мала и расположена настолько высоко, что к ней приходилось приставлять еще лестницы; к тому же ее можно было все время держать под огнем из-за расположенной позади нее стены. Но испанские аркебузиры подошли вплотную к городской стене и подвергли ее такому сильному обстрелу, что осажденные уже больше не решались выглядывать между зубцами стены; когда же испанцы, с несколькими прапорщиками во главе, пошли на приступ, тосканские ополченцы обратились в бегство, и в полчаса город был взят.

Тут началась ужасающая резня; дело не ограничилось только убийствами, изнасилованиями и грабежами. Оставшиеся в живых пленные, после того как они сами отдали все, что имели, были в течение трех недель подвергнуты пыткам, с целью вынудить у живших в других местах родственников выкуп за них. Флорентийцы жаловались испанскому главнокомандующему Кардона на неслыханно высокий выкуп, который требовали испанцы. Последний сам признал требования чрезмерными, но заявил, что он бессилен против своих солдат.

Падение Прато означало в то же время и конец Флорентийской республики. Она объявила, что готова вновь принять к себе Медичи, и в короткое время последние снова захватили в свои руки бразды правления.

Падение республики было и концом милиции.

Гарнизон Прато состоял не менее как из 3 000 милиционеров и 1 000 вооруженных граждан; все они знали, что их ожидает в случае взятия испанцами города. Как же могло случиться, что они, если не из воинственных побуждений и не из патриотизма, то хотя бы ради спасения себя самих от самой ужасной участи, не нашли в себе столько мужества и силы, чтобы защитить брешь? Ведь они все-таки были чем-то бо́льшим, чем простое гражданское ополчение; у них были капитаны с известным военным опытом, а кроме того, они были до некоторой степени обучены обращению с оружием и строю. Здесь повторилось то же, что имело место при великом переселении народов, когда богатейшие провинции, с миллионами жителей, отдавались в жертву нескольким тысячам германцев почти без сопротивления;

когда город за городом рушился, объятый пламенем, просто потому, что это тешило диких варваров.

Макиавелли изучал римское военное дело, но, к удивлению, решающего момента римской дисциплины он не понял. Его постановлениями, лишавшими капитанов карательной власти и не допускавшими укоренения их авторитета среди ополченцев, дисциплина была вовсе исключена. В высшей степени интересно, исходя из этого, установить обратное: почему Рим мог сделаться великой мастерской, где выковывалась власть, а попытка Флоренции достигнуть того же потерпела полное крушение? Город Рим не господствовал над своим крестьянством, а составлял с ним единое целое; крестьяне вместе с горожанами выбирали в комициях должностных лиц. И в Риме, как и во Флоренции, имело место несколько подозрительное отношение к магистратам; и в Риме не было единства командования войском; последнее было разделено между двумя консулами. Но над всеми, начиная с консулов и дальше вниз, довлел с несокрушимой силой авторитет власти, опиравшейся на религию и на авгуров. Строевое обучение, проводимое вооруженным виноградной лозой центурионом, придавало римским ополченцам ту твердость, с которой они противостояли галлам и кимврам, и ту закалку, которой нехватило милиции Макиавелли при защите бреши в Прато.

У швейцарцев, ландскнехтов и испанцев тоже не было римской дисциплины. Но их делали неодолимыми в пылу сражения длительная привычка держаться друг за друга и, наконец, воспитанное в них рядом побед доверие друг к другу.

Макиавелли не сумел внушить своим ополченцам ни дисциплины, ни привитого войною воинского духа и даже теоретически он не понял их ценности и значения. Но не будем его в этом укорять. В его представлении о народной армии заключалось провидение пророка. Создать такую народную армию для Флорентийской республики начала XVI в. было действительно невозможно, ибо для этого отсутствовала основная предпосылка — соответственное государственное устройство. Потребовались столетия для создания того грубого и в то же время идеального понятия дисциплины, которая формует призванные народные массы в пригодные для войны части. Но, поскольку Макиавелли хотел связать будущую пехоту с идеей римской государственности, он все же правильно ее понял.

Ближе, чем сам Макиавелли, подошли к цели, в сущности, два его предшественника, от которых он и заимствовал известные идеи: это — кондотьер Вителли и Цезарь Борджиа, создавшие каждый на территории своих владений некоторое смешение наемного войска и милиции, что, несомненно, было гораздо лучше, чем чистая милиция флорентийца. Это можно объяснить тем, что Вителли и Борджиа были не идеалистами, а практиками — военными людьми; они были одновременно и полководцами и монархами на своей территории; им не приходилось бояться, как флорентийским буржуа из коллегии 9-ти или 10-ти, что, если их творение действительно удастся, оно в один прекрасный день сделается опасным для них самих; поэтому они не только сами искусственно не умаляли военного авторитета, но вырабатывали его, как то вызывалось военными потребностями. Правда, и их создание было не долговечно, ибо основы их собственного господства не устояли против бурь тех времен.

Организация тосканской милиции, созданная Макиавелли, не была безупречна; в такой же мере не удалось ему и создание лишенной противоречий, ясной теории стратегии. И здесь о нем можно сказать, что он постиг проблему своей эпохи и что в высказанном им заключается нечто пророческое; но он оказался не в состоянии создать законченную систему мышления.

Переход от средневековья к новому времени характеризуется огромным увеличением средств ведения войны. Вместо немногих пехотинцев средневековых армий, вооруженных холодным оружием, появляются мощные боевые колонны, а техника огнестрельного оружия растет с каждой минутой. Можно было бы предполагать, что такое усиление средств войны приведет в стратегии к усилению стремления к скорейшему разрешению вопросов войны посредством сражения; и действительно, мы привели ряд грандиознейших картин сражений, разыгравшихся одно за другим на протяжении короткого времени. Если принципиально понятия тактики и стратегии все же не должны быть отброшены, то говорить о них в Средние века можно лишь в единичных, исключительных обстоятельствах особого напряжения, да и то с большими ограничениями. Рыцарь — чересчур индивидуальная личность, чтобы подчиняться управлению, а вооружение его слишком односторонне, так что понятие тактики в данном случае почти неприменимо, а без тактики, в свою очередь, не бывает и стратегии.

Новая пехота, с новым огнестрельным оружием крупного и мелкого калибра, в соединении со старой тяжелой и легкой конницей, допускает множество комбинаций с изменением условий местности и возможностей атаки и обороны; этих комбинаций средневековье не знало. Уж не вступаем ли мы в эпоху, когда полководец, как некогда Александр или Цезарь, прямо шел к намеченной цели, сокрушая на своем пути всякое сопротивление и не успокаиваясь до тех пор, пока не навяжет противнику свою волю?

Нет, дело обстоит не так. Даже в тех больших сражениях, к которым мы ближе присмотрелись, мы в заключении не раз отмечали, что победа, вспыхнув, исчезала, не оставляя ощутимых последствий. Всем этим сражениям присуще что-то удивительно случайное, неорганическое. Какую блестящую победу одержали французы при помощи ландскнехтов под Равенной (1512 г.), а не прошло и года, как они, не потерпев ни одного поражения, были вынуждены очистить Италию. Победа, имевшая самые крупные и длительные последствия — победа имперцев при Павии, — все же не была естественным, конечным плодом широко задуманного, хорошо проработанного стратегического плана, а являлась последним, крайним средством спасения в безнадежном, отчаянном положении; это отмечает сам Пескара: «Пошли мне бог 100 лет войны и ни одного дня сражения, но здесь ничего другого не остается». Новые средства войны, повысив силу наступления, открыли и перед обороной новые возможности; но, помимо этого, они заключали в себе известную слабость, которая могла внушить мнение о возможности и даже желательности одолеть неприятеля, не рискуя сражением. Огнестрельное оружие могло сделать непреодолимым какое-нибудь местное препятствие, а новые пехотные массы, именно благодаря своему массовому характеру, представляли нередко весьма преходящее орудие войны. Испокон века численное превосходство являлось одним из важнейших факторов успеха.

Однако, в Средние века оно не играло такой решающей роли, ибо все зависело от качества отдельного воина, а квалифицированных воинов можно было всегда получить лишь в ограниченном числе. Между тем швейцарцев и ландскнехтов, после того как они были сорганизованы, можно было легко численно наращать массами случайного сброда, а теперь бой решался напором массы. Поэтому военачальники стремились заручиться массами, не только в крайних пределах своих денежных средств, но и за этими пределами. Если даже не имелось возможности заплатить наемным солдатам обусловленное жалованье, то все же можно было надеяться питать войну самой войной. Солдатам указывали добычу и отдавали на разграбление целые города и области. Это отражалось крайне пагубным образом на самом ведении войны, а также на стратегии. То солдаты, не получая своего жалованья, нетерпеливо требуют сражения, то, наоборот, они отказываются итти в атаку, пока им не заплатят. Но прежде всего нам приходится постоянно наблюдать, как полководец брал противника своей выдержкой, рассчитывая, что неприятельское войско само распадется, так как противник не в состоянии будет дольше ему платить. Эта мысль настолько соблазнительна, что она легко могла побудить полководца не воспользоваться даже весьма благоприятным случаем дать сражение, и вся кампания превращалась в чисто маневренную войну. Этим способом король Франциск чуть-чуть не одержал победу под Павией; только отчаянное положение противника толкнуло последнего на крайнюю меру: он атаковал и победил Франциска, несмотря на столь крепкую его позицию.

Для этого рода стратегии я придумал некогда название «стратегии измора» или «двухполюсной стратегии», т. е. такой, при которой полководец выбирает от момента к моменту — добиваться ли ему намеченной цели путем сражения или же маневра, так что его решения непрерывно колеблются между обоими полюсами маневра и сражения, склоняясь то к одному, то к другому.

Этой стратегии противопоставляется другая, целиком направленная на то, чтобы атаковать неприятельские вооруженные силы, сокрушить их и подчинить побежденного воле победителя — стратегия сокрушения. Нам еще придется подробно заняться этими двумя основными формами каждого стратегического действия. Вернемся теперь пока к Макиавелли.

Нередко мы встречаем у него тирады, провозглашающие принцип сокрушения неприятельских сил в открытом бою высшей целью военных действий. «Центр тяжести войны заключается в полевых сражениях; они составляют цель, ради которой создают армию». «Кто умеет искусно вступить в сражение с неприятелем, тому можно простить другие ошибки, допускаемые им в ведении войны». «Стиль стратегии римлян заключался прежде всего в том, что они вели, как говорят французы, войны кратко, но энергично (corte e grosso)». «Делать переходы, бить врага, становиться лагерем — вот три главные дела войны». «Не золото, как кричит вульгарное мнение, составляет нерв войны, а хорошие солдаты, ибо недостаточно золота для того, чтобы найти хороших солдат, а хорошие солдаты всегда найдут золото». «Когда выиграешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца».

Эти и подобные им изречения логика Макиавелли вывела из понятия войны, которое он расчленил. Однако, военная практика его

времени отнюдь не представляла этой картины, да и у теоретика древности Вегеция он нашел совершенно иные принципы. Он никак не мог полностью уклониться от этого воздействия. Поэтому-то мы и встречаем у него, в противоречие с вышеприведенными тезисами, и такое изречение: «Хороший полководец лишь тогда дает сражение, когда его к тому принуждает необходимость или когда представляется благоприятный случай». Находим мы у него и такое рассуждение, что не следует доводить неприятельское войско до отчаяния, а надо строить для него золотые мосты. Или еще и такое замечание, что римляне после одержанной победы вели преследование не при помощи легионов, а легкими войсками и кавалерией, ибо преследующий в беспорядке легко может выпустить из рук победу. «Лучше, — говорит он в одном месте, — победить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше зависит от счастья, чем от храбрости».

Несмотря на огромные сражения, которые как раз произошли при жизни Макиавелли (Аньяделло, Равенна, Новара, Креаццо, Мариньяно, Бикокка, Павия) (Макиавелли умер в 1529 г.), вся эта эпоха живет под влиянием идеи стратегии измора.

В одном военном дидактическом стихотворении, поднесенном императору Максимилиану в его молодости [1], говорится о сражении, что не следует стыдиться отойти на надежную позицию, когда неприятель сильнее.

Не рискуй легкомысленно ни собой, ни своими людьми из-за честолюбия
или гнева.
Не забывай: что не случилось сегодня, может случиться завтра.

Гвичиардини [2] восхваляет в Просперо Колонна, победителе при Бикокке, то, что от природы он был очень осторожен и достоин прозвания Кунктатор (Медлитель); похвально в нем то, что он вел войну больше умом, чем мечом, и что он показал, как защищать государства, в крайних случаях подвергая себя случайностям решения оружием и счастья сражения.

В том же духе пишет и Иовиус [3]:

«Когда Урбинский герцог, Франческо Мария, сделался венецианским полководцем (1523 г.), он умерил свою прежнюю пылкую жажду боя, как того обязательно требовали обстоятельства того времени и привычки мудрого сената, и перешел к спасительной осмотрительно взвешивающей осторожности; он считал, что целесообразнее сдерживать своими проволо́чками могучие, непобедимые легионы чужих народов, чем вызывать их на бой. Ибо отцы-сенаторы, наученные в этом смысле безумной отвагой и поражением Альвиано (1509 и 1513 гг.), предпочитали иметь полководца, который походил бы на Квинта Фабия, а не на Марка Клавдия Марцелла. Такой человек скорее справится с бурным противником, утомит его искусством тщательно укрепленных лагерей, внезапными налетами, недостатком подвоза и денег; и на него в то же время можно положиться, что генеральное сражение в открытом поле он даст, как только это потребуется».

Самый замечательный пример маневренной кампании того времени представляет, пожалуй, вторжение имперской армии в южную Францию в 1524 г.

---

[1] Иэнс, I, 336.
[2] Historia d'Italia, IX, Венеция, 1562 г., стр. 425.
[3] Jovius, Elogia viror. bel. illustr., Базель, 1575 г., стр. 323.

Душой экспедиции был конетабль Бурбон, который номинально командовал имперской армией. Он хотел двинуться прямо на Лион, наметив этот город столицей своего будущего королевства. Отважиться на сражение с Франциском I, сосредоточившим свои войска под Авиньоном, было бы совершенно в его духе. Но по прибытии в Экс Пескара — в сущности доверенное лицо императора и настоящий руководитель армии — дал ему понять, что Карл хочет занять французскую гавань, подобную той, какой англичане обладают в Кале, чтобы она могла быть опорным пунктом для экспедиций против Франции. Для спешного укрепления Тулона, который уже был захвачен, недоставало денег. Бурбону пришлось подчиниться и приступить к осаде Марселя. Но когда, после пяти недель, удалось пробить большую брешь в стене и конетабль добивался штурма, Пескара все еще находил это дело слишком рискованным. Гарнизон под командой римлянина Ренцо да-Чери решил защищаться до последней крайности; позади бреши было воздвигнуто значительное временное укрепление. «Кто хочет поужинать в аду,— сказал Пескара,— пусть идет на штурм!» Тем временем король Франциск собрал большое войско на выручку осажденного города; однако, он не атаковал армии, осаждавшей Марсель, а перешел через Альпы и вторгся в Италию. Тут и Бурбон повернул вспять, и обе армии проделали грандиозный параллельный переход через горы. Имперцы прибыли в Милан за два дня до французов; однако, они понесли такие потери, что уже не решились продолжать борьбу в открытом поле и распределились по крепостям.

«Это огромное войско, которое несколько месяцев тому назад, казалось, должно было передать в руки императора господство над миром, вдруг исчезло с лица земли. Мессер Пасквино не без остроумия заметил в Риме: в Альпах утеряно императорское войско, просьба нашедшему — вернуть за приличное вознаграждение» (Ранке).

Теперь французам предстояла задача овладеть крепостями. В то время как французы осаждали Павию, прибыло новое имперское войско из Германии, и узел развязали тем, что Пескара и Фрундсберг приняли решение атаковать осаждающих на их укрепленной позиции. Но это решение отнюдь не входило с самого начала в их план, а явилось лишь крайним средством выпутаться из безнадежного положения. Кампания, завершившаяся полным уничтожением французской армии и пленением самого короля Франциска, все же принадлежит по своему замыслу и по идеям полководцев к области стратегии измора.

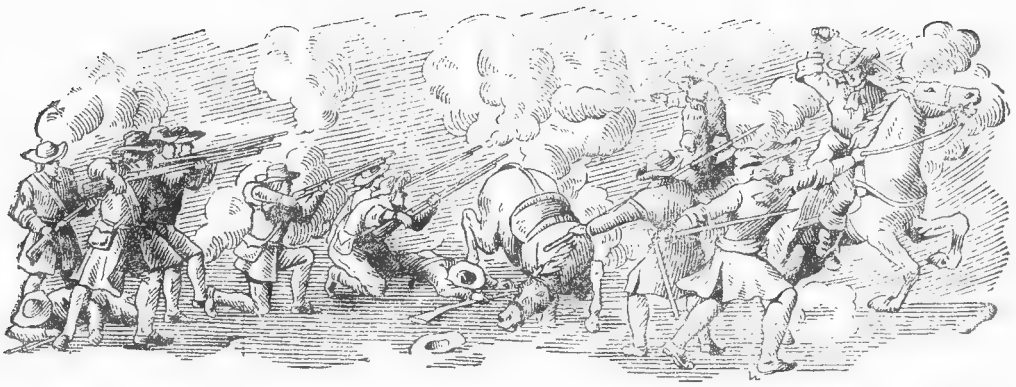
В творениях Макиавелли принципы стратегии сокрушения и стратегии измора изложены параллельно, но не согласованно. Логический мыслитель и эмпирический мыслитель, заключенные в нем, оба имеют слово, но они еще не столковались между собою. Целые столетия проблема эта продолжала оставаться в том же текучем состоянии. Мы вернемся к ней лишь тогда, когда будет речь о Фридрихе Великом.

Наиболее уязвим Макиавелли, когда он выступает в качестве очевидца военного дела своего времени. Казалось бы, что человек, обладающий столь острой наблюдательностью, — человек, который по личным склонностям и по занимаемому им положению должен был направлять свое внимание на военное дело, который неоднократно объезжал Германию, Италию и Францию и практически занимался военным делом, — казалось бы, что такой человек должен давать вполне достоверные сведения. Однако, на деле это не так. Сообщаемые

им цифровые данные весьма часто ошибочны, как то можно документально доказать. О швейцарцах он неверно сообщает, будто они за тремя шеренгами копейщиков всегда ставили одну шеренгу алебардистов [1]. Хотя Макиавелли и наблюдатель, но прежде всего он теоретик и доктринер. Все, что он слышит и видит, он тотчас же вгоняет в рамки своей теории, а если это ему не удается, то факты должны уступать теории. Местами он проявляет поразительное отсутствие критического отношения — например, когда он простосердечно повторяет слова какого-то француза, будто во Франции имеется 1 000 700 церковных округов и каждый округ поставляет на службу королю одного вооруженного вольного стрелка. Но это лишь единичные ляпсусы; гораздо хуже обстоит дело с теми искажениями, которые происходят от его отвращения к наемничеству и от его странного, надуманного подразделения народов — на вооруженных и невооруженных.

В древности мы знаем великого писателя, который, на мой взгляд, представляет известную аналогию с Макиавелли. Я говорю о Полибии. В нем также соединены высокое интеллектуальное развитие и из ряда вон выходящая наблюдательность с сильной склонностью к теоретическому построению. Тот, кто, по Гобому, убедится в том, как часто и грубо ошибается Макиавелли в сообщаемых им сведениях о современном ему военном деле, будет относиться к Полибию, пожалуй, еще с большей осторожностью, чем с той, которую уже начали с известного времени к нему проявлять.

[1] Гобом, II, 457, 464. Неверные цифровые данные относительно Мариньяно и Новары, Речи, II, 18. Также Эшер, Швейцарская пехота в XV и в начале XVI столетия (Neujahrsblätter der Züricher Feuerwerker, 1904—1907 гг.), ясно доказал, что Макиавелли неверно описывает как вооружение, так и построение швейцарцев.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Глава I

Преобразование рыцарства в кавалерию [1]

МЫ ДОКАЗАЛИ, что эволюция военного дела при переходе от Средних веков к новому времени была основана на создании пехоты; пешие воины сплотились в тактические единицы.

В течение XVI в. аналогичный процесс происходил и с всадниками—рыцарство превращалось в кавалерию.

Различие этих двух понятий, как мы неоднократно говорили, заключается в том, что основой рыцарства является квалифицированный одиночный боец, основой же кавалерии — тактические единицы, составленные из всадников. Хотя, несомненно, это различие наблюдается так же у всадников, как и у пеших воинов, однако, напряженность полярной противоположности между единицей и организмом в коннице не так велика. Внешнюю сплоченность в конной части труднее установить и поддерживать, чем в пешей, и борьба один-на-один у всадников всегда практикуется в большем объеме, чем у пехотинцев, у которых за движением и давлением массы оно часто совершенно стушевывается. Поэтому мы и могли оставить открытым вопрос—смотреть ли на конницу Александра Великого как на рыцарство или как на кавалерию.

---

[1] Труд Георга Дениона, Geschichte der Kavallerie seit den frühesten Zeiten mit Betrachtungen über ihre Zukunft, нем. перев. Брикса, Берлин, 1879 г., не имеет никакого научно-исторического значения. *Прим. Дельбрюка.* Русск. перев. Сухомлинова, изд. в 1897 г. — *Ред.*

Изменение, которое мы, прежде всего, наблюдаем в переходную эпоху, — это более резко обозначающееся различие между отдельными родами оружия среди всадников. Сущность построения в Средние века заключалась в том, что рыцаря, как главного бойца, поддерживали легкие всадники и стрелки и лишь изредка случалось, что отдельные роды войск действовали самостоятельно; теперь же мы гораздо чаще наблюдаем, как каждый из трех родов войск объединяется сам по себе и сражается самостоятельно. В сражении при Равенне в 1512 г. с обеих сторон сражались, например, тяжелые всадники на одном фланге, а легкие — на другом.

У культурных народов не так-то легко было набрать более или менее значительное число хороших, боеспособных легких всадников. Впервые венецианцы стали набирать с этой целью албанцев-страдиотов, которые потом поступали на службу к тому или другому государю и, в общем, встречаются вплоть до середины XVI в.

Подобно страдиотам, уже в XV в. появились гусары-венгерцы и в XVI в. все чаще и чаще упоминаются и восхваляются в немецких войнах [1] — они вооружены копьями и щитами.

Тогда как залогом пригодности тяжелой конницы служила принадлежность всадников к рыцарскому сословию, в легкую конницу набирали из полуварварских народов, в дикости которых сказывался природный воинственный дух.

Стрелки от лука и самострела постепенно перешли к огнестрельному оружию — аркебузе, в 2½—3 фута длины. Первый, кто организовал отряд конных аркебузиров, был, повидимому, Камилло Вителли, в 1496 г. У Вальгаузена и у других мы позднее находим изображения всадников, которые стреляют из аркебузы на полном карьере; трудно себе представить, чтобы они при этом попадали в цель.

Инструкция дю-Беллэй («Военная дисциплина») от 1548 г. [2] различает четыре рода всадников: рыцари (hommes d'armes), легкие всадники (chevaux légers), страдиоты (estradiotes или ginétères), аркебузиры (harquebusiers). Не ранее достижения 17-летнего возраста человек мог поступить в конницу, — добавляет автор, — и только постепенно он повышается, переходя из одной категории в другую и служа в каждой из них от двух до трех лет. В той же последовательности требовались также все лучшие и лучшие лошади. Тяжелые всадники (hommes d'armes) должны были оставаться на службе еще три или четыре года; после этого они могли отправляться в свое поместье — лен, но всегда должны были быть готовы последовать призыву.

Наряду с этим более резко проведенным различием между отдельными родами конницы мы встречаем во второй половине столетия

[1] По поводу спора относительно объяснения этого названия см. Mangold, в Jahresbericht der Geschichtswissenschaften, 1892 г., III, 247. Они чаще всего упоминаются в описании сражения при Мюльберге, у Ранке, Соч., т. VI, 44—246, и в описании нюрнбергского участника войны, Иоахима Имгофа, у Knaacke, Beiträge zur Geschichte Karls V. Стендаль, 1864 г., стр. 46. Особенно часто о них упоминает Авила (Avila, Geschichte des Schmalkaldischen Krieges, нем. изд., стр. 123). По словам Сюзана (I, 150), во Франции венгерская кавалерия существовала с 1635 г., в 1693 г. был сформирован один гусарский полк.

[2] По поводу этой книги сравни Иэнс, I, стр. 498. Hauser, Les sources de l'histoire française, т. II, стр. 25, отрицает авторство дю-Беллэй и, пожалуй, не без основания относит самое старое издание этой книги к 1548 г. (Иэнс считает 1535 г.). Значительная часть содержания, но не цитированный здесь отрывок из т. I, гл. 8, заимствована у Макиавелли. Ср. Gebelin, Quid rei militaris doctrina renascentibus litteris antiquitatis debuerit, Бордо, 1881 г., стр. 44.

также соединение в отдельные единицы рыцарей, стрелков и легковооруженных кнехтов[1] (точно такое, какое было в старых ордонансовых ротах). По дю-Беллэй, в 1548 г. в одну единицу объединялись 100 жандармов, 100 легких всадников, 50 конных аркебузиров и 50 страдиотов и ставились под начальство одного капитана; когда французский король Генрих II в 1552 г. овладел Мецем, он устроил перед воротами этого города парад, который описал нам очевидец, некто Рабютен, в своем дневнике: «Жандармерия, числом от 1 000 до 1 100 человек, на рослых французских, испанских или турецких лошадях, с ног до головы одетая в латы, имея снаряжение цветов своих капитанов, рыцари в латах, с копьем, шпагой и кинжалом или секирой; за ними — их свита из стрелков и кнехтов, начальники в роскошном уборе, в золоченых чеканных панцырях, с перевязями, расшитыми золотом и серебром, стрелки с легкими пиками, с пистолетами в седельных кобурах, на легких доброезжих конях, — все и вся такие блестящие, как только себе можно представить».

В следующем, 1553 г. тот же Рабютен (стр. 594) весьма определенно сообщает нам, что особых конных стрелковых рот не было сформировано, но что король приказал каждому командиру роты жандармов набрать еще соответственное число конных аркебузиров. Они-де оказались весьма полезными в тех случаях, когда рыцари попадали на неблагоприятную для них местность. В сражении, однако, их выделяли в особые подразделения (стр. 600).

Эти описания, если заменить аркебузы и пистолеты арбалетами, могли бы относиться к XIII в. так же, как и к XVI. Из них нельзя заключить о какой-либо дальнейшей эволюции.

Более резкое подразделение конных видов войск являлось лишь следствием усилившейся потребности в легких всадниках, которые могли причинить больше вреда на марше столь мощным родам войска, как пехота и артиллерия, путем нечаянных нападений и преследования, чем тяжеловесные рыцари. С увеличением их численности они и в сражениях могли выступать более самостоятельно.

В противоположность наблюдаемому здесь более резкому проведению различия между отдельными видами конницы происходит другой процесс, а именно — процесс сближения рыцаря и его свиты, в смысле более однородного их вооружения, причем кнехты, ожидающие посвящения в рыцари, и обыкновенные кнехты прочнее сплачиваются между собою в определенные формы. Эту эволюцию мы наблюдаем в войсках Карла V во время его последней войны с французским королем Франциском I (1543—1544 гг.).

Иовиус передает, что когда имперцы штурмовали Дюрен, две немецкие пехотные колонны и две «квадратные колонны рыцарей» (quadrata equitum agmina) были построены для отражения войска, шедшего на выручку[2].

В другом месте[3] он отмечает медленный аллюр (вероятно, обусловленный сомкнутостью строя) немцев, а венецианский посланник Наваджеро докладывает своему правительству, что французы испугались ровного строя атакующей немецкой конницы (cavalleria)[4].

---

[1] Кнехт — понятие среднее между воином и слугой. — *Ред.*

[2] Иовиус, кн. 44, изд. 1578 г., стр. 555.

[3] Иовиус, кн. 45, стр. 610.

[4] Доклад венецианского посланника Наваджеро от июля 1546 г., у Альбери, серия 1, т. I, стр. 314, 328. Он дает также описание вооружения этих всад-

В Шмалькальденской войне, три года спустя, это явление выступает еще отчетливее.

Венецианский посланник Мочениго, который сопровождал войска в эту войну, различает два вида имперской конницы — жандармов и стрелков (archibusetti). Последние, — пишет он, — носят панцырь и вооружены легкими копьями и кремневыми пистолетами; они строятся тесными шеренгами и превосходно сохраняют порядок [1].

Испанский историк Авила, повествующий об этих событиях, сообщает, что имперские рейтары строились квадратными колоннами (эскадронами), которые имели в глубину лишь 17 шеренг. «Благодаря этому, — говорит он, — фронт их был очень широк и выявлял большее число людей, что представляло чрезвычайно красивое зрелище. На мой взгляд, если местность позволяет, это наилучшее и наиболее надежное построение; ибо широко развернутый отряд не легко поддается охвату, что не трудно сделать с узким. С другой стороны, 17 шеренг глубины совершенно достаточно для производства шока (golpo), и такой отряд может успешно бороться с другим. Пример тому — бой, который нидерландская тяжелая конница дала клевской при Ситтарде в 1543 г.».

Указание, чтобы глубина достигала только 17 коней, подчеркивает, что раньше конница строилась еще глубже. В бою при Пилленрейте (1450 г.) мы видим, что рыцари со своими кнехтами, при ширине фронта в 14 рядов, имели в глубину 20 шеренг [2], а в одном теоретическом сочинении 1532 г. [3] рекомендовалось строить 6 000 всадников в 83 шеренги в глубину.

У средневековых всадников мы видели две основных формы построения: или рыцари строились в одну шеренгу, а за ними следовала их свита — кнехты и стрелки (поскольку их не выпускали вперед в качестве застрельщиков), или же они строились глубокой колонной. Как ни велико различие на практике, оно не было таким, ибо здесь мы имеем дело не с формой боя, а с формой подхода к неприятелю; в бою и глубокое построение само собою развертывалось в более широкое; при более значительных армиях построение рыцарей в одну шеренгу было вообще невыполнимо.

В ранее приведенном нами сочинении «Добрый совет и мысли старого, искушенного и опытного воина», написанном около 1522 г., автором которого является, пожалуй, не кто иной, как сам Фрундсберг [4], рекомендуются «многочисленные колонны и широкие построения, дабы много людей могли поражать и сражаться и дабы атаковать противника спереди, сзади и с боков». Точно так же и прусский герцог Альбрехт, написавший большое сочинение о военном деле, «Военную книгу» (законченную в 1555 г.), требует в схожих выражениях широкого фронта и много небольших колонн» [5].

Можно было бы полагать, что эти указания скорее являются провозвестниками образования кавалерии, чем все еще поразительно

ников, причем еще не упоминается о пистолете, который, однако, они имели, согласно другим сообщениям (Ранке, Соч., т. IV, 223).

[1] Alois Mocenigo, Relazione di Germania, 1548 г., изд. Фидлера. Источники по истории Австрии (Fontes rerum Austriacarum), т. XXX, стр. 120, Вена, 1870 г.

[2] Т. III, кн. 3, гл. 2, стр. 289.

[3] Иэнс, I, 740.

[4] Подробная выдержка у Jähns, Geschichte des Kriegswesens, I, 474.

[5] Jähns, Geschichte des Kriegswesens, I, 521.

глубокие построения колонн Карла V в 17 шеренг. Однако, это не так. Многочисленные мелкие колонны Фрундсберга и Альбрехта все еще относятся к категории рыцарских построений, к строям только для подхода к неприятелю, между тем как эскадроны в 17 шеренг глубиной содержат уже зародыш дальнейшего развития.

Глубина в 17 коней основана на расчете, приписываемом герцогу Альбе [1], что всадник в глубину занимает приблизительно втрое большее пространство, чем в ширину, и что, следовательно, ширина фронта в 100 рейтаров, построенных в 17 шеренг, будет вдвое шире, чем глубина всей колонны. Итак, от людского квадрата всадников (agmen quadratum), о которой говорит Иовиус, уже дошли до гораздо более мелкого построения, и этот строй тщательно сохраняют, как о том единодушно свидетельствуют все источники. Чтобы этого достигнуть, пришлось, несомненно, проделать ряд строевых учений, как то давно уже практиковалось в пехоте. А когда на этих учениях уже достигли известной твердости и уверенности, то стали еще более уменьшать глубину. У Тованна [2] мы читаем о глубине в 10 коней, а де-ля-Ну, повидимому, считает глубину в 6—7 коней для эскадрона вполне нормальной [3]. С концом XVI в. мы приближаемся, таким образом, к формам современной кавалерии [4]. Раз этого было достаточно, то почему же сразу не начали с такого мелкого построения? Вероятно, по той самой причине, по которой и пехота начала с очень глубоких колонн и лишь постепенно дошла в своем развитии до более мелких построений, а именно потому, что благодаря более глубокому построению массы легче держать сплоченными. Лишь когда строевое учение и связанная с ним дисциплина достигают более высокой ступени, является возможным развертывать построения в ширину, не нарушая порядка. По этой-то причине исходной точкой развития приходится считать, с исторической точки зрения, 17-шеренговые эскадроны Шмалькальденской войны, а не «многочисленные маленькие колонны» Фрундсберга.

В войсках немецких князей, которые выступили в Шмалькальденской войне против императора, еще фигурировал призванный вассал или завербованный дворянин со свитой разнородно вооруженных спутников [5], а Филипп Гессенский придавал большое значение тому,

---

[1] Наполеон III пишет в своем сочинении «Du passé et de l'avenir de l'artillerie» (Соч., т. IV, стр. 200): «Сен-Люк в своих военных заметках говорит, что герцог Альба, найдя, что эскадроны рейтаров слишком глубоки, захотел, чтобы у его эскадронов был вдвое больший фронт, чем глубина. Поэтому, исходя из предположения, что каждая лошадь занимает пространство в 6 футов на 2, он рассчитывал, что эскадрон, состоящий из 1 700 лошадей при 17 шеренгах, займет прямоугольник в 102 фута на 204». Повидимому, сочинение Сен-Люка еще не напечатано.

[2] Изд. Бюшона, стр. 122.

[3] Об этом можно, повидимому, заключить из «15-й речи», изд. 1587 г., стр. 345, где автор исходит из предположения, что победоносный эскадрон непосредственно опрокидывает лишь 15—16 всадников, построенных цепью (Haag), т. е. при нормальной численности в 100 — шестую или седьмую часть. Ср. 17-ю речь.

[4] Наполеон III в том же сочинении говорит, что Генрих IV имел эскадроны в 300—500 лошадей, построенные в 5 шеренг, Монтомери требовал, чтобы жандармы строились в десять шеренг, а шеволежеры — в семь; Billon, Les principes de l'art militaire, нем. изд., стр. 254 (1613 г.), настаивает на пятишеренговом построении, «чтобы лошади не напирали друг на друга».

[5] Georg Paetel, Die Organisation des hessischen Heers unter Philipp dem Grossmütigen, 1897 г., стр. 38 и 40. Также у Иовиуса, т. 34, стр. 278, об испанских формированиях.

чтобы иметь среди своих всадников возможно большее число дворян в качестве кирасир (Kürisser). Однако, простые наемные всадники, соответствовавшие тем, которые служили в войске императора, все же составляли большинство, и сохранившийся феодальный фон не мешал тому, чтобы и о шмалькальденских рейтарах отзывались с большой похвалой в смысле их боеспособности и порядка; особенно же ставилось им в заслугу то, что они так хорошо слушались сигналов, подаваемых трубою [1].

Все это казалось бы еще небольшим достижением, не дающим оснований к каким-либо дальнейшим заключениям, если бы мы встречались и в Средние века с подобными заметками относительно тогдашней конницы. Однако, дальнейший ход развития указывает на то, что мы в данном случае действительно имеем дело с зародышами чего-то органически нового.

«Черные рейтары», как их уже называли во время Шмалькальденской войны, преемственно множились, как и дружины ландскнехтов

Известные своими грабежами и склонностью к мятежу, они появляются в немецких войнах [2] под начальством то Альбрехта Алчибиада, то Эммануила Филиберта Савойского, то Гюнтера Шварцбургского. Преемники этих «черных рейтаров» — это появившиеся во время религиозных войн во Франции в том и другом лагере «немецкие рейтары», коротко именуемые французами «reîtres», а итальянцами «raitri»; на них следует смотреть как на прародителей европейской кавалерии, в том же смысле, как в немецких швейцарцах видят прародителей

---

[1] Согласно донесениям венецианского посла Алоизо Мочениго, сопровождавшего императора. Источники, по истории Австрии (Fontes rerum Austriacarum), т. XXX, стр. 120 «Venezianische Depeschen vom Kaiserhof», изд. Историч. комис. Академии наук, Вена, 1889 г., т. I, стр. 668, 670—671.

[2] Впервые упоминает о них Авила (Schmalkaldener Krieg, нем. изд. 1853 г., стр. 58, 1-е изд., Венеция, 1548 г., лист 34). Лацарус Швенди называет в одном письме от 6 ноября 1552 г. всадников Альбрехта Алкивиада «черными рейтарами» (Voigt, Albrecht Alcibiades, II, 8). В 1554 г. в имперском лагере под Намюром мы встречаем 1 500 черных рейтаров, все со значками на пиках. Анонимный дневник 1554—1557 гг., изд. Луисом Торфосом «Campagnes de Charles Quint et de Philippe II», Антверпен, 1868 г., стр. 23—24. В этом дневнике многократно сообщают об их бунтах. В 1554 г. упоминается на стороне императора об «отряде рейтаров» (un ost de reitres) в 1 800—2 000 коней под командой графа Вольфрама фон-Шварценбурга. Рабютен, Комментарии LIV, изд. Бюшона, 1886 г., стр. 620: «pour nous intimider s'estoient tous faits noirs, commes beaux diables» («чтобы... нас застращать, они сделали себя совершенно черными, как настоящие черти»). Для кампании 1558 г. Генрих II, на основании опыта предыдущего года (Сен-Кантен), велел набрать возможно больше рейтаров, ибо в предшествующем году наибольшее количество военных сил, коими запасся его противник (Филипп II) и которые, как полагали, дали последнему наибольший перевес над ним, были эти рейтары, которых с тех пор звали «черными панцырями». «Эти рейтары были вооружены множеством пистолетов, огнестрельным оружием, жестоким и ужасным, словно изобретенным для того, чтобы поразить и расстроить французских жандармов. И потому, дабы тем самым ослабить своих противников и приучить и обучить французов пользоваться этим оружием, он захотел переманить их к себе на службу» (Rabutin, LIX, изд. Бюшона, 1836 г., стр. 738). Первые немецкие пистольеры (pistolliers) на французской службе появились, насколько я в том мог убедиться, в 1554 г. (Рабютен, стр. 605). Сюзан относит их появление к более раннему времени. В 1557 г. Рабютен (стр. 701) различает во французском войске жандармерию, кавалерию и рейтаров. Термин «рейтар» для кавалерии, применяемый, очевидно, сознательно для обозначения чего-то специфического, встречается у Марино Каваллис (Marino Cavallis, Relazione da Ferdinando Re de'Romani, 1543 г., изд. Альбери, серия I, т. III, стр. 122).

европейской пехоты. То были немцы, которые образовали новый род войска, но не на немецкой почве. В то время Германия наслаждалась 60-летним периодом мира, самым длинным, какой когда-либо ей было суждено переживать за всю мировую историю; между тем Франция испытывала 30-летнюю смуту гугенотских войн. Подобно тому как в первой половине столетия войны, которые вела Франция, в значительной степени велись пехотой швейцарцев и ландскнехтов, так теперь и на стороне протестантов и на стороне католиков сражаются преимущественно немецкие рейтары, вырабатывавшие здесь, на французской почве, новые методы кавалерийского боя.

По образцу этих рейтаров Испания также создала национальную конницу, получившую название «гереррУэлос» или «феррaруоли», по коротким плащам, которые она носила, и заменившую страдиотов, которыми пользовались до того времени [1].

В сражении на Моокерской равнине (1574 г.), сообщает испанский генерал Мендоза, являвшийся очевидцем, эскадроны рейтаров атаковали столь сомкнутой колонной, что нельзя было ничего видеть сквозь их шеренги [2].

И Средние века знали подход к месту боя в густых, глубоких колоннах; но значение эскадронной организации заключалось в той степени прочности спайки, которую приобретали эти тактические единицы; эта прочность существенно усилилась, хотя и косвенным путем, благодаря введению вновь сконструированного оружия—пистолета. Еще в 50-х годах эти «черные рейтары» появлялись с пиками, но затем последние исчезают, и немецкие рейтары вооружены лишь пистолетом и шпагой, в то время как французские жандармы продолжали по-старому пользоваться копьем.

Кремневый пистолет, который применяли рейтары, называвшийся также «кулачник» (Faüstling), был очень длинен и тяжел; воспламенение заряда было очень ненадежное; замок очень скоро покрывался нагаром, и чистить его было чрезвычайно трудно, а кремень быстро снашивался. Зато огромное его преимущество заключалось в том, что им можно было управлять одной рукой; ненадежность замка старались восполнить тем, что вооружались несколькими пистолетами. Рейтары носили пистолеты не только в седельных кобурах, но и заткнутыми за голенища сапог [3].

---

[1] Впервые о них упоминается без особой похвалы в донесении от 1559 г. Relation de Michel Suriano, faite au retour de son ambassade auprès de Philippe II en 1559. Gachard, Relations des ambassadeurs vénétiens sur Charles-Quint et Philippe II, Брюссель, 1856 г., сто. 116. Clonard (IV, стр. 155) указывает, как на первый источник, упоминавший о них, на ординанцу (королевский указ. — *Ред.*), 1560 г.

[2] Geschichte des niederländischen Krieges, кн. II, гл. 11 и 127.

[3] Мочениго доносил дожу 4 сентября 1546 г.: «Конница императора очень боится неприятельской как из-за ее численности, так и из-за ее прекрасного конского состава, а также еще и потому, что многие рейтары имеют «по три малюсенькие кремневые аркебузы: одна — у луки седла, другая — сзади седла, а третья— в одном из сапог; так что императорские шеволежеры говорят, что в стычках они никогда не чувствуют себя в безопасности, ибо после выстрела из одной аркебузы рейтар берет в руку другую и часто, даже убегая, кладет третью себе на плечо и стреляет назад» (Venetianische Depeschen vom Kaiserhof, Вена 1889 г., I, 670—671).

То же доносит и Федериго Бадоэро (Relazione di Carlo V e di Philippo II, 1557 г., изд. Альбери, серия 1-я, т. III, стр. 189—190) о феррaруоли, которые были будто бы вооружены 4 или 5 пистолетами.

Хотя стрельба с коня и не такое простое дело [1], все же она требовала гораздо меньше навыка, чем владение рыцарским копьем; да и пистольеру не надо было иметь такой сильной лошади, как рыцарю.

Валльгаузен называет копье наступательным, а пистолет — только оборонительным оружием. Такая характеристика будет понятна, если мы вспомним, что копье имело от 18 до 21 фута в длину [2], пистолет же бил лишь на самое короткое расстояние. Инструкции рекомендуют стрелять лишь тогда, когда это можно сделать почти в упор. Так как пробить панцырь не так легко, то надо стараться попасть всаднику в бедро или же в голову, либо в лопатку лошади. Де-ля-Ну говорит, что пистолет бьет только на расстоянии трех шагов.

В бою под Зиверсгаузеном в 1553 г. между Морицем Саксонским и Альбрехтом Алчибиадом Бранденбургским сам курфюрст сообщает в своем письме епископу Вюрцбургскому, написанном в самый день сражения [3], что рейтары обеих сторон так близко сошлись между собою, что могли различать друг у друга белки глаз; тогда они разрядили свои пистолеты (sclopetos) и бросились в рукопашный бой; Шертелин фон-Буртенбах в своей автобиографии говорит (стр. 103): «В этом сражении конные стрелки нанесли большой урон».

Для того чтобы пистолеты действовали с возможно большим эффектом, рейтары выработали собственный маневр, с которым мы уже познакомились у пехоты под названием «улитки» (limaçon) и который у рейтаров большей частью назывался «караколе». В бою под Зиверсгаузеном его, повидимому, еще не применяли; старейшее упоминание о нем мы встречаем 10 лет спустя, в описании сражения при Дрё в 1562 г. в мемуарах маршала Таванна [4]. «С тех пор, как при Карле V,— рассказывает он,— были изобретены пистолеты, немецкое дворянство, служившее до того в рядах ландскнехтов, село на коней и образовало эскадроны в 15 или 16 шеренг глубиной. Эти-то эскадроны и ходили в атаку, но не делали прорыва. Первая шеренга поворачивалась налево, открывая дорогу второй, которая, в свою очередь, стреляет и т. д., образуя «улитку», чтобы снова зарядить свои пистолеты». «В бою под Дрё,— добавляет автор,— рейтарам совершенно незачем было производить этот маневр, так как их глубоко построенным эскадронам приходилось иметь дело лишь с тонкой цепью французских рыцарей. Если бы французы научились строиться по-эскадронно, они легко разбили бы рейтаров, ибо они не караколировали бы и не возвращались бы назад, а напирали на противника; задние же шеренги рейтаров состоят лишь из кнехтов».

---

[1] В воспоминаниях старого офицера (фельетон в газете «Пост» от 21 мая 1890 г.) мы читаем: «В те времена (1847 г.) еще стреляли в мишень с лошади: ужасный маневр, при котором очень мало лошадей стояло смирно. С величайшей осторожностью подавал унтер-офицер всаднику на коне пистолет, заряженный и с надетым пистоном. Тут надо было проделать на коне вольт, остановиться перед мишенью и выстрелить. Но как только лошадь чуяла, что у вас в руке пистолет, она начинала делать скачки и прыжки, так что и всадник, и лошадь, и окружающие подвергались величайшей опасности. Случалось порой отстрелить у лошади ухо. У нашего добрейшего премьер-лейтенанта фон-Б. была старая рыжая кобыла, прозванная «Коммодом», и когда он вел обучение стрельбе, то все отделение по очереди взбиралось на «Коммод» и каждый спокойно выпаливал свой выстрел. Теперь эту нелепость отменили и стреляют только спешившись; сигнальные выстрелы конных дозоров, конечно, не исключаются».

[2] Wallhausen, Kriegskunst zu Pferde, стр. 6.

[3] Menken, II, 1427.

[4] Изд. Buchon, стр. 291. О Таванне см. ниже.

Эти рейтары,— говорят нам далее,— были обучены Морицем Саксонским и Альбрехтом Бранденбургским[1], а их шеф, ландграф Гессенский, как-то сказал, что «за плату идут в атаку один раз, за родину — два раза, за религию — три, а под Дрё за французских гугенотов рейтары ходили в атаку четыре раза».

Следующее упоминание о «караколе» я встречаю в описании сражения близ Монконтура в 1569 г., помещенном в «Истории гражданских войн», принадлежащем перу гугенота де-ля-Попелиньёра и напечатанном некоторое время спустя, в 1571 г., в Кельне[2]. Вразрез с описаниями Таванна, в нем мы встречаем то небольшое различие, что в зависимости от условий пространства, по его рассказу, «караколе» производилось то влево, то вправо, в то время как Таванн (ввиду того, что рейтар стреляет правой рукой) упоминает лишь о заезде влево, заявляя в другом месте ниже, что это и есть единственный возможный способ выполнения ее[3].

Далее Попелиньёр подчеркивает, что рейтары тщательно подбирали лучших людей для первых шеренг и что каждый выбывший из строя тотчас заменялся тем, кто стоял ему в затылок.

Еще в течение значительной части Тридцатилетней войны караколе играла известную роль. В руководствах по искусству строевого обучения, которые в это время разрослись в целую литературу, о ней говорят не так подробно, как того можно было бы ожидать, ибо невольно напрашивается предположение, что караколе должна была казаться очень красивой на учебном плацу, в серьезном же деле, как это часто бывает с искусственными эволюциями, она едва ли была выполнима[4]. Де-ля-Ну замечает (18-я речь), что, одновременно с первыми шеренгами, начинали обыкновенно стрелять и задние, а именно в воздух, «лишь бы греметь». Поэтому я склонен предполагать, что значение пресловутой караколе приходится искать не столько в ее непосредственном, практическом применении, сколько в обучении ей, в дисциплине, которая вольно или невольно создается в процессе каждого регулярного упражнения.

Но вопрос дисциплины — как раз то самое, что нас интересует в этот момент развития, т. е. в момент перехода от рыцарства к кавалерии. Ротмистр, который довел свой эскадрон до такого состояния, что он с точностью производит караколе, очевидно, держит своих людей в руках и располагает действительно дисциплинированным отрядом. Ибо без большого старания и труда над каждым человеком, над каждой лошадью, без внимания и напряжения воли, без умения владеть оружием и навыка — этого не добиться. Раз караколе с точно

---

[1] Об Альбрехте, как вожде рейтаров, я только что получил исследование Р. Фридрихсдорфа (Берлинская диссертация, 1919 г.), содержащее весьма ценный новый материал.

[2] Во втором издании этого сочинения (Базель, 1572 г.) описание — несколько более распространенное (книга IX, л. 309), однако, добавления не представляют для нас ничего существенного. Ланселот Вуазен сьёр де-ля-Попелиньёр, родом из Пуату, был студентом в Тулузе, когда пришло известие о кровавой бане в Васси. Он тотчас стал во главе гугенотской роты студентов, сделался, в конце концов, инвалидом от получения раны и с тех пор занялся литературной работой.

[3] В описании сражения близ Иври, стр. 386. Так как Иври приходится лишь на 1590 г., то здесь уже говорит Таванн младший.

[4] Валльгаузен описывает упражнения с караколе, не употребляя этого выражения, в 4-й главе 2-й книги «Kriegskunst zu Pferde», стр. 65. Гримельсгаузен также описывает караколе в «Симплициссимусе», изд. Гёдике, 1897 г., т. 10, 11, стр. 36.

выполненным заездом и стрельбою — налицо, то налицо и тактическая единица, в которую вработался каждый рейтар, как рядовой член ее, а глава и душа которой — вождь, ротмистр.

Узкие пределы практического применения караколе вытекают из следующих соображений.

Если караколирующий эскадрон натыкался на отряд конницы, который, с своей стороны, искал боя холодным оружием и атаковывал караколирующих, то тотчас же должны были прерваться искусственные смены эшелонов и бой переходил в общее столкновение, свалку (mêlée). О подобном случае рассказывает и Попелиньёр, а де-ля-Ну, насмешливо отзываясь о таком способе ведения боя, говорит, что он больше напоминает карусель, чем настоящую войну (18-я речь).

Если караколирующий эскадрон сталкивался с пехотой в сомкнутом строю, то он мог ей действительно нанести существенный вред; это, например, случилось в сражении близ Дрё в 1562 г. с швейцарской квадратной колонной. Но ведь и квадратную пехотную колонну, в свою очередь, сопровождали стрелки, которые своими гораздо более дальнобойными и меткими пулями значительно превосходили пистолеты, бьющие лишь на крайне близкую дистанцию, и всегда удерживали рейтаров на почтительном расстоянии. Это нам подтверждает убитый в 1588 г. герцог Генрих Гиз, который говорил Брантому: «Чтобы победить рейтаров, надо иметь порядочный отряд хороших мушкетеров и аркебузиров...; вот тот соус, который им отбивает аппетит». Так он и победил их в 1575 г. под Дормансом (недалеко от Шато-Тьери), хотя у него и было мало пеших стрелков [1].

Наилучшее применение караколе имело тогда, когда рейтары применяли ее с обеих сторон, и тогда успех, конечно, зависел от того, кто проделывал всего быстрее и точнее этот маневр, следовательно,— какая сторона была лучше обучена и вооружена наиболее надежными и содержимыми в должном порядке пистолетами.

Так как рейтар стрелял правой рукой, то караколе всего лучше было производить влево; поэтому Таванн считает ошибкой, что в одном месте (стр. 118) рейтаров построили на правом крыле, ибо в таком случае, караколируя влево, они расстраивают ряды войск, стоящих влево от них, в то время как на левом фланге они никого не задевают своим караколе.

Рейтары-пистольеры называются тоже кирасирами (Kürisser), и это слово, таким образом, меняет свое значение [2]. Раньше оно обозначало рыцаря или вооруженного по-рыцарски солдата; теперь кирасиром называют только легкого «рейтара», именно в противоположность тяжеловооруженному рыцарю, на закованном в броню коне. Последних называют «жандармами», и вот армия определенно подразделяется на жандармерию, кавалерию и пехоту [3].

Кирасиры в значительной части тоже состояли из дворян, однако, большинство их — наемные солдаты и частью — прежняя свита, сопровождавшая рыцаря, вооруженная панцырями, шлемами и писто-

---

[1] Brantôme, Oeuvres. Edition Lalanne, 1864 г., т. IV, стр. 201, ср. т. III, стр. 376, т. I, стр. 339—340; он упоминает об этом примере в том же смысле и приводит, как параллель, бой под Ольно 1 ноября 1587 г.

[2] Корень его — итальянское слово corazza, происходящее от слова corium — кожа.

[3] Например, Villars, Mémoires, X, изд. 1610 г., стр. 901, 1559 г., как то видно из документов, относящихся к этому году.

летами, включенная в тот же эскадрон, в котором дворяне и самые испытанные бойцы составляли первые шеренги и общее окаймление. Однако, постепенно, путем спайки эскадрона, различные его элементы выравнивались в однородную массу [1].

Однако, долго еще вербовочная грамота, которую выдавал государь, нанимающий войско, капитану или полковнику для набора солдат, оставалась иной для пехоты, иной для кавалерии. В пехоте каждый человек отвечал только за себя; в кавалерии же долго сохранялся феодальный характер: нанимался рыцарь с известным числом свиты [2].

Подобно кирасирам формируются в эскадрон и караколируют конные аркебузиры, как мы это уже видели во время Шмалькальденской войны.

Как особый род войск мы встречаем в середине XVI в. еще и драгун. Чтобы соединить преимущества огнестрельного оружия, которое ведь можно вполне использовать лишь на твердой почве, с быстротой коней, давали пехотинцам клепперов, малоценных, не пригодных для атаки лошадей, которых можно было потерять без особого сожаления [3].

Таким образом, драгуны по своей идее — конные пехотинцы, и потому они до сих пор носят, хотя и превратились в кавалерию, пехотный шлем.

---

[1] В XVI в. — пишет один граф Сольмс (Würdinger, II, 371) — сначала правильно, но в результате все же ошибочно: «Если иметь в качестве рейтаров одних конюхов и мужиков, которые уворовали своих коней у повозок и плугов, то в походе не оберешься злых дел и дезертирства, а в сражении — бегства; и даже если они не убегут, а останутся, то все же у них недостаточно хороши люди и вооружение, да и нет обучения военному делу; они остаются теми же мужиками на крестьянских и обозных лошадях. Такого народа дворянин не должен приводить государю, который платит жалованье, ибо тот полагается на число и не подозревает, что он получил лишь распущенную, никуда не годную ораву; об этом должен подумать каждый человек, обладающий рыцарским достоинством, который хочет набрать для государя рейтаров, ибо это касается его чести и благополучия; ведь если в его эскадроне мужичий сброд и ему придется встретиться с настоящим, хорошим, исправно снаряженным отрядом, то что́ он тогда будет делать, и как плохо он позаботился о своем государе за его золото?»

[2] Erben, Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums, 1902, Военные артикулы и т. д.

[3] Susane, Histoire de la cavaletie française, I, 73, объясняет зарождение этого рода войск несколько иначе, чем мы; он не связывает его с огнестрельным оружием, но придает в этом случае главное значение быстроте передвижения, какую могла благодаря этому проявить во время отдельных экспедиций пехота, — безразлично — копейщики или мушкетеры. Вследствие страха, который они внушали, сами-де они дали себе название драгун (от французского синонима «dragon» — дракон и драгун). Создал их на пьемонтском театре войны маркиз де-Бриссак в период 1550—1560 гг.

Согласно Иовиусу, кн. 44, уже Пьетро Строцци в 1543 г. посадил на лошадей 500 отборных стрелков (sclopetarii), дабы как можно скорее занять Гюиз.

Ludwico Melzo, Regulae militari... della cavaleria (Антверпен, 1611 г.), считает драгун конными стрелками; Иэнс, II, 1050. По Валльгаузену, часть их была вооружена пиками.

Баста (кн. 1, гл. 8) держится того взгляда, что конный стрелок, карабинер, изобретен в Пьемонте; он, следовательно, отождествляет последнего с драгуном. Гуго причисляет к драгунам и солдат, вооруженных пиками, которые делают переходы верхом, а дерутся в пешем строю. Конное войско (Militia equ.) (1630 г., сер. 184, кн. III, стр. 4). Относительно их построения в бою — в середине копейщики, справа и слева стрелки, лошади сзади — ср. т. IV, глава V, стр. 271—272).

Резкого различия между отдельными родами оружия в кавалерии, конечно, нет, и в разное время те же наименования означают не всегда одно и то же, как мы могли убедиться на кирасирах [1].

Валльгаузен («Военное искусство конницы», стр. 2), говорит, что тяжелой конницей были кирасиры и копейщики; легкой — аркебузиры и драгуны. Копейщики, однако, могут быть одинаково и легкой и тяжелой конницей.

Первое, более крупное сражение, в котором нам сообщают о победе пистольеров, произошло недалеко от Нанси, близ Сен-Венсена, 28 октября 1552 г. Немецкие рейтары под начальством Альбрехта Алчибиада столкнулись с французскими всадниками герцога Омальского. Легкая конница, аркебузиры, и, наконец, даже жандармы должны были отступить перед пистолетными пулями немецких рейтаров. Убито было много лошадей, а в рукопашном бою много знатных лиц было либо убито, либо взято в плен. Сам герцог Омальский, будучи несколько раз ранен из пистолета, в конце концов попал в плен [2].

В 1572 г. венецианский посол Контарини доносит на родину, что-де французская жандармерия ухудшилась; в бою с рейтарами-пистольерами она сначала старалась улучшить свое положение, усиливая латы до тех пор, пока ни лошади, ни люди уже не могли выдерживать их тяжести; затем значительная часть жандармов усвоила себе приемы противников. «Немецкие ландскнехты, — добавляет Контарини, — прежде столь прославленные, очень понизились качеством, репутация же рейтарской кавалерии растет с каждым днем» [3].

Пистолет, как усовершенствование и новое применение огнестрельного оружия, вызвал, так же как перед тем пушки и аркебузы, глубокое отвращение современников. Де-ля-Ну называл их чертовщиной, а Таванн сетовал на то, что бой сделался гораздо более смертоносным. Прежде сражались 3—4 часа, и из 500 человек не было 10 убитых. Теперь за час времени все кончается [4].

Несмотря на это, рейтарские эскадроны пистольеров не сразу заменили рыцарей с их вспомогательными воинами, путем простого упразднения последних; оба метода боя долгое время боролись друг против друга на практике и в теории. Дело шло о двух антитезах, переплетенных одна с другою: с одной стороны, о бое глубокой колонны эскадронов против построения в одну развернутую шеренгу, с другой — о борьбе пистолета против копья. Писатели часто называют их для краткости французским и немецким методами боя [5].

---

[1] Когда, например, венецианец Сориано (Relazione di Francia, 1562 г., ed. Albéri, Serie I, т. IV, стр. 117) говорит о французском короле, что, наряду со своим рыцарством, он имеет иностранных феррараоли и легкую кавалерию, причем последнюю составляют главным образом албанцы и итальянцы, — то разница между ними лишь в том, что легкая кавалерия является более старым родом войск, сражающимся не столь сомкнуто, а феррараоли спаиваются в сомкнутые эскадроны и пользуются к этому времени (1552 г.), пожалуй, исключительно пистолетами.

[2] Rabutin, Commentaires, ed. Buchon, стр. 573, как очевидец.

[3] Aloise Contarini, Relazione di Francia, Febraio, 1572 г., ed. Albéri, сер. I, т. IV, стр. 232—233.

[4] Ed. Buchon, стр. 202—203.

[5] Французское построение — длинным фронтом со слабыми флангами, ибо каждый хочет стоять в первой шеренге; между тем фламандцы, умножая шеренги и углубляя колонну, делают ее более сильной и надежной. Relation de Michel Suriano, faite au retour de son ambassade auprès de Philippe II en 1559, напечатано у Gachard, Relations des ambassadeurs vénitiens sur Charles Quint et

В конце XVIII в. распространился новый род всадников, вооруженных копьями,— уланы. Так как они носили основное оружие рыцарей — копье, то в них можно было бы видеть их потомков. Однако, это не так. Они — польского происхождения. Ход событий привел к тому, что в течение нескольких поколений конница совершенно отказалась от пики и снова взялась за нее при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Теперь просмотрим важнейшие отзывы о переходе от рыцарских методов боя к кавалерийским, с которыми мы встречаемся как у повествователей гугенотских войн, так и в военно-теоретических сочинениях. Их разнообразие и противоречивость оставляют в нас яркое впечатление того, как нерешительно, ощупью специалисты бродят вокруг этого вопроса.

Первый выдающийся человек, писавший о проблеме конного боя того времени, был Гаспар де-Со-Таванн (род. в 1505 г.), сражавшийся еще под Павией с Франциском I в качестве его пажа, а в гугенотских войнах воевавший как маршал на стороне католиков (ум. в 1573 г.). Сочинение «Школа истинного военачальника», изданное его племянником по изустным сообщениям, а может быть, и по письменным заметкам маршала, почти ничего нам не дает.

Важны и содержательны мемуары, составленные его сыном Жаном по отцовским записям; к сожалению, передавая ряд военных замечаний, перемежающихся с рассказом, он не указывает, что́ принадлежит его отцу, а что — ему лично. Так как отец умер в 1573 г., когда развитие еще не было закончено, то пробел этот сказывается весьма ощутительно.

Таванн сообщает (стр. 203), что рыцари заказывали себе все более и более тяжелые латы для защиты от пистолетных пуль. Но против тяжелых лат и копье бессильно: легкое разлетается в щепки, без всякого эффекта, а тяжелое — настолько опасно для его владельца, что он предпочтет его иной раз выпустить из рук, чем дать ему сломаться. Лишь на полном карьере, когда и лошадь и человек свежи и бодры, а грунт ровный — копье дает желаемый эффект. Чрезмерно тяжелые латы делают того, кто их носит, неспособным к бою. Поэтому Таванн против копья и стоит за вооружение конницы пистолетами.

Согласно мемуарам, он первый в 1568 г. реформировал тактическое построение католической армии, организовал эскадроны пистольеров, по примеру рейтаров, и потребовал, чтобы жандармерия образовывала более крупные роты, чем до тех пор,— не по 30, а по 80—100 человек — и вместо построения цепью приняла построение эскадронами. Лучшим эскадроном он признает эскадрон в 400 человек. Построение рейтар представляет колонну в 1 500—2 000 лошадей, но ее победят три эскадрона по 400 лошадей в каждом. Слишком большая численность колонны порождает сумятицу и до применения оружия доходит чересчур мало всадников. Рейтары строятся очень крупными колоннами, так как ¾ их — простые кнехты. Стоит лишь прорваться сквозь первые две шеренги — и остальная масса уже не представляет опасности [1].

Philippe II, Брюссель, 1856 г., стр. 116. — Popelinière, Historie des troubles, L. 9, изд. 1572 г., стр. 309. «Рейтары в бою применяют совершенно иной и отличный от французов метод».

[1] «Самое плохое в прошлом — это то, что они сражались цепью; отдельные полки шли в бой, разделенные пешими солдатами, артиллерией и пр., так что им

«Первоначально,— говорит Таванн (стр. 291),— рейтары били французских жандармов благодаря своему построению эскадронами. Но как только последние переняли, в свою очередь, эскадронное построение, они стали побеждать рейтаров, атакуя их энергично в то время, как они караколировали» [1].

Следовательно, Таванн является сторонником введения по-эскадронного построения и пистолетов, но не караколе, требуя, чтобы атака вела к рукопашному бою и прорыву фронта неприятеля.

Тем не менее он признал копье излишним, и только его темперамент (sa vogue), как добавляет его племянник, заставил его допустить вооружение им одной шеренги по фронту и одного ряда вдоль правого фланга.

Далее (стр. 116), Таванн ставит вопрос, как лучше начинать бой: приближаться ли к неприятелю на рысях, или же выжидать его атаку, стоя на месте.

Движение вперед — говорит он — придает и лошадям и людям больше порыва, но зато тем, кто не хочет вступать в свалку, оно дает большую возможность уклониться от нее. Поэтому лучше,— по крайней мере, с молодыми или не вполне надежными солдатами,— ожидать неприятеля в стройном порядке или переходить на рысь и галоп, но не ранее, как на расстоянии 20 шагов, ибо тогда уже трусы не

было неудобно при случае соединиться одним с другими, чтобы усиливать друг друга по мере надобности. К тому же даже в чистом поле они неохотно присоединяются один к другому, разве если наместник короля окажется на месте и прикажет им это сделать, ибо каждый хочет проявить собственную храбрость, не принимая во внимание ни соседей, ни, так сказать, той горы неприятельских войск, которая готова на них обрушиться, ни страха отдельных солдат, которые, чувствуя свою слабость и опасаясь превосходства сил противника, стараются выбраться из строя, думая не столько о победе, сколько о сохранении жизни при встрече с такой колонной, в которой все люди идут сплоченно, чтобы напасть вчетвером на одного,— оптом, как мы говорили выше».

Желательно формировать роты по 80—100 человек в каждой, составляя их из одних земляков, которые хорошо друг друга знают, что́ укрепит их спайку; роты должны объединяться в полки по 500 бойцов.

Развернутая цепь конницы бесполезна; лучше всего — эскадроны в составе 400 человек; эскадроны в 1 500 и в 2 000 человек, какие бывают у рейтаров, одолели бы такой эскадрон, если бы они имели дело с одними этими 400 всадниками; но если иметь 1 200 человек, разбитых на 3 отряда, которые один за другим будут атаковать противника, то такие небольшие эскадроны будут иметь, на мой взгляд, все преимущества на своей стороне. Большая масса людей, собранных в кучу, производит лишь сумятицу, и из них сражается лишь четвертая часть. Такое множество солдат в одном эскадроне пригодно для рейтаров, потому что ¾ из них лишь челядь. Первая атака против этих крупных масс приводит их в расстройство, особенно если она направлена во фланг; и если им удастся устоять против первой атаки первого эскадрона, то второй и третий наверно их одолеют и разгромят, атакуя из конца в конец и прорываясь насквозь: стоит прорвать первые две шеренги—и остальная масса уже не представляет опасности. У кого наибольшее число эскадронов, по 300—400 человек в каждом, тот и должен победить» (Гаспар де-Со-Таванн, Мемуары, изд. Бюшона, 1836 г., стр. 328 и сл.).

[1] Подобную же аргументацию мы находим в одном венецианском донесении от 1596 г. Строй рейтаров разбить нетрудно копьями легкой конницы. Обычно рейтары, после того как отдельная шеренга проделала свой заезд, смыкали ряды, выжидали атаки, встречали копейщиков, которые неслись на них, затем, раздвинув свой строй, пропускали их в него с тем, чтобы обработать их потом своими пистолетами и другим оружием. Но теперь копейщики уже не атакуют одним сомкнутым эскадроном, а, разбившись на несколько небольших взводов, атакуют рейтаров со всех сторон и разят их, и бьют, и пронизывают от края до края, разнося их строй без всякого труда. Tommaseco Contarini, Relazione de Germania, 1596 г. Relazione degli ambasciatori venetiani, ed. Albéri, сер. 1, т. VI, стр. 235

смогут покинуть своего места, а капитаны заставят их быть храбрыми даже против их воли [1].

Неоднократно (стр. 122, 123, 203—205) и многоречиво возвращается Таванн к высказанному им предупреждению против атак быстрым аллюром, ибо тогда-де остаются в строю лишь немногие храбрецы. Капитан, который проскачет 15 шагов, не обращая внимания на своих солдат, рискует тем, что он атакует противника в единственном числе и похоронит себя среди неприятелей. Трусы-де задерживают лошадей на расстоянии 6 шагов от неприятеля. Если же двигаться шагом или мелкой рысью, их ловкий маневр будет расстроен, и задние шеренги будут на них напирать и подгонять вперед. Кто атакует на галопе — вступит в бой с немногими расстроенными солдатами; поэтому — продвигаться медленно, часто останавливаться: капитаны на фронте или на углах эскадрона окликают по имени своих солдат, вахмистры позади подгоняют трусов (frappant les couards). Кто может положиться на своих людей, пусть переходит в галоп на расстоянии 15 шагов от неприятеля. Тот, кто атакует медленным аллюром и переходит на крупную рысь или короткий галоп лишь в 10 шагах от противника, ударит на него не один.

В подтверждение так наглядно изображенных Таванном преимуществ атаки плотно сомкнутым эскадроном приведем эпизод из сражения при Бикокке, который сообщает нам Рейснер в своем жизнеописании Фрундсберга; на нем мы убедимся, что Таванн вовсе не преувеличивал. «Один французский кирасир прорывается, уже после окончания боя, в колонну, которой командовал Фрундсберг, вплоть до третьей шеренги, и когда ландскнехты направили на него свои пики и хотели его заколоть, Фрундсберг закричал: «Оставьте его в живых!». Когда через переводчика спросили у француза, почему он с такой дерзостью ворвался в их ряды, он им отвечал, что он дворянин и что их было 70 человек, которые все поклялись погибнуть с ним, но отомстить за поражение. Он ни минуты не сомневался, что остальные шли и поспевали за ним».

Таванн неоднократно дает совет и кавалерии становиться за каким-нибудь местным препятствием, хотя бы за рвом, и ожидать, не трогаясь с места, атаки неприятеля.

Во многом сходятся рассуждения католического вождя Таванна с соображениями, высказываемыми капитаном из лагеря гугенотов, де-ля-Ну.

Д е-л я-Н у (род. в 1531 г.) потерял в одном сражении левую руку и заменил ее железной, почему его солдаты и прозвали «Железная рука». Во время пятилетнего (1580—1585 гг.) пребывания в плену

[1] «И в древности, и в наши времена спорили о том, лучше ли вступать в бой на рысях или же дожидаться приближения противника, стоя неподвижно на месте. Повидимому, движение вперед и галоп увеличивают силу и лошадей и людей для того, чтобы сокрушать эскадроны неприятеля; но в то же время это предоставляет гораздо больше возможностей тем, у кого нет охоты вмешиваться в драку, остановиться, подтянуть поводья и выпутаться из атаки; поэтому, когда капитан имеет дело с новыми солдатами или солдатами, на которых он не может вполне положиться, надо полагать — лучше, если он заставит их ждать стоя на месте, в стройном порядке, или двинет свой эскадрон рысью, либо галопом лишь на расстоянии 20 шагов от противника, ибо тогда сразу можно будет увидеть, кто покидает строй, и трусы постыдятся выйти из строя и оставить свое место перед самой схваткой с неприятелем, когда их капитан тут же это может заметить и заставить их быть храбрыми хотя бы поневоле». Gaspard (Jean) de Saux-Tavanne, Mémoires, ed. Buchon, 1836 г., стр. 110.

у испанцев он написал свои прославленные 28 политических и военных речей, опубликованных в Базеле в 1587 г.

«Среди профессионалов — военных людей — считается бесспорно установленным,— говорит он,— что отряд, вооруженный пиками, должен разбить отряд пистольеров. На этом сходятся испанцы, итальянцы и французы.

«Немцы, однако, мыслят иначе. В эскадроне жандармов, даже если он состоит из дворян, мало храбрых людей, и когда атака производится развернутой цепью, то скоро в ней образуются пустоты: даже если храбрецы, которые, как общее правило, составляют меньшинство, атакуют энергично, все же отстанут остальные, у которых нет никакой охоты сцепиться с неприятелем: у одного пошла кровь носом, у другого оборвалось стремя или лошадь потеряла подкову,— словом, пройдя шагов 200, широкий фронт поредеет, и в нем появятся большие пробелы. Это придает неприятелю значительную бодрость. Часто из 100 всадников едва 25 действительно дорвутся до неприятельского фронта, а заметив, что их никто не поддерживает, они, переломив свои копья, нанесут два-три удара мечом и повернут назад, если их еще не успели сразить.

«Поэтому преимущество рейтаров заключается в их сплоченности; они словно спаяны между собою (collés les uns avec les autres). Опыт их научил, что сильный всегда побеждает слабого. Даже когда их опрокидывают, они не рассыпаются. Когда же они проделывают свою караколе и подставляют фланг в 20 шагах от неприятеля, чтобы дать залп, заехать назад, зарядить свои пистолеты или достать другие,— тут их не раз бивали. Ибо пистолет поражает ведь только на расстоянии 3 шагов, и, чтобы опрокинуть отряд, его надо решительно атаковать.

«Правильного строя надо держаться не только во время боя, но и на походе. Этого-то и недоставало французам; между тем, немцы и на походе строго следили за тем, чтобы каждый оставался на своем месте» [1].

Если бы вздумали возражать,— продолжает Таванн,— что построение цепью дает возможность зайти неприятельскому эскадрону во фланги, то этим мало что выиграешь, ибо в плотную колонну глубоко проникнуть нельзя.

Если же конных копейщиков построить более глубокой колонной, то пользоваться копьями смогут лишь первые шеренги; следующие за ними в общей свалке ничего с своими копьями не в состоянии сделать, и им ничего другого не останется, как бросить их и взяться за шпаги. Именно в рукопашном бою пистольер всего опаснее; в то время как копейщик может нанести только один удар своим копьем, пистольер выпускает свои шесть-семь выстрелов, и эскадрон оказывается как бы весь в огне.

После этого можно было бы подумать, что де-ля-Ну просто хочет рекомендовать упразднение копья, обеспечить относительно глубоким построением приближение к неприятелю сомкнутым строем и достигнуть решительного исхода без караколе, в рукопашном бою, при

[1] Французский ордонанс 16 октября 1568 г. «Также приказано настрого, чтобы роты в каждом кавалерийском полку шли вместе в том порядке, в котором они должны быть в бою, дабы каждый привык держаться строя».

Дальнейших указаний не дано. H. Choppin, Des origines de la cavalerie française, Париж и Нанси, 1905 г., стр. 22.

помощи пистолета. Однако, результат его повторных и растянутых рассуждений далеко не так ясен и прост. Как он ни подчеркивает, насколько действие пистолета страшнее действия копья, он все же восхваляет и последнее, категорически заявляя, что он отнюдь не стоит за окончательный отказ от копья. «Особенно,— говорит он,— нельзя рекомендовать пистолет французскому дворянину, ибо он наверно возложил бы заряжание и уход за ним на своего слугу, и тогда в решительную минуту пистолет будет давать осечку».

То, что де-ля-Ну говорит о тогдашних доспехах (15-я речь), передадим в переводе Якоба Ратгебена, изданном в 1592 г.:

«Французские дворяне,— говорит он,— часто впадают в крайности. Пример, который я хочу привести, касается того способа, каким они теперь имеют обыкновение вооружаться и снаряжаться. Хотя у них и были основания сделать свои латы несколько более прочными и надежными, чем раньше, ввиду той опасности и силы, которую представляют пистолеты и пищали, но все же они впали в такую крайность, что большинство их нагружает на себя не латы, а целую наковальню. Благодаря этому вся красота одетого в броню и латы всадника превратилась в безобразное уродство. Ибо прежний шлем напоминает теперь железный котел. На левой руке надета железная перчатка (gantelet), покрывающая ее до самого локтя, на правой — такой плохонький рукавчик (mougnon), что он едва покрывает плечо. Обычно нет на нем набедренника (tassette). Вместо казакина (casaque) носят небольшую колоколообразную юбочку (un mandil) и не имеют ни копья, ни пики. Наши кирасиры и шеволежеры при короле Генрихе II были гораздо красивее и наряднее на вид; они носили шлемы (salade), наручники и набедренники (brassals et tassettes), казакины, копья и пики с фляжками (banderolles) на концах, и все это вооружение было настолько легким и удобным, что всякий мог его носить без труда на теле, хотя бы 24 часа, не снимая.

«То вооружение, которое носят в настоящее время, так неудобно и тяжело, что у дворянина лет 35 под этими латами болят плечи. Мне приходилось, бывало, видеть, как г-н д'Эгильи и рыцарь Пюигреффье, два почтенных старика, целый день ездили впереди своих рот, одетые с ног до головы в латы, между тем как теперь ни один капитан, даже гораздо более молодой, не захочет да и не сможет пробыть в таком виде и двух часов».

«Некоторые,— говорит де-ля-Ну (15-я речь, стр. 315),— выдвигают тот аргумент, что-де при построении цепью в бою участвуют все, в эскадроне же не более одной шестой, а именно те, кто находится на фронте. Но ведь дело не в достижениях отдельного бойца, а в том, чтобы сокрушить противника; этого-то и достигает эскадрон: он прорывает неприятельский фронт там, где находится штандарт или капитан с самыми отборными людьми, и тогда все, в целом, рассыпается. Ведь в эскадроне в первую шеренгу ставят храбрейших, и на вторую шеренгу еще хватит храбрецов. Тогда остальные, чувствуя себя под этой защитой, следуют за ними, ибо первые берут на себя всю опасность, а в случае победы слава выпадает на долю всех. Сто хорошо вооруженных и хорошо руководимых кнехтов, построенных эскадроном, разбили бы сто дворян, построенных цепью».

В двух особых случаях де-ля-Ну хочет сохранить построение развернутой цепью, а именно, когда небольшой отряд сражается в оди-

ночку и когда атакуют пехоту и выделяют команды для атаки с разных сторон.

Блэз Монлюк, который из рядового бойца поднялся до звания маршала Франции (ум. в 1577 г.), восхваляет в своих мемуарах (1569 г.) боевые качества рейтаров, которые не давали нападать на себя врасплох, содержали лошадей и оружие в хорошем состоянии и были ужасны в бою; кроме огня и железа, не видно было ничего, а последний конюх среди них снаряжен для боя и готовится сделаться настоящим воином.

Самым крупным испанским военным теоретиком того времени был Бернардино Мендоза, написавший историю войны в Нидерландах (1592 г.); его сочинение «Теория и практика войны» вышло в свет в 1595 г. и было неоднократно переведено на немецкий язык.

Относительно глубины эскадронного построения он не дает определенных указаний, но признает, что, в зависимости от обстоятельств, надлежит выбирать или более мелкое, или более глубокое построение; он требует, однако, чтобы, так или иначе, не выходили за пределы отношения 1 : 3 (Теор., I, гл. 42).

В вопросе о выборе между копьем и пистолетом Мендоза высказывается за копье (I, гл. 44 и 49): рота в 100—120 человек копейщиков в состоянии одолеть от 400 до 500 феррароли, если они их атакуют энергично и с нескольких сторон сразу. Впрочем, он добавляет, что хорошо бы было подкрепить копейщиков конными аркебузирами или пистольерами на их левом крыле. Если у пистольеров так много сторонников, то причина заключается в том, что это оружие требует гораздо меньше упражнения, чем копье, а потому и людей и лошадей несравненно легче подготовить [1].

При описании сражения на Моокерской равнине (1574 г.) [2], в общем не совсем ясном, Мендоза заявляет, что эскадроны копейщиков не должны быть сильнее 100—120 человек и должны атаковать энергично,— тогда в общей свалке пистолеты мало принесут пользы рейтарам.

Георг Баста, сын эпирского дворянина, родившийся в Италии (1550 г.), еще молодым человеком командовал полком арнаутов в войске Александра Фарнезе, сделался испанским генералом, командовал императорским войском против турок и наряду с книгой «О главнокомандующем» («Il maestro di Campo Generale») написал специальное сочинение о легкой кавалерии (1612 г.), неоднократно издававшееся в немецком переводе.

Подобно Таванну, Баста хочет обеспечить сплоченность своих солдат не только их личным мужеством, но и строгостью. Он рекомендует (т. 4, гл. 5), чтобы капитан, когда дело доходит до столкновения с неприятелем, ехал на два-три корпуса впереди своей роты, лейтенант же с обнаженным мечом — позади колонны, дабы «на месте убивать всякого, кто вздумает поступать не так, как должно».

Баста в особой заключительной главе взвешивает сравнительные преимущества кирасир и копейщиков и высказывается за кирасир. Копейщики нуждаются в превосходных лошадях, длительном обуче-

[1] У итальянца Давила в его Storia delle guerre civili di Francia и у англичанина Роджерса Уилльямса, Art of war: The difference between launtiers and pistolers, 1590 г., мы находим совершенно схожие изображения и рассуждения. Они процитированы в книге Фёрта (C. H. Firth, Cromwells army), стр. 129.

[2] В его Commentaires, XI, гл. 11, 12. Edition Lonmier — Guillaume, II, 214—222.

нии, и в твердом грунте; лишь первые шеренги могут пустить в ход оружие, а потому их и надо разбивать на ряд мелких эскадронов, которые атакуют порознь.

Но в чем именно заключается превосходство кирасир — понять нельзя. Автор неоднократно сам себе противоречит, и, в конце концов, у него даже не разберешь, о ком собственно он говорит: о тяжелых ли рыцарях-копейщиках или о легких, не одетых в броню всадниках, вооруженных пиками.

Эта неискусная аргументация Басты побудила знаменитейшего теоретика того времени, обервахмистра города Данцига, Иоганна Якоби фон-Валльгаузена, выступить против него в книге «Военное искусство на коне» с резкой полемикой. Он высмеивает и вышучивает теории славного кавалера Басты, который 40 лет служил по кавалерии и сделался профессионалом, и решительно высказывается за копье. Оба автора сходятся на том, что копейщики должны атаковать небольшими отрядами, не глубже, чем в две шеренги, да и те с большим интервалом между ними. Валльгаузен говорит (стр. 21): «Копейщик производит надлежащий эффект при атаке малыми эскадронами, построенными не глубже, как в две последовательные шеренги, да еще с добрым промежутком между ними, и притом не плотно сомкнутым строем. Ибо, если во время атаки у переднего споткнется или, чего доброго, упадет лошадь, то следующему за ним товарищу он не повредит и не помешает; напротив, оправившись, он потом может снова присоединиться к строю своего эскадрона.

«Кирасир же должен держаться в плотно сомкнутом большом эскадроне и иметь сбоку и сзади других всадников; когда у него лошадь споткнется или упадет, или будет ранена неприятелем, то, находясь в первой или второй шеренге, он не может подняться, даже если он сам не ранен, а его товарищи по ряду, следующие за ним, натыкаются на него и топчут его ногами своих лошадей. Таким образом, жизни кирасира грозит гораздо бо́льшая опасность быть затоптанным лошадьми следующих за ним товарищей, чем та, которая угрожает ему от неприятеля. И вот, когда в одной из шеренг кто-нибудь из них упадет, то едущий за ним не может ни свернуть в сторону, ни объехать его спереди или сзади, ибо его настигает следующий, который не видел и не знает, что произошло. Так что нередко здоровые, нетронутые люди и лошади падают друг на друга, топчут друг друга и гибнут, что причиняет огромный ущерб, так как вследствие этого эскадрон расстраивается и сам приходит в смятение благодаря собственному несчастному случаю, больше, чем от действий неприятеля. Ведь это г-н Баста сам тысячу раз испытал и видел, точно так же, как и я имею перед глазами подобные примеры, которые мог бы описать. По этой причине, я полагаю, что копейщик имеет большое преимущество и авантаж в этом отношении перед кирасиром».

«Отнимите у копейщика,— продолжает Валльгаузен,— его доброго коня и копье и дайте ему лошадь похуже — и вы получите кирасира; таким образом, последний — не что иное, как полукопейщик».

Дальше (стр. 32) Валльгаузен доходит даже до утверждения, что вторая шеренга рейтаров вредит первой, ибо она мешает ей, в случае неудачной атаки, отойти вправо или влево. Поэтому, когда нехватает места, следует строить всех в одну шеренгу, а остальные должны следовать, отступив на 20—30 шагов.

Во всей этой аргументации мы не находим ни с той, ни с другой стороны одного существенного пункта, какого-либо упоминания о караколе. Чтобы взвесить относительные достоинства и недостатки копья и пистолета при сравнении их между собою, надо было бы принять во внимание и то обстоятельство, что копейщики действительно идут в атаку в то время, как пистольеры, собственно говоря, ведут лишь перестрелку. Поэтому последние должны были при встрече с первыми терпеть поражение. Но об этом умалчивает не только Баста, но и Валльгаузен, который тут и мог бы найти самый сильный аргумент в пользу своей точки зрения.

Впрочем, оба они были слабые диалектики и не поняли истинного хода развития событий.

Когда Валльгаузен излагал свои соображения (1616 г.) и даже еще тогда, когда Мендоза вступался за копья (1595 г.), последние фактически уже были упразднены.

Если Валльгаузен, несомненно, практически прав в своей аргументации, то тем более возникает вопрос, почему же все-таки копья были упразднены, а кирасиры исторически одержали победу? Сам Валльгаузен вынужден сознаться, что великий мастер военного дела его времени, Мориц Оранский, упразднил копья, унаследованные им от своего отца Вильгельма I, и истинной причины этого не понимает.

И вот, на этот раз мы снова встречаемся с нередким, впрочем, случаем, что выдающиеся практики, при попытке теоретически охватить проблемы своего времени, с этим не справляются: они не в состоянии объяснить теоретически и в порядке причинной связи известные явления, хотя их и видят и понимают. Баста гораздо ближе подходит к истинному смыслу явлений, когда замечает, что к кирасиру предъявлялось гораздо меньше требований, чем к копейщику: от первого требовалось лишь, чтобы он умел носить оружие и ехать на лошади в общем строю. На это Валльгаузен возражает: «На свете больше мужиков, умеющих ездить верхом, чем хорошо обученных наездников и рыцарей: ergo, мужики имеют преимущество перед рыцарями». Действительно Баста, судя по тексту, пришел к такому ошибочному выводу, но логически и исторически он пришел бы к правильному и меткому заключению, если бы сказал: копейщики, особенно если помимо копий они вооружены и пистолетами, при своем двухшереговом построении небольшими эскадронами должны одолеть глубокие колонны кирасир, предполагая численное равенство. Но копейщиков набирают из дворян или вообще из выдающихся хороших солдат, а таковых всегда немного. К кирасирам же—и к людям, и к лошадям—предъявляют настолько невысокие требования, что их всегда можно набрать в гораздо большем числе, а потому, благодаря их численному превосходству, они одолеют копейщиков, несмотря на лучшее качество и лучшее построение последних.

Таким образом, борьба между развернутой цепью и эскадроном, между копьем и пистолетом — это не простое противопоставление технических крайностей, но и спор двух исторических эпох. В этом случае, в легенде — будто огнестрельное оружие одолело средневековье, действительно есть крупица истины. Но пути исторического развития часто идут не прямо, а извилинами и петлями. Непосредственный переход от рыцарства к кавалерии потребовал бы облегчения рыцарских доспехов, более быстрых коней и введения дисциплины. Вместо того мы видим, что подлинно рыцарский прием ведения боя—

атака с копьем наперевес — совершенно изживается и появляется метод, представляющий на первый взгляд прямую, полную противоположность кавалерийскому началу: глубокие колонны, продвигающиеся самым медленным аллюром или даже ожидающие противника, стоя на месте[1], и вместо холодного оружия — действующие пистолетами. Но как бы все это ни было не по-кавалерийски, все же это был единственный путь — добиться всего того, чего недоставало рыцарству и что непосредственно из него никак не могло бы выработаться: дисциплинированной тактической единицы.

Исходя из этого, бросим еще раз ретроспективный взгляд на средневековье, дабы убедиться, насколько неправы те, кто в рыцарстве хотел уже видеть кавалерию.

Из этого противопоставления нам станет совершенно ясным, почему кавалерия ведет свое начало от очень глубокого эскадрона. Чем колонны гуще, тем они неповоротливее в движениях, но зато и тем меньше требуется искусства для их формирования. Чем больше прогрессируют искусство и дисциплина, тем постепенно построение снова становится мельче. Кавалерия не представляет собой дальнейшего развития рыцарства, но это — новообразование, ставшее на место рыцарства.

Так как мы уже и в Средние века встречались с глубокими построениями, которые сами собою получались там, где некоторое число рыцарей, каждый со своей свитой вооруженных кнехтов, собиралось на бой, то при желании можно установить переходные формы в гораздо более ранние эпохи, чем сделал это я в предшествующем изложении; но только около середины или в третью четверть XVI в. происходит действительный переход, и на месте старого появляется нечто новое.

Прекрасно отражается происшедшая перемена в одном рассуждении об искусстве верховой езды, встречающемся в мемуарах Таванна (стр. 204), автором которого является, очевидно, Таванн-младший. «Все шесть родов вольтов,— говорит он,— как и прежде, необходимы для боя развернутой цепью с копьем и шпагой; но современному солдату этого искусства не требуется; и солдата и лошадь ведь надо обучить военному делу в три месяца; берейторское искусство служит лишь приманкой для людей и совершенно бесполезно, кроме разве того случая, когда два кавалера вздумают драться верхом на дуэли. Ведь теперь и иезуиты изучают в три года то, на что прежде требовалось десять лет, а в будущем дойдут до еще более короткого срока».

Некоторое время эти две формы стоят друг против друга в резком антагонизме. Французы во время гугенотских войн еще сражаются, как рыцари; однако, обе стороны — и католики и протестанты — привлекают немецких рейтаров в качестве вспомогательных войск, и эти-то немецкие рейтары на французской почве вырабатывают тип новой кавалерии. Для этого французские рыцари представляли чересчур неподатливый материал. Они были, по единогласному отзыву писателей, слишком горды, чтобы дать себя построить в эскадроны, ибо все они

[1] Мендоза в своей «Истории Нидерландской войны», описывая сражение на Моокерской равнине, совершенно ясно говорит, что рейтары с испанской стороны выжидали атаки неприятельских эскадронов, стоя неподвижно на месте; правда, оттого-то они и были разбиты. Лишь контратака другого испанского кавалерийского отряда опрокинула гёзов.

хотели стоять в первой шеренге, никому не давали стать впереди себя и ненавидели пистолет. И дисциплина и это оружие противоречат сущности рыцарства. Простые же наемники охотно обучались строю и одолевали рыцарей своей массой.

С формированием сомкнутых эскадронов, естественно, исчезает смешанный бой — сопровождающие рыцарей вооруженные пешие слуги. Последний пример этому, насколько я припоминаю, описан Иовиусом[1] в 1543 г. под Ландреси.

В последних сражениях гугенотских войн, при Кутрасе в 1587 г. и при Иври в 1590 г., новый род войска, как мы его теперь можем назвать — кавалерия,— настолько развился, что пехота, которая со времени появления швейцарцев играла первую роль, отходит на задний план. Генрих IV, король французский, в праве считать себя первым полководцем, правильно оценившим и полностью использовавшим эту новую силу. Хотя под Кутрасом он отставал в отношении численности кавалерии, но все же одержал победу, подкрепив своих рейтаров стрелками, удерживая свои сомкнутые эскадроны вместе и целесообразно вводя их в бой, тогда как на католической стороне дворяне еще сражались без управления, на рыцарский манер. Под Иври он проявил то же тактическое превосходство, подкрепленное к тому же преследованием неприятеля на расстоянии нескольких миль.

Лет двести спустя рыцарство еще раз померялось силами с кавалерией. Когда французы, под предводительством генерала Бонапарта, захотели в 1798 г. завоевать Египет, в стране Нила господствовала военная каста — мамелюки. Они сражались на конях, носили кольчугу и шлем, были вооружены карабином и парой пистолетов, и каждый имел для подкрепления несколько слуг и запасных лошадей. Несмотря на их огнестрельное оружие, их можно считать рыцарями, и Наполеон говорит, что двое их равноценны трем французам, но что 100 французам нечего бояться 100 мамелюков, 300 французов сильнее такого же количества мамелюков, а 1 000 французов наверняка разобьют 1 500 мамелюков. Практической проверки этого утверждения, пожалуй, сделано не было, ибо французы не перевезли через море настоящей кавалерии, но такая характеристика из уст этого человека дает нам очень живое представление о различии между рыцарем, квалифицированным единичным бойцом и тактической единицей — кавалерией.

О ГЕРМАНЕ ГУГО

Сочинение иезуита Германа Гуго «De militia equestri antiqua et nova», libri quinque («О конном воинстве, древнем и новом», 5 книг, Антверпен, 1630 г.) представляет ученую, хорошо распланированную компиляцию.

К тому, что о нем говорит Иэнс (II, 1057, § 79), я кое-что добавлю, отчасти для того, чтобы показать, как редко даже современные авторы могут нам помочь правильно ориентироваться в явлениях.

Книга III, глава 4, стр. 184. Quirissarii seu corassari (кирасиры) заменили lanciarii (копейщиков); hoc solo ab his differunt, quod sclopo utantur pro lancea et gradario succussarioque equo pro expedito (и тем лишь отличаются от последних, что пользуются пистолетами вместо копий и лошадьми, тряскими и идущими медленным аллюром, вместо быстрых); gradarius — идущий шаг за шагом, succussarius — дающий толчки; приходит на мысль «deutscher Trab» (немецкая

[1] Hist. lib., ed. 1578, стр. 560.

рысь), т. IV, гл. 5, стр. 257; хотя Гуго раньше (т. III, гл. 44) и говорил, что кирасиры (пистольеры) заменили копейщиков, все же он отводит в своей теории значительную роль копейщикам. Он характеризует lanciarii (копейщиков) и arcabusarii (аркебузиров) как род войска, по преимуществу предназначенный для наступления, а кирасиров, наоборот, как пригодных для обороны. Относительно lanciarii (копейщиков) он выдвигает требование, чтобы в атаку шла лишь одна шеренга, в противном же случае они будут мешать друг другу; однако, их можно строить и в восемь последовательных шеренг и пускать в атаку одну за другою (стр. 258; не до четырех шеренг, как говорит Иэнс, на стр. 1058).

Когда он дальше предлагает строить две шеренги quasi in quincuncem (как бы в шахматном порядке), следовательно, вторую против интервалов первой, то это является некоторым усовершенствованием атаки в одну линию. Для аркебузиров, как форму ведения боя с пехотой, он рекомендует караколе; он изображает на иллюстрациях рейтаров, как они, заскакивая назад, манипулируют шомполом. Впрочем, он различает караколе, направленную против фронта неприятельской пехотной колонны, от направленной против ее фланга. На иллюстрациях караколе у него всегда направлена влево и атакует только правый фланг противника. Конные аркебузиры у него не караколируют против одинаково вооруженного противника, а стреляют прямо из фронта (стр. 268). Различные виды конного войска, по словам автора, комбинируются во всевозможные искусственные боевые построения, согласно указаниям других авторов.

В следующей главе (т. IV, гл. 6) Гуго пытается говорить о сочетании пехоты с кавалерией. Но здесь он делает компиляцию почти исключительно из античных писателей. В качестве единственного различия между древностью и современностью он указывает на то, что смешанный бой перестал применяться, и весьма о том сожалеет. «Очевидно, — говорит он, — утрата этого искусства обусловлена тем, что для смешанного боя требуется много искусства, которым обладали древние и которое современники утратили».

О ПОРАЖАЕМОСТИ КОПЬЕМ

Относительно поражаемости копьем интересные факты установил штаб-лекарь, доктор Фридрих Шэфер, в своей книге «Die Lanze» («Копье. Историческое и военно-хирургическое исследование». Отдельный оттиск из Архива клинической хирургии, т. 62, выпуск 3). Немецкая пика (Lanze) весит 1,85 *кг* и имеет в длину 3,20 *м*; у нее длинное железное острие в 13 *см*.

Генерал Спарр и генерал де-Брак заявили в одной французской комиссии, что пика в бою гораздо менее смертоносное оружие, чем прямая сабля (палаш). Ранения, причиняемые ею, почти всегда легкие. Всадник, вооруженный пикой, не может изо всей силы нанести ею удар, иначе его самого вышибло бы из седла. Удары пикой неверны из-за движения лошади, и потому их легко парировать или уклониться от них.

Шэфер путем статистико-хирургического исследования пришел к такому выводу. Ткани человеческого тела раздвигаются перед проникающим в них острием копья, но по кости оно скользит. Потому и раны, им наносимые, заживают легко и скоро. Предубеждение, будто колотые раны особенно опасны, совершенно ложно. Однако, многое зависит от формы копья. Если острие его снабжено режущими краями, то колотая рана, нанесенная им, гораздо опаснее.

Глава II

Увеличение числа стрелков. Усовершенствование пехотной тактики

Швейцарская тактика, после ее распространения по Европе, замерла на достигнутом уровне. Метод атаки неприятеля тремя крупными колоннами, где бы он ни встречался, был основан на предпосылке, что если та или другая колонна наткнется на непреодолимое с маху препятствие, то все же, при широко развернутом наступлении, где-нибудь найдется место, в котором одной из колонн удастся прорваться и тем самым проложить дорогу другим. Но если противник занимал такую позицию, которую невозможно было ни атаковать с фронта, ни обойти с одного из флангов, то и самая отчаянная атака оказывалась бессильною. Это доказало сражение при Бикокке, а при Павии сами швейцарцы, как часть французского войска, укрылись на позиции, считавшейся неприступною. Умножение и усовершенствование огнестрельного оружия со временем все более и более облегчало выявление таких, неприступных или труднодоступных позиций. Со стратегическими моментами, направленными к тому, чтобы все реже и реже ставить все на карту одного большого сражения, мы познакомимся в дальнейшем. Но крупные колонны, вооруженные длинными пиками, проявляли все свое значение лишь в больших сражениях. Если же не представлялось возможным или полководец не считал желательным добиваться в сражении решительного исхода, и война сводилась к взаимному истощению и мелким предприятиям, как то: внезапным налетам, захвату замков, осадам и пр.,— то огнестрельное оружие оказывалось нужнее и пригоднее, чем длинная пика. Наряду с использованием стрелков расширялось поле деятельности легких рейтаров.

Таким образом, естественный ход событий приводил к прогрессивному увеличению числа стрелков при одновременном последовательном усовершенствовании их оружия.

Одновременно рыцарство мало-помалу превращается в кавалерию.

В начале XVI в. стрелки представляли приблизительно одну десятую часть пехоты, вооруженной холодным оружием. В 1526 г., у Фрундсберга, они составляли одну восьмую. Об испанцах нам сообщают за 1524 г., что стрелков у них больше и обучены они лучше, чем швейцарцы. В Шмалькальденскую войну число стрелков возросло уже до одной трети, а Филипп Гессенский, созывая народное ополчение, требует даже доведения их числа до половины. Доменико Моро в 1570 г. и Дандоно в 1578 г. определяют их число в половину. Адр. Дуик в 1588 г. полагает на 40 пеших пикинеров 60 стрелков, и так продолжается эта прогрессия дальше [1].

Теоретики возражали против такого чрезмерного увеличения числа стрелков. Де-ля-Ну (14-я речь) считает нужным ограничить их число одной четвертью пехоты и платить пикинерам (corcelets — латникам) более высокое жалованье. Монлюк говорит, что солдаты предпочи-

[1] Rüstow, Geschichte der Infanterie, I, 242 и сл., 349. Jähns, I, 724, 726, 731. Hoboh'm, II, 472. Paetel, Die Organisation des hessischen Heeres unter Philipp dem Grossmütigen.

Филипп платил стрелкам лишний гульден в месяц против копейщиков, и все же не набрал и половины их.

тают стрелять, чем итти в рукопашную. Как бы то ни было, это движение было неудержимо. Доменико Моро, посвятивший в 1570 г. книгу Оттавио Фарнезе, так сказать, предупредил в ней события, снизив число пикинеров до одной трети и построив оба рода войск самостоятельными отделениями, одно подле другого, в шесть шеренг каждое [1].

Стрелок древности и средневековья по самой своей природе — застрельщик. Дисциплинированные английские лучники и янычары уже дошли до массового огня, выходящего из рамок деятельности застрельщиков, однако органического развития этого достижения не последовало; для этого действие лука было все же недостаточно сильно.

И новое огнестрельное оружие в течение долгого времени позволяет лишь усилить деятельность застрельщиков. Как ни сильно было действие выстрела из аркебузы, а еще более из мушкета, когда он попадал в цель,— все же оно было недостаточно надежно и требовало слишком много времени для того, чтобы отдельный стрелок мог тягаться с рейтаром, алебардщиком или пикинером, если он не имел прикрытия. Но как создать себе такое прикрытие?

Ближайшее вспомогательное средство — это взаимная поддержка самих стрелков. Уже в 1477 г. Альбрехт Ахилл предписывал стрелкам в своей инструкции, составленной им по поводу похода против Ганса де-Сагана, чтобы их колонны стреляли поочереди, дабы часть их всегда была готова к залпу. О том же, как бы обычном приеме немцев, доносит на родину венецианский посол в 1507 г. [2], а когда в 1516 г. кардинал Ксименес организовывал в Испании милицию, было отдано распоряжение, чтобы по воскресеньям организовывалось обучение «боевому порядку (ордонанце) и караколе» [3], т. е. такому порядку стрельбы, при котором стрелок, выпустив свой заряд, всегда отходит за других, чтобы зарядить свой мушкет, и так далее, в круговом порядке.

В сражении при Мариньяно в 1515 г. стрелки короля, по словам Иовиуса [4], весьма успешно поддерживали против швейцарцев такой улиточный огонь из-за прикрытия. В 1532 г. во время парада испанцев под Веной [5] и, по рассказу очевидца, Рабютена, в 1551 г., во время парада в присутствии герцога Неверского, губернатора Шампаньи, неоднократно выполнялась улитка (limaçon) [6].

Однако, огневой бой, проводимый и в таком порядке, был все же недостаточен для того, чтобы стрелки могли выступить в открытом поле против неприятельских рейтаров или хотя бы против пехоты, вооруженной холодным оружием.

Поддерживать в серьезном бою порядок огня в караколе было все-таки не легкой задачей; как голос народа, мы слышим мнение стрел-

---

[1] Jähns, I, 726.

[2] Relazione di Vincenzo Quirini. Декабрь, 1507 г. (Rel. degl. Amb. Venet. Eugen Albéri, серия I, т. VI, стр. 21).

[3] Clonard Brix, стр. 57.

[4] Jovius, кн. XV, Базель, 1578 г., т. I, стр. 315.

[5] Wahrhaftige Beschreibung des andern Zugs in Oesterreich wider den Türken... vergangenes 1532. Jahres thätlich beschrieben. Und jetzt und allererst in diesem 1539 Jahr in Druck gefertigt... Neugedruckt in I, U. D. Goebel, Beiträge zur Staatsgeschichte von Europa unter Kaiser Karl V. Lemgo, 1767 г., стр. 326. Дальнейшие подробности о караколе у Гобома, II, 394, 405—407, 468, 483, 508.

[6] Rabutin, Commentaires. Ed. Buchon, стр. 530.

ков: «лишь бы гремело,— это одно уже отпугнет неприятеля»; и вот задние шеренги, не выжидая, пока они окажутся впереди и смогут хорошенько нацелиться, стреляли в воздух [1].

Пехота в сомкнутом строю,— говорит де-ля-Ну [2],— может устоять против атакующей ее конницы лишь при помощи пики: «ибо аркебузиров без прикрытия нетрудно опрокинуть» (car l'harquebuserie sans couverture se renverse aisément). Правда, встречаются отдельные случаи, когда стрелки очень смело выступают против конницы,— например, во время преследования французского войска Пескарою в 1524 г., когда Баярд пал, сраженный мушкетной пулею [3], или когда они сами отбивались от неприятельских рейтаров, как это однажды, по рассказу Авилы [4], имело место во время Шмалькальденской войны.

Но это только исключительные случаи. Как общее правило, стрелкам необходимо было опираться на какой-нибудь другой род войск. Либо выступала конница и отражала неприятеля [5], либо стрелки укрывались под пиками главной ударной колонны, либо они как бы окаймляли ее с самого начала, либо служили привеском к флангам ее, как «крылья» или «рукава» [6], небольшими колоннами, долженствовавшими проделывать улитку; если же им не удавалось отбиться от неприятеля огнем, они скрывались за пикинерами [7].

В некотором противоречии с единодушным убеждением как практиков, так и теоретиков XVI в. и вплоть даже до первой половины XVII в., что огнестрельное оружие не может устоять самостоятельно, но нуждается в опоре и защите, стоит тот факт, что у турок не было пикинеров, а были одни лишь всадники и стрелки-янычары, перешедшие от лука к мушкету. Тем не менее, турки имеют такой перевес,

---

[1] Цитата, приведенная у Рюстова, I, 264.

[2] De-la-Noue, Discours 18, Paradoxe 2, стр. 384

[3] Иовиус, Жизнеописание Пескары. Le vite.... и т. д., Венеция, 1581 г., стр. 213.

[4] 1 сентября 1546 г., Авила, нем. изд., стр. 30.

[5] Рассказывают и о смешанном бое стрелков и рейтаров (Рюстов, стр. 314, по Монлюку), но это могли быть лишь единичные случаи, не имевшие дальнейшего развития.

[6] Иовиус, 1535 г., под Голетой: «Две руки стрелков, называемые рукавами, что наподобие рогов...» (Duos sclopetariorum manus, quas manicas appellabant, quod cornuum instar) (кн. 34, изд. 1578 г., стр. 392). В 1542 г., под Офеном, итальянская пехота Александра Вителли: «Они атакуют варваров, направив на них колонну пикинеров, с выдвинутыми с обеих сторон стрелками наподобие рогов...» (Promoto hastatorum agmine et utrimque sclopetariis cornua expansis Barbaros invadunt. Jovius, Hist., т. 42, стр. 518).

[7] Рюстов, как выше было указано (стр. 112), назвал это построение «венгерским боевым порядком»; он его сконструировал по описанию венского парада в 1532 г. Однако, это лишь схема, лишенная всякого практического значения. Самый термин не соответствует источникам, точно так же как и название «испанская бригада». Валльгаузен не говорит о каком-то «венгерском боевом порядке», а лишь о «венгерском штате должностей» (Bestallung), следовательно, не о тактической, а об административной организации, а в своей книге «Военное искусство в пехоте» (кн. I, гл. 6, стр. 110) тот же Валльгаузен говорит, что в Венгрии не знают никаких иных построений, кроме построений квадратными колоннами. Иэнс (I, стр. 711) находит роковым то, что, следуя указаниям итальянца Тартальи, вместо того чтобы привешивать стрелков, как крылья, к колонне пикинеров, как то уже в 1480 г. рекомендовал Зельденек, усвоили прием ставить их во внешние ряды колонны. Мне кажется, что в этой критике упущено из виду главное. Правда, построение стрелков в виде крыльев представляло преимущество лучшей дисциплины огня, что давало известную защиту; но если атакующая конница, несмотря на это, все же приблизится, стрелкам некуда было укрыться иначе как среди пикинеров или за ними.

что они завоевывают Венгрию и появляются в 1529 г. под стенами Вены. Однако, в этот период, после того как они без труда одержали победу над венгерцами при Могаче в 1526 г., до большого решительного сражения дело ни разу не доходило [1].

Турки уклонялись от сражения, а императорские и имперские армии были недостаточно настойчивы, чтобы принудить их к нему. Войны протекали в осадах, штурмах замков, опустошениях страны. В течение почти столетия, с 1568 по 1664 г., император и султан были в мире между собою, за исключением одной войны с 1593 по 1606 г. С 1578 по 1639 г., следовательно в самый разгар Тридцатилетней войны, турки увязли в ожесточенной борьбе с персами. Когда в 1664 г. вновь начались войны между турками и немцами, батальоны пикинеров уже были близки к окончательному исчезновению.

Возвратимся, однако, к XVI в. и к проблеме отношения стрелков к пикинерам. Число стрелков, которые могли укрыться под пики большой колонны, естественно, чрезвычайно ограничено. Колонна, представляющая человеческий квадрат из 10 000 человек, имеет фронт всего в 100 человек, и если со всех четырех сторон под пики пристроятся по 2 шеренги с каждой стороны, то все же это составит лишь 800 человек, которые смогут найти укрытие. Испанские теоретики увеличивают число подползающих под пики до 5 шеренг; но и при таком расчете получается только 2 000 человек, причем придется преодолевать крупные затруднения. Имеются сообщения об одном бое, в котором мушкетеры после стрельбы устремились под пики, отчего последние приподнялись кверху, а неприятельская конница получила поэтому возможность ворваться, рассеять и перебить всю колонну [2].

Некоторым исходом было уменьшение размеров и увеличение числа колонн пикинеров, что естественно вытекало из необходимости разместить большее число стрелков по обводу колонн, а также представлять менее крупные мишени для артиллерии, к тому времени численно возросшей и усовершенствованной [3].

Но и при таком построении тоже лишь ограниченное число стрелков находило прикрытие, причем этот метод со временем давал все менее и менее удовлетворительные результаты.

Теоретики придумывали крестообразные построения, квадрат с пустым пространством внутри, восьмиугольники и т. п., — все это для прикрытия стрелков; однако, на практике они, конечно, были вовсе

---

[1] Как пример того, насколько надежны отдельные, повидимому, вполне заслуживающие доверия известия, может служить то, что Иорга (Iorga, Geschichte des osmanischen Reiches, III, 295), рассказывает о поражении, нанесенном туркам в 1593 г.: «Янычары были истреблены новой западной кавалерией — тяжелыми, одетыми в железо рейтарами на закованных в латы конях и аркебузирами». В подтверждение приводится один польский и один турецкий источник. Итак, рассказчики слышали о «новой западной кавалерии», но не поняли, в чем заключалась новизна, и описывают нам ее наподобие старых рыцарей. Если бы мы не знали правды из других источников, было бы невозможно открыть истину под этой замалевкой; это аналогично с перенесением подвига Винкельрида в рыцарское сражение. То же в цитированном сочинении, стр. 314.

[2] 1608 г. Archives Orange Nassau, 2 série, II, 389.

[3] Institution de la discipline au Royaume de France, Лион, 1559 г., стр. 96 и сл. Сам автор против уменьшенного размера колонн; он полагает, что, так как в промежутках между колоннами стоят стрелки и рейтары, то для пушек есть, во всяком случае, цель. Надо постараться помешать производству второго выстрела при помощи стрелков-застрельщиков и рейтаров.

неприменимы [1]. Боевым построением пехоты оставалось попрежнему небольшое число квадратных колонн; возник вопрос, как располагать по отношению друг к другу эти колонны, названные испанцами «терции» [2]. Уже относительно трех швейцарских колонн Макиавелли отмечал с похвалою, как особую тонкость, что они строятся не рядом и не одна позади другой, а уступами. Это доктринерская разрисовка, лишенная внутренней ценности: число, расположение и наступление швейцарских колонн зависели безусловно от конкретных обстоятельств и условий местности. Под Бикоккой вторая швейцарская колонна построилась непосредственно рядом с первой, так как не представлялось решительно никакой возможности для флангового движения (Ансгельм). Но при большом числе колонн, если они располагаются на равнинной местности, чтобы двинуться навстречу неприятелю или ожидать его атаки, должен возникнуть вопрос: следует ли их строить попросту, одну подле другой, или как-нибудь иначе. Простое построение колонн рядом обеспечило бы одновременное действие всех сил; оно было бы близко к античной идее фаланги или легиона. Но, как мы знаем, равномерное продвижение такого фронта представляет огромные трудности; к тому же здесь приходится принимать во внимание, что квадратные колонны предназначались не только для атаки, но, что было крайне существенно, прикрывали многочисленных и действующих с далекого расстояния стрелков. Поэтому-то испанцы, которые в эту эпоху играли руководящую роль в тактике, признали целесообразным строить колонны на довольно значительном друг от друга расстоянии в шахматном порядке, в два или три ряда. Рассматривать эти ряды колонн как линии я считаю неправильным. Рюстов пользовался для обозначения такого построения термином «испанская бригада», которого, однако, нет в источниках; этот термин создан им самим. Находящиеся впереди колонны, при их квадратной форме и значительной силе, были в состоянии принять всякий бой, но, понятно, они слишком слабы, чтобы довести его до конца. Для этого должны подойти и находящиеся позади колонны, а это они могут выполнить с бо́льшим успехом, находясь позади, чем если бы они с самого начала стояли рядом с передними: сзади они могут быть направлены в тот пункт, где их помощь всего нужнее и где их атака, по характеру местности и по состоянию противника, обещает наибольший успех. При этом различные колонны очень скоро оказываются на одном и том же фронте. Таким образом, построение в «испанскую бригаду» не представляет собой какой-либо формы, которая удерживалась бы в продолжение боя, да и вообще не представляет чего-либо существенного; оно просто означает, что каждая квадратная колонна должна, по возможности, передвигаться самостоятельно, приноравливаться к местности и обстоятельствам и помогать одна другой.

Дробление первоначальных гигантских колонн пехоты поставило вновь на очередь вопрос об относительной расценке пехоты и конницы. Прежние массивные колонны не только отражали рыцарей, обороняясь, но и опрокидывали их, атакуя. Могли ли повторить то же такие колонны, как «терции»? Липсиус установил, что у римлян редко

[1] Рюстов весьма подробно рассмотрел все эти формы в своей «Истории пехоты». Я считаю излишним на них останавливаться, ибо в действительных сражениях мы с ними вовсе не встречаемся.

[2] В какой мере «терция» представляла административную или тактическую единицу — вопрос, требующий дальнейшего исследования.

случалось, чтобы конница рассеивала пехоту; в его же время это происходило неоднократно, и де-ля-Ну считает господствующим мнение об осуществимости успешной атаки конницы на пехоту; но, ссылаясь, в свою очередь, на римлян, он, между прочим, приводит и два современных ему примера испанцев, чтобы доказать, что пехота в сомкнутом строю может удержаться против превосходящей ее конницы. «Впрочем,— говорит он,— современную французскую пехоту до этого не следует доводить, так как она не имеет ни пик, ни дисциплины» [1].

Но рейтары все больше и больше применяли огнестрельное оружие, а с другой стороны, пикинеров комбинировали со стрелками, относительное число которых все увеличивалось; отсюда вопрос о возможности отражения пехотой кавалерийской атаки утрачивал, как это уже понимал и Липсиус, свое практическое значение,— или вернее,— вопрос продолжал оставаться открытым, но принял иную форму.

Рыцари, став кавалерией, подчиняются тактическому руководству. Наряду с задачей — рассеивать пехоту и топтать ее своими конями выдвигается и другая: двусторонней атакой привести ее в неподвижное состояние. Об этом мы еще поговорим в дальнейшем. Давила в своей «Истории гугенотских войн» (т. XI, гл. 3) рассказывает по поводу сражения при Иври (1590 г.), что Генрих IV разделил свою кавалерию на небольшие эскадроны, дабы они могли атаковать ландскнехтов со всех сторон.

Глава III

Мориц Оранский

В течение первых двадцати лет открытой борьбы испанцы превосходили нидерландцев в военном отношении. Когда Вильгельм Оранский и его братья набирали наемное войско, оно оказывалось разнузданным, и его били в открытом поле, либо его приходилось снова распускать, так как не могли собрать денег на выплату ему жалованья. Нидерландцы держались лишь тем, что укрепленные города запирали ворота перед испанцами, и хотя последние после тяжелой осады, овладевая многими из них, подвергали их ужасным карам, но всеми овладеть им не удалось, и когда Альбе пришлось в заключение отступить перед маленьким городком Алькмаром, его, наконец, отозвали назад. И тогда среди сумятицы военных действий и переговоров, вмешательства Франции и вмешательства Англии образовалось объединение из восставших провинций, городов и областей, оказавшееся в состоянии выставить в поле регулярную армию. В 1585 г., после убийства Вильгельма Молчаливого, осада Антверпена потребовала напряжения всех сил испанцев. Затем наступил 1588 г., когда они сосредоточили все свои силы на Великой Армаде и на борьбе с Англией. Непосредственно за тем кризис во Франции после убийства Генриха III и вступления на престол еретика — Генриха IV, вызвал

[1] Lipsius, De militia Romana, V, 20, Opera, 1613 г., II, 430; De-la-Noue, 18 Discours, 2 Paradoxe, Ed. 1587 г., стр. 377 и сл.

вмешательство испано-нидерландских войск в борьбу партий во Франции. Южная часть нидерландских областей осталась, в конце концов, в руках испанцев; но северные провинции все больше укрепляли свою независимость и нашли теперь в лице юного Морица, сына Молчаливого, вождя, который сумел отлить имевшиеся военные средства в новые формы и таким путем поднять их до новых достижений.

Читатель вспомнит, как Макиавелли стремился обновить военное дело своего времени восстановлением великих античных традиций. Это ему не удалось не только на практике, но и в теории. Но мы все же должны признать его гениальность; это явствует из того, что, уже два поколения спустя после его смерти, военные реформы заметным образом оказываются в непосредственной связи не только с древностью, но и с его мыслями и писаниями.

В 1575 г. Вильгельм Оранский, в награду за героически выдержанную осаду, учредил в городе Лейдене университет, в который собрались великие филологи того времени; между ними был и Юст Липсиус, выпустивший в 1589 г. в свет свое сочинение «Гражданская наука» («Civilis doctrina»), пятая книга которого озаглавлена «О военной мудрости» («De militari prudentia»). Перейдя в 1595 г. в Лувен, Липсиус издал новую книгу «О римском войске» («De militia Romana»). Оба эти сочинения носят чисто филологический характер, но все же автор, как ученик Макиавелли, не может удержаться, чтобы не бросить взгляд на современность, про которую, по его мнению, нельзя сказать, чтобы у нее была плохая дисциплина, а приходится сказать, что у нее вовсе ее нет. «Но тот,— продолжает он,— кто сумеет слить воедино римское военное искусство и современные войска, тот сможет покорить весь земной шар». «Рецептов дать мы не можем, но только самую мысль (gustum dare potuimus, praecepta non potuimus)»,— добавляет Липсиус, и так оно и случилось [1].

1590 г., когда Мориц, бывший до тех пор только штатгальтером Голландии и Зеландии, сделался также штатгальтером и Гельдерна, Утрехта и Обер-Исселя, должен почитаться переломным годом в истории пехоты.

Рядом с Морицем во главе объединенных Нидерландов стоял в качестве штатгальтера Фрисланда его двоюродный брат, Вильгельм Людвиг Нассауский, который, повидимому, даже глубже Морица был захвачен идеей реформирования военного дела по образцу древних. Взаимно влияя друг на друга, связанные узами дружбы и родства, оба монарха принялись за дело. Их переписка и сохранившиеся до наших дней заметки их верных сотрудников дают нам возможность познакомиться с этой работой [2].

---

[1] О военной библиотеке Морица Оранского, см. Carl Neumann, Rembrandt, I, 95.

[2] Journal van Anthonis Duyk, advokaat-fiscal van den Rad van Stata (1591—1602). Издан по поручению военного департамента с введением и примечаниями Людвига Мульдера, капитана пехоты, три тома 1862—1866 гг. с'Гравенгаге и Арнгем. По должности свой Дуик был начальником военной канцелярии государственного совета и высшим судебным чином для войска (Мульдер, Введение, стр. LXXXVI). Он постоянно находился при войске и вел ежедневную запись всем событиям. Судя по его дневнику, он настолько близко был знаком с мыслями Морица, насколько это возможно лишь при непосредственных личных беседах: этот дневник можно рассматривать во многих его частях как наследство, оставленное Морицем последующим поколениям.— Gustav Rolof, Moritz von Oranien und die Begründung des modernen Heeres, Preussische Jahrbücher, т. III (1903 г.).

Классический труд, на который Оранские принцы преимущественно ссылаются, это — «Тактика императора Льва», появившаяся в 1554 г., сначала в латинском, потом и в итальянском переводе, а затем в 1612 г. была издана и на греческом языке в Лейдене — Меурзием[1]. В XVIII в. вышел сначала французский, а за ним и немецкий переводы, а принц де-Линь назвал это сочинение бессмертным и ставил императора Льва на один уровень с Фридрихом Великим и выше Цезаря. По существу, это — несколько систематизированные извлечения из более древних писателей, особенно из Элиана, которого, впрочем, нидерландцы изучали в подлиннике и пользовались им.

Если мы теперь вспомним, как плохо философы — теоретики древности — разбирались в практике военного дела и что в особенности основное положение тактики римских манипул у Тита Ливия (VIII, 8) было построено на грубом непонимании этого безусловно не военного историка, спутавшего все представления, то легко возникает вопрос, возможно ли было вообще, чтобы военные люди конца XVI и начала XVII вв. могли извлечь какие-либо практические и полезные указания из такой искаженной и неправильной передачи? На деле это оказалось возможным. Правда, они не могли бы осуществить на практике дошедшие таким путем искусственные приемы. Однако, несмотря на все свои дефекты, эта традиция содержала все же крупные общие моменты истины; распознать и использовать их — вот в чем была задача, а Мориц и Людвиг Вильгельм оказались именно подходящими людьми. К тому же они обладали перед Макиавелли тем преимуществом, что они не думали создавать новой военной организации и не стремились к этому, но лишь развивали дальше уже существовавшую, унаследованную ими организацию. И с удивительной проницательностью они распознали в античной традиции именно то, что в их время могло быть использовано.

Решающее значение с внешней стороны принадлежит обучению, а по существу — дисциплине. Макиавелли некогда искал осуществления античного воинства в вооруженном народном ополчении и пытался и надеялся сделать пригодным в военном отношении такое ополчение, обучив его мимоходом некоторым военным приемам. Оранцы, изучая древних писателей, учли то значение, какое имеет приобретенная длительным учением сплоченность для ценности войсковой части, и создали, опираясь на античную традицию, новую технику строевых учений. Если можно говорить о возрождении утраченного искусства, то именно в данном случае. Правда, уже швейцарцы, при создании своих квадратных колонн, должны были обучаться известному порядку, и Иовиус нам сообщает, как они маршировали в такт барабана при их вступлении в Рим в 1494 г.; следовательно, до известной степени они старались итти в ногу.

Еще более правильным построением своих квадратных колонн дорожили, повидимому, испанцы[2], а выполнение «улитки» как пехотой,

---

[1] Иэнс, I, 869 и сл.

[2] Церемониальный марш в ногу рекомендуется в 1521 г. делла-Валле (Jähns, I, стр. 472, 705), также Lodrono (Jähns, I, 724 и Hoboh m, II, 407). В одном сообщении о сражении при Черезоле Бернардо Спина, опубликованном Шталлвицем в приложении к его статье об этом сражении (Берлинская диссертация, 1911 г., стр. 54), говорится, что испанский полководец дель-Гвасто приказал непосредственно перед самым сражением произвести учение рекрутам. Про французскую гвардию также сообщают, что она производила строевые учения.

так и кавалерией предполагает известное предварительное строевое обучение. Но ведь всего этого было едва лишь достаточно, чтобы поддерживать в войсках относительный порядок. Поэтому, когда рекрут усваивал основные движения, то считали, что дело сделано и дальнейшей работы не требуется. Ведь не знали иной формы построения, кроме квадратной колонны, а эта форма была чрезвычайно проста, пока Оранские принцы не начали формировать мелкие колонны и передвигать их самыми различными способами. Глубину колонн определяют большей частью в десять, но иногда и в пять и в шесть шеренг [1]. Как ни странно, нигде прямо не говорится, чтобы движения производились в ногу, за исключением команды «Kranendans» («танец аиста»), которую можно объяснить только натянутой поступью аиста и которая, следовательно, означает: «в ногу» [2].

Плоское построение колонн являлось изменением необычайной важности. Уже из перехода от трех к большему числу колонн само собою получилось, что не все могли сразу наступать выравненным фронтом, а некоторые из них задерживались позади. Плоские колонны привели к тому, что систематически за первым рядом направляли второй, а иногда и третий, и таким путем создался настоящий линейный порядок.

Если бы все колонны были развернуты на одном фронте, то его слишком легко было бы разорвать или прорвать; при недостаточной глубине проникшая в место прорыва колонна могла бы легко смять и расстроить всю боевую линию противника; этот мотив еще усиливается тем обстоятельством, что в строю находились и стрелки, число которых Мориц довел приблизительно до отношения 2 : 1 пикинеру [3]. Я нигде в источниках не нахожу прямого указания на то, чтобы именно забота о стрелках, которых в увеличенном количестве стало трудно размещать среди пикинеров, вызвала потребность в новом боевом порядке. Однако, по общему положению дела, можно заключить, что и этот мотив оказал немаловажное влияние. Во всяком случае, одним из результатов принятия нового боевого порядка было то, что значительное число стрелков теперь получило возможность опираться на пикинеров. Стрелков, которые еще делились на мушкетеров и аркебузиров, ставят справа и слева от колонн копейщиков. Рюстов назвал такое построение Нидерландской бригадой. Стрелки, ведя огонь, или караколировали на этих местах рядом с пикинерами, или развертывались перед их фронтом, если тому благоприятствовали обстоятельства [4].

В случае же атаки рейтаров или пикинеров, непосредственно направленной на стрелков, последние укрывались за колонной пикинеров, а пикинеры второй или третьей линии спешили заполнить образо-

---

[1] Jähns, I, 735.

[2] Dilich, Kriegsbuch (1607 г.), стр. 254, обсуждает способы, как на ходу поддерживать порядок. Между прочим он рекомендует — маршируя, следить за тем, чтобы шли в ногу, ровным шагом: «барабанщику бить в барабан в такт, под который солдат должен танцовать».

[3] В марте 1591 г. это соотношение было 1 : 0,47. Mulder, Einleitung zu Duyk's Journal, т. I, стр. LI и сл., 1862 г. Он получает эти цифры путем сводки не поддающихся проверке единичных случаев, заимствованных из документов.

[4] По наброскам Иоганна Нассауского, перед фронтом солдат двойного оклада, т. е. пикинеров, ставили две шеренги мушкетеров. Plathner, Graf Johann von Nassau (Берлинская диссертация, 1913 г., стр. 57).

вавшееся свободное пространство и отразить неприятеля[1]. И с этой точки зрения является необходимым расчленение войск линиями в глубину.

Среди других производившихся упражнений имелся и такой маневр: войсковая часть рассыпалась и, по сигналу барабана, возможно быстро должна была снова строиться, что было легко выполнимо, так как каждый солдат знал свое место. Нидерландцы славились тем, что у них 2 000 человек могли построиться в «полторы четверти часа» (in 1½ Viertelstunden), в то время как другим требовался целый час для построения 1 000 человек[2].

Наряду с пикинерами одно время пользовались алебардщиками и щитоносцами. Впрочем, мы не будем ими заниматься, так как они скоро исчезают.

Самым существенным в новом построении, даже более важном, чем сам боевой порядок, является чрезвычайная подвижность каждой отдельной вновь сформированной маленькой тактической единицы и та уверенность, с какой начальник держал ее в руках даже в пылу сражения и приводил ее в полном порядке на то место, где она требовалась в данную минуту, как говорит Иоганн Нассауский: «чтобы выручать друг друга, быстро поворачиваться и обращаться сейчас же на неприятеля, внезапно атаковать противника в двух-трех пунктах»[3].

Чем глубже мы вникаем в эти явления, тем яснее нам становится, что для претворения в жизнь нового искусства требовалось нечто большее, чем простое познание его, простое решение или приказание. «Вильгельм Людвиг, — так сообщает нам его биограф, — изучал все, что практиковалось у древних греков и римлян в области военного искусства, и не боялся ни труда, ни усилий, ни расходов. Его секретарь Рейд и полковник Корнпут помогали ему при изучении древних писателей и при проведении на практике имевшихся у них указаний. Сначала построения делались оловянными солдатиками на столе, и лишь затем обучали им настоящих солдат. Чтобы удостовериться, какое вооружение лучше — длинные пики без щитов или же римское — с щитом и мечом,— Мориц организовал в 1595 г. опыт[4]. Командные слова были переведены с греческого и латинского; во время учения солдаты обязаны были молчать, чтобы не заглушать команды. Нашли у древних и ввели у себя правило, что в команде основное должно предшествовать общему (не «марш — бегом», а «бегом — марш»), ибо в противном случае нельзя ожидать четкости ее выполнения. Учения производились не только в гарнизонах, но и в лагере,

---

[1] Dilich, Kriegsbuch (1607 г.), стр. 290, не вполне ясно говорит о том, что именно должно произойти в случае, если рейтары или пикинеры атакуют фронт копейщиков и стрелков: должны ли последние отступить за копейщиков, или же укрыться в их рядах.

[2] Stuttgarter Manuskript von 1612. Jähns, II, 924. Иоганн Нассауский утверждает, что Мориц не допускал никаких изменений в раз установленной схеме походного и боевого построения, чтобы каждый, по одному лишь сигналу барабана или трубы, мог сразу занять свое место (Plathner, стр. 58).

[3] Plathner, стр. 57.

[4] Письмо Сандолина к Липсиусу от 16 июля 1595 г., цит. Иэнсом, II, 880. Герцог Генрих Роган сообщает позднее в одном сочинении (цит. Иэнсом, II, 951), будто Мориц убедился, что вооружение щитом лучше, но, не будучи полновластным хозяином, не мог провести своего взгляда на деле (ср. Hobohm, II, 452).

в близком расстоянии от неприятеля, даже в дурную погоду[1]. Солдаты дезертировали, им становилось невмоготу от этого учения.

Старые вояки, также и граф Гогенлоэ, военный ментор принца Морица, высмеивали все эти условия и глумились над этими фокусами, от которых в настоящем бою не останется и следа. Однако, оба Оранские принца не давали сбивать себя с толку. Зимою офицеры объезжали гарнизоны для инспектирования службы. В 1590 г. начали вводить новые порядки; мы имеем длинное письмо Людвига Вильгельма к Морицу от 1594 г., в котором он отчитывается перед ним и осведомляет обо всем. Он советует строить колонны пикинеров не слишком плоскими, ибо они всегда должны быть в состоянии устоять против атаки кавалерии; правильное указание дает по этому поводу император Лев (глубина — 16 человек). Далее он отмечает главы из «Тактики» Льва, указания которых следует перенять[2], и в заключение дает список командных формул, составленных им по Элиану и введенных в практику. Таких команд, считая и некоторые еще не вполне установленные, — около 50, а некоторые из них сохранились и в современном командном языке. Не следует, — добавляет он, — вводить больше, чем нужно, новых команд, дабы облегчить солдатам заучивание их. Особенно важно, чтобы люди научились разбирать, что такое шеренги и ряды, соблюдать интервалы, а также строиться и маршировать тесно сомкнутым строем. Для этого они должны обучиться вздваивать как шеренги, так и ряды, поворачиваться направо и налево и заходить правым и левым плечом[3]. Далее идет многое другое, о чем я частично говорил уже выше. В заключение автор письма просит Морица, если ему вздумается высмеять его письмо, чтобы он сделал это «inter parietem ende amicos» (между четырех стен, в кругу друзей)[4].

---

[1] Mulder, Van Duyk's Tagebuch, I, 636 и сл. с 9 августа по 26 октября 1595 г. То же за 1598 г. Peyd, Niederländische Geschichte, т. XV, изд. 1626, стр. 569. Об учениях, производившихся в гарнизонах, сообщает за тот же год из Гронингена брат Вильгельма Людвига, Иоганн Нассауский, в своем письме к отцу (Archives Orange-Nassau, 2-я серия, II, 403). Валльгаузен, Kriegskunst zu Fuss, стр. 23, бранит тех, которые говорят: «что там за учение,— когда дерутся с врагом, не приходится долго обучаться!».

[2] Это гл. IV и VII и отдельный параграф 144 (обозначенный в письме ошибочно — лист 144) из главы XVIII. В них рекомендуются три линии: «Has tres acies ad usum separatas, propinquitate conjunctas ad se mutuo adjuvandas idoneas esse perspiximus». («Эти три линии, разделенные для пользования ими, соединенные близостью расстояния и удобные, как мы видим, для взаимной поддержки»). Глубина этих линий определена у Льва в 10 человек. Удивительно, как при этом перемежается правильное понимание с ошибочным толкованием. Лев довольно необдуманно перенес на кавалерию традицию римской пехоты (основанную, в конечном счете, на Ливии, VIII, 8). Однако, это так незаметно, что Вильгельм Людвиг, очевидно, не обратив внимания на ошибку Льва, мог снова все это отнести к пехоте.

[3] Указания для одиночного обучения солдат заключаются в книге Waffenhandlung von Rören, Musqueten und Spiessen, Jacob de Geyn, Гаага, 1608 г., посвященной Иоахиму Эрнсту, маркграфу Бранденбургскому. Книга эта украшена большими, великолепно исполненными гравюрами на меди. Новое издание вышло еще в 1640 г. Гравюры в труде «Военное искусство пехоты» Валльгаузена — иные; в самой стойке есть разница. Гейн различает стрелков и мушкетеров; для первых у него 42 команды, а для вторых — 43. У мушкетеров на перевязи деревянные пороховницы, у стрелков их нет. Для пикинеров установлена 21 команда, многие из них должны выполняться в три приема.

[4] Рюстов (I, 345) характеризует реформы Морица в том смысле, что тактические формы были им упрощены до крайних пределов. Это представляет полную противоположность моему изложению, поскольку я вижу в новых формах новое

Мориц, по выражению Валльгаузена, был «специалист по муштровке», но он со своим двоюродным братом не только создал новое искусство, но озаботился о выполнении одной необходимой предпосылки: аккуратной уплаты жалованья. С самого возникновения института ландскнехтов наиболее темным его пятном была уплата жалованья.

«Пусть мне дадут, — говорит генерал Баста в своем трактате о коннице, — армию и весь причитающийся ей комодитет — жалованье, провиант и долю добычи, и как бы она ни была испорчена, я берусь ее преобразовать и снова привести в порядок. И наоборот, я не могу обещать, — да оно и невозможно, — сохранить правильную, хорошую дисциплину даже в хорошей армии, если последняя будет лишена необходимого ей комодитета (довольствия)».

Мы видели, в какой зависимости от возможности или невозможности уплатить солдатам обещанное им жалованье находились даже стратегические решения. Никогда не удалось бы ввести в войсках тяжелую работу по муштре, представлявшуюся старым солдатам не только излишним делом, но и смешным ребячеством, если бы начальство было еще перед ними в долгу. Коммерческий дух Генеральных штатов был достаточно проницателен и сведущ для того, чтобы понять все значение аккуратной выплаты жалованья, а процветавшая, несмотря на военную смуту, торговля и бережливость, присущая строгим кальвинистам, видевшим во всяком проявлении роскоши грех, давали к тому средства. Испанский король со всем американским золотом и серебром оказался не в состоянии должным образом разрешить тот огромный круг политических задач, которые он себе поставил. После сражения на Моокерской равнине испанское войско, три года не получавшее жалованья, отказалось повиноваться, выбрало себе главнокомандующего и самовольно расквартировалось в Антверпене, пока горожане не согласились уплатить ему 400 000 золотых крон. Солдаты получили недоплаченное им жалованье частью наличными, частью материями. Это повторялось несколько раз, сопровождаясь ужасающими зверствами и бесчинствами. Часто проходили месяцы, прежде чем удавалось снова привести войска в повиновение. В 1572 г. во время «Антверпенского безумия» (furia), город был окончательно разграблен, частью сожжен, а жители перебиты массами. Это не могло не явиться помехой ведению войны.

Не так вели себя нидерландские войска. Генеральные штаты создали правильное денежное хозяйство, и это имело тем большее значение, что армия стоила очень дорого. Прежние роты ландскнехтов обычно насчитывали 400 или 300 человек; иногда они доходили и до 500. Мориц понизил численность роты и установил ее в 100 с небольшим человек, не уменьшая, однако, офицерского состава. Значение этой перемены Валльгаузен в своей книге «Военное искусство в пехоте» (стр. 97) превосходно характеризует следующим образом:

достижение, которое вовсе не просто и добиться которого можно лишь упорной, тяжелой работой. Противоречие, однако, лишь кажущееся. Рюстов имеет в виду подробно рассмотренные им искусственные построения теоретиков, как, например, крестообразный боевой порядок и восьмиугольник, которые — не что иное, как хитроумные измышления, никогда не игравшие никакой роли на практике. По сравнению с ними, нидерландская форма, конечно, являлась упрощением; по сравнению же с человеческим квадратом или с пространственным квадратом, которые одни имели до тех пор практическое применение, нидерландский метод представлял не упрощение, но далеко идущее вперед уточнение, и лишь это объяснение выявляет в правильном освещении историческую эволюцию.

«Преславный военный герой принц Мориц содержит в каждой роте, численностью каждая нередко менее 100 человек[1] следующих начальников: капитана, лейтенанта, прапорщика, 2 или 3 сержантов, 3 капралов, 3 ландпассатов, 1 оружейного голову, 1 капрала — из благородных или ефрейторов, 1 писца, 1 профоса, около 10 младших ефрейторов, 2 барабанщиков. Всему этому командному составу каждый месяц приходилось платить почти столько же, сколько всем солдатам целой роты. Таким образом, можно было бы сэкономить наполовину, если довести численность роты до 200 или 300 человек, а потому представляется нецелесообразным делать роты такими слабыми». «Однако, знай — продолжает он, — что высокородный принц не дорожил тем, чтобы иметь такие же сильные по численности полки и роты, какие приняты были в других местах; он принял решение, что с полком своих солдат, числом не более 1 000 человек, он сможет стать лицом к лицу против неприятельского полка в 3 000 человек; и всякий раз, как он в таком порядке атаковал противника, победа оставалась за ним; может показаться невероятным, чтобы трое сделали не больше, чем один; ведь можно было бы избежать больших излишних расходов. Но чем меньше у тебя солдат и чем больше командного состава, тем лучше они обучены».

Старые капитаны ландскнехтов во главе своих рот являлись вождями и передовыми бойцами. Нидерландские же капитаны вместе с остальным помогавшим им командным составом были офицерами в том смысле, в каком мы их привыкли понимать теперь. Они не просто вели солдат, но сперва создавали и вырабатывали бойцов, которых затем вели в бой. Мориц Оранский возродил искусство обучения солдат и стал отцом подлинной военной дисциплины; тем самым он сделался и творцом офицерского корпуса, хотя свой специфически замкнутый характер последний приобрел позднее.

Новая, основанная на муштре, дисциплина, которая должна была сообщить и действительно сообщила небольшим, неглубоко построенным тактическим единицам пикинеров и стрелков способность выдерживать столкновение со старыми квадратными колоннами, тут же сообщает нидерландским солдатам и другое свойство, которое на деле привело даже к большему успеху, чем усовершенствование тактических тонкостей. Это — возможность добиться от солдата выполнения окопных работ, что, правда, кое-где имело место и раньше, теперь же было введено в систему. И здесь сказалось влияние классического образца; с особым ударением Липсиус указывал в своих сочинениях на укрепление лагерей (castrametatio), да и сами римляне сознавали и высказывали, что победу над врагами им давали не только доблесть (virtus) и оружие (arma), но и труд (opus). Старые ландскнехты были слишком горды и самонадеянны, чтобы унизиться до работы лопатой. Нидерландские принцы с помощью достаточного жалованья и повышенной дисциплины достигли того, что солдаты согласны были выполнять и земляные работы. Представляя в 1589 г. Генеральным штатам свою программу, Вильгельм Людвиг в первую голову потребовал аккуратной выплаты жалованья, причем тут же добавил, что высоким окладом надо отучить солдат от ложного стыда перед окопными работами. «Если это будет достигнуто, то мы застрахуем себя от опас-

[1] Иоганн Нассауский указывает, как на норму, 135 человек, из них 45 длинных пик, 74 мушкетеров и стрелков (Plathner, стр. 40).

ностей, которые несет с собою война». «В укрепленном лагере, — продолжает он, — никто не заставит тебя принять сражение, а построив такие лагеря на водных путях, можно сохранить подвоз снабжения. Таким же способом надо блокировать крепости, — он называет: Нимвеген, Граве, Венло, Рёрмонд, Девентер, Цютфен, — и брать их без боя, не рискуя поставить себя под удары судьбы. Ибо можно так себя оградить укреплениями, что герцогу Пармскому [1] не придется мечтать о выручке. А если мы только овладеем городами по течению рек, тогда прочие недолго смогут продержаться, за недостатком продовольствия» [2].

Мы можем подкрепить это иллюстрацией из Тридцатилетней войны. Когда богемская армия летом 1620 г. должна была укрепить свою позицию, солдаты нашли, что такое требование наносит ущерб их чести, отказались работать и потребовали выплаты недоданного им жалованья [3].

Мориц перешел в наступление, взял Нимвеген и ряд более мелких городов при помощи внезапных налетов или бомбардировки, а Стеенвик, Керворден, Гертруиденборг и, наконец, Гронинген (1594 г.) — настоящей осадой с траншеями и минами. О Стеенвике нам известно [4], что Вильгельм лично днем и ночью присутствовал там при производстве работ. Осажденные осыпали «рабочих» насмешками, что они из воинов унизились до положения мужиков и землекопов и вместо пики пользуются заступом. Но ни эти слова, ни обстрел, ни вылазки не могли задержать продолжения работы.

Имеются указания [5], что Мориц перевозил за собою по водным путям палисадины; далее, каждый солдат перетаскивал 2—3 палисадины, что позволяло Морицу очень быстро укрепляться в непосредственной близости от неприятеля.

Под Гертруиденборгом Мориц обеспечил себя циркум- и контрвалационными линиями, хотя работы здесь были чрезвычайно затруднены болотистой почвой. Мансфельд [6] подошел на выручку с 9 000 войска, но ничего не мог предпринять и был вынужден смотреть на то, как на его глазах город капитулировал. А Вильгельм Людвиг, когда сдача состоялась, писал победителю [7]: «Эту осаду по справедливости можно назвать второй Алезией [8], она означает возрождение, в значительной доле, античного военного искусства и военной науки, которые до сего времени мало ценились и осмеивались невеждами, которых даже величайшие современные полководцы не понимали или, по крайней мере, не применяли».

При взятии Дельфциля Мориц велел повесить двух солдат: одного — за то, что он украл шляпу, другого — за то, что он украл

[1] Испанский полководец Александр Фарнезе, герцог Пармский, талантливо руководил борьбой в Нидерландах в течение 15 лет (1577—1592 гг.). — *Ред.*

[2] Everardes Reidanus, Belgarum aliarumque gentium annales, Leyden, 1633, Emmius, Guilelmus Ludovicus, 1621, стр. Ср. Mulder, Einleitung zu Duyks Journal, I, стр. XVI.

[3] Krebs, Schlacht an dem Weissen Berge, стр. 25 и сл.

[4] Reyd, стр. 281.

[5] Billon, стр. 191.

[6] Преемник герцога Пармского, испанский полководец, вскоре сдавший свою должность вследствие солдатских бунтов, с которыми он не мог справиться.—*Ред.*

[7] Мориц (19 июня, 1593 г., Archives Orange-Nassau, 2 сер., т. I, стр. 24).

[8] Юлий Цезарь осадил в Алезии вождя восставших галлов Верцингеторикса, и, опираясь на укрепления циркумвалационной линии, отразил явившихся на выручку галлов. Этот триумф инженерной техники закрепил за Римом Галлию.—*Ред.*

кинжал. Во время осады Гульста он велел расстрелять перед строем одного солдата за ограбление женщины.

Одним поколением позднее (1620 г.), как доносил на родину венецианский посол Джироламо Тревизано из Нидерландов [1], штаты даже в мирное время содержали 30 000 наличной пехоты и около 3 600 лошадей. По его словам, выплата жалованья никогда не задерживалась даже на один час, что бы там ни случилось, а это оказывает огромное влияние на дисциплину. «Прямо поразительно, — говорит он далее, — как города спорят между собою о размещении у них гарнизонов, а горожане — о помещении у них на квартиры солдат,— так как они рассчитывают нажиться от них. Если у кого есть лишняя комната с двумя кроватями, он может принять к себе на постой 6 солдат, ибо 2 из них всегда будут на службе. Горожанин, не задумываясь, оставляет наедине с солдатами жену и дочерей, что было бы невозможно во всяком другом месте».

Единственное сражение в открытом поле, которое дал Мориц при Ньюпорте (2 июля 1600 г.), подробно, но не вполне удовлетворительно и исчерпывающе разобрано Рюстовым. Один из участников моего семинария, Курт Гебель, специально исследовал этот вопрос. В конце октября 1914 г. он пал вблизи этого поля сражения, под Диксмюде.

РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ШЕРЕНГАМИ И ШИРИНА РЯДОВ КОЛОННЫ ПИКИНЕРОВ

Первые документальные данные по этому вопросу мы находим в донесении венецианского посла Квирини за 1507 г.: он определяет дистанцию между шеренгами в 1½ шага и при этом добавляет, что интервалы между людьми в шеренге были как раз такой величины, чтобы люди могли маршировать не толкаясь. «Шеренги, начиная с первой от фронта и кончая последней, отстоят друг от друга на расстоянии приблизительно 1½ шагов, так что длинные пики задних не задевают пик передних, когда они маршируют в строю; а в шеренгах один солдат стоит на таком расстоянии от другого, чтобы все они могли маневрировать, не толкаясь друг о друга» [2].

Макиавелли в своей «Истории военного искусства» (1519—1520 гг.) сообщает данные, которые не вполне согласуются между собой. Прямых указаний о пространстве, отводимом отдельному солдату, у него вообще не имеется, но в третьей книге приведен расчет его боевого построения, выкладки из которого дают в результате 25 локтей (bracci) на батальон в 20 рядов по фронту; это составляет приблизительно 74 *см*, или 2½ фута на человека. Между тем во второй книге у него говорится, что люди стоят плечо к плечу («они сходятся вместе так, что касаются друг друга боками»), а в своем трактате о Германии [3] он говорит о швейцарцах: «Построение их таково, что, по их мнению, никто не может протиснуться в их колонну, из чего можно заключить, что на человека полагается пространство приблизительно в 1½ фута».

Дистанцию в ряде Макиавелли в нескольких местах своего сочинения (очевидно по Вегецию, III, 14) принимает в 2 локтя (bracci), или 6 футов, которые во время боя на пиках сокращаются до 3 футов [4].

---

[1] Напечатано в трудах Исторического общества (Historisch Genootschap) в Утрехте. Нов. сер., № 87, 1883 г., стр. 442.

[2] Ed. Albéri, серия I, т. VI, стр. 19.

[3] Цит. у Гобома, II, 420.

[4] Новобом, II, 420

В сочинении неизвестного автора, — может быть, дю-Беллэй-Ланжи, — появившемся впервые в Париже в 1535 г. и цитируемом большей частью под заглавием «Руководство по военному делу» (Instruction sur le fait de guerre)[1] указано, что солдату в шеренге нужно при маршировке 3 шага, в боевом построении — 2 шага, а во время боя — 1 шаг. А дистанция в ряду соответственно равна 42 и 1 шагу. На основании этого указания Рюстов (I, 253) полагает, что солдату в шеренге отведено было лишь 1½ геометрических фута.

«Место, какое занимает каждый солдат (Soldard) в ширину в обычном строю (en simple ordonance), равняется 3 шагам, в боевом построении (estant en bataille)— 2 шага, а когда он сражается — 1 шаг. Дистанция от одной шеренги (rang) до другой в походном строю равняется 4 шагам, в боевом построении — 2 шагам, а когда он сражается — 1 шагу. Таким образом, 21 человек каждой банды занимают в боевом построении 42 шага по фронту, а 20 шеренг (rangs) — 40 шагов в глубину, в том числе и пространство, занимаемое каждым солдатом, которое равняется 1 шагу. Из контекста явствует, что автор под словом «rang» разумеет шеренгу.

Вскоре после вышеназванного сочинения во Франции появилось другое, также анонимное, «Установление (Institution) военной дисциплины во французском государстве»[2], определяющее пространство в шеренге в 1 локоть, а в глубину — приблизительно в 3 фута. Мы говорили, что солдат занимает в ряде (en file) приблизительно 3 фута, а в шеренге (en rang) — 1 локоть[3]. В другом месте (стр. 100) говорится: «Сжимать (смыкать) колонну (serrer le bataillon) должно часто, когда приходится встречать (affronter) атаку неприятеля». Это место трудно истолковать иначе, как в том смысле, что для устранения известного разжижения фронта, появляющегося во время передвижения, надо почаще командовать «стой», для того чтобы снова сомкнуть ряды.

Итальянец Тарталиа (1546 г.) и герцог Альбрехт Прусский в своем военном уставе (1552 г.) принимают интервалы в шеренге в 3 фута, а дистанцию в ряде 7 футов[4] — несомненно, по Вегецию.

Таванн (точно неизвестно — отец или сын) указывает 3 шага по фронту и 7 — в ряде. Квадрат пространственный (carré de terrain) и квадрат людской (carré d'hommes) отличаются друг от друга тем, что по ряду должно быть 7 шагов между шеренгами, а по фронту достаточно 3 шагов между каждым солдатом, так что для построения квадратной пространственной колонны (bataillon) на 60 человек по фронту надо лишь 30 человек в ряде. Широкий фронт необходим для того, чтобы не быть окруженным, а чрезвычайная глубина колонн, которая получилась бы при квадрате по рядам, была бы бесполезной».

Вильгельм Людвиг Нассауский в письме к своему двоюродному брату Морицу (напечатано в «Дневнике Дуика», I, 717) указывает, что при «свободном построении (gestreckt stehen) на каждого пехотинца как по фронту, так

---

[1] Я пользовался изданием 1553 г., находящимся в библиотеке Эрлангенского университета (стр. 77).

[2] Я пользуюсь экземпляром, хранящимся в Мюнхенской придворной и государственной библиотеке, стр. 103.

[3] Того места в его книге, на которое ссылается анонимный автор, я не мог разыскать. «Rang» у него означает шеренгу, а «file»—ряд. Это видно из стр. 73—74, т. II, гл. 6.

Кромайер, Гермес 35, 228, приводит это место как доказательство 3-футового интервала между рядами, потому что «file» он переводит «шеренга», а «rang» — «ряд». Это неверно. И у Биллона, Военные наставления («Instructions Militaires», 1617 г.), ряд называется «file», например на стр. 25: «Их было бы в таком случае только 10 человек в глубину (de hauteur), что составляет полный ряд (file), согласно построению принца Морица, и 50 человек по фронту, т. е. в пять раз больше по фронту (en front), чем в ряду» (en file).

[4] Jähns, I, 1, 712.

и в глубину, надо считать по 6 фут.; но они могут стоять и маршировать также и по указаниям Элиана, густым (densatie) и сомкнутым (constipatie) строем. «Item als sie gestreckt staen, ofte (oder) trecken sullen, dat die Stande van ter sijden ende hinden af 6 voet sij. Item son sie densatie staen ofte trecken sullen als ook constipatie, dat sie praecepta Aeliani underholden». (Когда они должны стоять или итти растянуто, расстояние должно быть по бокам и сзади по 6 фут. Когда же они густо стоят или идут сомкнуто, они должны соблюдать правило Элиана).

Далее сказано: «В боевом построении перед лицом противника обычная мера между каждым солдатом должна быть в 3 фута и 7 фут. в рядах; однако, можно сомкнуть людей гораздо теснее как в шеренгах, так и в рядах. Тогда они становятся вплотную один подле другого, но так, чтобы все они еще могли пользоваться своим оружием. Соответственная команда для такого построения — «тесно» (Dicht) или, если хотят добиться еще большей сомкнутости, чтобы, как стена, отразить атаку неприятельской кавалерии, «тесно, тесно» (Dicht, dicht) или «явно тесно» (Heel dicht), т. е. как звучит команда на «сомкнись, сомкнись» (Serre, serre).

Когда опасность минует и хотят спокойно двигаться дальше, приказывают шеренгам и рядам снова разомкнуться, взяв между собой известные интервалы и дистанции.

В «Инструкции» и в «Памятной записке» ландграфа Морица[1] Гессенского, 1600 г., интервал между рядами определяется в 3 фута; при смыкании дистанции и между шеренгами следует сходиться не ближе, чем хватают шпаги или тесаки, а при смыкании интервалов между рядами — не ближе, чем на свободное движение локтя.

В «Военной книге» Диллиха (1607 г., стр. 246 и 277) пехотинцу отводится в шеренге пространство в 3 «башмака» (Schuhe) или пяди, а в ряде — 5 «башмаков». Во втором переработанном издании 1647 г. автор в одном месте повторяет эти числа (ч. I, стр. 156), а в другом (часть II, стр. 71) он, вместо того, устанавливает 4 «башмака» и 6 «башмаков».

Во время боя с ландскнехтами он предписывает (изд. 1907 г., стр. 290), чтобы не останавливались, как это надо делать в бою с конницей, но чтобы шли вперед плотно сомкнутым строем и держа пики так, чтобы задние концы их были несколько выше (hinten etwas hoch fasse).

Монтомери [«Французское войско» (La Milice Française) 1610 г., стр. 80] пишет, что сержант-майор (sergant-major) имел палку в 3 фута длины, которой он обмерял фронт, с тем чтобы на каждого солдата приходилось 3 фута, а в ряде — 7 фут., т. е. 3 фута — впереди человек, 1 фут — на него самого и 3 фута позади его. Колонна в 2 500 человек — 50 человек по фронту и 50 в глубину — будет, следовательно, иметь 150 фут. ширины и 200 фут. глубины. Очевидно, автор считает в действительности лишь 4 фута на каждого человека в ряде, ибо, назначая по 7 фут., он всегда считает 3 фута вдвойне. Валльгаузен в своем переводе этого сочинения под заглавием «Militia Gallica» не заметил этого противоречия, а принял его без всякой оговорки.

Биллон («Принципы военного искусства», 1613 г., стр. 65 оригинала и стр. 184 немецкого перевода, II, гл. 11) строит колонну (bataillon) в 200 человек — 20 человек по фронту и 10 человек в глубину — и рассчитывает, что если между рядами (entre les files) будет 6 фут. расстояния, то фронт будет иметь 114 фут. по фронту (т. е. 120 — 6 = 114). Несмотря на выражение «между рядами» (entre les files), в 6 фут. засчитано и пространство, занимаемое человеком. Однако, 114 исчислено неправильно, постольку, поскольку из 120 фут. надо вычитать не 6, а всего лишь 4½ фута.

[1] Jähns, II, 889, 902.

То же мы находим во втором сочинении того же автора, «Наставления по военному делу» («Instructions Militaires», 1617 г., стр. 63 и сл.).

Дистанция в 6 фут., согласно Биллону, может быть уменьшена до 3 фут. и до 1 фута, так что и фронт и глубина построения займут лишь одну шестую первоначального пространства. Это последнее построение применяют для шока против неприятеля (pour choquer les ennemis), что немецкий перевод передает «атаковать неприятеля».

В другом месте (т. II, гл. 45) Биллон хочет сказать то же самое, но выражается настолько неясно, что мы, пользуясь только его показанием, остались бы в недоумении.

Валльгаузен в своем труде: «Военное искусство в пехоте» (1615 г., стр. 79, ср. стр. 71) говорит, что в бою с пехотой стоят на расстоянии 1½ шагов и в рядах, и в шеренгах, в бою же с кавалерией — тесно сомкнутым строем. При маршировке и во время учения интервалы бывают шире, и они могут быть различными.

В «Военных постановлениях» («Corpus militare», 1617 г., стр. 55) тоже различается несколько родов интервалов, но довольно неясно, так что Рюстов вычитал оттуда только два рода интервалов, хотя на самом деле их было, очевидно, три: узкий, средний (behörlich) и широкий. Средний — 2 шага в шеренгах и рядах, узкий — «когда шеренги и ряды, построенные по среднему порядку, стоят сомкнувшись» (wie behörlich nachst zusammengeschlossen stahn). Широкий—в 4 шага или более.

В «Военной книжечке» («Kriegsbüchlein») цюрихского капитана Лафатера (1644 г.) указано, что на смотрах солдат от солдата должен стоять и в шеренге и в ряде на расстоянии доброго шага. Тогда при дублировании или задние шеренги развертываются и становятся рядом с передними, или люди из задних шеренг вступают в интервалы передних, «в зависимости от того, есть ли у тебя для этого достаточно пространства и намерен ли ты вступить в бой с неприятелем», стр. 87; далее (стр. 90) говорится: «Когда весь строй сомкнут» (что большей частью применяют против прорыва кавалерии) и т. д.

Гергард Мельдер (1658 г.) (Иэнс, II, 1149) говорит, что «мушкетеру требуется пространство в 3 фута ширины и 3 длины, а всаднику — 3 фута в ширину и 10 в длину».

Бакгаузен, гессенский капитан-лейтенант [«Описание обычного строевого учения» (1664 г.)], отводит (стр. 2) пехотинцу во время учения 6 фут. интервала и предписывает для стычек, т. е. для боя, выстраивание рядов так, чтобы из шести шеренг образовать три (стр. 26).

«Другие,— продолжает он,— отводят на человека 2 «башмака» (пяди) по фронту, что, впрочем, каждый может делать и устраивать по желанию и в зависимости от обстоятельств».

Когда атакуют неприятельскую артиллерию, он рекомендует вздваивать ряды так, чтобы образовывались между ними широкие проходы, через которые могли бы пролетать ядра, не причиняя вреда. Каждый ряд будет состоять из 12 человек в глубину. «Когда же рейтары собираются прорваться, надо заблаговременно запереть ворота и снова выстроить ряды».

Иог, Боксель (нидерландский капитан-лейтенант, «Нидерландское военное обучение», 1668 г., немецкий перевод 1675 г., третья книга, стр. 6) пишет: «Солдаты стоят в шеренгах на расстоянии 6 «башмаков» (пядей), а в рядах — 3 «башмаков» друг от друга». Судя по рисункам, не подлежит сомнению, что интервал считается без самого человека, ибо даже после команды «вздвойте шеренги» (т. е. «ряды, стройся!» — *Ред.*) люди стоят довольно широко.

Монтекуколи (Сочинения, II, 224) предоставляет пехотинцу при сомкнутых рядах 3 шага по фронту и 3 в глубину; но непосредственно за этим у него

сказано, что при сомкнутых рядах солдаты должны стоять насколько возможно теснее.

Тот, кто прочтет одно за другим эти показания, будет прежде всего удивлен тем, что о такой простой вещи, которая должна быть заранее установлена на каждом плацу для учений, писатели, которые во всяком случае должны почитаться за знатоков, могут выдвигать столь различные определения. Что в разные времена и в разных странах или школах обучения введены были различные меры — до известной степени возможно и допустимо, но, по самой природе вещей, границы вариантов должны бы быть более узкими, чем те, которые здесь перед нами обнаруживаются. Откуда же эти расхождения? Вопрос этот важнее, чем самое дело; как бы то ни было, вопрос этот должен быть обследован как для получения ясного понятия о ландскнехтах, так и из-за аналогичного вопроса в античном военном деле. Опираясь на несколько неправильное изложение Полибия, пристегнули к ложному представлению о дистанциях в рядах и интервалах в шеренгах целую совершенно фантастическую систему античной тактики, и возникает вопрос: что в этом отношении можно вывести относительно эпохи ландскнехтов? Речь идет в данном случае о сходстве швейцарских и ландскнехтских колонн с поздней македонской фалангой, которая пользовалась тем же самым оружием — длинной пикой.

Прежде всего надлежит установить, что в двух из вышеприведенных показаний вкралась несомненная ошибка. Когда Таванн определяет интервалы и дистанции в 3 и 7 шагов (pas), то не может подлежать сомнению, что имеются в виду не шаги, а футы (пяди), а когда у Монтекуколи говорится сначала, что солдат при сомкнутых рядах требует 3 шага по фронту и 3 — в глубину, а дальше, непосредственно за этим, что при сомкнутых рядах солдаты должны стоять возможно теснее, то ясно, что в первом случае допущена описка и вместо «сомкнутых» должно стоять «разомкнутых». Это подтверждается на стр. 226, где фронт из 83 человек исчислен в 124½ шага. То же можно сказать и про стр. 350, 379 и 386, где на пехотинца считается по 1½ шага.

Далее следует отметить, что авторы порой весьма неясно выражаются, а иногда даже впадают в противоречия: вместо точных цифр они нередко дают лишь описания. К тому же «шаг», который нередко принимается за единицу измерения, представляет крайне неопределенное понятие. Да и фут или «башмак» (пядь) не представляет всюду одну и ту же меру. Собственно нормальным построением в боевом порядке, повидимому, является 3 фута в шеренге, но иногда упоминается и о более тесном, и притом гораздо более тесном построении — до 1 локтя и даже до 1 фута на человека, причем требуется, чтобы во время самого боя густота изменялась,— особенно, чтобы против конницы смыкались как можно плотнее. Твердо установленной схемы античных писателей — 6, 3 и 1½ фута — мы уже не встречаем нигде; даже когда Вильгельм-Людвиг, ссылаясь на Элиана, прямо на это указывает, то, собственно, он этого не воспроизводит. Это тем более примечательно, что можно было бы сказать, что эта схема сама собою получается при выполнении одного перестроения, о котором упоминает уже Вильгельм-Людвиг и которое в течение всего XVII в. играло большую роль во всех руководствах по военному обучению; это — вздваивание, о котором мы упоминали выше в цитате цюрихца Лафатера. Еще в строевом уставе Фридриха III Бранденбургского 1689 г.[1] непосредственно перед упразднением пикинеров указания относительно вздваивания и утраивания[2] шеренг и рядов, разработаны весьма подробно. Интервалы прямо не обозначены, но если положить в основание

[1] Изд. Эйкштедта, 1837 г.

[2] Под утраиванием (Triplieren) подразумевается, очевидно, повторное вздваивание, т. е. учетверение. — *Ред.*

элементарный интервал в 6 фут., то при вздваивании и при утраивании мы приходим точно так же, как и греки, к 3 и 1½ футам.

Если, несмотря на это в колоннах пикинеров нового времени мы не находим повторения твердой греческой схемы, то это, несомненно, зависит не от того, что в XVI и XVII вв. строевое учение производилось менее точно, чем у греков.

Аналогия между позднейшей македонской фалангой и нашей квадратной колонной, правда, имеется налицо, но она подлежит известным ограничениям. Сарисса и длинная пика почти тождественны, однако тактика — различная. Напоминаю, что я отнюдь не считаю македонскую фалангу, как нам ее описывает Полибий, тождественной с фалангой Александра Великого. Очень длинная сарисса и крайне плотное построение представляют заключительную фазу продолжительной эволюции в этом направлении. Позднейшая македонская фаланга, при ее широком фронте и тесной сомкнутости, двигалась крайне медленно; ее принцип заключался в том, чтобы раздавить противника своей ощетиненной пиками массой. Фаланги Александра были еще более подвижны. Но еще подвижнее были ударные колонны швейцарцев и ландскнехтов. Первичная тактика швейцарцев была именно основана на внезапной бурной атаке, по возможности врасплох; тогда как позднейшая македонская фаланга могла собственно функционировать нормально лишь на ровном поле, ударные колонны, особенно при их обходных движениях, почти не боятся никаких местных препятствий. Их обычное построение поэтому не могло быть слишком плотным, но при некоторых условиях, особенно же когда им приходилось выдерживать атаку рыцарей или рейтаров, они смыкались как можно теснее.

Это тесное смыкание сзади наперед производилось в серьезном бою чрезвычайно просто и естественно посредством надвигания задних шеренг; смыкание по фронту уже не так просто; правда, часто само собой делается известное скучивание к середине, как это было у римлян при Каннах и как Макиавелли о том свидетельствует вообще, но в момент, когда приближается атака неприятеля, попытка сомкнуться таким путем могла бы смять все построение. Поэтому уплотнение фронта, надо полагать, выполнялось тем, что шеренги надвигались сзади, причем всякий раз, как между двумя бойцами и одной из шеренг появлялся пробел, его заполнял боец из задней шеренги. Впоследствии систематически упражнялись в таком вступлении из задней шеренги в менее плотную переднюю. Это и есть то вздваивание, о котором мы уже упоминали.

А у античных писателей, Вегеция и Элиана, мы встречаем упоминание о таком упражнении, претворенном с присущей грекам последовательностью в схему 6-, 3- и 1½-футового протяжения по фронту на человека. На практике, в серьезную, решительную минуту это перестроение, конечно, не могло выполняться с такой безукоризненной четкостью. Солдаты при движении вперед не удерживают эти интервалы с полной точностью. Более современные писатели, с которыми мы познакомились, были в полном живом контакте с практикой и заимствовали непосредственно из нее свои указания, поскольку они не повторяли данные древних писателей. Они являются в меньшей мере философами, чем греки. Они не дают логической схемы, но расценивают то, что сами переживали и видели, причем расценивают они весьма различно, а иногда подчиняются своей склонности к теоретическим построениям. Как далеко практики могут расходиться между собой в подобных расценках, в этом мне самому пришлось недавно убедиться на собственном опыте, когда я опросил трех кавалерийских вахмистров относительно того, какое пространство в настоящее время (1909 г.) занимает лошадь по фронту. Ответы гласили: «один шаг», «добрый шаг», «полтора шага»; если принять во внимание, что они исходили от трех одинаково обученных и обладавших одинаковым опытом людей, то расхождение покажется весьма существенным.

К этому я могу тут же добавить, что цитированный выше французский военный писатель Биллон считает (стр. 259), что при 10 шеренгах пики последней шеренги еще высовываются перед фронтом, в то время как Монтекуколи (II, 579) требует, чтобы пикинеры строились не глубже, чем в шесть шеренг, ибо пика не выступает дальше пятой шеренги.

Если после всех этих соображений мы еще раз мысленно сделаем общий обзор приведенных нами показаний, то придем к заключению, что пикинеры, как общий принцип, наступали довольно разомкнутыми шеренгами с 3 фут. пространства по фронту на человека, в бою же часто переходили к гораздо более сомкнутому построению. Особенно это имело место в оборонительном бою при отражении кавалерийской атаки. Однако, и при встречном бое двух квадратных колонн, когда атакующая колонна, наткнувшись на противника, задерживалась, и все теснились вперед, в самую первую шеренгу, то первоначальный пустой интервал в 3 фута исчезал, как нам о том сообщают не только некоторые из вышеприведенных писателей-теоретиков, но и как мы можем выявить из хода многих сражений; тогда старались, подобно македонской фаланге, раздавить противника тяжестью своей тесно сомкнутой массы. Такие картины дают нам Черриньола (1503 г.), Ваила (1509 г.), Равенна (1512 г.), Новара (1513 г.), где швейцарцам, в то время как они атакуют ландскнехтов, французские жандармы угрожают с фланга и они ради одного этого должны тесно сомкнуться, Ля-Мотта (1513 г.) и еще Бикокка (1522 г.) и Павия (1525 г.), где колонна нижненемецких ландскнехтов — «черных» — была охвачена, как тисками, обеими колоннами Фрундсберга и Эмбса и, наконец, Черезола (1544 г.). Если колонна смыкалась лишь в последнее мгновение и притом, пожалуй, не вполне равномерно, то она скоро и размыкалась в самом процессе боя, особенно когда противник начинал сдавать и постепенно переходил к преследованию. Здесь не следует схематизировать и итти слишком далеко по пути установления определенных мер, на что нас так легко соблазняет потребность в теоретическом построении. Как бы то ни было, чрезвычайное смыкание, по крайней мере к определенному моменту, подтверждено с полной достоверностью хотя бы легендой о Равенне, согласно которой ловкие испанцы вскакивали на головы ландскнехтов и побеждали их сверху. Такая легенда могла сложиться только в том случае, если и у рассказчиков и у слушателей имелось представление о сплоченной до крайнего предела массе.

Глава IV

Густав Адольф

Завершителем военного искусства Морица был Густав Адольф, который не только воспринял и развил новую тактику, но и положил ее в основу стратегии широкого масштаба.

К концу Средних веков едва не произошло объединение в одно государство Швеции, Дании и Норвегии, подобно тому как около того же времени объединились Кастилия и Арагония. Но шведы воспротивились такому объединению и в борьбе за свою национальную независимость образовали военное государство невиданной дотоле силы. Страна, со включением Финляндии и Эстляндии, насчитывала тогда едва 1 млн. жителей (не более, чем тогдашние курфюршества — Саксонское и Бранденбургское, вместе взятые), но и народ, и сословия,

и король сомкнулись в одно неразрывное целое, в то время как в немецких странах, подчиненных как Габсбургам, так и Гогенцоллернам, вся дееспособность была парализована противоречиями, разделявшими между собою государей и сословия, а простой народ прозябал в тупом безразличии. Королевская власть династии Вазы, не имевшая своим источником феодальное наследственное право, а созданная народным избранием, носила совсем иной характер, чем власть немецких князей, и как королевская власть в Швеции отличалась от власти немецких государей, так и шведские сословия весьма существенно отличались от сословного представительства в остальной романо-германской Европе. Шведский рейхстаг был своего рода профессиональным представительством, не являвшимся носителем чьих-либо прав, а созываемым королем по его усмотрению и для его поддержки. С этой целью король созывал не только дворян, духовенство и бюргеров, но и крестьян, а наряду с ними также и представителей офицеров, судей, чиновников, горняков и других профессий [1]. Последние группы постепенно отпали, а представительство от офицеров объединилось с представительством от дворян, так что образовалось прочное представительство четырех сословий, которые сливались в одних стремлениях с королем и выражали единую волю по отношению к внешнему миру. Вступив 17 лет (1611 г.) на престол, внук Густава Вазы, Густав Адольф довел численность своей армии до 70 000 человек, что в отношении к народонаселению Швеции представляло больший процент, чем выставленный Пруссией в 1813 г. [2].

Надо полагать, что финансовые силы небогатой Швеции подвергались крайнему напряжению для того, чтобы содержать такое войско. Это было бы невозможно в течение продолжительного времени, но война питает войну. Армия содержалась и даже пополнялась из областей, которые она покоряла.

Национальное пополнение армии происходило не только путем добровольной вербовки: при посредстве духовенства составлялись посемейные списки по всей стране всех мужчин старше 15 лет, и набор производился по усмотрению местных властей. Таким образом, шведы были первым народом, который организовал у себя национальную армию. Швейцарцы представляли воинственное народное ополчение, но не армию. Ландскнехты носили специфически немецкий характер, но они ничем не были связаны с немецким государством. Французские банды были слишком ничтожны, чтобы их можно было назвать национальной армией. Испанцы уже больше приближались к этому понятию, в то время как нидерландцы в свою очередь представляли чистейший тип интернациональных наемников. Между тем шведское войско представляло собой вполне сформированный военный организм, служивший для защиты, величия и славы отечества. Народ давал своих сынов в качестве солдат, а офицерский корпус образовался из местного дворянства. Правда, во время войны этот национальный характер не сохранялся полностью: завербовывалось и много чужеземцев, зачис-

---

[1] Fahlbeck, Preussische Jahrbücher, т. 133, стр. 535.

[2] По Дройзену (G. Droysen, Gustav Adolf, т. II, стр. 85), король высадился в Померании с 13 000 человек; у него было в Штральзунде 6 000 человек, подкреплений пришло около 7 000 человек, в Пруссии набрано было 13 600 человек. В круглых цифрах — 40 000 человек. В Швеции, Финляндии, Пруссии и т. д. осталось 36 000 человек. Вся его военная сила состояла из 76 000 человек, из которых 43 000 были набранные национальные войска.

ляли в ряды также значительное число пленных и принимались на службу офицеры не шведского происхождения. Уже когда Густав Адольф отправлялся в Германию, в его войсках было много шотландцев, и чем дольше тянулась война в Германии, тем больше шведское войско постепенно онемечивалось по составу как солдат, так и офицеров.

Войско было дисциплинировано и обучено по нидерландскому образцу. В то время как «в Германии солдаты часто бродят, как стадо быков или свиней», Траупиц в своем «Военном искусстве по королевско-шведскому методу» (1633 г.) поучает, что надлежит равняться по фронту и в глубину и точно соблюдать интервалы. И он и другие писатели описывают нам формы построения, которые вырабатывались и которые часто были настолько искусственны, что в серьезном деле их никак нельзя было бы применить; но самый факт, что ими занимались, свидетельствует о том, что в ходу было чрезвычайно интенсивное строевое обучение.

Шотландец Монро описывает один шотландский полк, который сражался под начальством Густава Адольфа при Брейтенфельде и Люцене: «Целый полк, дисциплинированный, как этот, представляет собой как бы о д н о тело, о д н о движение: уши слышат в одно и то же время команду, глаза поворачиваются одним движением, руки работают, как одна рука».

Рюстов в своей «Истории пехоты» начертил чрезвычайно наглядную картину «шведского боевого порядка». Каждый полк состоит из пикинеров и мушкетеров; тактическое построение называется «бригадой»; она основана на плоском, в шесть шеренг глубиною, линейном построении, причем отряды пикинеров и мушкетеров чередуются между собою; проблема прикрытия мушкетеров пикинерами разрешается тем, что мушкетеры, при угрозе кавалерийской атаки, отступают за линию пикинеров, а образовавшиеся таким образом промежутки заполняются отрядами пикинеров, стоящих позади первой линии и образующих вторую линию.

Однако, эта картина при точном сравнении не подтверждается теми цитатами, которые приводит Рюстов, а другие сообщения гласят о совершенно ином. Да и по существу представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы перед лицом надвигающейся неприятельской атаки мушкетеры успели отступить за шеренги пикинеров, стоящих рядом с ними, а выдвинутые из второй линии пикинеры смогли вновь замкнуть разрывы фронта. Сверх того, мушкетеры второй линии оказываются настолько закрытыми первой линией, что не могут использовать своего оружия, и не видно, как и где они могут быть вообще применены к делу.

Впрочем, я отказываюсь углубляться в возникающие при этом вопросы (ср. ниже экскурс), так как они носят чисто технический характер; вопрос военно-исторического и всемирно-исторического значения не ставится этим под какое-либо сомнение, он сводится к большому числу мушкетеров, какое мы уже видели в войсках Морица, связанному с усовершенствованием их оружия. Вес мушкетов настолько уменьшается, что можно обойтись уже без сошки. Это означает ускорение стрельбы. Все еще продолжают держаться того взгляда, что одни мушкетеры без пикинеров не могут противостоять кавалерийской атаке. Однако, в противоречии с этим, существуют уже полки, составленные из одних мушкетеров, и уже в 1630 г. Неймайер фон-

Рамсла писал в своих «Воспоминаниях и правилах военного дела»[1]: «Длинные пики представляют скорее ослабляющий войну элемент, чем ее нерв. Ружья защищают пики»[2].

Один шотландец, участник сражения при Брейтенфельде, подполковник Мескамп, командовавший батальоном мушкетеров, следующим образом описывает пехотный бой[3]: «Сперва я велел стрелять из трех небольших орудий, которые я поставил перед собою, и не разрешил своим мушкетерам дать ни одного залпа, прежде чем мы не подошли на расстояние пистолетного выстрела к неприятелю; тогда я скомандовал залп трем первым шеренгам, а затем и трем следующим. После этого мы ворвались в их ряды, нанося им удары мушкетами и саблями.

«Неприятель, хотя мы уже вступили с ним в рукопашную, дал, однако, два или три залпа из мушкетов. В начале нашей атаки четыре бойких эскадрона кирасир, шедших впереди неприятельской пехоты, повели атаку на наши колонны пикинеров; они близко к ним подъезжали, давали по ним один или два пистолетных залпа и перестреляли всех шотландских знаменосцев, так что сразу рухнуло на землю много знамен. Наши им здорово отплатили. Один их храбрый командир, весь в красном, с золотым шитьем, как раз оказался перед нами; мы видели, как он лупил собственных людей саблей по голове и по плечам, подгоняя их, так как они не хотели итти вперед. Этот господин протянул бой более чем на час, но когда он пал, мы видели, как их пики и значки попадали одни на другие, и все его люди бросились бежать, а мы их преследовали, пока ночь нас не разлучила».

Такое же картинное изображение пехотного боя находим мы в другом английском источнике, в биографии короля Якова II. Здесь мы читаем[4]: «Когда королевская армия (при Эджигле, 1642 г.) подошла к неприятелю на расстояние мушкетного выстрела, пехота с обеих сторон открыла огонь. Королевские войска двинулись вперед, а бунтовщики остались на своих местах, так что они настолько сблизились, что некоторые батальоны могли наносить удары пиками, особенно гвардейский полк лорда Уиллугби и некоторые другие. Сам лорд Уиллугби убивает пикой одного офицера из полка лорда Эссекса и ранит другого. Раз пехота так горячо и близко сошлась, можно было ожидать, что одна из сторон обратится в бегство и рассеется; однако, дело приняло иной оборот, ибо обе стороны, словно по обоюдному соглашению, отступили на несколько шагов, плотно воткнули свои значки в землю и продолжали стрелять друг в друга вплоть до самой ночи — явление столь изумительное, что никто ему не поверил бы, если бы при этом не было столько свидетелей.

Даже после введения линейного построения пехоты огневой бой производился в первое время еще в форме караколе; линию мушкете-

[1] Jähns, II, 952.

[2] Монтекуколи в своей записи за 1673 г. (Соч., II, 672), собственно, не признает правильным прежнее соотношение $^2/_3$ мушкетеров на $^1/_3$ пикинеров. Чтобы в сражении прикрывать мушкетеров, требуется большее число пикинеров, ибо без последних первые будут опрокинуты кавалерией; так, например, было под Ленсом, где Конде победил герцога Лотарингского. При Брейтенфельде Гольштинский полк держался благодаря своим пикам, пока его не сломила артиллерия. То же говорит он (II, 223): «Соотношение $^2/_3$ к $^1/_3$ лишь потому представляется приемлемым, что во многих случаях, помимо сражения, мушкетеры пригоднее пикинеров.

[3] «The Swedish discipline» и у Фёрта (Firth, Cromwells Army, стр. 105).

[4] По Фёрту, стр. 104.

ров разделяли на несколько групп, между которыми оставлялись проходы. После того как первая шеренга дала залп, она через проход отходила назад, чтобы зарядить свои мушкеты, в то время как вторая становилась на ее место, чтобы, в свою очередь, дать залп, и т. д. При продвижении вперед выворачивали, так сказать, караколе наизнанку: шеренга, давшая свой залп, оставалась на месте, а последующие выходили вперед. Дошли и до того, что стреляли одновременно две шеренги и затем обе отходили назад. Чтобы проделывать это без длительных пауз, требовалась большая быстрота заряжания. Шотландцы при Брейтенфельде довели свой шестишеренговый строй до трех шеренг путем вздваивания их; передняя шеренга становилась на колено, и все три давали одновременные залпы. Так как нельзя предполагать, чтобы первоначальное построение было настолько широко, чтобы можно было непосредственно произвести вздваивание, то, надо полагать, было достаточно и пространства и времени, чтобы прежде разомкнуться [1].

Колонны пикинеров стали слишком малы для нанесения прежнего, увесистого, сокрушительного удара. Но не только это. Развитие кавалерийской тактики сказалось и на них.

Теперь стало не трудным делом для способных к маневрированию кавалерийских эскадронов зайти во фланг наступающей колонне пикинеров и атакой с двух сторон приостановить наступление. А тогда беззащитная колонна пикинеров подвергалась пистолетному обстрелу рейтаров. Таким образом, пикинеры опустились до роли вспомогательного рода войск при стрелках.

Густав Адольф увеличил количество огнестрельного оружия не только в пехоте, но в такой же мере и в артиллерии. Дело шло о введении новой системы очень легких орудий, обтянутых кожей и потому прозванных кожаными пушками. Когда они были конструированы и как долго ими пользовались — не установлено в точности. Как бы то ни было, шведский король при Брейтенфельде располагал многочисленной легкой артиллерией [2].

В-третьих, Густав Адольф преобразовал и кавалерию.

Мы видели, как образовалась кавалерия в XVI в., причем старые рыцарские элементы с их конными вооруженными слугами были сгруппированы в сплоченные единицы, а пистолет с караколирующей стрельбой стал применяться как главное оружие. Это упразднило самую сущность собственно кавалерийской атаки. Нидерландцы, уменьшившие глубину эскадронов до 5—6 шеренг, все же сохранили караколирующую стрельбу как боевой прием. И вот Густав Адольф предписал, чтобы кавалерия строилась только в три шеренги и в галоп атаковала бы неприятеля холодным оружием, причем только первые две шеренги имели право дать в упор по одному выстрелу. Валленштейн после сражения при Люцене также воспретил караколирование [3].

---

[1] Firth, Cromwells Army, стр. 98, по «Swedish Intelligenzer», I, 124.

[2] О кожаных орудиях см. Gohlke в «Zeitschrift für historische Waffenkunde», IV, 392. Feldhaus, стр. 121. Кожаные орудия (Leder-Stücke) упоминаются также в стихотворном введении к «Kriegsbüchlein» цюрихца Лафатера, 1644 г.: «Они не привезены в Цюрих, а наоборот, от нас — туда».

[3] Письмо к Альдрингеру от 2 января 1633 г. Förster, Wallensteins Briefe. Указание Даниэльса, Geschichte des Kriegswesens, V, 12, будто уже Генрих IV французский требовал, чтобы эскадроны давали из своих пистолетов только один залп, а потом атаковали бы холодным оружием, должно быть, основано на недоразумении; я об этом не нашел никакого следа в источниках; для этого не-

Состояние дисциплины в армии Густава Адольфа и вообще в армиях, принимавших участие в Тридцатилетней войне, требует еще дальнейшего исследования. С одной стороны, бесспорно установлено, что войска жестоко утесняли страну и ее население, с другой — что чисто военная дисциплина была поставлена лучше и строже, чем у ландскнехтов. Это уже являлось естественным последствием постоянного пребывания солдат под знаменами, а полководцы, со своей стороны, принимали меры, чтобы подтянуть вожжи. О Густаве Адольфе сообщают, будто он изобрел наказание — прогонять сквозь строй (шпицрутены), для того чтобы иметь возможность налагать тяжкие наказания, не теряя наказанного солдата. Телесное наказание, выполняемое палачом, лишало солдата чести, и товарищи уже не терпели его в своей среде. Прогоняя его сквозь строй, его наказывали сами товарищи, что не считалось бесчестьем[1].

Подобно тому как в римском войске поклонение капитолийским богам шло рука об руку с строжайшим осуществлением карательной власти, так и Густав Адольф строил мораль своих войск не только на начальственной власти командиров, но и на развитии в своих войсках религиозного чувства. Его армия была создана, как мы видели, на национальном шведском фундаменте и в еще большей мере была пропитана специфическим протестантско-лютеранским настроением. «После победы под Виттштоком, — подробно повествует нам англичанин-очевидец,—генерал Банер велел совершать трехдневное благодарственное богослужение, заменив при этом звуки органа барабанным боем, игрою на флейтах и трубах, ружейными залпами и громом орудий»[2].

Чем были Канны для Ганнибала, тем было сражение при Брейтенфельде для Густава Адольфа: победой искусства над безусловно имевшейся налицо высокой, но чересчур неуклюжей боеспособностью. Даже во многих отдельных моментах боя мы находим аналогию между Каннами и Брейтенфельдом. Ниже мы даем среди ряда сражений подробное описание этого решающего момента мировой истории, которое наглядно изобразит нам новое шведское и старое испанское военное искусство в их взаимном столкновении. Густавом Адольфом, как стратегом, мы займемся ниже в общем изложении последовательного хода развития стратегии.

В заключение приведем замечательную характеристику шведского короля, которую оставил нам Филипп Богуслав Хемниц (т. 4, часть I, гл. 60).

Он неоднократно проявлял надлежащую заботу не только о королевском достоинстве и власти, но и о благе государства и подданных,

---

доставало еще объективных данных — более строгой дисциплины. О сражении при Иври, последнем крупном сражении Генриха IV, Давила утверждает категорически, что его эскадроны караколировали.

[1] Это объяснение передал нам английский военный писатель Тернер, и оно имеет своим источником рассказы английских офицеров, служивших в войске Густава Адольфа. Заимствую цитату из Firth, Cromwells Army, стр. 289. Приведенные у Маркса (Marx, Coligny, стр. 56) и у Гобома (Hobohm, Machiavelli, II, 373, 385), места, как бы подтверждающие более раннее появление шпицрутенов, особенно из книги Bouchet, Preuves de l'historie de l'illustre maison de Coligny (1642), стр. 457, основаны на неверном переводе; «пропускать через пики»— passer par les piques есть упомянутый выше, стр. 52, «суд длинных пик». Правда, La Curne de St. Palaye, Dictionnaire de l'ancien langage français, т. 8, толкует это выражение: бить древками пик. Я считаю это неверным; пики для этого были слишком длинны.

[2] Firth, Cromwells Army, стр. 321.

каждого в отдельности и всех вместе; он с корнем вырывал все поводы к внутреннему возмущению и раздорам и удивительным образом соединял и связывал между собою две различные, да и почти противоположные вещи, а именно — свободу подданных и величие верховной власти.

«Далее, в военном деле, насколько он превзошел в славных деяниях бывших до него высоких военачальников, настолько же он затмил их в познании военного искусства и в учреждении доброго порядка: так что все его деяния надо приписать не одному только слепому счастью, но изумительной доблести, высокому разуму и доброму руководству. Удачно направить армию на неприятеля, без ущерба снова отвести ее от противника, с удобством расположиться в поле и быстро обеспечить армию укрепленным лагерем, — все это он умел делать мастерски: едва ли кто мог бы его превзойти в укреплении какого-либо места или в «атакировании» его; никто лучше его не мог судить о враге, ориентироваться в непредвиденных случайностях войны и экспромтом (aus dem Stegreif), наспех, сообразно с условиями времени или внешним обликом неприятеля, принимать полезные для дела решения; в организации сражения он не имел равного. Его принципом в отношении кавалерии было не допускать хитросплетений, не ведущих прямо к цели, заездов и караколе; он строил ее в три шеренги, прямо устремлял на неприятеля, ударял на него и позволял стрелять не более как двум первым шеренгам, лишь на таком расстоянии, когда они различали белки глаз противника; после этого они должны были браться за палаши, а последняя шеренга должна была ударить на врага одними лишь палашами, приберегая оба пистолета (первые шеренги только один пистолет) про запас для рукопашной схватки. Пехота была разделена в порядке на полки и роты, роты — на взводы и отделения, и каждое отделение имело своего старшего и младшего отделенного; каждый рядовой солдат и без указания офицера уже наперед знал, на каком месте он должен стоять и сражаться. А так как король нашел, что в глубоких колоннах, какие строили на старый лад, спереди стоящие мешали сражаться задним, а также что они несли большие потери от огня пушек, то строил он свою пехоту не больше как по 6 человек в глубину. Когда же дело доходило до боя, пехота вздваивала шеренги так, что уже стояло по 3 человека в глубину. Благодаря этому неприятельские орудия оказывали меньшее действие, а оружием против неприятеля могли пользоваться как передние, так и задние: первая шеренга стреляла с колена, вторая — пригнувшись, а третья — стоя во весь рост: одни — через плечи других. Он изобрел особый способ строить пехоту так, чтобы мушкетеров прикрывали пикинеры, а последних, в свою очередь, поддерживали первые; подобно тому как взводы поддерживали друг друга, так и каждая бригада, как небольшая подвижная крепость, имела свои куртины и фланги, которые друг друга защищали и поддерживали перекрестным огнем. Так стояли и бригады в различных линиях и на достаточной дистанции друг от друга, рядом и одна за другою; с флангов же и с тыла они были ограждены рейтарами, а последние были перемешаны с откомандированными к ним мушкетерами, так что одни могли отступить за других и одни могли притти на выручку к другим. Изобретение рогаток, хотя шведская армия таковых и не держала при себе в немецких войнах, дало королю большое преимущество над многочисленной и бешеной польской конницей. Кожаные орудия он также с успе-

хом использовал против поляков в Пруссии, а впоследствии ему пригодились во время немецкой войны короткие, легкие полковые пушки с широким дулом, из которых больше стреляли по неприятелю картечью и дробью, чем ядрами. Действие их особенно ощутили войска Тилли, разбитые под Лейпцигом, благодаря чувствительному урону, который эти орудия им нанесли.

«Вообще на войне он был героем не только в совете, но и на деле. При обсуждении — осторожный, в решении — быстрый; сердцем — бесстрашный, духом — смелый, в рукопашном бою — отважный; всегда готовый и командовать и сражаться и в облике своем — истинный образец не только высокопроницательного главнокомандующего, но и храброго, бесстрашного солдата. Ему даже многие это ставили в укор; но упрекавшие его или не знали, или недостаточно обдумали, что его презрение ко всякой опасности и даже к самой смерти исходило от любви к отечеству; и если даже оно переходило всякие границы и, таким образом, превозмогло всякие человеческие недостатки и слабости, — то все же оно является свойством великих героев, на которые никогда не может быть способна мелкая, подлая душа».

ШВЕДСКИЙ БОЕВОЙ ПОРЯДОК

Мы, казалось бы, хорошо осведомлены относительно шведской пехотной тактики. Помимо сведений, помещенных в «Европейском театре» («Theatrum Europaeum») и у Хемница, мы располагаем двумя специальными сочинениями: «Шведское войско» («Arma Suecica») Арланибэуса (1631 г.) и «Военное искусство по методу шведского короля» Траупица[1] (1633 г.) и 20 чертежами построений в сражениях 1630—1632 гг., исполненных собственноручно самим королем, опубликованных в Архиве шведской военной истории, т. I (1854 г.). Однако, в этих источниках нет согласованности.

По расчетам Рюстова, бригада состоит из 576 пикинеров и 432 мушкетеров. Между тем, Траупиц говорит, что у шведов на $^2/_3$ мушкетеров приходилось $^1/_3$ пикинеров, и полемизирует весьма пространно против тенденции численно уравнять оба рода войск, хотя он и на этот случай дает свои правила.

Это противоречие между изложением Рюстова и показаниями Траупица можно было бы примирить предположением, что при построении бригады часть мушкетеров не используется. Сам Рюстов это допускает. Тем не менее разница в числах слишком велика, чтобы она могла быть сглажена этим компромиссом.

Далее, впрочем, не согласуются также и чертежи. На чертежах самого короля перед главным фронтом бригады выдвинуты две колонны, одна за другой. То же изображение наблюдается и у бригад Горна в их первоначальном расположении на плане Брейтенфельдского сражения в «Европейском театре» («Theatrum Europaeum»). Что означают эти колонны — пикинеры ли это, или мушкетеры? По этому поводу я еще не пришел к обоснованному заключению.

Траупиц делит роты (вместе с офицерами 156 человек) на три взвода (Squadronen) по 48 человек в каждом — 6 человек в глубину и 8 по фронту: в середине — взвод копейщиков, справа и слева — по взводу мушкетеров. Между взводами интервалы, ширина которых, правда, определяется лишь в «3 или 4 длинных локтя», но в которых, однако, на линии задней шеренги устанавливается

[1] Kriegskunst nach königlicher schwedischer Manier eine Compagny zu richten, in Regiment, Zug- und Schlachtordnung zu bringen, zum Ernst anzuführen, zu gebrauchen und in esse würklich zu unterhallten. Durch Laurentium a Traupizen, Frankfurt am Mayn, 1633. Университетская библиотека в Геттингене. Как в предисловии, так и в заключении обещается продолжение этого сочинения, в котором вместо роты должен был быть рассмотрен боевой порядок армии.

по два орудия, что по пространству представляется почти невыполнимым. Но наличие самых орудий имеет большое значение.

Против кавалерии выдвигается взвод пикинеров, но мушкетеры не укрываются за ним, а лишь стоят на некотором расстоянии позади.

Все колонны, как одиночные, так и составленные из трех частей, в тексте «Европейского театра» («Theatrum Europaeum») всегда обозначаются как «четыре значка пехоты». Разница между чертежом Густава Адольфа и «Theatrum Europaeum» заключается в том, что в последнем выдвинутые вперед колонны по фронту гораздо короче.

В первой линии совершенно ясно видно, что колонны составлены по всему фронту вполне равномерно из пикинеров, имеющих на обоих флангах стрелков. Так как колонны изображены весьма глубокими, то стрелки являются маскировкой (Umkleidung).

На чертежах короля интервалы между отдельными войсковыми частями изображены большей частью небольшими, местами же они широки.

Первое построение для боя под Штетином несколько напоминает построение богемцев при Белой горе. Повидимому, за основу взят общий образец. Но у Густава Адольфа кавалерия не распределена между пехотой, а стоит на флангах.

Траунпц (стр. 28—45) описал и начертил 5 (собственно говоря, 6) боевых порядков, которые рота должна уметь развернуть из нормального построения. Каждое рассчитано на определенный тактический случай; командиру надо только скомандовать: «Стройся, неприятель приближается своей пехотой, кавалерией, всеми своими силами и т. д.!». Тогда младшие командиры отдают соответственные команды, чтобы принять заученное для данного случая построение.

Отдельные эволюции детализированы с большой точностью: не только взводы, но и полувзводы перемещаются в отдельности.

Из описания шведской тактики («Arma Suecica») Арланибэуса, 1631 г., единственно, что можно почерпнуть, это то, что все роды войск друг друга поддерживают, что построение стрелков — не глубокое, что их прикрывают как пикинеры, так и кавалерия.

Как преимущество такого боевого построения восхваляют не столько его наступательную силу, сколько его неприступность.

Глава VI

Кромвель

Может возникнуть вопрос: следует ли отводить в истории военного искусства особое место Кромвелю, так как нельзя утверждать, чтобы в цепи прогрессирующего развития этого искусства какое-либо звено носило его имя. Все же он настолько крупный военачальник, и армия его представляет настолько своеобразное и значительное явление, что обойти их молчанием невозможно [1].

[1] О Кромвеле, как об организаторе войска, в роли которого он нас главным образом интересует, исчерпывающие сведения нам дает превосходная книга C. H. Firth, Cromwells Army, Лондон, 1902 г. Пространное сочинение Фрица Хёнига (Fritz Hoenig, Oliver Cromwell, Берлин, 1887 г.) далеко уступает вышеназванной книге. Ср. рецензию в «Historische Zeitschrift», т. 83, стр. 482 и «Historical Review», т. 15, 1889 г., т. 19, стр. 599. Выдающийся талант Хёнига достиг своего полного развития лишь в позднейших его сочинениях.

В Средние века, как мы видели, Англия, благодаря своей строго централизованной монархии, создала весьма действенную военную организацию. В войнах Алой и Белой розы эта военная организация, так сказать, сама себя истребила. Крупные роды кондотьеров друг друга уничтожили. Династия Тюдоров, положившая конец гражданской войне и установившая почти неограниченный деспотизм, опиралась не на военную мощь, а на утонченную полицейскую организацию.

Уже имелись зачатки постоянной вербованной армии, предназначенной главным образом держать в повиновении ирландцев, но развиваться она не могла, так как парламент, опасаясь дальнейшего укрепления королевского деспотизма, не отпускал на нее денег.

Очень важно было бы притти на помощь немецким протестантам во время Тридцатилетней войны. Но подобно тому как Елизавета, щадя своих подданных от новых налоговых обложений, оказывала лишь слабую поддержку Нидерландам в их борьбе с Испанией, так и ее наследники не вмешивались в дела Германии, хотя именно в надежде на эту поддержку чехи и выбрали себе в короли курфюрста Пфальцского, зятя английского короля Якова. Однако, Англия ограничилась посылкой нескольких вспомогательных отрядов, снаряженных на добровольно собранные деньги.

Для защиты страны и поддержания порядка существовала известная нам уже в Средние века милиция (т. III, кн. 2, гл. 5). Каждое графство формировало соответственную своим размерам воинскую часть, организованную по-военному и снабженную командным составом. Оружие хранилось в специальных цейхгаузах; иногда производились учения: для таковых в каждый летний месяц выделялось по одному дню. Однако, эта милиция называлась, как говорили, «обученным войском» (trained bands) скорее потому, что она должна была обучаться, чем потому, что она действительно обучалась. Ее боевая ценность была так же ничтожна, как и боевая ценность ополчения многих немецких областей, в чем мы могли убедиться.

К тому же, по закону, ими не только нельзя было пользоваться за пределами королевства, но, по возможности, даже и за пределами собственного графства. В течение 150 лет Англия хотя и вела порой войны, но не могла похвалиться какими-либо боевыми достижениями. Правда, подобно Франции и Германии, и в английском дворянстве продолжали жить воинственные традиции предков, но теперь уже нельзя было вести победоносных войн при помощи рыцарского ополчения, — а если вербовали наемных солдат, то им недоставало той традиции, которая придавала ценность немецким ландскнехтам. Будучи сильнейшей из всех протестантских стран, Англия, за отсутствием военной организации, не могла играть значительной роли в европейской политике ни в течение гугенотских войн, ни в борьбе за независимость Нидерландов, ни в Тридцатилетней войне, в которой, наконец, руководящую роль взяла на себя Швеция, несмотря на незначительность своих материальных сил.

Отсутствие настоящей военной организации, естественно, дало себя остро почувствовать в гражданской войне. Как сторонники Карла I, собравшиеся вокруг него, так и ополчение парламента были недостаточно сплочены, несмотря на все свое рвение, чтобы добиться крупных решительных успехов. С обеих сторон под оружием было от 60 000 до 70 000 человек, но бо́льшая часть войск была использована в качестве гарнизонов в городах и укрепленных замках, так что

в решительных боях в открытом поле принимало участие не более 10 000 или 20 000 человек. С обеих сторон были офицеры и солдаты, ранее служившие в нидерландских или шведских войсках и принимавшие участие в сражениях Тридцатилетней войны. Формы, выработанные там, были теперь перенесены в Англию, но прошло несколько лет, прежде чем с ними сжились массы, так что сама война, как это имело место и раньше (например во время гусситских и позднее французских революционных войн), породила подлинную армию.

Эта эволюция армии, замена рыхлых ополчений гражданской милиции и добровольцев квалифицированной армией — главным образом дело рук Кромвеля, а всемирно-исторической личностью делает его то, что он сумел эту созданную им армию использовать тактически и вести стратегически. В качестве члена парламента он внес предложение, чтобы высшее командование милицией было передано из рук короля в руки парламента; когда из-за этого предложения возгорелась гражданская война, он, имея от роду 43 года, дал назначить себя ротмистром и сформировал в своем графстве эскадрон. Раньше он не был солдатом. Когда парламентское войско в первом более крупном столкновении при Эджгиле (23 октября 1642 г.) потерпело неудачу, он во время отступления сказал Гемпдену: «Ваши войска состоят большею частью из старых, одряхлевших лакеев, кабатчиков и тому подобного сброда. Войска же противника — это сыновья дворян и знатные молодые люди. Неужели вы воображаете, что мужество таких низких малых, как ваши солдаты, когда-нибудь может потягаться с мужеством людей, у которых сердца преисполнены честью, отвагой и решимостью? Вы должны постараться набрать людей, преисполненных единым духом и, — не примите за обиду то, что я вам скажу, — духом столь же высоким, как и дух дворянина». «Людей чести должны победить люди религии»,— добавил он, а где таковых отыскать, ему было известно. В другой раз он сказал: «Во главе стоят не те люди: голоса адвокатов значат больше в войне, чем голоса военных».

В этом духе он сформировал сперва свой эскадрон, а за ним и полк, и в 1645 г., следовательно, на четвертый год войны, было решено создать по этому образцу новую полевую армию. До тех пор, собственно, настоящей единой парламентской армии не существовало, а было несколько войсковых групп, содержавшихся отдельными графствами или несколькими объединившимися графствами. Наиболее сильное из этих объединений, состоявшее из нескольких восточных графств, уже примкнуло к Кромвелю и его графству и составило теперь ядро для «новой модели». Парламент обещал этой новой армии регулярную выплату жалованья уже не от графства, а из государственной казны. Хотя численность этого войска не превосходила каких-нибудь 20 000 человек, однако наличного состава для создания новой армии нехватало, и общинным управлениям было предложено доставить необходимые пополнения путем набора.

До этого времени войска с той и другой стороны были приблизительно одинакового достоинства: в обоих лагерях были офицеры, раньше служившие у нидерландцев и у Густава Адольфа; и с той и с другой стороны офицерский корпус состоял из дворян. То, что в парламентской армии со временем и некоторые рядовые солдаты были произведены за отличие в офицеры, в общем, не составляло существенной разницы. Из 37 полковников и генералов и в новой армии 9 были лордами, 21 — провинциальными дворянами и только 7 — буржуазного

происхождения; лишь в позднейшие годы на места дворян, взявшихся за оружие из-за политических и религиозных убеждений, выдвинулись профессиональные военные. Поэтому разницу между обеими армиями не следует искать в противопоставлении аристократического и демократического начала. Названия «кавалеры» и «круглоголовые», которые объяснялись будто бы пренебрежением к локонам, красе тогдашней знати, вводят в заблуждение. Портреты предводителей и офицеров «круглоголовых», например Кромвеля и др., изображают украшенными локонами. Только в начале гражданской войны пуритане выступили с остриженными волосами, словно они принимали участие в походе, как пишет один современник, лишь до той поры, пока у них снова не отросли волосы.

В первые годы во главе революционных войск стояли выдающиеся члены парламента — графы Эссекс и Манчестер. Создавая новую армию, создали и новое верховное командование. Парламентские генералы вели войну все время в предвидении того, что, в конце концов, они все-таки придут к соглашению с королем. Граф Манчестер говорил: «Хотя бы мы девяносто девять раз победили короля, все же он — король, и его потомки тоже будут королями; но стоит королю нас победить хотя бы один только раз — и мы будем повешены, а наши потомки обратятся в рабов». Теперь был издан закон — «Акт самоотречения», согласно которому члены парламента больше не должны были занимать начальственных постов в армии. Ведение войны должно было, так сказать, быть отделено от политики. Парламент назначал верховного главнокомандующего, и на этот пост был избран генерал Томас Фэрфакс. Последнему было предоставлено право с своей стороны назначать всех офицеров, полковников и капитанов, но с согласия парламента. Если бы Кромвель был заурядным человеком, это мероприятие окончательно закрыло бы ему все перспективы на будущее, ибо, как член парламента, он был бы вынужден сложить с себя свою должность в армии, в которой тем временем он дошел до звания генерал-лейтенанта. Но результат получился обратный. Авторитет Кромвеля среди войск был так велик, что к нему не решились применить «Акт самоотречения», Фэрфакс же был лишь солдат, натура аполитическая. То обстоятельство, что Кромвель оставался одновременно и в парламенте и в армии, дало ему такое влияние на Фэрфакса, который на 12 лет был моложе его, что последний передал ему в руки фактическое руководство, хотя Кромвель и занимал лишь второе место.

Армия нового образца окончательно утратила характер гражданского ополчения; она образовала строго дисциплинированную, чисто военную корпорацию. Основой же дисциплины служила религия. Не следует при этом упускать из виду, что армия, по сравнению со всей массой населения, была весьма мала. Она представляла корпорацию единомышленников, в одно и то же время — войско и секту. Ее не без основания сравнивали с крестоносцами и с рыцарским орденом. Поэтому английская революционная армия представляла собой нечто совсем иное, чем позднейшая французская революционная армия; не походила она также и на немецких ландскнехтов. Сходство с первой заключалось в объединении одной религиозно-политической идеей, а отличие — в том, что она представляла не массовый набор, а отбор. С другой стороны, воинский дух новой армии сближал ее с ландскнехтами; но у ландскнехтов мы видели воинственность низшего

порядка, животную храбрость, без каких-либо идейных устремлений, в то время как в армии индепендентов мы видим воинственный дух на службе идеи. Во французских гугенотских войнах дело не дошло до образования замкнутого войска, вроде армии Кромвеля. Войска во время этих войн, то и дело прерывавшихся мирными договорами и перемириями, носили характер дворянских и буржуазных ополчений и банд наемных солдат.

Кавалерия в армии Кромвеля, так же как и в армиях конца Тридцатилетней войны, составляла от одной трети до половины всего ее состава. Большинство солдат имело собственных лошадей и собственное снаряжение. Они получали такое большое жалованье, что могли жить как джентльмены, и между ними было много образованных людей, которые смотрели на свою службу как на хорошее положение.

«Наши солдаты, — сказал как-то старый офицер-роялист офицеру из пуритан, — были подвержены человеческим грехам: пьянству и распутству, а ваши — грехам сатанинским: духовной гордыне и духу возмущения».

Так как офицеры не избирались, а назначались, то принцип авторитета был строго обеспечен. «Когда я приказываю, каждый повинуется или немедленно увольняется, — писал однажды Кромвель, — я не терплю возражений от кого бы то ни было». «Одинаковая форменная одежда, — об этом в данном случае и шла речь, — необходима, ибо из-за различия в обмундировании нередко наши люди наносили удары своим»[1]. Авторитет строго поддерживался на высших командных постах. Хотя командующий часто созывал на военный совет своих полковников, но он не считал себя связанным их решением, а отдавал свои распоряжения по собственному усмотрению.

Военная дисциплина, опиравшаяся, по выражению Кромвеля, «на страстность и истинность веры», использовалась для того, чтобы путем учений и упражнений образовать из всадников крепкие, сомкнутые тактические единицы. Граф Эссекс в начале гражданской войны считал возможным отказаться от основательной муштровки милиции, лишь бы солдаты понимали и знали самое необходимое. Кромвель, наоборот, требовал обратного: надо не только производить надежных людей в капитаны, но и давать им время обучить своих солдат.

У конницы, служившей королю, тоже не было недостатка в храбрости, а в лице принца Рупрехта Пфальцского, сына «зимнего короля» и племянника короля Карла I, последний имел весьма ценного кавалерийского генерала, прошедшего школу Тридцатилетней войны. Эссекс одно время потерял надежду, что ему когда-либо удастся образовать кавалерию, равную королевской. Превосходство, которого, наконец, достигли «железнобокие» (ironside) Кромвеля, основано было не только на их храбрости, но и на дисциплине, дававшей возможность вождям тотчас после атаки снова их собрать.

Хёниг (II, 2, 435) установил, что во всех четырех кампаниях принца Рупрехта, до конца его кавалерийской карьеры под Нассби, постоянно повторяется та же ошибка: всадников после атаки не собирают, — и он делает из этого вывод, что принц Рупрехт не понимал всего значения этого требования. Но так ли это? Какой же это кавалерийский генерал, которого не научил бы неоднократно повторявшийся опыт тому, как необходим сбор после атаки, как опасно беспорядочное

[1] Согласно Хёнигу, II, 2, 269, приказ этот был отдан еще в 1643 г.

преследование, или — того хуже — погоня за добычей? Не могу я отказать в таком понимании принцу Рупрехту. Но ведь дело не только в понимании. Есть еще вопрос военного воспитания — дело чрезвычайно трудное, требующее огромного морального напряжения, с которым пуритане, благодаря импульсу, который давали им их религиозные стремления, справились, а королевские — нет. Вот это-то различие между двумя кавалериями и решило исход сражений при Нассби и Марстонмуре; правда, при Нассби, вопреки прежним взглядам, парламентское войско имело к тому же и большое численное превосходство [1].

От описания отдельных кампаний и сражений Кромвеля я могу отказаться: оригинально в нем было не столько то, как он вел свою армию, сколько описанный нами способ ее сформирования. Впрочем, в дополнение отметим несколько интересных частностей, которые касаются всего военного дела той эпохи.

В момент возникновения гражданской войны пикинеры и мушкетеры стояли еще рядом. Твердо установленной схемы, как их надлежит размещать во взаимной связи, я в источниках не нашел. Неоднократно упоминается, что пикинеры отразили кавалерийскую атаку или что сшибались между собою их батальоны. Как на континенте, так и здесь мушкет начинает одолевать пику. Нередко упоминается о том, как в рукопашном бою мушкетеры пользовались своим оружием как палицей. Существенным моментом для постепенного продвижения мушкета на первое место Фёрт считает (стр. 108) большую способность мушкетеров к походным движениям, так как они не носили панцыря. В первые годы гражданской войны самые длинные дневные переходы не превышали 10—12 английских миль, наиболее форсированный переход достигал 13 миль, следовательно, все же меньше 20 *км*. Впоследствии, когда отказались от панцырей, дневные переходы стали удлиняться, но все же едва достигали 3 немецких миль, или около 23 *км*.

Окончательно англичане отказались от пик лишь в 1705 г.

В начале гражданской войны еще пользовались сошками для мушкетов, но в «армии нового образца» они уже были упразднены.

В первые годы гражданской войны перед каждым сражением объявлялся боевой признак отличия и боевой клич, дабы солдаты обоих лагерей могли друг друга отличать. Под Эджгилем парламентские войска носили оранжевые перевязи, под Ньюбери — зеленые султаны на шляпах, при Марстонмуре — кусок белой материи или лоскут белой бумаги на шляпе. Так как такой значок легко мог потеряться в свалке сражения, введен был и боевой клич, как, например, «С нами бог» (подобно шведам при Брейтенфельде), или у противной стороны при Марстонмуре: «Бог и король».

Еще во время войны Кромвель ввел однообразное обмундирование — красный мундир, который с тех пор оставался форменной одеждой английских солдат в течение 2½ столетий.

У англичан было обыкновение итти в атаку с громкими криками; шотландцы же молча наступали на врага. Монро смеется над имперцами, кричавшими при атаке: «Са, са, са»; они-де наступают, как турки,

[1] Согласно подсчету У. Д. Росса, сообщаемому в «Historische Zeitschrift», 63, 484 (1889 г.), парламентское войско насчитывало 13 500 человек; из них 7 000 пехоты, а королевское — 8 000, наполовину — кавалерия, наполовину — пехота. Ср. Firth, стр. 111

словно криком можно испугать храбрых солдат. Датчане и шведы тоже наступали молча[1].

Раз своеобразный характер пуританской армии придавала ей ее религиозность, а дело Кромвеля заключалось в использовании этого религиозного духа для создания военных форм и осуществления военных предприятий, то нельзя умолчать и о том, как этот характер армии, в свою очередь, отражался на политике.

Военное командование сперва было в руках Фэрфакса, а затем — заступившего его Кромвеля. Если военные вопросы принимали характер политических, то решение выносил совет офицеров, а когда в 1647 г. армия восстала против парламента, то и рядовые избирали «агитаторов» — солдатский совет, который должен был отстаивать их интересы. Парламент хотел дать стране пресвитерианскую церковную конституцию, которая обеспечивала бы власть господствующих классов над страной при помощи церковной дисциплины[2].

Этому воспротивилась армия. В ней бродили, в противоположность аристократическому характеру традиционной парламентской конституции, демократические идеи. Духовному авторитету пресвитерианцев в такой же мере не хотели подчиняться, как и авторитету епископов, и отстаивали идею отделения церкви от государства, свободное образование сект, идею индепендентов. Наконец, выступил на сцену корпоративный дух армии; парламент хотел распустить армию после того как она выполнила требуемое и разбила короля. Полки же не хотели быть распущенными. Офицеры еще готовы были итти на какое-нибудь соглашение, но к этому нельзя было склонить солдат; в конце концов, офицерам удалось удержать в своих руках войска, только применившись к их требованиям. Сам Кромвель уступил. Воинская субординация была восстановлена, причем несколько вожаков были расстреляны по приговору военного суда. Однако, воля армии была выполнена по всем пунктам: король был казнен, парламент сперва очищен, а затем и устранен. Когда этот ход событий был обеспечен, исчез и солдатский совет. Но многих из «агитаторов» мы затем встречаем в качестве офицеров. Правит армия, а ее глава Кромвель становится верховным главой государства. Как ни мала база, представляемая малочисленной армией, все же Кромвелю удалось до самой смерти удержаться в качестве властителя над тремя королевствами: Англией, Шотландией и Ирландией; он пользовался своей властью для проведения энергичной внешней политики и успешно отстаивал интересы страны против конкурентов — Нидерландов и исконного врага — испанцев. «Я могу вам сказать, чего я не хочу, но никак не могу сказать, чего я хочу; ибо я это буду знать лишь тогда, когда это станет необходимо», — фраза, приписываемая Кромвелю и могущая служить для него меткой самохарактеристикой.

[1] Firth, стр. 101.

[2] Ср. мою статью «Anglicanismus und Presbyterianismus» в «Historische politische Aufsätze».

Глава VI

Отдельные сражения

ЗИВЕРСГАУЗЕН

9 июля 1553 г.

С обеих сторон рейтары вооружены пистолетами; открывают огонь, когда сошлись на такое близкое расстояние, чтобы «можно было различить белки глаз». О караколировании еще нет и речи. Обе армии очень сильны. У Морица — от 7 000 до 8 000 рейтаров, у Альбрехта — немногим меньше. Все сведения крайне противоречивы. Возможно, что компетентным анализом источников еще удастся восстановить сколько-нибудь ясную картину боя.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕН-КАНТЕНЕ[1]

10 августа 1557 г.

Филипп II собрал армию не менее как в 53 000 человек с 70 орудиями и осадил Сен-Кантен, который защищал Колиньи. Главная французская армия находилась в Италии. Французы, пытавшиеся ввести в город подкрепление, были разбиты превосходными силами неприятеля, причем испанцы обстреливали орудийным огнем французские и немецкие пехотные колонны и рассеивали их кавалерийскими атаками. После этого Сен-Кантен пал. Но замечательно то, что Филипп не был в состоянии использовать свой успех, так как не мог выплатить жалованья своим войскам. Он был вынужден распустить их в ноябре или разместить по гарнизонам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАВЕЛИНГЕНЕ

13 июля 1558 г.

После потери Сен-Кантена Генрих II вызвал свою армию из Италии и на этот раз имел на своей стороне превосходство сил, так как Филипп был вынужден распустить свои войска. Генрих взял Кале и опустошил Фландрию. Чрезмерное напряжение испанцев в предыдущем году несет за собою возмездие и теперь парализует их силы. Однако, по истечении шести месяцев обстоятельства опять изменились. Французы раздробили свои войска и вторглись также в Люксембург; между тем испанцы, под начальством графа Эгмонта, атаковали их войско, осаждавшее Гравелинген, между Кале и Дюнкерком, вдвое превосходными силами и разбили его. И на этот раз кавалерия сыграла решающую роль.

---

[1] H. von Koss, Die Schlachten bei St. Quentin und Gravelingen. Берлинская диссертация, 1914 г., изд. Э. Эберинга. Верен ли анализ Гравелингенского сражения в этом, весьма почтенном в остальных отношениях, труде — я не вполне убежден. Соображения, выдвинутые Эльканом в его рецензии, помещенной в «Historische Zeitschrift», 116, 533, затрагивают лишь второстепенные подробности, главным образом только опечатки. Точно так же и дело о вмешательстве английских кораблей, которое Косс не без основания подвергает сомнению, — не существенно в военно-историческом отношении, но требует, ввиду приведенных Эльканом и упущенных Коссом свидетельских показаний, дальнейшей проверки.

С обеих сторон были немецкие ландскнехты, которых обе стороны упрекали в вялости, может быть именно потому, что они, как ландскнехты, не хотели наносить друг другу слишком сильные удары. Однако, это не помогло ландскнехтам, служившим в французском войске,—их перебили так же, как и прочих. Все войско, за исключением нескольких рейтаров, которым удалось спастись, было истреблено, а знать попала в плен.

ГУГЕНОТСКИЕ ВОЙНЫ. СРАЖЕНИЕ ПРИ ДРЭ (DREUX)
19 декабря 1562 г.

Протестанты имели значительный перевес в кавалерии, католики — в пехоте (швейцарцы, ландскнехты, испанцы и французы) и в артиллерии. Несколько пехотных колонн с той и другой стороны были рассеяны конницей, а «черные рейтары» гугенотов сильно теснили швейцарцев, но, в конце концов, были отражены [1].

Один французский батальон тоже успешно выдержал атаки жандармов и рейтаров, выставив перед фронтом своих пикинеров три шеренги аркебузиров, которые удерживали кавалерию на почтительном расстоянии. Таким образом, католики одержали, наконец, победу над протестантами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНКОНТУРЕ
3 октября 1569 г.

Католики имели значительный перевес в кавалерии и пехоте. Колиньи старался прикрыть местными препятствиями фронт, который обходили католики. Бунт ландскнехтов, требовавших недоплаченное им жалованье, задержал отход гугенотов. Четырехтысячный батальон швейцарцев, прикрыв любопытным образом свои фланги повозками, отбил атаки гугенотских рейтаров. После того как конницу гугенотов прогнали с поля сражения, католики атаковали со всех сторон батальон ландскнехтов и уничтожили его. Католики уверяли, что их потери не превышали 300—400 человек, а по донесению Пфиффера, швейцарцы потеряли всего 20 человек убитыми. Отсюда получается, что ландскнехты даже не сумели дорого продать свою жизнь [2].

БОИ ПРИ КУТРАСЕ
20 октября 1587 г.

Первая победа Генриха IV. Не более 6 000—7 000 человек с той и с другой стороны. Приняли участие в бою, повидимому, только рейтары и аркебузиры. Генрих построил своих аркебузиров небольшими сомкнутыми колоннами между рейтарами и предписал им стрелять по неприятельской коннице лишь тогда, когда она приблизится на 20 шагов.

---

[1] Швейцарское донесение о сражении у Зегессера (Seegesser, Ludwig Pfyffer und seine Zeit, т. I, стр. 621).

[2] Специальное исследование этого сражения Gigon, La troisième guerre de religion, 1912 г. По словам Жигона, у гугенотов было 12 000 пехоты и 7 000 кавалерии, а у католиков 15 000 пехоты и 8 000 кавалерии. Другие исчисляют силы католиков еще выше. Согласно Попелиньёру, Колиньи применил метод перемешивания небольшими отрядами пехоты и кавалерии («enlacer l'infanterie et la cavalerie»). Однако, этого не видно из хода сражения.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ИВРИ

14 марта 1590 г.

Дошедшие до нас данные производят впечатление легенды. Нет еще особого критического исследования. Хотя налицо и имелись большие квадратные колонны пикинеров, но сражение разыгралось исключительно в боевых действиях рейтаров, аркебузиров и артиллерии.

После поражения конницы лиги Генрих велит подвезти против неприятельской пехоты орудия; тогда швейцарцы сдались, а ландскнехты и французы были истреблены.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕЛОЙ ГОРЕ [1]

8 ноября 1620 г.

Богемская война тянулась уже почти три года, но дело не доходило еще до решительного столкновения. У чехов был большой перевес сил: на их стороне были моравцы, силезцы и значительная часть австрийцев, а на помощь к ним шли и венгерцы. Однако, для того чтобы взять Вену, при нерешительности их вождей, у них все же не хватало сил. Папа посылал деньги, Испания и Польша — войска, и герцог Макс Баварский, в качестве главы лиги, сам приближался с изрядной армией.

Тем не менее до последней минуты можно было сомневаться, дойдет ли дело до решительного сражения. Баварский герцог настаивал на том, чтобы воспользоваться значительным численным превосходством объединенных войск императора и лиги и прямо итти на Прагу (из Верхней Австрии). Однако, главнокомандующий императорской армии, Бюккуа, который перед этим вел успешную маневренную и малую войну, высказывал сомнения относительно целесообразности такого рискованного предприятия в столь позднее время года. Он предпочел бы ограничиться тем, чтобы вытеснить при помощи маневрирования неприятеля из Нижней Австрии. Но герцог Макс настаивал на том, что необходимо принудить противника к сражению и под Прагой решить участь Австрии и Моравии. Бюккуа уступил; однако, мы увидим, что смелое предприятие могло легко окончиться неудачей.

Чешское войско, под начальством Христиана Ангальтского, пыталось задержать продвижение неприятеля, преграждая ему дорогу на выгодных, труднодоступных позициях. Союзная армия решила продвигаться, обходя противника по дуге на север. Транспорты с продовольствием могли за ней следовать из Баварии и в этом направлении через перевалы Богемского леса и доставлялись благополучно. Лишь форсированным маршем удалось чехам, когда они заметили, что поход неприятеля действительно направляется на Прагу, снова преградить ему дорогу, заняв оборонительную позицию на Белой горе, в полумиле расстояния от Праги.

Позиция была чрезвычайно выгодная: справа она опиралась на окруженный стеною охотничий парк с укрепленным замком, слева шел довольно крутой обрыв, а с фронта протекал по болотистому лугу ручей Шарка, через который значительные силы могли переправиться лишь по одному мосту.

---

[1] Основоположная монография по этому сражению, написанная К р е б с о м, Берлин, 1879 г., Брендель, 1875 г., не дает нам ничего пригодного с военной точки зрения. Некоторые подробности можно найти у Р и ц л е р а, Доклады Мюнхенской академии. Отдел филологии, т. 33 (1906 г.).

Когда Тилли, с достаточной дерзостью, велел баварцам перейти по этому мосту и развернуться на том берегу перед фронтом неприятеля, на стороне чехов поняли, что настал момент напасть на баварцев и разбить их раньше, чем имперцы успеют переправиться через Шарку и придут к ним на помощь. Два полковника, Штубенфоль и Шлик, обратили внимание принца Христиана на исключительно благоприятный случай, и он готов был последовать их совету, однако генерал граф Гогенлоэ возражал, указывая на то, что баварцы смогут удержать за собою при помощи мушкетеров деревню Реп, расположенную по сю сторону моста, до тех пор пока главные силы не переправятся через ручей, и что, перейдя в наступление, чехи откажутся от выгод превосходной оборонительной позиции. Ангальт сдался на эти доводы и отказался от действительно многообещавшей атаки еще не развернувшего свои силы противника, предпочтя дать чисто оборонительное сражение; может быть, он продолжал надеяться до последней минуты настолько импонировать неприятелю крепостью своей позиции, что последний вообще не решится его атаковать. Если бы эта надежда сбылась, то кампания была бы наверно выиграна чехами и без сражения.

Действительно Бюккуа находил, что построение неприятельского войска на занимаемой им возвышенности нельзя было в достаточной мере обозреть; что неизвестно, какие у него построены окопы; что легко попасть под огонь артиллерии и мушкетов, которого не выдержат войска, и что тогда, с узким дефиле в тылу, все может погибнуть. Поэтому он предпочел бы обходом с юга заставить неприятеля покинуть свою позицию.

Но герцог Макс и Тилли, желавшие сражения, все же, в конце концов, взяли верх на военном совете, который был собран позади фронта уже развернутой армии. «Тот, кто хочет сразиться с врагом в открытом поле,— говорил впоследствии Тилли,— тот не может этого сделать иначе, как повернувшись к нему лицом и подвергая себя опасности его огня». Ведь было ясно, что обход едва ли мог быть выполнен, а отступление с занятого уже раз расположения было крайне опасно. Как численное, так и моральное превосходство было, несомненно, на стороне католической армии. Католики располагали приблизительно 28 000 человек [1] против 21 000 чехов, которых все время теснили до самых стен Праги, и еще в предыдущую ночь произвели очень удачное нечаянное нападение на венгерцев, которое у этой существенной части войска богемского короля, насчитывавшей до 5 000 человек, вызвало сильный упадок духа и отбило охоту к бою.

Еще в то время, когда в лагере противника заседал военный совет, чехи усердно работали над укреплением своей позиции. В течение самого марша принц Ангальтский, намечая позицию на Белой горе, распорядился, чтобы там соорудили окопы. Он просил самого короля, который, опередив армию, поспешил в Прагу, озаботиться выполнением этих работ. Однако, в этом отношении сделано было очень мало, так как армия уже использовала шанцевый инструмент, который она везла с собою, а для получения 600 талеров, необходимых на заготовку лопат и заступов, надо было еще испросить согласия сословного

[1] Рицлер (стр. 84), однако, полагает, что армия лиги к тому времени насчитывала лишь 10 000 человек, потеряв от болезней в предшествующем походе 12 000 — 15 000 человек. «Венгерская лихорадка» свирепствовала тогда во всех лагерях.

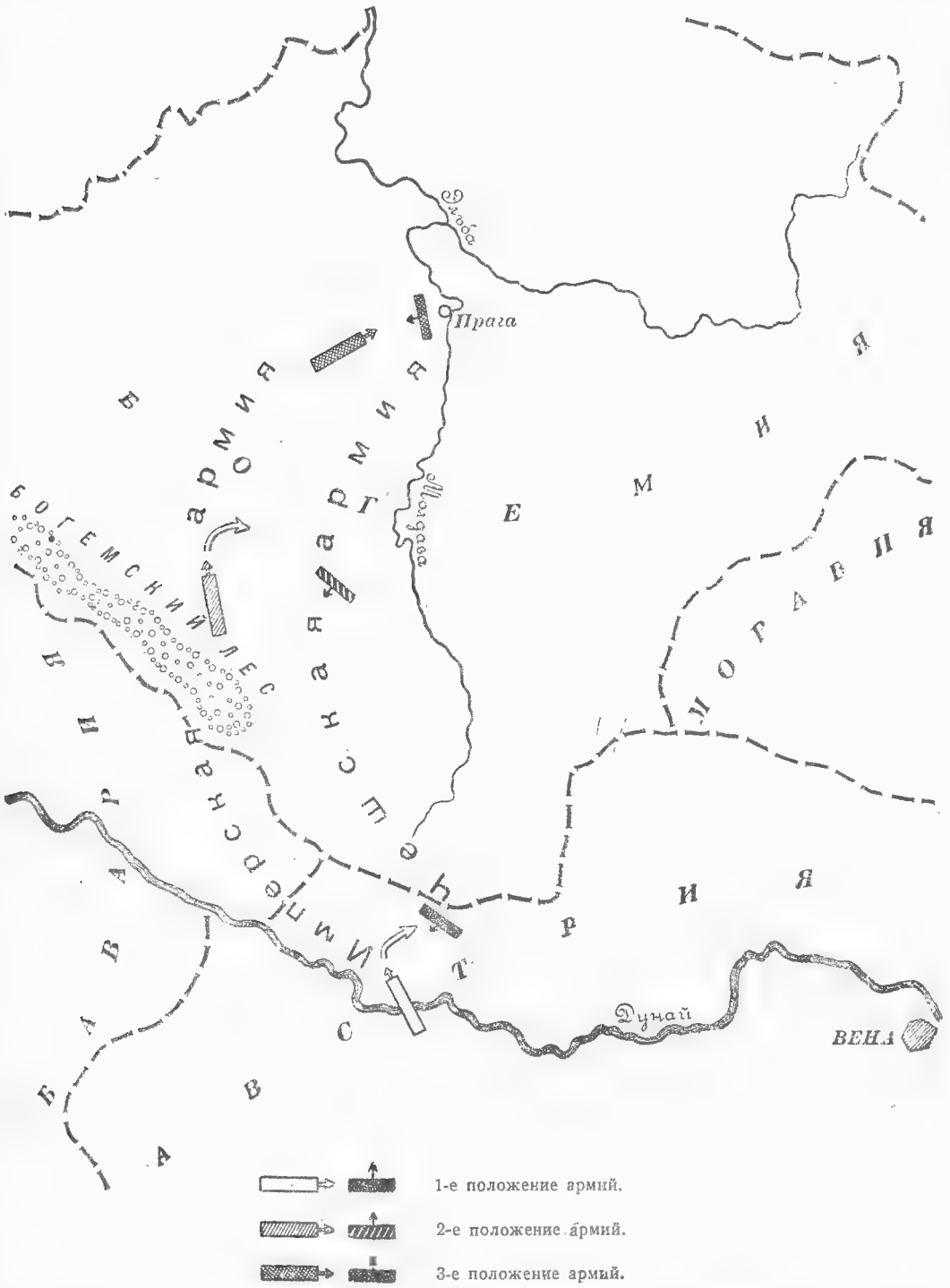


Схема 10. Сражение при Белой горе 8 ноября 1620 г. Маневрирование армий перед сражением.

правительства. При несколько большем рвении и чувстве долга, на этом месте и располагая всего несколькими часами времени, можно было бы укрепить нагорную позицию настолько, что опасения Бюккуа вполне оправдались бы.

Однако, не только сооружение окопов недостаточно продвинулось вперед, но и естественные выгоды местности остались не использованными. Правый фланг с его стеною парка и крутым подъемом был очень силен по самой природе. Его можно было бы занять более слабо, с тем чтобы усилить левый фланг, расположенный на более пологом скате горы и потому более доступный, или держать наготове резерв для контратаки. Между тем всю позицию заняли равномерно, построив войска в две линии чередующимися небольшими колоннами пехоты и кавалерии, с очень широкими интервалами между ними. 5 000 венгерской конницы должны были бы стоять частью в резерве, частью на крайнем левом фланге. Однако, они опасались этого участка, считая, что он особенно подвержен артиллерийскому огню неприятеля, и расположились исключительно как резерв в третьей линии, в самой глубине позиции. Повидимому, внезапное нападение, которому они подверглись в предшествовавшую ночь, сильно повлияло на их моральное состояние.

Уже иезуит Фицаймон, участвовавший в сражении в свите Бюккуа и оставивший нам хороший отчет о нем, подкрепляя свои соображения рядом ученых реминисценций, почерпнутых из Ливия, отметил, что построение чехов было недостаточно глубоким [1]. Действительно общее расстояние от стены парка до ската на левом фланге равнялось приблизительно одной трети мили, а численность всей чешской армии не превышала 21 000 человек. Твердое, продуманное командование, которое держало бы войско в своих руках, могло бы выправить положение, повторяем, ослабив правый фланг у парка и сохранив сильный резерв, чтобы двинуть его туда, где это понадобится. Но Христиан Ангальтский не был полководцем такого размаха. Это уже проявилось в его колебаниях, атаковать ли ему баварцев, когда они еще стояли изолированными, или нет; но если бы даже он сам был крупным, вполне уверенным в себе человеком, то все же он не располагал полной властью над подчиненными ему начальниками, а следовательно, и над войсками.

Католическая армия не воспользовалась своим численным превосходством для охвата, который был вполне осуществим на левом фланге чехов, на участке, не занятом венгерцами; повидимому, она заняла на обоих крыльях даже более короткий фронт, чем фронт противника. Тем глубже было ее построение. Как имперское войско, так и войско лиги построили свою пехоту каждое пятью большими квадратными колоннами в шахматном порядке, в две или три линии; рядом с пехотными колоннами и позади их была кавалерия, у имперцев построенная маленькими эскадронами, у лигистов — в более крупные колонны [2].

[1] Построение чехов, по словам Ангальта, не превышало 3 750 шагов по фронту, причем, повидимому, парк не принят в расчет. По чертежам же, помещенным у Кребса, вместе с парком получаются не полные 2 000 *м*, которые по тому же масштабу исчислены, как это ни странно, в 5 000 фут. Кребс (стр. 171) определяет длину фронта ¾ часа. Во всяком случае фронт для такой маленькой армии был слишком удлинен.

[2] Впоследствии Тилли ставил своему коллеге Бюккуа в укор, что он распылил свою кавалерию на эскадрончики (squadronelli).

В период развертывания артиллерия действовала с обеих сторон, но, повидимому, не причиняла особого урона. Католическая артиллерия стояла внизу и должна была стрелять вверх, а у чехов было всего 6 более крупных и несколько мелких орудий.

Хотя баварцы, как мы видели, построились первыми, однако атаку повели сперва имперцы, находившиеся на правом фланге. Баварцам приходилось взбираться по крутому подъему, но не это, как полагают (Кребс), было причиной их запоздалого вступления в бой. Если бы они двинулись в наступление одновременно с имперцами, то крутой подъем мог бы задержать их вступление в бой не более как на несколько минут; между тем большинство полков герцога, которому в первую голову принадлежит решение дать сражение, вообще не вступало в бой, ибо сражение было уже выиграно имперцами. Причину того, что сражение разыгралось как своего рода фланговое сражение, надо искать в известном компромиссе, заключенном в связи с имевшимися разногласиями, а именно — начать перестрелку в крупном масштабе, дабы убедиться, действительно ли позиция настолько сильна и укреплена, как этого опасались более боязливые. Естественно, эта перестрелка должна была начаться с правого крыла, где можно было легче обозреть местность, а так как она тотчас же развилась в сражение, которое очень скоро привело к решению, то оказалось, что развернувшейся прежде других и более всего стремившейся к бою части католической армии почти ничего не осталось делать.

Мысль, что решение дать сражение было еще не окончательным, может быть, также содействовала принятию глубокого построения. Не хотели сразу, при первом же столкновении, слишком много ставить на карту, желая сохранить сильные резервы.

Когда имперское войско, быстро поднявшись по пологому скату, приблизилось к левому крылу чехов, навстречу ему прежде всего двинулись разные кавалерийские полки, которые, однако, после некоторых колебаний вынуждены были отступить перед превосходными силами. Тогда двинулся Турнский пехотный полк, но, выпустив заряды из мушкетов с расстояния в 300—400 шагов, повернул назад и бежал. Главнокомандующий в своем донесении объясняет это поведение упадком духа войск, обусловленным предшествующими упущениями и неаккуратной выплатой жалованья.

Но дело, очевидно, заключалось в другом. Мы видели, что у чехов был построен очень тонкий боевой порядок, отдельные колонны были неглубоки и отдалены друг от друга большими интервалами. Такое построение дает большую свободу передвижений и совместных действий отдельных колонн, в зависимости от обстоятельств. Но надо в этих преимуществах отдавать себе ясный отчет и уметь пользоваться ими. Иными словами, такое тонкое построение постулирует (требует) безусловно твердого и продуманного руководства как со стороны высшего командования, так и со стороны начальников отдельных полков. В данном случае мы не видим и признака такого командования. Мы уже видели, что построение было совершенно схематическим, однообразным, без малейшего применения к условиям местности. Теперь мы видим, что из полка Турна двинулась вперед лишь та часть, которая находилась в первой линии [1], и притом в такой момент, когда

[1] Христиан сообщает в своем донесении только о турнских мушкетерах, словно в этом полку не было пикинеров.

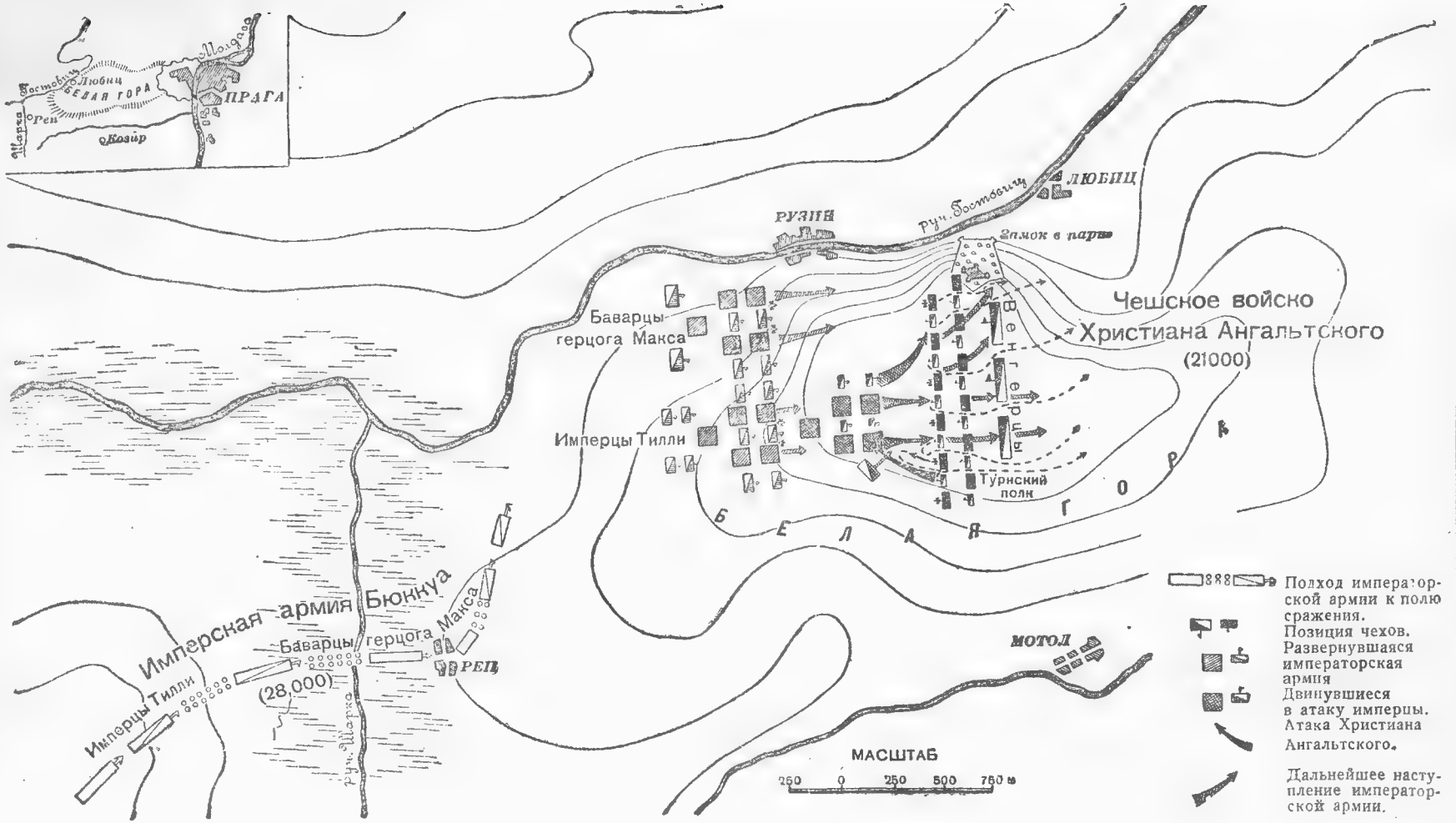


Схема 11. Сражение при Белой горе 8 ноября 1620 г.

действовавшая рядом с нею кавалерия уже отступала. Ни вторая линия, ни стоявшие в третьей линии венгерцы не были двинуты одновременно вперед. Таким образом, первая линия Турнского полка при своем наступлении натолкнулась на значительно превосходящую ее числом пехоту и кавалерию. Не диво, что в этих условиях среди солдат сначала случилась заминка, а затем они бросились назад. Зачем вообще их двинули вперед, вместо того чтобы сперва подпустить неприятеля в сферу огня, который надо было открыть с полной силой с первоначальной позиции, с тем чтобы затем вместе со стоявшей рядом кавалерией произвести контратаку? Весьма сомнительно, чтобы она увенчалась успехом, ввиду численного превосходства имперцев, так как за двумя передними пехотными колоннами следовали еще три, а за ними еще кавалерийские эскадроны; но выдвигать изолированный пехотный полк, не использовав предварительно выгоды оборонительной позиции и оборонительного огня, значило требовать слишком многого от солдат; это не могло даже при величайшем мужестве принести ни малейшей пользы. Надо еще удивляться, что войска второй линии, между которыми была и остальная часть Турнского полка, не присоединились тотчас же к беглецам, но устояли на месте, в то время как первая линия бежала назад через интервалы.

Одному храброму отряду рейтаров, под предводительством молодого, 21-летнего Христиана Ангальтского, сына главнокомандующего, удалось одержать неожиданный успех отважной атакой из второй линии. Первая линия имперцев во время наступления и первых боев с чешской кавалерией, конечно, пришла в некоторое расстройство. Когда же Христиан внезапно ворвался в нее, он опрокинул кавалерию, на которую наткнулся, также рассеял и частью изрубил одну квадратную колонну пехоты. За ним последовали и другие части войска, двинулись и венгерцы из третьей линии. Но массы неприятельских войск были чересчур велики. Тилли послал на помощь рейтаров лиги, которые скоро осилили рейтаров Ангальта, а венгерцы и вовсе не ввязались в серьезную атаку.

Перед настойчивым наступлением католических войск, причем отличились и поляки, чешские полки один за другим обращались в бегство или укрывались в охотничьем парке на правом крыле, где они, будучи атакованы со всех сторон, вскоре погибли.

Сражение, начавшееся около полудня, продолжалось не более 1½—2 часов. Значительной части баварских войск, стоявших на левом фланге, почти не пришлось вступить в бой.

Относительно построения обеих армий мы осведомлены не только из различных рассказов участников, но и из чертежей, приложенных к официальному баварскому отчету о кампании — «Журналу» (напечатанному в Мюнхене в 1621 г. у Рафаэля Садлера) и к отчетному докладу принца Христиана Ангальтского, представленному королю Фридриху (напечатанному в «Патриотическом архиве» за 1787 г.).

Согласно «Журналу», пехота с обеих сторон была построена квадратными колоннами, с той лишь разницей, что у католиков колонны были со всех сторон (и сзади) окружены стрелками, тогда как у чехов стрелки частью окружали колонны, а частью образовывали длинные растянутые крылья, примкнутые к колоннам пикинеров.

Кавалерия католиков обозначена построенной совершенно правильно, у лигистов — более крупными эскадронами, чем у имперцев.

Согласно приложенным к отчету Ангальта чертежам, чешские войска, как пехота, так и кавалерия, были построены неглубоко, но при этом не отмечено относительное размещение стрелков и копейщиков. Чертежи баварского «Журнала», изображающие построение чехов, можно отнести к области фантазии; они, видимо, кое-что слыхали о крыльях, составленных из стрелков, и сконструировали такое построение из головы, однако при этом не знали о главном — о тонком построении, в чем мы сомневаться не можем, имея дело с чертежами самого чешского главнокомандующего.

Но как могло Христиану притти в голову оставить такие широкие интервалы между столь тонко построенными отдельными единицами? Чертеж производит такое впечатление, словно войско первоначально было построено в одну линию (за исключением венгерцев). А затем каждая вторая колонна была выдвинута на 300 футов вперед, так что интервалы первой линии точно соответствовали ширине фронтов тонких колонн второй линии. При столкновении с неприятельским фронтом каждая отдельная колонна первой линии была бы, следовательно, тотчас же охвачена с обоих флангов, если бы вторая линия не поспешила броситься вперед, чтобы заполнить интервалы. Особенно пагубной оказалась бы для чешской пехоты при подобном ее построении неприятельская кавалерия. Объяснение этому надо искать в том, что и у неприятеля, как это знал Христиан, не было сомкнутого фронта, а наступал он глубокими колоннами с значительными интервалами между ними. Таким образом, Христиан мог рассчитывать на то, что там, где все же угрожал охват фланга, вторая линия была достаточно близка, чтобы поспеть на помощь, причем широкие интервалы предоставляли наибольшую свободу движений каждой отдельной колонне.

Тем не менее, естественно возникает вопрос, не явились ли широкие интервалы, изолировавшие отдельные войсковые части, одной из существенных причин поражения. Если бы чехи, вместо того чтобы разъединиться в две линии, были построены в одну сомкнутую линию, в таком построении выждали бы атаку, открыли бы возможно сильный огонь[1] и лишь в последнюю минуту, по возможности, одновременно повели контратаку всей линией (ведь в качестве резерва во второй линии все же оставались еще венгерцы), то у них все-таки было бы больше шансов на победу. Не сыграла ли тут известную роль классическая реминисценция, злосчастный, доныне еще выплывающий призрак разделенного интервалами римского легиона (шахматный порядок Липсиуса, по Ливию, VIII, 8)? Как бы то ни было, в последующий период перешли к сомкнутым фронтам.

В памятной записке о непорядках, царивших в чешской армии (вероятно, составленной самим Христианом Ангальтским и напечатанной в «Патриотическом архиве», т. VII за 1787 г., стр. 121), автор жалуется, что многие офицеры оказались не на высоте положения и пренебрежительно относились к нидерландскому методу ведения войны, не понимая его. Если Христиан, действительно, так понимал нидерландский метод и так распорядился его применением, как нам передают и как то явствует из его собственных чертежей, то мы не можем уже так винить старых военных практиков, отрицавших этот метод. Повидимому, Христиану решительно недоставало всех качеств истин-

[1] Согласно Гиндели, II, 119, роты чешских полков состояли из 24 ефрейторов, 76 пикинеров и 200 мушкетеров.

ного полководца, и когда он жалуется, что у него слишком мало было полковников, так как генералы захватили все полковничьи места, то, может быть, это и правда, но опять-таки этот дефект в конечном счете приходится отнести к недостаточному охвату всего дела главнокомандующим.

В этом сражении приняло участие удивительно большое число разных народностей. На чешской стороне сражались чехи, австрийцы, венгерцы и нидерландцы; на стороне католиков — немцы, испанцы, итальянцы, валлоны и поляки.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БРЕЙТЕНФЕЛЬДЕ [1]

17 сентября 1631 г.

Лишь по прошествии одного года и трех месяцев после высадки Густава Адольфа на померанском побережьи дело дошло до решительного сражения в Саксонии между ним и полководцем лиги, Тилли... Император в первое время не имел возможности противопоставить шведскому королю достаточные силы. Правда, вместе с лигой он располагал весьма значительными вооруженными силами — не менее 150 000 человек, как подсчитал некий член Шведского государственного совета, предостерегавший против опасностей предприятия, но они были разбросаны для защиты многочисленных крепостей, захваченных в предшествующий период войны, да, кроме того, у императора завязалась борьба с Францией в Италии из-за герцогства Мантуи. А быстрому набору войск препятствовало то, что незадолго перед этим курфюрст и лига настояли перед императором, чтобы он уволил Валленштейна: через два месяца после вступления Густава Адольфа в пределы Германии, в сентябре, Валленштейн получил отставку.

Таким образом, у Густава Адольфа было достаточно времени для того, чтобы захватить одну за другою — нередко после упорного сопротивления — ряд померанских и мекленбургских крепостей и в то же время, путем политических переговоров, приобрести себе союзников в лице протестантских государей Германии. В феврале 1631 г. ему и Тилли впервые пришлось встретиться лицом к лицу близ Франкфурта-на-Одере, но ни тот, ни другой не искали сражения. Быстрым маневрированием Густаву Адольфу удалось сперва захватить на своем правом крыле Деммин, а затем на левом — Франкфурт и Ландсберг; Тилли не успел притти к ним на выручку, но зато ему удалось нанести большой удар — взять (20 мая) штурмом Магдебург, перешедши на сторону шведов. Тем не менее, оба противника еще не двигались прямо друг на друга. Тилли не думал, что он сможет заставить шведского короля принять сражение среди многочисленных крепостей, которыми последний уже овладел, и довольствовался подавлением движения, возникшего в пользу шведов в Средней Германии. Лишь когда Тилли вступил в Саксонию и курфюрст Иоганн Георг со своими войсками примкнул к шведам, дело дошло до сражения в 1 миле к северу от Лейпцига.

Согласно историческому преданию, Густав Адольф и на этот раз был против того, чтобы добиваться решительного боя, и лишь уступил

[1] Руководящее специальное исследование принадлежит перу Вальтера Опица (Лейпциг, А. Дейхерт, 1892 г.). Диссертация Вангерина, Галле, 1896 г., представляет лишь обследование источников, не давшее существенных результатов.

настояниям курфюрста, который не хотел, чтобы его страна превратилась в театр опустошительной маневренной войны. Если это правда, то такой взгляд великого шведского короля не служил бы к чести его стратегической проницательности. Особых подкреплений ждать он больше не мог, и нельзя усмотреть, какими диверсиями ему удалось бы выиграть еще что-либо существенное у Тилли. Наоборот, Тилли мог еще ожидать значительных подкреплений с юга, которые, под начальством Альдрингера, уже прибыли к Иене, следовательно, могли явиться через несколько дней. Тилли легко мог занять по ту сторону Эльстера позицию, которая до тех пор задержала бы неприятеля [1]. Сам Тилли поэтому несколько колебался, но генералы и войска, привыкшие к победам, настаивали на сражении, которое, видимо, предлагал ему противник на открытой равнине под Лейпцигом. Что же могло побудить Густава Адольфа и на этот раз уклониться от сражения? Он рисковал бы тогда потерей Саксонии, а вместе с нею и всего остального, выиграть же он ничего больше не мог. Если внимательно вчитаться в те выражения, в которых он сам сообщал на родину о решающем военном совете, состоявшемся в Дюбене 15 сентября, то в них не говорится, что он действительно был против сражения; он лишь приводит ряд доводов против сражения,— другими словами, он, как умный политик, не хотел сам настаивать на сражении, а переложил всю ответственность за инициативу его на герцога, сильно заинтересованного в том, чтобы его страна была ограждена от дальнейших опустошений. При этих условиях можно было рассчитывать на особенное рвение саксонцев в бою, а при неудачном исходе сражения сложить на них ответственность.

Шведско-саксонская армия, в круглых цифрах, исчислялась в 39 000 человек; армия императора и лиги — в 36 000 человек; следовательно, первая была несколько сильнее; кроме того, численное превосходство в 2 000 человек приходилось на кавалерию (13 000 против 11 000), а против 75 орудий шведов католики располагали только 26 орудиями. Впрочем, Тилли мог рассчитывать, что численное превосходство Густава Адольфа уравновешивалось качеством его войск, с которыми не могли равняться 16 000 саксонцев, большей частью только что завербованных.

Тилли, выступив из Лейпцига, приказал своим войскам остановиться на равнине и построил их вправо от деревни Брейтенфельд, на небольшой возвышенности, перед которой на расстоянии около 2 *км* протекает Лобербах. Этот ручей, в настоящее время совершенно ничтожный ручеек, тогда, по свидетельству современников, представлял известные препятствия для переправы. Ни естественных границ, ни точек опоры на флангах позиция не имела ни справа, ни слева, да в этом и не было нужды при значительной глубине больших пехотных колонн-терций, в самом построении которых заключалось обеспечение флангов.

---

[1] Опиц (стр. 76) установил, что Тилли намеревался продвинуться от Лейпцига к Эльбе, для того чтобы овладеть переправой и привлечь к себе из Силезии маршала Тифенбаха. Как только это произошло бы, Паппенгейм должен был быть послан в Мекленбург, в тыл шведскому королю. Таков был его план на тот случай, если бы неприятель снова уклонился от боя. Для самого сражения этот план имел лишь то значение, что он способствовал принятию решения не уходить за Эльстер, в ожидании Альдрингера.

Союзная армия, повидимому, издалека стала продвигаться по плоской равнине широким фронтом и уже на виду неприятельской позиции, в то время, когда передовые войска между обеими боевыми линиями вели перестрелку, уклонилась вправо. Как причину такого дви-

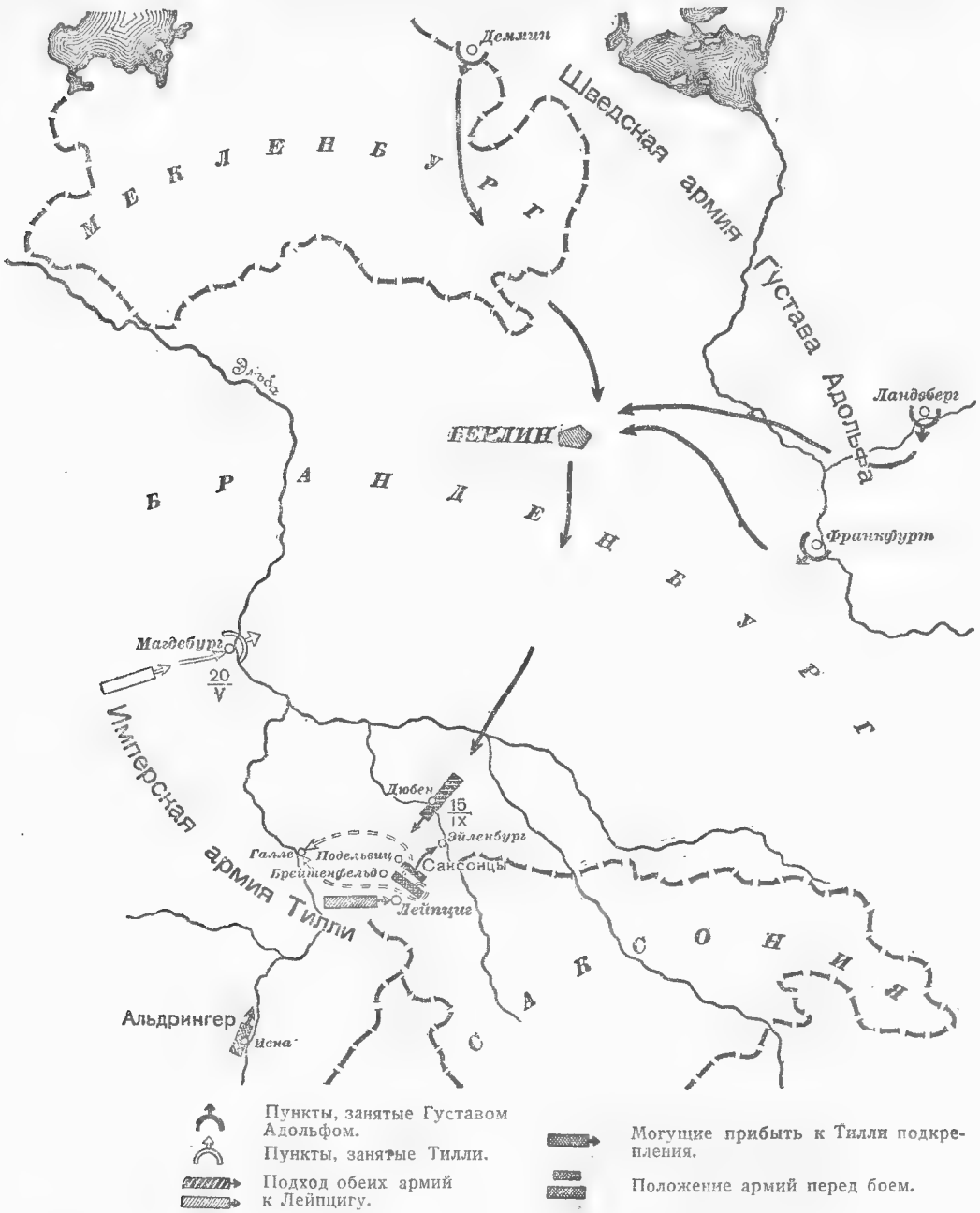


Схема 12. Сражение при Брейтенфельде. Общая обстановка перед сражением.

жения вправо и король и фельдмаршал Горн единогласно приводят в своих донесениях то объяснение, что таким путем они хотели выиграть у противника преимущества в отношении солнца и ветра. Однако, мы этим не можем удовлетвориться. Правда, преимущество стоять за ветром и спиною к солнцу является одним из залежалых товаров

теоретиков еще со времен Вегеция, но уже Фрундсберг с пренебрежением относился к этому моменту. Фронт боевого порядка определяется другими, гораздо более важными моментами, а уклонять в сторону уже развернувшийся фронт—безусловно трудное предприятие. «Пред-

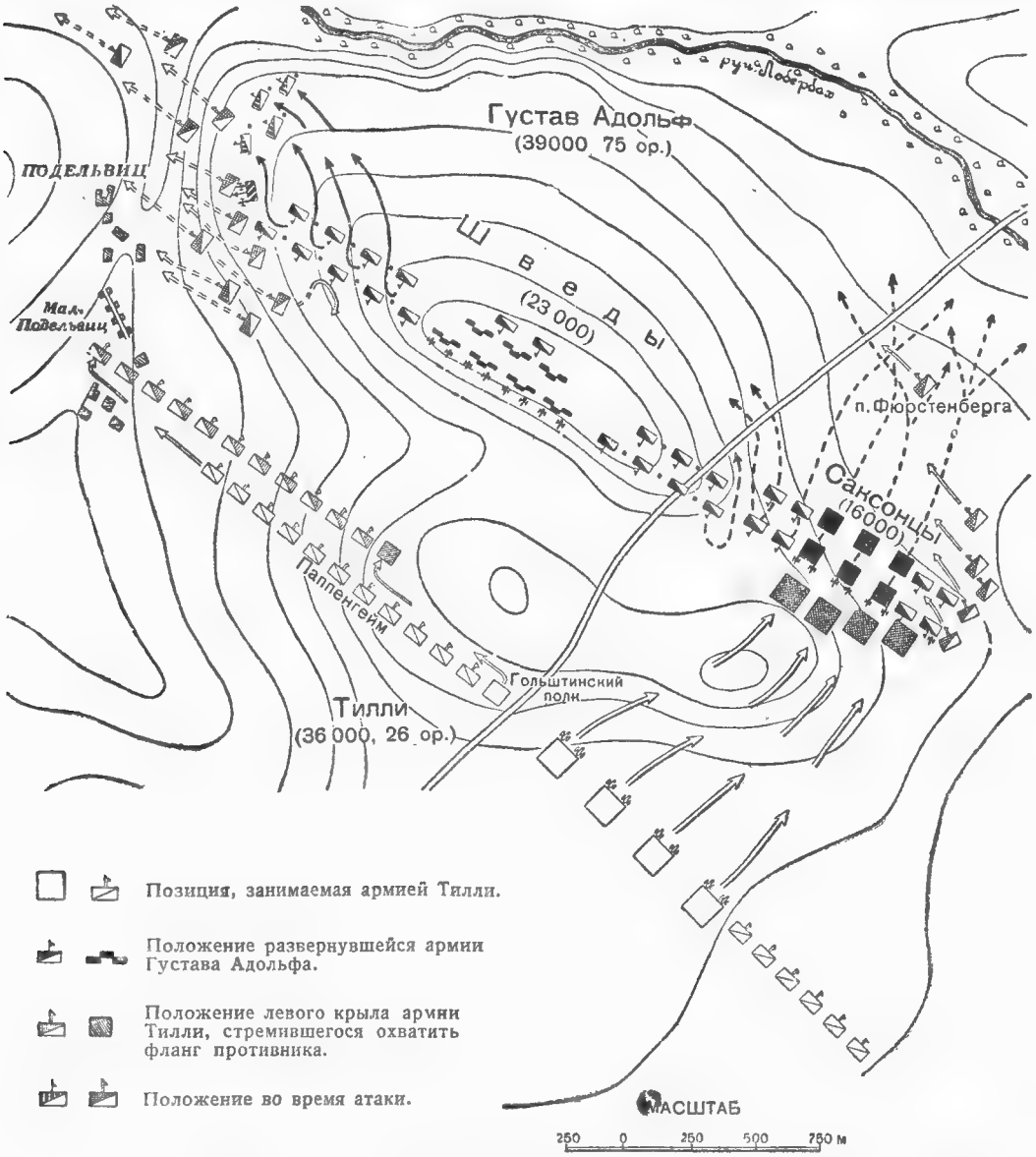


Схема 13. Сражение при Брейтенфельде 17 сентября 1631 г. Атака имперцев на саксонцев и правый фланг шведов.

принимать во время боя значительное изменение в направлении фронта,— пишет Иоганн Нассауский [1],— чрезвычайно опасно; это — наполовину бегство и предоставляет противнику случай произвести атаку во фланг». Густав Адольф и сам категорически утверждает, что этот маневр не удался, ибо пришлось на виду у неприятеля выполнить

[1] Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, I, 572.

трудное передвижение, т. е. переправиться через Лобербах. Однако, в результате этого уклонения вправо получилось то, что обе боевые линии не оказались вполне одна против другой, и фронт союзников выдвинулся за левый фланг Тилли. Но помимо того, что союзники геометрически грозили охватом, они еще более грозили левому флангу Тилли потенциально, ибо Тилли построил всю массу своей пехоты, за исключением Гольштинского полка, не посередине фронта, но вправо от центра [1]; левее пехоты стояло 12 (11) полков кавалерии, а вправо — только 6. Таким образом, Густав Адольф, будучи во главе всей шведской армии, имел дело почти исключительно с кавалерией, построенной, вероятно, очень не глубоко и с широкими интервалами, ибо протяжение всей боевой линии, как передают, составляло добрую полумилю, так что на каждый шаг боевого порядка в среднем приходилось не более 5 человек. Между четырьмя глубокими массивными терциями пехоты, стоявшими в одну линию, также должны были быть большие интервалы.

Пожалуй, Тилли следовало бы перейти в наступление, пока союзники переправлялись через Лобербах (положение, сходное с положением Ангальта на Белой горе); однако, он этого не сделал,—вероятно, для того, чтобы дать возможность своей артиллерии обстрелять развертывавшегося противника. В этом момент обнаружилось, что его левый фланг мог быть охвачен противником. Чтобы предотвратить это, Паппенгейм, командовавший на этом участке, двинулся влево и тем самым оторвал левое крыло, кавалерию и Гольштинский полк, от правого крыла. Во время попыток взаимного охвата здесь разгорелся бой; Паппенгейм настолько глубоко обошел крыло противника, что вторая линия шведов смогла непосредственно двинуться против него [2].

Главные силы Тилли не могли наблюдать, сложа руки, за этим боем, а к тому же в это время открыла огонь шведско-саксонская артиллерия, и, будучи гораздо многочисленнее имперской, превосходила ее действительностью своего огня. Поэтому Тилли двинул и свой правый фланг, а именно всю массу своей пехоты. Он построил четыре ударных колонны, которые наступали рядом и совместно с кавалерией опрокинули саксонцев. Как могли бы последние им противостоять? Ведь

---

[1] Опиц, следуя за Рюстовым, строит пехоту Тилли в испанскую бригаду. Возможно, что в известный момент она и имела такое построение; источники об этом нам не передают, а тактически это, конечно, безразлично, ибо при продвижении вперед было бы невозможно, да и бесполезно сохранить какую-либо определенную фигуру в расположении всех четырех колонн между собою. Что вся армия Тилли была построена в одну линию — это категорически указано в одном французском донесении и у Хемница (Опиц, стр. 92); Монтекуколи также говорит, что Тилли потому главным образом потерпел поражение под Лейпцигом, что построил всю армию одним прямоугольным фронтом без резервов. Противоречие между донесением фельдмаршала Горна, что пехота Тилли была построена в 4 батальона, и французским донесением, сообщавшим о 14 батальонах (Опиц, стр. 93), можно устранить тем, что в числе этих последних считаются и кавалерийские колонны, сосчитанные как батальоны. И в кавалерии, так же как и в пехоте, несколько полков могли быть сведены в одну тактическую единицу.

[2] Опиц в своем кроки, очевидно, изобразил шведский фронт слишком широким, а саксонский — слишком узким. Так как о протяжении фронта каждой из сторон донесения сообщают, что они протягивались на полумилю в ширину (извлечение Шрейбера от 8 сентября у Дройзена, Архив саксонской истории, 7, 348), а правое крыло шведов выдавалось за крыло противника, то надо полагать, что и правое крыло имперцев выдавалось за неприятельское крыло саксонцев.

имел место не только удар испытанных во многих боях ветеранов на новичков, но на стороне ветеранов находилось и подавляющее численное превосходство. Так как между паппенгеймовским и правым крылом, которым командовал сам Тилли, образовался значительный промежуток, то перед главными силами шведской армии не находилось почти вовсе противника. Возможно также, что при уклонении вправо союзной армии шведы несколько отделились от саксонцев; это, может быть, и является причиной того, что шведские сообщения, дабы предотвратить какие-либо нарекания, усиленно подчеркивают, что своим сдвигом вправо они-де хотели отнять у противника преимущества в отношении солнца и ветра.

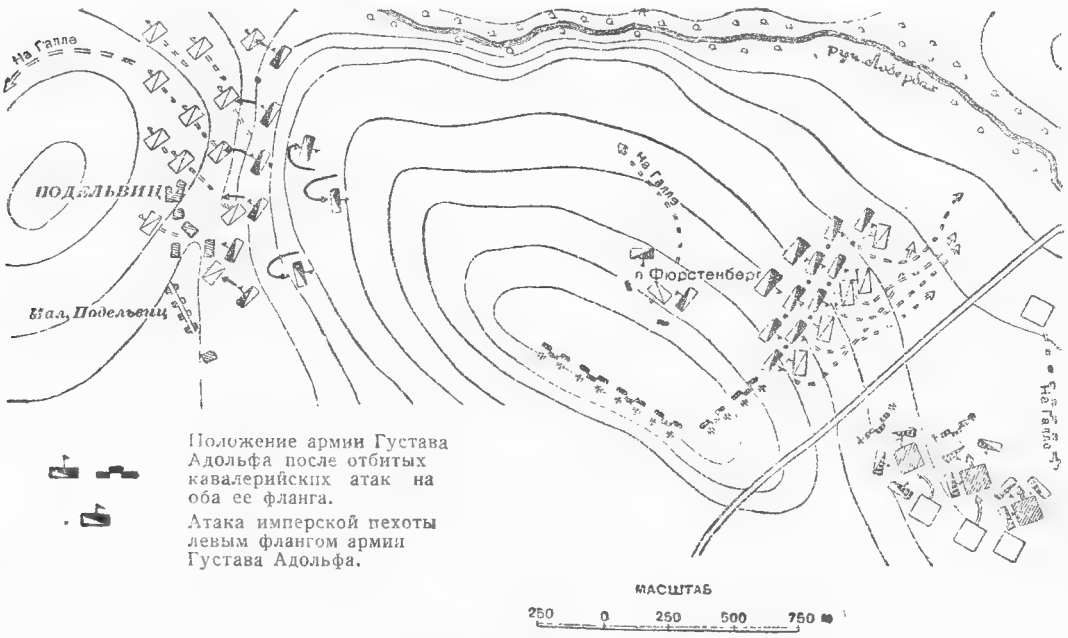


Схема 14. Сражение при Брейтенфельде 17 сентября 1631 г. Атака имперцами правого фланга шведов.

Вследствие уклонения влево паппенгеймовцев и разгрома саксонцев шведская армия оказалась обойденною одновременно с обоих флангов; один кавалерийский полк, под командой Фюрстенберга, даже обошел шведов с тыла. Так как около 15 000 саксонцев было сметено с поля сражения, то у Тилли оказался перевес сил, почти 36 000 человек против не полных 25 000. Но превосходное тактическое искусство шведов и обдуманное, уверенное командование самого короля и его генералов свели это превосходство на-нет.

Еще до разгрома саксонцев и завершения обхода шведов с этой стороны рейтары Паппенгейма были отражены. Шведская кавалерия, перемешанная с мушкетерами, показала себя, по сравнению с имперской, на высшей тактической ступени [1]. Шведы подпускали к себе неприятельскую кавалерию; затем мушкетеры встречали ее залпом, и

[1] Монтекуколи (Собр. соч., т. II, стр. 579) видит главную причину победы шведов в том, что мушкетеры были расставлены между частями кавалерии. Кавалерия должна быть так построена, чтобы противнику приходилось сперва пройти зону ружейного огня, а кавалерия должна его атаковать, когда он уже ослаблен ружейным огнем.

шведская кавалерия бросалась и опрокидывала их; рейтары Фюрстенберга, которые зашли шведам в тыл, были встречены войсками второй линии, повернувшими фронт кругом, разгромлены и уничтожены.

Однако, решительное значение имело столкновение на левом фланге шведов, где четыре мощные колонны имперской пехоты находились теперь на участке, с которого они прогнали саксонцев. Могли ли бы устоять шведы, если бы эти массы, поддержанные своей кавалерией, повернувшись налево, атаковали их обнаженный фланг? Как только Густав Адольф заметил, что саксонцы покидают поле сражения, он образовал из двух пехотных бригад второй линии оборонительный фланг, притянул на помощь еще один кавалерийский полк с другого крыла и атаковал соединенными силами рейтаров и мушкетеров, как это было и на другом крыле, неприятельскую кавалерию, насчитывавшую здесь всего 6 полков,— а за вычетом полка, зашедшего шведам в тыл, только 5,— разбил их и прогнал с поля сражения. Это произошло раньше, чем имперские пехотные терции успели после преследования саксонцев собраться, построиться и обратиться в новом направлении. Одна из терций даже ушла настолько далеко, что среди поднявшейся страшной пыли не могла разобрать, что собственно происходит, и остановилась в бездействии, ожидая приказаний высшего начальства, а потому дальнейшего участия в сражении не принимала. Между тем три остальные терции, покинутые своей кавалерией, атакованные и угрожаемые с разных сторон шведскими рейтарами, оказались не в состоянии воспользоваться своим преимуществом — уменьем повести стремительную атаку. Казалось бы, что при их огромной силе они могли бы, поддерживая друг друга, отогнать неприятельскую кавалерию и затем перейти в наступление. Но этого не произошло: повидимому, шведские рейтары, спокойно и твердо руководимые, производили непрерывные и одновременные атаки с разных сторон, и терции были вынуждены держаться чисто оборонительно. Если я выше сказал, что Тилли охватил шведов с обеих сторон, то теперь нам приходится отказаться от этой формулировки: охват правого фланга был отбит, раньше чем возникла угроза охвата для левого фланга, а этот охват в свою очередь был парализован, так как шведы противопоставили ему наступление. Кавалерия, так сказать, остановила терции, а тут стали приближаться шведские мушкетеры и, главное, шведская легкая артиллерия [1], выпустившая град снарядов в густые массы, где ни один выстрел не мог пропасть даром. Положение, опять-таки, имеет сходство с Каннами, с той разницей, что усугубленное действие метательного оружия в данном случае значительно облегчило шведам их истребительную работу над окруженным противником.

«Из семи пехотных бригад шведской армии только три бригады действительно сражались»,— писал впоследствии Густав Адольф. Это, прежде всего, две бригады, сражавшиеся с терциями Тилли, к которым надо причислить еще пехоту, принимавшую участие в отражении Паппенгейма и в истреблении рейтаров Фюрстенберга.

Рейтары Паппенгейма, несмотря на свое значительное численное превосходство,— может быть, 7 000 против 4 000,— ничего не добились,

[1] В непосредственных отчетах о сражении об этой деятельности артиллерии не упоминается, но мы читаем об этом у Хемница и Монтекуколи. С этим согласуется и то, что Тилли в своих различных донесениях (Droysen, Archiv für sächsische Geschichte, т. 7, стр. 391, 392) усиленно подчеркивает значительное превосходство неприятельской артиллерии.

так как шведская кавалерия опиралась на свою пехоту и пользовалась деятельной поддержкой мушкетеров. Собственно говоря, Паппенгейм не был окончательно разбит; он доносил, что, собрав своих людей, он все же не мог их снова повести в бой, и на другое утро «среди бела дня, на глазах у неприятеля, отступил». На другом крыле, наоборот, имперская кавалерия оказалась в меньшинстве против шведской, при которой удержались и два саксонских полка — не полных 4 000 против, по меньшей мере, 5 000; при этом пехота, имея малое количество мушкетеров и еще не вполне оправившаяся для наступления, оказала лишь очень скромную помощь своей коннице. Таким образом, разные роды войск, не объединившиеся для совместных действий, были побеждены комбинированными действиями войск противника: сначала — кавалерия, а затем и пехота.

Тилли, несколько раз раненый и с трудом спасшийся, отступил к Галле, пройдя, надо полагать, позади фронта шведов. Возможно, что он был с рейтарами Фюрстенберга, которые были изрублены в тылу у шведов. Паппенгейм и четвертая терция, которая не приняла участия во втором акте сражения, сперва отступили на Лейпциг и лишь на следующий день присоединились к Тилли. Так как последний еще располагал в северо-западной Германии значительными силами, то это эксцентрическое отступление и было заранее предусмотрено на случай плохого исхода сражения. Точно так же и курфюрст Саксонский бежал не по дороге назад, на Дюбен, а в сторону, на Эйленбург.

Взятая в плен пехота Тилли непосредственно перешла на службу к шведам, так что армия последних после сражения оказалась сильнее, чем до него.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЮЦЕНЕ [1]

16 ноября 1632 г.

Валленштейн вторгся в Саксонию и занял Лейпциг. Густав Адольф пришел из Южной Германии, чтобы прогнать его оттуда. Силы Валленштейна настолько увеличились вследствие присоединения к нему Паппенгейма, прибывшего издалека, из Маастрихта, что Густав Адольф не мог отважиться сразу на него напасть; а подкрепление, на которое шведский король еще мог рассчитывать, Люнебург-саксонский корпус, под начальством герцога Георга, стоял по ту сторону Эльбы, близ Торгау, так что Валленштейн находился между обеими неприятельскими армиями. Густав Адольф занял к северу от Наумбурга на р. Заале сильную позицию, которую он так укрепил, что Валленштейн, несмотря на свое численное превосходство, не решался его атаковать. Несколько дней обе армии стояли друг против друга и очень страдали от плохой ноябрьской погоды. Наконец, Валленштейн решил разместить свои войска на зимние квартиры в саксонских городах; но как только об этом узнал Густав Адольф, он перешел в наступление, в надежде или соединиться с герцогом Георгом или разбить имперцев раньше, чем они снова успеют собраться вместе. Валленштейн велел задерживать легкими войсками продвижение шведов и весьма искусно занял позицию, на которой он мог рассчитывать дать успешное оборони-

[1] Karl Deuticke, Die Schlacht bei Lützen. Гиссенская диссертация, 1917 г. Лишь благодаря этому превосходному труду, в котором с величайшей тщательностью при содействии Стокгольмской библиотеки собран и обработан разбросанный материал, преимущественно письма, мы имеем в настоящее время верную и подлинную картину хода этого сражения.

тельное сражение. Она расположена была не прямо поперек пути наступления шведов, а подставляла последним свой правый фланг; но фланг этот, опиравшийся на городок Люцен и окруженный сырыми, трудно проходимыми лугами, был неприступен. Поэтому шведам, чтобы приблизиться к имперцам, приходилось описывать большую дугу и терять много времени, что дало возможность имперцам не только продолжать сбор войск, но и усилить укрепление позиции усердным производством окопных работ; а позиция и без того была прикрыта с фронта сильными естественными препятствиями. Когда Густав Адольф уже в первый день своего наступления (15 ноября) узнал, что

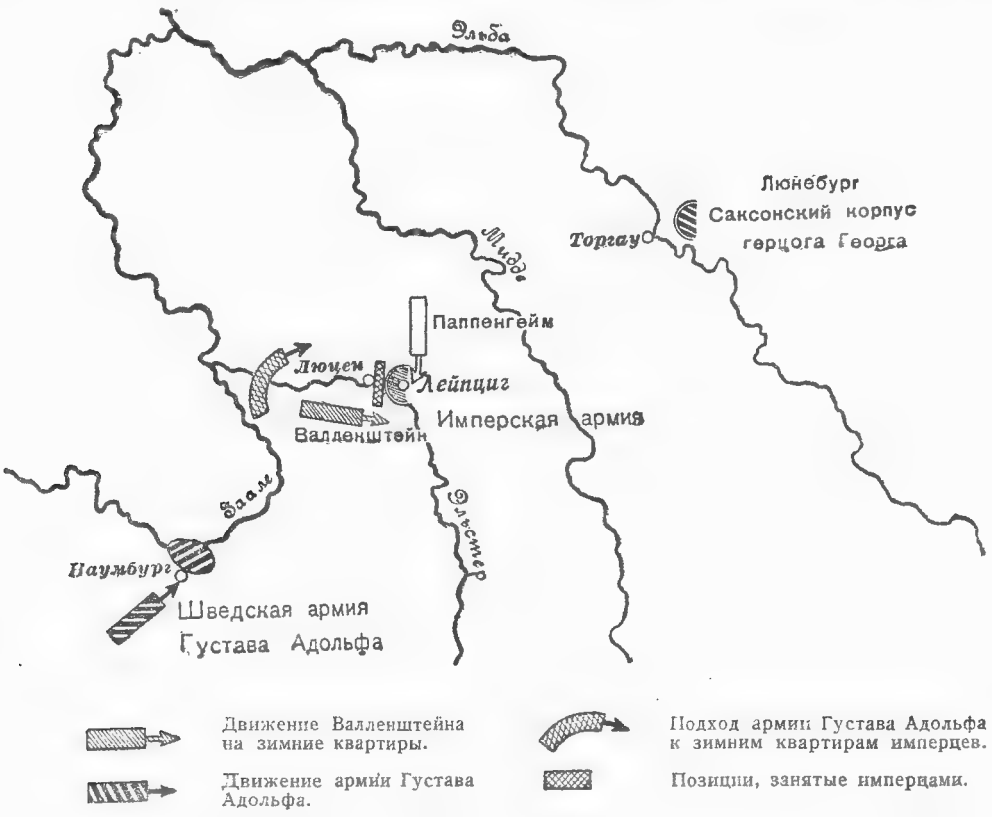


Схема 15. Сражение при Люцене 16 ноября 1632 г. Общая обстановка.

неприятель стоит неподалеку от него, он свернул по направлению к нему, чтобы атаковать его на следующее утро как можно раньше. Сам он располагал на месте 16 300 человек; из них 5 100 рейтаров, при 60 орудиях, в том числе и легкие полковые пушки... Валленштейн мог пока противопоставить этим силам лишь 12 000 человек, из них 4 000 рейтаров при 21 тяжелом и не установленном числе легких орудий [1]. Однако, туман, застилавший всякий обзор, задержал атаку шведов до 10 часов утра, а в полдень к имперцам присоединилось еще 1 400 рейтаров и между 2 и 3 часами дня — 1 500 человек пехоты, так что в общем в сражении участвовало 14 000 человек против 16 300.

[1] Имел ли Валленштейн, кроме 21 тяжелого орудия, еще легкие пушки, источники определенно не утверждают. Мы лишь знаем из нескольких писем (Fontes rerum Austriacarum, т. 65), что он распорядился об их приобретении.

По старейшим описаниям Люценского сражения, имперцы сражались еще приблизительно в тех же тяжеловесных строях, как и войска Тилли при Брейтенфельде. Это, однако, неверно. Валленштейн уже отказался от квадратной формы и строил пехоту десятью шеренгами в глубину. Он ввел также легкие полковые орудия и придал кавалерии стрелковые части. Тем не менее шведская армия все еще качественно превосходила армию противника; она была вооружена более легкими мушкетами, без сошек, строилась в глубину лишь шестью шеренгами и имела преимущества всякой старой армии над вновь сформированной.

Численное и качественное превосходство шведов, в конечном счете, одержало верх над имперцами, несмотря на их сильную позицию. Правда, центр Валленштейна, состоявший из пехоты, не был разбит, но кавалерия была настолько расстроена, что Валленштейн не решился возобновить бой на следующий день, хотя прибытие 4 000 пехоты Паппенгейма, появившейся еще к вечеру в день сражения, когда уже стемнело, давало ему существенное численное превосходство. Приди эта пехота несколькими часами раньше,— она легко могла бы обратить исход сражения в пользу имперцев; и с чисто тактической точки зрения не представляется невероятным, что Валленштейн, возобновив бой на следующий день, не мог бы, по крайней мере, удержаться на своей позиции. За ночь шведы также несколько отошли назад. Но ведь шведы поджидали еще подхода со стороны Торгау Люнебург-саксонского корпуса[1]; это-то и повлияло на решение Валленштейна признать игру проигранною и эвакуировать Саксонию.

Многие находят необъяснимым, как мог Валленштейн, находясь поблизости от шведской армии, распустить свои войска на зимние квартиры. Но держать их в ноябре, в очень плохую погоду в лагере, под открытым небом, было невозможно; его наемники разбежались бы. Ему приходилось либо располагаться на зимних квартирах, либо эвакуировать Саксонию без боя и взвалить на плечи имперской земле, Богемии, содержание армии. Опасность внезапного нападения можно было предотвратить внимательным наблюдением; ведь неприятель тоже не был сосредоточен в одном месте. Наконец, сам Густав Адольф далеко не был уверен в успехе, и результат сражения все время находился под сомнением. Валленштейн проявил бы большое малодушие, если бы, избегая риска возможного сражения, сразу отдал противнику Саксонию и начал отступать в Богемию.

Весьма своеобразной представляется избранная им фланговая позиция,— правда, она, как мы видели, дала ему значительные тактические преимущества,— однако, в случае действительного поражения она отрезала бы ему путь отступления в Богемию, оставляя свободными лишь пути в северо-западную Германию. Крупный риск, на который он пошел, должен рассматриваться как подвиг и доказательство большой стратегической смелости.

Еще более, чем о других сражениях, можно сказать о Люценском, что в нем в значительной мере господствовал случай. Ведь Густав Адольф намеревался атаковать имперцев еще на заре. Если бы это

[1] Относительно силы этого корпуса мы, к сожалению, не осведомлены; едва ли он заключал в себе более 6 000 человек. В день сражения он еще стоял в Торгау и, следовательно, прибыть под Люцен мог не ранее, как через несколько дней. Густав Адольф указал ему маршрут через Ризу и Ошац, чтобы миновать занятые имперцами города Эйленбург и Лейпциг.

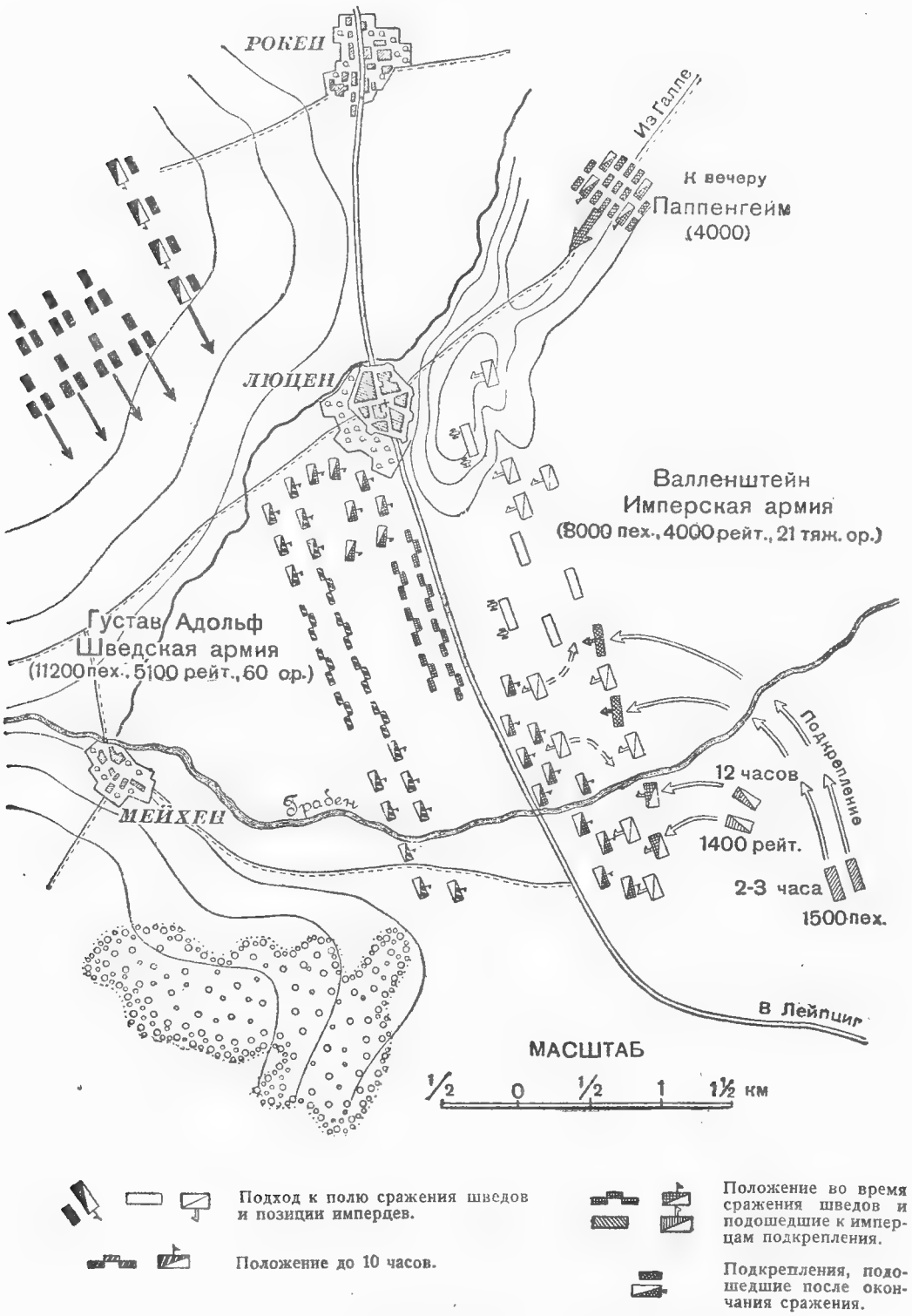


Схема 16. Сражение при Люцене 16 ноября 1632 г.

удалось, блестящая победа была бы ему обеспечена. Но туман задержал наступление шведов, а тем временем имперцы, усердно работая, не только укрепили свою позицию, но к ним подошли и подкрепления, создавшие приблизительно численное равновесие. С другой стороны, 4 000 паппенгеймовской пехоты, которые дали бы Валленштейну перевес, настолько задержались, совершая переход из Галле (добрых 4 мили), что, хотя они и были подняты по тревоге еще в предшествующую ночь, они подоспели лишь с наступлением темноты, когда бой уже был окончен. Наконец, хотя победа и осталась за шведами, но триумф ее был сведен на-нет смертью короля.

Главные силы саксонцев во время сражения находились под начальством Арнима в Силезии; против них оперировали два корпуса — Марадаса и Галласа. Другие значительные силы католиков находились в распоряжении курфюрста Баварского. Хотя Люценское сражение и является генеральным сражением, однако в нем принимала участие лишь часть войск, и притом весьма небольшая.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НЭРДЛИНГЕНЕ[1]

27 августа (6 сентября) 1634 г.

В 1634 г., после убийства Валленштейна, имперско-баварская армия, под (номинальным.—*Ред.*) командованием наследника престола, короля Фердинанда, руководимая генералом графом Галласом, направилась в Баварию и осадила Регенсбург. Чтобы выручить город, Бернгард, продвигаясь из Верхнего Пфальца, соединился к югу от Дуная с Горном, приближавшимся со стороны Боденского озера; но, как это ни странно, оба оставили отряды: первый — для осады Форхгейма, а второй — у Боденского озера и в Брейсгау; поэтому шедшая на выручку Регенсбурга армия оказалась слишком слабою для непосредственной атаки осаждающих и занялась осадами и взятием Фрейзинга, Моосбурга, Ландсгута; тем временем Регенсбург пал.

После этого успеха имперская армия разделилась, и Фердинанд ушел в Богемию, которой угрожали шведский корпус и саксонцы; а баварско-лигистская армия хотела выждать под Ингольштадтом прибытия большой испанской вспомогательной армии, шедшей через Тироль.

Бернгард и Горн, вместо того чтобы, как следовало ожидать, ударить на баварцев, чтобы разбить их до прибытия испанцев, тоже разделились и расположили свои войска на отдых.

---

[1] Новейшие монографии об этом сражении, на которое опирается мое изложение, это, прежде всего, работа Вальтера Штрука, Штральзунд, 1893 г., и наряду с нею — Эриха Лео, Галле, 1900 г. Оба, однако, не проводят достаточно резкого различия между положительным намерением — искать решительного сражения, и голым риском — случайно натолкнуться на него в ходе маневренной войны. Живое изображение этого сражения, какое нам дает полковник Кайзер в «Литературном приложении» к «Staatsanzeiger für Würtemberg» за 1897 г., также не уловило этого существенного пункта. Лишь позднее я познакомился со статьей Карла Якоба [Karl Jakob, Von Lützen nach Nördlingen (1904 г.)], в которой автор пытается доказать, что напрасно возвеличивают Бернгарда Веймарского и что шведский фельдмаршал Горн, как стратег, заслуживает перед ним безусловного предпочтения. То, что Якоб говорит в пользу Горна, надо признать в основном правильным, однако в его отрицательном суждении о Бернгарде проявляется предвзятость и недостаточное изучение военной истории. В пунктах разногласия между Лео и Штруком Якоб совершенно правильно всюду становится на сторону Штрука.

Когда саксонцы отступили из Богемии, Фердинанд получил возможность вернуться обратно и, соединившись вновь с баварцами, взять Донауверт и обратить свои силы на осаду Нэрдлингена. Могли ли

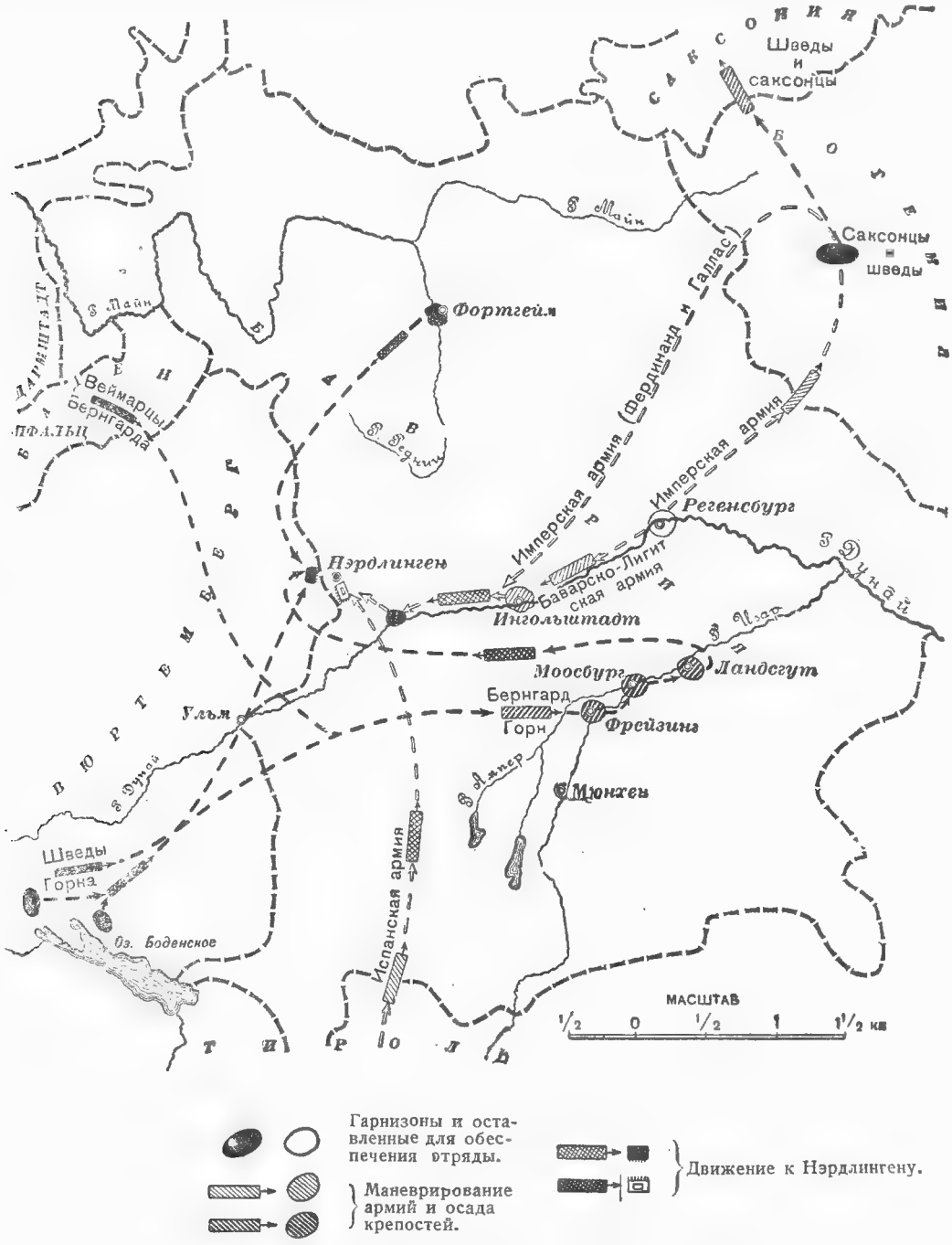
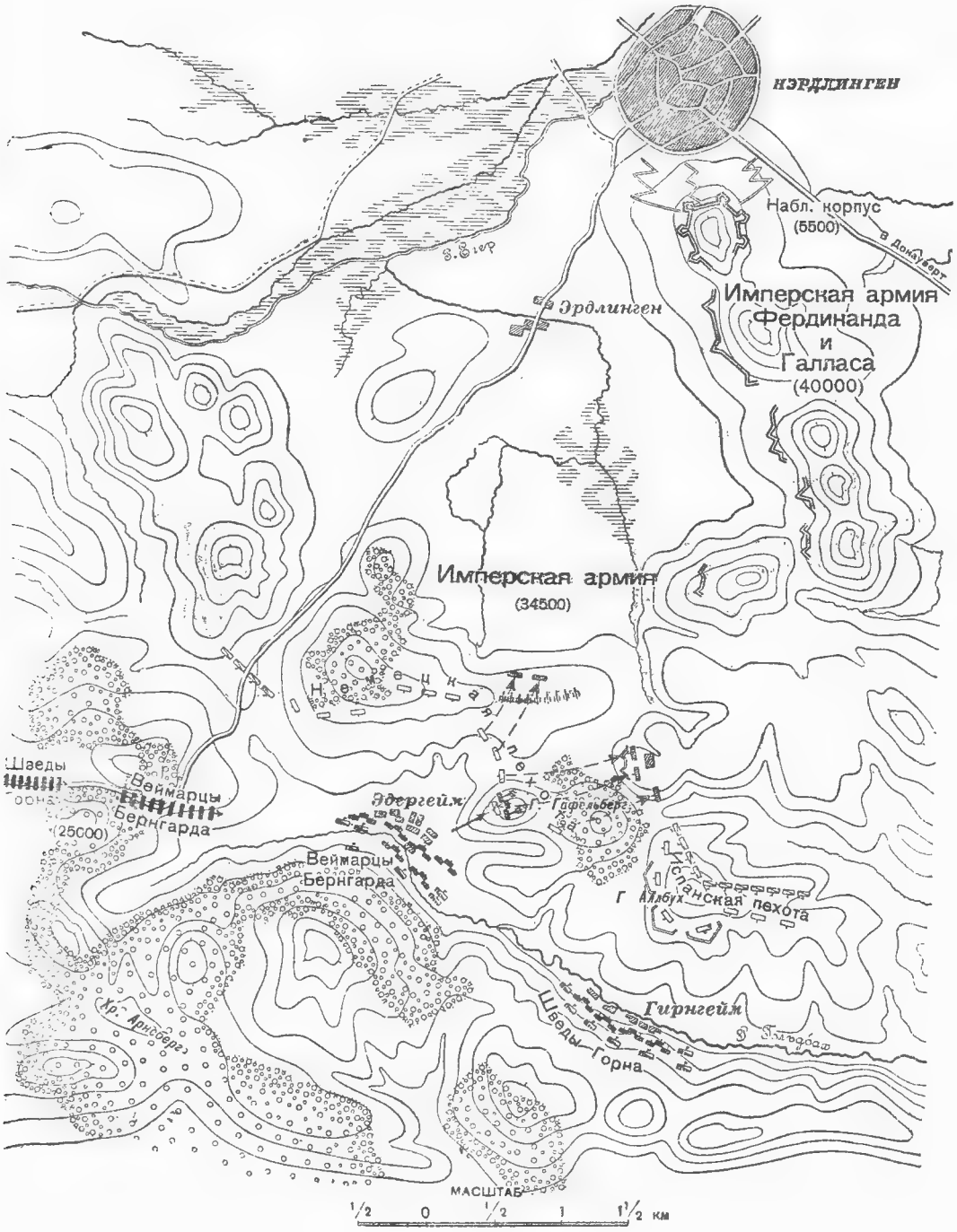


Схема 17. Сражение при Нэрдлингене 27 августа (6 сентября) 1634 г. Общая обстановка перед сражением.

шведы дать католикам овладеть и этим важным протестантским городом?

Бернгард, который уже раньше настаивал на движении на выручку Регенсбурга, настаивал и теперь на том, чтобы дано было сражение,



Укрепленный лагерь имперцев.

Появление шведов и веймарцев.

Позиция, занятая имперской армией.

Изменение в положении имперцев.

Положение шведов и веймарцев с 5/IX на 6/IX.

Схема 18. Сражение при Нэрдлингене 27 августа (6 сентября) 1634 г.

хотя и не отрицал превосходства неприятельских сил; Горн противился этому, и дело так и не дошло до решения непосредственно атаковать осаждавших Нэрдлинген. Выждав подхода подкреплений в лагере под Бопфингеном, не далее как в 10 *км* от Нэрдлингена, было решено еще более вплотную подойти к осаждавшим и занять позицию на дороге Ульм—Нэрдлинген, которая, с одной стороны, давала возможность шведам получать продовольствие из Вюртемберга, а с другой — отрезала имперцам путь такой доставки по дороге из Донауверта.

Предстоял марш, протяжением в добрых 2 мили, по дуге от Бопфингенской позиции, находившейся прямо на запад от Нэрдлингена, на гребень возвышенности Арнсберг, к юго-западу от этого города.

Повидимому, Бернгард, двигавшийся в голове, подошел несколько ближе к городу, чем ожидал Горн, ибо лишь из такого непосредственного соседства можно было достигнуть намеченного давления на дорогу, по которой доставлялся провиант имперцам. Между тем, путь, по которому приходилось двигаться из Бопфингена, пролегал через трудно проходимую теснину и лес, и, раньше чем войска Горна, следовавшие за войсками Бернгарда, преодолели это препятствие, имперцы успели занять высоту Аллбух, которая входила в состав намеченной позиции союзников и должна была составлять ее правый фланг; во время боя за этот пункт наступила ночь. На другое утро Горн пытался всеми своими силами взять штурмом Аллбух, а Бернгард на своем левом крыле вел лишь затяжной бой[1], но вся храбрость шведов разбивалась о большое численное превосходство противника. Ибо, если союзники и притянули к себе большую часть отрядов, оставленных раньше под Форхгеймом и в Южной Германии, то и к имперцам, наконец, присоединились давно жданные испанские войска. Как кажется, превосходство сил заключалось не менее как в 40 000 против 25 000[2].

Фельдмаршал Горн, убедившись, что ему не удастся ни взять Аллбух, ни затянуть бой до вечера, начал около полудня отступать под прикрытием кавалерийской атаки; Бернгард еще держался на своем холме. Но теперь имперцы и здесь перешли в наступление. Войскам Бернгарда также пришлось отойти, причем они скрестились с отступающими войсками Горна, ибо Ульмская дорога проходила

---

[1] Якоб упрекает Бернгарда в том, что он вообще вел наступление; его крыло должно было бы занять чисто оборонительное положение, чтобы, в случае отступления, прикрыть таковое свежими силами. Однако, такой образ действия плохо аттестовал бы военный гений Бернгарда. Правда, так как сражение было проиграно, то поражение оказалось более ужасным, ибо у Бернгарда не было достаточно резервов для прикрытия отступления. Но если бы он ограничился выполнением в течение сражения чисто пассивной роли, то всякие шансы на победу вообще были бы исключены, ибо тогда неприятель имел бы возможность двинуть против Горна еще больше войск. По всей видимости, Бернгард вполне правильно понял свою роль: возможно больше занять на своем крыле неприятеля, не добиваясь, однако, здесь решительного исхода.

[2] Лео (стр. 59) определяет католическую армию в 40 000—50 000 человек, из коих перед Нэрдлингеном оставлено было лишь небольшое число, шведскую армию — от 19 000 до 22 000 регулярных войск и 5 000—6 000 вюртембергского ополчения; М. Риттер («История Тридцатилетней войны», стр. 580) и Якоб (стр. 109) говорят то же самое. К сожалению, нам не известно никаких подробностей о применении и поведении этой милиции в бою. Вероятно, она стояла на фланге Бернгарда, а потому в самом бою почти не участвовала, и лишь при отступлении была охвачена и изрублена неприятелем. Даже в статье Кайзера, где можно бы скорее рассчитывать найти об этом какие-нибудь указания, мы не встречаем ничего существенного по этому поводу.

позади левого крыла, а войска Горна так и не попали на предназначенную им позицию, но сражались, повернувшись спиной к этой дороге,— следовательно, образуя ломаную линию с войсками Берн-

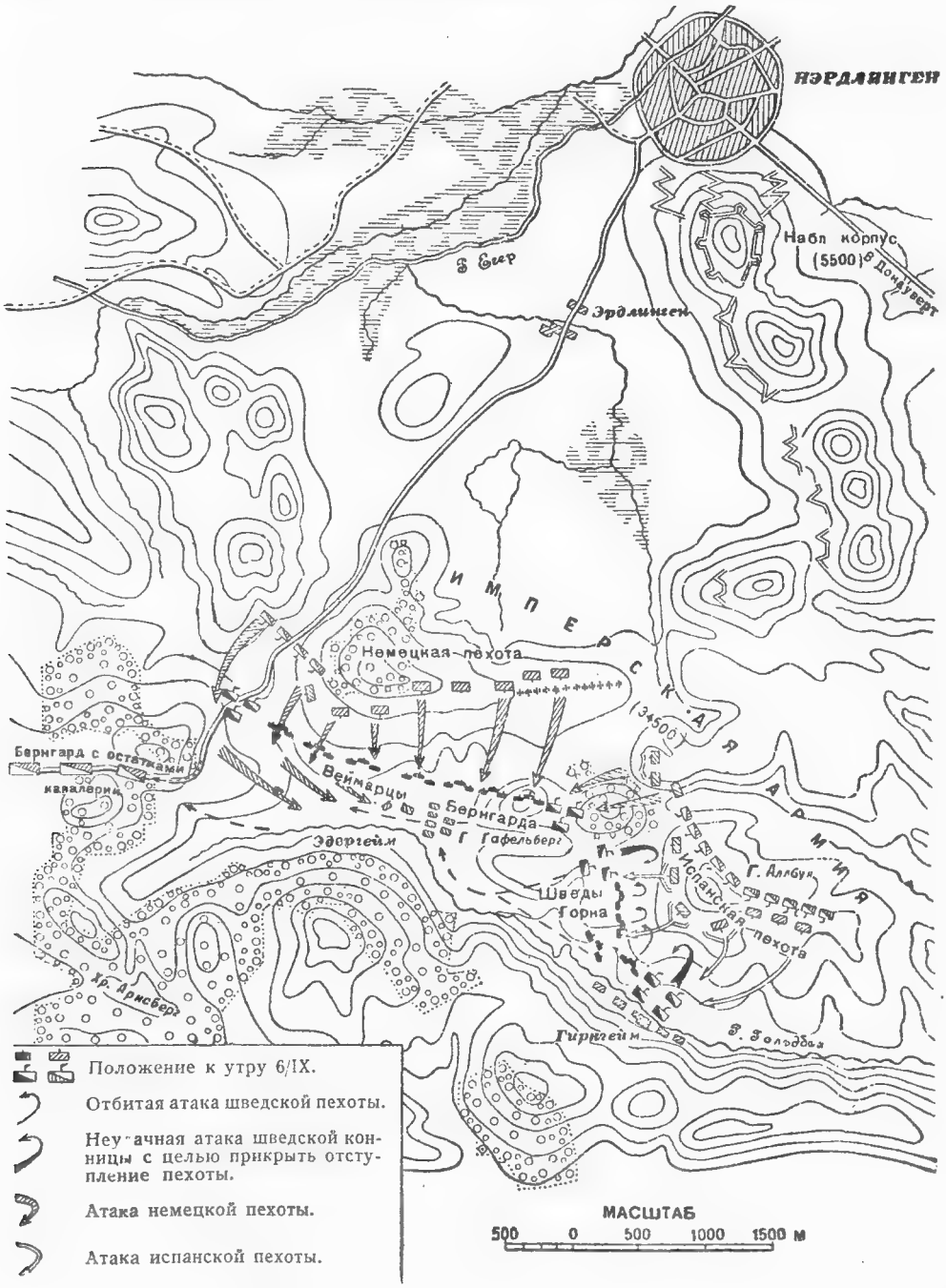


Схема 19. Сражение при Нэрдлингене 27 августа (6 сентября) 1634 г.

гарда. В результате совокупности этих неблагоприятных обстоятельств протестантская армия пришла в полное расстройство; пехота подверглась почти полному истреблению. Горн был взят в плен, Бернгарду лишь с большим трудом удалось ускользнуть.

Невольно приходишь к заключению, что Бернгард, придвинувшись так близко к неприятельскому лагерю, что его можно было обстреливать с холма орудийным огнем, сознательно добивался сражения и тем самым увлек своего колеблющегося товарища по командованию, против его воли, в решительные действия, ибо знал, что Нэрдлинген был уже доведен до крайности и готов был пасть с минуты на минуту. Если к этому добавить, что шведские полководцы наверное не знали о полном несоответствии сил, то, кажется, нет ничего, что противоречило бы такому предположению. В действительности же дело, вероятно, обстояло иначе. Если бы Бернгард безусловно стремился к решительному тактическому исходу, он не раздробил бы так своих войск в самом начале кампании, а должен был бы добиваться сражения в то время, когда Фердинанд находился еще в Богемии. Если бы шведам удалось своим смелым фланговым маршем занять господствующую позицию на юго-западе от города или рано утром на следующий день захватить Аллбух, то нельзя было бы сказать с полной уверенностью, что дело дошло бы до сражения. Во всяком случае Бернгард, который считал, что имперцы имеют численное превосходство, но не слишком значительное, в праве был предполагать, что они не решатся штурмовать такую сильную позицию, которая тогда была бы в руках шведов, но отступят и откажутся от осады Нэрдлингена. Лишь благодаря тому, что марш через теснину слишком затянулся и что шведы лишь частично достигли намеченной Бернгардом позиции, так что и за нее пришлось вести бой, дело дошло до сражения, которое мы по этой причине и не должны причислять к разряду преднамеренных, а должны относить к категории встречных [1].

Потери шведов исчисляются в 10 000—12 000 человек, т. е. свыше половины всей армии; пехота была почти полностью уничтожена. Католическая армия, как передают, потеряла не более 1 200—2 000 человек, и это вполне возможно, ибо самый штурм Аллбухской позиции обошелся шведам дороже, чем их противникам, массовые же потери, в особенности пленными, они понесли лишь при отступлении.

Относительно действий отдельных родов войск и их взаимодействия,— вообще относительно собственно тактической стороны,— мы ничего не можем извлечь из имеющихся в нашем распоряжении источников. Существенным же и в высшей степени интересным — еще раз подчеркиваем — представляется стратегический момент — что сражения, как такового, ни та, ни другая сторона не хотела и не подготовляла, но что оно развилось из боя за обладание высотою, т. е. из-за выполнения маневра, который, если бы он удался, принудил бы католическую армию или отказаться от взятия Нэрдлингена, или атаковать протестантов, занявших чрезвычайно выгодную позицию.

---

[1] Лео приводит несколько показаний (стр. 66, прим.) в подтверждение того, что Бернгард уже с самого начала, т. е. уже на военном совете, решившись занять Арнсберг, хотел и предлагал дать сражение. Однако, нельзя признать его показания безусловно достоверными, и весьма возможно, например, что некоторые слова принца, сказанные им вечером на походе или утром в самый день сражения, когда поднимался вопрос о том, следует ли пытаться взять силой позицию на Аллбухе, были перенесены в прения на военном совете.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ВИТТШТОКЕ [1]

4 октября 1636 г.

Летом 1636 г. соединенные имперские и саксонские войска взяли после длительной осады Магдебург; шведская же армия, под начальством Баннера, стояла севернее Магдебурга, под Вербеном, не чувствуя себя достаточно сильной, чтобы выручить его.

Затем обе армии стали сближаться одна с другой, причем обе стороны стали строить планы приумножить свои силы стягиванием войск с Везера или из Померании, но ни с той, ни с другой стороны не замечалось определенного желания добиваться решительного сражения. Банер замышлял вторжение в Саксонию, союзники стремились оттеснить его при помощи маневра назад, чтобы захватить один за другим укрепленные города, еще остававшиеся в руках шведов. Наконец, под Виттштоком, в Пригницском округе, дело дошло до сражения, причем Баннер, оттесненный перед этим маневрированием в самый Мекленбург, выполнил круговой обход неприятеля и атаковал его с юга.

Если бы ход сражения был таким, каким его обычно описывают, то это сражение было бы одним из самых удивительных сражений во всемирной истории.

Баннер, говорят, располагал немногим больше, чем 16 000 человек, в лучшем случае 17 000 с небольшим,— в то время как силы противника достигали 22 000—23 000 человек и занимали позицию, уже сильную от природы и еще усовершенствованную искусственными сооружениями. Баннер, сознавая, что с фронта противник неодолим, разделил свою армию и обошел одновременно оба его крыла. Если при этом принять во внимание, что в отношении тактической подготовки между обеими армиями существенной разницы уже не было и что все сражение протекало с совершенно перевернутым фронтом, то по смелости замысла и по грандиозности триумфа его следовало бы поставить еще выше Канн. Ибо, если Ганнибал мог нарушить правило, что слабейшая сторона не должна производить одновременно обхода обоих флангов, то он был уверен в безусловном превосходстве своей кавалерии и имел все основания искать решительной битвы; в данном же случае совершенно не видно, на чем Баннер строил свою надежду на победу и почему ему именно в эту минуту понадобилось во что бы то ни стало сражение, так как он имел полную возможность без особого риска маневрировать и дальше.

Преимущество, каким располагал Баннер, заключалось в том, что оба фланга неприятельского расположения не имели надлежащей опоры и легко могли быть обойдены не особенно кружным путем, а расположенные перед фронтом лесные заросли прикрывали движения шведов. Таким образом, и случилось, что Баннер сначала со своим правым крылом, под командой Торстенсона, довольно неожиданно появился на левом фланге противника перед саксонцами. Однако, саксонцы устояли; они образовали новый фронт, и вскоре к ним подоспели на помощь имперцы, во главе со своим командующим, фельдмаршалом Гацфельдом, с другого фланга; а шведы напрасно ожидали подхода своей другой обходной колонны и резервов, оставленных ими в центре под начальством Вицтума. Если бы численное соотношение было действительно таковым, как было указано выше, то

[1] Rudolf Schmidt, Die Schlacht bei Wittstock, Halle, 1876 г.

соединенные войска саксонцев и имперцев должны были бы в два раза превосходить силы Торстенсона, и трудно было бы объяснить, как последний мог устоять против них в трехчасовом бою, склонявшемся то в ту, то в другую сторону.

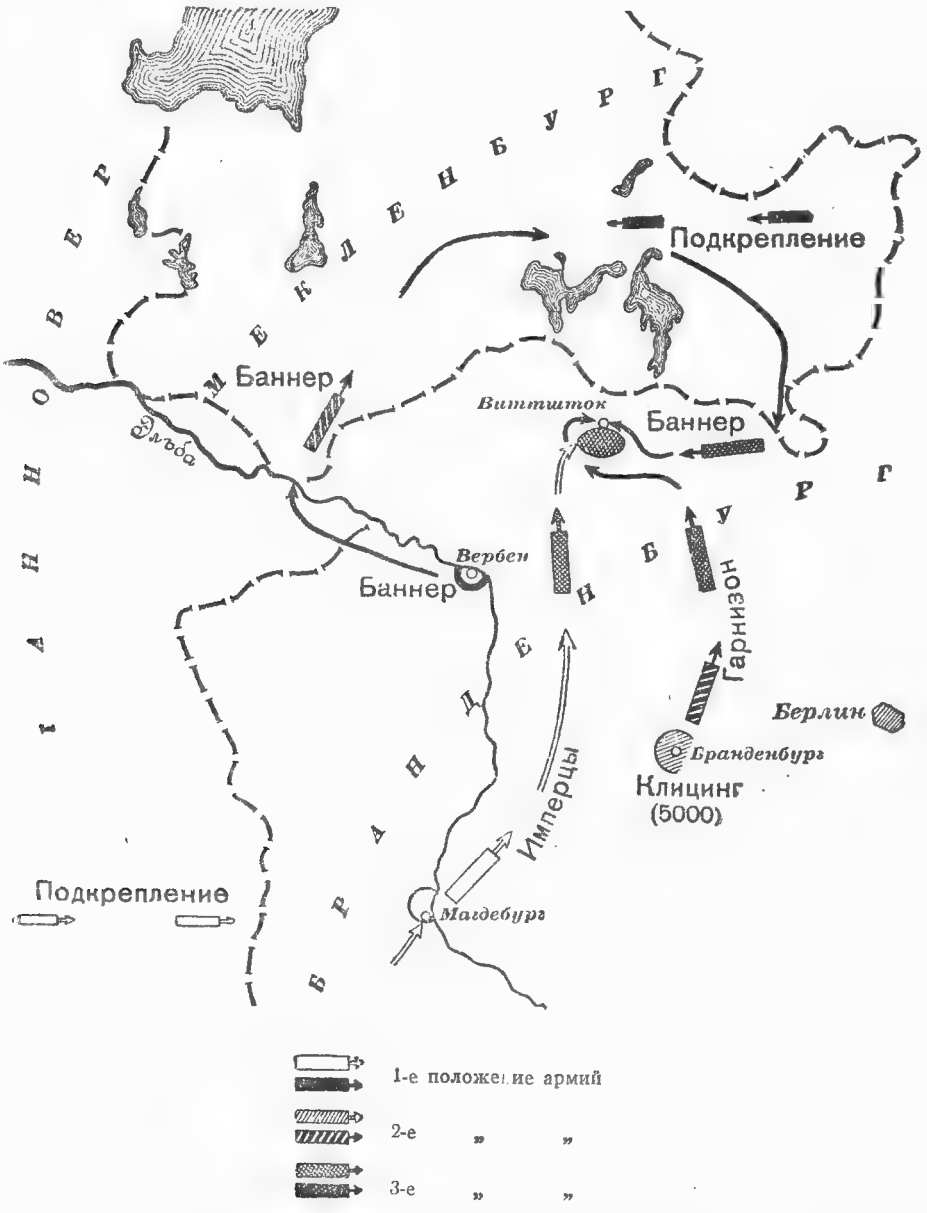


Схема 20. Сражение при Виттштоке 4 октября 1636 г. Маневрирование армий перед сражением.

Как замысел, так и проведение сражения станут понятными, если мы примем, что шведы были, по крайней мере, численно равны союзникам, а может быть, и несколько сильнее. Баннер за последние недели подтянул к себе значительные подкрепления, а в последнюю минуту — и гарнизон Бранденбурга, числом более 1 000 человек, которому саксонцы предоставили, при капитуляции этого города, свободный выход. Между тем 5 000 союзных войск, взявших под начальством

генерала Клицинга Бранденбург, еще не успели присоединиться к главным силам. Пусть даже сообщение имперского главнокомандующего [1], будто у него было лишь 12 000 против 22 000 шведов, имевшее целью оправдать поражение, сильно уклоняется от истины; но некоторое численное превосходство шведов представляется по меньшей мере не невозможным.

Таким образом, могло случиться, что правое крыло шведов хотя и не одержало победы, но смогло держаться, постепенно привлекая на

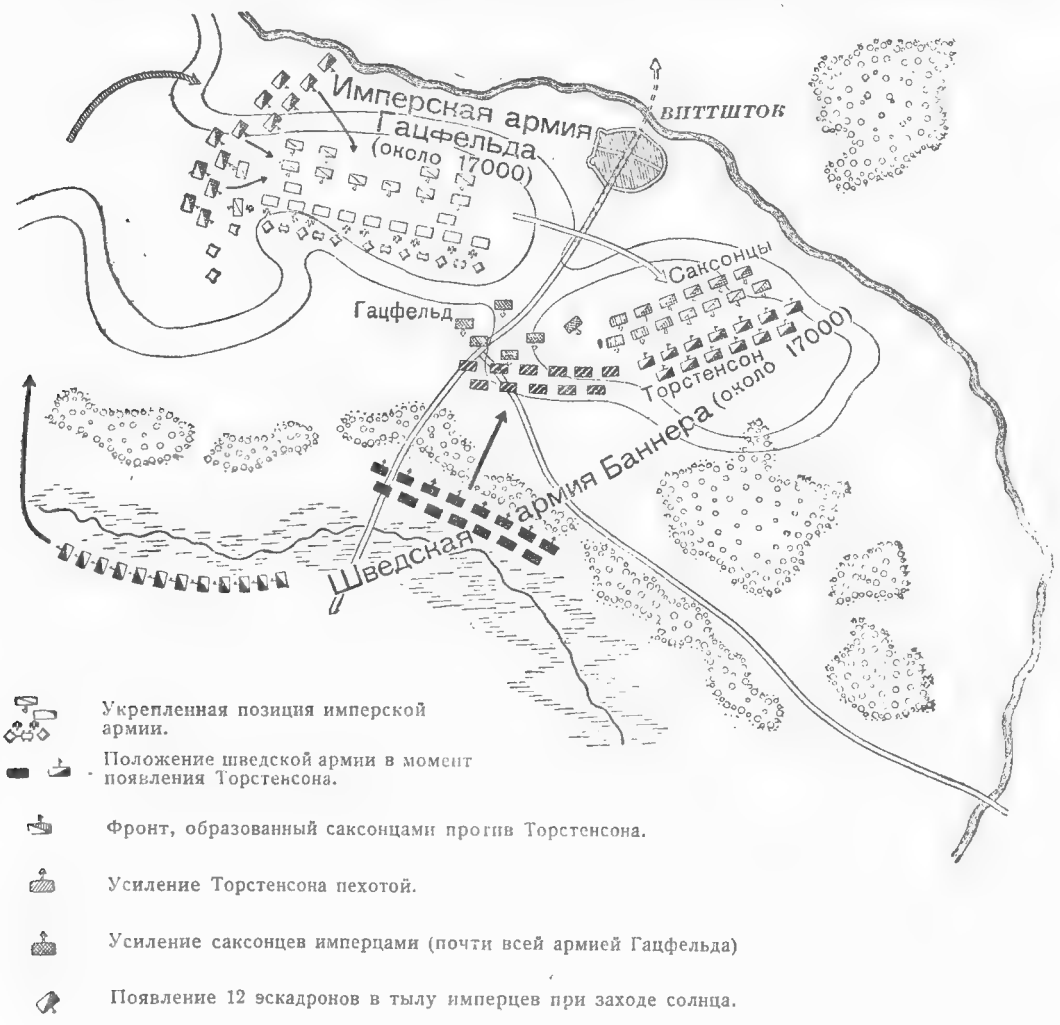


Схема 21. Сражение при Виттштоке 4 октября 1636 г.

себя почти всю неприятельскую армию; когда же, наконец, при наступлении темноты другое крыло шведов появилось в тылу у союзников, последние не решились продолжать боя со своими сильно перемешавшимися войсками и ночью начали отступление, закончившееся потерей орудий и разложением армии. По замечанию Монтекуколи (Сочинения, II, 58), Баннер выиграл сражение при помощи «12 свежих

[1] Письмо от 9 октября, следовательно на пятый день после сражения, к фельдмаршалу графу Гёцу, командовавшему в Гессене. Напечатано у фондер-Деккена: v. d. Decken, Herzog Georg von Braunschweig und Lüneburg, т. II, стр. 277.

эскадронов, которые появились под самый конец, при заходе солнца, когда силы имперцев уже были окончательно истощены».

Если Баннер и не одержал победы над численно превосходным неприятелем, все же слава его, как полководца, этим не умаляется. Он был далек от того, чтобы добиваться во что бы то ни стало решения в сражении. Когда же обстоятельства сложились так, что неприятель, преследуя второстепенные цели, ослабил свои силы и он почувствовал себя ему равным, он улавливает удобный момент и, не страшась кругового обходного движения и перевернутого фронта, решается разделить шведскую армию, тем более что препятствия перед фронтом, прикрывавшие неприятеля, в то же время препятствовали наступательным действиям последнего. Благодаря удачному исходу своего маневра он уверенно и твердо одерживает верх, ибо атака с фронта и с тыла, как она под конец сложилась для шведов, естественно, представляет более сильную форму воздействия и при равенстве сил. Единственный возможный выход для обороняющегося, чтобы не попасть таким образом в тиски, это — своевременный переход в контрнаступление и разгром одной части нападающих сил, пока другая еще не вступила в дело.

Это имперцам не удалось, и они, в конечном итоге, должны были проиграть сражение. Их ошибка заключалась в том, что они увлеклись второстепенными целями — овладением Бранденбурга,— вместо того чтобы сосредоточить все свои силы и самим принудить противника к решительному бою. Правда, принятие смелых решений значительно затруднялось тем, что верховное командование было одновременно в руках курфюрста Иоганна Георга Саксонского и имперского фельдмаршала Гацфельда. Сверх того, пришлось праздно простоять четыре недели после взятия Магдебурга, за недостатком продовольствия, боевых припасов и денег; войска, не получив жалованья, не хотели выступать в поход.

В победе Фридриха Великого при Торгау мы встретимся с подобным же ведением сражения.

ИСЧИСЛЕНИЕ СИЛ

В основу исчисления сил союзной армии Шмидт кладет документ («Armee liste»), который шведы, как говорят, нашли перед сражением при Гавельберге у одного императорского интендантского чиновника (Proviantmeister). Но весьма сомнительно, чтобы этот документ был верен; так, например, не попали ли в него части армии, находившиеся в отделе; поэтому и дальнейшие расчеты Шмидта, построенные на этом документе, легко могут быть выше действительной численности войска на несколько тысяч человек.

Шмидт основывает свой расчет, согласно которому шведы располагали 9 150 рейтарами и 7 288 пехотинцами, к которым, пожалуй, надо присоединить и 1 000 человек бранденбургского гарнизона, на одном указании Хемница. Однако, безусловная достоверность последнего — все же под вопросом. Хемниц определяет подошедший отряд Лесли в 4 000 человек. Гроциус же в письме к Бернгарду Веймарскому — в 7 000 (Шмидт, стр. 43).

Подкрепления из Померании Шмидт исчисляет, основываясь на данных Хемница, в 2 000 человек, а Франкфуртская Rel. sem. continuatio — в 2 000 человек пехоты и в 24 эскадрона (compagnien) рейтаров. Ввиду некоторой неопределенности в выражениях Хемница, я склоняюсь к тому, что последние данные являются верными.

Монтекуколи (Сочинения, II, 66) полагает, что Баннер под Виттштоком использовал то преимущество, что неприятельская армия раздробила свои силы.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЯНКАУ
6 марта 1645 г.

Это сражение, исчерпывающим образом исследованное по первоисточникам Паулем Ганцером в «Известиях общества истории немцев в Богемии», т. 43 (1905 г.), не представляет в отношении тактики ничего существенного для истории военного искусства. С обеих сторон — по 16 000 человек, у Гацфельда — на 1 000 рейтаров больше, у Торстенсона — перевес в артиллерии — 60 орудий против 26.

	Пехота	Кавалерия
Гацфельд	5 000	10 000
Торстенсон	6 000	9 000

Шведы одержали победу благодаря более совершенному и уверенному руководству. Имперцы сделали несколько ошибок: они приняли бой на местности, в общем невыгодной для кавалерии. Генералы имперцев действовали по собственному произволу, вразрез с намерениями главнокомандующего.

Для того чтобы сосредоточить эти 16 000 человек, сражавшихся под Янкау, саксонцы и баварцы должны были послать подмогу императору. Баварцами командовал Иоганн Верт.

Торстенсон говорит, что он потерял под Янкау всего лишь 600 человек, в то время как потери имперцев достигали более половины их состава, в том числе пленными 4 000; среди пленных был сам Гацфельд с 5 генералами; кроме того, 8 полковников и 14 подполковников. Один фельдмаршал, граф Гёц, 2 полковника и 3 подполковника были убиты. С обеих сторон борьба велась с величайшей храбростью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПОХА ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ

Общие замечания

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ и теоретики всегда прекрасно понимали огромные невыгоды ведения войны исключительно при помощи временно принятых на службу наемных войск. Мы видели, что такой мыслитель, как Макиавелли, и такой политик, как король Франциск, пытались создать более совершенную военную организацию, но их попытки потерпели крушение. Прогресс в этом отношении совершался способом, которого не предлагал ни один теоретик, не сконструировал ни один философ и никто не предвидел. Банды наемников не были заменены воинством какого-либо иного происхождения, но изменили свой характер, оставаясь длительно под знаменами, и превратились в постоянные войска. Произошло это сперва у испанцев, затем у нидерландцев, в результате Тридцатилетней войны—во всех более крупных областях Германии и, наконец, у англичан — лишь при переходе от XVII к XVIII в.

Карл V ко времени своего отречения от престола уже оставил после себя армию в 60 000 человек и 80 000 гарнизонных войск; эта практика в конечном результате превратилась в принцип. Огромные невыгоды роспуска войск по окончании кампании замечались уже давно; теперь стали выясняться и преимущества, даваемые содержанием постоянной вооруженной силы — не только в политическом отношении, но и в военном — в смысле внутренней ценности войск.

Военное устройство всегда является основным моментом в жизни народа. Весь социально-политический строй Европы меняется с вве-

дением новой военной организации[1]. Постоянная армия является предметом спора в борьбе государей с сословиями, в результате которой на европейском континенте все короли становятся самодержавными властителями, а в Англии — сперва министр Страффорд, а за ним и сам король Карл I взошли на эшафот. Старый вассалитет возрождается в образе дворянского офицерского корпуса. Войска утрачивают дико-злостный характер ландскнехтов, все строже и строже дисциплинируются, пополняются не только путем вербовки, но и путем набора, и на базе этого изменения своей основной структуры меняют также и тактические формы.

Не так-то легко далось западным народам создание упорядоченного управления для мощного войскового организма. Тип кондотьера, соединявшего в себе воина и дельца-предпринимателя, сохранился через Средние века вплоть до Тридцатилетней войны, ибо государство еще не обладало такими органами, которые могли бы заменить деятельность и дееспособность этих предпринимателей.

Государственная администрация являлась, по сравнению с этими военными антрепренерами, почти бессильной. Как ни были обширны страны, королевства, герцогства и графства, над которыми властвовал император Фердинанд II, все же он не был в состоянии набрать в них хотя бы такие военные силы, какие бездомный авантюрист, граф Мансфельд, то и дело выставляет в поле и собирает вокруг своей личности, а огромные богатства, коими оперировал Валленштейн, лишь в небольшой доле состояли из унаследованных или полученных в приданое владений,— они имели своим источником либо скупку имений, либо чеканку монеты, а этот источник рациональное и корректное государственное управление могло бы само использовать для себя. Дом Габсбургов с этим делом не справился. Такой человек, как герцог Макс Баварский, добился того, что командовал собственным войском, не прибегая к посредничеству кондотьера. Понемногу с этой задачей стали справляться и другие крупные владетельные дома.

Предпосылкой или, скажем, побочным моментом крупного изменения характера армии явилось образование нового правительственного аппарата — чиновничества, задача которого — собирать налоги, требуемые для содержания армии, и заботиться об экономическом положении и общем благосостоянии и культуре, дабы развить до возможной степени платежеспособность страны.

Появляется государство, как особый организм, отличный от властителя страны, управляющего территорией, принадлежащей его роду, и отличный также от народа, являющегося для государства лишь объектом. Это разделение оказывает, с своей стороны, влияние на идею войны и на способ ее ведения. Гуго Гроций выдвинул принцип, что война есть дело одних солдат и что граждан она вовсе не касается.

Первым государством, которое фактически в крупном масштабе стало держать на постоянной службе банды наемников, я назвал Испанию, которая даже в промежутках между ее войнами с Францией

[1] Сама военная организация находится в очевидной зависимости от социально-экономического фундамента. Переход к постоянным армиям, как видно на примере Морица Оранского, стал возможен лишь на основе известных предпосылок капиталистического развития. Но раз созданная, постоянная армия становится в XVII и XVIII вв. могучим двигателем развития абсолютизма. Иной ход развития вооруженных сил Англии, вследствие ее островного положения, нашел чувствительное отражение и в политическом развитии английского государства.— *Ред.*

была вынуждена иметь вооруженные силы в Нидерландах. Однако, по своему внутреннему характеру это испанское войско долго еще оставалось бандой наемников. Впервые у его противника — Нидерландской армии, предводимой Морицем Оранским, развились, как мы видели, новые стороны военного дела, характерные для постоянной армии. В шведской армии Густава Адольфа это развитие поднялось на высшую ступень, хотя, впрочем, характер старых наемных банд еще не был вполне изжит. С окончанием Тридцатилетней войны завершается и этот этап развития, и у всех народов мы, приблизительно одинаково, наблюдаем появление дисциплинированной армии, содержимой и в мирное время и регулярно оплачиваемой.

С этим явлением мы теперь познакомимся подробнее на двух наиболее выдающихся примерах — Франции и Пруссии [1].

Глава I

Франция

Прежде нередко указывали на ордонансовые роты, как на начало постоянной армии во Франции. Однако, ордонансовые роты представляются не чем иным, как высоко развитым, организованным установлением средневековья, которое, если хотят это видеть обязательно, в вооруженной свите государя и в гарнизонах замков уже имело постоянные войска.

То, что мы обозначаем термином «постоянные войска», имеет свои корни не в рыцарстве и его дружинах, а в появившейся в конце XV и начале XVI вв. новой пехоте [2]. Однако, Франция долго имела лишь ничтожную собственную пехоту. Карл VIII, Людовик XII, Франциск I, Генрих II вели свои войны преимущественно при помощи швейцарцев и ландскнехтов в соединении с французским рыцарством. Даже гражданские войны, которые во второй половине XVI в. в течение 30 лет раздирают Францию, ведутся преимущественно при помощи швейцарских и немецких наемников. Не сами французы, а немецкие рейтары на французской почве выполняют дело постепенного превращения рыцарства в кавалерию. Гугенотские войны не только не продвинули вперед национально-французскую военную организацию, но даже отбросили ее несколько назад. Гражданская война опирается на сторонников, которых находит в стране каждая из двух борющихся партий и которые, более или менее по своему желанию, то пристают к ним, то

[1] О возникновении и образовании австрийской армии см. «Историю императорско-королевской вооруженной силы с 1618 г. до конца XIX в. (Geschichte der K. und K. Wehrmacht von 1618 bis Ende des XIX Jahrhunderts), изд. Управления императорского королевского военного архива.

[2] Мы видим корни постоянной армии в постоянном налоге, собираемом государством. Поскольку такой постоянный налог начал впервые собираться во Франции для содержания ордонансовых рот, мы склонны рассматривать их как зародыши постоянных армий нового времени. Но ордонансовые роты получали и натуральное довольствие от провинций и по своему феодальному составу, тактике и по отсутствию в них пехоты имеют еще характерный средневековый облик. — *Ред.*

отходят от них. Ожесточенная борьба партий — необходимая предпосылка гражданских войн — отличается особой страстностью в религиозных войнах; в войнах гугенотов эта борьба вызвала совершенно особый, запоздалый расцвет рыцарства. Дворяне лично выступали в поход, по собственному побуждению, и служили без жалованья. Они дрались храбро, но при этом обнаруживалась и оборотная сторона рыцарства: когда Александр Пармский в 1590 г. добился снятия осады с Парижа, он маневрировал, избегая сражения. В результате армия Генриха IV, состоявшая в большинстве из добровольно служивших дворян, распалась, ничего не сделав. Генрих тогда сказал, что, в конечном счете, всю разницу между ним и герцогом Пармским составляют деньги; обладай он большими денежными средствами, он также сумел бы удержать свою армию на театре военных действий. Серебро из Потози [1] — замечает Ранке [2] — имело непосредственное отношение к развитию в Европе постоянных армий. Не подлежит сомнению, что драгоценные металлы, вывезенные из Америки, оказали существенную помощь испанцам. Однако, дальнейший ход развития показал, что упорядоченное государственное управление и правильная податная система не только в такой же мере, но и гораздо лучше и в более сильной степени доставляют средства для регулярной оплаты войск. При этом, правда, надлежит сделать оговорку, что умножение, благодаря открытию Америки, количества благородных металлов в значительной степени облегчило переход от натурального хозяйства к денежному, ибо сбор налогов без развитого денежного хозяйства представляет значительные затруднения.

Во втором томе этого сочинения мы познакомились с тем, как крушение античного денежного хозяйства и катастрофическое возвращение Европы к натуральному хозяйству способствовало развалу римских легионов. Теперь мы наблюдаем обратное явление: с возрождением денежного хозяйства снова создаются дисциплинированные постоянные армии.

Гугенотские войны постоянно переплетались с внешними войнами. Лишь Вервенский мир 1598 г. между Францией и Испанией положил конец этим смутам, и Генрих IV после заключения этого мира удержал под оружием лишь весьма небольшую армию. Большинство рейтарских рот было распущено, а личный состав остальных — сильно сокращен, приблизительно до 1 500 человек [3]. Согласно одному источнику [4], вся армия насчитывала лишь 6 757 человек, из коих большинство составляли рейтары. По другим источникам, кроме гвардии, сохранены были четыре сильных пехотных полка [5]; третьи насчитывают 100 рот, которые, впрочем, вместе могли составлять лишь несколько тысяч человек.

Ядро французской пехоты составляли пикардийские и пьемонтские «банды», теперь уже называвшиеся «старыми бандами» (les vieilles bandes), которые, хотя расценивались ниже швейцарцев и ландскнехтов, все же сохранились и во время религиозных войн были преобразованы в полки. Толчок к этому дало то случайное обстоятельство, что оба «генерал-полковника» (colonels généraux) пехоты, Андело

[1] Серебряные рудники в Боливии. — *Ред.*
[2] Französische Geschichte, I, 369.
[3] Susane, Histoire de la cavalerie française, I, 82.
[4] Feldzüge des Prinzen Eugen, т. I, стр. 507.
[5] Susane, Histoire de l'infanterie, I, 76.

и Конде, были гугенотами и на их стороне оказалась часть «старых банд». Прямо сместить обоих генерал-полковников не решились, и Франсуа Гиз придал частям этих банд, оставшимся на стороне короля, особую организацию (1561 г., окончательно в 1569 г.)[1]. Таково начало французских пехотных полков, постепенно размножившихся и просуществовавших до времени французской революции. Сюлли рисует следующую картину французского войска к исходу гражданской войны: «Производился насильственный набор в пехоту, и удерживать солдат в строю удавалось лишь при помощи палки, тюрьмы и виселицы. Жалованья они не получали и старались при всяком удобном случае дезертировать; профосы должны были их держать в лагерях, как осажденных».

«Армия,— говорит другой французский писатель,— первоначально представляла как бы бассейн, в который спускали все нечистоты и отбросы социального организма»[2].

Когда в 1610 г. Генрих IV стал снова готовиться к войне с католической Испанией, из-за чего его и убил Равальяк, он, повидимому, имел 13 полков пехоты. Сюлли составил на армию в 50 000 человек смету, в которой «год исчислялся в 10 месяцев», а расход определялся в 15 млн. франков.

После убийства Генриха IV Франция снова ослабела, опять началась внутренняя смута, из которой ее лишь постепенно поднял Ришелье. Ришелье добился вмешательства Франции в Тридцатилетнюю войну против дома Габсбургов. Однако, военная организация Франции, почти 40 лет (1598—1635) не принимавшей серьезного участия ни в одной войне, была все еще весьма слаба. Еще в 1631 г. Ришелье заявлял, что у Франции было слишком мало людей, пригодных к ведению войны, а потому он предпочитал принимать участие в войне лишь политикой и деньгами, а не непосредственно[3].

В 1636 г., после того как протестанты в Германии понесли поражение при Нэрдлингене, случилось, что императорский генерал Галлас проник глубоко во Францию, и Иоганн фон-Верт из Бельгии дошел почти до Парижа. Ришелье обратился к патриотическому чувству французского народа, и мало-помалу стала, наконец, образовываться настоящая французская армия. Начали формировать новые французские полки и приняли нидерландский метод обучения. Тюренн, будучи родственником принцев Оранских, получил у них свое военное образование. Однако, еще долгое время иностранцы составляли главную силу армии французского короля; в частности, у него служил герцог Бернгард Веймарский, а после смерти последнего король принял к себе на службу его армию; в 1638 г. на 36 французских полков приходилось 25 иностранных.

В 1640 г. Ришелье хвалился, что у Франции было под знаменами 150 000 пехоты и более 30 000 конницы. Однако, по последним французским исследованиям, эти цифры сильно преувеличены; повидимому, общее число всех войск не достигало еще 100 000 человек[4]. Роты насчитывали часто лишь 15—20 человек, ибо капитаны после смотра давали им разбегаться, чтобы прикарманить себе их жалованье.

---

[1] Образцом, может быть, послужили сформированные в 1544 г. испанские терции, отношение которых к «Колумеллам» не вполне ясно.

[2] Mention, L'armée de l'ancien régime, 1900 г.

[3] Ritter, Deutsche Geschichte im Zeitalter des Gegenreformation, III, 518.

[4] André, Le Tellier, стр. 26.

Четыре года спустя Мазарини писал Тюренну, чтобы он набирал возможно больше немцев, так как среди французов количество дезертиров достигает двух третей [1]. Вербовали солдат в Ирландии, Шотландии, Швеции и Пруссии.

В 1670 г. общую численность армии определяют в 138 000 человек, из них иностранцев — 45 000, следовательно, более одной трети.

В 1789 г., в начале революции, французская армия насчитывала 79 французских и 23 иностранных полка, — всего 173 000 человек; какое число из них фактически было под знаменами и несло службу — остается открытым [2].

Как известно, первоначально полки представляли административную единицу, комплекс меняющегося числа рот с меняющейся численностью таковых. Тактическими единицами являлись квадратные колонны или батальоны тоже различной, в зависимости от обстоятельств, численности и состава. В 1635 г. во Франции окончательно перешли к тому, чтобы превратить батальоны в подразделения полков; батальоны должны были иметь одинаковое число людей, но полк мог иметь большее или меньшее число батальонов.

Особую трудность представляло превращение старых ордонансовых рот в кавалерийские полки. Капитаны не хотели подчиняться новым порядкам. Смеялись над легкими лошадьми, которые не могли-де нести тяжеловооруженных рыцарей. Первые попытки ввести новую организацию в 1635 г. должны были быть оставлены после 7 месяцев, и снова была восстановлена самостоятельность прежних рот. Еще в 1638 и 1639 гг. были изданы приказы, которые, под страхом смертной казни, обязывали всадников не снимать своего оружия во время похода, на караулах и пр.

И все же новые военные порядки постепенно распространялись, а французское дворянство дало из своей среды таких полководцев, как Тюренн и Конде, которые умели руководить новой военной организацией.

Кавалерия настолько окончательно отказалась от традиционных боевых приемов рыцарства, что Людовик XIV должен был издать в 1676 г. приказ, чтобы офицеры, под страхом увольнения, носили кирасы, а солдаты уже их не носили. Офицеры во время атаки составляли первую шеренгу эскадрона. После 1715 г. офицеры также сняли кирасы (за исключением генералов) и наравне с солдатами стали надевать кожаные колеты [3].

Действительным творцом новой военной организации был Мишель ле-Телье, занявший в 1643 г. должность военного министра и передавший ее в 1668 г. своему сыну Лувуа [4]. Даже Ришелье еще не удалось ввести действительный порядок в военной организации.

---

[1] André, Le Tellier, стр. 217.

[2] Согласно Сюзану, изд. 1876 г., стр. 312, пехоты в строю было не больше 125 000 человек.

[3] Susane, Histoire de la cavalerie française, стр. 136 и 154.

[4] Michel le Tellier et l'organisation de l'armée monarchique par Louis André, Paris, Félix Alkan, 1906 г. Обширное, основанное на документах сочинение. Порою наблюдается тенденция слишком навязчиво выдвигать на первый план заслуги ле-Телье. В 1900 г. французское военное министерство издало сочинение: Historiques des corps de troupe de l'armée française (1569—1900). В введении — обзор соответственной литературы, начиная с сочинения Даниэля 1721 г. Книга содержит обозрение в форме таблиц всех отдельных войсковых частей с 1569 г. без исследования источников, перечень командиров и сражений, в которых части принимали участие, и т. п.

Венецианский посол Нанни доносит о французских солдатах еще в первые годы малолетства Людовика XIV, что они оборваны и босы, кавалерия их снабжена плохими лошадьми, но они, тем не менее, дерутся, как сумасшедшие.

Решающим пунктом является выплата жалованья. Венецианский посол Анджело Корер доносит, что из 100 дукатов, которые тратит король, только 40 идут по прямому назначению, 60 — либо расточаются зря, либо разворовываются. Войска оплачивались так плохо и нерегулярно, что невозможно было держать их в порядке.

Ле-Телье учредил разряд гражданских чиновников-интендантов, которых придавали военному командному составу.

Они подчинялись одному лишь старшему генералу; все остальные офицеры должны были им повиноваться. Они принимали участие в каждом военном совете, собираемом генералом, и имели голос в отношении всех решений по военным, дипломатическим и административным делам. Они должны были давать советы командующему. Финансы, крепости, снабжение провиантом и снаряжением, госпитали, военный суд — все это передано было в их руки.

Для контроля над выплатой жалованья ле-Телье прежде всего распорядился, чтобы она производилась в присутствии интенданта или подчиненных ему чиновников, военного комиссара, соответственного командира и мэра (старосты, головы) или уважаемых местных жителей того города, где расквартированы были войска. Позднее был издан приказ, чтобы жалованье выплачивал не капитан, но интендант или один из военных комиссаров, и чтобы эта выплата уже не производилась непосредственно после осмотра, но в определенные сроки, большей частью — помесячно.

В 1650 г., во время смуты, вызванной фрондой, ле-Телье пришлось снова уступить губернаторам сбор податей в их провинциях и содержание на них крепостей и гарнизонов. Но уже в 1652 г. он взял обратно эту уступку и окончательно установил чисто королевское управление.

Одновременно он провел распоряжение, чтобы его интенданты и их комиссары внезапно и на походе устраивали смотры для проверки наличности солдат; о каждом таком смотре они должны были посылать подробное донесение министру. Строптивых офицеров комиссары имели право арестовать и наложить секвестр на их имущество.

Конде, дю-Плесси-Прален, Тюренн, как командующие генералы, нередко отдавали собственные деньги и даже столовое серебро, если не для того, чтобы удовлетворить полностью солдат, то хотя бы для того, чтобы не дать им умереть с голоду. Сам ле-Телье давал из собственных средств авансы, и даже скупой Мазарини делал то же самое.

До тех пор, пока налоговая система еще не начала аккуратно функционировать, ле-Телье ввел бумажные денежные знаки, которые выдавались солдату и, по поступлении податей, обменивались на звонкую монету. Финансы были в плохом состоянии не только при Ришелье, но и при Мазарини, который, правда, приумножал собственные богатства, но о государственных финансах мало заботился. Наконец, при Людовике XIV постепенно добились регулярной расплаты наличными деньгами.

Во время Тридцатилетней войны отдельные воинские части еще представляли собой небольшие самостоятельные республики. Генерал-лейтенанты считались равноправными между собою и не хотели друг

другу подчиняться. Ле-Телье провел принцип военной иерархии. С особой осторожностью приходилось ему в этом случае поступать с Веймарской армией, которая была организована несколько иначе, чем французская, и сохранила свой собственный дух.

Постепенно у высшего командного состава отняли право назначать офицеров, и вся судьба офицеров отныне стала зависеть от доброй воли короля. Главы и сыновья господствующих аристократических семейств продолжали, в качестве полковников, быть шефами полков; они делались таковыми нередко в самом юном возрасте; но во главе их они становились лишь во время военных действий, а в остальное время большей частью проживали при дворе. Действительное командование находилось в руках подполковника, назначаемого королем из числа капитанов по собственному усмотрению; это был в большинстве случаев опытный офицер, начавший свою службу с низов.

Ле-Телье отменил злоупотребление, заключавшееся в том, что одни и те же лица занимали по совместительству несколько должностей и получали содержание по ним, и старался добиться того, чтобы если не придворные полковники, то прочие офицеры фактически оставались при своих частях, а не веселились в Париже.

Он ограничил расходы высших офицеров и точно установил для каждого чина, сколько лошадей мог держать имевший этот чин офицер: пехотный капитан — не более четырех лошадей, лейтенант — не более трех, профос — не более двух.

Когда во Франции формировались «старые банды», немногие дворяне поступали в их ряды [1], а потому, так же как в Германии, командных должностей достигали отличившиеся солдаты, независимо от их происхождения. Но уже в XVI в. стали стремиться к тому, чтобы офицерские должности занимали, по возможности, лица, принадлежавшие к традиционному воинскому званию — дворянству, — так, например, этого требует гугенотский вождь де-ля-Ну [2]. Когда же, со времен Ришелье и при Людовике XIV, постепенно стала формироваться большая постоянная армия, произошло замечательное раздвоение. Всему духу государства и правительства отвечал исключительно дворянский офицерский корпус. Но для этого новое поколение оказалось недостаточным. Старые дворянские роды были в значительной мере бедны или разорились и не могли доставить денежную доплату, необходимую для содержания офицера в соответствии с его общественным положением. Наоборот, среди высших слоев буржуазии и в семьях чиновников было много молодых людей, у которых была склонность к военной службе. Между тем, дворянство пыталось сохранить свое положение, отграничивая себя от посторонних элементов, и претендовало на офицерские посты, как на свое законное наследие, а правительство руководствовалось стремлением, по возможности, щадить, сохранять и поощрять дворянство. Слияние в офицерском корпусе, не обостренное противоречиями, понемногу со временем сгладило бы обособленное почетное положение дворянства. Но так как дворянство поставляло офицеров, а офицерский корпус ощущал себя дворянским,

[1] Susane, стр. 100. Еще де-ля-Ну объясняет превосходство испанской пехоты над французской тем, что у испанцев служило в пехоте так много дворян (Jähns, стр. 564). Jovius (1538 г., т. 37, изд. 1578 г., стр. 364, 366) передает нам курьезный рассказ, как у испанцев командиры менялись еженедельно по жребию.

[2] De la Noue, Discours XIV, изд. 1587 г., стр. 338.

то среди народа выделилось обособленное сословие с собственными нравами, особыми понятиями о чести и претензиями, которая, благодаря своим связям с двором и приближенными короля, установила свое прочное социальное господство. С другой стороны, пополнение офицерского корпуса из обособленной касты создало и закрепило между ним и солдатской массой пропасть, делившую армию на две принципиально различные составные части.

Это разделение проходило во всех армиях романо-германской Европы и было перенесено и в Россию Петром Великим. Это, собственно, и есть характерная черта этой эпохи, придающая ее армиям отпечаток, резко отличающий их как от римских легионов, так и от швейцарцев и ландскнехтов XVI в.[1].

Особое обстоятельство способствовало укреплению тенденции сохранить за французским офицерским корпусом его дворянский характер.

Несмотря на то, что назначения исходили от короля, офицеры нередко продавали свои должности другим; главным образом старики, достигшие уже преклонного возраста и намеревавшиеся удалиться на покой, этим способом старались получить известную прибавку к своей пенсии. Такую сделку со своим заместителем называли «конкордатом», и в этом случае иногда выплачивались довольно значительные суммы. Но при этом не всегда продвигались вперед наиболее способные, а ничто так не подрывает моральной основы всякой дисциплины, как продвижение несоответственных элементов на высшие командные посты[2]. Маршал Беллиль при Людовике XV безуспешно пытался искоренить это злоупотребление, а так как среди буржуазных семей, направлявших своих сыновей на военную службу, было больше достатка, чем в большинстве дворянских семей, то борьба против продажи должностей повела к реакции против лиц не-дворянского происхождения: раз не допускали буржуазию, то она не могла и оспаривать желанных мест у дворянства при помощи своего богатства. В течение всего этого периода вплоть до революции издаются все новые и новые эдикты, которые то открывают доступ буржуазии к офицерским постам, то его затрудняют, то совершенно его преграждают. В 1629 г. при Ришелье был издан эдикт, согласно которому солдат, отличившийся на войне, мог быть повышен до чина капитана и даже больше, если он того окажется достойным. Как ни либеральным кажется на первый взгляд этот эдикт, однако в основе его все же лежит тот взгляд, что офицерский корпус по своему существу — дворянский. Все же в XVI в. Монлюк и в XVII — Катина, будучи буржуазного происхождения, достигли высшей ступени военной иерархии.

---

[1] Первый след принципиального различия между офицерами и унтер-офицерами я нахожу в одном замечании д е-л я-Н у (Discours XIII, изд. 1587 г., стр. 327). Здесь он хвалит испанцев за то, что они слушаются приказаний простых сержантов, а т е м б о л е е офицеров.

[2] I. G. H o y e r, Geschichte der Kriegskunst, стр. 188, у которого еще сохранилась живая традиция, видит основную причину плохой дисциплины во французском войске XVIII в. в продаже офицерских должностей. Однако, такие явления не следует рассматривать изолированно, а затем использовать их как причину. И в английской армии господствовала система продажи офицерских должностей, однакоже в ней не только сохранилась дисциплина, но эта ненормальность принесла ей ту выгоду, что выдающийся человек, если он при этом обладал и богатством, мог попасть на высший командный пост еще в очень юных годах. Таким путем Веллингтон достиг чина подполковника 23 лет.

В общем, однако, положение было таково, что хотя число буржуазных офицеров-ротюрьеров (худородных) и было значительно, однако на высшие командные посты они попадали лишь в весьма редких случаях, а временами допущение их сопряжено было со столь строгими ограничениями, что оно было почти исключено. Главным средством предоставить буржуазии доступ в офицерский корпус являлось создание фиктивного дворянства: удостоверение, подписанное тремя или четырьмя дворянами, о том, что аспирант является дворянином, было достаточно для допущения его; а такое удостоверение достать было не очень трудно. Еще незадолго до революции выпущен был поэтому эдикт (1781 г.), требующий, чтобы была доказана принадлежность к дворянству четырех последовательных поколений по отцовской линии. Согласно этому эдикту, следовательно, исключались из офицерского корпуса и сыновья недавно возведенных в дворянское достоинство лиц или же они могли удержаться лишь при помощи особенной протекции [1].

Офицерское сословие, как оно образовалось в течение XVII в., является, следовательно, дальнейшей формой развития наследственного военного сословия Средних веков — рыцарства, изменившегося не только внешне, в смысле боевых приемов, но и внутренне, путем приспособления к строгим формам дисциплины и военной иерархии, с производством по благоусмотрению верховного военачальника. В 1685 г. вышла книга «Поведение Марса» (La conduite de Mars), которая ставила себе задачей научить офицера его сословным обязанностям и правилам жизни и, по выражению Иэнса (II, 1255), представляет переход от дворянского кодекса чести к военно-служебному регламенту. Офицер обязан повиноваться, но никогда не должен ронять своего достоинства и пользоваться каждым случаем сделать карьеру (faire fortune). И набожность — поучает книга — приносит выгоды.

Во французской армии число офицеров, по сравнению с ее численным составом, было поразительно велико. Согласно указанию труда генерального штаба о войнах Фридриха Великого (I, стр. 114), в 1740 г. на 11 рядовых уже приходилось по одному офицеру, а потому все поручики были также вооружены ружьями. В Пруссии в это время 1 офицер приходился приблизительно на 29 рядовых; ко времени смерти Фридриха Великого 1 — на 37 человек; теперь же 1 офицер приходится приблизительно на 50 солдат. Если даже соотношение 1 : 11 основано на ошибке, то все же число офицеров по отношению к числу солдат было гораздо больше, чем в наше время [2].

---

[1] Весьма обстоятельно обработан вопрос о положении офицеров из дворян и из буржуазии во французской армии в книге Louis Tuetey, Les officiers sous l'ancien régime, nobles et roturiers, Paris, 1908.

[2] Puységur (гл. VI, стр. 50) считает одного офицера на 16—17 солдат, в другом месте (стр. 103) — на 25 человек. Sicard, Histoire des institutions militaires des Français, т. II, стр. 229, считает одного офицера на 12—13 человек (79 050 : 6 553); стр. 244 — на 19—20 человек (685 : 35) в пехотном батальоне. Susane, Histoire de l'infanterie française, I, 278 — на 15 человек (685 : 35). Berenhorst, Betrachtungen, I, 61 — на 18 человек (900 : 50) 1 офицер. Сюзан добавляет к своему указанию, что в 1718 г. нашли это число чрезмерным, а потому сократили число рот; но в 1734 г. число их снова было увеличено. Hoyer, Geschichte der Kriegskunst, говорит (II, 505), что реформа военного министра Сен-Жермена установила численность роты в 125 человек, из них 7—8 офицеров. Согласно Шюке, число всех французских офицеров в 1789 г. достигало 9 000 человек. Также и в Австрии во времена принца Евгения число офицеров было очень велико. Монтекуколи требовал 33 офицера на 1 500 солдат. В Пруссии к декабрю

Если никогда не удавалось воздвигнуть непроницаемую преграду для вступления буржуазных элементов в офицерский корпус, то и внутри самой армии оставался, хотя и узенький, мостик, который вел из мира рядовых в мир офицерского сословия. Между офицерами и унтер-офицерами стояли зауряд-офицеры (officiers de fortune), их можно приравнять, пожалуй, к старшим боцманам (Deckofficiere) или к фельдфебель-лейтенантам последнего времени. Они считались лишь унтер-офицерами, но нередко происходили из интеллигентных семей. При хорошей аттестации такой officier de fortune мог рассчитывать в среднем возрасте на производство в офицеры. Их знание службы и усердие имели особенно большое значение для спайки воинской части, особенно в кавалерии, где многие знатные господа не очень-то заботились о службе. Из этих слоев армии вышел маршал Бернадотт, впоследствии — шведский король. Он был сыном видного адвоката и сам являлся такой значительной, а впоследствии и импонирующей личностью, что уже молодым человеком должен был привлекать к себе внимание. Тем не менее, к моменту когда вспыхнула революция, будучи в возрасте 26 лет и прослужив солдатом 10 лет[1], он еще не был лейтенантом и не имел, даже если бы, наконец, ему и пожаловали офицерские эполеты, почти никаких шансов продвинуться по службе дальше капитана.

Пополнение полков производилось путем вербовки, для чего уже в 1645 г. ле-Телье установил определенные вербовочные округа. В 1666 г. время, на которое заключался контракт (capitulation), было ограничено четырьмя годами, и капитанам было запрещено, под страхом лишения чина, насильно удерживать под знаменами людей, не изъявивших добровольно своего желания, дольше этого срока.

Время от времени все еще производился призыв рыцарства, arrière-ban: в 1674 г., в 1675, 1689, 1703 и даже в 1758 г., во время Семилетней войны. Но это ополчение не успевало собраться, как его распускали из лагеря по домам, как совершенно непригодное, и это обратилось в известный прием налогового обложения дворянства: довольствовались вместо личной явки уплатой известной суммы в виде откупа. В 1639 г. подлежащий призыву дворянин вместо себя должен был поставить двух пехотных солдат.

Еще в 1661 г., при вступлении на престол Людовика XIV, во Франции не было установлено общей форменной одежды; лишь отдельные роты некоторых полков бывали одинаково обмундированы своими капитанами, хотя ле-Телье уже в 40-х годах распорядился изготовить по образцам оружие и форменную одежду. Во время религиозных войн надевали для отличия цветные повязки и накидки наподобие капюшонов неодинакового цвета, различавшихся в зависимости от вождей или каких-либо обстоятельств.

В 1666 г. ле-Телье издал приказ, предписывавший одинаковый калибр для всех ружей: 20 пуль на 1 фунт.

Казарм было мало; солдаты располагались на квартирах горожан, и точные регламенты устанавливали взаимоотношения их с хозяевами

1740 г. было 3 116 офицеров на 100 000 человек, а в 1874 г. — 5 300 офицеров приблизительно на 200 000 человек. Полк Тюна насчитывал в 1784 г. 52 офицера на 2 186 человек унтер-офицеров и рядовых, в том числе и 40 запасных, следовательно, 1 офицер на 42 солдата («Militär-Wochenblatt», 1909 г., столбец 3768).

[1] Данные о времени поступления на службу Бернадотта не вполне совпадают у обоих его биографов: Sarrans-Jeune и Kläber.

квартир как при постоянном расквартировании, так и на походе. При Людовике XIV стали строить все больше и больше казарм.

С 1666 г. стали чаще собирать более крупные массы войск в учебные лагеря и с ними производили не только строевые ученья, но и двухсторонние маневры.

Для продовольствования войск ле-Телье создал правильно организованные магазины, которые получили большое значение для стратегических операций. Ле-Телье нередко сам принимал участие в походах, чтобы руководить снабжением армии и следить за ним. Нам еще придется вернуться к вопросу о довольствовании войск при помощи магазинов.

Уже Ришелье основал несколько лазаретов. Ле-Телье отпустил им средства как для того, чтобы сохранить для армии солдат, так и из чувства человеколюбия. В XVIII в. французские войска слыли наиболее обеспеченными в этом отношении. Генерал-интендант дю-Верне писал во время Семилетней войны главнокомандующему Клермону, что французы, пожалуй, являются единственной нацией, у которой имеются лазареты при армии, отчасти из человечности, отчасти потому, что у французов мало людей и их приходится беречь. Правда, — продолжает он,—лазареты здесь не так хороши, как в гарнизонах [1].

Особым злом прежних наемных войск были их огромные обозы. Солдаты очень охотно брали с собою в поход своих жен, чтобы они помогали им в отношении продовольствия, а в случае болезни или ранения ухаживали за ними. С учреждением правильно организованных магазинов и полевых лазаретов эта помощь перестала быть необходимой для солдат, и им можно было запретить брать с собою жен; ле-Телье даже запретил солдатам жениться.

Но насколько еще и в этих постоянных армиях живо было миросозерцание наемнических банд, показывает то, что продолжало еще существовать «рансонирование», т. е. выкуп военнопленных. В 1647 г. между Францией и Испанией было заключено соглашение, установившее определенный тариф для выкупа: за полковника платили 400 франков, за рядового пехотинца — 7½ франков [2].

Ле-Телье заботился также и об инвалидах. Одних поручали монастырям, которые обязаны были их содержать; другие инвалиды, объединенные в роты, получали содержание за несение ими известной службы. Но они предпочитали дезертировать, отправлялись в Париж и жили нищенством. На граждан, подававших им милостыню, налагали штрафы и грозили даже смертной казнью нищим. В 1674 г. Людовик XIV основал Дворец инвалидов (Hôtel des Invalides) [3].

---

[1] Daniels, «Preussische Jahrbücher», т. 79, стр. 523.

[2] Hoyer, Geschichte der Kriegskunst, II, 199. Согласно Нис (Nys, Le droit international, III, 512) первый договор о «рансонировании» (выкупе) был заключен в 1550 г. между Морицем Саксонским и городом Магдебургом. Выкуп не должен был превышать месячного оклада жалованья. Heffer-Geffken, Völkerrecht, § 142, указывает, как на старейший картель об обмене военнопленными и о выкупе их, на договор, заключенный между Францией и Голландией в 1673 г. Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, VII, 45, приводит еще другие подобные договоры. Как высшую норму выкупа иногда назначали жалованье за четыре года.

[3] Первое обещание оказать призрение, которое, насколько я припоминаю, мне пришлось прочитать, помещено в Штральзундском договоре о найме солдат от 1510 г., Beck, Artikelsbriefe, стр. 118, где обещается призрение раненых и инвалидов.

Дело Мишеля ле-Телье было продолжено и завершено, как мы уже говорили, его сыном Франсуа-Мишелем, носившим титул маркиза де-Лувуа; 21 года от роду, в 1662 г., он стал помощником своего отца, а 6 лет спустя, 28 лет от роду, заместил отца в качестве военного министра (в 1668 г.).

Когда в 1668 г. Аахенский мир закончил деволюционную войну[1] и армию следовало бы сократить, он не распустил, как это делалось раньше, известное количество войсковых частей, но сократил личный состав каждого полка, сохранив полностью все штабы, так что, путем укомплектования новобранцами уже существующих полков, армия легко могла быть увеличена. Этим способом, собственно, и была впервые осуществлена идея постоянной армии. Дух каждой однажды сформированной воинской части, таким образом, передавался дальше, при этом не только выигрывалось время, необходимое для сформирования совершенно новых воинских частей в случае возникновения войны, но эти старые полки обладали вескими качественными преимуществами старых воинских частей над новыми.

Чтобы иметь возможность использовать всю вооруженную силу для активных задач ведения войны, Лувуа учредил в 1688 г. милиционные полки, которые должны были нести гарнизонную службу. В то время как полевая армия была построена на добровольной вербовке, людей для милиционных полков должны были поставлять общины; следовательно, так или иначе производился набор. Однако, вскоре кое-где стали пользоваться милиционными полками и в полевой войне, а в войне за испанское наследство солдатами милиционных полков стали просто комплектовать постоянные полки.

Таким образом, и в отношении полевой армии, хотя косвенным путем, в незначительных размерах и мягких формах, комплектование основывалось на наборе. Но еще задолго перед этим, в 1677 г., Лувуа писал, что для дезертира не может служить извинением утверждение, что его забрали насильно; ибо если такому заявлению придавать значение, то никто не останется под знаменами, ибо почти не найдется человека, который не мог бы предъявить каких-либо возражений против своего завербования.

При Генрихе III, как и в Германии, был издан декрет, чтобы резали носы «пассволантам» (подставным солдатам); но на действительных виновников, капитанов, посягнуть не решались. Теперь положение изменилось. Но потребовалось много времени, чтобы окончательно искоренить это злоупотребление. Еще в 1676 г. при Лувуа указ резать носы был возобновлен.

Самой существенной заслугой Лувуа перед французской армией следует признать его административную деятельность, его неустанную, нередко грубую энергию и работоспособность, с которыми он проводил и осуществлял созданную его отцом систему, ломал всякое противодействие, искоренял злоупотребления и осуществлял всегда бдительный контроль. Там, где он усматривал промах или беспорядок, он

---

[1] В Нидерландах господствовало деволюционное право, по которому только дети от первого брака наследовали недвижимому имуществу родителей, имевшемуся уже при заключении первого брака. Придравшись к этому праву, Людовик XIV, женатый на дочери короля испанского от первого его брака, предъявил требование на Нидерланды, когда на испанский престол вступил Карл II, родившийся от второго брака. Отсюда и война 1667—1686 гг. получила свое начало. — *Ред.*

лично появлялся и сам принимал соответственные меры. В этой деятельности его отчасти можно сравнивать с Фридрихом Вильгельмом I.

Хорошо слаженный организм французской армии выдержал поражения в войне за испанское наследство и проявил свои достоинства даже еще в Семилетней войне. В 1760 г. Фердинанд Брауншвейгский сражался с французской армией, более сильной и не хуже организованной и снаряженной, чем она когда-либо появлялась по сю сторону Рейна при Людовике XIV. Силы французов тогда насчитывали не меньше 140 000 человек [1].

Глава II

Бранденбург — Пруссия

По существу, немецкие государи еще более настоятельно нуждались в дееспособной военной организации, чем французский король, так как их средства им не позволяли, хотя бы в минуту крайней нужды, завербовать к себе на службу крупные банды наемников, как то делали французские короли. Не было недостатка в радикальных и энергичных попытках создать в немецких странах новую военную организацию. Но она всегда была связана отчасти с традицией обязанностей ленников-дворян, отчасти с никогда не забывавшейся полностью идеей всеобщего ополчения для защиты своей страны. Держали опытных в военном деле капитанов на постоянной пенсии (Wartegeld), чтобы они, в случае нужды, стали во главе ленного ополчения или набора, произведенного среди горожан и крестьян. Более крупные области, как Бавария, Вюртемберг, Пфальц, Саксония, Пруссия, могли таким путем выставить довольно многочисленные организованные милиции. Заслуживает быть особо отмеченным граф Иоганн Нассауский, брат Вильгельма Людвига, так успешно помогавшего Морицу Оранскому при создании им нидерландского войска. Граф Иоганн, глубоко захваченный идеей новой военной организации, созданной его родственниками в Нидерландах, захотел перенести ее в Германию. Он видел надвигавшиеся тучи религиозной войны и советовал сословиям вооружаться, заменив наемных навербованных солдат местным ополчением. Но он пошел и дальше.

Успехи Морица Оранского настолько подняли престиж последнего, что в его лагерь стали стекаться питомцы Марса из всей протестантской Европы, чтобы быть посвященными там в тайны нового военного искусства.

Но нидерландское военное искусство покоилось уже не на одном опыте; в основе оно полагало теоретическое изучение и знание. Поэтому Иоганн учредил в своей столице Зигене военное училище для молодых дворян и сыновей патрициев. Там преподавали инженерное искусство, фортификацию, артиллерию, тактику, математику, латинский,

[1] Daniels, Ferdinand von Braunschweig, «Preussische Jahrbücher», т. 80, стр. 509 и т. 79, стр. 287.

французский и итальянский языки. В качестве директора училища он пригласил Иоганна Якоби фон-Валльгаузена, о происхождении и жизни которого мы, к сожалению, знаем лишь то, что он побывал в Нидерландах, именовал себя «уполномоченным оберст-вахтмейстером и капитаном достохвального города Данцига» и с 1614 по 1621 г. издал ряд военно-теоретических сочинений, которые представляют собой месиво из действительных знаний, здравых суждений и часто совершенно фантастических измышлений [1]. Он, например, рекомендовал кавалерии, чтобы она для обороны образовывала круг или карре [2], а пехоту он строит крестообразно или в виде восьмиугольника. Тем не менее его писания пользовались большим успехом и были также переведены на французский язык [3]. Сам автор, как то можно заключить по его сочинениям, был несолидной личностью, и несколько месяцев спустя его уволили. Зигенское военное училище вскоре закрылось, а граф Иоганн умер в 1623 г., не создав ничего устойчивого [4].

Попытки организовать милицию также не увенчались успехом. Эти ополчения не могли устоять против профессиональных наемных солдат [5]. Пфальцская милиция спасовала, когда подошли испанцы; саксонская — обратилась в бегство при Брейтенфельде, о баварской ее курфюрст Максимилиан писал, что, «когда пришли шведы, пользование ею не дало никакого эффекта, и расходы на нее оказались напрасными» [6]. Вюртембержцы принимали еще участие в сражении под Нэрдлингеном и, повидимому, были там истреблены; к сожалению, мы не располагаем подробными сведениями о том, как они сражались.

Хотя Бранденбургу, ввиду предстоявшего объединения его с Пруссией, Померанией и землями в Вестфалии и на Нижнем Рейне, следовало вести политику более широкого масштаба, но в Тридцатилетнюю

---

[1] Нидерландец ле-Гон (Hondius) писал об Валльгаузене (Иэнс, II, 1039): «Валльгаузен написал большую книгу об экзерсициях полка, с которыми мы не встречались ни в одном государстве и которые будто бы применяются у Оранских принцев; будучи лишь одной фантазией, которую записывают на бумагу, они не могут быть проделаны ни одним офицером, командующим солдатами; их нельзя даже встретить у писателей, уверяющих, будто Икар захотел так высоко полететь, что свалился сверху, и стремящихся перенести такие фигуры на бумагу, чтобы их почитали за великих мудрецов (?)». Француз Барден отзывается о «Военном искусстве пехоты» как о «неудобочитаемом пустом наборе слов, из которого ничего нельзя извлечь» (Иэнс, II, 1042).

[2] В защиту его можно сказать, что и такой солдат, как Монтекуколи, писал подобные же вещи: «Если хотят построить отряд конных копейщиков не для атаки, а для обороны, то ему можно придать квадратную форму, образующую фронт в каждую из четырех сторон». Там же рекомендуется круглое или сферическое построение (Соч., т. I, 352).

[3] А также на русский («Учение о хитрости ратного строения наших людей»).— *Ред.*

[4] L. Plathner, Graf Johann von Nassau und die erste Kriegsschule. Берлинская диссертация, 1913 г.

[5] Граф Рейнгард Зольмс составил около 1519 г. военную энциклопедию, которую Иэнс (I, 510) называет «Военное управление» (Kriegsregierung); он решительно отвергает в ней идею милиции, ибо люди, составляющие ее, в момент опасности разбегаются. Лазарус Швенди стоял за нее (там же, стр. 539). Генерал фон-Клитцинг представил герцогу Брауншвейг-Люнебургскому доклад о том, что, по его опыту, милиция не может противостоять навербованным войскам; он рекомендует перемешивать между собою навербованных солдат с взятыми по набору. Von der Decken, Herzog von Braunschweig-Lüneburg, II, стр. 189.

[6] Лишь однажды, и притом для второстепенной цели, ландвер удалось использовать: когда герцог в 1620 г. вступил в Богемию, он им прикрыл свою страну от Союза. Krebs, Schlacht am Weissen Berge, стр. 32.

войну он вступил еще менее подготовленным, чем другие упомянутые области Германии. Правда, как-то произвели подсчет числа военнообязанных по ленам (1 073 всадника) и распределили их на роты, но все это осталось только на бумаге, а когда берлинские бюргеры должны были в 1610 г. производить учебную стрельбу, они заявили, что такие упражнения слишком опасны, так как могут напугать беременных женщин [1]. Между тем ведение войны при помощи наемных войск означало, как писал в 1610 г. бранденбургский канцлер, что «полувраг сидит у тебя в доме, а враг стоит у ворот» [2].

В Пруссии верховные советники представили в 1622 г. герцогу «План обороны», но Георг Вильгельм его отверг (19 февраля, 1623 г.), «ибо опыт хорошо доказал, что из государственной организации, введенной в Курпфальце для спасения страны,— когда дело дошло до серьезной опасности и столкновения, ничего путного вопреки всеобщему ожиданию не вышло [3].

От Гусситских войн и вплоть до Тридцатилетней войны,— следовательно, более 200 лет, — теория и практика военной организации находились во взаимном противоречии. Теоретически все время орудовали ленной повинностью, городским ополчением и милицией, — на практике же войны велись при помощи наемных солдат.

В 1557 г. курфюрст Саксонский издал указ городу Деличу: «Строжайше повелеваем вам быть со всеми своими согражданами в полной готовности, дабы вы и они по первому требованию незамедлительно могли присоединиться к войску». В 1583 г. последовал приказ: «дабы нам послушные ленные графы, господа рыцари, горожане и прочие подданные и подвластные были и находились во всякое время в добром снаряжении и готовности к выступлению в поход». «Только при явных телесных недостатках (scheinliche Leibschaft) дозволяется заменять себя лицом того же сословия» [4].

Если бы мы располагали такими капитуляриями из времен Карла Великого, каких бы выводов ни наделала из них история права и история государственного устройства! Каких бы только систем они ни настроили на этом основании! [5] Но это одни лишь пустые пышные слова, без всякого реального содержания.

Небольшая гвардия, которую содержат государи в XVI в., именуется «дворцовой челядью» (Hofgesinde). У курфюрста Бранденбургского их было всего человек 200 или несколько больше.

Когда надвигалась опасность, сословное представительство санкционировало набор небольшого отряда войск на короткий срок. Валленштейн и Мансфельд, приближаясь в 1626 г. к Бранденбургу, заявили о своей готовности уважать нейтралитет его территории, если

[1] Когда аугсбургский бургомистр хотел принудить всех граждан приобрести оружие для ежедневных упражнений, весь город возмутился такой мерой и заявил, что это бессмыслица, напрасная трата времени и денег, так как той же цели, при огромном значении аугсбургской промышленности, можно достигнуть и лучше и дешевле при помощи наемных войск (Schmoller, «Tüb. Zeitschrift», 16, 486).

[2] Jany, Die Anfänge der alten Armee, стр. 2.

[3] Jany, I, 10. Krollmann, Das Defensionswerk in Königreich Preussen, 1909.

[4] Meynert, Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassung in Europa, т. II, стр. 99.

[5] Капитулярии Карла Великого гласят о всеобщей воинской повинности. Таковая армия и учитывалась многими историками и правоведами. Дельбрюк доказал, что они представляют произвольную компиляцию с латинского, образец законодательства, не имеющего ничего общего с практикой жизни, и в условиях раннего средневековья являлись абсолютно неосуществимыми требованиями.—*Ред.*

курфюрст фактически преградит доступ воюющим отрядам в свою страну. Но для этого у него не было солдат; правда, сословные представители отпустили средства на 3 000 человек, но слишком поздно, и притом всего на три месяца. «Не нужно держать войск, — заявили они, — ведь по 100 лет платят большие и тяжелые налоги на них, а защиты никакой нет».

Таким образом, войска обеих воюющих сторон беспрепятственно проходили через страну, и уже в 1628 г. подсчитали, что Валленштейн выкачал из страны 200 *т* золота, а за 2 *т* можно было бы выставить уже значительную военную силу [1].

Союз с Густавом Адольфом, правда, послужил поводом выставить несколько бранденбургских полков, но он главным образом обязывал курфюрста отпускать денежные субсидии.

Когда, шесть лет спустя, курфюрст перешел на сторону императора, план заключался в том, чтобы, при помощи денежной поддержки со стороны последнего, была выставлена довольно значительная бранденбургская армия, которая была бы обязана службой «его римскому императорскому величеству и, как его наместнику — его бранденбургской светлости». Задача этой армии должна была заключаться в том, чтобы выгнать шведов из Померании, но уже в следующем году бранденбургский министр Шварценберг [2] докладывает курфюрсту: «Ваша курфюрстская светлость обязались выставить 25 000 солдат, которых эта бедная страна должна была содержать к вящшему своему разорению. Около 5 000 человек явилось на генеральный смотр (Général-Rendez-vous) в присутствии вашей светлости и генерал-лейтенанта графа Галласа менее 5 недель тому назад; теперь, как показывают сами офицеры вашей светлости, их едва имеется в строю налицо 2 000 конных и пеших».

Причиной такого положения, естественно, являлось то, что не могли собрать денег. Мы видели, как в эти годы дело обстояло даже в величайшем и богатейшем королевстве Европы — во Франции. Дающую хорошие результаты налоговую организацию не так легко создать, тем более, что сословия оказывали этому самое упорное противодействие. Они не только отказывались платить налоги, но и выдвигали из-за денежного вопроса вопрос конституционный. Когда прусские сословия отказали курфюрсту в средствах на набор солдат, необходимых будто бы для их защиты, Шварценберг писал: «И большими дураками оказались бы они, если бы это допустили; во всяком случае их не могло не обеспокоить то, как бы курфюрст, придя с такими силами в Пруссию, не стал им предписывать законы (leges) и не получил возможности делать все, что ему вздумается». Так оно и произошло при сыне, а еще в большей мере при правнуке этого курфюрста, воздвигшем свой суверенитет как бронзовую скалу.

---

[1] В июне 1625 г. исчислили стоимость принудительных поставок со стороны населения расквартированным в Гессене в 1623 г. войскам лиги только в городах и селах, принадлежавших ландграфу, а не дворянам, не считая грабежей и разрушений, в 3 318 000 рейхсталеров, — сумма, более чем в десять раз превышавшая ту, которую за три года перед тем сословные представители отпустили ландграфу, но которой нехватило для защиты страны. M. Ritter, Deutsche Geschichte, III, 260. Гиндели определяет общую сумму контрибуций, собранных Валленштейном за первый период его командования, в 200—210 млн. талеров. Один только город Галле показал, что с сентября 1625 по сентябрь 1627 г. он заплатил 430 274 гульдена.

[2] Droysen, Preussische Politik, III, I, 49.

Историческая традиция гласит, будто великий курфюрст тотчас по вступлении на престол освободил войска от двойного повиновения — императору и курфюрсту — и тем создал самостоятельное бранденбургское войско; действительным плодом всех страданий и мук Тридцатилетней войны было-де зарождение бранденбургско-прусской армии.

Однако, это представление требует существенной поправки. Фридрих Вильгельм вступил в управление государством отнюдь не с твердым решением освободить государственную власть от участия в управлении сословий и добиться независимости при помощи образования постоянной, подчиненной одному курфюрсту армии. Наоборот, представителем монархической идеи был советник его отца, Шварценберг, и упрек, который современники делали Георгу Вильгельму, заключался не в том, что он хотел слишком малого, но что он хотел слишком многого. Еще в 1640 г. сословия просят Шварценберга «не обращаться с ними, как с бунтовщиками и рабами». Главный упрек, который ложится на этого министра, заключается в его безалаберном управлении делами. Сам он, когда в кассе появлялись деньги, прежде всего заботился о том, чтобы в первую очередь были удовлетворены его личные претензии, войскам же жалованье не платилось и они ходили в рубищах. Новый князь, смущенный громкими жалобами сословий на тираническое управление Шварценберга, не сразу разобрал, в чем корень зла, и вначале не имел иного желания, как покончить с эксцентричными планами своего отца, ради «кровавых слез страны» заключить перемирие со шведами и если не совершенно распустить армию, то хотя бы сократить ее до небольших размеров. В конце концов в Бранденбурге оставалось 125 рейтаров и 2 150 человек пехоты, которые предназначались не для полевой службы, а лишь в качестве гарнизонов крепостей, а потому состояли исключительно из мушкетеров. Главным затруднением при таком сокращении была выплата недоданного жалованья солдатам, для чего и стремились добыть средства путем крайне скупого расчета с полковниками, что, в свою очередь, вызывало конфликты. Маркграф Эрнст, родственник курфюрста, с великим трудом наскреб, наконец, 1 380 талеров, чтобы удовлетворить рейтаров. Также и плоды организаторского пыла Шварценберга — Военная канцелярия и Военная касса, в которых, впрочем, служили весьма сомнительные личности[1], были снова упразднены, и полковникам снова предоставили право назначать субалтерн-офицеров. В написанном лет 30 спустя наставлении курфюрста своим сыновьям говорится: «Повседневно сожалею о том, что в начале своего правления, к великому ущербу, я дал себя уговорить и последовал, против своей воли, совету других — больше опираться на союзы, чем на собственные силы»[2].

---

[1] Von Bonin, Der Kurbrandenburgische Kriegsrat, 1630—1641. «Brandenburg-preussische Forschungen», 1913 г., стр. 51 и сл.

[2] Историки еще не вполне согласились между собою относительно сущности и характера сокращения армии 1641 г. и ее состава до 1656 г. Представление Дройзена, будто бы в 1641 г. дело шло главным образом о расторжении двойного обязательства по отношению к императору, с одной стороны, и курфюрсту — с другой, и что юный государь одновременно сломил противодействие и сословий и полковников, дабы отныне создать единую армию, подчиненную одному лишь курфюрсту, в настоящее время всеми оставлено. Meinardus, Protokolle und Relationen des «Brandenburgischen Geheimen Rats». Введение к I и II томам. Статья «Schwarzenberg» в «Allgemeine Deutsche Biographie». Статья в «Preussische

Количество войск, которое сохранил курфюрст, все же оказалось несколько больше того, что было желательно сословиям; однако, эти войска уже не составляли полевой армии и подверглись, по настоянию сословий, новому сокращению, за исключением гарнизонов, размещенных во вновь приобретенных городах — Кольберге, Гальберштадте и Миндене; состав их, таким образом, был даже меньше того, который имелся налицо в 1631 г., в момент появления Густава Адольфа.

Настоящую армию курфюрст Фридрих Вильгельм образовал лишь через 15 лет после своего вступления на престол, когда он в 1655 г. был вынужден вмешаться во вновь возгоревшуюся войну между Швецией и Польшей, являвшуюся как бы отростком Тридцатилетней войны. В постоянной борьбе с сословиями он добился согласия, а частью обошелся и без него, собирать ежегодные налоги, установленные на более длительный период, вместо единовременных ассигнований (1653 г. «Военная Осьмина» на шесть лет)[1]. В этом случае на помощь курфюрсту пришел имперский закон (1654 г.), обязывавший подданных «оказывать соответствующую помощь на размещение гарнизонов и на содержание необходимых крепостей, городов и мест, снабженных гарнизонами»; не менее важным оказалось то обстоятельство, что упорной работой он ввел такой порядок в управлении, при котором наличные средства не расточались, а шли по своему назначению. Таким путем курфюрсту удалось в 1656 г. сформировать в Пруссии однородную армию в 14 000—18 000 человек, в содержании которой принимали участие все области, объединенные в то время под его скипетром. С этой армией он присоединился,— правда, отчасти вынужденный к этому,— к шведам, предводимым Карлом X, и принял участие в сражении под Варшавой.

После Оливского мира (1660 г.) полевая армия снова была сокращена до 4 000 человек, не считая гарнизонных войск, но теперь уже окончательно укрепилась принципиальная идея — содержать и в мирное время постоянную военную силу. До этого времени все мероприятия курфюрста все еще можно было понимать так, что только фактические или ожидаемые военные осложнения вызывали набор войск. Теперь же, вопреки всему противодействию сословий, проводилась идея постоянной армии (miles perpetuus) по шведскому образцу, на который курфюрст категорически и ссылался[2], и когда Фридрих Вильгельм умер, он оставил после себя прочно спаянную армию в 29 000 человек.

История отныне развивающейся бранденбургско-прусской армии является в то же самое время историей Прусского государства.

Основу прусского управления составляло деление страны на округа (Kreise) с ландратами во главе. Ландрат — поместный дворянин, назначенный на эту должность государем по представлению крупных землевладельцев данного округа, съезжавшихся на окружное собрание; он регулировал отношения местного населения к расквартированным

Jahrbücher», т. 86; von Schrötter, «Brandenburg-preussische Heeresverfassung unter dem Grossen Kurfürsten». 1892. Bräke, Die Reduction des Brandenburg-preussischen Heeres im Sommer, 1641. Боннская диссертация 1898. Кроме того, Meinardus, Historische Zeitschrift, 81, 556; 82, 370. Jany, Die Anfänge der alten Armee. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des preussischen Heeres, I, вып. 1901 г.

[1] Ferd. Hirsch, Die Armee d. Gr.Kurfürsten, «Hist. Zeitschrift», 531, стр. 231 (1885 г.).

[2] Это важное наблюдение сделано фон-Бониным в «Archiv für Militärrecht», 1911 г., стр. 262.

или проходившим по территории округа войскам, производил раскладку поставок на их содержание, распределял их по квартирам, наряжал подводы, собирал подати для выплаты жалованья войскам или для уплаты контрибуции.

Следующей инстанцией над ландратами была военная палата, развившаяся из Верховного военного комиссариата; на ее обязанности лежало расписывать обратившиеся в постоянные налоги и натуральные сборы и управлять ими, распоряжаться возведением военных построек, магазинов и крепостей, выплачивать деньги войскам, поддерживать дороги и мосты. Фридрих Вильгельм I соединил военные палаты с палатами, управлявшими королевскими доменами (1723 г.), и тем самым организовал еще ныне существующие областные управления (Bezirks-Regierungen).

Высшей инстанцией в военной организации, объединявшей в своем лице командные и административные функции, первоначально был фельдмаршал. Позднее административные функции были отделены и поручены сначала одному лицу, а затем (в 1712 г.) — коллегии — Генеральному комиссариату. Объединением последнего с управлением доменами, как то было сделано для средних инстанций, Фридрих Вильгельм создал (в 1723 г.) Генеральную директорию. Из нее образовались не только военное министерство, но и большинство ныне существующих министерств, особенно же министерства финансов и внутренних дел. Таким образом, прусское центральное управление, исторически, прямой потомок интендантского управления армии [1].

Валленштейн некогда требовал от тех округов, где располагались его войска, чтобы они не только доставляли войскам жилище и содержание, но чтобы они им выплачивали и жалованье, и притом офицерам, особенно штаб-офицерам, — чрезвычайно высокое. Чего округа не доплачивали, войска собирали сами. Из взаимодействия гражданских властей и войсковых начальников выработалась своего рода система управления, обеспечивавшая удовлетворение требований войска и в то же время по возможности щадившая край, чтобы он не был доведен до полного истощения и чтобы хозяйственная жизнь в нем могла продолжаться. В мирное время управление (за исключением набора рекрут) было в руках гражданских властей, которые регулярно собирали налоги и систематически развивали налоговую систему [2]. Для Бранденбурга особенное значение имело, как наиболее важная и продуктивная часть налоговой системы, всеобщее обложение предметов потребления—акциз, введенный в 1667 г. по образцу Голландии.

Раз созданная постоянная армия стала быстро расти, сперва под давлением потребности, вызванной войнами с Людовиком XIV, затем — осложнениями, сопряженными с Великой северной войной, а в дальнейшем, по окончании последней, — под влиянием великодержавных устремлений Фридриха Вильгельма I и, наконец, завоевательной политики Фридриха Великого. Для этой цели приходилось добывать как людей, так и деньги.

---

[1] Ср. статью «Der preussische Landrat» в моем сборнике «Historische und politische Aufsätze», где я показываю различия между прусской, английской и французской системами управления.

[2] Ritter, Das Kontributionssystem Wallensteins, «Hist. Zeitschrift», 90, 193. Уже Ранке подметил у великого кондотьера черту «владетельного государя» в его системе военного управления, направленной на то, чтобы горожане и крестьяне при всех поборах, производимых с них, могли бы хоть кое-как существовать.

Деньги притекали благодаря все более строго разрабатываемой налоговой системе, более рациональному и интенсивному использованию доменов, хорошо поставленному контролю и, наконец, субсидиям, которые с 1688 г. морские державы охотно выплачивали немецким государям, поставлявшим войска в войнах с Людовиком XIV. Бранденбург с 1688 по 1697 г. получил не менее 6 545 000 талеров субсидий — одну третью часть всех его военных расходов [1].

Среди обвинений, при помощи которых придворной камарилье удалось свалить превосходного министра Данкельманна, заключался и вопрос, почему ощущаются денежные затруднения, раз субсидии должны были бы обогатить курфюрста?

Больше забот, чем добывание денег, причинял теперь вопрос о добывании людей. Добровольной вербовки оказывалось уже недостаточно. Уже во время Тридцатилетней войны мы время от времени слышим о принудительном наборе на военную службу. Монтекуколи (Соч., т. II, стр. 469) предлагал, чтобы «сирот, незаконнорожденных, нищих и бедных, воспитывавшихся в приютах, отдавали в военно-воспитательные установления для подготовки их в солдаты наподобие янычар». На практике этого опыта, пожалуй, ни разу не проделали; такие кадетские корпуса для рядовых обошлись бы слишком дорого и дали бы слишком ничтожные результаты. Не нашлось поэтому другого пути, как ввести в систему насильственную вербовку.

Офицеры хватали подходящих людей где попало и принуждали их побоями записываться в рекруты. Или же поручалось местным властям поставлять в полки известное число людей из своего округа. Произвол оскорблял правосознание и наносил страшный вред стране. Естественными последствиями являлись злоупотребления и взяточничество. Офицеры и чиновники пользовались своим правом набирать рекрут для вымогательства и снова отпускали набранных за взятку. «Офицеры,— говорится в одном мандате от 10 февраля 1710 г.,— часто осмеливаются вести изрядную коммерцию с рядовыми, отпускать их за деньги или перепродавать их в другие полки и роты». Крестьяне переставали привозить в город свои продукты, опасаясь, что их там арестуют и передадут в руки вербовщиков. Молодые люди толпами уходили за границу, чтобы избежать военной службы. Наместник Померании доносил в 1706 г., что подданных в конец разоряют приемы вербовки и прочие тяготы. В 1707 г. из Миндена доносили, что сельскохозяйственных рабочих уже нельзя достать, потому что вербовка разогнала всех молодых людей в соседние провинции. Регламент, изданный в 1708 г., предписывал, чтобы всех годных в строй людей, «которые не приносят никакой пользы обществу, хватали втихомолку и передавали в крепость», откуда комендант должен их передать офицерам-вербовщикам. Еще хуже стало положение при Фридрихе Вильгельме I. Правда, вступление его на престол приблизительно совпало с окончанием войны с Францией, а сам король, кроме его кратковременного участия в Северной войне, не вел войн, сопряженных с крупными потерями, но потребность в людях, тем не менее, при нем возросла, так как он удвоил состав армии. Из всех провинций сыпались жалобы на то, что вербовка гонит население из края и угрожает полным разрушением хозяйственной жизни. Жители оказывали вербовкам

[1] V. Schrötter, Die Ergänzung des preussischen Heeres unter dem ersten Könige, «Brandenburg-preussische Forschungen». 1910 г., стр. 413.

сопротивление силою, и генерал-аудитор сетовал на частые случаи кровопролития, происходившие при этом. Хотя король и издавал один за другим указы, направленные к прекращению этих насилий, но так как сам же он рекомендовал захват и вербовку непослушных горожан и крестьян и таких слуг, «которые плохо исполняют свое дело», и толковал добровольность вербовки в том смысле, «чтобы при этом не допускались эксцессы, либо чрезмерные насилия, которые возбуждали бы жалобы», — то казалось, что «небольшие насилия» дозволены, и на деле все оставалось по-старому.

Между тем, хотя современники — да и сам создатель этой системы — и не отдавали себе в этом ясного отчета, произошло принципиальное изменение большой важности в отношениях армии к своему верховному вождю, а следовательно, и к государству.

Наряду с постоянной армией, пополняемой вербовкой, король Фридрих I организовал в 1701 г. народную милицию, преемственно связанную со старой повинностью обороны страны, в которую зачисляли (enrollierte) горожан и крестьян. Фридрих Вильгельм I упразднил эту милицию при самом своем вступлении на престол, как слишком мало пригодную в военном отношении, но самого принципа — обязанности — он крепко держался и перенес его на постоянную армию. От добровольной вербовки перешли под давлением необходимости к насильственному набору, не сумев его обосновать ни этически, ни государственно-юридически. Теперь Фридрих Вильгельм I в эдикте от 9 мая 1714 г. провозгласил, что «молодые люди от рождения и по устроению и велению господа бога повинны и обязаны служить своим достоянием и кровью»; «вечное блаженство — в руке божией, все же остальное — в моих руках». Многие в этом готовы были усмотреть провозглашение великого принципа всеобщей воинской повинности. Но это неверно. Это было лишь провозглашением принципа неограниченной власти государства, воплощенного в лице короля, над подданными—распоряжаться ими в зависимости от потребностей государства. Представление о том, что все граждане призваны сражаться за государство, совершенно отсутствовало, и никто не восстал бы против него с большей силой, чем сам Фридрих Вильгельм I. На его взгляд, солдатская служба была профессия, как всякая другая,— профессия, успешно заниматься которой может лишь тот, кто получил соответственную техническую подготовку. Тот, кто был солдатом, должен был им оставаться, по возможности, всю жизнь. Если бы можно было получить в достаточном числе добровольно завербованных, то Фридрих Вильгельм I был бы совершенно удовлетворен. То, что он приказывал производить наборы и обязывал к службе своих подданных, было лишь сгущением того принципа, с которым мы встречаемся во Франции при Людовике XIV [1]. Но именно посредством повышения этого требования армия и народ оказывались вступившими в такие взаимоотношения, которых раньше не существовало; набор при

[1] Как на аналогию перерождения старой повинности «обороны страны» (Landes-Defension) в постоянную армию, укажем на переговоры, имевшие место в 1639 г. между императором и нижнеавстрийскими сословными представителями. Последние хотели установить принцип, согласно которому повинность обороны страны может быть применена лишь внутри границ данной области. Император же требовал, чтобы было поставлено по одному человеку от каждых 20 человек, и предложил обсудить вопрос: «больше ли будет пользы, если собрать этих людей в особый отряд, или если они будут распределены по старым полкам для пополнения их». Meynert, Geschichte des Kriegswesens, т. III, стр. 10.

Фридрихе Вильгельме I на практике оказался предтечей провозглашенной 100 лет спустя всеобщей воинской повинности.

После того как уже раньше неоднократно издавались указы, согласно которым каждому полку отводилась для вербовки определенная область, король издал в 1733 г. общий приказ такого же рода, который под названием «Кантон-регламента» получил несколько легендарную известность [1]. Мысль, положенная в основание этого акта, так проста и как бы сама собою напрашивается, что можно только удивляться тому, что с осуществлением ее мы встречаемся лишь на двадцатом году правления этого короля [2].

Основным принципом оставалась добровольная вербовка. Самый термин — вербовка — был сохранен даже тогда, когда позднее речь шла о совершенно регулярных наборах; однако, ограничение вербовочной деятельности капитанов определенным районом — не только полковым, но ротным участком, придало этой деятельности совершенно иной характер. Капитаны чаще всего были помещиками или родственниками помещиков и охотнее всего «вербовали» рекрут в этих поместьях. Теперь эти не лишенные ценности патриархальные отношения были порваны и область личного усердия в вербовке была сильно сужена. Толчком к этой важной по своим последствиям реформе послужило то, что опыт показал, что, при свободной конкуренции в вербовке, капитаны охотились за рекрутами на чужих участках и, стараясь перебить друг у друга рекрут, вступали между собою в постоянные конфликты.

Главное преимущество нового порядка заключалось в том, что им был положен предел произволу каждого отдельного капитана — брать или не брать в солдаты годного человека. Далее, высшие классы и те слои населения, которые представлялись особенно полезными для хозяйственной жизни страны, были ограждены этим указом от вербовки. Дворянство, сыновья чиновников, сыновья бюргеров, обладавших состоянием, превышающим 10 000 талеров, сыновья купцов, фабрикантов, управляющих, крестьяне, хозяйничавшие на собственных дворах, и их единственные сыновья, сыновья священников, если они, в свою очередь, изучали богословие, рабочие промышленных предприятий, поощряемых королем-меркантилистом, — все эти лица были освобождены от кантональной повинности. Эти изъятия со временем были еще значительно расширены. Однако, границы, которые они ставили, были во многом неопределенны или же оказывались шире, чем можно было предполагать, например, сыновья священников были освобождены лишь при условии, что они изучают богословие, — следовательно, не студенты богословия вообще и не сыновья священников вообще. Город Берлин не составлял «вербовочного участка», тем не менее

---

[1] Основным исследованием является: Max Lehmann, Werbung, Wehrpflicht u. Beurlaubung im Heere Friedrich-Wilhelms I, «Historische Zeitschrift», т. 67, 1891 г. Весьма наглядную, слово за словом документально обоснованную картину структуры прусского войска в XVII в. дает сочинение Erwin Dette, Friedrich der Grosse und sein Heer, Гёттинген, изд. Вандергёк и Рупрехт, 1915 г. Многие характерные замечания я заимствовал дословно из этой прекрасной книги.

[2] Это тем примечательнее, что, согласно Шреттеру (цит. соч., стр. 466), ко времени смерти Фридриха I уже существовала система набора, с правильными списками, с освобождением владельцев-собственников (Possessionierten), совершенно схожая с той, какую создал Кантон-регламент. Повидимому, насильнической натуре Фридриха Вильгельма I полный произвол, господствовавший при наборах, производимых офицерами, был как раз по нутру.

офицерам было разрешено и здесь «вербовать время от времени холостых людей низкого происхождения, например, сыновей портных, сапожников и тому подобных простолюдинов». Таким образом, все еще оставался бы достаточный простор для произвола, если бы известный внешний момент не поставил ему весьма определенных границ: это — увлечение людей того времени, и особенно Фридриха Вильгельма I, «рослыми детинами». Ни один солдат не должен был быть ниже 5 фут. 6 дюйм. Этим значительное большинство молодых людей было заранее застраховано от вербовки. С другой стороны, при 10—11 дюйм. роста человек, даже если он принадлежал к числу изъятых, с трудом мог спастись от вербовщиков: «Не расти, а то вербовщики тебя поймают»,—говорили матери своим сыновьям, сильно тянувшимся кверху.

Так как высокий рост не представляет никакой гарантии, что человек окажется особенно храбрым, выносливым, здоровым или даже сильным, то на это надо смотреть как на простую причуду монарха. Исходным мотивом является не что иное, как любовь к видному, представительному; с тем же явлением мы уже встречались в легионах (т. II, ч. 1, гл. 8). Хорошая сторона заключалась в том, что этим устанавливался объективный масштаб для набора и несколько ограничивался произвол, возмущавший моральное чувство. Человек требует, чтобы жизненные вопросы решались судьбой, а не другим человеком. По той же причине в XIX в. введена была жеребьевка.

Капитаны вербовали мальчиков даже в 10-летнем возрасте, если они «обещали высокий рост» и казались им подходящими. Им было позволено носить на шляпе особый султан, и они получали паспорт, ограждавший их от завербования другими капитанами. После Семилетней войны король издал новые приказы относительно набора, расширившие изъятия и устранившие капитанов от вербовки, которая была передана комиссии, в которой участвовали представители гражданских властей вместе с представителями полков. Постановление, что брать можно только рослых людей, осталось в силе и даже привело к изданию особого законодательного распоряжения, по которому двор крестьянина, у которого имелось несколько сыновей, переходил к самому малорослому [1].

Наемные войска пополнялись подданными всевозможных государств, где только представлялся случай. Вербовка, при помощи которой теперь стали пополнять войска, не исключала приема иностранцев,—наоборот, кантональное устройство было лишь вспомогательным средством, ибо заграничная вербовка и качественно и количественно не могла обойтись без этого дополнения. Чем больше удавалось заполучить иностранцев, тем, казалось, лучше обстояло дело, так как таким путем сберегали для страны рабочую силу. Подданный-де приносил больше пользы, когда он зарабатывал и платил подати, чем когда он служил. Фридрих Великий как-то (в 1742 г.) выдвинул задание, чтобы

[1] Courbière, Geschichte der Brandenburg-preussischen Heeresverfassung, стр. 119. Если здесь говорится (стр. 120) о людях от 3 дюйм. и ниже 3 дюйм., то мне кажется, что это описка, так как самой низкой мерой, до которой спускались при полном недостатке в людях, как, например, в последние годы Семилетней войны, было 5 фут. 5 дюйм. = 1,7 *м*. Ср. Grünhagen, Schlesien unter Friedrich dem Grossen, I, 405. Reimann, Geschichte des preussischen Staates, I, 164, из которых видно, что даже для гарнизонных полков не спускались ниже 5 фут. 3 дюйм. Согласно труду Koser, Friedrich der Gr., I, 538, Фридрих Великий требовал для старейших полков: в первой шеренге 5 фут. 8 дюйм., во второй шеренге 5 фут. 6 дюйм., а для молодых полков — 5 фут. 7 дюйм. и 5 фут. 5 дюйм.

$^2/_3$ роты состояли из иностранцев и только $^1/_3$ — из собственных подданных [1].

Вербовали в немецких странах, совсем не державших войск или имевших их очень мало, особенно в имперских городах; усиленно производили вербовку в Польше и Швейцарии. Прусские вербовщики не брезговали никаким обманом, никакой хитростью, при случае прибегали и к силе, чтобы добыть для войска своего короля годных, рослых людей. Даже гвардейцы маленьких немецких князьков не были застрахованы от «вербовки» их для прусского короля. Значительный контингент составляли и дезертиры, которые покинули свои знамена по какой-либо причине, особенно же из страха предстоявшего им наказания, и не хотели, либо не могли, взяться за гражданскую работу. Из случайно сохранившегося списка за 1744 г. можно видеть, что в одной из рот полка Реттберга из 111 иностранцев 65, а в другой из 119—92 человека «уже раньше служили другим государям», т. е. дезертировали. В течение своих войн Фридрих Великий постоянно производил вербовку для своей армии в соседних, даже вражеских странах,— в Мекленбурге, Саксонии, Ангальте, Тюрингии, Богемии и часто насильно заставлял поступать к себе на службу военнопленных. После капитуляции Пирны он пытался перевести на прусскую службу рядовых всей саксонской армии, отпустив предварительно офицеров. Он даже оставил их в составе прежних батальонов и только дал им прусских офицеров. Правда, это кончилось плохо: некоторые из этих батальонов взбунтовались, перестреляли своих командиров и перешли на сторону австрийцев.

В 1780 г., согласно королевскому распоряжению, лица, осужденные за подпольную литературу и за подстрекательство подданных к мятежу, присуждались по отбытии наложенного на них наказания к службе в войсках.

При таком составе рекрут число дезертиров, конечно, было огромно. Мы почти не встречаем ни одного писания короля, относящегося к военному делу, в котором он не касался бы вопроса о мерах против дезертирства. В мирное время последнее было облегчено тем, что в Пруссии, «этой стране границ», по выражению Вольтера, немного было городов, которые находились бы от границы на расстоянии более двух дней пути. Солдаты должны были караулить друг друга, и даже крестьяне были обязаны, под страхом тяжких наказаний, преграждать дорогу дезертирам, ловить их и доставлять по назначению.

В инструкции короля Фридриха от 11 мая 1763 г. предписывается офицерам также изучать местность — можно бы подумать с боевыми целями; но если сравнить это предположение с действительным содержанием инструкции, то сразу обнаруживается все различие не только в способе подготовки, но и в самом духе армий XVIII и XIX вв.

Инструкция эта гласит:

«Поскольку его королевское величество также усмотрел, что большинство офицеров в их гарнизонах предаются лености и даже не ознакомились с окружающей их гарнизон местностью, что, однако, знать каждому офицеру весьма полезно, на тот случай, если его пошлют в розыск за дезертиром, его королевское величество приказал

[1] В одном отчете управления Кур-Марки за 1811 г. говорится: «В прежние времена требовалось столь небольшое пополнение убыли местных жителей, что можно было забирать лишь таких субъектов, без которых совершенно свободно можно было обойтись, причем выбор их производился гражданскими властями».

командирам полков разрешать отпуска офицерам, примерно, на один день, дабы они ознакомились с пересеченной местностью и точно изучали все теснины, равно как узкие, пролегающие в выемках дороги и т. п., что должно иметь место во всех гарнизонах всякий раз, как полки меняют свои квартиры».

На войне, во время переходов и на лагерных стоянках всегда должно было помнить о мерах предотвращения дезертирства: ночные переходы воспрещались; биваки не должны были располагаться вблизи леса; во время переходов по лесам гусары должны были конвоировать пехоту. Французский посол Валори, сопровождавший Фридриха во время похода 1745 г., доносил, что из опасения дезертирства не решались высылать патрули на расстояние свыше 2—3 сотен шагов [1]. Это опасение оказывало влияние даже на стратегические передвижения: в 1735 г. Фридрих Вильгельм I отказался, по совету Леопольда фон-Дессау, вести свои войска через весьма закрытый район близ реки Мозель, потому-де, что он представлял удобные случаи для дезертирства [2].

Можно ли вообще давать и выигрывать сражения с набранными таким путем и так настроенными солдатами? Уже в Тридцатилетнюю войну военнопленных неоднократно примешивали к войскам. Этим наемникам было безразлично, за кого они дерутся; война была их профессией, их ремеслом, и они без какого-либо внутреннего сопротивления переходили с одной службы на другую. С насильно забранными солдатами XVIII в. дело отчасти обстояло так же; но теперь уже значительное и все возраставшее, вместе с размером армий, число их вступало в ряды войск с таким глубоким внутренним отвращением, что в формах старых наемных банд они не могли бы явиться пригодным для армии материалом. Создание боеспособных воинских частей из насильственно завербованных людей становится возможным и может быть понято, лишь имея в виду эволюцию прежних банд наемников в формы постоянной армии с ее дисциплиной.

Строптивость ландскнехтов никогда не могла быть окончательно сломлена, ибо всегда наступал момент, когда армию распускали и права начальников аннулировались. Подчинение являлось лишь временным самоограничением, а не жизненной привычкой. Но, когда полки приобрели устойчивый, постоянный характер, дисциплина получила совершенно новую основу. Уже в Тридцатилетнюю войну, при всей распущенности наемных банд по отношению к окружающему населению, все же внутри них наблюдались сильно развитое господство начальственной иерархии и действительная дисциплина, порожденные неумолимыми законами самой войны, и эта дисциплина не только продолжала сохраняться в мирное время, но становилась все более и более суровой. Мы уже видели, как Мориц Оранский снова, если можно так выразиться, открыл и разработал до степени подлинной техники искусство обучения солдат; а шведы переняли у него это искусство. Эта техника все более и более совершенствовалась и использовалась в целях окончательного утверждения авторитета офицеров и подчинения солдат воле начальства. Хождение в ногу, ружейные приемы, церемониальный марш, точность караульной службы, стрельба залпами, правила отдавания чести — все это являлось средством приучить солдата подчиняться воле начальника. Однако, обучение воинской части

[1] Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte, 308.
[2] Ranke, Werke, 27, 230.

требует большого труда и сильных средств. Сначала, как то уже отмечал в 1607 г. Дилих, надо было обучить каждого солдата отдельно, а затем уже обучать всю часть: взвод, роту, батальон и более крупные объединения. Первый строевой устав (Exercierreglement) в Германии составил ландграф Мориц Гессенский. Уже Валльгаузен («Военное искусство в пехоте», стр. 70) наставляет: «Когда человеку сказано и раз и два, как он должен становиться, а он все-таки этого не делает, то тут поможет добрый удар, ибо кто не хочет усвоить себе этого без побоев, пусть усваивает через побои». Видимо, и тогда дело велось довольно сурово, ибо уже и Иоганн Нассауский находит необходимым отметить, как дурное обыкновение, когда во время учения наказывают, по усмотрению, либо палкой, либо хлыстом. Наказывать следует только командной тростью или «скипетром» (Scepter); при этом, можно ожидать, будет меньше злоупотреблений [1].

Фридрих Вильгельм I предписывает в своем регламенте 1726 г. (раздел IV, ст. XI, стр. 222): «Новобранец раньше двух недель не должен нести ни караульной службы, ни какой-либо другой; за это время его надо обучать, дабы он мог служить; и чтобы новобранец с самого начала не впал в уныние и страх, но приобрел любовь и охоту к службе, его следует учить добрым, ласковым словом, без брани и ругани; не следует также сразу налегать на новобранца с учением, а тем более — бить его или подвергать какому-либо дурному обращению, в особенности, если он непонятлив или иностранец». Фридрих Великий однажды категорически писал [2]: «Во время учения никого нельзя ни бить, ни толкать, ни ругать... солдат обучается терпением и методичностью, но не побоями». Но дальше он продолжает: «Когда же солдат пускается в резонерство или не хочет делать, что ему велят, или лукавит, тогда ему следует всыпать фухтелей, но в меру». Однако, в действительности, как явствует по всем данным, во время учения били жестоко. Впрочем, нет более ошибочного представления, чем утверждение, будто такая муштра была лишь бесполезной забавой. Капитан, который вымуштровал своих людей так, что рота в любой момент соответственными движениями каждого человека откликалась на его команду, мог рассчитывать и на то, что по его приказу она пойдет и в неприятельский огонь; при этом на точности движений рот построены были те тактические эволюции, которые давали победу полкам Фридриха.

В тактические единицы, крепко скованные дисциплиной и муштрой, можно было вливать и людей, не особенно расположенных к военному делу; им приходилось слушаться команды офицера и проделывать все вместе с другими. Чем лучше становилась дисциплина и чем больше на нее можно было полагаться, тем меньше цены стали придавать доброй воле и другим моральным качествам рекрут. Таким образом, различные свойства постоянной армии подгоняли, так сказать, друг друга вверх: масса впитывала элементы, сами по себе не воинственные и враждебно настроенные; дисциплина делала их пригодными и давала возможность ставить в строй все большее и большее число таких элементов; но чем материал становился хуже, тем, в свою очередь, нужнее для него являлась твердая форма — дисциплина, — которая почти полностью растворяла отдельную личность в тактической единице. Учение и муштра порождали дисциплину, а дисциплина давала

[1] Jähns, II, 974.

[2] Перепечатано в «Taktische Schulung», стр. 687.

возможность достигать четкости и виртуозности строевого учения, которые в своем развитии зашли так далеко, что на солдата стали смотреть как на сменяемую часть машины и соответственно с ним обращаться. Даже те, кого первоначально завербовали совершенно против воли, хотя бы путем обмана или грубого насилия, часто привыкали к такой жизни и более или менее проникались духом и честолюбием своей воинской части.

Строгости дисциплины в прусской армии был подчинен не только рядовой, но и офицер. Когда, после сражения при Мольвице, молодой король провел ряд преобразований в армии, в частности — в кавалерии, он действовал с такой строгостью, что более 400 офицеров были принуждены подать в отставку [1].

Сам Фридрих свидетельствует,— да и события это подтверждают,— что, несмотря на все эти ненадежные и скверные элементы, все же и у простых рядовых его армии имелось ясное представление о воинской чести. Он рисует армию в своих «Генеральных принципах» следующим образом: «Наши войска столь превосходны и ловки, что они строятся в боевой порядок во мгновение ока; они почти никогда не могут быть застигнуты врасплох неприятелем, так как их движения очень быстры и проворны. Если вы хотите вести огневой бой, то какие же еще войска, кроме наших, могут развить такой сильный огонь? Враги говорят, что когда приходится стоять перед нашей пехотой, то чувствуешь себя как бы перед разверстой пастью ада. Если вы хотите, чтобы наша пехота повела штыковую атаку без выстрела,— какая же пехота лучше ее, твердой поступью, не колеблясь, пойдет на противника? Где вы найдете бо́льшую выдержку в минуту величайшей опасности? А если нужно сделать захождение плечом, чтобы ударить неприятелю во фланг, то этот маневр выполняется мгновенно и завершается без малейшего труда».

«В стране, где военное сословие является первейшим, где цвет дворянства служит в армии, где офицеры — люди родовитые, где самые жители страны — сыновья ее горожан и сыновья ее крестьян — солдаты, можно быть уверенным, что при таком составе войск у него должно быть чувство чести. И надо сказать, что в них оно сильно, ибо я сам видел, как офицеры предпочитали пасть на месте, чем отступить, — не говоря уже о том, что даже рядовые не терпят в своей среде таких, которые проявляют известную слабость и которых в других армиях, конечно, не прогнали бы со службы. Видел я и тяжело раненых офицеров и солдат, которые, несмотря на это, не покинули своего поста и не захотели уйти, хотя бы для того, чтобы дать перевязать свои раны».

В наше время трудно отделаться от представления о солдате, как о молодом человеке. В старой прусской армии приблизительно половина армии состояла из людей старше 30 лет, не мало солдат имели более 50, а некоторые — даже более 60 лет. Средний возраст унтерофицеров можно определить в 44 года [2].

---

[1] Von Osten Sacken, Preussens Heer von seinen Anfängen bis zur Gegenwart (1911 г.), т. I, стр. 173.

[2] Цифры эти вычислены по данным полка, который в 1784 г. именовался Тюна, а в 1896 г. — Винниг. Ollech, Leben Reihers, «Militärisches Wochenblatt», 1859 г., стр. 11. Kunhardt von Schmidt, там же, 1909 г., ст. 3771. Совершенно верно полагает последний, что при однородности состава армии такой список дает картину не только единичной воинской части, но и всей пехоты того времени. Такие же соотношения возрастов были уже в 1704 г. (Шрёттер, цит. соч., стр. 453)

Рост постоянной армии в мирное время навел на мысль сократить часть расходов путем отпусков; при Фридрихе Вильгельме I это применяли систематически и постепенно все более и более развивали. Не только отсылали домой своих подданных, но освобождали и иностранцев от службы в качестве фрейвахтеров (свободных от караульной службы. — *Ред.*); последние искали себе какое-нибудь штатское занятие, так что Фридрих Вильгельм I в своем регламенте старается принять меры к тому, «чтобы они не забыли своего ремесла, оставались солдатами и не превращались снова в крестьян или горожан». Лишь на период строевых учений, с апреля по июль, армия была полностью в сборе. В остальное время те, кто оставался под знаменами, были заняты преимущественно караульной службой [1].

Одну из существенных черт постоянных армий, создававшихся во второй половине XVII в., составляет резкая грань между рядовыми и корпусом офицеров; мы уже познакомились с ней во французской армии. В Пруссии она была еще резче, чем во Франции, поскольку здесь офицеры из буржуазии встречались еще реже, чем там, а переходная ступень «officiers de fortune» (зауряд-офицеры) не существовала. Путь, которым это резкое разделение внутри вооруженной силы постепенно выработалось, требует еще дальнейших исследований [2].

Первоначально слово «офицер» [3] охватывало более широкую категорию людей; в нее входили и унтер-офицеры и даже музыканты. Затем появляется разделение, состоявшее в том, что унтер-офицеров относят к тому же социальному классу, что и рядовых, а над ними выделяется офицерский корпус в современном смысле этого слова, состоявший почти исключительно из дворян.

Интересное указание на это явление мы находим в форме сетования у «Симплициссимуса» [4]. Он рисует нам военную иерархию в виде дерева, на нижних ветвях которого сидят солдаты; над ними — унтер-офицеры («Wamsklopfer» — прозвище унтер-офицеров: «выколачивающие куртки»), «выше — часть ствола, совершенно гладкая, без ветвей, намазанная своеобразными составами и редкостными мылами недоброжелательства, так чтобы ни один человек, если он не дворянин, не мог по нему взобраться — ни при помощи мужества, ни при помощи ловкости, ни при помощи знания, как бы он по нему, с божьей помощью, ни карабкался. Над этой частью ствола сидели ротные командиры, из которых одни были молодые, другие уже в годах; молодых втащили их родичи, старые забрались туда либо сами, либо при помощи серебряной лестницы, именуемой взяткой, либо при помощи иных каких подмостков, которые счастье подставило им за счет других».

---

[1] M. Lehmann, стр. 278.

[2] Уже Баста (кн. I, гл. 6), следовательно, задолго до Тридцатилетней войны, жалуется на то, что начали раздавать капитанские должности только знатным людям, даже если они были совершенно неопытны, так что ни один рядовой не мог надеяться подняться вверх, разве — в виде редкого исключения. Согласно Löwe, Organisation des Wallensteinschen Heeres, стр. 86, во время Тридцатилетней войны генералы и полковники были большей частью из дворян, а между младшими офицерами еще встречались бывшие рядовые солдаты. G. Droysen, Beiträge zur Geschichte des Militärwesens im 30-jährigen Ktiege («Zeitschrift für Kulturgeschichte», т. IV, 1875 г.), сильно подчеркивает, в противность Гансауте, что в то время не существовало особого корпуса офицеров.

[3] Старо-русское слово «урядник». — *Ред.*

[4] Германский юмористический журнал. — *Ред.*

Этот процесс, повторяем, наблюдается во всех европейских странах, но, пожалуй, ни в одной стране он не оказался так резко выраженным, как в Пруссии. Фридрих Вильгельм тотчас по вступлении на престол приказал, «чтобы никого не производить в портупей-юнкера (ефрейторы, капралы, подпрапорщики), кроме дворян, и устранил по окончании войны за Испанское наследство всех офицеров из буржуазии[1]. Фридрих Великий, заметив не-дворянина при представлении ему молодых кандидатов на офицерский чин, собственноручно выгонял его из рядов своей клюкой. Лишь при выдающихся талантах он допускал буржуазию; например, он очень ценил генерала Вунша, сына вюртембергского пастора.

Менее строго, чем в пехоте и кавалерии, следили за этим в артиллерии и у гусар. Ведь на артиллеристов продолжали смотреть как на переходную ступень между техниками и солдатами, а гусары в качестве легкой кавалерии должны были образовать, так сказать, войско, составленное из предприимчивых искателей приключений, которым, к тому же, категорически запрещалось вступать в брак. Гусар должен добывать себе свое счастье лезвием сабли, а не вступлением в брак, — говорил Фридрих. И другим офицерам он давал необходимое разрешение лишь при условии, что невеста имела достаточное состояние и принадлежала, так же как и жених, к дворянскому званию.

Юнкеров нередко принимали уже в возрасте 12—13 лет.

В 1806 г. из 131 офицера линейной пехоты, принадлежавших к буржуазии, 83 служили в гарнизонных батальонах, и только 48 в полевых полках. Впрочем, так же как во Франции, прибегали к помощи фиктивных приставок — признаков дворянского звания; рассказывали про услужливых канцелярских чиновников, умевших вписывать в документы, удостоверяющие личность, три решающие судьбу человека буквы: «ф», «о», «н».

Первоначальные отношения между офицером и верховным вождем армии выражались, как и у ландскнехтов, в двухстороннем договоре — капитуляции, как его называли. Еще Дерфлингер отказался однажды выступить в поход с великим курфюрстом из-за нарушения последним капитуляции. Низшие офицеры назначались на свои посты полковниками. Лишь постепенно такой порядок был заменен назначением офицеров самим верховным вождем.

Иерархическая лестница от фенриха и лейтенанта до фельдмаршала или, скажем, от рядового до фельдмаршала почти тождественна во всех европейских государствах. Мы здесь находим испанские, французские, итальянские и немецкие элементы, перенятые одним народом у другого[2]. Самое курьезное превращение произошло со словом «маршал»; последнее по существу означает — конюх; оно было перенесено на различные гражданские функции, а во французской военной терминологии осталось за кузнецом и вахмистром; в то же время значение его поднялось до главнокомандующего. Звание

[1] Schrötter, Brandenburg-preussische Forschungen, т. 27.

[2] Весьма поучительный разбор военных чинов дает Рихард М. Мейер в своей статье «Die Militärischen Titel» в «Zeitschrift für deutsche Wortforschung», т. XII, выпуск III (1910 г.), стр. 145.

Устав Фридриха Вильгельма 1726 г. имеет много сходства с испанским уставом. Иэнс, II, 1577, полагает, что последний послужил для первого непосредственным источником. Эрбен в «Mitteilungen des K. und K. Heeresmuseums», I, 3 (1902 г.), повидимому, не согласен с этим взглядом. Я не решаюсь высказаться определенно по этому вопросу.

«фельдмаршал» появляется в XVI в., наряду со званием пехотного полковника, для обозначения командиров кавалерийских полков (при Зиверсгаузене у Альбрехта Алчибиада было три фельдмаршала), но так как первоначально все войско состояло из кавалерии, то фельдмаршал является также в роли административного офицера или коменданта (префекта) лагеря (ср. выше, стр. 52). У Монтекуколи мы встречаем следующую иерархическую последовательность: генералиссимус, генерал-лейтенант, фельдмаршалы, генерал-от-кавалерии, генерал-от-артиллерии, фельдмаршал-лейтенант.

Пруссия являлась государством, случайно составившимся путем наследования и простиравшимся от польской (впоследствии русской) границы до границы голландской; отдельные ее области не были связаны между собой какими-либо общими интересами и удерживались вместе исключительно династией. Династия создала чиновничество и армию, образовавшие в этом государстве единство. За отсутствием других крупных моментов, только феодальное понятие рыцарской верности вассалов служило связующим звеном между офицерским корпусом и верховным вождем армии. Таким образом, офицерский корпус был преемственно связан с традициями старинного поместного дворянства, которое было гораздо более сильно представлено в марках [1] и колониальных областях — Бранденбурга, Пруссии, Померании и Силезии, чем в старогерманских областях, на запад от Эльбы. Фридрих постоянно возвращается в своих сочинениях к тому, что бюргеры не годятся в офицеры, так как их мысли направлены не на вопросы чести, а на прибыли. Но он не только приписывал дворянину качества, делающие его пригодным для военной службы, но и требовал от него настоящей службы. Фридрих Вильгельм I приказывал насильственно забирать через конных стражников (Landreiter) из дворянских усадеб мальчиков, к великому огорчению родителей, и сдавать их на воспитание в кадетские корпуса. Многие родители, чтобы сохранить при себе своих сыновей, тщетно пытались доказать, что они не принадлежат к прусскому дворянству. Король, однако, оставался при своем решении и приказывал передать родителям, что он хорошо позаботится об их детях [2]. Тот же метод применял Фридрих Великий для набора юнкеров в Силезии.

Но образование, которое давалось в кадетских корпусах, едва выходило за пределы народной школы, — и действительно образованные люди среди прусского офицерства были большой редкостью. Представление древних готских князей, что из того, кто научится бояться палки учителя, не выйдет храброго воина (т. I, кн. IV, гл. I), повидимому, продолжало жить среди дворянства. Передают, что Леопольд фон-Дессау не позволял своему сыну Морицу учиться, чтобы увидеть, что может дать одна природа. Сам Фридрих искал общества французов. Не удивительно, что Беренгорст мог писать [3]: «Когда в 1741 г. вышел какой-то приказ о колоннах, господа офицеры спрашивали друг друга (на жестком платдейтче — нелитературном народном языке. — *Ред.*): «Что это за штука — колуниге? Э, да что там! Буду итти за тем, кто впереди; куда он пойдет, туда пойду и я». Вплоть до середины XIX в. встречались штаб-офицеры и генералы, говорившие на платдейтче, не умевшие справляться с дательным и винительным

[1] Пограничных областях. — *Ред.*
[2] Schmoller, «Historische Zeitschrift», т. XXX, стр. 61.
[3] Betrachtungen über die Kriegskunst, стр. 13.

падежами. Могу добавить к этому недурное собственное наблюдение. Когда в 1879 г. я намеревался отвезти в кадетский корпус своего воспитанника, одного молодого принца, и вел по этому поводу переговоры с начальником военноучебных заведений, неким кавалерийским генералом, он меня успокоил: «*На грамматику* я придаю особое значение».

Во времена ландскнехтов и офицеры и солдаты были обязаны соблюдать один и тот же устав. Образование дворянского офицерского корпуса привело к созданию особых уставов. Вскоре после своего вступления на престол Фридрих Вильгельм I издал новые военные артикулы для унтер-офицеров и рядовых (12 июля 1713 г.), а в 1726 г. он издал особый устав офицерской службы. «Офицер, — говорится в нем, — должен на службе беспрекословно повиноваться, кроме случаев, когда наносят оскорбление его чести». Фридрих Великий впоследствии истолковал это место в том смысле, что «пока служба офицера продолжается, он, несмотря на оскорбление, должен молчать; но, как только служебное время совершенно закончилось, он в праве требовать должное удовлетворение за нанесенное ему оскорбление».

Дворянский состав офицерского корпуса являлся для короля ручательством за верность и доброкачественность войска. Офицерский корпус при помощи дисциплины должен настолько держать в руках солдат, чтобы они, несмотря ни на какую опасность, следовали за офицерами, ибо солдат должен бояться своего офицера больше, чем неприятеля. Когда король остался недоволен поведением некоторых частей при Цорндорфе, он рекомендовал офицерам налечь на палки. Ведь и римский центурион управлял своей ротой при помощи виноградной лозы, а дисциплинированный при посредстве этого инструмента римский легион победил греков и варваров, Ганнибала и галлов и завоевал мир.

Ландскнехты в свое время имели право, о чем я раньше забыл упомянуть, выбирать себе старосту или «амбозата», который являлся их представителем перед офицерами в качестве «их всегдашнего ходатая, отца и опекуна». При своем избрании он обещал солдатам «всегда заступаться за них, как за своих сыновей, доводить до сведения начальства о нуждах, желаниях и недугах каждого из них». Он являлся также представителем их интересов в вопросах, касавшихся жалованья, а солдаты обещали ему стоять за него все — как один человек, даже в том случае, если, заступаясь за них, он скажет «лишнее словцо» и тем навлечет на себя немилость начальства. «Если из-за солдат что-нибудь получится с амбозатом, то же самое должна принять на себя вся рота». Уже перед Тридцатилетней войной Валльгаузен ратовал против этого института и требовал его упразднения. «Амбозат приносит роте больше вреда, чем пользы. Он лишь подстрекает солдат к бунту, а во время бунта является их адвокатом»[1]. Как далеко ушли теперь, в XVIII в., от таких установлений! Чем больше убеждались в том, что более дисциплинированная часть превосходит менее дисциплинированную, тем больше субъективное благополучие и права личности должны были отступить перед этим законом войны; и требование подчинения воле начальника не только сломило строптивый дух старинного ландскнехта, но и создало такую суровую систему,

[1] G. Droysen, Beiträge zur Geschichte des Militärwesens während der Epoche der 30-jährigen Krieges. «Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte». Новая серия. IV т. 1875 г., стр. 592.

античеловеческих отношений, которая находилась в полном противоречии с идеями гуманности, порожденными тем же веком. Власть прусского офицера над его подчиненным была неограничена и не смягчалась хотя бы правом принесения жалоб. Единственное соображение, которое заставляло даже грубого, жестокого капитана соблюдать осторожность и умеренность, было то, что он не должен дурным обращением сделать солдата негодным к службе или довести его до дезертирства, ибо тогда ему пришлось бы затратить деньги на вербовку нового солдата. В гвардии отпадал и этот момент, так как в ней расходы на рекрутирование несли не капитаны, а сам король. Однако, Фридрих оказался вынужденным категорически высказаться в вышеупомянутой инструкции относительно гвардии, что при наложении наказаний надо соблюдать меру, а когда дают фухтеля, не должно говорить: «пускай он идет к чорту! Король должен будет дать другого в замену». Если офицер нанесет увечье солдату, он должен за него заплатить и, кроме того, быть посаженным в Шпандау. Капитаны должны были бы больше заботиться о своих людях, но «они им ничего не стоят, а потому — им и горя мало».

С мыслью, что капитаны должны быть заинтересованы в сохранении своих людей, чтобы заботиться о них, мы встречаемся и у маршала Саксонского. В своих «Rêveries» («Мечтаниях») он отвергает проект поставки рекрут сословиями, ибо при этих условиях капитаны их заморят. Однако, прогоняя солдата сквозь строй, его нередко забивали насмерть.

Читатель мог заметить, что организация бранденбурго-прусской армии в значительной мере приближалась к французскому образцу. Ведь то была эпоха, когда французская культура была культурой мировой; особенно немецкое образование находилось под полным обаянием французского. Бранденбургская армия получила к тому же новое пополнение в лице изгнанных из Франции гугенотов, нашедших для себя новую родину. В 1688 г. из 1 000 бранденбургских офицеров по меньшей мере 300, — следовательно, значительно более одной четверти, — были французы, и, когда курфюрст Фридрих III в 1689 г. сам командовал на Рейне, четверо из его двенадцати генералов были гугеноты. В язык армии перешли многие французские выражения.

Но если сравнить французскую и прусскую армии XVIII в., то, при тождестве основных элементов, найдутся и значительные черты различия.

Строевое ученье у французов ограничивалось упражнением в необходимых формах движения; у пруссаков учение производилось изо дня в день, и служба непрерывно занимала как офицеров, так и солдат. Офицеры должны были жить поблизости своих частей, чтобы в каждую минуту иметь возможность с ними выступить [1].

В Пруссии — единообразный состав офицерского корпуса, во Франции наблюдается различие между офицерами дворянского и буржуазного происхождения, а в особенности — между дворянством придворным и провинциальным; мы видим там высокородных молодых полковых командиров и генералов, которые достигали своих постов, не пройдя строгой школы действительного офицерского воспитания.

[1] Донесения посла Валори от 1874 г., опубликованные у Koser, Brandenburg-preussische Forschungen, VII, 299 (1894 г.). Валори настолько подчеркивает маршировку в ногу пруссаков, что можно усомниться в том, что французы были посвящены в это искусство

С одной стороны, это хорошо в том отношении, что дает возможность поставить людей с выдающимися способностями во главе войск еще в молодых годах. Но в конечном счете здесь-то в значительной мере и следует искать источник той болезни, которая явилась причиной разложения армии под бурбонскими знаменами. Придворные генералы времен войны за испанское наследство и Семилетней войны, которые переписывались с госпожей де-Мэнтенон и госпожей де-Помпадур о своих военных планах и вели друг против друга постоянные интриги, не обладали той военной решимостью, которая, в конечном счете, составляет основное качество полководца. У них не было недостатка в личной храбрости и усердии, но им нехватало того специфически военного духа, который целиком захватывает человека. Если мы будем анализировать, почему, несмотря на значительное численное превосходство, французские войска во время Семилетней войны не могли справиться с армиями трех небольших немецких государств — Ганновера, Брауншвейга и Гессена, получивших лишь незначительное подкрепление от пруссаков и англичан, то всякий раз натолкнемся на ту же причину [1].

Как французская, так и прусская армии пополнялись в значительной мере иностранцами; но во Франции из них формировались отдельные полки; в Пруссии, правда, тоже по временам появлялись небольшие иностранные воинские части, как, например, гугеноты, босняки, венгерские гусары, польские уланы, но в главной массе иностранцы в качестве завербованных солдат распределялись по тем же самым полкам, что и набранные «кантонисты». В 1768 г. на 90 000 иностранцев в армии насчитывалось, повидимому, всего 70 000 коренных пруссаков [2].

Большим преимуществом французской армии было то, что она, в основной своей части, имела национальный характер, но в военном отношении в XVIII в. это преимущество не давало себя знать, ибо в армии собирались как раз отбросы нации. Тем не менее это различие приобрело всемирно-историческое значение. Национальный характер французской армии не обладал необходимой действенностью, для того чтобы придать ей особую силу, но он был достаточно силен, чтобы не допустить в ней той строгости дисциплины, которая в прусской армии доходила до варварства. Французская армия не знала ни телесного наказания, ни — тем менее — неограниченного права офицеров и унтер-офицеров пороть солдат [3]. В пруссии это явилось необходимым из-за массы тех дурных элементов, которых навязывали армии.

---

[1] Daniels, Ferdinand von Braunschweig, «Jahrbücher», т. 77, 78, 79, 80, 82.

[2] Согласно так называемому «военному завещанию» Фридриха, в 1780 г. было 110 000 пруссаков и 80 000 иностранцев; цифры эти не вполне достоверны, ибо местные жители, не происходившие из кантона данного полка, сосчитаны в данном случае как иностранцы.

[3] В сочинении Балльгаузена «Французское войско» (Wallhausen, Militia Gallica), представляющем перевод книги Монгомери, стр. 44, точно указаны пределы карательной власти, предоставленной каждой командной должности. Полковник имеет право ударить шпагой и даже убить, хотя бы офицера, также и сержант-майор; но бить последний может лишь своей тростью, т. е. палкой, которой он отмеряет ряды и шеренги, и в этом ни для кого не должно быть обиды. Капитан может наносить удар лишь шпагой плашмя. Также и лейтенанты и сержанты — на походе и в траншеях; на квартирах же они могут это делать только по отношению к своим непосредственным подчиненным. Подпрапорщики (Fähnrich) пользовались этим правом лишь при исполнении ими должности лей-

Когда после ряда повторных неудач и поражений Семилетней войны дисциплина во французской армии сильно расшаталась, военный министр Сен-Жермен попытался ее восстановить путем реформ по прусскому образцу и введения телесного наказания. У французов оказалось, однако, достаточно чувства собственного достоинства, чтобы этого не стерпеть; пришлось отказаться от такой попытки; но тогда уж дисциплина начала окончательно разваливаться, и этот процесс неудержимо развивался все дальше и дальше, причем весь народ вообще отвернулся от авторитета королевской власти и перешел к идее народного суверенитета. Великая французская революция, открывшая новую эпоху мировой истории, оказалась возможной потому, что армия покинула короля и примкнула к народному движению. Иностранные — швейцарские — полки остались верны королю, тогда как французские от него отпали. Все попытки остановить движение, произведенные и после начала общей войны, и восстановить порядок — сначала Лафайета, затем Дюмурье — разбились именно о противодействие армии, в которой национальная гордость пересилила привязанность к своему верховному вождю, ставшему в противоречие с национальным сознанием и мыслью. Благодаря тому что Пруссия не была национальным государством и не имела национальной армии, создание такого внутреннего противоречия в ней было невозможно. Погрешности прусской армии заключались совсем в другом, как это катастрофически обнаружилось в 1806 г.

Наконец, как еще одно различие между прусской и французской армиями, мы не должны обойти молчанием то обстоятельство, насколько военный контингент Пруссии, по отношению к численности ее населения, превосходил таковой во Франции.

Максимума своей боевой силы, до революции, Франция, повидимому, достигла в последний год Семилетней войны, в 1761 г., когда в Германии она держала под ружьем 140 000 человек, на родине и в колониях — 150 000, а всего — 290 000 [1]. Это составляло приблизительно 1,2% ее народонаселения. К моменту, когда вспыхнула великая революция, армия насчитывала всего лишь 173 000 (79 французских и 23 иностранных пехотных полков), т. е. около 0,7% населения.

Прусская армия в декабре 1740 г. насчитывала почти 100 000 человек [2]: это на 2,24 млн. населения Пруссии составляет 4,4%; ко времени кончины Фридриха войск было уже 200 000 человек, или 2,33% населения, из которых, однако, 10 месяцев в году не было под знаменами и половины (а именно 82 700 человек), и все же по отношению к народонаселению это составляло, по сравнению с Францией, вдвое больший контингент [3].

тенанта или капитана. Сержанты (здесь противоречие с предыдущим) — лишь на походе, во время сражения, в карауле, в траншеях могли бить древком своей алебарды, но не шпагой, если солдат покинул пост; на квартирах или в каком-либо другое время они бить не могли.

[1] Daniels, «Preussische Jahrbücher», т. 82, стр. 270.

[2] По исчислениям труда Генерального штаба. Это, следовательно, было к моменту, когда Фридрих начал войну. Ранке, III, 148, цитирует памятную записку, согласно которой Фридрих Вильгельм I оставил своему сыну 83 484 человека, в том числе 72 000 человек полевых войск; другие источники определяют численность армии до 89 000 человек. Согласно Шреттеру, прусская армия ко 2 января 1705 г., когда она значительно усилилась, благодаря субсидиям морских держав, уже достигла 47 031, а вместе с милицией — 67 000 человек, т. е. почти 4% населения.

[3] «Preussische Jahrbücher», т. 142, стр. 300.

Глава III

Строевое учение. Изменения в тактике, происшедшие в XVIII столетии

В Тридцатилетнюю войну действовала пехота, составленная вперемежку из частей пикинеров и мушкетеров. Процесс стрельбы из мушкетов был слишком длителен, а огонь их недостаточно меток, чтобы он мог прикрыть отряд мушкетеров от кавалерийской атаки в открытом поле. Это прикрытие должны были взять на себя пикинеры. Однако, уже Мендоза, ставивший пику выше всякого иного оружия, сам признался как-то (гл. I, 98), что пикинерам редко приходится вступать между собой в бой в полевом сражении и что огнестрельное оружие играет главную роль. Таково было положение в конце XVI в., а во время Тридцатилетней войны, в 1630 г., военный писатель Неймайер фон-Рамсла говорит: «Длинные пики скорее представляют слабую сторону войны, чем ее нерв. Ружейными стволами крепят длинные пики».

О случаях, когда пехота пускала в дело пики и шпаги, сообщают, как о чем-то необычайном [1], например, о бое при Лейпциге в 1642 г., говорят, что «имперская пехота добралась даже до самых пик шведов». Гриммельгаузен в своем «Spriginsfeld» (изд. 1670 г.) острит: «Тот, кто убьет пикинера, которого он мог бы пощадить, проливает кровь неповинную; пикинер никому не причинит вреда, разве — кто сам напорется на его пику». Тем не менее пики сохраняются. Еще в 1653 г. великий курфюрст приказал [2], чтобы третья часть его пехоты в гарнизонах была вооружена пиками (т. е. обращена в полевые войска) и прилежно проводила строевые учения с ними.

Еще в сражении при Энцгейме (1674 г.) пики сыграли известную роль: для отражения большой кавалерийской атаки немцев Тюренн велел построить крупное карре пикинеров, причем мушкетеры отошли внутрь этого карре. Кавалерия не решилась его атаковать [3].

Однако, к концу века европейские войска постепенно отказались от пик. Свиная щетина (Schweinsfedern) [4] или рогатки (Spanische Reiter), посредством которых в переходное время пехота еще должна была защищаться от кавалерии, не получили практического значения [5].

На место фитильного мушкета и пики, действовавших рядом, появилось единое оружие — кремневое ружье со штыком, что сразу придало постоянной армии совсем иной внешний вид по сравнению с прежними бандами наемников. Уже издавна зародилась мысль втыкать в дуло мушкета «шило», чтобы превратить его таким образом в пику [6]. Но решающим изобретением во второй половине XVII в.

[1] Rüstow, Geschichte der Infanterie, 11, 42 и сл.

[2] Jany, стр. 108.

[3] Pastenacci, Schlacht bei Enzheim.

[4] Короткая рогатина с длинным и плоским лезвием на конце, носимая отдельным мушкетером, из которой быстро собиралась рогатка, ограждавшая строй пехоты. В России пехота защищалась рогатками от бурных атак турецкой конницы еще при Минихе, во второй четверти XVIII в. — *Ред.*

[5] Саксонская пехота пыталась, но безуспешно, оградиться при помощи рогаток от шведов в сражениях при Клиссове (1702 г.) и при Фрауштадте (1706 г.).

[6] Согласно Вюрдингеру (Würdinger, Kriegsgeschichte von Bayern, II, 349, такая пика-шило (Ahlspiess) занесена в реестр Пассаусского цейхгауза за 1488 г.

явилась штыковая трубка, надеваемая на конец ружейного ствола, так что ружье одновременно могло служить и огнестрельным и холодным оружием. Однако, такой штык еще очень мешал при заряжании ружья[1], и это новое техническое приспособление сделалось совершенно пригодным для употребления лишь после устройства штыковой шейки, дававшей возможность быстро и легко заряжать ружье при примкнутом штыке.

Приблизительно в то же самое время фитильный замок был заменен кремневым[2], преимущества которого, в частности в дождливую погоду, ясны сами собою. Однако, невыгоды не вполне надежного зажигания казались настолько существенными, что ле-Телье во французском уставе 1665 г. строго воспрещал пользоваться новым оружием. Найденные во время смотра ружья комиссия должна была немедленно ломать и заменять другими за счет капитанов. Поэтому сконструировано было оружие, в котором одновременно имелся и фитильный и кремневый замок, но скоро победило простое кремневое ружье.

Целый ряд мелких усовершенствований в устройстве полки, затравки и затвора полки, замена железным шомполом деревянного, усовершенствование колец, куда вставлялся шомпол[3], и приклада, особенно же применение бумажных патронов, все время улучшали

---

[1] Вероятно, он очень мешал и меткости выстрела. — *Ред.*

[2] По источникам, приводимым у Firth, Cromwells Army, стр. 87, немецкие крестьяне уже в начале XVII в. пользовались легким охотничьим ружьем с кремневым замком. В 1626 г. этим оружием крестьяне окончательно добили те имперские полки, которые разбил Христиан Брауншвейгский.

[3] Я здесь сообщу ряд дат постепенно введенных усовершенствований в огнестрельном оружии, не ручаясь, впрочем, за полную точность указаний относительно отдельных годов. Из них мы можем себе во всяком случае составить представление о том, как медленно и постепенно протекало это развитие.

В литературе на первом месте стоят работы Thierbach в «Zeitschrift für historische Waffenkunde», т. II, статья о развитии штыка и т. III.

Вторая половина XVI в. — бумажные патроны для рейтаров; 1608 г. — заряжание в 95 приемов; 1653 г. — бумажные патроны, сначала без пули. Шпак в юбилейном сочинении в честь Тирбаха доказывает, что лишь в 1655 г. были розданы полкам мушкеты без сошек. 1670 г. — введение бумажных патронов в бранденбургской пехоте. 1648 г. — в Австрии введены кремневые ружья. 1688 г. — Вобан, повидимому, изобрел штыковую трубку. 1690 г. — введение бумажных патронов во Франции (Иэнс, II, 1236). 1698 г. — Леопольд фон-Дессау вводит в своем полку железные шомполы. 1699 г. — штык с шейкой. 1703 г. — окончательное упразднение пик во французской пехоте. 1708 г. — то же у нидерландцев, согласно Coxe, Leben Marlboroughs, IV, 303; с 1718 г. — железный шомпол вводится во всей прусской пехоте. 1721 г. — упразднение пики в русской армии. 1733 г. — заряжание ружей с примкнутым штыком в прусской армии. Иэнс, III, 2498. В 1744 г. (или уже в 1742 г.) — введен железный шомпол в Австрии. 1745 г. — железный шомпол во Франции. «Der wohl exercierte preussische Soldat» Johann Conrad Müller'a, служившего вольным-фенрихом и бывшего гражданином города Шафгаузена (1759 г.), утверждал (стр. 18), что Фридрих незадолго до нынешней кампании приказал переменить все ружейные ложа, притом устроить верхнее кольцо для шомпола в форме воронки, чтобы его можно было вернее вставлять на место. Он также сообщает, что приемы, какие он предписывает, не могут быть выполнены при деревянном шомполе. 1733 г. — в Пруссии конический шомпол заменен цилиндрическим.

При опытах, произведенных по распоряжению Наполеона в 1811 г., по словам Тирбаха, каждый седьмой выстрел давал осечку, а согласно труду Schmidt, Handfeuerwaffe, стр. 38, на 100 выстрелов — 20 осечек и 10 случаев, когда кремень не давал зажигания. Опыты же, организованные в 1829 г. французским правительством с тем же самым кремневым ружьем, давали лишь одну осечку на 15 выстрелов.

оружие и придали ему уже в начале XVIII в. ту форму, которую оно сохранило без существенных изменений на протяжении более столетия. Война за освобождение Германии велась почти тем же самым оружием, как и Семилетняя война.

Все расширявшееся применение и усовершенствование огнестрельного оружия заставило пехоту еще во время Тридцатилетней войны постепенно снимать предохранительное вооружение — панцырь и железный шлем, что усилило подвижность войск.

Все более и более совершенствовавшееся в техническом отношении оружие могло быть использовано намного интенсивнее путем лучшего обучения солдат в постоянной армии. При шестишеренговом построении можно было пустить в действие все мушкеты лишь при посредстве караколе, что легко могло привести войска в расстройство. Поэтому построение сделали более тонким, доведя его до четырех шеренг, и, наконец, у пруссаков — до трех, причем первая шеренга становилась на колено, так что все наличные ружья могли одновременно начать действовать [1]. Фридрих Великий стремился также сгустить строй таким путем, чтобы на четырех человек по фронту приходилось уже не четыре, а только три шага [2]. Путем постоянных упражнений при этом скорость огня была доведена до крайней степени. При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта в возможно скорее производимом, залп за залпом, массовом огне по команде. Если Фридрих еще и указывал, чтобы не слишком торопились стрелять — «человеку всегда надо сперва увидать, куда он стреляет»,— то впоследствии было даже прямо запрещено целиться. Зато особенное значение придавали тому, чтобы залп выпаливался дружно и звучал, как один выстрел. Предполагалось, что одновременное попадание такого большого количества пуль усилит деморализирующее действие огня.

При Фонтенуа (1745 г.) французская и англо-ганноверская гвардия сошлись без единого выстрела на расстояние около 50 шагов. Офицеры с обеих сторон любезно предложили друг другу сделать первый выстрел. Англичане дали первыми залп, который оказался таким убийственным, что почти вся французская гвардия была истреблена, а оставшиеся в живых обратились в бегство.

Шарнгорст поучает в своей «Тактике» (§ 178), что беспорядочного огня, т. е. одиночной стрельбы, надо старательно избегать. Стрелять следует только залпами. Ибо 10 человек, сраженные сразу, скорее заставят батальон отступить, чем 50, которые будут падать постепенно и в разных местах. Кроме того, солдаты израсходуют все свои патроны и сделают частыми выстрелами свои ружья непригодными: кремни затупятся, а патроны лишь с известным усилием можно будет вогнать в покрытые нагаром стволы. Наконец, офицеры при этом выпускают из рук своих солдат.

Залпы преимущественно давались или целым батальоном, или плутонгами (взводами). Построенный в три шеренги батальон делился на 8 плутонгов; плутонги стреляли поочередно, очень быстро один за

[1] Основоположным сочинением по этому вопросу является «Die taktische Schulung der Preussischen Armee durch König Friedrich den Grossen während der Friedenzeit 1745 bis 1756» в «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften». Изд. Большого генерального штаба, вып. 28/30—1900 г.

[2] «Taktische Schulung», стр. 633.

другим — 1, 3, 5, 7, 2, 4, 6, 8, так что огонь все время перекатывался. Таким образом, огонь не оставлял для атакующей кавалерии никакой паузы, которой она могла бы воспользоваться для того, чтобы ворваться в пехотный строй. Но такого идеала можно было достигнуть лишь на учебном плацу. По словам Ллойда, Фридрих сам говорил, что огонь плутонгами был бы наилучшим, если бы в действительности был выполним. Беренгорст [1] говорит, что только первый залп, пожалуй, дается по уставу или, в лучшем случае, два или три взвода выстрелят согласно правилам. «Затем начинается всеобщая пальба и обычный перекатный огонь, причем всякий, кто успел зарядить, тот и стреляет; ряды и шеренги перемешиваются, солдаты передней шеренги не успевают опуститься на одно колено, даже если бы они и желали это сделать, а офицеры младших чинов до самих генералов, больше не владеют массой, но вынуждены выжидать, двинется ли она в конечном счете вперед или назад». Эта картина носит отпечаток карикатурного преувеличения, вообще свойственного писаниям Беренгорста, все же одно в нем верно, — что в серьезном деле в большей или меньшей степени утрачивалась четкость плацпарада [2]. Во время атаки пехота должна была, поддерживая непрерывный огонь, продвигаться вперед и под конец броситься в штыки на неприятеля. Однако, до штыкового боя дело почти никогда не доходило; в то мгновение, когда атакующая сторона действительно подходила вплотную, обороняющаяся сторона обычно отказывалась от сопротивления. Надо основательно внушить солдатам, писал как-то Фридрих, что в их собственных интересах — добраться вплотную до противника, и король дает им слово, что им нечего ждать в таком случае от неприятеля ответного штыкового удара [3].

Мы видим, что эта тактика вполне соответствует составу армии: рядовому ничего не остается делать самому, — ему надо только слушаться: он идет, маршируя в ногу, имея справа офицера, слева — офицера, сзади — замыкающего; по команде даются залпы, и, наконец, врываются в неприятельскую позицию, где уже действительного боя не ожидается. При такой тактике добрая воля солдата, если он только остается в руках у офицера, не играет особенной роли, и можно было рисковать подмешивать в строй чрезвычайно разношерстные элементы.

О той быстроте, с которой один залп следовал за другим, создались легендарные представления; так, например, генерал фон-Бернгарди в труде «Современная война» (1912 г.) пишет (I, 22), что прусская пехота в XVIII в. давала будто бы до 10 выстрелов в минуту. Но ведь это настолько очевидная невозможность, что невольно возникает предположение, не разумеет ли автор в данном случае не отдельные выстрелы солдата, а залпы плутонгов, т. е., что не одно и то же, отделение пускало 10 выстрелов в минуту, а батальон давал

---

[1] Berenhorst, Betrachtungen über die Kriegskunst, über ihre Fortschrifte, ihre Widersprüche und ihre Zuverlässigkeit, 1797, стр. 239—240.

[2] «Taktische Schulung», стр. 665.

[3] Принц де-Линь пишет, что ему раз в жизни за все время проделанных им многочисленных походов пришлось в бою под Мойсом (в 1757 г.) слышать лязг штыков, ударявшихся друг о друга. Беренгорст утверждает, что в военной истории мы не встретим достоверного примера, когда бы скрестили оружие с той и другой стороны, отбивали и наносили удары. Император Вильгельм I также не придавал значения штыковому бою при обучении солдат, так как фехтование на штыках не имеет практической ценности.

10 плутонговых залпов в одну минуту. Однако, по преданию, действительно полагали, что каждый отдельный солдат мог выстрелить если не десять раз, то восемь раз в минуту. На самом деле во времена Семилетней войны максимум скорости, которой достигали при залпах боевыми патронами по команде, был 2—3 выстрела в минуту, а позднее — максимум 4 (см. экскурс).

Пехотное ружье било на незначительное расстояние, примерно — на 300 шагов; на 400 шагов почти не было попаданий [1].

Наиболее трудную проблему представляло ведение огня при наступлении, что и в наше время, при рассыпном строе, остается также проблемой. Идеал заключался в том, чтобы при постоянном продвижении вперед попеременно останавливать плутонги и открывать ими огонь. Но это в серьезном бою было невыполнимо, ибо опыт показал, что, раз воинская часть остановилась для того, чтобы открыть огонь, ее трудно снова привести в движение, а в период между второй и третьей Силезскими войнами составилось представление, что лучше всего вести пехоту в атаку без выстрела и применять огонь лишь для преследования или для обороны. При этом подготовка атаки огнем выпадала на долю легких батальонных орудий, которые следовали за пехотой, перетаскиваемые самим орудийным расчетом. Так как действительность ружейного огня не распространялась далее 300 шагов, а регулярный огонь должен был открываться лишь с 200 шагов, у австрийцев даже только в 100 шагах [2], — то невольно напрашивается вопрос: раз уже подошли на такое близкое расстояние, не лучше ли сразу броситься в атаку, вместо того чтобы, открывая огонь, остановиться и образовать удобную мишень для неприятельского огня? Маршал Саксонский в своих «Мечтаниях» (Rêveries), вдохновлявших Фридриха при писании им поэмы о военном искусстве, предлагал атаковать без стрельбы. Принц Мориц фон-Дессау мечтал (1748 г.) о том, чтобы хоть раз в жизни получить приказ его королевского величества «атаковать неприятеля, не заряжая ружей». Действительно, в начале Семилетней войны Фридрих отдал приказ атаковать без выстрела, а в исследовании Военно-исторического отделения Большого генерального штаба, и еще резче в Militär-Wochen-Blatt (1900 г., № 40, столбец 1004), высказано было мнение, что этим произведен был самый коренной, и притом гибельный, переворот в боевых приемах немецкой пехоты, какой она когда-либо переживала; то было-де роковой ошибкой короля. Страшные дни под Прагой и при Коллине засвидетельствовали это неопровержимым образом. Однако, другой референт в том же журнале (№ 94, столбец 2131) справедливо возражал [3], что ведь король, запрещая открывать огонь,

---

[1] Шарнгорст, III, 273, говорит, что в результате многочисленных опытов установлено, что при стрельбе по строю кавалерии из 1 000 выстрелов на расстоянии 100 шагов получается 403 попадания, на 300 — 149 попаданий, на 400 шагов — все же еще 65. У плутонга, обученного прицеливанию, на дальних дистанциях число попаданий увеличивается почти вдвое. Таким образом, на дистанции в 400 шагов «действительность огня почти не играет никакой роли». Естественно, что против пехоты действие оказывалось значительно слабее. О подробностях см. Taktische Schulung, стр. 431. У Фёрта (Firth, Cromwells Army, стр. 89) дальность боя мушкета XVI и XVII вв., согласно нескольким достоверным показаниям, определяется в 600 шагов, и вполне возможно, что мушкет бил дальше, чем ружье XVIII в.

[2] Австрийский устав 1759 г. (Иэнс, 2035).

[3] В согласии с автором «Taktische Schulung», стр. 446.

вероятно, действовал с большим запросом, чтобы получить хотя бы что-нибудь; он хотел, по возможности, ограничить огонь, но имел в виду, что если иначе нельзя, то войска все равно будут стрелять. Уже под Лейтеном атака вновь велась со стрельбой, а в декабре 1758 г. король совершенно отказался от атаки без огневой подготовки. Следовательно, запрещение открывать огонь не являлось ниспровергающим основы изменением тактики, а скорее — экспериментированием над задачей, для которой не существовало ясного, рационального решения.

К этому можно добавить, что, согласно заслуживающему внимания преданию [1], несмотря на ураганный огонь пруссаков, потери, которые они наносили им противнику, были все же не больше тех, которые сами они несли от неприятельского огня.

Главные выгоды, полученные прусской армией из упражнений в стрельбе, имели такой же косвенный характер, как и выгоды от муштровки и строевых учений, и заключались в дисциплинированности, в привычке к строю и в сплоченности тактических единиц.

После того как от квадратных построений пехоты перешли к тонким строям, пришли к убеждению, что одна линия легко могла быть разорвана или прорвана; поэтому стали строить пехоту в две линии, одна за другою. Мы познакомились с линейным боевым порядком, как с продуктом второй Пунической войны. Происхождение и развитие линейной тактики в древности и в новое время различны, однако смысл и цели этого порядка, несмотря на различие в вооружении, одни и те же. Правда, вторая линия, как таковая, не в состоянии пустить свое оружие в ход, но она находится под рукой, чтобы заполнить бреши в первой [2], подкрепить слабые места, выйти на фланг и, в случае нужды, отразить атаку с тыла. Чем тоньше стала первая линия при переходе к трехшеренговому строю, тем больше она нуждалась в таком усилении себя с тыла при помощи второй линии, за которой иногда, в зависимости от обстоятельств, следовали третья и четвертая. Вторая линия могла не являться такой же непрерывной, как первая; между ее батальонами могли оставляться интервалы, а потому она могла быть несколько слабее по числу батальонов. Расстояние между линиями определяют различно, от 150 до 500 шагов [3].

Для того чтобы дать некоторую опору флангам, чрезвычайно чувствительным при таком построении, между этими двумя линиями ставили батальон, обращенный фронтом в направлении фланга, так что весь большой порядок уподоблялся продолговатому прямоугольнику.

Чем тоньше становились построения, тем более удлинялся фронт. Это чрезвычайно повышает действительность орудия, — особенно,

---

[1] Изд. Генерального штаба, «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften», вып. 27, стр. 380.

[2] Диспозиция сражения при Цорндорфе. Militärischer Nachlass des Grafen Henkel, II, стр. 79. «На фланге, который должен атаковать, должно быть три линии. Если батальон первой линии окажется разгромленным или отброшенным (ruiniert oder repoussiert), то батальон из второй линии, стоящий позади него, должен тотчас же вступить в первую линию, а из третьей — должен быть двинут батальон на его место во вторую; тогда разгромленный и отброшенный батальон должен опять построиться в порядке и наступать вместе с другими».

[3] Montecucoli, Schriften, II, 350. Австрийский устав полевой службы 1759 г. указывает 500 шагов (Иэнс, III, 2035). Устав для королевской прусской пехоты 1726 г. в XX титуле статьи I определяет дистанцию, «чтобы ни одна ружейная пуля не могла попасть».

если удастся охватить противника, — но вызывает огромные трудности при маневрировании. Уже развертывание и выравнивание на гладком учебном плацу более или менее значительной массы войск — дело не легкое; а для того чтобы двигать вперед развернутую линию в стройном и неразорванном виде, и притом по неровной местности, нужны подготовленные в совершенстве начальники и основательно вымуштрованные войска. По словам Ллойда, для того чтобы продвинуться в стройном порядке на расстояние четверти часа ходьбы, требуется несколько часов, а Бойен, в своих воспоминаниях (I, 169), говорит, что опыт его научил, что во время сражения лишь в редких случаях, а то, пожалуй, и никогда не удастся передвинуть в порядке развернутый батальон, так как грохот сражения заглушает голос командира батальона. Гойер в своей «Истории военного искусства», вышедшей в 1797 г., пишет:

«Так как нелегко направлять должным образом такую длинную линию, а заставить ее развернуться из одной колонны почти невозможно, то эти две задачи стали предметом изучения самых искусных тактиков. Они старались показать, как надо продвигать армию вперед и назад в нескольких колоннах, а затем строить их в одну или две боевые линии. Такие маневры требовали невиданной раньше подвижности войск».

В прусской армии не только работали с неутомимым рвением над традиционными формами обучения, но и стремились к еще большему совершенству, быстроте, ловкости и искали новых, изощренных форм применения войсковых частей. Сам король, генералитет, брауншвейгские и ангальтские принцы, состоявшие на прусской службе, и весь офицерский корпус были преисполнены одним стремлением. Самым достопримечательным продуктом этой творческой деятельности был косой боевой порядок [1].

При переходе, в целях усиления действительности огня, от первоначального, глубокого построения пехоты, к более тонкому — пехота приняла такой порядок, при котором не только было очень трудно, не расстраиваясь, передвигаться, но и понятия фланга и крыла стали приобретать все возрастающее значение. При построении квадратном фронт и фланги одинаково сильны. При линейном же построении фланги становятся тем слабее, чем последнее тоньше, а чем оно длиннее, тем важнее становится значение крыльев [2]. Возникает мысль

---

[1] Труд Генерального штаба и обе монографии, 27 и 28/30, дают по этому вопросу весьма ценный новый материал, но в конечном счете ограничились слишком односторонним толкованием косого боевого порядка. Это толкование опровергнуто подполковником фон-Шнакенбургом в «Jahrbücher für Armee und Marine», т. 116, вып. 2 (1900 г.). Основы правильного понимания его нашел уже Отто Герман в «Brandenburg-preussische Forschungen», т. V, стр. 459 (1892 г.), и вся проблема в настоящее время окончательно разъяснена в исчерпывающем, в отношении критического разбора источников, и образцовом, по стройности мышления, исследовании Рудольфа Кейбеля в «Brandenburg-preussische Forschungen», т. XIV, стр. 95 (1901 г.). Последняя попытка защитить концепцию Генерального штаба, сделанная Яни на страницах «Hohenzollern Jahrbuch», за 1911 г., опровергнута О. Германом в «Brandenburg-preussische Forschungen», XXVII, 555 (1914 г.).

[2] В русском военном языке под словом «фланг» разумеются два совершенно отличных понятия: а) крыло и б) фланг, как крайняя точка фронта; часто с ним смешивается и третье понятие — фланк, т. е. загиб фронта, дающий огонь в бок. Мы вынуждены избегать термина «фланговое сражение» в смысле сражения, решенного на одном из крыльев боевого порядка, так как этот термин дал бы основание к недоразумениям. — *Ред.*

добиваться решительного исхода не путем прямого наступления в лоб, а путем атаки, направленной либо на одно из крыльев, либо во фланг неприятеля.

Поэтому уже в Тридцатилетнюю войну мы наблюдаем, что армия, готовящаяся к оборонительному бою, пытается прикрыть свои фланги при помощи какого-нибудь естественного препятствия (в сражении на Белой горе, 1620 г.). Мы встречаемся также с попытками атаковать противника с фланга (Витшток, 1636 г.)[1].

В войне за испанское наследство мы уже наблюдаем сражения, решенные на одном из крыльев. Атака уже не велась по всему фронту равномерно; задерживая уступом позади одно крыло, на котором развертывалось меньшее количество войск, стремились большими силами, сосредоточенными на другом крыле, разгромить, по возможности, применяя охваты, противоположное неприятельское крыло. Гохштедтское сражение, повидимому, было задумано уже по этой системе, но проведено оно во всяком случае не по ней. Сражения при Рамильи и под Турином построены на атаке одного крыла, что, впрочем, определялось не столько методом, сколько условиями местности. Зато сражение при Мальплаке всецело было построено на атаке крыла, хотя, благодаря некоторым ошибкам, оно осуществилось и не так.

И теория, в свою очередь, занялась этой новой проблемой. Первоначальной исходной точкой служило ей изучение древности, и им она постоянно питалась. Вспомнили тут о косом боевом порядке Эпаминонда и разыскали у Вегеция следующее место: «Когда происходит столкновение обеих армий, то оттягивают свое левое крыло от правого крыла противника настолько, чтобы оно находилось вне досягаемости всех видов дальнобойного оружия. Наше правое крыло, которое должно быть составлено из отборных сил пехоты и кавалерии, атакует тем временем левое крыло противника, вступает с ним в рукопашный бой и прорывает его, либо охватывает, чтобы иметь возможность ударить с тыла. Или же левым крылом выполняют то, что было здесь сказано про правое».

Повидимому, если не считать доктринерского построения герцога Альбрехта Прусского, первым теоретиком новейшего времени был Монтекуколи. В своем сочинении «О военном искусстве», 1653 г. (издан на немецком языке в 1736 г. Собр. соч., т. II, 68), он преподает следующее правило: «Разместить отборные войска на обоих крыльях и начать бой на той стороне, где чувствуешь себя сильнее, слабейшая же часть должна удерживать неприятеля». То же мы встречаем у него и в других сочинениях (т. II, стр. 352).

Явно примыкая к этому взгляду, Кхевенгюллер (Khevenhüller) в своем сочинении, напечатанном в 1738 г. под заглавием «Kurzer Begriff aller militärischer Operationen» («Краткая концепция всех военных операций»), пишет: «Ставить лучших солдат на крыльях; начинать бой на той стороне, на которой считаешь себя всего сильнее, а там, где чувствуешь себя слабым, атаковать противника позднее, а тем временем развлекать его стычками или борьбой за выгоды, предоставляемые местностью». Французский писатель Фолар, из

[1] Монтекуколи, II, 581, указывает, как на примеры сражений, решенных на одном из крыльев, на сражения при Ньюпорте, Брейтенфельде и Альтергейме. Брейтенфельдское сражение фактически относится к этой же форме сражений, однако замысел его был не таков.

объемистого сочинения которого о Полибии Фридрих Великий велел сделать извлечение и в работе над которым он сам принимал участие, выпустил раньше своего основного труда книгу под названием «Новые открытия в области войны», в которой он весьма подробно (ч. II, гл. VII) анализирует сражение при Левктрах и Мантинее, выдвигая все преимущества косого боевого порядка и восхваляя гений Эпаминонда.

Еще более, чем у Фолара, Фридрих научился многому у другого француза, Фёкьера, и не мало — почти дословно — заимствовал из его трудов для своей инструкции. Но как раз у него, насколько я мог заметить, вопрос о косом боевом порядке не выдвигается. Когда Фридрих вступил на престол, мысль о косом боевом порядке уже была налицо и даже применялась на практике. Но теория его не была еще ни разработана, ни усвоена, а практика косого боевого порядка на первых шагах еще не дала ничего существенного. Тем не менее надо предполагать, что в среде мыслящих военных людей косой боевой порядок нередко являлся темой разговоров. Это было уже общераспространенное понятие. Как раз в это время старый маршал Пиюсегюр (ум. в 1743 г.) вносил последние замечания в свой капитальный труд «Военное искусство», к которому он приступил уже почти полстолетия перед тем и которое потом было издано его сыном в 1748 г. В этом сочинении вопрос о косом боевом порядке (ordre oblique) изложен ясно и с исчерпывающей полнотой (изд. 1748 г., I, 161 и сл., II, 45 и сл. Указатель, II, 234). Не подлежит ни малейшему сомнению, что Фридрих, писавший как-то о себе, что он прочитал приблизительно все, что когда-либо было написано по военной истории, уже носился с мыслью о косом боевом порядке, когда начал свою первую войну. Мы замечаем, что уже под Молльвицем он усиливает правое крыло своей армии за счет левого, — в особенности тяжелой артиллерией, а левое крыло, по его собственному выражению, он «уклоняет» [1].

Тем не менее сражением, решенным на одном крыле, это столкновение не стало, ибо, в конце концов, не правое крыло, которому оказано было предпочтение, привело к решительному исходу, а продвижение вперед левого крыла, понесшего очень мало потерь. Поэтому-то в косом наступлении пруссаков под Молльвицем усматривали не пример косого боевого порядка, а просто случайное явление. Я сам долго склонялся к такому взгляду, однако, на основании исследований Германа и Кейбеля, в конечном счете пришел к заключению, что правильным является противоположный взгляд и что во всяком случае со времени сражения при Молльвице и в диспозициях Фридриха и в сражениях, проведенных по его замыслу, идея косого боевого порядка является господствующей.

В самом осуществлении этой мысли именно и заключалось личное творчество тактики сражений короля. Теоретические и практические положения, имевшиеся уже и раньше, собственно говоря, еще не принесли никаких существенных плодов. Самая идея была проста и очень стара; трудно было осуществить ее.

Ибо сделать одно крыло сильнее другого—дело простое. Но, когда противник это заметит, он или сделает то же самое, или, с своей стороны, атакует более слабое крыло наступающего. Полную дей-

[1] Подробности см. у Германа в цитированном выше сочинении, стр. 446.

ственность приобретает косой боевой порядок лишь тогда, когда удастся охватить своим наступательным крылом крыло противника. Но ведь и противник не станет добровольно подставлять свой фланг, а становится, по возможности, перпендикулярно линии наступления неприятеля. Таким образом, наступающему предстоит задача произвести крупное захождение или заворот на глазах у неприятеля. А это тем труднее выполнить, что развитие элементарной тактики выдвинуло требование к боевому фронту — представлять по возможности непрерывную линию [1].

Пюисегюр говорит в одном месте [2], что раньше ставили батальоны с известными интервалами в шахматном порядке, но из-за этого было проиграно много крупных сражений, ибо каждый батальон, благодаря интервалам, подвергался обстрелу и атаке с фланга. Поэтому-то и стали уменьшать интервалы. Однако, те боевые порядки, при которых батальоны и эскадроны располагаются без всяких интервалов, несомненно, являются наиболее сильными. Так повсюду и поступали в эпоху Фридриха. Этот-то непрерывный фронт, вместе с кавалерией и артиллерией, и надо было подвести к неприятелю в косом направлении, по возможности охватывая его [3].

Само по себе косое построение, естественно, не дает еще никакого преимущества. Последнее получается лишь от того, что атакующее крыло является в то же самое время более сильным, а крыло, уклоняемое нами посредством его задержки, связывает более значительные силы противника. Таким образом, подход к неприятелю превосходных сил в косом боевом порядке должен производиться не как-нибудь, а с такой быстротой, чтобы противник не мог принять никаких контрмер и атака явилась бы внезапной. Кульминационной точки косой боевой порядок достигает тогда, когда ему удается протянуться за фронт неприятеля — охватить его.

В сочинениях Большого генерального штаба понятие косого боевого порядка ограничивается только пехотой и ее непрерывным фронтом. К этой мысли король, вероятно, пришел лишь в промежуток между второй и третьей Силезскими войнами. При таком понимании косой боевой порядок являлся бы лишь совершенно специфической разновидностью сражения, решаемого на одном крыле, — разновидностью, резко от него отличающейся. С принципиальной точки зрения отвергать возможность такой терминологии не приходится. Однако, такое резкое различие не вытекает из существа дела и не осуществимо, ибо фактически и исторически грани их текучи.

---

[1] Clausewitz (Siebenjähriger Krieg), Werke, X, 56, пишет: «Согласно господствовавшим в то время предрассудкам и порядкам, 40 000—50 000 человек не могли атаковать иначе, как предварительно построившись в непрерывный боевой порядок». Укор, звучащий в слове «предрассудки», представляется мне незаслуженным: это было неизбежным следствием самой природы вещей, ибо линии представляли настолько тонкую нить, что неизбежно было стремиться к их непрерывности; всякий интервал являлся бы чрезвычайно опасным пунктом, в котором неприятель мог бы прорваться.

[2] По Иэнсу, II, 1521.

[3] Сам Фридрих в своих «Generalprincipien» (ст. XXI, № 7) дает следующее описание своего косого боевого порядка: «Одно крыло уклоняют от неприятеля (man refusiert dem Feind einen Flügel) и усиливают то, которое должно атаковать; на этом крыле направляют все свои усилия на одно крыло противника, которое охватывают с фланга; армия в 100 000 человек, взятая во фланг, может быть разбита 30 000 человек, ибо в этом случае дело решается весьма скоро».

и нельзя исключить из рассмотрения ни кавалерию, ни артиллерию [1]. Я склонен формулировать дело следующим образом: косой боевой порядок представляет собой такую форму сражения, решаемого на одном крыле, при которой вся боевая линия образует единый, возможно менее или даже вовсе не прерывающийся фронт. С сражением, решаемым на одном крыле, оно имеет ту общую черту, что одно из крыльев выдвигается вперед, а другое задерживается, причем атакующее крыло усиливается и стремится, по возможности, охватить неприятельский фронт с фланга или даже с тыла. Эти признаки, следовательно, являются специфичными и для разновидности сражения, решаемого на одном крыле, — косого боевого порядка. Косой боевой порядок представляет разновидность сражения, решаемого на одном крыле, находящуюся в соответствии с требованиями элементарной тактики той эпохи, из условий которой косой порядок логически вытекает и развивается.

Усиление атакующего крыла может заключаться либо в усилении пехоты тем, что первой линии предпосылают еще передовую линию, «атаку», как ее называли, или за нею непосредственно помещают резерв, либо в усилении кавалерии или артиллерии.

Мы уже говорили, что развертывание армии в линейный порядок вовсе не делается само собою, а представляет тактическое произведение искусства; тем более это можно сказать о развертывании косого построения. Сперва Фридрих просто приказывал, чтобы одно крыло двигалось быстрее другого. Этим, естественно, задача не разрешалась. При этом фронт должен был разрываться, а когда командиры батальонов пытались заполнить образовавшиеся разрывы, фронт приходил в беспорядок. С неутомимым рвением работал Фридрих в течение десятилетия, с 1746 по 1756 г., и теоретически и практически над поисками наиболее подходящей формы для осуществления своей идеи [2]. Не менее восьми различных форм было им сконструировано и испробовано, прежде чем он выработал свое косое наступление. В конце концов, лучшей формой он признал наступление эшелонами.

Позднее, вплоть до 1806 г., с величайшим усердием разрабатывали и практиковали это наступление эшелонами, при котором батальоны вступают в бой не одновременно, а последовательно, уступами — один за другим; но значение такого построения чрезмерно преувеличивалось. Ведь весь результат сводится лишь к тому, что следующие уступами батальоны оказываются на одной линии с первым перешедшим в наступление фланговым батальоном, на очень коротком друг от друга промежутке времени, измеряемом от батальона к батальону немногими минутами. Единственное сражение, в котором косой боевой порядок был осуществлен до некоторой степени по-эшелонно,

[1] Непрерывную линию пехоты король также отнюдь не рассматривал как обязательную схему, он эмансипировался от этой схемы в зависимости от обстоятельств. Это доказал на примере сражений под Прагой и при Коллине О. Герман, «Brandenburg-preussische Forsch.» XXVI, стр. 499, прим., стр. 513.

[2] Наблюдение и исследование этой работы во всех ее подробностях и ввело в заблуждение Генеральный штаб, склонив его отнести к этому десятилетию время введения косого боевого порядка и ограничить это понятие непрерывным фронтом пехоты. Впрочем, в трудах самого Генерального штаба это ограничение не выдерживается с безусловной строгостью, что запутывает клубок внутренних противоречий — противоречий с королем Фридрихом и противоречий с личным трудом самого главы исторического отделения Генерального штаба, фон-Тайзена.

в соответствии с этой идеей, это — сражение при Лёйтене; но в данном случае решающим моментом было не эшелонное наступление, а тот факт, что королю удалось незаметно подвести прусскую армию против левого крыла австрийцев. Он превратил подход к полю сражения одним флангом в подход всем фронтом, т. е. четыре колонны, в которых наступали пруссаки, причем каждая состояла из части первой линии и соответственной части второй, последовательно зашли вместе с пятой колонной, в качестве передовой линии, по-взводно, левым плечом вперед, и продефилировали добрых полмили вдоль неприятельского фронта, пока не поравнялись с крайним левым крылом австрийцев. Здесь взводы, державшие все время надлежащую дистанцию между собою, зашли плечом и выстроились в линию [1]. Таким образом, считая и передовую линию, образовалось три линии, позади которых, в качестве четвертой, построились гусары; и в таком построении они атаковали австрийское крыло, не имея более широкого фронта и не охватывая его; но они превосходили его глубиною своих четырех линий, построенных одна за другою. То, что батальоны повели атаку не одновременно, а по-эшелонно, существенного значения не имело, да и король в своем описании упоминает об этом обстоятельстве лишь мимоходом [2].

Косое положение, которое занял прусский фронт в момент атаки по отношению к австрийскому, в известной мере было еще более усилено уступным наступлением батальонов. Но сокрушительным моментом является короткое, сосредоточенное развертывание, обращенное исключительно против левого крыла австрийцев, оставившее совершенно в покое правое крыло их растянутого почти на милю фронта. Таким образом, левое крыло австрийцев оказалось разбитым раньше, чем оно могло быть усилено подкреплениями с правого фланга. Пруссаки, хотя они и насчитывали только 40 000 человек против 60 000 человек с лишком, все же имели численный перевес в каждом отдельном моменте боя [3].

[1] Темпельгоф описывает это наступательное движение следующим образом: «Трудно себе представить более красивое зрелище. Головы колонн все время находились на одном уровне и на надлежащем для формирования расстоянии друг от друга; колонны соблюдали дистанции с такой точностью, словно все это происходило на смотру».

[2] Как на основание эшелонной атаки он указывает на то обстоятельство, что, благодаря такому порядку, не потребовалось особого распоряжения левому крылу для вступления его в бой. Расстояние между отдельными батальонами равнялось 50 шагам, следовательно, менее одной минуты ходьбы; передовая часть правого крыла опередила конец левого на 1 000 шагов, т. е. не более как на 10—15 минут ходьбы.

Что не эшелоны доставили Фридриху победу, признал уже Дитрих Бюлов (Иэнс, III, 139). Майор Jochim, Das Militärische Testament des Grossen Königs (прилож. к «Militär. Wochenblatt», 1914, вып. 7) утверждает, в противность взгляду, высказанному в труде Генерального штаба, стр. 26, что эшелоны (уступы) делались силой не в один батальон, а в бригаду (5 батальонов). Вообще он смотрит на косой боевой порядок не как на построение для боя, а как на построение для передвижения и решительно отвергает традиционную переоценку его значения. На его взгляд, косой боевой порядок представляет собой лишь «прибежище на крайний случай совершенно открытой равнины». Согласно диспозиции к Цорндорфскому сражению, отпечатанной у графа Генкеля фон-Доннерсмарка в его «Militärische Nachlass», II, 76, эшелоны (уступы) повсюду делаются силой в два батальона.

[3] Толкование Дельбрюком сражения под Лёйтеном значительно отличается от толкования, даваемого Шлиффеном в его труде. Шлиффен указывает на скучивание подошедших к Лёйтену австрийских подкреплений на узком фронте и на двухсторонний охват их — преимущественно кавалерией и артиллерией.— *Ред*

Таким образом, существенным является не наступление уступами и даже не косое направление атаки, а тактическая выучка, как таковая, — искусство, дозволившее вождю прусской армии провести ее в полном порядке вдоль неприятельского фронта, подвести ее к одному из крыльев его и даже, насколько это было возможно, обойти последнее с такой быстротой, что противник не успел, с своей стороны, опрокинуть этот маневр при помощи наступательного удара. И противной стороне не вполне чужды были подобные идеи. Сражение при Росбахе является прямой антитезой сражения при Лёйтене. Гильдбургсгаузен и Субиз пытались обойти прусскую армию; но, пока они еще двигались, пруссаки уже развернулись, перешли в наступление, атаковали их походные колонны и простым нажимом опрокинули все, не понеся почти никаких потерь. Если бы австрийцы под Лёйтеном, вместо того чтобы выжидать на своей оборонительной позиции, своевременно нанесли такой же наступательный удар дефилировавшим мимо них пруссакам, они, несомненно, выиграли бы сражение.

Пехотный бой, со времени Тридцатилетней войны вплоть до войны за Испанское наследство, нередко выливался в ряд разрозненных боев за населенные пункты, проводимых с большим упорством. Более строгая строевая муштра, все более и более усиливающееся подчеркивание тактической единицы изменили и характер самого боя.

Борьбы за местные предметы, по возможности, стали избегать, ибо она дезорганизует тактическую единицу. Фридрих категорически запрещал занимать солдатами строения. Очень верно характеризует генерал фон-Гёпфнер в своей истории войны 1806 г. — тактику фридриховой школы (стр. 480):

«В ней все сводилось к тому, чтобы первым же ударом достигнуть решительного результата. Наступали всей массой, выстроенной в линию, давали два-три батальонных залпа и атаковали в штыки. Чего нельзя было достигнуть этим путем, было недостижимо вообще. Великий король прекрасно сознавал весь риск подобного метода ведения боя, когда он так сразу бросал в бездну сражения все свои силы. Но против этого он не знал никакого лекарства, кроме атаки уступами, с задержкой одного крыла, при которой, хотя бы и на короткий миг, часть сил оставалась в его распоряжении. Однако, средство это отнюдь не являлось радикальным, ибо если неприятель не был опрокинут с первого налета, оно приводило через несколько минут к параллельному бою всеми силами».

Конечно, в данном случае нельзя провести резкую грань; и при Фридрихе не всегда все решалось с первого удара, а развивались иногда и более длительные бои; тем не менее, в общем надо сказать, что, как это ни странно, но сражения, руководимые Евгением и Мальборо, более походят на наполеоновские, чем сражения Фридриха Великого. Там и полководцы и войска чувствуют себя свободнее. Именно превосходно выработанная прусским плацпарадом механика всех боевых движений и действий приковывала к себе внимание и стесняла свободу боевых действий.

Пруссаки довели линейную тактику до высшей степени действенности, но этим не только не уменьшили, но скорее увеличили свойственные ей слабые стороны. Эти выравненные, стреляющие залпами батальоны приходили в расстройство от малейшей неровности почвы;

они не умели вести боя ни в лесу, ни в деревне. А это ощущалось тем чувствительнее, что австрийцы располагали весьма пригодной легкой пехотой в лице своих кроатов, которые, как дети природы, умели вести бой в рассыпном строю. Залповый огонь пруссаков не мог преодолеть огня иррегулярных войск из-за прикрытий. Под Ловозицем и Коллином они сыграли крупную роль и в регулярном сражении, а одной из причин того, что пруссаки одержали победу при Лёйтене, пожалуй, являлось то обстоятельство, что в этом сражении кроаты, видимо, не участвовали.

В начале Семилетней войны король сформировал 4 «вольных» батальона в качестве легкой пехоты, под конец у него их уже было 26, но им было далеко до пандуров и кроатов. Мария-Терезия располагала в граничарах — этих полуварварах, живших в условиях постоянной войны с турками, — своеобразным источником для военных пополнений, какового недоставало прусскому королю. То и дело раздаются его жалобы на ущерб, наносимый ему в малой войне этими недисциплинированными отрядами, создававшими завесу и наблюдавшими за всеми его движениями. Что, собственно, дали прусские «вольные» батальоны, мы знаем по преданиям лишь урывками и не вполне достоверно. Хотя и рассказывают об отдельных удачных их поисках, все же сам король не был о них высокого мнения. Он как-то писал генералу Тауенцину (24 мая 1779 г.), что офицеры этих батальонов — «по большей части распущенный и никуда не годный народ». На этот род войск он, так сказать, смотрел как на неизбежное зло; и тем труднее было им добиться чего-нибудь выдающегося, что и сам Фридрих, неправильно понимая сущность этого рода войск, не подготавливал их соответствующим их природе образом. Для того чтобы достичь сколько-нибудь существенных результатов в бою рассыпным строем, солдаты этих батальонов должны были обладать или прирожденными воинственными наклонностями, подобно кроатам, пандурам и казакам, или же значительным запасом доброй воли, вытренированной для боевых действий. Но сама идея такой подготовки не вмещалась в круг понятий прусского офицерского корпуса. Столь крупный авторитет, как Фердинанд Брауншвейгский, высказывался об австрийских кроатах, что «они всегда прячутся за деревья, как воры и разбойники, и никогда не показываются в открытом поле, как то подобает храбрым солдатам»[1]. Мало чем отличался от него и взгляд короля. Неужели же он стал бы систематически воспитывать в своей армии подобный зловредный дух? И если такие войска являлись необходимостью, то создавалась безобразная пародия на них.

Состав прусских вольных батальонов был не только не лучше, но даже еще хуже батальонов линейных. Они не комплектовались прусскими уроженцами, а состояли из авантюристов, дезертиров, бродяг, отличавшихся от регулярной пехоты лишь тем, что им недоставало того, что составляло силу последних, а именно — дисциплины. От насильно завербованных людей можно было в строю добиться всего, чего от них требовали, но только не в стрелковом бою, где каждый солдат сам, по собственному разумению и воле, отыскивает себе

[1] Письмо от 8 августа 1745 г. «Generalstabswerk. Kriege Friedrichs des Grossen», I, 24.

прикрытие, наступает и дерется. Нельзя не удивляться тому, что отдельные командиры, как Майер, Гишар, граф Гардт, все же умудрялись не без успеха вести в бой эти чуть ли не разбойничьи банды[1].

Наряду с «вольными» батальонами были сформированы и егерские роты для тех же целей, как и первые, но составленные в противоположность им из отборных, надежных людей — сыновей прусских лесничих, которые рассчитывали в будущем получить места по лесной части.

Развитие кавалерии мы проследили вплоть до Густава Адольфа, который отменил караколе, низвел пистолет до роли вспомогательного оружия и указал на шок (удар. — *Ред.*) в сомкнутом строю с палашом в руках, как на принципиальный метод наступления. В этом направлении шло и дальнейшее развитие. Все дело сводилось к тому, чтобы произвести шок с полной сомкнутостью, атакуя возможно более быстро и издалека, но это было чрезвычайно трудно. Для этого требовалось много упражнений, а эти упражнения, в свою очередь, сильно разбивали лошадей. Поэтому полковники, стремившиеся беречь свой конский материал, ограничивались атаками с короткого расстояния на рысях или курцгалопом в последний момент. Хотя принц Евгений предписывал производить атаку карьером, однако ему этого не удалось добиться. Фридрих Вильгельм I не понимал ничего в кавалерийском деле; и насколько показала себя в сражении при Мольвице вышколенная им пехота, настолько слабо проявила себя в этом сражении прусская кавалерия. Она была полностью опрокинута австрийской,— правда, более многочисленной,— кавалерией и прогнана с поля сражения. Король Фридрих влил в нее новый дух. Уже в следующем году, при Хотузице, она показала себя совершенно иначе; за десятилетие, предшествовавшее Семилетней войне, ее боевые качества развивались все более и более. В то время как в 1748 г. Фридрих еще довольствовался атаками с расстояния в 700 шагов, в 1755 г. он уже требовал атаки с 1 800 шагов, причем последний участок должен был проходиться на полном карьере. Он требовал от командиров никогда не допускать, чтобы их атаковали; они всегда должны были атаковать первыми. «Когда, таким образом, огромная сомкнутая стена с сильным порывом обрушивается на неприятеля, то ничто ей уже не может оказать сопротивление». Говорят, фон-Зейдлиц однажды выразился так: «Кавалерия одерживает верх в бою не саблею, а хлыстом». Или: «При атаке — 6 человек в ряд, и сукин сын — кто позволит себя вытеснить назад!» Сомкнутая тактическая единица настолько поглощала отдельного всадника, что король предпочитал, чтобы рукопашного боя, по возможности, не было вовсе; «ибо, — говорит он, — в этом случае решает дело рядовой», а на него положиться нельзя. Поэтому эскадроны не только должны итти каждый сомкнутым строем, стремя к стремени, или даже колено к колену, но и не должно быть почти никаких интервалов между эскадронами первой линии; атака должна продолжаться за первую линию

---

[1] Kurt Schmidt, Die Thätigkeit der Preussischen Freibataillone in den beiden ersten Feldzügen des Siebenjährigen Krieges, Берлинская диссертация, 1911 г. Erwin Dette, цит. соч., стр. 78 и сл. Об успехах, достигнутых Гардтом, см труд Ген. штаба, X, 124.

противника, гоня его перед собою, разгромить вторую, — и лишь после этого второго успеха он считает допустимым рукопашный бой[1].

Австрийская кавалерия, повидимому, еще во время Семилетней войны стреляла раньше, чем пустить в ход сабли[2].

Во Франции развитие было задержано тем, что до реорганизации кавалерии, произведенной герцогом Шуазелем (1761—1770 гг.), и лошади и снаряжение принадлежали капитанам, которые отнюдь не стремились изнашивать свое имущество. Здесь шаг и рысь были единственными аллюрами. Впервые граф Сен-Жермен добился в 1776 г. атаки полным карьером[3].

Об атаке карьером генерал фон-Марвиц[4] пишет:

«Масса всегда должна прорваться. Возможно, что половину перестреляют, или она свалится с кручи, причем сотни сломают себе шею. Но остановиться, а тем более повернуть обратно, ей невозможно, ибо в этой сумятице, вихре и урагане, когда многие сотни лошадей мчатся вперед тесно сомкнутым клубком, самый лучший наездник уже не может владеть своей лошадью — они все прорвутся. Если даже один-другой сохранят власть над своими конями, то все же об остановке нечего и думать, ибо задний тотчас его сшибет и переедет через него. Поэтому не подлежит ни малейшему сомнению, что когда предпринимают такую атаку, то либо получится прорыв, либо полка уже больше не увидят».

Но что если две такие атаки сшибутся между собою?.

Мы говорили выше, что настоящие штыковые бои едва ли когда-нибудь бывали, и случаев, чтобы два эскадрона сшиблись друг с другом, взаимно атакуя со всею силой и сомкнутостью, тоже, согласно исследованию генерала Веннингера[5], ни разу не бывало. Случись это — обе стороны разбились бы полностью.

То же пишет и генерал Пузыревский («Исследование боя», Варшава, 1893 г.): «Подлинной сшибки никогда не бывает: моральное воздействие одного из противников непременно опрокинет другого — немного раньше или немного позже, хотя бы на расстоянии длины носа; еще до первого сабельного удара одна из сторон уже разбита и обращена в бегство. Произойди действительная сшибка — обе стороны были бы уничтожены. На практике победитель едва ли теряет хотя бы одного человека».

При атаке на пехоту, по словам генерала фон-Марвица, картина получается совсем иная. «Тот, кто когда-либо участвовал в кавалерийской атаке и скакал навстречу врагу, — пишет он (Сочинения, т. II, стр. 147), — уже, конечно, знает, что ни одна лошадь не проявляет особой охоты проникнуть в надвигающуюся массу и что все они

---

[1] «Militär-Wochenblatt», 1895 г., № 62, столбец 1602; 1899 г., № 73, ст. 1832. Французский посол Валори пишет в своем отчете за 1748 г. о прусской кавалерии ко времени смерти Фридриха Вильгельма I «Brand.-preuss. Forsch.», VII, 308; «Лошади, приученные к огню, и кавалеристы, слезающие с лошади, бросив ей на шею поводья, и выстраивающиеся впереди эскадрона, чтобы открыть огонь плутонгами или батальонами, наподобие пехоты, причем лошади даже не шелохнутся, стоя на месте. Я видел, как целые полуэскадроны, пришпоривая, сдваивали ряды».

[2] Von Kanitz, Nachrichten und Betrachtungen über die Schicksale der Reiterei, стр. 7.

[3] Debrière et Sautai, Organisation et tactique des trois armes.

[4] General v. Marwitz, Schriften, II, 176.

[5] «Kavalleristische Monatshefte», 1908 г., стр. 238. Wenninger, Geber. Verlauf und Ergebniss von Reiterzusammenstössen.

готовы остановиться, закинуться и повернуть назад; чтобы атака не провалилась окончательно, каждый всадник должен стараться помешать своей лошади это сделать», следовательно, ее подогнать вперед. С этой целью французы шли в атаку тесно сомкнутым строем, но медленным аллюром.

Но эта боевая кавалерия была мало пригодна для столь важной разведывательной службы и даже для преследования. Верно говорили о тогдашних вождях, что они не умели пользоваться кавалерией для разведки. Сам Фридрих, проникнув в 1744 г. в Южную Богемию, чувствовал себя как бы отрезанным, и, хотя он и располагал почти 20 000 кавалерии, он долгое время не мог узнать, где находится австрийская армия. То же случилось и в 1759 г. с армией графа Дона, которой было поручено вторгнуться в Познань и связать русских. Тогда не считали, повидимому, возможным,— говорится в труде Генерального штаба, — выпустить из рук этот ценный, трудно заменимый род войск, а если и высылали порою вперед отдельные разъезды на довольно большое расстояние, то не принимали никаких мер, чтобы облегчить им своевременную доставку назад донесений.

Однако, эта неумелость имеет свои более глубокие корни в том, что в составе кавалерии было много ненадежных людей, — конечно, далеко не столько, сколько в пехоте, но все же слишком много, чтобы рассылать их разъездами по обширной территории. Как и в пехоте, весь дух учебной подготовки был направлен не на выработку одиночного бойца, а на создание сплоченной тактической единицы; между тем, разведывательная служба требует подготовки каждого единичного солдата к самостоятельности и самодеятельности. Таким образом, высокая, но односторонняя дееспособность кавалерии не столько была обусловлена неумелостью высших вождей, сколько являлась естественным последствием всей системы в целом.

Фридрих рано заметил этот недостаток; подобно тому как он создал легкую пехоту, он и при кавалерии сформировал особый род войск, чтобы заполнить этот пробел. Это были гусары; их не причисляли к кавалерии. От отца Фридрих получил всего лишь 9 гусарских эскадронов; он довел число их до 80. Он смотрел на них как на воинственных ребят, жадных до приключений и до добычи, которые, пользуясь относительной свободой, не будут склонны к дезертирству, а потому ими даже можно будет пользоваться для предупреждения дезертирства в других воинских частях, но по этой же причине они были слишком распущены для того дела, которого он требовал в сражении от своей кавалерии. Под Лёйтеном они составляли позади пехоты четвертую линию [1]. Особенно на них рассчитывали для преследования неприятеля.

Уже перед Семилетней войной подготовка гусар начала сравниваться с подготовкой остальных кавалерийских полков.

Больше четверти полевой армии Фридриха состояло (в декабре 1755 г.) из кавалерии (31 000 кавалеристов на 81 000 пехоты). В первой половине XVI в. пехота в значительной мере преобладала; во второй половине, когда произошло преобразование рыцарства в кавалерию, последняя снова возросла и в Тридцатилетнюю войну порою достигала половины армии и даже более. В постоянных армиях вновь

[1] Эта четвертая, гусарская, линия под Лёйтеном, повидимому, несла в основном функции заградительного отряда.— *Ред.*

увеличился более дешевый род войск — пехота; при Великом курфюрсте кавалерия составляла всего лишь седьмую часть армии. Затем количество ее постепенно повышалось и достигло своего максимума при Фридрихе.

Подобно двум другим родам войск и артиллерия все время подвергалась дальнейшему усовершенствованию, и действие ее все более усиливалось. Нововведением явилось то, что Фридрихом была создана конная артиллерия. Мы не будем останавливаться на частностях в деле усовершенствования орудий, которого добивались то в направлении их облегчения и большей подвижности, то в направлении усиления их действия путем увеличения калибров и объединения орудий в батареи. Главное изменение в этом роде войска, а именно — огромное увеличение численности тяжелой артиллерии, было введено не пруссаками, а австрийцами, искавшими и нашедшими в этом для себя защиту против наступательного духа пруссаков. Со вздохом пришлось Фридриху подчиниться необходимости и последовать по этому пути за австрийцами. Под Мольвицем австрийцы располагали 19 орудиями, т. е. по одному на каждую тысячу солдат, а пруссаки — 53 орудиями, т. е. $2^1/_2$ на 1 000 человек. Под Торгау у австрийцев было 360 орудий, или более 7 на 1 000 человек, а у пруссаков 276 орудий, или более 6 на 1 000 человек.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СКОРОСТИ РУЖЕЙНОГО ОГНЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Основоположное исследование этого вопроса мы найдем в «Тактическом обучении» (Kriegsgeschichtliche Einzelschriften»), вып. 28 (30), стр. 434. Но так как в нем не учтены многие важные показания, то необходимо кое-что добавить. Вопрос этот интересен не только по существу, но и с методологической точки зрения, ибо он дает возможность судить, как легко даже у знатоков по таким простым, самим по себе, техническим вопросам составляются ложные представления и слагаются легенды, которые кажутся едва ли доступными оспариванию и которые все же не заслуживают доверия. Я имею в виду при этом и то безусловное доверие, которое принято оказывать утверждениям Полибия по военным вопросам.

Результат исследования в «Тактическом обучении» сводится к тому, что незадолго до Семилетней войны искусный мушкетер, действуя не по команде, мог-де 4—5 раз в минуту зарядить свой мушкет, что плутонг мог по команде в 2 минуты дать 5 залпов, причем эта последняя норма повышалась чуть ли не до 3 залпов в минуту.

К этому в труде добавляется: «Надо при этом представить себе то множество приемов, которые в то время приходилось проделывать при заряжании: ружье — на правую сторону, курок — на предохранительный взвод, взять патрон, оборвать его, насыпать порох на полку, замкнуть ее, перебросить ружье на левую сторону (к ноге), не рассыпав пороха из открытого патрона, ввести патрон в дуло, высыпать начисто порох, вытащить шомпол, взять его в руку ближе к другому концу, воткнуть его в дуло, два раза с силой втолкнуть его, вложить шомпол на место и взять ружье на изготовку, т. е. в уровень с серединой корпуса, с тем чтобы, в зависимости от последующей команды, приложиться или взять ружье на плечо, если не надо тотчас же стрелять. Каждому ясно, что проделать все это вместе с производством выстрела 5 раз в минуту невозможно».

Когда введены были цилиндрический шомпол и коническая затравка, то, по сообщению графа Гибера (1773 г.), на маневрах (следовательно, холостыми

патронами) удалось достичь нормы в 30 патронов за 8½ минут, т. е. 3½ выстрела в минуту. Цилиндрический шомпол, правда, обладал тем преимуществом, что его не надо было поворачивать, но, с другой стороны, как замечает и Гибер, у него были и крупные недостатки.

Устав 1779 г. требует, чтобы заряжанием и стрельбой порохом «ежедневно так долго упражнялись с рекрутами, пока эти новички не научатся стрелять 4 раза в минуту».

По словам Беренгорста, требовалось «для заряжания и выстрела боевым патроном по меньшей мере 15 секунд», следовательно, в минуту не успевали дать полных 4 выстрела; «а холостыми патронами доходили до 6 выстрелов в минуту».

Добавлю, однако, к этому еще следующее показание:

Генерал-инспектор, генерал-лейтенант граф Ангальт во время своего пребывания в Бреславле в 1783 г. в приказе всем расквартированным в этом городе полкам (Архив Цербст) требовал, чтобы «солдат, хорошо вымуштрованный, давал в минуту 7 выстрелов и 6 раз зарядил холостыми патронами (с порохом, но без пули), а без патронов (т. е. выполняя только приемы) зарядил и выстрелил полные 8 раз».

Шарнгорст в своем руководстве («Тактика», стр. 268, изд. 1790 г.) говорит, что, по данным опыта, воинская часть может дать новым ружьем от 5 до 6 выстрелов в минуту. Однако, его собственный расчет по секундам дает лишь 5 выстрелов в минуту.

В его сочинении «О действии огнестрельного оружия», которое он выпустил в 1813 г., говорится (стр. 80), что при одном опыте, когда 10 пехотинцев выпустили один за другим 20 прицельных выстрелов, наибольшая скорость равнялась 7½ минутам, наименьшая — 13—14 минутам. А на стр. 95, при другом опыте, на 10 прицельных выстрелов потребовалось от 5 до 8 минут. Таким образом, в лучших случаях в минуту было сделано при первом опыте неполных 3 выстрела, а при втором опыте — только 2 выстрела.

В чрезвычайно ценной книге «Достопримечательные факты к характеристике прусской армии в правление великого короля Фридриха II. Из наследия прусского офицера» (фон-Лоссова)[1], Глогау, 1826 г., стр. 259, говорится, что после «изобретения воронкообразного затравочного шурупа» достигли 6 выстрелов и 7 заряжаний в минуту. «Но так как при этом перестарались, то король Фридрих Вильгельм II это снова отменил».

Decker, «Taktik der drei Waffen» (1883 г.), стр. 106, сообщает, что дошли до 7—8 выстрелов в минуту.

Gansauge, «Das Brandenburg-preussische Kriegswesen», 1839, стр. 132, говорит: «После Губертсбургского мира стали требовать от прусской пехоты, чтобы она давала по 4 выстрела в минуту».

Чтобы понять столь грубые противоречия в показаниях, необходимо различать между стрельбой единичного солдата и сомкнутой части, между достижениями отдельных, особо одаренных людей и средними достижениями; между стрельбой без команды и стрельбой целых частей по команде.

С точки зрения военной истории значение имеет, конечно, лишь стрельба боевыми патронами, которая протекает гораздо медленнее, чем стрельба патронами холостыми, так как в первом случае приходится еще загнать пулю. Далее следует выделить одиночную стрельбу. Дело идет о стрельбе целыми плутонгами, и притом боевыми патронами, будь то по команде или без нее.

При таких условиях отпадают некоторые из вышеприведенных свидетельств. Беренгорст категорически говорит о 6 выстрелах лишь холостыми патронами. Граф Ангальт также говорит лишь о холостых патронах.

---

[1] Denkwürdigkeiten zur Charakteristik der preussischen Armee unter dem grossen König Friedrich II. Aus dem Nachlass eines preussischen Offiziers.

Мы должны соответственно предположить, что и Лоссов и Деккер имеют в виду лишь холостые патроны.

Остается самое важное свидетельство Шарнгорста в его «Тактике»; он, несомненно, говорит о стрельбе боевыми патронами и указывает на «5 выстрелов» в минуту или даже «от 5 до 6».

Свидетельству Шарнгорста противостоит показание Беренгорста, требующего для выстрела «по меньшей мере» 15 секунд, следовательно, в минуту — неполных 4 выстрела, и Гансауге, свидетельствующего о 4 выстрелах. Беренгорст пишет как современник, Гансауге вступил в ряды армии в 1813 г. и, следовательно, мог опираться на рассказы живых очевидцев.

Спрашивается: могло ли действительно иметь такое значение изобретение конической затравки, сберегавшее время на насыпание пороха на полку, и цилиндрического шомпола, сберегавшего время на двукратное поворачивание его, чтобы поднять скорость огня с 3 выстрелов (максимальная скорость ко времени Семилетней войны) до 5 выстрелов?

Кто решился бы подвергнуть сомнению свидетельство Шарнгорста, если бы оно одно дошло до нас? Но против него не только показания Беренгорста и Гансауге; в самом третьем издании его «Тактики», редактированном Гойером, первоначальное его показание низведено к словам: «4, максимум 5 выстрелов в минуту».

Когда Шарнгорст писал свое сочинение, он был поручиком ганноверской артиллерии, а потому я невольно прихожу к предположению, что он был введен в заблуждение сообщением, имевшим в виду обычную учебную стрельбу.

Если, согласно его сочинению 1813 г., при еще более усовершенствованном ружье, лучшие стрелки достигают 2 и не больше 3 неполных выстрелов в минуту, то надо иметь в виду, что здесь речь идет о прицельной стрельбе.

Как общий вывод, можно сказать, что пруссаки вступили в Семилетнюю войну с умением выпускать от 2½ до 3 залпов в минуту без прицела; эта норма повысилась до 4 залпов после некоторых технических усовершенствований в ружье; она сохранилась до 1806 г.

Не только приходится отвергнуть показание о 10 или 8 выстрелах в минуту, но и утверждения Козера («Фридрих Великий», III, 377), который останавливается на 5—6 выстрелах, и даже Бронзарт фон-Шеллендорф, впоследствии военный министр, заходит слишком далеко в полемической статье «Ретроспективный взгляд на тактические ретроспективные взгляды» (1870 г.), когда он пишет (стр. 5): «Если мы отдадим себе ясный отчет в том, что шомпольные ружья не мешали пехоте великого короля давать в сомкнутом строю от 4 до 5 выстрелов в минуту, скорость огня, которую мы с нашим игольчатым ружьем превзошли лишь не намного, то трудно, конечно, обосновать радикальное преобразование тактики на появлении ружья, заряжающегося с казенной части».

Однако, еще более грубая ошибка допущена в первом томе труда Генерального штаба о войнах Фридриха Великого, где говорится (стр. 140) о том времени, когда удавалось выпускать лишь 2½ выстрела в минуту: «Таким образом, непрерывным упражнением удалось добиться того, что в минуту заряжали и стреляли до 5 раз, — достижение, в 3 раза превосходившее обычную норму и обеспечившее поэтому прусской пехоте неоспоримое преимущество».

Генерал Кемерер как-то рассказывал мне, что хорошая часть, вооруженная старыми ружьями, могла давать 5 выстрелов в минуту, а один унтер-офицер, вернувшийся из стрелковой школы, вызывал всеобщее удивление тем, что доходил до 7 выстрелов.

С ружьем Минье, которым прусская армия была вооружена незадолго перед этим, доходили только до 1½ выстрелов в минуту.

Глава IV

Стратегия

Переход от стратегии средневековья к характеру мышления и к методам ведения войны нового времени разработан в сочинениях Макиавелли. Мы уже отметили, что новая форма развития начинается с возрождения тактической пехотной единицы, сражающейся холодным оружием. Лишь с этого момента вновь появляется стратегия в полном смысле этого слова[1].

Часто повторяемая фраза, что в Средние века война была применением грубой силы, а с эпохи Возрождения она-де превратилась в науку, создает представления, которые, как неправильные во всех отношениях, должны быть отвергнуты. И в Средние века война не была простым применением грубой силы, и после того наукой она не сделалась. Война всегда является искусством и никогда наукой сделаться не может. Отношение искусства к науке всегда может заключаться лишь в том, что искусство отдает ясный отчет в себе самом лишь путем теоретических, следовательно научных, размышлений, и этим самым приобретает бóльшую способность вырабатывать своих мастеров. Мы видели, что на тактику в ее прогрессивном развитии действительно оказывало влияние научное исследование, но, конечно, она из-за этого не обратилась в «науку». Применимо ли подобное положение по отношению к стратегии, и насколько оно вообще применимо в данном случае, покажет дальнейший ход нашего исследования.

Уже в главе, посвященной Макиавелли, мы видели, что сущность стратегии приводит нас к основной проблеме, проблеме двойственной формы стратегии — стратегии сокрушения и стратегии измора,— и этой проблемой определяется все стратегическое мышление и действие.

Первый естественный и основной закон всякой стратегии — сосредоточить свои силы, разыскать главные силы противника, разбить их и развивать преследованием победу до тех пор, пока побежденный не подчинится воле победителя и не примет его условий, следовательно, в крайнем случае, — вплоть до занятия всей неприятельской страны. Такой способ ведения войны имеет предпосылкой достаточное превосходство сил; но может быть случай, когда превосходство сил у одной стороны достаточно для того, чтобы одержать первую большую победу, но недостаточно для занятия всей территории противника или хотя бы для того, чтобы осадить его столицу. Возможно и такое соотношение сил, при котором вначале следует ожидать лишь умеренных успехов, и надежды направляются не столько на то, чтобы сокрушить неприятеля, сколько на то, чтобы, путем нанесения ему ударов и ущерба всякого рода, довести его до такого состояния упадка и утомления, что он, наконец, предпочтет принять условия победителя, который в этом случае должен, конечно, проявить

[1] Следует отметить, что тотчас с наступлением новой эры в стратегии появляется и применение вспомогательного средства, которое со временем приобретает все большее и большее значение: пользование картами. Иовиус повествует, что перед сражением при Мариньяно (1515 г.) в Миланском замке перед швейцарскими вождями развернули пергаментные листы, на которых были начертаны длина дорог и местность, «дабы простого ума люди (agreste ingenio homines) могли легче понять предметы, о которых шло обсуждение».

известную умеренность. Это и есть система стратегии измора, великая проблема которой всегда сводится к вопросу: следует ли или не следует стремиться к тактическому решению — сражению, с его опасностями и потерями, и окупят ли ожидаемые от победы выгоды риск нашей ставки? Если в одном случае главная задача полководца — употребить всю силу своего духа и всю свою энергию на то, чтобы добыть при развязке для своей армии возможно бо́льшие преимущества и довести свою победу до высшей точки, — то в другом случае его соображения направляются на то, в каком месте и каким образом ему удастся особенно чувствительно ущемить неприятеля, оградив от ущерба собственную армию, страну и народ. Он будет задаваться рядом вопросов: осадить ли ему такую-то крепость, занять ли известную позицию, отрезать ли противнику подвоз провианта, напасть ли на отделившуюся часть неприятельской армии, отвратить ли от неприятеля союзника, привлечь ли на собственную сторону союзника, и, главное, не представляется ли условий и удобного случая нанести поражение главным силам противника. Таким образом, сражение играет определенную роль и в стратегии сокрушения и в стратегии измора, но с той разницей, что в первой оно представляет единственное, все превосходящее, все прочее поглощающее средство, а во второй — лишь одно из средств, имеющихся на выбор, наряду с другими. Возможность довести противника и без боя до того, что он примет условия, которых мы добиваемся, приводит в конечном счете к чисто маневренной стратегии, которая хотела бы вести бескровную войну. Такая чисто маневренная стратегия представляет, однако, лишь диалектическую побрякушку, а не реальное явление в мировой военной истории. Если бы даже одна сторона и задалась целью — вести подобную войну, то она все-таки не будет знать — так же ли мыслит и противная сторона и останется ли она при этом намерении. Поэтому призрак возможного решительного сражения всегда маячит на заднем плане даже у полководцев, избегающих кровопролития; следовательно, стратегию измора никоим образом нельзя рассматривать как чисто маневренную стратегию; на нее скорее приходится смотреть как на способ ведения войны, содержащий в себе внутреннее противоречие. Ее принцип — полярный или двухполюсный.

Уже в древности мы познакомились с антитезой стратегии сокрушения и стратегии измора; и теперь, вслед за появлением новой формы войны, немедленно возникает эта проблема. Когда швейцарцы спускались со своих гор в соседние области, у них, естественно, не было иного принципа, как возможно скорее разыскать неприятеля, атаковать его и разбить. Но именно этот принцип и мог быть обращен против них. Все знали, что они всегда стремятся поскорее попасть домой, да и их нанимателям не легко было долгое время выплачивать им жалованье. Поэтому, когда их противнику удавалось уклониться от их атаки и отсидеться на неприступной позиции, он мог надеяться выиграть кампанию без риска и без сражения. На это рассчитывал ля-Тремуль, когда в 1513 г. при осаде Новары ему донесли, что на выручку осажденным приближается швейцарская армия. Он мог бы пойти навстречу этой армии, дабы разбить ее раньше, чем она успеет соединиться с гарнизоном Новары. Ля-Тремуль отверг эту мысль и отошел от города для того, чтобы путем маневрирования сковать швейцарцев; однако, они его догнали и разбили. Но скоро опыт показал, что такой победой далеко не всегда выигрывается война. Итак,

целесообразно ли давать сражение? Мы видели, как сила мышления самого Макиавелли становилась втупик перед этой проблемой и оказывалась не в состоянии ее разрешить. Логика его собственного мышления приводила его к стратегии сокрушения, а античная традиция, в лице Вегеция, рекомендовала стратегию измора. Как на практике, так и в теории последняя одержала верх. Наиболее сильное, непосредственное действие оказала победа имперцев при Павии. Взятый в плен король Франциск должен был принять по Мадридскому мирному договору самые тягостные условия. Однако, по прошествии немногих лет, если не все, то существенные приобретения, доставленные этим миром победителю, снова были им утрачены, и можно было задать вопрос, окупилась ли в данном случае ставка.

Таким образом, сражение при Павии 1525 г. было последней крупной развязкой этой военной эпохи. Войны продолжались, но целые кампании протекали без единого настоящего сражения, а когда таковое происходило, как, например, при Черезоле (1544 г.), то последствий оно не имело.

Для полководца, желающего избежать сражения, всегда возможно найти позицию, подступы к которой так затруднительны, что противник, даже при значительном численном превосходстве, предпочтет отказаться от такого дерзания. Естественные преимущества местности еще усиливаются полевыми укреплениями. Поэтому стратегическое наступление не обязательно имеет своей кульминационной точкой сражение; часто оно исчерпывает себя в простом выигрыше пространства, в оккупации области, которую можно использовать. Излюбленным объектом военных действий являлась осада и взятие какой-либо крепости, обладание которой уже давало возможность господствовать над целой областью и ставило противника перед задачей снова ее завоевать, если он хотел получить ее обратно при заключении мира. Все это получает тем большее распространение, чем более укрепляется в господствующем мнении сознание рискованности бросать вызов боевому счастью и чем менее оснований ожидать от противника, чтобы он силой атаковал мало-мальски крепкую позицию. Захватить такие позиции можно было также с помощью удачного маневрирования, между тем как от непосредственного проигрыша сражения, если он не сопровождался в то же время значительными потерями земель и крепостей, неприятель мог сравнительно скоро оправиться. Ведь простая затяжка военных действий, заставляющая обе стороны нести крупные расходы, может скорее привести к намеченной цели войны, если одна из сторон раньше другой истощит свой кошелек и вследствие этого будет вынуждена пойти на уступки. «Ибо война, — писал в 1664 г. некий швейцарский военный писатель,— обладает большой дырой и широкой пастью, так что, где конец деньгам, там и конец игре». Каждая война в сильной степени определяется экономическим моментом, ибо без снаряжения и продовольствия сражаться нельзя; войны же наемными армиями являются в преимущественном смысле войнами экономическими, ибо эти армии вообще не имеют никакой иной базы, кроме экономической. Поэтому от Макиавелли и до Фридриха мы постоянно слышим то же самое речение: «войну выигрывает тот, у кого сохранился последний талер в кармане» [1].

[1] «У кого последний кусок хлеба и последний экю, тот и победитель». Gaspard (Jean) de Saulx-Tavannes, Mémoirs, изд. Бюшона, 1836 г.

(См. продолж. сноски на след. стр.).

Но уже Макиавелли перевернул эту фразу наизнанку, сказав, что «тот, у кого есть солдаты, может добыть себе и деньги». И то и другое одинаково верно и неверно. Когда берут верх деньги, стратегия имеет тенденцию к маневрированию; когда же господство переходит к солдату, ее влечет к сражению. Здесь наблюдается та же самая полярность, которая дана в факте, что орудие, при помощи которого должна быть достигнута политическая цель — армия, — всегда ставится на карту и при всех обстоятельствах подвергается более или менее тяжкому ущербу. В стратегии сокрушения считают возможным не обращать внимания на это расстройство и потери, ибо надеются, что победа даст полный успех и скорое окончание, и не страшатся возвратного удара. Но при стратегии измора необходимо самым тщательным образом учитывать свои убытки. Ибо если победа, и даже повторная победа, не приведет к окончанию войны, то возникает вопрос: не станет ли сама победа спорной из-за расходов на восстановление ущерба, понесенного армией для одержания победы. Поэтому верховные хозяева вооруженной силы весьма часто увещевают полководцев не слишком дерзать и ставят высшей целью не положительный успех, а «сохранение вооруженных сил» (Saluirung der Armada), как писал курфюрст Макс Баварский своему фельдмаршалу Мерси. Имперские министры упрекали маркграфа Баденского, когда он отважно атаковал турок, что он-де легкомысленно жертвует войсками и что ему потребуются для каждой кампании новые армии. Особенно скаредным в отношении траты своих войск было купеческое правительство Генеральных штатов; впрочем, и Фридрих в первой статье своих «Генеральных принципов», после описания великой ценности и удивительной боеспособности своей армии, говорит: «С такими войсками можно было бы завоевать весь мир, если бы их победы не были для них столь же роковыми, как и для неприятеля».

Эти соображения приобретают особое значение в коалиционных войнах, где победитель, понеся жертвы, в конце концов, пожалуй, бывает вынужден себе сказать, что выгоды-то достались не ему, а его союзникам; в особенности, может быть, потому, что победитель уже не располагает необходимыми силами, чтобы ограждать полностью собственные интересы.

Одним из важнейших вспомогательных средств этой двухполюсной стратегии являются полевые укрепления. Ведь уже Карл Смелый пытался прикрыть себя от швейцарцев под Муртеном и Нанси при помощи укреплений. Первое действительно современное сражение, при Черриньоле (1503 г.) в Нижней Италии, между французами и испанцами, разыгралось в борьбе за вал и ров, который испанцы наспех соорудили перед своим фронтом. С этих пор, вплоть до падения старой монархии, полевые укрепления играли роль, и порою роль решающую. Во время Гугенотских войн, когда снова появилась кавалерия, каждую ночь, по словам де-ля-Ну, окапывались, чтобы оградить

Мендоза, стр. 11. «Поэтому-то обычно говорят, что победа — за последней кроной или последним пфеннигом».

Когда Фридрих хотел начать войну в 1756 г., он подсчитал, что каждая кампания ему обойдется в 5 млн. талеров и что Пруссия с имеющей быть завоеванною Саксонией могут вынести этот расход. Однако, расходы поднялись до 15 млн. в год, и ему пришлось добиваться английских субсидий.— Мария Терезия вела войну главным образом на французские субсидии. Но в 1761 г. она настолько исчерпала все свои ресурсы, что, в видах экономии, еще во время войны она сократила свою армию и распустила часть войск.

себя на всякий случай от внезапного нападения. Густав Адольф также укреплял каждую лагерную стоянку, где его армия проводила более одной ночи. Нередко все дело зависело от того, удалось ли одной из сторон опередить на несколько часов другую и соорудить укрепления, штурмовать которые последняя уже не решалась. Сражение на Белой горе было проиграно, так как нужные лопаты не были своевременно доставлены из Праги. Даун оперировал против Фридриха не иначе, как с лопатой в руках. Первоначально Фридрих был противником полевых укреплений, ибо его войска гарантировало от внезапных нападений их проворство, а сражение он всегда стремился вести наступательно, и укрепления ему были бы только помехой. Порою он высказывается против них даже с известной страстностью [1]— один из немногих вопросов, в которых он не только на практике, но и принципиально расходился со своими современниками,— и если он все-таки указывает в своих «Генеральных принципах» (ст. VIII): «Мы укрепляем свой лагерь, как некогда древние римляне»,— то объясняет он это тем, что укрепления предназначались для воспрепятствования ночным предприятиям столь многочисленных у неприятеля легких войск, а также дезертирству. Для прикрытия тыла во время осады (циркумвалационная линия) король готов допустить сооружение «ретраншементов», но и в этом случае он считал лучшим двинуться навстречу идущему против него неприятелю. В крайнем случае, после проигранного сражения или против втрое превосходных сил неприятеля приходилось прибегать и к этому средству; таким образом, когда в 1761 г. русской и австрийской армиям, наконец, удалось соединиться против него в Силезии, он спасся благодаря укреплениям при Бунцельвице. Вероятно, в результате этого опыта он изменил свой взгляд и в своих трудах после Семилетней войны уже принципиально высказывается за сооружение полевых укреплений [2].

Давать ли сражение или не давать — при такой силе тактической обороны часто являлось вопросом, который разрешался не на месте, а на родине, правительством, хотя могли проходить дни и недели, пока запрос, донесение о положении дел и ответ могли быть доставлены туда и обратно В 1544 г. герцог Энгиенский послал своего начальника штаба (Maître de camp), Монлюка, из Верхней Италии в Париж, к королю, чтобы испросить его разрешения дать сражение. Монлюку удалось добиться такого разрешения вопреки возражениям министров; герцог Энгиенский одержал победу при Черезоле, но победа не имела никаких последствий.

Подобные же переговоры велись во время Семилетней войны между Дауном и Веной, между русскими полководцами и Петербургом.

Типичным образчиком бессильной маневренной кампании считается кампания шмалькальденцев в 1546 г.; несомненно, что союзные протестантские государи, особенно вначале, когда у императора еще вовсе не было войск, действовали слишком робко [3]. Но уже Ранке сказал, что гневные слова Шертелина о ландграфе Филиппе: «он не хотел укусить лисицу; все броды и рвы были для него слишком глубоки, все болота слишком широки»,— не следует всегда повторять.

---

[1] Отдельные места из «Friedrich's des Grossen Anschauungen vom Krieg», вып 27. «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften», стр. 268.

[2] Jochim, Das militärische Testament des Grossen Königs. Приложение к «Militärisches Wochenblatt» за 1914 г., стр. 269, 278.

[3] Lenz, «Historische Zeitschrift», т. 49, стр. 459.

Раз уже сложились такие стратегические взгляды, какие, как мы видели, господствовали в эту эпоху, то крайне трудно повести на крупное решительное дело армию, составленную из элементов с разнородными интересами, в которой командование не сосредоточено в одних руках. Император также, когда перевес сил оказался на его стороне, довольствовался маневрированием и, в конечном счете, победил не боем, а политикой, побудив герцога Морица вторгнуться в земли курфюрста Саксонского, после чего слабые союзные скрепы шмалькальденцев оказались недостаточными, чтобы удержать и сохранить объединенную армию для защиты Южной Германии. Историк этой войны Авила пишет по этому поводу[1]: «Императору ни разу не представлялось случая дать сражение при равных, не говоря уже — при более благоприятных условиях. Однако, даже при равных условиях сражения ему не следовало давать, ибо подобная победа всегда сопряжена с потерями, а ослабленная, хотя и победоносная, армия не была бы в состоянии привести к повиновению Германию, особенно же города»[2].

Во время Гугенотских войн происходили весьма кровопролитные сражения, однако, стратегически они имели значение лишь стычек, ибо католическая партия, хотя и обладавшая значительным превосходством сил и победоносная на полях сражения, все же не была достаточно сильна, чтобы закончить войну полным одолением противников путем захвата всех их укрепленных пунктов.

О такое же препятствие разбились и все усилия испанцев снова покорить восставшие Нидерланды.

Стратегия Тридцатилетней войны определялась крайне сложными и часто менявшимися политическими отношениями, многочисленными укрепленными городами и все еще численно слабыми, по отношению к обширным пространствам, армиями. Такой человек, как Густав Адольф, обладавший грандиозной дерзостью напасть из далекого маленького королевства на императора, который только что поверг к своим ногам всю Германию, герой, обладавший таким авторитетом и инициативой, все же оказался вынужденным продвигаться лишь осторожно, ощупью, шаг за шагом. Клаузевиц называет его «ученым полководцем, преисполненным осторожных комбинаций». «Густав Адольф,— говорит он в другом месте,— никоим образом не был отважным полководцем вторжения и битв; он предпочитал искусную, маневренную, систематическую войну».

Лишь по прошествии одного года и трех месяцев после его высадки в Германии дело дошло до решительного сражения при Брейтенфельде. Валленштейн, про «почти устрашающую энергию» которого Клаузевиц отзывается с похвалою, отмечая «граничащее со страхом преклонение перед ним всей его армии», не дал, однако, ни одного наступательного сражения. Торстенсон, наоборот, постоянно стремился к сражению, причем, однако, его стратегия принципиально

---

[1] «Schmalkaldener Krieg», нем., изд. 1853 г., стр. 90.

[2] Еще до начала Шмалькальденской войны венецианский посол доносил, что император сражений давать не будет. При этом он замечает: «...у лютеран нет полководцев... немцы одни лишь пригодны для решительного сражения, которого император будет избегать; он будет стремиться и пытаться при помощи легкой кавалерии и итальянской пехоты (обученной всяким военным приемам) вытеснять их с позиций, утомлять и понемногу уничтожать их армию». Бернардо Навадже ро, Донесение из Германии за июль 1546 г., изд. Alberi, серия 1, т. I, стр. 362.

не выходит, да и не могла выйти за пределы стратегии измора. По множеству содержащихся в ней противоречий Тридцатилетняя война чрезвычайно интересна в стратегическом отношении и представляет ряд частностей, которые еще недостаточно исследованы. По временам сила выставленных войсковых масс чрезвычайно велика; так, например, в 1627 г. император располагал полностью 100 000 человек, так же и в 1630 г. В конце 1631 г., когда снова вернулся к командованию Валленштейн, налицо было от 30 000 до 40 000 человек, а весной 1633 г. численность войск доходила до 102 000, из коих главная армия под Мюнстербергом насчитывала 43 000, к концу же кампании все еще в общем имелось 74 000 [1].

Несмотря на это, действующие армии, вступавшие в сражения, были малы. Соединенная армия лиги и императора под Белой горой насчитывала около 28 000 человек; Густав Адольф вместе с саксонцами располагал под Брейтенфельдом 39 000, под Люценом — 16 300, в лагере под Нюрнбергом у Валленштейна было не 50 000—60 000 человек, как то часто указывают, а только 22 000 [2]. Армии Торстенсона не превосходили 15 000—16 000 человек. Весьма значительная часть имевшихся войск расходовалась на гарнизоны бесчисленных укрепленных городов. Процент кавалерийских частей растет в полевых армиях, достигая половины и даже двух третей их. Под Янкау (1645 г.) имперцы насчитывали 10 000 рейтаров на 5 000 пехотинцев.

Театр военных действий то и дело переносится от Балтийского и Северного морей до Дуная и Боденского озера, от Вены, — более того, от Семиградья — до окрестностей Парижа. Оказываются осуществимыми самые длинные марши, ибо войска при их малочисленности могут содержаться за счет тех местностей, которые они пересекают, и как католики, так и протестанты всегда находят сторонников как на юге, так и на севере, предоставляющих им опорные пункты [3]. Поэтому стратегический момент всегда в значительной мере определяется политическими точками зрения, так что история военного искусства не в силах и не должна входить в рассмотрение частностей, за исключением необходимых для анализа отдельных, особенно выдающихся сражений.

С войнами Людовика XIV приближается новая эра для стратегии, характеризуемая все возрастающим численным составом армий и вытекающей из этого проблемой их продовольствования. Средневековые армии были так малы, что либо можно было без особых значи-

---

[1] Victor Löwe, Die Organisation und Verwaltung der Wallensteinschen Heere, 1895 г. Рецензия Шреттера в «Schmollers Jahrbuch» 1895 г., 19, вып. 4, стр. 327. Konze, Die Stärke u. s. w. der Wallensteinschen Armee im Jahre 1633. Боннская диссертация, 1905 г. Höniger, Die Armeen des 30-jährigen Krieges (приложение «Militärisches Wochenblatt» за 1914 г., вып. 7), утверждает, что в кульминационный момент войны, когда Густав Адольф и Валленштейн стояли друг против друга, с обеих сторон было всего 260 000—280 000 человек под знаменами. Это — можно наверное сказать — цифры несколько преувеличенные. Генигер исчисляет слишком высоко армии, стоявшие под Нюрнбергом.

[2] Согласно Deuticke, Schlacht bei Lützen, стр. 52.

[3] Стратегический элемент решения определяется преимущественно вопросами сообщений, устойчивости и безопасности тыла. В Тридцатилетней войне, как и в других гражданских войнах, эти стратегические элементы оттесняются на второй план, так как местные средства получают выдающееся значение в снабжении, и открываются совершенно конкретные перспективы на быт впереди. Отсюда — трудность исторического исследования великой гражданской войны,— нелегко уловить руководящую нить.— *Ред.*

тельных трудностей тащить за собою необходимые запасы, либо снабжение войск можно было черпать из местностей, через которые они проходили. И наоборот: из размера совершаемых походов и незначительности мероприятий в отношении снабжения войск мы должны заключать, что армии были весьма малы. С численным ростом войск мы все чаще и чаще слышим разговоры о снабжении их продовольствием [1]. В «Книге должностей» (Aemterbuch) или «Военном устройстве» — сочинении, появившемся в 30-х годах XVI в., очень распространенном и часто употребляемом [2], сказано: «Поскольку провиант представляет собой очень большую и очень важную вещь (Prinzipalstück) на войне», — после чего следует тщательный перечень всего необходимого для продовольствия. Такой же перечень мы находим и в «Военной книге» герцога Альбрехта Прусского. Она говорит о войске в 90 801 бойцов и исчисляет на 5 дней 490 фур с хлебом, 383 — с салом, маслом, солью, горохом и крупой, 433 фуры со 100 боченками вина и 1 000 бочками пива. К этому присоединяется овес на 45 664 лошади [3]. Некий нюрнбержец, принимавший участие в войне, Иоахим Имгоф, жалуется в письме из лагеря Карла V в 1543 г., что все так вздорожало потому, что солдаты прямо на улице грабят крестьян и горожан, желающих привезти что-нибудь на продажу в город. Одно лишь мясо — говорит он — дешево, потому что скот отнимают силой [4]. Французская армия уже в 1515 г. возила с собою полевые хлебопекарные печи [5]. Герцог Максимилиан Баварский велел устроить в Богемии магазины для предпринятой им в 1620 г. кампании; он захватил в Линце 300 бочек муки, емкостью в 70 000 мер (Metzen), для перевозки которых австрийцы должны были поставить ему 220 четырехконных подвод. Хемниц в своей «Истории Тридцатилетней войны» уделяет много внимания вопросу довольствования войск в походе, и уже герцог Альбрехт отмечает значение, какое в этом деле имеют водные пути [6].

При Людовике XIV численность армий увеличилась втрое и даже вчетверо против Тридцатилетней войны. На первый взгляд, можно было бы предполагать, что более крупные армии должны давать возможность полководцам совершать более великие дела и господствовать над более обширными пространствами. Но если обе стороны растут в одинаковой пропорции, то наблюдается обратное явление. Более крупная армия является и более громоздкой не только при передвижениях, но и потому, что она уже не может существовать только за счет занимаемой ею местности,— разве только при очень быстром продвижении вперед,— а нуждается в организованном подвозе продовольствия. Эта потребность тем более обостряется, что с численным увеличением армии, как мы видели, в нее попадает много ненадежного элемента, который можно удержать под знаменами лишь при помощи дисциплины и надзора. Если бы предоставить таким войскам жить на счет страны, то они большей частью разбежались бы. По этой причине регулярное снабжение армии из магазинов

[1] Относительно обозов и снабжения швейцарцев см. Elgger, Kriegswesen der Schweizer, стр. 117 и сл.
[2] Иэнс, стр. 502 и 505.
[3] Иэнс, стр. 521.
[4] Knaake, Beiträge zur Geschichte Kaiser Karl's V, Стендаль, 1864 г., стр. 11.
[5] Spont, Revue des questions d'histoire, т. 22 (1899 г.), стр. 63.
[6] Rudolf Schmidt, Schlacht bei Wittstock, стр. 49, письмо фельдмаршала Гацфельда, стр. 57.

становится необходимым; между тем магазины налагают путы на движения войска. И тогда следствие, в свою очередь, начинает оказывать обратное влияние на причину: чем тяжеловеснее становятся движения армии, которая связана магазином, тем меньше она имеет возможности жить за счет страны и тем более она нуждается в помощи магазина.

По расчетам теоретиков, армия не может удаляться от своего магазина более чем на расстояние пяти переходов; посередине, в двух переходах от армии и в трех — от магазина, должна находиться хлебопекарня. Выпеченный в полевых хлебопекарнях хлеб был съедобен лишь в течение девяти дней; таким образом, если обозы непрерывно циркулировали взад и вперед и если положить день на погрузку и дневку обоза, то войска могли получать свежий хлеб каждые пять дней, и оставалось еще в запасе некоторое время на непредвиденные задержки, что было крайне необходимо, ибо продолжительная дождливая погода могла сделать дороги непроезжими для груженых подвод.

Вестфален следующим образом описывает положение в дождливую пору в 1758 г.: «Имея магазины и хлебопекарни под боком, армия начала испытывать нужду. Подводы с хлебом, чтобы пройти расстояние часа пути, затрачивали целые дни и ночи, да и то им приходилось по дороге сваливать половину груза» [1].

В 1692 г. Люксембург не мог продвинуться в Бельгии до Энгиена, как того хотел, и вынужден был простоять три недели под Суаньи, так как нехватало подвод для доставки продовольствия из Монса, где находился его магазин. Монс отстоит от Энгиена на расстоянии едва 4 миль [2], а от Суаньи — 2 миль.

«Не я командую,— говорил Фридрих Великий (1745 г.),— а мука и фураж»; или в другой раз, обращаясь к маршалу Кейту (8 августа 1757 г.): «Я согласен с Гомером — хлеб делает солдата».

Одновременно с внешним ростом и внутренним изменением армий меняется и театр военных действий: срывают укрепления большинства городов и настолько укрепляют некоторые из них, что овладение ими становится возможным лишь после трудной, длительной осады. Экономия, полученная на гарнизонах, опять-таки пошла на усиление полевых армий [3].

---

[1] Daniels, «Preussische Jahrbücher», 78, 481. Кумберленд приказал в 1757 г., когда его армия из-за недостатка в продовольствии начала мародерствовать, чтобы великий профос вешал без дальнейших процедур всякого, пойманного на месте преступления. Профоса сопровождал во время объездов священник, дабы преподать последнее утешение бедным грешникам, прежде чем они отправятся в ад. Daniels, «Preussische Jahrbücher», 77, стр. 478.

[2] 4 мили — около 28 *км.— Ред.*

[3] Монтекуколи (Соч., II, 122) сообщает, что в 1648 г. шведы занимали в Силезии девять крепостей. Они захватили их без малейшего труда, так как в них не было гарнизона, а затем они перестроили старые, незначительные укрепления. Поэтому Монтекуколи рекомендует снести все старинные неудовлетворительные укрепления и иметь лишь немногие действительно хорошие крепости, остальные же города оставить открытыми. Численность гарнизона Монтекуколи определяет всего в 100—500 человек, только в Праге должно быть 1 500 человек. На странице 135 он поясняет, какой вред принесли испанцам многочисленные крепости в Нидерландах, так как они не имели возможности все их занять достаточными гарнизонами и снабдить необходимыми запасами; для нидерландцев же они оказались полезными, так как эти крепости являлись сильными уже вследствие условий местности, а жители их могли выставить достаточное число защитников.

Карл V еще имел возможность предпринять несколько кампаний, которые приводили его из Италии, из Германии, из Нидерландов глубоко внутрь Франции. Но с тех пор как Людовик XIV, при посредстве Вобана, укрепил заново целый ряд пограничных городов, такие нашествия стали уже невозможны. Подобным же образом Фридрих соорудил систему силезских крепостей, чтобы обеспечить за собой эту вновь приобретенную им область.

В Тридцатилетнюю войну неоднократно, — особенно когда шведами командовал Торстенсон, создавалась обстановка, отчасти напоминавшая стратегическую обстановку из войн Фридриха Великого. Однако, Торстенсон со своей 15-тысячной армией продвигался гораздо дальше, чем впоследствии Фридрих. Сравнение это, впервые выдвинутое Гобомом в его докторской диссертации в Берлинском университете [1], в высшей степени поучительно, и я к нему вернусь при исследовании стратегии Фридриха. Разница заключается не в том, — отметим это тут же, — что у Густава Адольфа или любого из его преемников, будь то Бернгардт Веймарский, Баннер, Торстенсон, Врангель или Карл Густав, было иное, чем у Фридриха, представление о сущности стратегии, особенно же о ценности и значении сражения в открытом поле; разница обусловлена различием политических и военных условий, размерами, характером и боевыми приемами армий.

Процесс развития заключался, таким образом, не в том, что из эпохи преобладания маневрирования постепенно перешли к стратегии преобладания решительных сражений, но в том, что как теория, так и практика приближаются поочередно то к одному полюсу, то к другому.

В то время как до самого конца Тридцатилетней войны еще велись весьма ожесточенные бои, первые войны Людовика XIV являются чисто маневренными кампаниями. Единственное действительное сражение — при Сенеффе (1674 г.) — не было преднамеренным и осталось нерешенным, так как Конде не захотел рисковать армией и не продолжал боя. Помимо этого сражения во время войны 1672—1679 гг. были только осады, марши и несколько отдельных боев.

В третьей войне Людовика (1688—1697 гг.) мы уже снова наблюдаем более сильное напряжение боевой энергии и разряды ее, однако единственным сражением, повлекшим за собою существенные последствия, было сражение на р. Бойне в Ирландии (1690 г.), в котором Вильгельм III одержал победу над Яковом II, что окончательно лишило Стюартов престола; а кровопролитные сражения при Флерюсе (1690 г.), Стеенкеркене (1692 г.), Неервиндене (1693 г.) остались почти без последствий.

Как новое ужасное средство войны, появляется систематическое опустошение целых пограничных областей,— в частности Пфальца в 1689 г.,— чтобы затруднить неприятелю наступление на этом направлении и облегчить французам оборону крепостей, которые они намеревались удержать за собою, — Майнца и Филиппсбурга. Как ни жестока была эта мера, однако она все же не достигла намеченной цели, ибо немцы все-таки осадили и взяли обратно Майнц. В 1704 г. союзники намеревались проделать то же самое в Баварии и даже приступили к выполнению своего замысла. Принц Евгений писал: «Таким образом, я, в конце концов, не вижу иного средства, как

[1] Напечатанной в «Preussische Jahrbücher», т. 153, стр. 423 (1913).

разорить и опустошить всю Баварию и окружающие ее области окончательно (totaliter), для того чтобы на будущее время лишить неприятеля возможности продолжать (prosequieren) войну из Баварии или окружающих ее областей».

Затем идет война за Испанское наследство с ее грандиозными сражениями при Гохштедте (1704 г.), Турине (1706 г.), Рамильи (1706 г.), Уденарде (1708 г.), Мальплаке (1709 г.), результаты которых однако, заключаются лишь в том, что французы оттесняются вновь в свои границы.

В то же самое время Карл XII пытается сокрушить своих противников все повторяющимися решительными ударами.

Во время войны за Польское наследство (1733—1735 гг.) напряжение боевой энергии лишь незначительно, и война протекает без крупных решительных действий.

Тот факт, что решительные сражения, которые во время войны за Испанское наследство и имели порою весьма ожесточенный характер, но представляли лишь редкое явление, а после Мальплаке уже вообще не имели места, сопоставляются со сражениями, все чаще и чаще повторяющимися со времени появления Фридриха Великого,— и послужил поводом к обоснованию мнения, будто Фридриха Великого вообще не следует относить к представителям двухполюсной стратегии, а надлежит рассматривать, так сказать, как инициатора и творца стратегии сокрушения, которая впоследствии была доведена Наполеоном до высшей точки. Это представление, как мы ниже докажем более подробно, совершенно ошибочно. Частые решительные сражения, которые характеризуют метод ведения войны Фридриха, имеют своей основной причиной не какой-либо новый принцип, но титанический склад характера Фридриха, всегда стремившегося к великим решениям. Средство же, при помощи которого он надеялся добиться желанного решения и которое он для этой цели подготовил, это — косой боевой порядок. «С армией в 30 000 человек,—писал он,— можно победить 100 000, если взять их во фланг». Подвижность и быстрота прусской армии, оставившей далеко позади себя все остальные армии Европы, дали королю возможность выполнять нужные фланговые движения, прежде чем неприятель мог защитить себя от них. Вот в этом и надо искать источник повышения тонуса традиционного военного искусства; оно и толкало короля к полюсу сражения и накладывало столь существенный отпечаток на картину Семилетней войны, отличавший ее не только от прежних кампаний, протекавших без сражений, но и от войн Густава Адольфа, Мальборо и Евгения. Тем не менее метод ведения войны Фридриха не выходит за пределы стратегии измора и нередко толкает его назад к полюсу маневрирования, в особенности тогда, когда противники в занятии позиции, возведении полевых укреплений и в усилении артиллерии нашли средства оградить себя от опасности внезапной фланговой атаки косым боевым порядком.

В ходе нашего изложения мы выявим и остановимся на тех моментах, которые даже при наличии качественного, а иногда и количественного превосходства связывали короля и препятствовали ему развивать преследованием победу до принуждения противника к миру, т. е. перейти к стратегии сокрушения. Кое-что отметим теперь же.

Прежде всего укажем на чрезмерно высокий процент ненадежных элементов в его армии, который заставлял его всегда считаться

с угрозой дезертирства (ср. выше, стр. 239—240). Его наиболее обширное дидактическое сочинение «Генеральные принципы войны» (General-Prinzipien vom Kriege) (1748 г.) начинается с 14 правил о том, как бороться с дезертирством на войне: «Не должно становиться лагерем близ леса; во время походного движения через лес надлежит высылать по бокам пехоты гусарские разъезды; следует, по возможности, избегать ночных переходов; солдаты должны всегда на походе итти по-взводно; при проходе через теснины, при входе и выходе их, должны быть поставлены офицеры, которые бы тотчас же снова строили войска».

Ночные атаки он запрещал самым решительным образом.

Безусловно не допускается распускать войска и рассылать их для реквизиций по стране. Лишь в самых исключительных случаях, при быстрых маршах, Фридрих организовывал снабжение своих войск продовольствием через местных жителей. Переходы не должны были также быть слишком длинными и утомительными; иначе некоторые отставали, и такой пример мог оказаться заразительным.

С такой армией стратегическое преследование является совершенно невыполнимым. Даже непосредственное преследование сильно ограничивалось требованием поддержания порядка, являвшимся верховным законом. В диспозиции для сражения под Цорндорфом [1] категорически предписывается: «Хотя первой линии и не следует задерживаться на том рубеже, где был опрокинут неприятель, а продолжать наступать нормальным образом, предоставляя это второй линии»,— но в то же время категорически запрещается преследовать противника бегом, а надлежит «следовать за ним установленным шагом». Дальнейшее преследование принципиально производилось только отдельными отрядами, которые должны были сопровождать отступательный марш противника, висеть на его походных колоннах и отбивать у него подвозимые запасы. Но сперва производился сбор одержавшей победу армии. Несомненно, такой полководец, как Фридрих, не мог не сознавать всего значения преследования после победы, и, особенно после Гогенфридберга и Лёйтена, он старался его осуществить; однако, после Гогенфридберга — совершенно безуспешно, а после Лёйтена — с очень скромными результатами, хотя преследованием руководил Цитен.

Маршал Саксонский в своих «Мечтаниях» (Rêveries) рискнул подняться до следующего парадокса: «После победы все маневры хороши, за исключением благоразумных»; Фридрих же более реалистично рекомендовал осторожность именно в преследовании, ибо здесь особенно легко может последовать обратный удар [2]. «Никогда,— пишет он, — армия не бывает менее пригодной для боя, как тотчас после одержанной победы. Все решительно вне себя от радости, толпа в восторге, что избежала опасностей, которым она подвергалась, и ни у кого нет охоты снова подставлять им свой лоб».

Невозможность уничтожающего преследования, в свою очередь, оказывала влияние на решение дать самое сражение. Во всяком

[1] Henkel's militärischer Nachlass, 11, 79.

[2] Это прекрасно изображено в «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften», вып. 27, стр. 364. Полковник Маренвиль сообщает 23 декабря 1757 г. о тактике Фридриха: «... он не развивает достигнутых им успехов. Когда он выигрывает сражение, он почти всегда ограничивается обладанием поля сражения». Напечатано у Stuhr, Forschungen und Erläuterungen zu Geschichte des 7-jährigen Krieges, I, 387.

случае риск был очень велик, потери болезненны, ожидаемые же выгоды, за невозможностью преследования, более или менее ограничены. Если опасение внезапного поворота счастья доводило до совета строить для бегущего неприятеля золотые мосты, то тем более становится ясным, что полководец не легко приходил к такой оценке обстановки, из которой вытекало бы, что дать сражение разумно. Когда Франциск I в 1536 г. одной выдержкой принудил Карла V, проникшего до Марселя, очистить Францию и отступить за Альпы, французы порицали короля, что он не причинил императору больше вреда при его отступлении. Впоследствии Иовиус расспрашивал по этому поводу короля, и тот ему ответил, что он не вполне доверял своим ландскнехтам и придерживался принципа древних, что отступающему неприятелю не только следует построить мосты, но и позолотить их.

Фридриху чужды были такие соображения, но стратегическое наступление в условиях, в которых он находился, могло быть также только весьма коротким. Лишь однажды, и притом издалека, он демонстративно грозил неприятельской столице Вене, но «в качестве цели операции» он ни разу ее не имел в виду. Прага (в 12 милях от проходов Рудных гор), Ольмюц (в 8 милях от границы Верхней Силезии) представляют действительные объекты, на которые он зарился. Уже проникновение до Брюнна, в 10 милях к югу от Ольмюца, казалось великим предприятием, а если в 1744 г. он продвинулся на 15 миль за Прагу, до Будвейса, то он сам себе засчитывает это как ошибку.

Правда, французы во время войны за Австрийское наследство проникли в Австрию до Линца и Праги. Но их база была не во Франции, а в союзной им Баварии.

Раз стратегическое наступление лишь коротко и медленно, то из этого следует, что оно очень легко снова переходит или бывает вынуждено перейти в оборону. Наступление и оборона быстро сменяют друг друга и переходят одно в другую. Стратегическое наступление не в силах одним махом мощно и надолго овладеть положением [1].

Чуть ли не важнейшим следствием этого основного отношения является регулярно повторяющийся зимний отдых. Страдания, которые причиняет войскам зимний поход, чрезвычайно тяжелы. К потерям, вызываемым тягостными условиями и болезнями, присоединяются потери от повышенного дезертирства, когда ненадежные наемники усмотрят, что к ним начинают предъявлять чрезмерные требования. Если полководец рассчитывает, что в продолжение военных действий он достигнет конца — заключения мира, — то он открыто идет на эти потери. Если же он не может рассчитывать добиться мира, то он взвешивает, не окажутся ли эти потери больше, чем ожидаемые выгоды, а так как этот подсчет производят обе стороны, то военные действия понемногу замирают, и противники расходятся по зимним квартирам, причем главные силы обеих сторон несколько удаляются друг от друга и обеспечивают себя от внезапного нападения наблюдением и выставлением сторожевого охранения, а иногда даже заключают между собою договоры о ненападении в течение определенного срока. И сражение при Люцене,

[1] Это тоже прекрасно доказано в «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften», 27, стр. 353

и сражение при Лёйтене определялись мыслью о зимних квартирах. И Валленштейн, и Карл Лотарингский — оба полагали, что кампания на этот год уже закончилась, когда пришло известие, что неприятель приближается; тогда, не имея никакого собственного положительного плана сражения, заняли войсками оборонительную позицию (6 ноября и 5 декабря).

Случалось, что затягивали кампанию не только до декабря, но даже до января, чтобы добиться того или другого преимущества. Новая кампания нередко открывалась только в июне, когда можно было найти подножный корм для лошадей. Зимние походы, которые все же порою имели место, должны рассматриваться как явления исключительные[1]. Зимним отдыхом пользовались для того, чтобы во всех отношениях восстановить армию, а именно, чтобы набрать, завербовать волей или неволей новых рекрут (если находились в неприятельской стране, то и там) и вымуштровать их так, чтобы их можно было поставить в строй к началу будущей кампании. У полков не было особых запасных частей для подготовки пополнений; их функции возлагались, так сказать, на зимний отдых, причем получалась та выгода, что можно было сразу выставить в поле всех боеспособных людей.

Во всякой войне огромную роль играет элемент, не поддающийся расчету — случай, а способность своей решительностью властвовать над этим темным элементом неизвестности составляет существеннейшее качество полководца. Особенную силу приобрел этот момент в эпоху Фридриха Великого, благодаря тому, что растянутые тонкие линии пехоты были чрезвычайно хрупки. Сражение могло быть решено в самый короткий срок, в одно мгновение. Не представлялось никакой возможности, затягивая бой, выиграть время для подтягивания подкреплений, исправления ошибок или выхода из боя без существенных потерь[2].

В редких случаях местность бывает настолько открыта, чтобы полководец мог ее вполне обозреть; в ней могут скрываться препятствия — пруды, болота, скаты, — которые разорвут его диспозицию, разрушат построение войск и приведут к проигрышу сражения. Должен ли он поставить себя в зависимость от этих случайностей? Такое решение чрезвычайно трудно принять. Ниже я приведу тому несколько примеров.

Даже тогда, когда неприятель сделает ошибку или вообще представится благоприятный случай дать сражение, — использовать такой случай в эпоху Фридриха было все же очень трудно, ибо сражения при линейной тактике требовали законченного сомкнутого развертывания и потому не могли быть сразу, без приготовлений, импровизированы. Если Зоор и Росбах являются сражениями импровизированными, то именно поэтому на них и следует смотреть как на особое доказательство гениальности царственного полководца и тактической выучки его войска.

Сделаем краткий обзор взглядов теоретиков, начиная с XVI и кончая XVIII в.

---

[1] Подробности о зимних квартирах или зимних кампаниях Фридриха см. Generalprinzipien, ст. 27 и 28.

[2] В этом, как мы видели из вышецитированного (стр. 263) места из Гёпфнера, также заключалось одно из оснований для применения косого боевого порядка

Дю-Беллэй в 1535 г. советует полководцу никогда не отваживаться на сражение, если он не убежден совершенно, что преимущества — на его стороне. В противном случае он должен выжидать.

Лазарус Швенди (1522—1584 гг.) рекомендует на войне играть наверняка и, даже при хороших шансах, не слишком рисковать. «Тот, кто может взять неприятеля выдержкой или измором, поступит неразумно, если поставит свою ставку на сражение. Тот же, кто воюет с сильнейшим противником, с которым он долго тягаться не может, тот, наоборот, должен действовать наудачу и ставить свою ставку на сражение». «Тот, кто ограничивается обороною, может много проиграть и мало выиграть».

Испанец Мендоза поучает в 1595 г. («Военное искусство», нем. перев., стр. 146). «Далее следует тщательно следить за тем, чтобы не сделать первого шага к сражению, разве к этому принудит крайняя необходимость, и чтобы не сразу ввести в дело все свои эскадроны; в противном случае, одержав победу, не очень-то придется ей радоваться, так как обошлась она дорого и потери были большие: но надо медленно, обдуманно, и словно с тяжелым грузом на ногах, подбираться к сражению».

Вильгельм Людвиг Оранский советует своему двоюродному брату Морицу в 1607 г.[1]: «Мы должны так вести свои дела, чтобы они не были подвержены случайностям сражения»... «вступать в бой не иначе, как под давлением крайней необходимости». При этом он ссылается на Фабия Максима перед сражением при Каннах.

Дилих, «Военная книга» (Dilich, Kriegsbuch), часть 2, кн. 1-я, (1607 г.) предостерегает: «Никогда не подвергать себя без крайней нужды и без полной уверенности в успехе случайностям сражения, как исходу неизвестному и сомнительному, ибо лучше ничего не завоевать, чем потерпеть урон и что-нибудь утратить». Он, однако, не хочет сказать, что совершенно не следует давать сражений, — это было бы глупостью. «Но можно с успехом сражаться, сотворив молитву, в благоприятное время года, когда от сырого воздуха порох не делается сырым, когда враг утомлен, а сами мы свежи, или вообще, когда к тому представляется благоприятная обстановка».

Де-Бийльон, 1612 г. («Die fürnembsten Hauptstücke der Kriegskunst», нем. перев., 1613 г., стр. 160) рекомендует полководцу: «Никогда не вести своих солдат в сражение, не испытав несколько раз и не узнав их основательно перед этим. Лучше пусть он, наступая и обходя неприятеля, утомит его, осилит и превозможет, чем доверится неверному счастью сражения, которое — столь опасное дело, что в него пускаться можно лишь под давлением крайней необходимости и лишь после того, как солдаты будут приучены и закалены в стычках и опасностях, ибо сражение — своеобразная (sembliches?) игра, попадая в которую новички очень теряются (entsessen befinden)».

«Конде де-Бюккуа можно поставить в заслугу то, что он неохотно ведет своих солдат на бойню»,— прославляет некий памфлет 1620[2].

Неймайер фон-Рамсла, весьма плодовитый военный писатель времен Тридцатилетней войны, ставит вопрос: когда же следует

---

[1] Archives Oranien-Nassau, серия 2, 11, 378.

[2] Цит. Кребсом в его сочинении «Schlacht am Weissen Berge», стр. 12.

давать сражение, — и перечисляет 55 оснований для этого. Между прочим, «когда убеждаются, что нет другого способа помочь делу».

Монтекуколи (1609—1681 гг.) пишет: «Тот, кто полагает, что может, не вступая в сражения, одерживать успехи и завоевать что-либо значительное, тот сам себе противоречит или, по меньшей мере, высказывает такое курьезное мнение, что оно поневоле вызывает насмешку. Правда, я знаю, что знаменитый генерал Лазарус Швенди утверждал, что никогда не следует отваживаться на бой и что он продвигается, действуя лишь оборонительно и до известной степени воруя у противника свои успехи. [Так уж далеко Швенди не заходил в своей осторожности!]. Но стоит войскам это заметить, как велик будет их страх, как велика станет дерзость неприятеля! На худой случай необходимо быть готовым дать сражение и удержать за собою поле, на котором оно будет иметь место. Правда, никогда не следует легкомысленно и самонадеянно решаться на сражение и еще менее — позволять себе его навязывать, но надо ловить удачный для него момент. Фабий Кунктатор отнюдь не избегал сражения, но он хотел вступать в него лишь тогда, когда имел обоснованные надежды на победу». А в другом месте (I, 328) мы у него читаем: «Тот, кто выигрывает сражение, не только выигрывает кампанию, но и большой кусок территории. Поэтому, лишь бы полководец сумел вступать в бой в хороших условиях,— и тогда ошибки, которые он раньше сделал в маневрировании, ему простятся; если же он погрешил против учения о сражениях, то, хотя бы он и в остальных подробностях проявил себя с хорошей стороны, все же не довести ему до конца войны с честью».

Тюренн однажды преподал Конде совет: лучше наносить возможно больше вреда противнику в боях в открытом поле, чем осаждать и брать города.

Даниэль Дефо в своем «Essay on Projects» (1697 г., перевод Фишера, стр. 118) утверждает, будто еще во время английской гражданской войны придерживались правила: «Бей врага, где бы ты его ни встретил»; теперь же оно гласит: «Никогда не вступай в бой без очевидных преимуществ». Поэтому-де и войны затягиваются на долгое время, и в результате лучше всего выдерживает войну не тот, у кого самый длинный меч, а у кого самый тяжелый кошелек.

В журнале военных действий маркграфа Людвига Баденского за 1694 г. об одной операции сказано: «Его светлость твердо решил, в случае, если к тому будет охота у противника, вступить с ним в решительный бой. Таким образом, этим желанием дали понять неприятелю, что предпочитают решиться на бой, чем ввергнуть в пучину гибели и без того обессиленное отечество». Результатом было несколько рекогносцировок [1].

Фёкиер (1648—1711 гг.) написал «Военные достопримечательности» («Militärische Denkwürdigkeiten»), которые Фридрих Великий оценил так высоко, что велел раздать их своим офицерам для чтения и оглашать отрывки из них кадетам во время обеда. Его собственные труды по военным вопросам нередко тесно примыкают к Фёкиеру. Последний пишет: «Поскольку сражения являются главными действиями армии и нередко решают исход всей войны, а почти всегда — исход кампании, то таковые надлежит давать не иначе, как

[1] Die Feldzüge des Prinzen Eugen, I, 1, стр. 587.

только в случае крайней нужды и когда на то имеются важные причины. Основания к тому, чтобы стремиться встретить врага и дать ему сражение, следующие: когда его превосходят числом и качеством войск; когда среди неприятельских генералов царят разногласия, либо когда они преследуют разные интересы или малоспособны и проявляют неосмотрительность; когда надо выручить осажденную крепость; когда можно опасаться, что войско рассеется, если этого не предупредить достигнутым успехом; далее, когда неприятель ожидает подкреплений; когда уже достигнуты известные успехи и, наконец, когда надеются сразу покончить с войной одним сражением. Наоборот, следует избегать столкновения, если можно опасаться, что победа принесет меньше пользы, чем поражение — ущерба; если не равняешься с неприятелем ни численностью, ни качеством войск; когда сам ожидаешь подмоги, когда неприятель занял выгодную позицию или когда имеешь основание надеяться, что, затягивая дело и избегая сражения, добьешься того, что неприятельская армия рассеется».

Испанский маркиз де-Санта-Круз (1687—1732 гг.), написавший обширное военное сочинение («Размышления»), говорит в нем «о тех условиях, при которых следует искать сражения». Ни численное, ни качественное превосходство войск, — полагает он, — не являются верным средством против тех разнообразных случайностей, которые может вызвать поражение. «Нет ничего более неизвестного, чем исход сражения». «Не следует отваживаться на сражение, если позиция не является чрезвычайно выгодной, либо если вы не достаточно точно осведомлены о численности обеих армий».

Принц Евгений отзывался с одобрением об этом теоретике, а Фридрих причислял его к «классическим» авторам военной литературы.

Маршал Пюисегюр (1654—1743 гг.) в своем сочинении «Art de la guerre» (изданном его сыном в 1748 г.), которое высоко ценили за систематичность изложения, все же не обсуждает принципиально вопроса о том, когда следует давать сражение. Но для его взглядов характерно то, что он сопоставляет Тюренна, как полководца, с Цезарем и не замечает различия по существу между стратегией первого и второго.

Фолар (род. в 1669 г.) написал, а Фридрих включил в извлечение, которое он сделал, следующую мысль: «Величайшие античные и современные полководцы никогда не считали врагов, но лишь спрашивали, где они находятся, чтобы пойти прямо на них и вступить с ними в бой»[1].

Граф Кхевенгюллер (Khewenhüller, 1683—1744 гг.), австрийский фельдмаршал, написал «Краткую концепцию всех военных операций» (Kurzer Begriff aller militärischen Operationen), в котором он развивает основания к тому, чтобы дать или избегать сражения. «1. Надежды на победу. 2. Снятие осады с города. 3. Притти на помощь корпусу, подвергающемуся атаке. 4. Из-за недостатка продовольствия или израсходования других необходимых предметов. 5. Чтобы не дать времени неприятелю получить подкрепления. 6. Использовать преимущество над противником, когда он на походе

[1] Согласно цитате, помещенной в «Военноисторических монографиях», вып. 37, стр. 385.

подставляет, например, свой фланг, при переходе его через теснины или когда он разделил свои силы и по иным каким причинам. Причины уклоняться от сражения: 1. Так как полученный от проигрыша сражения урон будет больше, чем та выгода, которую может дать победа. 2. Так как неприятель превосходит нас силами. 3. Так как не все наши силы в сборе. 4. Так как неприятель занимает выгодную позицию. — NB. Неприятель нередко сам гибнет из-за недостатка в том или другом или из-за раздоров в генералитете». А в другом месте он пишет: «Когда полководец своими маневрами умеет заставлять противника перемещаться и менять одну позицию на другую, одну лагерную стоянку на другую, и когда он способен улавливать во всем благоприятный момент, чтобы разгромить неприятеля, — тогда становится понятным, в чем заключается сущность военного искусства».

Полярность стратегии измора особенно ясно выступает в различных замечаниях Фридриха Великого. Он всю жизнь колебался между двумя полюсами, попеременно приближаясь то к одному, то к другому.

Перед сражением при Гогенфридберге (1745 г.) он пишет, что должен дать сражение, так как у него не остается другого исхода.

В письме маршалу Саксонскому (3 октября 1746 г.) он признает себя виновным в том, что слишком смелым продвижением вперед проиграл кампанию 1744 г.; но, наученный горьким опытом, он этого впредь не повторит. «Фабий всегда может стать Ганнибалом; но я не думаю, чтобы Ганнибал мог следовать методу Фабия».

В «Генеральных принципах войны» (1748 г.) мы читаем в главе «Когда и где следует давать сражения»: «Сражения решают судьбу государства; раз ведешь войну, то рано или поздно приходится доходить до решительных моментов — или для того, чтобы выпутаться из затруднительного положения, созданного войной, или — чтобы поставить в него неприятеля, или — чтобы покончить со спором, который иначе никогда не окончится».

«Благоразумный человек никогда не должен решаться на выступление, не имея к тому основательной побудительной причины; еще менее должен командующий армией давать когда-либо сражение, не преследуя тем какой-либо важной цели».

«Итак, мотивы, ради которых дают сражение, могут быть следующие: чтобы принудить неприятеля снять осаду с принадлежащей вам крепости или прогнать его из провинции, которой он завладел; далее — чтобы проникнуть в его собственную страну, или — чтобы осадить его крепость, или, наконец, — чтобы сломить его упорство, если он не хочет заключать мира, или также — чтобы наказать за сделанную им ошибку».

«Принуждают неприятеля к бою тем, что делают форсированный марш, благодаря чему заходят ему в тыл и отрезают его от того, что позади него; либо тем, что угрожают какому-либо городу, сохранением которого он очень дорожит. Но, проделывая со своей армией такого рода маневр, надлежит остерегаться и очень беречься, как бы самому не попасть в такое же неудобное положение, заняв такую позицию, где противник, в свою очередь, может вас отрезать от ваших магазинов».

«Ко всем этим правилам я еще добавлю, что войны наши должны быть коротки и энергичны, ибо нам не годится затягивать дело,

так как длительная война незаметно расшатывает нашу превосходную дисциплину и уменьшает народонаселение (depeuplieren) страны, истощая наши ресурсы». — «Словом, в делах, касающихся баталий, надлежит следовать правилу еврейского синедриона: лучше пусть умрет один человек, чем погибнет весь народ».

В его «Военном искусстве» («Art de guerre», около 1750 г.) мы читаем (X, 268):

> Без важных причин никогда не начинайте боя,
> В котором смерть пожинает столь страшную жатву.

В его сочинении «Мысли и общие правила, касающиеся войны» («Pensées et règles générales pour la guerre»), написанном, вероятно, уже в предвидении надвигавшейся грозы, мы не находим прямого совета искать решительных сражений. Напротив, в статье о планах кампаний говорится, что хороший план кампании может решить исход войны благодаря тем преимуществам, «которые вам дают либо ваши вооруженные силы, либо время, либо позиция, которой вы успеете раньше овладеть». «Хорошим планом кампании,— говорится дальше,— является тот, при котором вы, мало чем рискуя, подвергаете неприятеля опасности все потерять».

В 1753 г. Фридрих велел изготовить для своих офицеров то извлечение из большого сочинения Фолара, о котором мы упоминали выше, и сам написал к нему введение, в котором сказано, что существует лишь немного классических сочинений, по которым можно было бы изучать военное искусство. «Цезарь в своих комментариях мало сообщает такого, что не было бы нам известно уже из войн пандуров; его поход в Британию мало чем отличается от такой войны, и современный генерал мог бы почерпнуть у него разве только построение его кавалерии при Фарсале». Это изречение звучит так бессмысленно, что сразу и не знаешь, как к нему подойти. Когда же попытаешься его понять, то распознаешь в нем реакцию ясного практического ума, не дающего себя связать путами легенд, против ложного доктринерства. Теоретики того времени, как мы видели раньше, хотели насильно втиснуть Цезаря в схему стратегии измора. Фридрих заметил, что этого сделать нельзя; он чувствовал ошибку, но, естественно, источника ее найти не мог и реагировал на ту неловкость, которую в нем вызывало это сознание, своим сравнением с пандурами.

В написанных им осенью 1759 г. размышлениях о военном таланте и характере Карла XII мы читаем, что королю во многих случаях не мешало бы обращаться поэкономнее с человеческой кровью. «Конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение; но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть, когда неприятель проявляет небрежность в расположении лагеря или в организации марша или когда решительным ударом его можно принудить согласиться на мир. Впрочем, твердо установлено, что большинство генералов, которые легко ввязываются в сражение, лишь потому прибегают к этому средству выпутаться из положения, в какое они попали, что не умеют найти другого исхода. Далеко не ставя им это в похвалу, мы скорее усматриваем в этом признак отсутствия гениальности».

В своем предисловии к «Истории Семилетней войны» король называет метод Дауна «бесспорно хорошим» и тут же продолжает:

«Генерал будет неправ, если он решится атаковать неприятеля, занявшего горную позицию или расположившегося на пересеченной местности. Под давлением обстоятельств я иногда вынужден был прибегать к этому крайнему средству. Но когда ведешь войну с равными силами, можно достигнуть верных преимуществ хитростью и искусством, не подвергая себя столь великим опасностям. Накапливайте много мелких преимуществ, — их сумма составит вам крупный плюс. К тому же атака хорошо защищенной позиции — задача тяжелая; легко быть отброшенным и разбитым. Победы добьешься ценой потери 15 000—20 000 человек; а это пробивает серьезную брешь в армии. Рекруты, — предполагая даже, что у вас их достаточно, — заменяют численно, но не качественно тех солдат, которых вы потеряли. Ваша страна при обновлении армии становится безлюдной; армия вырождается, и если война затягивается на долгий срок, то, в конце концов, вы оказываетесь во главе толпы плохо обученных, плохо дисциплинированных мужиков, с которыми вы едва осмеливаетесь показаться на глаза неприятелю. В тяжелом положении можно смело освободиться от правил, но одна лишь крайняя необходимость может нас заставить прибегнуть к отчаянным средствам, подобно тому как больным дают рвотное, когда нет иного лекарства. Но, за исключением этого случая, по-моему, надлежит действовать впредь с большей осторожностью и руководясь лишь правильным расчетом, ибо на войне искуснее тот, кто меньше всего оставляет на произвол случая».

Те же мысли, но с еще бо́льшим подчеркиванием выгод маневренной стратегии, развивает король пятью годами позднее в своем военном завещании (1768 г.). «Большая ошибка, — говорит он здесь, — полагать, что сражения в открытом поле не представляют такого же риска, как сражения на укрепленных позициях. Пушки наносят ужасные опустошения на равнине, и плохо то, что, когда вы атакуете неприятеля, все его батареи уже расставлены и он может открыть по вашим войскам огонь, а вы еще только устанавливаете свои орудия; это — колоссальная разница». Следующую войну с австрийцами он повел бы таким образом: «Я начал бы с того, что завоевал столько территории, сколько мне необходимо для доставки продовольствия; это мне позволило бы жить за счет неприятеля; захваченная территория должна позволить мне выбрать удобную местность для ведения военных действий; я поспешил бы укрепить свою оборонительную линию, прежде чем неприятель успеет ко мне приблизиться. Я велел бы рекогносцировать местность во всех направлениях на такое удаление, на какое можно разослать летучие разведывательные отряды (Streifparteien); я распорядился бы произвести топографические съемки всех тех участков, которые могли бы служить лагерными стоянками для неприятеля, а также снять планы всех дорог, которые к ним ведут. Таким путем я добыл бы себе сведения о местности, и мои карты указывали бы мне доступные и неприступные позиции, которые австрийцы намеревались бы занять. Я бы не стал стремиться завязывать общие бои, ибо позицию можно захватить лишь с большими потерями, да и преследование в гористой местности не дает решительных результатов; но свой лагерь я охранял бы надежным образом; я укрепил бы его как можно тщательнее и направил бы все свои замыслы на то, чтобы основательно бить все отдельные неприятельские отряды, ибо, уничтожив какой-нибудь

отделившийся от главных сил корпус, вы вносите смятение во всю его армию, а раздавить 15 000 человек гораздо легче, чем разбить 80 000; между тем, рискуя меньшим, вы достигаете почти таких же результатов». Атаковать неприятеля на хорошей позиции почти то же, что стремиться вести мужиков с дубинами против вооруженных солдат.

В своих «Проектах кампании» («Projets de campagne») 1775 г. король пишет: «Никогда не давайте сражения с единственной целью победить неприятеля, а давайте их лишь для проведения определенного плана, который без такой развязки не мог бы быть осуществлен».

Мы не встречаем у короля таких выражений, которые указывали бы на то, что он выходит из пределов полярности стратегии измора. Французский министр Шуазель, французский уполномоченный при австрийской главной квартире Монтазе, австрийский министр Кауниц и сам император Франц неоднократно высказывали принцип, что вся задача в том, чтобы сокрушить армию Фридриха (это можно бы счесть за уклон к стратегии сокрушения). Император Франц писал своему брату, Карлу Лотарингскому (31 июля 1757 г.): «Мы не должны думать о завоевании страны, а лишь об уничтожении его армии, ибо стоит только ее привести к погибели, как земли сами попадут к нам в руки». У Фридриха таких выражений мы нигде не найдем. С другой стороны, генерал Ллойд и другие выдвигали в эту эпоху положение, будто можно вести военные операции с геометрической точностью и непрерывно воевать, ни разу не оказываясь в необходимости дать сражение. Такой концепции мы тоже не встречаем у Фридриха. К полюсу сражения в своей стратегии он приближается, когда говорит, что войны Пруссии должны быть короткими и энергичными и что судьбу войны решают сражения; но, в свою очередь, он приближается к маневренному полюсу, когда, характеризуя свои сражения как отчаянное средство выйти из тяжелого положения, повторяет фразу, что давать сражения есть признак неискусности, и вместо сражений рекомендует ориентироваться на захват отдельных отрядов.

Однако, было бы грубой ошибкой видеть в этом раздвоении противоречие с самим собою. У Макиавелли, одновременно провозглашающего принципы стратегии сокрушения и стратегии измора, действительно мы наблюдаем неразрешимое противоречие. Фридрих же совершенно ясно и бесспорно стоит на точке зрения стратегии измора, в существе которой заложено, что, в зависимости от обстоятельств, а пожалуй, даже в зависимости от одного лишь настроения подчеркивается или применяется то тот, то другой образ действия. Сам Фридрих неоднократно говорил, что он следует тем самым принципам, коих держались великие французские полководцы — Тюренн, Конде, Катина, Люксембург, или принц Евгений и Леопольд фон-Дессау[1]; к этому перечню мы можем добавить всех полководцев и всех теоретиков, начиная с Вегеция, за исключением одного лишь Макиавелли, который все время находился в противоречии с самим собою.

---

[1] Письмо к Людовику XV от 12 июля 1744 г. Письмо к принцу Прусскому при посылке ему «Генеральных принципов».

Если искать теоретического различия между Фридрихом и его современниками, то его можно найти в том, что Фридрих в зените своей военной деятельности, между 1757—1759 гг., больше приблизился к полюсу сражения, чем большинство других. Нельзя сказать — больше, чем все, ибо, как мы видели, в отдельных замечаниях многие шли даже дальше, чем он.

Но чистая теория была склонна давать предпочтение маневрированию. «Баталия, — говорит саксонский устав 1752 г., — важнейшая и опаснейшая военная операция. В открытой стране, лишенной крепостей, проигрыш ее может оказать такое решающее действие, что на нее редко можно отважиться, и никогда нельзя ее рекомендовать. Венец искусства великого полководца — добиться конечной цели кампании хитроумным и уверенным маневрированием, не подвергая себя опасности».

В мае 1759 г., по наущению короля, принц Генрих Прусский вторгся во Франконию и разрушил магазины имперской армии. При этом Рецов замечает, что этот успех «должен был быть ценнее для короля, чем выигранное сражение. Ибо после такового разбитый, но предприимчивый полководец может вновь собрать столько же сил и отомстить за понесенный им позор, между тем как после полной потери всех необходимых запасов сколько-нибудь значительная операция немыслима».

Тактика всех родов войск, со времени Возрождения до Фридриха Великого, подвергалась целому ряду изменений, придававших ей от эпохи к эпохе совершенно новый облик. Плотные, глубокие квадратные колонны пехоты превратились в тонкие линии; грузные рыцари на могучих конях, стремившиеся вести бой наподобие турнира, превратились в сомкнутые кавалерийские эскадроны, идущие в атаку карьером; артиллерия по числу и действительности огня усилилась в сотни раз. Стратегия же за эти три столетия осталась в основных своих чертах тою же. Когда Гвичиардини нам повествует о том, как перед сражением под Равенной в 1512 г. испанский вице-король маневрировал, чтобы прикрыть города Романьи от французов и преградить последним путь в Рим, какую роль при этом играло снабжение провиантом, как, наконец, дело дошло до сражения и как крупная победа, одержанная французами, в конечном счете не оказала никаких длительных последствий, — то все это с таким же успехом могло быть рассказано про любую кампанию XVII или XVIII вв.

Для появления новой стратегии понадобилось, чтобы политический облик мира в целом подвергся глубокому, коренному изменению.

Глава V

Стратегические очерки и отдельные сражения

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГОХШТЕДТЕ [1]

13 августа 1704 г.

Превосходство сил Людовика XIV в начале войны за Испанское наследство было так велико, что он имел возможность выдвигать идею сокрушения, подобно Наполеону. В союзе с курфюрстом Баварским, Максом Эммануилом, можно было строить план соединения армий, наступающих через Италию и Германию, для прямого удара на Вену.

Однако, противники, в конечном результате, получили перевес, так как Мальборо с англо-голландской армией двинулся, против воли своего правительства, к Дунаю.

Долгое время здесь маневрировали. Правда, союзники нанесли баварцам тяжкий удар, взяв штурмом Шелленберг, что позволило им переправиться через Дунай, у Донаувёрта; однако, добиться решительного сражения было тем труднее, что на обеих сторонах командование было не объединено: на одной стороне — Мальборо и Людвиг Баденский, к которым еще присоединился с третьей армией Евгений Савойский, на другой стороне — курфюрст Макс Эммануил и французский маршал Марсен, к которым еще примкнул Таллар с третьей армией.

Когда союзные франко-баварские войска заняли неприступную позицию под Аугсбургом, союзникам, несмотря на их значительное численное превосходство, ничего другого не оставалось, как систематически опустошать баварские области, дабы бедственным состоянием населения понудить курфюрста пойти на соглашение.

Но так как курфюрст продолжал стойко держаться, то казалось, что дело клонится к тому, что армия Мальборо должна быть, наконец, отозвана на свой собственный театр. Но, чтобы все же еще что-нибудь сделать, было решено осадить Ингольштадт особо выделенным корпусом. Когда же франко-баварцы произвели контрдвижение, Евгений и Мальборо решили использовать этот момент и атаковать их на их новой позиции, прежде чем они успеют укрепить ее. «Плохое состояние наших дел, — писал Мальборо, — понуждает нас принять такое смелое, чтобы не сказать — отчаянное, решение».

Сущность стратегии измора ярко выступает наружу в этой фразе, тем более что союзникам достаточно было бы притянуть к себе предназначенный для осады Ингольштадта корпус в 14 000 человек, чтобы располагать значительным превосходством сил (62 000 против 47 000). Полагали, что они отказались от этих 14 000 человек только ради того, чтобы избавиться от командовавшего ими Людвига Баденского, с которым два остальных полководца плохо уживались. Эта мотивировка, весьма спорная сама по себе, опровергается тем, что сначала

[1] Во все предшествующие описания этой кампании, а также сражений, внесены весьма существенные исправления тщательным, снабженным глубокой критикой источников исследованием Рудольфа Израэля (Rudolf Israel, Der Feldzug von 1704 in Süddeutschland, Берлинская диссертация, 1913 г.).

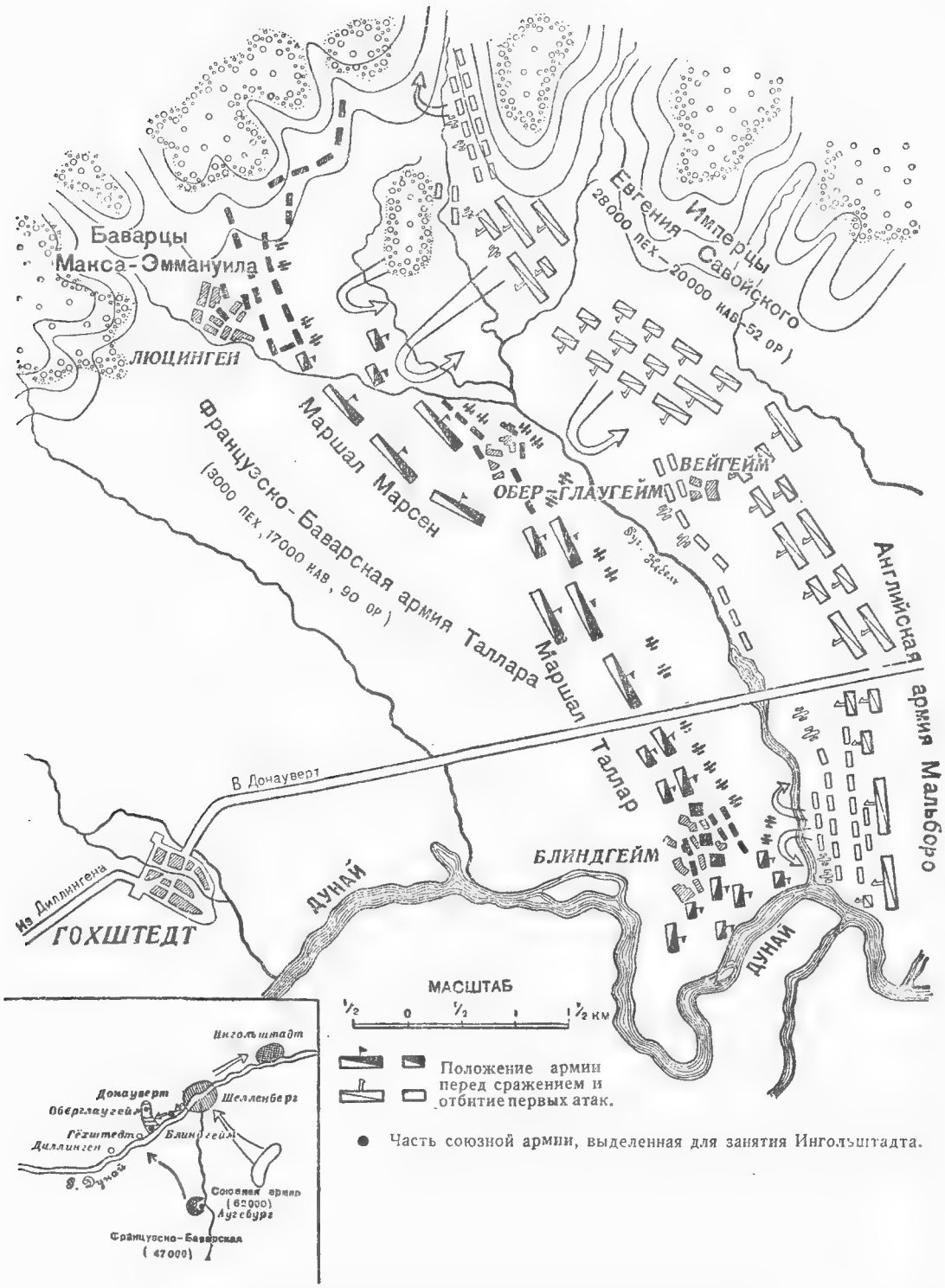


Схема 22. Сражение при Гохштедте 13 августа 1704 г. Положение в 12 часов и безуспешные атаки имперцев и англичан.

для командования осадным корпусом намечался Евгений. В эту эпоху мы еще встретим не один пример того, как значительные отряды, выделенные для второстепенных целей, устранялись от участия в решительном сражении.

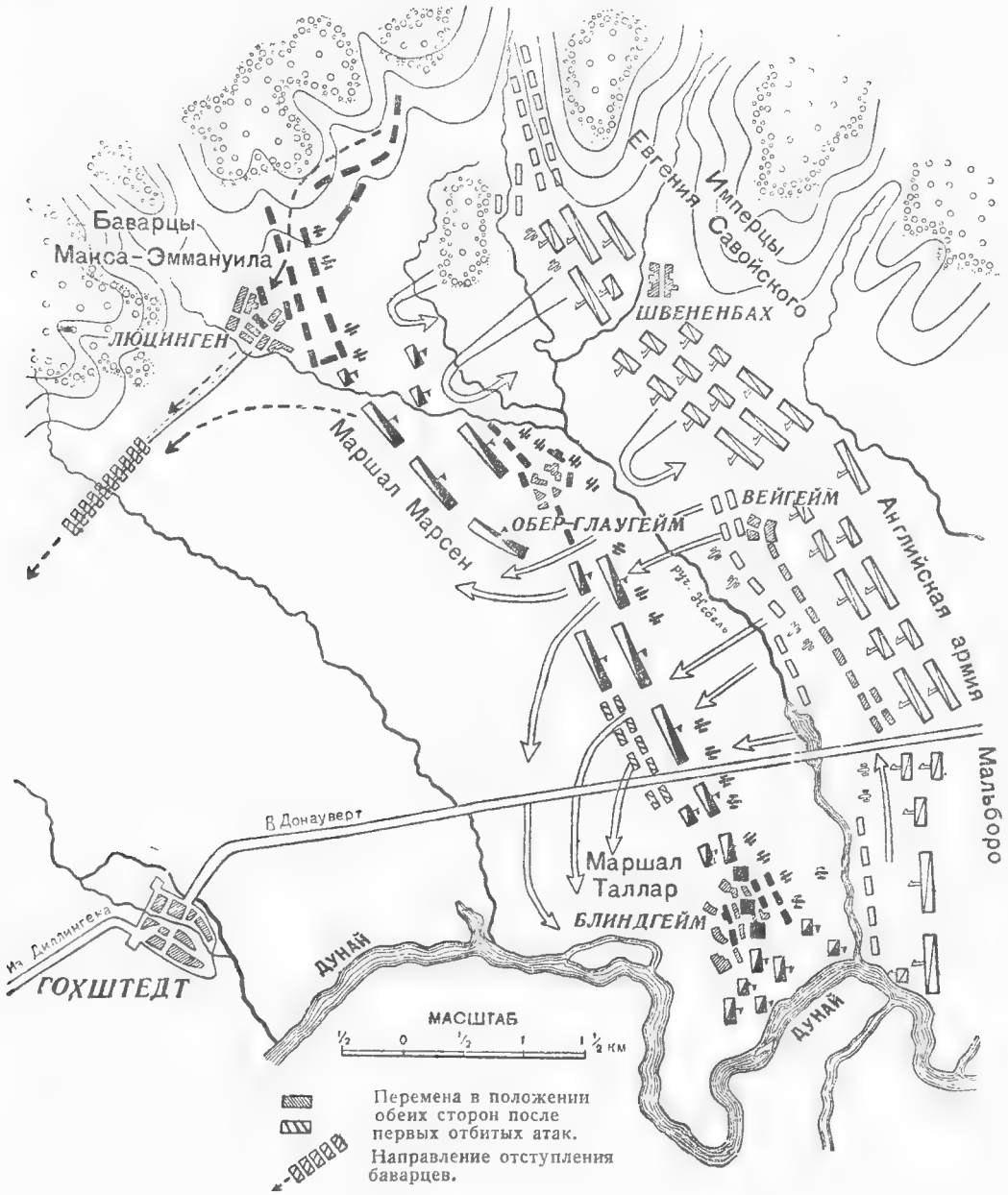


Схема 23. Сражение при Гохштедте 13 августа 1704 г.

Союзные полководцы одержали победу лишь при незначительном численном превосходстве сил, главным образом благодаря лучшему командованию. Франко-баварцы были застигнуты наступлением врасплох и еще не успели закончить своих полевых укреплений. Позиция их была не лишена известных выгод. Евгению не удалось продвинуться против неприятельского левого, северного, крыла, которое он

должен был охватить, и, когда первые его атаки были отражены, энергичная контратака и переход в наступление имели бы значительные шансы на успех. Ведь еще с Марафона мы знаем, что нет более сильной формы боя, как оборона, переходящая в надлежащий момент в наступление. Но для этого нужен великий полководец. Французский маршал Таллар, командовавший на решительном участке — в центре, не только не был таковым, но и не мог распоряжаться войсками своих коллег, которые должны были бы принять участие в наступлении. Все сражение было рассчитано им лишь на одну пассивную оборону, для чего деревни Блиндгейм (Бленгейм) и Оберглаугейм были заняты так сильно, что для наступления не оставалось никаких резервов [1].

При этих обстоятельствах хладнокровному, проницательному Мальборо удалось, после первых отбитых атак, произвести перегруппировку войск, прорваться с значительно превосходными силами между обеими деревнями и разгромить неприятельский центр; после этого занимавшим эти деревни войскам он стал угрожать и с тыла и мог их оттуда атаковать; гарнизон Блиндгейма в результате капитулировал.

Заслуживает внимания, что как под Шелленбергом, так и под Гохштедтом атака последовала в то время, когда обороняющаяся сторона еще была занята сооружением полевых укреплений.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТУРИНЕ [2]

7 сентября 1706 г.

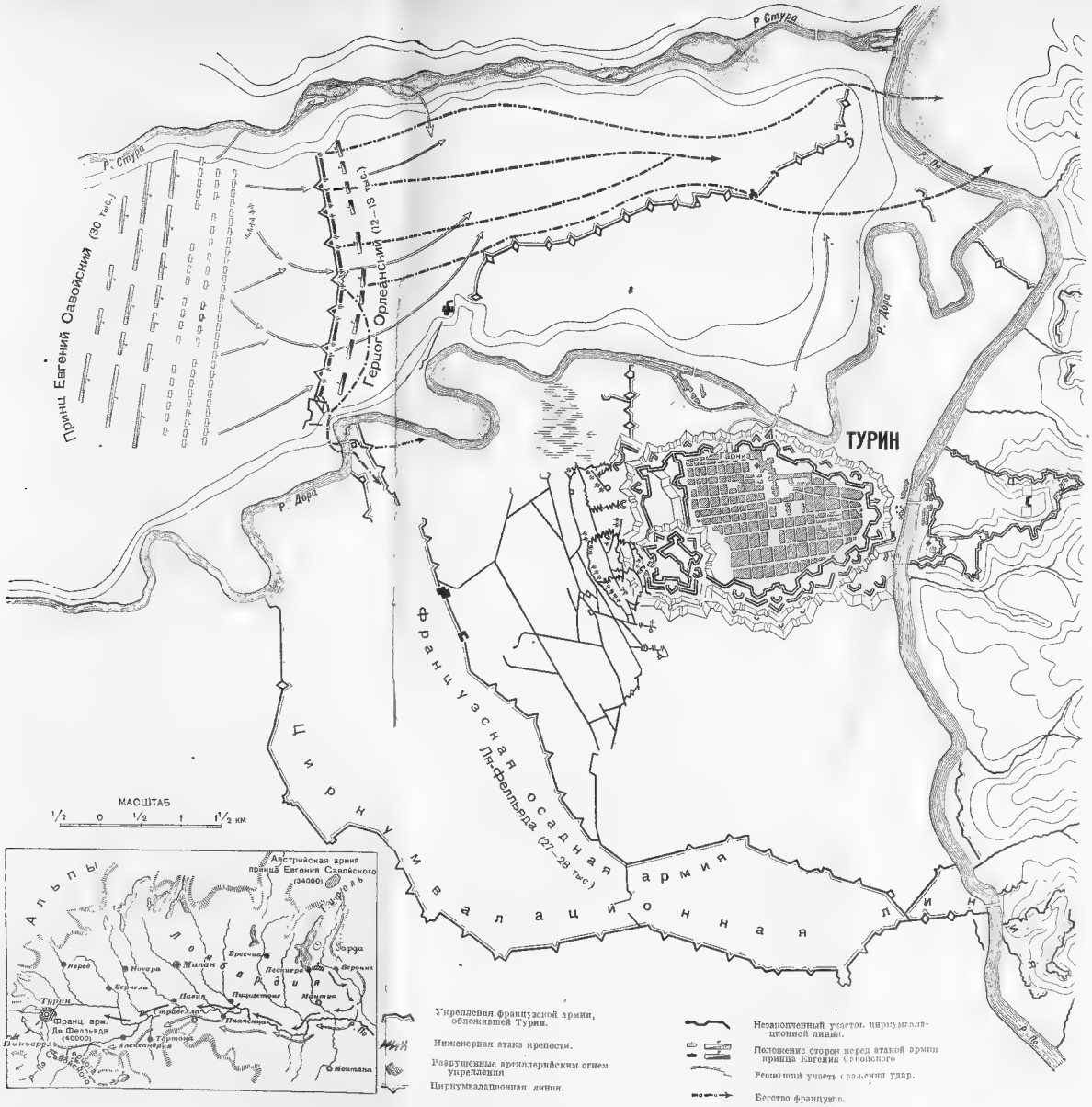
Французы осаждают Турин и прикрывают осаду армией, выдвинутой вплоть до реки Эч и озера Гарда. Принц Евгений собирает несколько более сильную армию, обходит французов, маневрированием заставляет их податься назад и форсированными маршами (260 *км* в 16 дней, входя неоднократно в соприкосновение с противником) идет по южному берегу По на Турин. Герцог Моденский снабжает его некоторым количеством провианта. Одновременно с ним к Турину подходят, под начальством герцога Орлеанского, и французы, которые должны были отразить его еще на Эче, и теперь обе армии приблизительно равны: около 40 000 человек в каждой.

Французы при этих условиях чувствуют себя недостаточно сильными для того, чтобы двинуться навстречу пришедшей на выручку армии и атаковать ее, одновременно продолжая осаду Турина. Они стараются прикрыть себя от пришедшего на выручку войска при помощи полевых укреплений — циркумвалационной линии.

Армия Евгения, продвигаясь с юга, обошла кругом блокирующую город армию и дошла до того участка на северо-западной стороне, где только что начатая циркумвалационная линия еще не была закончена. На этот-то участок между двумя притоками реки По — Дорой и

[1] Таллар, правда, намеревался, как только союзники перейдут через протекавшую перед его фронтом речку Небель, атаковать их, и действительно в течение сражения произвел несколько наступательных движений. Однако, судя по группировке его войск, именно — по чрезмерному занятию Блиндгейма и отсутствию резервов, можно все же признать, что все сражение было построено на обороне.

[2] Впервые это сражение, в отношении тактики и стратегии, было окончательно обработано Георгом Шмоллером (Georg Schmoller, Der Feldzug von 1706 in Italien, Берлинская диссертация, 1909 г.).



Дельбрюк, т. IV

Схема 24. Сражение при Турине 6 сентября 1706 г.

должен (
энергичн
ные шаг
более си
момент в
цузский
в центре
сками с
в наступ
сивную с
гейм бы
никаких
При
Мальбор
пировку
между о
этого за
и мог и
тулирова
Заслу
штедтом
рона ещ

Фран
той впло
сколько
заставля
в 16 дне
по южн
некотор
подходя
рые дол
приблиз
Фран
ными д
армии и
старают
помощи
Арми
город а
где толи
чена. На

[1] Тал
кавшую
чение ср
группиро
ствию резервов, можно все же при
обороне.

[2] Впервые это сражение, в отношении тактики и стратегии, было окончательно обработано Георгом Шмоллером (Georg Schmoller, Der Feldzug von 1706 in Italien, Берлинская диссертация, 1909 г.).

Стурой, было направлено наступление 30 000 человек. Обороняли этот участок только 12 000—13 000 человек. Шестью последовательными линиями[1] — тремя пехотными и тремя кавалерийскими — повели союзники атаку, и, наконец, прорвались, когда обнаружили, что правый фланг французов можно было обойти по мелкому руслу Стуры и охватить его с тыла. Тут весь фронт был опрокинут фланговым ударом; вылазка туринского гарнизона, в свою очередь, ударила неприятелю в тыл и отрезала путь бегущим.

Разбиты были только войска герцога Орлеанского, но когда беглецы хлынули к осаждавшим город войскам, которыми командовал ля-Фёльяд, то последние, охваченные паникой, побросав бо́льшую часть орудий, отступили во Францию, утратив всякую боеспособность.

Если бы ля-Фёльяд поддержал герцога Орлеанского хотя бы 6 000 человек из своего осадного корпуса, так, чтобы последний мог образовать резерв, то едва ли австрийская атака увенчалась бы успехом. Но ля-Фёльяд не верил, что неприятель действительно решится атаковать укрепленную линию, а предполагал, что он только маневрирует, чтобы отрезать осаждающим подвоз провианта; к тому же он ожидал в ближайшее время падения крепости, которое составило бы его личную заслугу, и не хотел ни на одном пункте ослабить осаду. С своей стороны, маршал Марсен, советник молодого герцога Орлеанского, не решался энергично выступить против ля-Фёльяда который был зятем Шамильяра, министра военного и финансов, и мог ему повредить при дворе. Таким образом, французы проиграли сражение, вследствие недостатка единства и предусмотрительности командования, еще большего, чем в сражении при Гохштедте. Наоборот, на другой стороне оба полководца, принц Евгений и его двоюродный брат, герцог Савойский, действовали в образцовом согласии. Принц Евгений, свободный от каких-либо эгоистических побуждений, даже запретил, чтобы в донесении о победе упоминалось его имя.

Из этого поражения французов теоретики вывели заключение, что было принципиально ошибочно пытаться прикрывать осаду от подошедшей на выручку армии циркумвалационной линией. Точное исследование событий показывает, что такой вывод неправилен, ибо циркумвалационная линия не была непосредственно взята штурмом, но была обойдена. Все мужество пруссаков под командой Леопольда фон-Дессау оказалось бы, вероятно, бессильным без этого обхода. При хорошем руководстве оборона циркумвалационной линии могла быть проведена с таким же успехом, как некогда под Алезией, а решение двух савойских кузенов — отважиться на атаку укреплений, имея совершенно перевернутый фронт, — нельзя не признать за акт величайшей стратегической смелости, истинного вызова судьбе.

1708 ГОД

Победа Мальборо при Рамильи в 1706 г., завершенная грандиозным преследованием, отдала Бельгию в руки морских держав. Однако, в 1707 г. дальнейших изменений не произошло, и в 1708 г. французы при помощи жителей, озлобленных управлением голландцев, снова захватили Брюгге и Гент. Даже победа под Уденардом (11 июля 1708 г.), одержанная при помощи счастливого налета

[1] Шмоллер, стр. 35 и 36. «Гусары впереди двух других кавалерийских линий».

Мальборо[1], не внесла существенных перемен. Хотя английский полководец предложил вторгнуться внутрь Франции, что даже было истолковано как намерение повести наступление на Париж, но сам Евгений высказался против такого плана, а голландцев склонить к нему никогда бы не удалось, и Мальборо в том письме своему другу, лорду Годольфину, в котором он пишет об этом (26 июля)[2], рисует всю безнадежность похода на Париж: «жители укрылись бы со своим имуществом в укрепленные города, пришлось бы итти по пустыне между размещенными в шахматном порядке рядами крепостей. Если бы мне только удалось выманить неприятельское войско на драку!» Главная выгода от победы при Уденарде заключалась в моральном потрясении неприятельской армии.

Таким образом, несмотря на понесенное ими поражение, французы сохранили за собою Фландрию и удержались в Брюгге и Генте, а союзники, не имея возможности атаковать французов на их укрепленной позиции, решили осадить Лиль, т. е. оставили, так сказать, у себя в тылу главную армию французов. До глубокой зимы тянулась осада города, а после взятия города — еще его цитадели. Огромная французская армия стала приближаться; она обошла вокруг осаждавших, стыскивая место для атаки, но, в конце концов, убедилась в неприступности укреплений их циркумвалационной линии, за которыми укрылись осаждающие. Попытки перехватить подвоз, чтобы принудить противника снять осаду, также не удались, и, когда пал Лиль, союзники вновь вернули себе Фландрию с Гентом и Брюгге.

Тон всей кампании задает именно успешно проведенная осада, а не предшествовавшее ей сражение в открытом поле, которое совершенно неправильно оценивают, когда в нем подчеркивают, что оно имело место с перевернутым фронтом и, следовательно, рассчитано было на безусловно решительный исход. Хотя Мальборо и остался, несомненно, победителем, а к тому же подходила и была уже близка армия принца Евгения, и хотя сам он охотно дал бы новое сражение, все же Мальборо ни теперь, ни позднее не чувствовал себя способным во что бы то ни стало добиваться решения и использовать достигнутый тактический успех для полного уничтожения неприятельской армии. В данном случае мы имеем дело с кампанией стратегии измора большого масштаба, при величайшем напряжении сил обеих сторон. Снова союзники выиграли ее благодаря командованию — согласию, царившему между Мальборо и Евгением, с одной стороны, и разногласию французских командующих: наследник престола, молодой герцог Бургундский, к которому был приставлен маршал Вандом, и в дополнение к ним еще третий, самостоятельный вождь, герцог Бервик. При этих условиях постоянно приходилось испрашивать указаний короля, который даже требовал, чтобы «не принимали никакого важного решения» без его приказа. При таком управлении, конечно, развитие событий могло быть только очень медленным, что, в свою очередь, почти совершенно исключало возможность крупных решительных действий, а союзникам дало возможность вести осаду, несмотря на близость подстерегавшей их главной неприятельской армии. Решают здесь не сражения, а позиции и полевые укрепления, без того, чтобы дело дошло до боя.

[1] Franz Mühlhof, Die Genesis der Schlacht bei Oudenarde, Берлинская диссертация, 1914 г.

[2] Coxe, Leben und Briefwechsel Marlboroughs.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАЛЬПЛАКЕ [1]
11 сентября 1709 г.

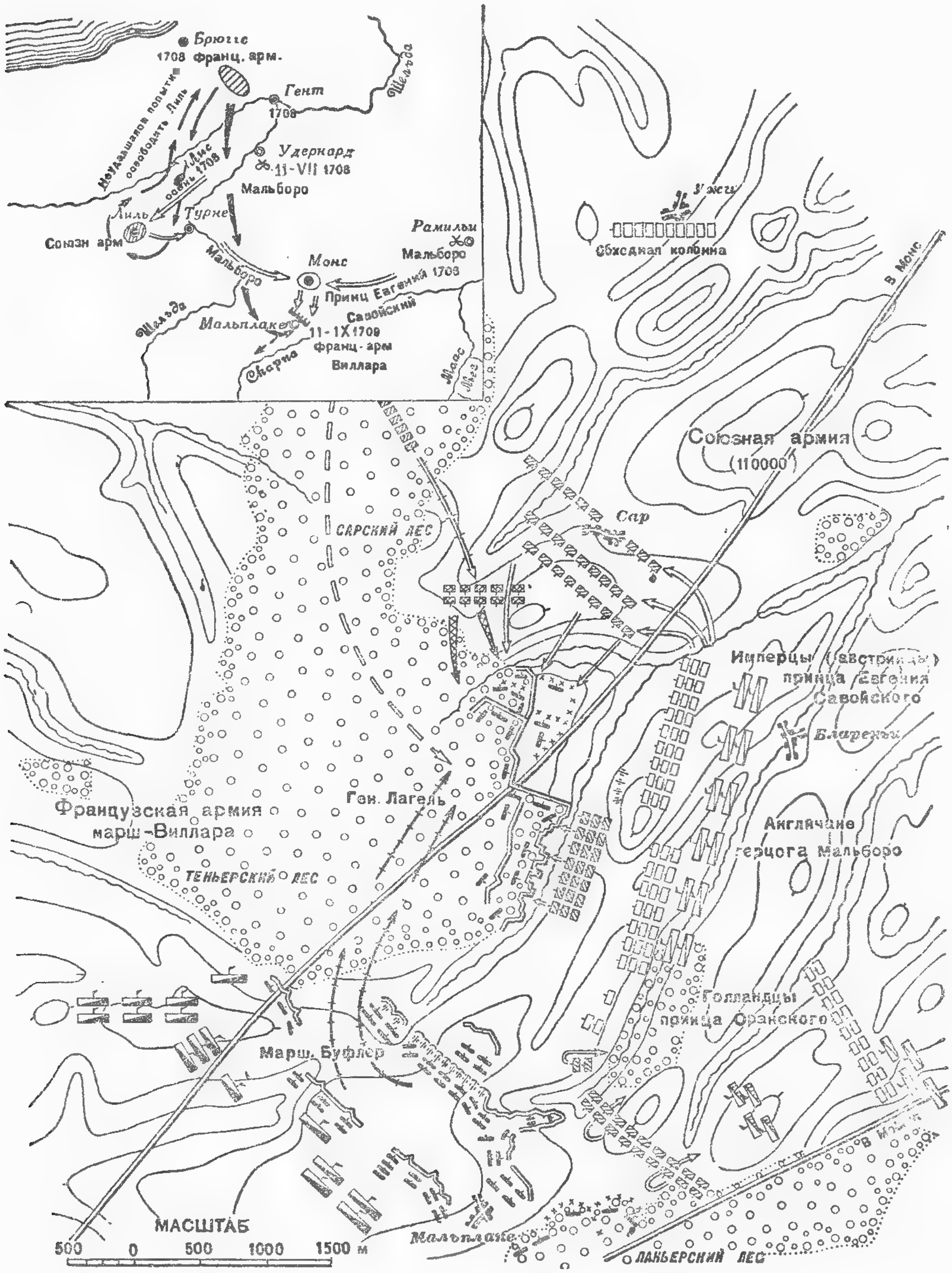
Лиль был пограничный город, который лишь в последние 40 лет вошел в состав Франции. Однако, после утраты его Франция была настолько истощена, что Людовик готов был не только отказаться от самой цели войны, великой испанской монархии для своего внука, но даже и от Эльзаса.

Однако, союзники предъявляли к нему требования, настолько затрагивавшие самую его честь, что он решил продолжать борьбу и выставил на театре войны еще более сильную армию, чем в предшествовавшую весну. Стратегическое задание для этой армии могло быть только одно — продолжать тянуть оборонительную войну, а союзники, с своей стороны, не ставили себе никакой другой задачи, кроме взятия других пограничных крепостей подобно тому, как они в минувшем году взяли Лиль. Они сперва овладели Турне, а затем обратились против Монса; обе эти крепости, входя в состав Бельгии, находились еще во владении Людовика. Маршал Виллар, ставший во главе французской армии, не имел возможности воспрепятствовать падению Турне; когда же союзники обратились против Монса, он поспешно двинулся вперед и имел возможность атаковать Мальборо в то время, когда Евгений, стоя на другой стороне крепости, был слишком далеко, чтобы оказать ему непосредственную помощь. Но, конечно, Виллар не был так точно осведомлен о том, как обстояли дела в лагере противника; Мальборо имел дерзость даже несколько приблизиться к нему: неужели приходилось ставить на карту последнюю армию Франции? Это совершенно противоречило бы мыслям и намерениям короля. Поэтому Виллар удовлетворился тем, что занял у деревни Мальплаке позицию, которая была настолько близка к крепости, что союзникам сперва надо было его из нее выбить, чтобы продолжать осаду. Позицию, саму по себе, правда, не очень благоприятную, стали спешно укреплять, и союзники дали французам для этого целых два дня, пока стягивали все силы, которыми они располагали, для решительного боя. В конечном счете у них и оказался перевес 110 000 человек против 95 000 французов.

Сражение было задумано как столкновение, которое должно было быть решено на одном крыле; значительно превосходными силами предполагалось атаковать и охватить левое крыло французов, в то время как в центре и на правом крыле меньшими силами должен был вестись затяжной бой. Передают, что накануне после полудня несколько союзных генералов, между прочим и прусский кронпринц (Фридрих Вильгельм I), завязали разговор с французскими генералами, длившийся более часа, что будто бы дало им возможность произвести разведку французских укреплений. Едва ли можно предполагать, что они при этом высмотрели что-либо важное, но самая встреча и беседа перед фронтом развертывавшихся для сражения армий характерны для воинского духа той эпохи: сама война и сражения представлялись своего рода потенцированным турниром.

---

[1] Это сражение превосходно разработано в диссертации, поданной в Берлинский университет Вальтером Швердтфегером в 1912 г. Особенно надлежит обратить внимание на то, что картина этого сражения, данная Рюстовым в его «Истории пехоты», во многих важных пунктах исправлена и дополнена этим исследованием. Также и труд Sautai, Bataille de Malplaquet (1906) еще раньше опроверг Рюстова.



Положение к $7^1/_2$ часам.

Засека } Укрепления французов.
Окопы

Направление, в котором должна была выйти обходная колонна.

Положение союзной армии перед атакой.

Отбитая французами атака.

Подкрепления, двинутые из резерва и правого фланга на левый фланг.

Появление обходной колонны в конце сражения.

Схема 25. Сражение при Мальплаке 11 сентября 1709 г.

Задуманный план сражения провести не удалось. Французская позиция занимала протяжение в 3 *км* между двумя лесами. Леса перед фронтом и на флангах хотя и мешали наступлению атакующей стороны, но и маскировали его. Союзники направили через северо-западный лесной участок сильную обходную колонну, которой, однако, в качестве обходной действовать не пришлось. Повидимому, она сбилась в лесу с дороги и могла принять участие лишь в конце сражения в качестве подкрепления этого крыла. Таким образом, атака, направленная на этот левый фланг французов, не могла развиться против сильных укреплений, воздвигнутых ими; когда же командовавший на левом крыле союзников принц Оранский увлекся и, вместо того чтобы вести затяжной бой, повел энергичное наступление своими ничтожными силами, он был так отражен, что французы могли бы его окончательно опрокинуть контратакой. Но те самые укрепления, которые представляли столько преимуществ для обороны, мешали переходу в атаку, и храбрый маршал Буфлер, командовавший здесь, не решился на такой переход в наступление в сражении, задуманном как чисто оборонительное. Таким образом, союзникам, в конце концов, все же удалось понемногу оттеснить французов, которым и пришлось оставить поле сражения.

Однако, непрерывно штурмуя французские укрепления, союзники потеряли не менее 30 000 человек убитыми и ранеными, а французы, потерявшие не более 12 000 человек, отошли от поля сражения на расстояние не более одной мили и заняли там новую позицию. Они уже не могли помешать осаде и падению Монса, но ценой этой утраты они протянули войну на целый год и к концу года находились в лучшем положении, чем в начале его. Мальплаке, с тактической точки зрения, было несомненной победой союзников; стратегически же, — как, по-моему, было верно замечено, если рассматривать всю кампанию в целом, — победителями остались французы. В этом имеется внутреннее противоречие, но жизнь, вообще, полна противоречий, а стратегия измора — в особенности.

1710—1713 ГОДЫ

Мальплаке — последнее большое сражение в войне за Испанское наследство. Война тянулась еще четыре года; в это время осаждали и брали небольшие пограничные крепости, причем сперва перевес был на стороне союзников, а затем, когда англичане и голландцы отделились от императора и заключили сепаратный мир, перевес оказался уже на стороне французов. Под конец они даже снова переправились через Рейн, осадили и взяли Фрейбург, чему Евгений не мог помешать.

1741 ГОД [1]

Фридрих, неожиданно вторгшись в Силезию, овладел ею, и стоял на верхнесилезской границе, когда австрийцы под начальством Нейперга с неслыханной дерзостью появились среди пруссаков, пройдя по

[1] Войны Фридриха Великого за последнее время подробно разработаны прусским и австрийским генеральными штабами. Прусское сочинение страдает неправильной основной концепцией стратегии той эпохи, что дало неверное освещение и многим подробностям.

Произведения обоих генеральных штабов сравнил между собою Отто Герман в превосходной статье, напечатанной в «Jahrbücher für Armee und Marine» (январский выпуск 1906 г.).

ненаблюдаемой дороге; опираясь на находившиеся еще в их руках крепости Нейссе и Бриг, они преградили путь отступления главным силам под начальством самого короля.

Схема 26. 1741 год.

У Фридриха, как он впоследствии писал Леопольду фон-Дессау, «не оставалось иного средства», как атаковать неприятеля. Пехоты у пруссаков было вдвое (18 000 против 9 800), а артиллерии почти втрое больше (53 орудия против 19), кавалерия же их была значительно слабее (4 600 против 6 800) [1].

[1] В труде прусского Генерального штаба (стр. 392) говорится, что силы обеих сторон в сражении «мало чем отличались одни от других». Но прусскую пехоту он исчисляет на 1 200 человек меньше действительности, а численность австрийской кавалерии преувеличивает на 1 800 человек. Кроме того, здесь совершенно не принято во внимание, что пруссаки еще имели в тылу у австрийцев 1 400 человек кавалерии, стоявших под Олау, на вмешательство которых рассчитывали, а кроме того, еще оставался отряд в 8 батальонов и 6 эскадронов, а также 5 эскадронов, приближавшихся из Пруссии.

Вследствие такого превосходства в кавалерии исход сражения при Мольвице (10 апреля) некоторое время был сомнителен; австрийская конница смела с поля сражения прусскую, и «старые офицеры, — как пишет Фридрих в своих воспоминаниях, — предвидели приближение момента, когда оставшийся отряд принужден будет сдаться, расстреляв имевшиеся патроны». Чтобы спасти, по крайней мере, короля лично, фельдмаршал Шверин уговорил его покинуть поле сражения, попытаться объехать по дуге австрийский фронт и пробраться к прусским войскам, которые стояли далее на север в Силезии. Когда же король, повидимому, сильно взволнованный, удалился, Шверину удалось снова двинуть в наступление пехоту и артиллерию, и австрийцы

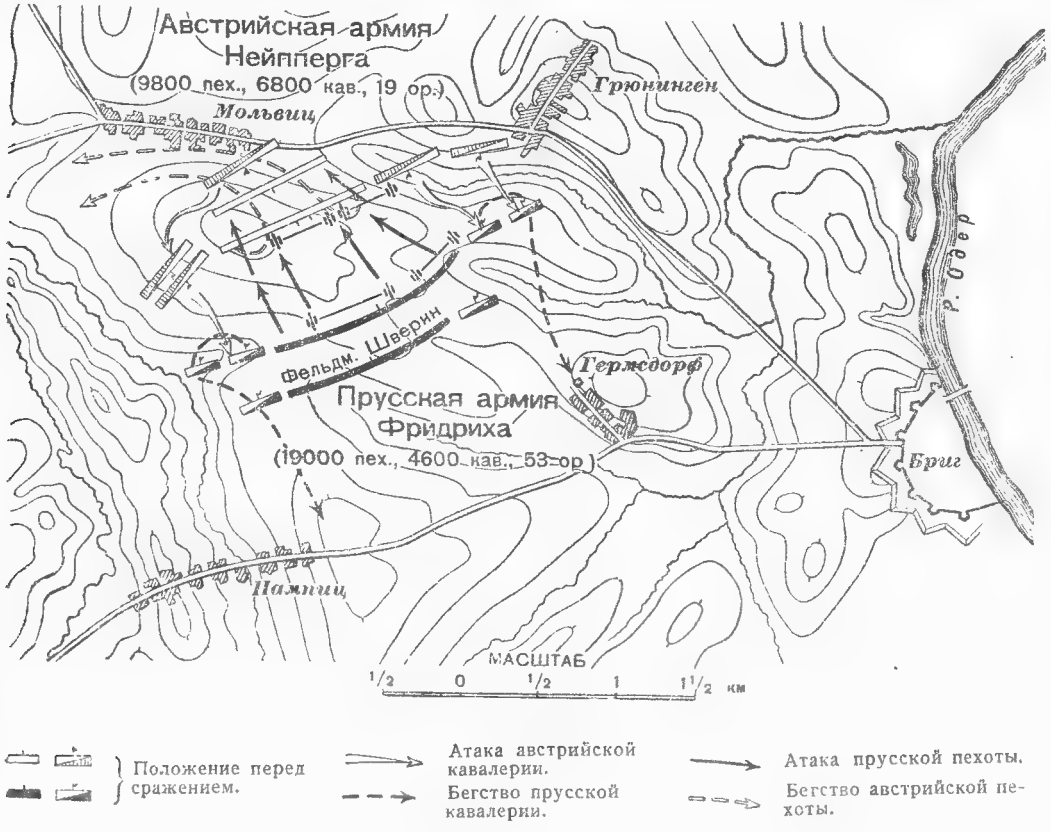


Схема 27. Сражение при Мольвице 10 апреля 1741 г.

были вынуждены отступить перед превосходством их непрерывного перекатного огня. Хотя австрийская кавалерия и разбила прусскую, но при этом она сама пришла в слишком большое расстройство, чтобы пойти в атаку против сохранившей твердый порядок прусской пехоты.

То обстоятельство, что правое крыло пруссаков было выдвинуто вперед больше левого (смотри выше, стр. 259), повидимому, не оказало влияния на ход сражения. Несмотря на понесенное им поражение, Нейпперг освободил Верхнюю Силезию от пруссаков и продержался там в течение всего лета, опираясь на крепость Нейссе, а Фридрих, несмотря на то, что превосходство его сил дошло до 60 000 человек против 25 000, не решился еще раз его атаковать; но Фридриху

не удалось и путем маневрирования вытеснить противника из его укрепленной позиции; поэтому он попытался расширить политические рамки войны: он поднял против Марии Терезии французов, а как только последние прибыли, он заключил с Нейппергом тайное словесное перемирие в Клейн-Шнеллендорфе, согласно которому, после 14-дневной притворной осады, ему была сдана крепость Нейссе и обещана была Нижняя и Средняя Силезии[1].

В труде Генерального штаба действия Нейпперга подвергаются весьма строгой критике, а Фридриху расточаются похвалы за то, что он однажды сделал переход в 4 мили и с самого начала построил свои операции на намерении добиться решительного сражения. Нейпперга укоряют в том, что он-де всецело придерживался рамок старой школы. Очевидно, эта критика находится под сильным влиянием прусского патриотизма. По правде сказать, Нейпперг со своими слабыми силами сделал все — в пределах человеческой возможности.

Нельзя не удивляться, как это Нейппергу удалось выйти под Мольвицем на путь отступления пруссаков. Фридриху удалось уже выскользнуть из охваченного района, когда (9 апреля у сел. Погарел) он назначил дневку; Нейпперг воспользовался этим днем, чтобы пройти до Мольвица и снова преградить дорогу пруссакам. Как на причину своей остановки король в письме к Дессау и в своих воспоминаниях ссылается на то, что в сырую, снежную погоду он не рассчитывал на возможность использовать свою пехоту, т. е. огнестрельное оружие. В самом деле, на следующий день погода была ясная и солнечная, и мы видим, что огонь пехоты действительно сыграл решающую роль. В труде Генерального штаба все эти обстоятельства, в особенности марши, изложены неправильно.

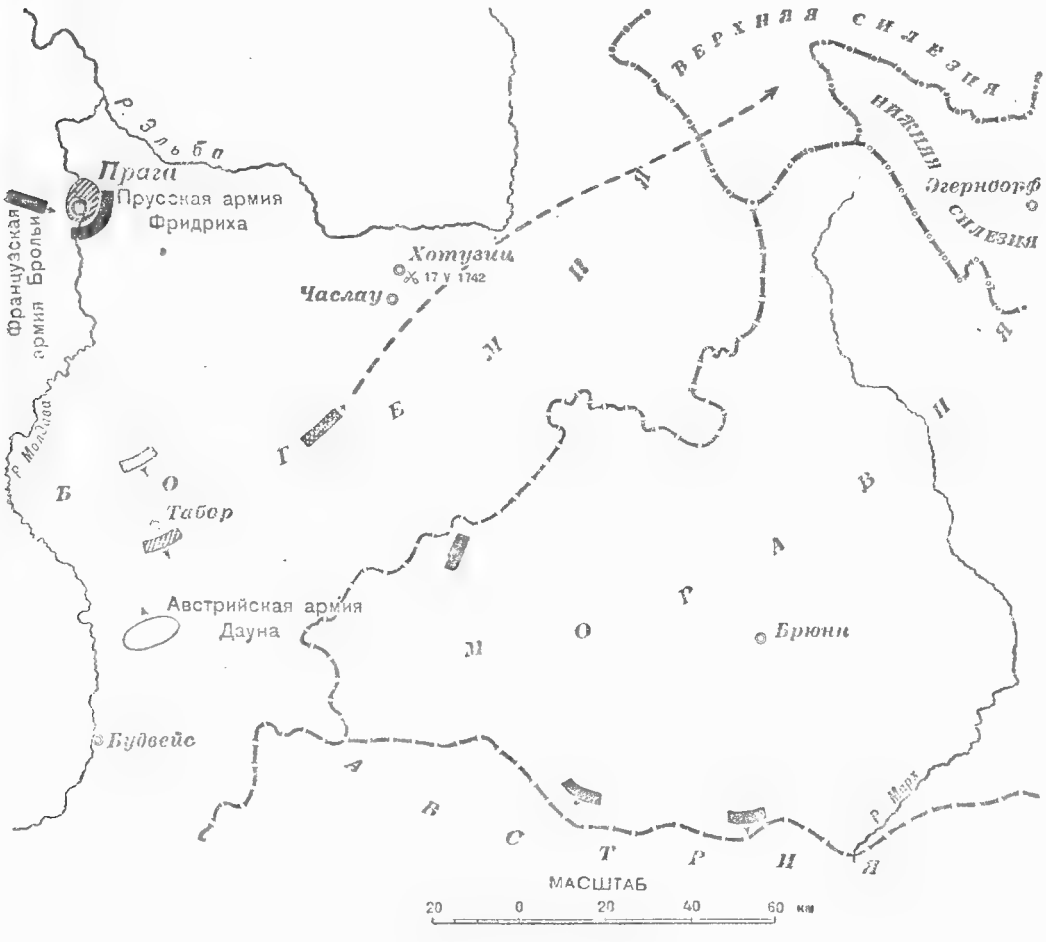
1742 ГОД

Если бы пруссаки, при своем значительном численном превосходстве, разгромили армию Нейпперга в Силезии и затем предприняли марш на Вену, к ним, вероятно, присоединились бы также французы, и Вена была бы взята. Но так как пруссаки воздержались от этого, то силы французов были слишком слабы для такой операции; тем не менее они двинулись на Прагу и взяли ее. Тогда и Фридрих, нарушив Клейн-шнеллендорфское соглашение, снова двинулся вперед. Казалось, близился раздел Австрии. Богемия должна была достаться Баварии, а Моравия — Саксонии. Французский маршал Брольи составил грандиозный план, согласно которому австрийская армия, стоявшая между Табором и Будвейсом, должна была подвергнуться одновременной атаке со всех сторон. Однако, Фридрих уклонился от этого, произвел лишь движение в направлении Моравии, где не было неприятельских войск, и открыл тайные переговоры с Австрией, так как он вовсе не желал способствовать тому, чтобы это государство распалось и за его счет увеличилась Саксония[2] и зазналась бы Франция.

[1] Во введении ко второму тому книги Генерального штаба недостаточное использование пруссаками их победы ретроспективно объясняется «все же тяжелыми потерями, понесенными войсками, которые глубоко потрясли впечатлительную душу полководца», и другими подобными причинами; при этом не упоминается о значительном численном превосходстве пруссаков.

[2] Насколько эта точка зрения была важна для Фридриха, изображено у Зентфнера (Sentfner, Sachsen und Preussen im Jahr 1741, Берлинская диссертация).

Этот зимний поход представляет стратегический интерес: на нем мы убеждаемся, что современник Фридриха действительно был способен, при наличии благоприятных обстоятельств, задумать и предложить план в духе стратегии сокрушения, и что именно Фридрих его по политическим соображениям отклонил.



Появление французской армии и занятие Праги.

Положение австрийской армии после занятия Праги французами.

Прусская армия на южной границе Моравии. Приобретение Пруссии после кампании 1742 г.

Занятие прусской армией Праги.

Положение прусской армии в Богемии.

Положение австрийской армии на коммуникационной линии пруссаков.

Отход прусской армии в Силезию.

Схема 28. 1742 год.

Сражение при Хотузице (17 мая 1742 г.) развивается таким образом, что австрийцы пытаются произвести внезапное нападение на маневрирующую взад и вперед прусскую армию, и в результате — отражены [1].

[1] Монография Пауля Мюллера. Берлинская диссертация, 1905 г. Согласно труду австрийского Генерального штаба, III, 670, Фридрих не довел своего успеха до полной победы, так как хотел щадить Австрию по политическим соображе-

Тогда Мария Терезия, чтобы отвлечь Фридриха от французов, решается, сверх обещанного по Клейн-шнеллендорфскому соглашению, уступить ему и Верхнюю Силезию.

1744 ГОД

После того как Пруссия вновь отделилась от коалиции, а англичане пришли на помощь австрийцам, французы были прогнаны за Рейн, и казалось, что им придется даже вновь отказаться от Эльзаса. Тогда прусский король в третий раз взялся за оружие, захватил Прагу и проник даже в Южную Богемию. Австрийцы должны были уйти из Эльзаса, но они не атаковали пруссаков непосредственно, а появились на севере от них и перерезали их коммуникационную линию. С своей стороны, Фридрих не был в состоянии разрубить узел сражением. Правда, у него было почти 20 000 человек кавалерии, но пройти по стране мелкими партиями и разведать местоположение неприятеля эта кавалерия не была способна. Фридрих долгое время оставался без всяких сведений, и, когда, наконец, он вошел в соприкосновение с неприятелем, то позиция последнего показалась ему чересчур сильной, чтобы ее атаковать. Он вернулся в Силезию, потеряв свой провиантский обоз, очистил, бросив тяжелые орудия, также и Прагу; при отступлении его армия была близка к полному развалу. Солдаты дезертировали толпами. Без единого сражения, почти даже без более или менее серьезного боя, Траун одержал блестящую победу. И Фридрих взял за правило — никогда не вторгаться так глубоко в неприятельскую страну.

Труд Генерального штаба и, особенно, доклад майора фон-Рёслера (приложение в «Mil. Wochenbl.» за 1891 г., 3-й вып.) придают большое значение планам наступления короля 1741—1744 гг., которые якобы преисполнены духом стратегии сокрушения. Верно то, что в эти годы король теоретически ближе всего подходил к полюсу сражения, т. е., если угодно, к стратегии сокрушения. Однако, очень многого ему все же недоставало. Нигде неприятельская армия у него не указывалась как специфический объект наступательных действий. Лишь в совершенно неопределенной форме, без малейшей попытки хотя бы подойти к исполнению, появляется план наступления на Вену. В 1744 г., когда намечалось соединение всех союзников и победа над австрийцами в Южной Богемии, все же не начинают немедленного похода на неприятельскую столицу, находившуюся всего лишь на расстоянии 20 миль (150 *км.— Ред.*), а располагаются на зимние квартиры; возобновление же похода на Вену откладывают до будущего года. «Тогда-то уже схватят врага за горло», но уже при более подробном изложении этой идеи значится лишь (Переписка, III, 135): «продвинуться до Дуная и даже направиться в сторону Вены, если это потребуется». При всем этом весьма вероятно, что Фридрих не так уж серьезно останавливался на этих широких замыслах, так как не имел никакого намерения развалить Австрию, и в действительности уклонялся от крупных, решительных действий, даже тогда, когда их ему предлагали французы.

ниям. Это было бы полной противоположностью той стратегии, которую обычно приписывают Фридриху; но обоснование тактических действий политическими мотивами кажется мне слишком произвольным истолкованием. Достаточно того, что стратегически победа дальше не развилась. С трудом Генерального штаба надлежит сопоставить в значительной степени расходящееся с ним изложение Козера (Koser, Friedrich der Grosse) и Блейха (Bleich, Der Mährische Feldzug, 1741—1742 гг., Роштокская диссертация, 1901 г.). В отношении изложения фактов я согласен с Козером, но совершенно расхожусь с его стратегической оценкой. Блейх также не стоит еще на правильной точке зрения.

Неверное понимание стратегии Фридриха, положенное в основание труда Генерального штаба, естественно, порождает в частностях новые ошибки. То и дело приходится извращать или вуалировать факты; наконец, логическая последовательность приводит к тому, что намечавшееся прославление превращается в порицание, ибо нехватает уже уловок для того, чтобы подогнать Фридриха под предвзятую схему. В отношении кампании 1744 г. это прекрасно изложено Максом Лейцке [Max Leitzke, Neue Beiträge zur Geschichte der preussischen Politik und Kriegsführung i. J. 1744, Гейдельбергская диссертация, 1898 г.]; автор защищает короля от обвинений, выдвинутых против него в труде Генерального штаба.

1745 ГОД

Если бы австрийцы использовали свой успех 1744 г. и продолжили военные действия в течение зимы, то трудно себе представить, как бы Пруссия могла спастись. Но зимняя кампания превосходила моральные силы и материальные возможности австрийцев, и Фридрих выиграл время для восстановления своей армии и использовал его с неутомимой энергией. На этот раз он предоставил неприятелю стратегическую инициативу и решил смыть позор маневренного поражения, понесенного им в предыдущем году, победоносным сражением. Его верный министр Подевильс настойчиво уговаривал его не ставить судьбу государства в зависимость от сомнительного исхода одного сражения. Однако, король ему заявил, что другого выхода нет; сражение — то же, что рвотное для больного. Он мог предполагать, что австрийцы с наступлением весны попытаются вторгнуться из Богемии в Силезию, и при этих условиях он рассчитывал использовать те выгоды, какие ему доставляли пограничные горы. Вместо того чтобы пытаться запереть отдельные горные проходы (напоминаю при этом то, что я еще в первом томе говорил по поводу Фермопил относительно замыкания горных проходов), он решил оставить проходы открытыми и встретить австрийцев в Силезии. За горами же он установил тщательное наблюдение и принял необходимые подготовительные меры на всех путях, по которым могли пойти австрийцы. Все дороги и мосты были осмотрены, а войска распределены так, чтобы они могли в самый скорый срок сосредоточиться у выхода того горного прохода, из которого появилась бы соединенная австро-саксонская армия.

В свое время австрийцы пытались под Хотузицем застигнуть пруссаков врасплох, совершив ночной марш. Попытка их успехом не увенчалась, так как они недооценили всех трудностей развертывания армии на ночном марше. Лишь около 8 часов утра начали они атаку, а к этому времени пруссаки уже давно заметили их приближение, оказались на месте, и отряд под начальством самого короля, который только что был затребован назад с довольно значительного удаления, оказался настолько близко, что еще успел своевременно вступить в бой и решить исход сражения в пользу пруссаков. Между тем, Фридрих принял заранее такие меры под Гогенфридбергом (4 июня), что уже в 4 часа утра имел возможность атаковать левое крыло неприятельской армии. К 9 часам утра сражение было, в основном, закончено, и неприятель отступал уже по всему фронту через горы.

Успех был полный и обусловливался всецело блестящим руководительством Фридриха. Стратегическая идея, тщательная подготовка,

решительность в выполнении — все оказалось на высоте положения. Лишь со времени этой победы слагается репутация Фридриха, как полководца. При Мольвице Шверин еще должен был добиваться за него победы; под Хотузицем он прекрасно руководил действиями своих войск, но это еще не так бросалось в глаза, да и вообще австрийцы оспаривали свое поражение. 1744 г. закончился полной неудачей. Между тем, Гогенфридберг окружил его ореолом славы. При этом нельзя сказать, чтобы королю облегчили триумф какие-либо особые промахи со стороны противника. Правда, чтобы оградить себя от внезапной атаки, австрийцам следовало бы еще в вечер своего прибытия занять некоторые высоты и захватить в свои руки переправы через Стригауский проток. Но австрийцы вышли из гор и прибыли на место бивака лишь с наступлением темноты и едва успели кое-как ориентироваться в окружающей местности. Пожалуй, можно было ускорить переход через горы; но ведь сперва надо было оглядеться, не стоят ли пруссаки у самого выхода из гор, чтобы отдельные части армии не попали прямо в объятия неприятеля. А если бы решили провести ночь в горах, с тем чтобы на следующий день более коротким переходом заблаговременно спуститься на равнину, то опасность была бы тем больше, что пруссаки, от которых начало движения не могло укрыться, тотчас же атаковали бы войска при выходе их из ущелья. Мысль, что пруссаки уже на следущее утро до восхода солнца окажутся со всеми своими силами на месте и смогут сразу перейти в наступление, едва ли могла притти в голову австрийскому полководцу, Карлу Лотарингскому. Именно в полной внезапности этого маневра сказался весь гений прусского короля. Как принято превозносить инициативу в стратегии! Сражение при Гогенфридберге показывает нам, насколько все подобные принципы имеют весьма относительное значение; Фридрих одержал стратегическую победу именно потому, что переложил на плечи противника инициативу и предоставил ему повести стратегическое наступление, а что он сделал это не из недостатка в нем наступательной энергии, но из мудрого расчета, доказывает нам самое выполнение операции.

Три перехода сделал Фридрих по следам отступавшего неприятеля. Затем военные действия вновь приостановились. Австрийцы заняли хорошо обеспеченную позицию за реками Эльба и Адлер, а пруссаки простояли лагерем целое лето, почти 4 месяца, против них, и дело не дошло до сколько-нибудь значительного боевого столкновения. Мы видим, как в конечном счете ничтожны были, при тогдашних условиях, материальные плоды даже такого крупного тактического успеха, каким являлся для той эпохи Гогенфридберг. Фридрих уже к моменту этого сражения располагал не меньшими силами, чем объединенные австрийцы и саксонцы (в круглых цифрах 60 000 человек); потеряв 4 800 солдат, он нанес им урон в 14 000—16 000 человек и 80 орудий и, следовательно, стал уже значительно сильнее противника. Если бы он был приверженцем стратегии сокрушения, он непрерывно преследовал бы уже морально потрясенного неприятеля и постарался бы его снова атаковать как можно скорее. Так как австрийцы потеряли $^2/_3$ своей артиллерии и располагали теперь лишь 41 орудием против 192 орудий у пруссаков, то даже современный критик счел бы атаку Адлер-Эльбинской позиции вполне допустимой; в противном случае позицию можно было бы обойти.

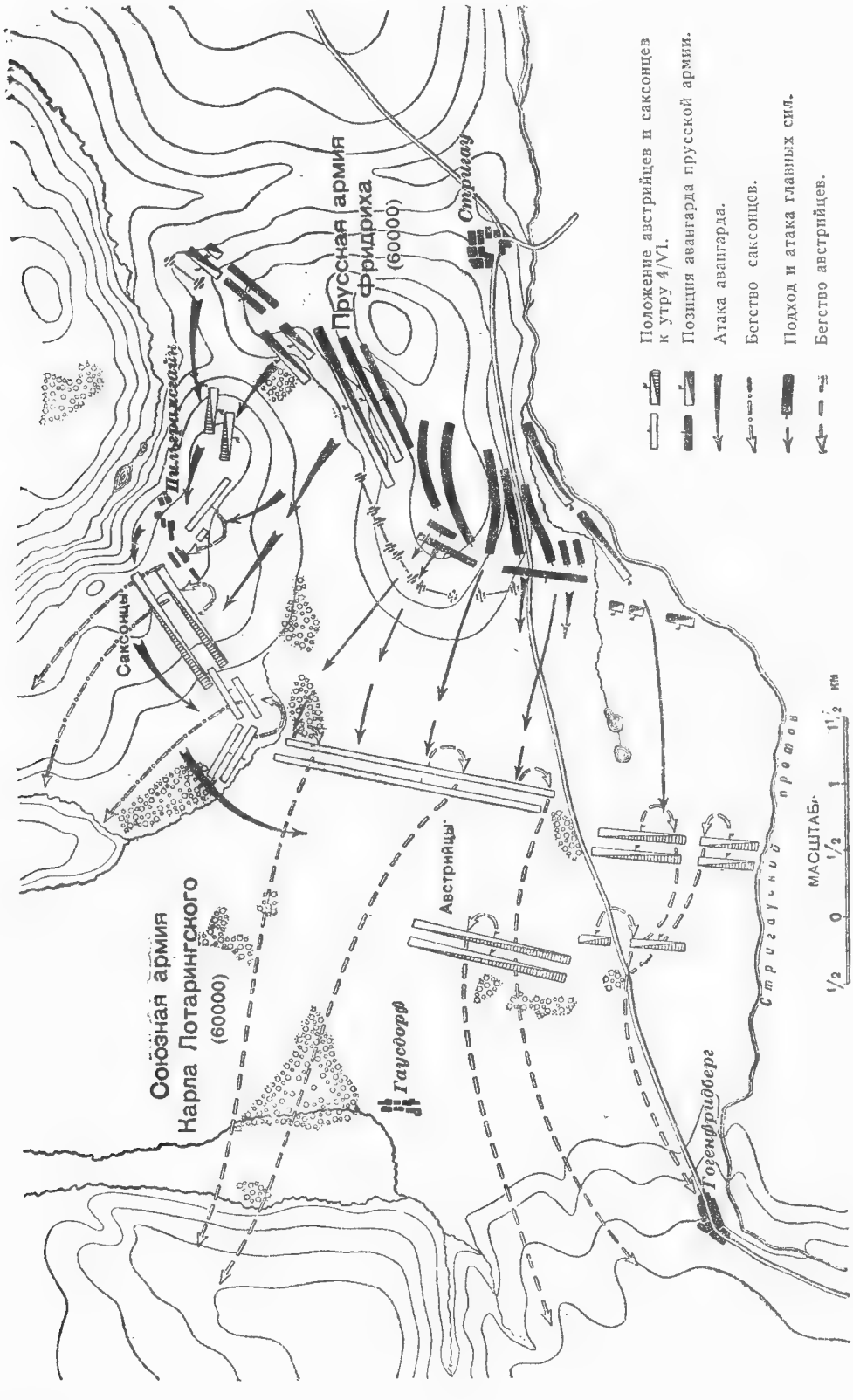


Схема 29. Сражение при Гогенфридберге 4 июля 1745 г.

Однако, король был далек от этой мысли, в особенности потому, что в предшествующем году уже убедился на опыте, как опасны для такой армии, как его, глубокое вторжение в неприятельскую страну и отрыв от собственной базы снабжения. Его интендант фон дер-Гольц настоятельно предостерегал его даже от перехода через горы и вообще от продвижения вперед по Богемской территории, так как он не мог доставлять вслед ему припасы на крестьянских подводах[1].

Прошло несколько времени, и стратегическая инициатива снова перешла к австрийцам. Фридрих был вынужден ослабить свои силы, отослав часть войск в Верхнюю Силезию и Марку, которым угрожали саксонцы. Австрийцы же вновь усилились. Их легкие войска с успехом препятствовали фуражировкам пруссаков. В сентябре Фридрих отходит назад к Судетским проходам, но раньше, чем он успел отступить, принц Карл сделал еще одну попытку разбить его на-голову. Пруссаки, численностью всего лишь в 22 000 человек, стояли в лагере у Соора между обоими проходами — Траутенау и Наход; австро-саксонская армия в 39 000 человек имела над ними значительный перевес.

Принц Карл составил план внезапного нападения на пруссаков, вроде того, как это имело место под Хотузицем и Гогенфридбергом. Осторожно к ним приблизились и попытались еще ночью развернуться перед их лагерем. Утром, около 5 часов (30 сентября), король получил первое донесение. Но, как всегда, он уже был на ногах, окруженный своими генералами, чтобы дать им приказания на день. Он тотчас понял, что отступление уже невозможно, так как в распоряжении пруссаков были только узкие дороги, пролегающие среди лесов и скал, а главная дорога на Траутенау уже была в сфере действий австрийцев. Спасение могло дать лишь наступление. Тут же на месте отдан был приказ о развертывании, со сдвигом к правому флангу, чтобы этим крылом, построенным в две линии, атаковать, в то время как левый фланг, построенный лишь в одну линию, временно должен был в бой не ввязываться. Со всей той быстротой, которую делала возможной прусская дисциплина, приказания короля были приведены в исполнение.

Если бы австрийцы, с своей стороны, перешли в это мгновение в наступление всеми своими превосходными силами, то едва ли прусской армии удалось бы удержаться. Беренгорст писал впоследствии: «Пруссаки победили на зло искусству», на что Шарнгорст возразил: «Они победили во славу искусству». Принц Карл хотя и стремился произвести внезапное нападение на пруссаков в их лагере, но не намеревался их непосредственно атаковать, предполагая, что они будут поспешно отступать и что во время этого отступления ему представится случай их уничтожить. Уже легкие войска австрийцев оказались на противоположной стороне прусского лагеря, ворвались в него и начали его грабить, причем добычей их стал и весь личный багаж короля, а последний в это время вводил свои

[1] В описание сражения в труде Генерального штаба вносит ряд многочисленных поправок, в том числе и по вопросу о численном составе войск, обширная монография Рудольфа Кейбеля (1899 г.). Упрек в недостаточно энергичном преследовании, который мы читаем в книге Генерального штаба, устранен Оскаром Шульцем (Oskar Schulz, Der Feldzug Friedrichs nach der Schlacht bei Hohenfriedberg bis zum Vorabend der Schlacht bei Soor, Гейдельбергская диссертация, 1901 г.).

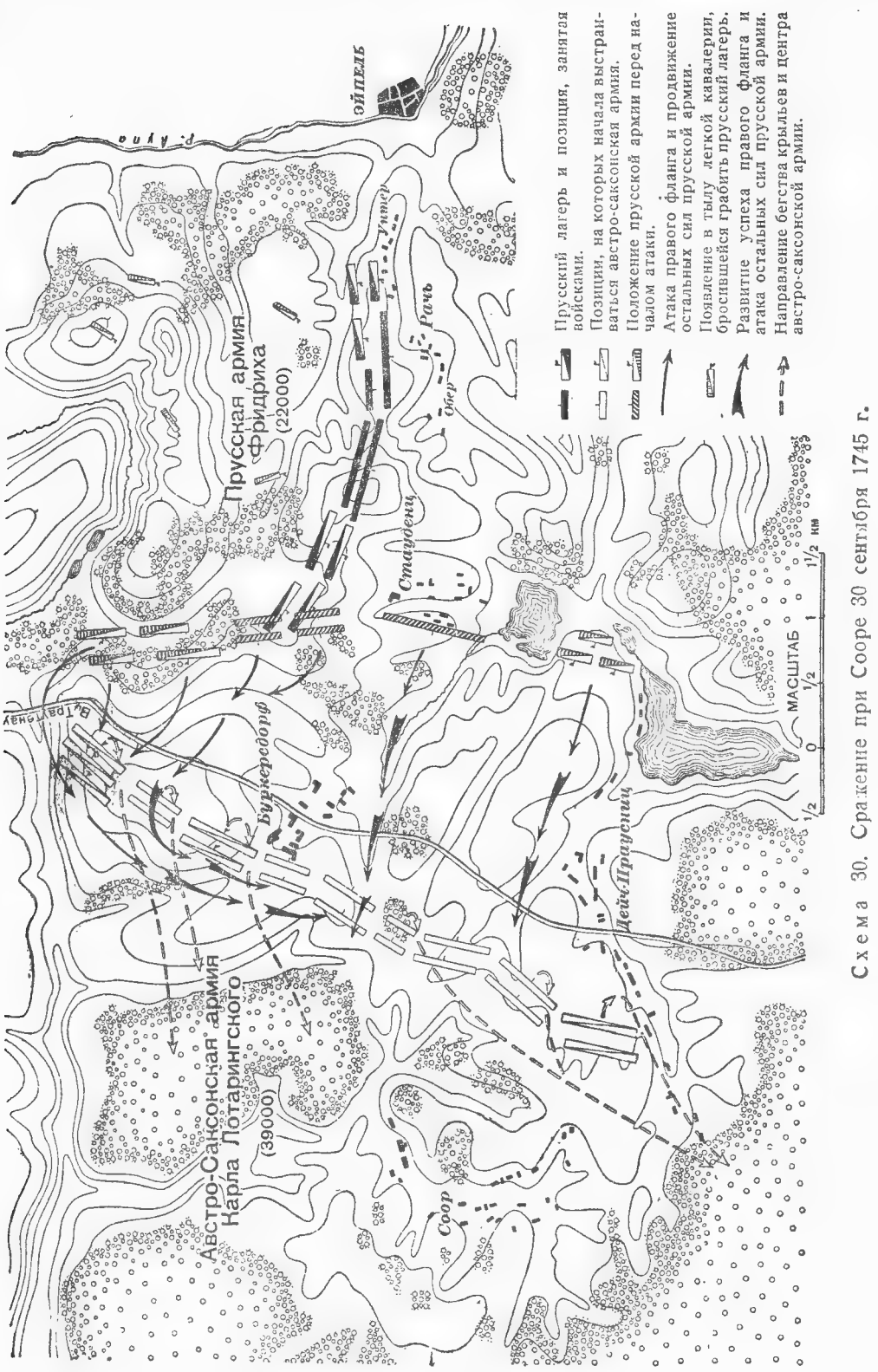


Схема 30. Сражение при Соope 30 сентября 1745 г.

войска в бой. Эта-то безусловная решимость вступить в бой и доставила пруссакам победу, в то время как осторожность австрийского полководца привела его к потере сражения[1].

Так как сами австрийцы только еще развертывались и сначала хотели выждать, какое действие окажет их внезапное появление, то они дали возможность развиться наступлению пруссаков; австрийская кавалерия стояла, тесно сомкнувшись на возвышенности, и даже предоставила прусской кавалерии себя атаковать, стоя на месте, вместо того чтобы двинуться ей навстречу. Пруссаки ее опрокинули, и продолжавшееся наступление их со стороны этого крыла поддержало атаку с фронта; в результате, австрийский центр также оказался разбитым, а правое крыло начало отступать.

Подобно Гогенфридбергу, Соор является плодом руководства, решимости и дисциплины; стратегический успех при Сооре оказался еще более ничтожным, чем под Гогенфридбергом. Обе победы означали спасение от крайней беды и опасности — и больше ничего. Здесь мы наблюдаем совершенно удивительное и невообразимое, с точки зрения стратегии сокрушения, зрелище: победитель, после того как он, чести ради, пробыл еще несколько дней на поле сражения, начинает отступать. Фридрих ушел в Силезию, а австрийцы, после своей неудачи, вернулись в лагерь, который занимали до поражения.

Это их даже не отпугнуло от того, чтобы, спустя несколько недель, вновь предпринять крупную попытку перейти в наступление. Саксонцы предложили им вместе с ними произвести совместную операцию против Бранденбурга через Лузацию, а Берлин находился от тогдашней саксонской границы на расстоянии лишь трех переходов. Фридрих перехватил это движение фланговым ударом из Силезии в Лузацию (21 ноября) и приказал старику Дессау, стоявшему под Галле с прикрывавшей армией, двинуться теперь, с своей стороны, на саксонцев.

Из всего этого создалась совершенно необычная стратегическая обстановка. Принц Карл с австрийской армией спешит из северного угла Богемии на помощь саксонцам. Прусский король стоит на северном берегу Эльбы вблизи Дрездена, но он не идет через Лейпциг на соединение с приближающимся Дессау, а посылает ему на помощь только 8 500 человек под командой генерала Левальда через Мейссен. Сам он считает нужным поддерживать связь своих главных сил с Силезией и прикрывать магазины и дорогу на Берлин. Когда же Леопольд (фон-Дессау) атаковал саксонцев впереди Дрездена при Кессельдорфе (15 декабря), австрийцы уже были непосредственно за ними. Через несколько часов могло бы произойти соединение обеих армий, и тогда Дессау грозила бы неминуемая гибель. Фридрих осыпал его жесточайшими упреками, которые до сих пор повторяются в новейших сочинениях, почему, мол, он не продвигался быстрее и не пошел обходным путем через Торгау. Однако, точная проверка данных показала, что старый фельдмаршал все время действовал в согласии с обстановкой и полученными им инструкциями, а расхождение в оценке обстановки между ним и королем вызвано было исключительно дальностью расстояний, медленностью сообщений и

[1] В этой фразе заключается ключ к пониманию сражения при Сооре, которого недостает труду Генерального штаба, хотя уже Клаузевиц правильно его установил (X, стр. 30). Hans Stabenow, Die Schlacht bei Soor, Берлинская диссертация, 1901 г.

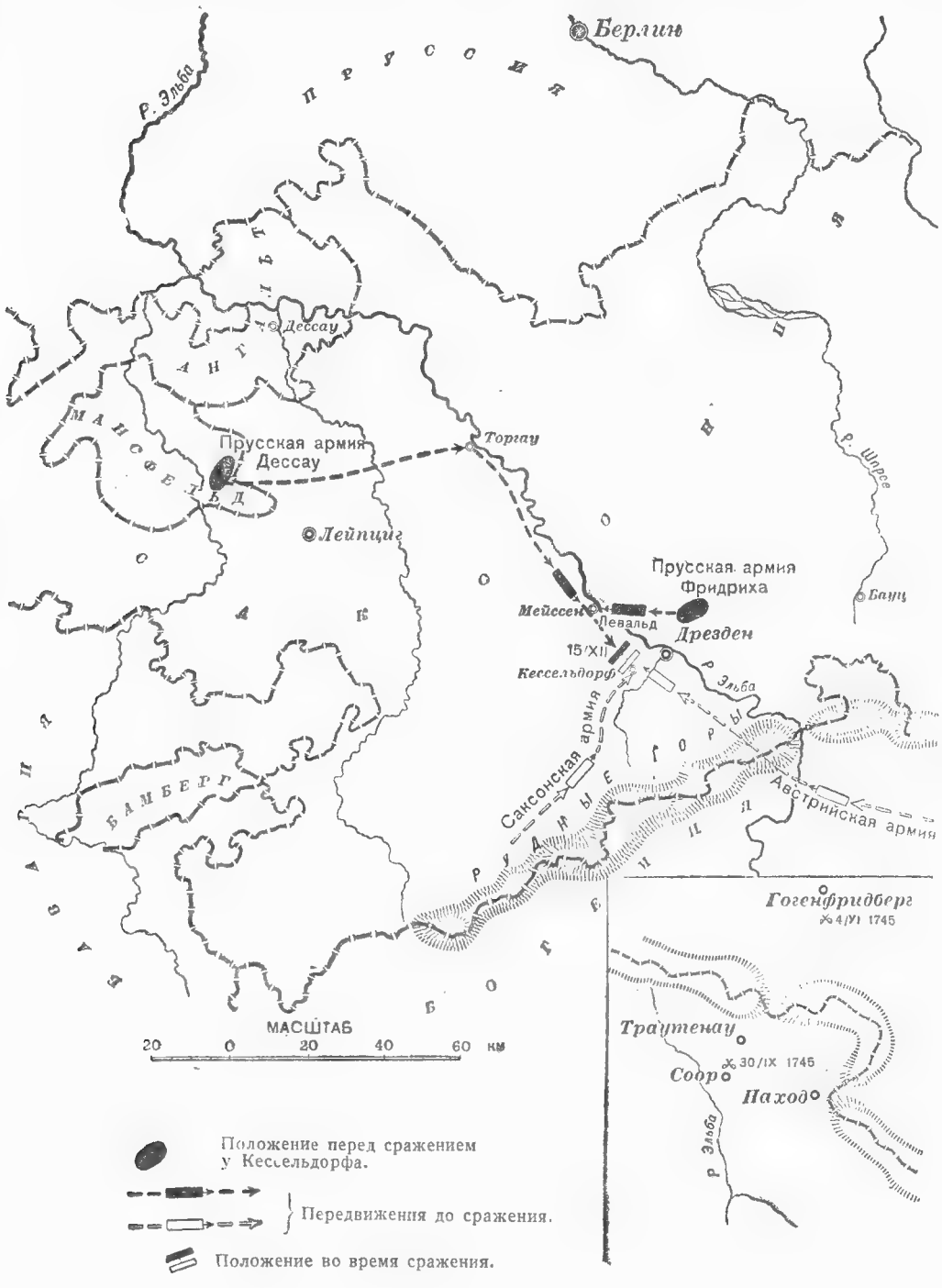


Схема 31. 1745 год.

сложностью создавшегося положения[1]. Что при совместных действиях с разных сторон неизбежно создаются трения,— это неизбежно. Фридрих мог бы избежать опасности, если бы, в предвидении

[1] Это убедительно и подробно доказано Гансом Каниа (Hans Kania, Das Verhalten des Fürsten Leopold vor der Schlacht bei Kesseldorf, Берлинская диссертация, 1901 г.).

верной победы, отказался на несколько дней от обеспечения сообщений и задач по прикрытию провинций и не ограничился бы посылкой корпуса Левальда, а повел бы всю свою армию у Мейссена через Эльбу на соединение с войсками Дессау. Если бы Дессау был разбит (а силы его едва равнялись силам противника), Фридрих, как он впоследствии писал в своих воспоминаниях, тотчас возобновил бы сражение, поставив разбитые батальоны во второй линии. В данном случае приходится признать, что Фридрих проявил себя не только как приверженец стратегии измора, но и как полководец, связанный в своих действиях ее принципами. Если возможно было впоследствии соединить обе армии, то это показывает, что значение второстепенных мотивов, препятствовавших такому соединению перед сражением, им переоценивалось. Исход сражения был на лезвии ножа. Будь оно проиграно, критика не пощадила бы и не должна была бы щадить короля Фридриха. Сам он неоднократно высказывал правило, что для сражения надлежит стягивать все находящиеся под рукою силы. Тем не менее сам он не только в данном случае, но, как мы дальше увидим, и впоследствии, действовал наперекор этому принципу, и не только он: то же мы слышали и о Евгении и о Мальборо под Гохштедтом. Ведь дело именно в том и заключается — какие силы считать не безусловно необходимыми в другом месте, чтобы привлечь их к участию в сражении. Эти основания совершенно иначе расцениваются полководцами двухполюсной стратегии, чем полководцами стратегии однополюсной. Этим-то и объясняется поведение Фридриха при Кессельдорфе [1]. Переоценил ли он в данном, особом, случае причины для удержания своей армии, является вопросом второстепенного значения.

ФРИДРИХ И ТОРСТЕНСОН

Сравним только что очерченные кампании Фридриха с некоторыми кампаниями Торстенсона [2].

Торстенсон, приняв командование над шведской армией в Старой Марке, внезапно выступил в поход (1642 г.), прошел через Силезию до Моравии, завоевал Глогау и Ольмюц, занял эти крепости гарнизонами, снова отошел назад и разбил имперскую армию под Лейпцигом (2 ноября 1642 г.).

В следующем году он снова предпринял поход в Моравию, вернулся, не добившись сражения, и, согласно распоряжению своего правительства, отправился покорять Данию. Имперцы, под начальством Галласа, последовали за ним до самой Голштинии. Торстенсон, маневрируя, оттеснил их снова назад и вторгся в Богемию с намерением закрепиться (eine Post zu fassen) на Дунае, а затем снова пробиться к своей базе (zu seiner «Correspondenz-Linie», «zurück zu arbeiten»). Имперцы собрали все свои войска; к ним примкнули и саксонцы и баварцы, последние — под командой Иоганна Вёрта, и дело дошло до сражения при Янкау (6 марта 1645 г.). Силы с обеих сторон были приблизительно равны: имперцы, под начальством Гацфельда, насчитывали 5 000 пехоты, 10 000 кавалерии при 26 орудиях; шведы — 6 000 пехоты, 9 000 кавалерии и 60 орудий. С обеих сторон дрались

[1] Iwan Iowanowitsch, Warum hat Friedrich d. Gr. an der Schlacht bei Kesseldorf nicht teilgenommen? Берлинская диссертация, 1901 г.

[2] Hobohm, Torstenson als Vorgänger Friedrichs des Grossen im Kampf gegen Oesterreich, т. 153, стр. 423 и сл.

с величайшей храбростью. Шведы одержали победу благодаря продуманному, уверенному командованию, а имперцы приняли сражение на местности, неблагоприятной для того рода оружия, в котором у них был перевес, — для кавалерии, и некоторые их генералы действовали по собственному усмотрению, наперекор распоряжениям главнокомандующего [1].

Торстенсон подошел к самым воротам Вены, взял предмостное укрепление, Волчьи шанцы и обе крепости Корнейбург и Кремс на Дунае. Но для того чтобы взять самую Вену, он с своими 15 000 человек был слишком слаб; также и четырехмесячная осада Брюнна не привела к желанному результату. Кремс оставался в руках шведов несколько месяцев, Корнейбург — полтора года, а Ольмюц — до конца войны. Таким образом, Торстенсон достиг своей цели «задеть императора за живое» (dem Kaiser recht ins Hetz zu greifen), но для того чтобы непосредственно принудить его к заключению мира, этого оказалось все-таки недостаточно. Торстенсон так же, как и Фридрих, сознавал себя лучшим бойцом и стремился к решению борьбы сражением, но так же, как и Фридрих, после сражения оказывался не в состоянии развить его результаты так, чтобы оно привело к окончанию войны. Оба они умеют действовать лишь по принципам стратегии измора; Торстенсон при этом заходит дальше, чем Фридрих; последний, однако, скорее достигает цели. Чем же это объяснить?

Мы уже видели, что армия Торстенсона была гораздо подвижнее армии Фридриха благодаря своей малочисленности и составу, в котором преобладала кавалерия. Однако, была еще другая причина, почему Торстенсон мог оперировать и продвигаться смелее, чем Фридрих. Последний сознавал, что, если его армия будет уничтожена, погибнет и его государство. Вот почему в 1741 г. он не навязал сражения противнику, отсиживавшемуся на крепкой позиции; в 1742 г. давал сражение лишь в целях обороны; в 1744 г. решился продвинуться только до Будвейса и снова очистил Богемию без боя, в 1745 г., несмотря на одержанную победу при Гогенфридберге, остановился, сделав три перехода. Торстенсон отважился дать сражение в сердце Богемии и продвинуться до самого Дуная, ибо, в крайнем случае, он рисковал своей армией, а не государством. Такие соображения были и у шведского сената, когда Густав Адольф отправлялся за море, что утраченная в Германии армия не может существенным образом ослабить обороноспособность Швеции, ибо у последней еще остаются в запасе 30 больших кораблей и народная милиция [2]; о таких же соображениях сообщает и Хемниц перед сражением при Брейтенфельде [3]: «монархия — так далеко, к тому же за морем, что она не подвергается большому риску и ей нечего бояться какого-либо особого несчастья». Быстрый успех Фридриха не следует поэтому объяснять одними его военными достижениями, — надо учесть и его политические успехи. Мария Терезия была готова уступить ему после полутора лет борьбы большую, богатую провинцию, чтобы получить возможность защищаться от других, более сильных противников. Вот где — в соединении политики со стратегией — надо искать разгадку

[1] Монография Павла Ганцера. «Mittheilungen des Vereins b. Geschichte d. Deutschen in Böhmen», т. 43 (1905 г.).
[2] Clausewitz, Werke, IX, стр. 6.
[3] Hobohm, стр. 436.

Фридриха в эпоху первых Силезских войн. Когда говорят, что политика и стратегия Фридриха в то время характеризуется тенденцией: отнюдь не затяжная война, а короткие, сильные удары и затем при первой возможности — выгодный мир, — то эта фраза скорее выражает благое пожелание короля, чем обрисовывает его настоящий образ действия. Где те короткие, сильные удары, которые он будто бы наносил?

Под Мольвицем он должен был дать сражение потому, что был отрезан; под Хотузицем он сам подвергся атаке, под Соором его снова атаковали; одни лишь Гогенфридберг и Кессельдорф представляют такие короткие и сильные удары. Мир, заключенный после 1745 г., отнюдь не был выгодным миром, а лишь закрепил фактическое обладание. И для правильной оценки Фридриха, как стратега, необходимо не упускать из виду, что основная идея, с которой он начинает свою великую карьеру, — идея политическая, а его смелая и в то же время осторожная стратегия служит ему лишь вспомогательным средством для ее осуществления.

ТЮРЕНН

Одновременно с Торстенсоном в Тридцатилетней войне командовал француз Тюренн. О нем нельзя не упомянуть в истории военного искусства, ибо, согласно традиции, он слывет тем полководцем, который первый стал придавать решающее значение снабжению и охотнее отказался бы от сулящего выгоду предприятия, чем подверг бы опасности этот фактор. Поэтому его до некоторой степени считают творцом хотя искусной и деятельной, но избегающей кровопролития, маневренной стратегии; при этом охотно цитируют сказанные по отношению к нему слова Клаузевица (IX, 193), что его искусство безусловно было лишь искусством его эпохи, а в обстановке наших войн производило бы впечатление салонной шпаги придворного кавалера среди рыцарских мечей. Хотя эта характеристика и это сравнение представляются столь же верными, как разительными, однако они легко могут ввести в заблуждение. Тюренн, сын принцессы Оранского дома, вышел из Нидерландской школы, где регулярное снабжение солдат составляло одно из священнейших правил ведения войны. Следовательно, он лишь усвоил это правило. Впрочем, возможно, что среди полководцев Тридцатилетней войны он придавал большее значение снабжению армии, чем прочие его современники. Когда в 1644 г. он принудил генерала Мерси отступить от Фрейбурга, а энергичное преследование открывало перспективы на значительный успех, он от него отказался, мотивируя свое решение в своих мемуарах следующим образом: «Так как вся пехота, которой мы располагали, привыкла получать печеный хлеб, а не выпекать его самой, как то делали старые войска, долго служившие в Германии, то нельзя было последовать за неприятелем в Вюртемберг, в особенности потому, что там мы не нашли бы приготовленных магазинов. Поэтому-то и решено было не удаляться от Рейна».

И в других местах его мемуаров можно то и дело встретить подчеркнутую заботливость о продовольствии, например при снятии осады с Арраса в 1654 г.

Деятельность Тюренна, как полководца, можно разделить на два периода: первый — от последних лет Тридцатилетней войны и войн Фронды до Пиренейского мира 1659 г.; второй — до его смерти

в 1675 г., обнимающий первые войны при самодержавном правлении Людовика XIV. Для второго периода, когда армии достигали двойной и даже тройной численности, по сравнению с армиями первого периода, забота о продовольствии войск, как мы уже видели, составляла общераспространенный, господствующий принцип; она осталась таковым же при Фридрихе Великом. Следовательно, — чтобы остаться в рамках сравнения Клаузевица, — боевой меч в руках всех полководцев той эпохи превратился в салонную шпагу, однако достаточно острую и режущую, чтобы быть опасным оружием в руках искусного и смелого бойца; Тюренн также умел весьма успешно наносить этой шпагой смертельные удары. Такого сражения, как сражение, данное Баннером при Виттштоке, или таких походов и сражений, как у Торстенсона, за ним не числится; однако, он вытеснил маневрированием Великого курфюрста из Эльзаса подобно тому, как Траун вытеснил Фридриха Великого в 1744 г. из Богемии. Когда он терпел поражение, он тотчас, подобно Фридриху, занимал вызывающее, дерзкое положение, так что неприятель не отваживался снова к нему подступиться (в 1652 г., во время войны Фронды, под Орлеаном). О значении сражения он при случае (в 1646 г.) говорил, что существенный плод сражения заключается в том, что овладевают известной областью и тем самым увеличивают свои силы, в то время как неприятеля это ослабляет. Таким образом, в истории стратегии и великих полководцев Тюренн занимает действительно весьма значительное, самостоятельное положение, однако, он не является типичным представителем особого метода; отнюдь нельзя его также противопоставлять, как антитезу, Фридриху Великому, который ведь и сам никогда не утверждал, что он отличается по своим принципам от великих французских маршалов.

КАРЛ XII

По поводу Карла XII я намерен дать впоследствии особое исследование, здесь же ограничусь несколькими указаниями относительно того, в каком направлении это исследование должно быть углублено. Карл XII, со стратегической точки зрения, принадлежит еще к эпохе Тридцатилетней войны, поскольку армии, которыми он командовал, очень малы и отличаются значительным преобладанием кавалерии, вследствие чего эти армии чрезвычайно свободно передвигаются по обширным пространствам, побуждаемые к этому не столько стратегическими, сколько политическими соображениями. В 1707 г., когда Карл покинул Саксонию и находился на высшей точке своего могущества, его армия насчитывала 16 200 человек пехоты и 20 700 человек кавалерии (включая сюда драгун). Под Полтавой у него всего было 16 500 бойцов, из коих в бой были введены 12 500. Но, в противоположность Тридцатилетней войне, против короля стояли неравноценные качественно, даже очень уступающие по качеству, но численно значительно превосходные войска. Русская армия находилась еще в процессе формирования и страдала от антагонизма между русской солдатской массой и офицерством, приглашенным в существенной его части из-за границы. Польская коронная армия представляла недисциплинированное, средневековое ополчение. О саксонцах сам их генерал Шуленбург доносил своему королю, что они совершенно теряют самообладание при одном виде шведов[1].

[1] Sarauw, Die Feldzüge Karls XII (1881 г.), стр. 19.

Если принять во внимание это качественное различие войск, а также обширность театра военных действий, характер его поселений, путей сообщения и климата, то станет ясным, что здесь мы имеем дело с совершенно иными масштабами, чем в Тридцатилетнюю войну, в войнах Людовика XIV или Фридриха Великого. Отпрыск династии Виттельсбахов на северном престоле, несомненно, был не только одним из величайших героев мировой истории, но и крупным генералом, который в сражении правильно руководил своими войсками, вливал в них свой дух и внушал им безусловное доверие. Но для того, чтобы поставить его, как стратега, на одну доску с Густавом Адольфом, Фридрихом и Наполеоном, у него чего-то недоставало, и этот недостаток не исчерпывается эпитетами: упрямец, авантюрист. Задача заключается в том, чтобы распознать и установить взаимодействие между объективными условиями и характером действующего лица. При этом необходимо принять во внимание как отмеченное различие между армиями противников, так и политическое положение шведского государства. Эта великая держава, охватывавшая своими владениями все Балтийское море и обладавшая также значительной территорией на Немецком (Северном) море, все же настолько была лишена определенной политической ориентации, что престарелый канцлер Оксенстиерна (1702 г.) мог посоветовать своему королю заключить мир с польско-саксонским королем Августом, а затем отдавать свои войска внаймы иностранным государям, что-де принесет ему великую славу. Но ведь этим закончился исторический путь и величайшего швейцарского воинства.

1756 ГОД

В Семилетнюю войну Фридрих стоит в зените своей силы и достижений. Его стратегические принципы остались неизменными.

Вступил он в войну с сознанием безусловного превосходства. За десятилетний период мира он увеличил и улучшил свою армию в значительно большей степени, чем его противники. Постройка его крепостей в Силезии была закончена. В его государственной казне лежало 16 млн. талеров наличными деньгами, и он рассчитывал немедленно оккупировать и присоединить к Пруссии богатое курфюршество Саксонское с его ресурсами. Оба владения имели ежегодное превышение поступлений над расходами в $7^1/_2$ млн. талеров, между тем как издержки на одну кампанию Фридрих оценивал не выше 5 млн. талеров. В отношении политики король рассчитывал, что Франция, памятуя о старом соперничестве между домами Габсбургов и Бурбонов, окажет Австрии лишь умеренную поддержку, да и в финансовом отношении не будет в состоянии проявить особую деятельность. Россию он рассчитывал удержать при посредстве Англии, и, даже если бы это и не удалось, он думал, что русские в военном отношении не могут дать многого и что даже Австрия и Россия, вместе взятые, не могут сравняться с ним, ибо в отношении финансов они слишком слабы. Если даже император Франции, памятуя о своем титуле — короля Иерусалимского, даст своей супруге из личных средств известный аванс, то и этого не должно хватить надолго.

Обстоятельства (в представлении короля) складывались настолько благоприятно, что могли возникнуть сомнения, не настала ли для

него пора перейти к принципам стратегии сокрушения. Прусские полки могли быть мобилизованы в течение шести дней; саксонские войска можно было захватить и уничтожить раньше, чем они успеют собраться; австрийцы почти совсем еще не приступили к подготовке и должны были еще заполнить пробелы мирной организации своих войск. Фридрих имел возможность уже в конце июля 1756 г., когда политическое положение созрело, вторгнуться в Богемию с подавляюще-превосходными силами, и трудно себе представить, как бы австрийцы могли оказать ему, на его пути к Вене, сопротивление, которое он оказался бы не в силах преодолеть.

Однако, мы нигде не находим ни малейших указаний на то, чтобы Фридрих хотя бы остановился на подобных мыслях. Сперва он отсрочил свое наступление на четыре недели, ввиду угрозы французов немедленно выступить против него. Этим он дал возможность, с одной стороны, австрийцам приготовиться к войне, с другой — саксонцам сосредоточить свои войска в укрепленном Пирнском лагере. Но Фридрих рассчитывал, что если он откроет военные действия лишь в конце августа, то французы уже не выступят в поход в этом году, и сознательно пошел на эти невыгоды, тем более что он и без того не предполагал предпринять сокрушительный поход, а хотел лишь оккупировать Саксонию и часть Северной Богемии. В противном случае эта угроза французов, естественно, должна была бы его побудить не откладывать кампании, а, по возможности, ее ускорить, дабы покончить с Австрией раньше, чем французы успеют пройти длинный путь до реки Заалы. Здесь как раз был бы уместен принцип — «короткие, сильные удары и затем возможно скорый, выгодный мир» (как то и произошло 110 лет спустя). Но Фридрих держался совершенно иного образа мыслей. Его требование, чтобы войны Пруссии велись коротко и энергично, надо понимать не в современном смысле, но по отношению к войнам предшествовавшей эпохи, которые длились десять, двадцать и тридцать лет.

Фридрих на этот год удовлетворился тем, что взял в Пирне саксонскую армию (18 000 человек) в плен и овладел Саксонией; он не только отказался от решительного сражения с австрийцами, но даже вновь очистил Богемию. Уже в течение этой первой кампании он мог убедиться, что война окажется более трудной, чем он себе ее представлял. Под Лобозицем (1 октября), в результате неудачной кавалерийской атаки, пруссаки, собственно, потерпели поражение, и король уже покинул поле сражения, когда его снова пригласили вернуться, так как пруссаки, после упорного боя, отняли у легких австрийских войск передовую позицию, которую прусские генералы приняли за главную, и вообразили себе, что сражение ими выиграно. На самом деле победа вовсе не была одержана; главная позиция австрийцев едва была затронута, и их армия вполне могла помериться с прусской; однако, перевес все же остался на стороне пруссаков, ибо Броун не понял своего преимущества и не продолжил бой. План его заключался не в том, чтобы дать сражение пруссакам, а в том, чтобы внезапным приближением по другому берегу Эльбы, следовательно, маневром, помочь саксонцам вырваться из окружения, что, однако, не удалось [1].

---

[1] Franz Quandt, Schlacht bei Lobositz, Берлинская диссертация, 1909 г. Труд Генерального штаба опять-таки неверно рисует события.

Нельзя сказать, чтобы после капитуляции саксонцев (16 октября) для Фридриха было уже безусловно слишком поздно по времени года повести сокрушительный поход против Австрии. Он все еще располагал значительным численным превосходством — по меньшей мере 100 000 человек против 80 000. Но это — чисто доктринерское соображение. Фридрих об этом и не помышлял, а внутренняя структура его армии не допускала такой стратегии.

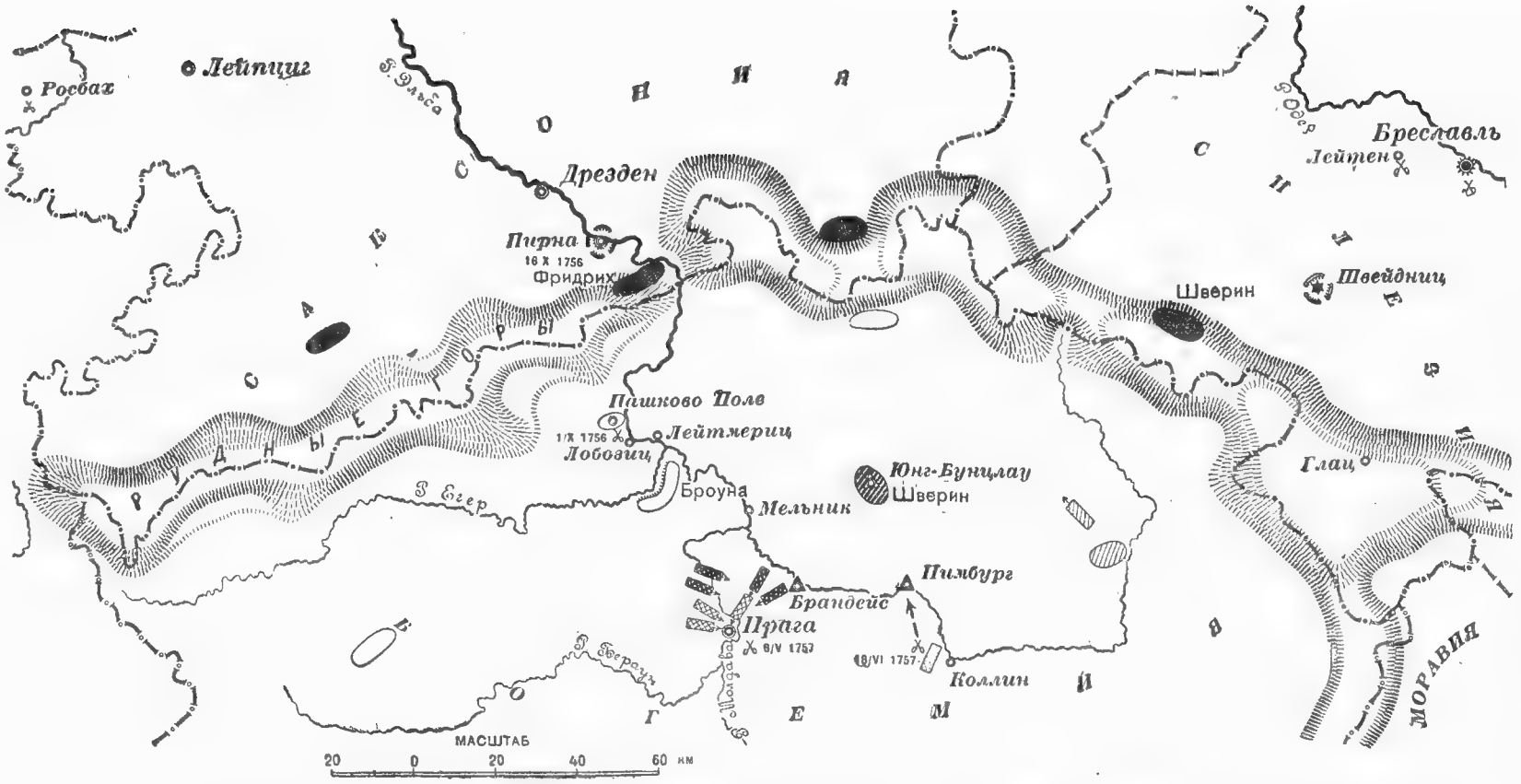
1757 ГОД

За зиму и весну 1757 г. образовалась против дерзкой Пруссии та грозная коалиция трех великих военных держав — Австрии, России и Франции, — которая, несмотря на ее длительную подготовку, не ожидалась Фридрихом в той форме, какую она приняла и которая достигла своей полной зрелости лишь после ее выступления.

Первая мысль Фридриха была — держаться оборонительного образа действий: пожертвовать Силезией, поскольку она не полностью прикрывалась прекрасно сооруженными крепостями, и стянуть главные силы своей армии в Саксонию, чтобы, в зависимости от обстоятельств, обрушиться на голову австрийцев или французов, когда и где бы они ни приблизились к нему. Итак, он предполагал предоставить, как и перед Гогенфридбергом, инициативу противникам. Но тут Винтерфельд предложил ему самому взять в свои руки инициативу, уже в апреле вторгнуться в Богемию и разбить австрийцев, раньше чем успеют подойти французы. Король возражал. Ведь австрийцы, располагавшие приблизительно такими же силами, как и пруссаки, были, подобно последним, сосредоточены в четырех группах на границе Силезии и Саксонии. Трудно было бы для пруссаков в это время года, когда ни для людей, ни для лошадей еще ничего нельзя было найти на полях, тащить за собою обозы с необходимым продовольствием и фуражом. Если бы натолкнулись на одну из австрийских армий, — в особенности на ту, которой командовал Броун, и которая была расквартирована против Рудных гор по нижнему течению Эгера, — занявшую укрепленную позицию, и король, подойдя к ней из-под Дрездена, оказался бы вынужденным отойти за недостатком продовольствия, то и все остальные колонны подверглись бы серьезной опасности, и все предприятие потерпело бы неудачу. Поэтому Фридрих внес некоторые улучшения в план Винтерфельда в том смысле, что Шверин, оттеснив своего противника в сторону, должен был так продвигаться из Силезии (через Юнг-Бунцлау), чтобы угрожать корпусу Броуна с тыла, заставить его маневрированием покинуть свои крепкие позиции и расчистить, таким образом, дорогу королю.

При этом открывались также перспективы захвата австрийских магазинов; можно было глубже проникнуть в страну и еще найти случай нанести поражение той или другой австрийской армии.

План этот увенчался блестящим успехом, однако не так, как он был задуман. Шверин достиг Юнг-Бунцлау, и ему посчастливилось поспеть во-время, чтобы воспрепятствовать уничтожению австрийских магазинов в этом городе. Без этого счастливого случая он попал бы в крайне затруднительное положение. Тем не менее дальше продвинуться в указанном ему направлении, на Лейтмериц или на



Крепости Силезии.

Осада саксонской армии в укрепленном лагере.

Группировка сторон к началу кампании 1757 года.

Осада Швейдница австрийцами.

Магазины.

Угроза австрийцев дальнейшему продвижению Шверина к Юнг-Бунцлау.

Соединение австрийцев и пруссаков под Прагой.

Армия, подошедшая на выручку Праги.

Схема 32. 1756 и 1757 годы.

Мельник, он не мог, ибо австрийцы угрожали ему с другой стороны, а отказаться от захваченных в Юнг-Бунцлау магазинов он не мог[1].

Таким образом, план короля оказался невыполненным, да к тому же и ненужным, так как Броун, застигнутый совершенно врасплох внезапным наступлением неприятеля, очистил крепкие позиции на Пашкополе и за Эгером и отступил к Праге.

Таким образом, четыре продвигавшиеся с разных сторон прусские колонны могли соединиться под Прагой, не подвергаясь поодиночке атаке соединенных сил австрийцев. Наоборот, из четырех групп австрийских войск под Прагой оказались в сборе только три, в то время как пруссакам удалось сосредоточить здесь все свои силы.

Здесь австрийцы решили далее не отступать, а принять сражение восточнее Праги; они были атакованы, разбиты и окружены в Праге (6 мая). Но ранее, чем их удалось принудить к сдаче, подошла на выручку другая армия, отрезала пруссакам подвоз продовольствия из Силезии и тем принудила их принять при крайне неблагоприятной обстановке сражение под Коллином (18 июня), окончившееся поражением пруссаков.

Если мы обратим внимание на ту решительность, с которой Фридрих Великий стремится в эту кампанию к сражению, и на его конечную идею — путем окружения совершенно уничтожить неприятельскую армию, то мы испытываем искушение предположить, что в эту кампанию король перешел на начала стратегии сокрушения. Но как ни соблазнительна такая мысль, однако, при ближайшем рассмотрении, окажется, что подобный взгляд не только ничего не прибавил бы к величию полководца, но скорее умалил бы его и вдобавок грешил бы против истины.

Если бы Фридрих преследовал идею сокрушения, его справедливо можно было бы упрекнуть в том, что он обратился к ней лишь тогда, когда было уже слишком поздно. В первый год войны, возможно, он достиг бы на этом пути намеченной цели, так как австрийцы еще не успели подготовиться; в 1757 г., как то подтвердил и самый исход, превосходство сил у пруссаков было уже недостаточным.

Далее, нам пришлось бы признать, что король вовсе не отдавал себе отчета в существе и размахе собственного плана. Незадолго до начала операций он делится им со своим союзником, английским королем, и с фельдмаршалом Левальдом (10 и 16 апреля), командовавшим в Восточной Пруссии, и при этом ни словом не упоминает о решительном сражении, но говорит лишь о магазинах, которые он хочет захватить у австрийцев, чуть ли не рассчитывая вытеснить их таким путем из Богемии, или, как он пишет в других письмах, прогнать их за Бераун, т. е. немного южнее Праги. Все это ему рисуется налетом (coup), который он надеется завершить до 10 мая, чтобы затем обратиться против французов либо против русских.

В-третьих, если бы Фридрих мыслил иначе и мечтал бы сокрушить Австрию одним ударом, он совершил бы крупную ошибку в оценке сил той и другой стороны. Ибо, даже если бы он одержал

---

[1] Karl Grawe, Die Entwicklung des preussischen Feldzugsplanes im Frühjahr 1757. Берлинская диссертация, 1903 г. В этом труде, который в остальном верно раскрывает ход событий, допущена ошибка автором, указывающим на Лейтмериц, как на единственную цель похода, намеченную приказом короля от 3 апреля Шверингу, между тем как в нем назван и Мельник, а в приказе от 17 апреля — и Рёйдниц.

победу под Коллином и взял в плен запертую в Праге армию, все же весьма сомнительно, принудил ли бы он этим мужественную Марию Терезию к миру [1].

Следовательно, кампанию 1757 г. следует понимать точно так же, как и все прочие кампании Фридриха Великого, с точки зрения стратегии измора, но имея в виду, что в ней Фридрих ближе всего подошел к полюсу сражения, а следовательно, и к стратегии сокрушения. В его взглядах не произошло никакого принципиального переворота, и он отнюдь не перекинулся вдруг из одной крайности в другую. Упрек, который ему делали, что его первоначальный план кампании был так «малодушен», что его трудно даже себе объяснить, столь же необоснован, как и противоположный — которым после Коллина его высмеивал его брат Генрих: «Фаэтон упал» [2]. Как мы видели, первоначальный план Фридриха заключался в том, чтобы дать своим противникам приблизиться к нему, дабы атаковать их поочередно. Этот план был обострен тем, что на ближайшего противника, австрийцев, тут же повели наступление, причем этот последний план получил новое обострение тем обстоятельством, что сражение под Прагой привело совершенно неожиданно к окружению главных австрийских сил в крепости, так что открылась возможность взять в плен всю эту армию.

Еще утром в день сражения Фридрих ни о чем подобном не помышлял, так как австрийцы, опираясь левым крылом на Прагу, стояли фронтом на север, так что в случае поражения им естественно было направить свой путь мимо Праги, на юг. При значительном превосходстве сил, коими располагал Фридрих, он оставил третью часть своей армии под командой Кейта на западной стороне Праги, чтобы отрезать путь отступления австрийцам в западном направлении через город, и, кроме того, он приказал принцу Морицу с 3 батальонами и 30 эскадронами переправиться через Молдаву, чтобы атаковать австрийцев и во время их отступления [3].

Это предприятие не увенчалось успехом, ибо нехватило понтонов для переправы, но сам Фридрих придавал ему так мало значения, что в своих мемуарах он даже вовсе и не упоминает об этом отданном им распоряжении. Так как предполагаемый путь отступления был удален от Молдавы еще на целую милю, то Мориц, вероятно, и не мог бы произвести со своими 4 000 человек какого-либо решающего действия. Во всяком случае такое распоряжение Фридриха показывает, насколько он стремился усилить до высшей меры результаты ожидаемой победы; этим он приближается к стратегии сокрушения. Однако, вся картина боя изменилась, так как фронт австрийцев оказался неуязвимым с севера, и пруссаки продвинулись мимо него, дабы атаковать их с востока.

---

[1] Это прекрасно доказал уже и Кеммерер (Caemmerer, Friedrichs des Grossen Feldzugsplan für das Jahr 1757) (1883), который, впрочем, оспаривает мою точку зрения.

[2] Фаэтон, мифический сын Солнца, получил от отца разрешение в течение одного дня править колесницей, в которой Солнце совершало свой путь по небу; по своей неопытности он чуть не сжег вселенную, и разъяренный Юпитер, поразив его молнией, низвергнул его в р. Эридан. Фаэтон, таким образом, является легендарным типом самонадеянного человека, берущегося за задачу, которая свыше его сил. — *Ред.*

[3] Jany, Urkundliche Beiträge u. Forschungen zur Geschichte des preussischen Heeres. Издание Большого генерального штаба, вып. 3 (1901 г.), стр. 35.

Сообразно с этим, австрийцы заняли новый фронт и, таким образом, стали тылом к городу и, в конце концов, были в него отброшены. Лишь на следующий день пруссаки это заметили, к великому своему удивлению, и только тогда они поняли, какого огромного успеха они достигли своей победой. Тут только и возникла мысль взять в плен всю австрийскую армию посредством голодной блокады. Тем не менее король остается в рамках стратегии измора, ибо, даже в случае удачи, он не замышляет итти на Вену, добиться мира и обратиться со всеми силами против французов, но исходит из предположения, что войну против Австрии придется вести дальше, и намеревается отрядить против французов только 30 000 человек.

Схема 33. Сражение при Праге 6 мая 1757 г.

Но вся кажущаяся огромной удача окружения неприятельской армии, на самом деле, как выражается Клаузевиц, была лишь коварной ловушкой судьбы. Сам Фридрих в позднейшей записке объяснял всю неудачу своего плана кампании тем, «что победа под Прагой, одержанная исключительно усилиями войска, отбросила всю армию принца Карла в Прагу, что сделало осаду города невозможною». Поэтому только при полном непонимании образа мышления Фридриха можно полагать, что он с самого начала намечал такое окружение и с этой именно целью оставил на западной стороне города корпус Кейта. Подлинное и первоначальное задание этого корпуса, напротив, вполне согласовалось с принципами короля и преследовало ту самую цель, какая побудила некогда короля остаться во время сражения при Кессельдорфе на северной стороне Эльбы. Подобно тому как он тогда хотел прикрывать дороги и сообщения с Берлином и Силезией, так теперь Кейт должен был прикрывать сообщения с Саксонией, а раз он уже стоял на том берегу, то ему и было поручено воспрепятствовать отходу австрийцев в этом направлении

и отрядить принца Морица через Молдаву на предполагаемый путь отступления австрийцев [1].

Следовательно, кампания не была проведена согласно заранее составленному плану. Основная идея, что Шверин должен маневрированием вытеснить Броуна из его позиции на р. Эгер, угрожая его флангу, оказалась даже невыполнимой. Тем не менее, в конечном счете, успех был достигнут благодаря достоинствам плана и искусной стратегии, а не благодаря одной счастливой случайности. Смелое продвижение вперед и внезапность его оказались настолько действительными, что моральные силы неприятельских вождей не выдержали, и дорога пруссакам была открыта без сопротивления. Довольно непоследовательно австрийцы остановились затем под Прагой и опять предоставили противнику столь желанный случай нанести удар.

Логическая последовательность мышления оградила Фридриха от всей той фантастики в его планах, какую ему стараются навязать новейшие критики. Если он, в конечном счете, и попытался ухватить недостижимое и при этом потерпел кораблекрушение, то потомство не поставило ему этого в укор, ибо сказано: «я люблю того, кто жаждет невозможного». Как мог бы он быть тем героем, который всегда бросал вызов судьбе и никогда не клонил головы под ударами несчастья, если бы он отверг из осторожности тот неоцененный дар, который судьба с улыбкой ему подносила?

Но ведь и сражение при Коллине он дал не для того, чтобы «обескуражить осажденных в Праге», и не потому, что он принципиально искал сражения, но потому, что Даун так близко к нему придвинулся, что он уже не мог одновременно прикрывать и осаду, и расположенные по дороге в Силезию магазины (в Брандейсе и Нимбурге). Коренное различие между стратегией Фридриха и другой проявляется в том факте, что король, еще выступая из-под Праги против Дауна, желал и проектировал не атаковать австрийцев, а оттеснить их при помощи маневрирования. Фридрих, согласно одной очень удачной формулировке Отто Германа, почитал необходимым извиняться по поводу предпринятого им под Коллином наступления; всякий другой полководец должен был бы извиняться, если бы он этого не сделал. Не имея возможностей обойтись без своих магазинов, король не мог, как того хотели бы Наполеон и Клаузевиц, подпустить к себе Дауна еще ближе, дабы получить для сражения подкрепления от осаждавшей Прагу армии. У него не оставалось иного исхода, как атаковать Дауна на занятой им позиции или снять блокаду Праги; находясь в столь тяжелом положении, Фридрих и решился на крайнюю меру и атаковал Дауна.

Впрочем, сражение под Коллином было проиграно не в результате той или иной отдельной ошибки, а потому, что оно вообще не могло быть выиграно, как мы видим теперь, имея возможность обозреть положение вещей в целом. Даун располагал 54 000 человек против 33 000; австрийцы занимали столь выгодную позицию, что не только было трудно к ней подступиться, но из нее можно было издалека наблюдать за всяким движением наступающего. Под

[1] Противоположное толкование главным образом защищает Alb. Nandé, аргументы которого я подробно опроверг в «Preussische Jahrbücher», т. 73, стр. 151, т. 74, стр. 570 (1898 г.). Ср. по этому поводу статью Густава Ролоффа (Gustaw Roloff, «Deutsche Heereszeitung» № 42 и 53), 1894 г.

Соором Фридрих разбил значительно превосходные силы (22 000 против 39 000), позднее это удалось ему под Лёйтеном (40 000 против 60 000); но у Соора атака пруссаков и вообще и в частности на том участке, где она была произведена, явилась совершенно неожиданной, и австрийское командование не приняло своевременных контрмер. Оно имело возможность это сделать под Коллином и не упустило ее, хотя и осуществило контрмеры только в последнюю минуту; таким образом, поражение пруссаков было неизбежно, а само представление Фридриха, что у него-де только нехватило четырех батальонов, чтобы одержать победу, надо рассматривать как самообман и отвергнуть [1].

Схема 34. Сражение при Росбахе.

После того как пруссаки очистили Богемию, Фридрих вернулся к своей первоначальной идее, сложившейся у него еще зимою,— атаковать противников только тогда, когда они к нему приблизятся. Не может подлежать никакому сомнению, что он лучше выдержал бы эту тяжелую войну, если бы с самого начала придерживался этого принципа, ибо успех его стратегического наступления был утрачен, а потери, понесенные под Прагой и Коллином, если не количественно, то качественно были незаменимы. Следовательно, современная критика со своим обвинительным приговором первоначальному проекту и восторгом по отношению фактически осуществленного плана как будто совершенно не права... Однако, дело не так просто, как оно кажется на первый взгляд. Правда, совершенно ошибочно квалифицировать первый проект как «малодушный». Ведь, в конце концов, и этот проект упирается в мысль о тактиче-

---

[1] Выяснение всех этих обстоятельств составляет заслугу Дитриха Гослиха (Ditrich Goslich, Die Schlacht bei Kollin. Берлинская диссертация, 1911 г.). Ср. рецензию на нее в «Deutsche Literarische Zeitung» от 1 мая 1915 г., № 18; далее «Jahrbücher für Armee u. Marine», март 1912 г., стр. 336. Если рецензент Яни с насмешкой относится к заботе Фридриха о своих магазинах, называя ее «страх перед потерей мешков с мукой», которая-де не может быть поставлена на одну доску с потерей сражения, то он недооценивает одну из основных черт прусского военного устройства и стратегии Фридриха Великого.

Для Наполеона предложение — не давать сражения при Коллине, а подпустить Дауна еще ближе, было совершенно просто и естественно. Крайне характерно для Фридриха, что он с самого начала отверг эту идею в заботе о снабжении своей армии. Эта мысль прекрасно развита у Гослиха и осталась совершенно непонятою Яни.

С тех пор появилось австрийское описание сражения фон-Гёна (v. Hoen, Вена, 1914 г.), подтверждающее выводы, сделанные Гослихом, и добавляющее к ним много новых интересных данных. Превосходно ориентирующую критическую статью об этом труде дал Отто Герман в «Brandenburg-preussische Forschungen», т. XVI, стр. 145 (1913 г.).

ском наступлении, и стратегическое наступление, как мы видели, было лишь обострением уже имевшейся налицо идеи. Если материальный успех вторжения в Богемию и был утрачен, то все же сохранились неоценимые моральные выгоды — чрезвычайное уважение, священный трепет неприятельского командования пред теми решениями, которых можно было ожидать от прусского короля. Само поражение под Коллином также не подорвало престижа Фридриха, даже в глазах его победителя, фельдмаршала Дауна. В действительности Фридрих только вырос под влиянием этого поражения: вме-

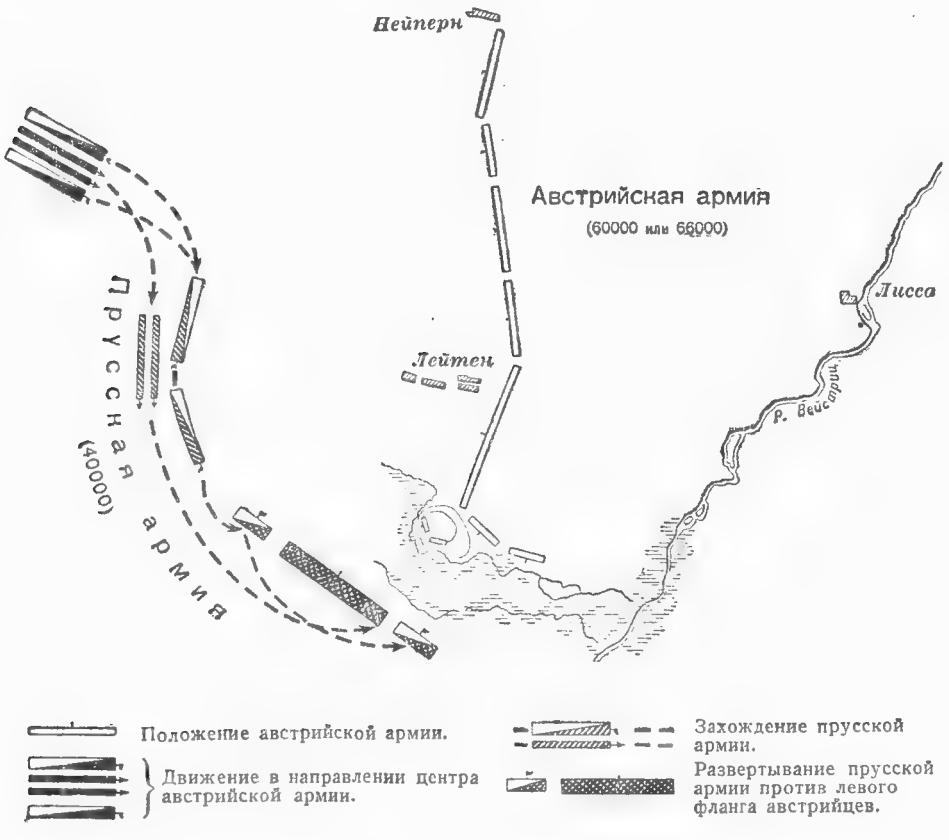


Схема 35. Сражение у Лёйтена 1757 г.

сто того чтобы притти в уныние от неудачи, он только укрепился в мысли, что одного маневрирования недостаточно и что ему надо стараться одолеть своих врагов в сражениях.

Поэтому он двинулся прямо на французов и нанес им поражение при Росбахе, недалеко от Заалы, а затем — на австрийцев и разбил их под Лёйтеном в Нижней Силезии. Под Росбахом ему удалось нанести удар вдвое бо́льшим силам, когда после долгих и тщетных стараний Фридриха найти удобный случай для атаки Субиз и Гильбурггаузен, наконец, решились сами перейти в наступление. Едва только они приступили к обходу прусской армии, как пруссаки, внезапно снявшись с своего бивака, ударили по находившемуся на фланговом марше неприятелю. Прежде чем французы и имперские войска смогли правильно развернуться, они уже были опрокинуты.

Под Лёйтеном (40 000 пруссаков против 60 000 или 66 000 австрийцев) пруссакам удалось пробраться если не во фланг, то все же к левому флангу уже совершенно развернувшихся австрийцев. Фридрих построил свою армию в четыре линии в глубину; следовательно, он имел очень короткий фронт, в то время как австрийское построение, для того чтобы иметь опорные пункты и справа и слева, растянулось на целую милю в длину. Таким образом, на участке атаки численный перевес был у пруссаков, и они разбили левое крыло австрийцев, раньше чем правое успело подойти к месту боя. Австрийцев загубила

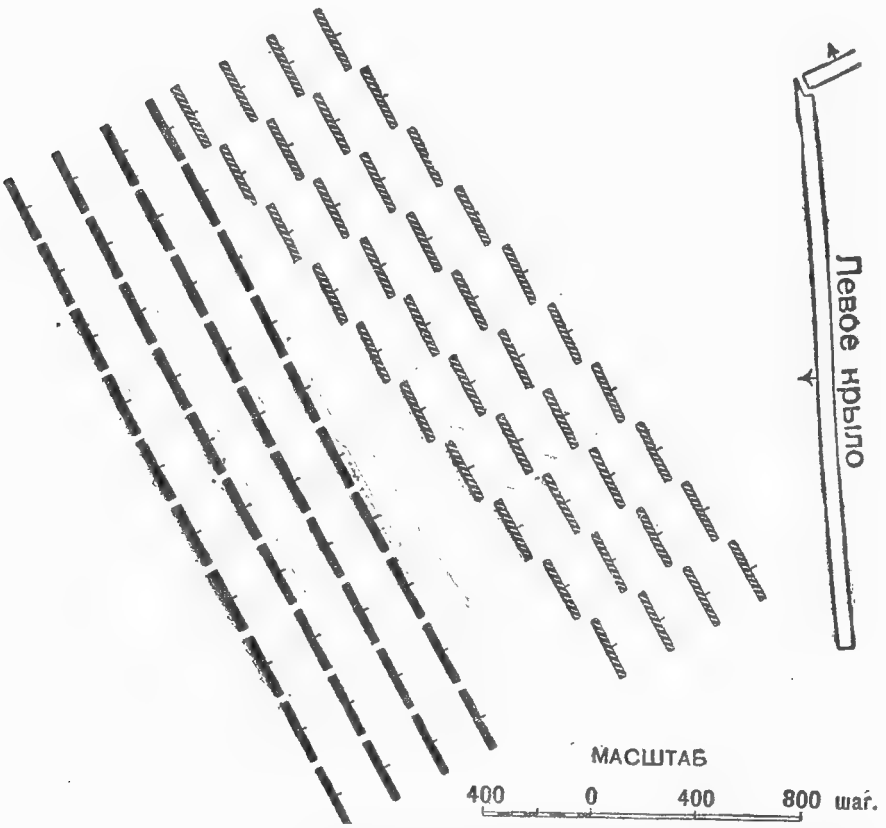


Схема 36. Косой боевой порядок и наступление уступами справа в сражении при Лёйтене.

идея обороны. Пока король был занят французами, они разбили под Бреславлем герцога Бевернского, захватили этот укрепленный город и овладели крепостью Швейдниц. Тут, вместо того чтобы, при превосходстве их сил, продолжать войну и зимою и довести дело до решительного конца, они собрались итти на зимние квартиры, а когда король приблизился, им показалось достаточным преградить ему дорогу, заняв подходящую оборонительную позицию. Что он отважится их атаковать на этой позиции (5 декабря), им не приходило даже в голову; они предполагали, что он отойдет, и были бы довольны таким результатом [1].

[1] Gerber, Die Schlacht bei Leuten (Берлин, 1901 г.). Автор дает правильное толкование. Труд Генерального штаба часто судит неверно.

Таким образом, обстановка имеет известное сходство с той, которая сложилась перед сражением у Соора. И там австрийцы рассчитывали достигнуть успеха одним лишь развертыванием своих войск и думали либо совсем обойтись без боя, либо вступить в него позднее. Это-то и дало более решительному противнику возможность овладеть тактическим преимуществом фланговой атаки и тем уравновесить преимущество численного превосходства противника и даже обратить это преимущество противника в его ущерб. Решимость победила инертность. Если бы австрийцы ударили под Лёйтеном на пруссаков, в то время как последние выполняли свое фланговое движение, подобно тому как Фридрих ударил на французов под Росбахом, то едва ли, при их численном превосходстве, победа ускользнула бы из их рук. Теоретически они это понимали. Еще весной 1757 г. император Франц преподал главнокомандующему, своему брату Карлу, перед его отправлением в армию этот совет[1]. Но у исполнителя нехватило решимости. И под Прагой австрийцы предоставили пруссакам возможность выполнить свое фланговое движение, не ударив на них в это время. Упустили они подобный же случай под Коллином; но там маневр пруссаков все-таки не удался, так как австрийцы во-время заметили их фланговый марш и смогли, при своем значительном численном превосходстве, противопоставить ему удлинение своего фронта.

Опять-таки решающим моментом под Лёйтеном оказалось управление, но прусская дисциплина предоставляла в его распоряжение соответственное орудие — воинские части, их порядок, проворство, тактическую сноровку, обеспечивавшие точное и четкое выполнение каждого приказа. Королю Фридриху оказалось возможным двинуться сперва в направлении неприятельского центра четырьмя колоннами, построенными одна подле другой, и, лишь когда он уже подошел совершенно близко, решать — направиться ли ему против левого или против правого неприятельского крыла. Затем захождение и развертывание последовали с такой быстротой, что австрийцы были атакованы раньше, чем они успели хорошенько отдать себе отчет в создавшемся положении.

Мы повторяем и подчеркиваем, что Фридриха от его противников отличала не теория, а одно лишь выполнение. Насколько у противников Фридриха не было недостатка в теоретическом понимании ценности выигранного сражения, показывает и русская стратегия этого года.

«Конференция»[2] в Петербурге преподала Апраксину инструкцию следующего содержания: «Мы ни во что не ставим занятие не только Пруссии, но и других, более отдаленных областей, если только удастся Левальду уйти из нее (из Восточной Пруссии) и соединиться с королем». Следовательно, задача Апраксина — разбить Левальда. Согласно этому, иррегулярным русским войскам, под начальством генерала Сибильского, было поручено обходить и задерживать пруссаков, пока не подойдет армия и не сможет их разбить[3].

---

[1] Arneth, V, 172.

[2] Род высшего военного совета. — *Ред.*

[3] Масловский, Семилетняя война (Maslowsky, Der Siebenjährige Krieg nach Russischer Darstellung (стр. 175, 180).

1758 ГОД (ОЛЬМЮЦ)

К кампании 1758 г. Фридрих приступил с совершенно такой же основной идеей, как и к кампании предыдущего года. Тогда он вторгся в Богемию для того, чтобы нанести австрийцам возможно более тяжелый удар, раньше чем появятся французы. Со стороны последних ему теперь непосредственно уже ничто не угрожало. Ободренные Росбахом, англичане теперь выставили армию в Германии, и можно было ожидать, что она будет парализовать действия французов. Зато русские в последнее время подошли на угрожающе близкое расстояние. Пока прусские войска занимались шведами, русские заняли в течение зимы без всякого сопротивления Восточную Пруссию, и надо было предполагать, что к середине лета они появятся где-нибудь на Одере. Поэтому идея Фридриха заключалась в том, чтобы каким-нибудь образом удержать австрийцев на таком расстоянии, чтобы они не могли соединиться с русскими, и он сохранил бы достаточный простор, для того чтобы, как только последние покажутся на лишенной укрытий равнине в досягаемой близости от него, их разбить, при невозможности для австрийцев притти им на помощь.

Снова, по примеру прошлого года, вторгнуться в Богемию было невозможно. В данное время главные силы пруссаков находились в Силезии, чтобы прежде всего снова отнять у неприятеля последний кусок его прошлогодней добычи — крепость Швейдниц. Непосредственно перед прусскими главными силами, сейчас же позади горных проходов Скалица, стояли австрийцы, занимая крепкую, заранее подготовленную позицию. Если бы Фридрих захотел перейти в Лузацию или даже в Саксонию, австрийцы заметили бы это и снова загородили бы ему дорогу, заняв хорошую позицию. Тогда Фридриху и пришла мысль двинуться, вместо Богемии, через Верхнюю Силезию в Моравию и осадить Ольмюц. Неоднократно король развивал ту мысль, что в войне с Австрией для него выгоднее вторгнуться в Моравию, чем в Богемию [1]. Но к кампании 1758 г. все эти соображения никакого отношения не имеют; менее всего можно приписать Фридриху желание пойти со своей слабой армией на Вену. Вместо 150 000 человек, которыми он располагал в предыдущем году, его полевая армия насчитывала теперь лишь 120 000 [2]. Наоборот, как

---

[1] Соображения, которые Фридрих выдвигает в своих «Генеральных принципах» («General-Prinzipien»), что для него, в общем, выгоднее наступать в Моравию, чем в Богемию, исходят из предпосылки, что Саксония не находится в его руках. Это прекрасно разъяснено в исследовании Отто Германа в «Jahrbücher für Armee und Marine», выпуск 121. Также и труд Генерального штаба в томе, посвященном 1759 г., отказался от мысли, которую он проводил в первых томах. Аргументы, приводимые в этом томе, прекрасно дополняет статья О. Германа, помещенная в «Historische Vierteljahr-Schrift» за 1912 г., вып. 1. Позднее король признал вторжение в Моравию особенно для себя выгодным, при условии, что он овладеет Саксонией. Принципиального значения, конечно, такие соображения не имеют; они представляют географический и топографический анализ, каковой всякая стратегия во все времена производила и должна производить. В частности, мысль, что из Моравии можно серьезнее угрожать Вене, чем из Богемии, не является соображением стратегии сокрушения, а скорее — стратегии измора, ибо первая задается целью не угрожать неприятельской столице, а ее взять.

[2] Когда Фридрих стоял в Моравии, он там имел 55 000 человек, в Силезии — около 17 000, в Саксонии — 22 000, под командой графа Дона — 22 000 и сверх того несколько тысяч больных. Следовательно, обычное указание, будто он был почти так же силен, как и в 1757 г., — неверно.

в прошлом году, если бы ему удалось взять Прагу, он пытался бы овладеть Северной Моравией, — так и теперь ему представлялось, что стоит только ему взять Ольмюц и оттянуть этим главные силы австрийцев из Богемии, как его брату Генриху, стоявшему в Саксонии во главе 22 000 человек, может быть, удастся овладеть Прагой.

Следовательно, как в том, так и в другом году стратегическая идея заключалась не в операции, направленной против неприятельской столицы, а в оккупации ближайших к прусской границе районов и крепостей. Теперь Богемия была слишком хорошо защищена. Поэтому пруссаки вторглись в такую австрийскую провинцию, границы которой были почти беззащитны, и где они вначале не встретили вовсе неприятеля; последнему предоставлялось, таким образом, на выбор — либо подойти и атаковать, либо иным путем выявить свое отношение к сражению. Решающим в данном случае был не географический момент выбора между Богемией и Моравией, а момент внезапности. Вторжение Фридриха в Моравию являлось маневром, который заставлял противника покинуть свою прекрасно выбранную позицию у Скалица; Фридрих рассчитывал, что ему представится случай — либо добиться сражения при выгодных для него условиях, либо и без него, взятием Ольмюца, сковать (amuser) австрийцев на то время, пока он сам с главными своими силами не успеет обратиться против русских и их разбить.

В 1757 г. Прага была только блокирована, но не осаждена, так как крупные силы, находившиеся в городе, делали невозможным открытие траншейных работ; что же касается Ольмюца, то Фридрих рассчитывал овладеть им формальной осадой.

Этот план представлялся совершенно аналогичным прошлогоднему и лишь с глубокой продуманностью приспособлен к изменившимся обстоятельствам; в соответствии с этим он, аналогично прошлогоднему плану, потерпел в конечном результате такое же крушение, только в несколько измененных обстоятельствами формах.

Так же, как и в прошлом году, первый акт — акт внезапности — увенчался успехом. Как у пруссаков, так и у австрийцев было много забот, чтобы исправить ущерб, нанесенный их армии сражением при Лёйтене. Обе армии не успели еще закончить своих вооружений, когда Фридрих, овладев Швейдницем, внезапно выступил оттуда (19 апреля) и 4 мая появился перед Ольмюцем, не встретив на пути ни малейшего сопротивления. Но, чтобы достигнуть такой внезапности, прусская армия должна была отказаться от того, чтобы сразу захватить с собой тяжелый осадный парк, и даже не успела его полностью подготовить. Лишь по прошествии двух недель с лишком (22 мая), когда Фуке подвез тяжелые орудия и снаряды, можно было приступить к осаде, а тем временем армия оставалась совершенно праздной, ибо Даун, далекий от мысли броситься в бой для спасения Ольмюца, продвинулся из лагеря у Скалица только до границы Моравии и там занял (5 мая) сильную позицию под Лейтомышлем. Хотя от Ольмюца до Лейтомышля всего лишь 10 миль, — следовательно, только 2—3 перехода от первоначального расположения Фридриха, — однако, король и не помышлял, да и не мог двинуться на Лейтомышль, чтобы там атаковать и разбить австрийцев, что́ для современной армии являлось бы естественным и даже обязательным. Позиция Дауна для прусской тактики была, повидимому, очень трудно

уязвима, и к тому же Даун имел полную возможность, если бы позиция показалась ему недостаточно надежной, отступить и тем отвлечь пруссаков от их первоначальной цели — Ольмюца, где они должны были дожидаться прибытия своего осадного парка.

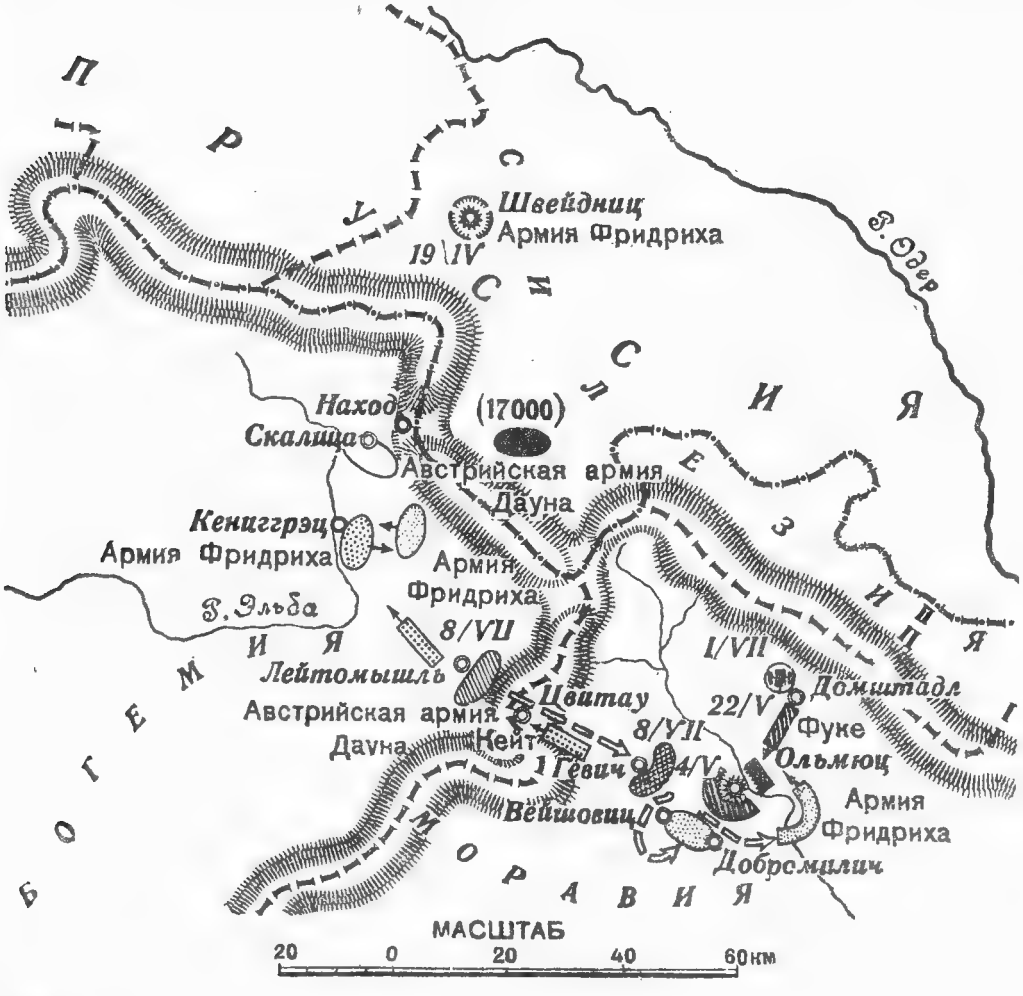
Таким образом, Фридрих был вынужден попытаться довести осаду до конца, хотя совсем под боком у него стояла неразбитая неприятельская армия.

Это предприятие потерпело неудачу. Утверждают, что при закладке осадных работ были допущены некоторые ошибки. Очень возможно, что так и было, но слишком большого значения этому придавать не следует. Ведь не бывает ни одного крупного военного действия, при котором не случались бы подобные трения. Решающим моментом являлась австрийская армия. Фридрих не имел возможности сразу захватить с собою необходимые для проведения осады запасы продовольствия и снарядов. Темпельгоф сделал подсчет, согласно которому только для одного осадного парка с запасом снарядов, необходимым для поддержания огня в течение 30 дней, потребовалось бы 26 580 лошадей. К этому надо еще добавить конский состав, потребный для доставки продовольствия. Собрать такую массу лошадей не было никакой возможности, и подвоз должен был производиться последовательно; а австрийская армия стояла совсем близко, и ее отряды со всех сторон кишели около пруссаков.

Фридрих сам пришел к заключению, что снять осаду (1 июля) его принудил захват австрийцами у Домштадля, в 3 милях севернее Ольмюца, большого транспорта с продовольствием и снарядами. В действительности же фельдмаршалу Дауну в то время уже удалось проделать другой маневр, о котором король еще ничего не знал, но который должен был воспрепятствовать взятию Ольмюца, даже если бы этот большой транспорт и прибыл благополучно. Дело в том, что, как только началась действительная осада, Даун, смирно просидев 17 дней у Лейтомышля, продвинулся ближе и расположился на расстоянии одного перехода от Ольмюца — сперва восточнее у Гевича, затем южнее у Добромилича и Вейшовица — на тщательно выбранных позициях, которых король не мог бы атаковать своими слабыми силами. В тот же день, когда прусский транспорт был уничтожен под Домштадлем, Даун, совершенно неожиданно для короля, ночным форсированным маршем (больше 6 миль в 4 часа) овладел левым, восточным берегом Марха — реки, на которой стоит город Ольмюц. На этом берегу крепость с самого начала была лишь слабо обложена пруссаками; в момент, когда появилась австрийская армия, пруссаки были принуждены совершенно очистить этот берег реки, и они даже сломали позади себя мосты [1]. Даун стоял перед крепостью и в каждое мгновенье мог настолько усилить ее гарнизон, что штурм был бы совершенно невозможен. Но Фридрих, не зная об этом, уже отдал приказ об отступлении и начал отходить вследствие несчастья с транспортом под Домштадлем.

Согласно современным стратегическим воззрениям, ничто как будто не мешало Фридриху переправиться со всеми своими силами в каком-нибудь месте через Марх и атаковать Дауна. Ведь где-нибудь

[1] Труд Генерального штаба два раз говорит об этом отступлении. На стр. 92 пруссаки отступают при приближении Дауна; на стр. 166 их отзывают потому, что король решил снять осаду.



Группировка к началу кампании.

Положение до 19 апреля (осада Швейдница).

Положение в первых числах мая.

Прибывший к прусской армии Фуке с тяжелой артиллерией.

Положение Дауна в июне.

Захват австрийцами прусского транспорта.

Положение Дауна 1 июня.

Положение армии Фридриха 8 июня.

Положение во второй половине июля.

Схема 37. 1758 год.

он мог бы его настигнуть на такой позиции, где ему было бы возможно двинуть в атаку свои батальоны и эскадроны. Но мы не встречаем указаний на то, чтобы такая мысль даже приходила в голову Фридриху. Выгода, какую при создавшемся положении могла ему принести победа, уже не находилась в соответствии ни с опасностью поражения, ни с размером потерь, которых при этом надо было ожидать. Ибо после утраты большого транспорта, даже в случае победы, нечего было и думать ни об осаде, ни вообще о продолжении кампании в Моравии.

Таким образом, надо отдать справедливость Дауну, что он почти без кровопролития, одним искусством своих маршей и выбором позиций нанес поражение Фридриху.

Он не предоставил прусскому королю ни удобного случая дать сражение, ни возможности продолжать осаду.

Но эти-то самые свойства — это искусство осторожного маневрирования,— при помощи которых австриец одолел прусского короля, помешали ему извлечь теперь из своей победы все те выгоды, какие судьба ему словно протягивала щедрой рукой.

Фридрих направил свое отступление через Богемию на Кенигтрец. Он и не подозревал, на каком близком от него расстоянии уже находился Даун на другом берегу Марха, и рискнул разделить свою армию на две части, с тем чтобы самому итти с одной частью впереди, дабы отбрасывать могущие встретиться австрийские отряды и расчищать дорогу фельдмаршалу Кейту, руководившему осадой и следовавшему теперь с огромным обозом.

Теперь, когда мы можем обозреть обстановку в целом, представляется почти необъяснимым, как это Даун мог упустить подобный случай и не обрушился всеми своими силами на этот прусский корпус, который за 7 дней прошел лишь 8 миль (расстояние по прямой линии до Цвитау) и для которого мелкие австрийские отряды являлись серьезной угрозой. В этом случае нельзя себе представить, как бы могли пруссаки избежать тяжелого поражения. Король опередил Кейта на целый переход и не мог бы притти ему на помощь.

Как велик был страх у пруссаков перед возможностью удара австрийцев в тыл, свидетельствует ходивший в прусской армии рассказ: комендант Ольмюца, генерал Маршал, когда ему предложили преследовать отступающих, будто бы сказал: «Они уже достаточно натерпелись несчастий; пусть себе уходят с миром»[1].

Но война — дело риска, а Даун как раз стремился к искусству — выигрывать, не рискуя. Только что это искусство доставило ему блестящий успех. Ведь и в предыдущем году, имея огромное превосходство сил, он не рискнул бы для снятия осады с Праги атаковать пруссаков, но лишь так близко к ним пододвинулся, что отрезал им подвоз продовольствия и тем соблазнил их его атаковать и навлечь на себя жестокое поражение под Коллином. На этот раз дело обошлось совершенно без сражения. Неужели же ему снова все ставить на карту, рискуя тем, что пруссаки, своевременно предуведомленные, пойдут к нему навстречу соединенными силами или что король, от которого ведь можно было всего ожидать, как только заметит, что австрийцы продвигаются вперед, повернет назад и, с своей стороны, перейдет в наступление, раньше чем будет найдена столь

[1] Retzow, I, 293.

желанная прекрасная позиция? Ведь Даун не знал вполне точно, с какой — не то смелостью, не то легкомыслием — прусский король разделил свои войска. Ученику современной стратегии поведение Дауна кажется поведением старого колпака: если бы он хоть сколько-нибудь обладал качествами великого полководца, то ведь и по принципам тогдашней стратегии он должен был бы понять, что настала, наконец, минута, когда нужно отважиться на нечто большое, когда, пожалуй, надо пойти ва-банк, чтобы нанести решительное поражение пруссакам. Но ведь в этом и заключается — что мы уже неоднократно повторяли — сущность двухполюсной стратегии, которая, в зависимости от условий момента, требует то маневрирования и осторожности, то сражения и отваги. Только действительно великий человек в состоянии внезапно переходить от одного принципа к другому, и горе Дауну, если бы, не владея в одинаковой мере обоими принципами, он пошел напролом односторонне. Здесь, при отступлении пруссаков из-под Ольмюца, это привело бы его к блестящей победе, но четырьмя или шестью неделями ранее он, вопреки своей испытанной осторожности, перешел бы для спасения Ольмюца в наступление против пруссаков, — другими словами, он сделал бы как раз то, чего желал Фридрих, и, по всей вероятности, накликал бы на себя поражение. Чтобы правильно судить о полководце, нельзя рассматривать то или другое его действие изолированным, но надо взглянуть, как отражается характер каждого на всей последовательной совокупности явлений, и ставить ему в плюс его качества, которые в одном случае сказались отрицательно, в другом же — дали желательные результаты.

Так как австрийцы не преследовали пруссаков, то последние прибыли беспрепятственно в Кениггрец, и — странное совпадение — пруссаки расположились приблизительно на той же позиции, которую три месяца перед тем занимали австрийцы. Теперь, отправив свои обозы через горы в Силезию, Фридрих охотно втянул бы Дауна в сражение, но австрийцы все время устраивались на позициях, на атаку которых Фридрих не мог отважиться. Мария Терезия писала своему фельдмаршалу, что он теперь может рискнуть вступить в сражение, хотя бы с опасностью поражения, ибо пруссаки теперь обратятся против русских и надо попытаться их перед этим ослабить. Изумительные, в своем роде, слова: Мария Терезия готова понести, может быть, очень большой урон, лишь бы нанести некоторый ущерб своему противнику и тем облегчить задачу союзнику! Казалось, тут можно было бы ожидать столкновения, так как и Фридрих желал сражения и готов был рисковать серьезными потерями, чтобы иметь возможность снять с австрийского фронта возможно больше войск и повести их против русских. Но писать героические письма из Вены легче, чем принимать перед лицом неприятеля героические решения, и недаром императрица прославляла Дауна, как Фабия, который промедлением спасает отечество, и приказала отчеканить на медали в его честь: «Cunctando vincere perge» («Продолжай побеждать промедлением»). Правда, получив письмо своей повелительницы, Даун поспешил вперед и осмотрел позицию пруссаков, но нашел ее слишком крепкою, а самому выйти в открытое поле и вызвать на бой пруссаков он не счел за благо. Точно так же и Фридриху случай не казался достаточно благоприятным, и, после того как обе армии проманеврировали одна вокруг другой еще в течение четырех недель

между Кениггрецем и Находом, Фридрих отступил и покинул Богемию, чтобы обратиться против русских.

Когда под Кениггрецем стало туго с продовольствием (австрийцы при приближении пруссаков сожгли остатки своих запасов в магазине у Лейтомышля), король приказал самим солдатам приступить к уборке хлебов, обмолачивать и веять зерно и сдавать его в хлебопекарни. Каждый полк должен был поставлять известное количество мер [1].

Эта богемско-моравская кампания закончилась для Фридриха несомненным стратегическим поражением, и его собственные офицеры, — пишет Архенгольц, — все Ольмюцское предприятие расценивали как ошибку. Не правильнее ли поступил бы Фридрих, если бы спокойно оставался с главными своими силами в Лузации или Нижней Силезии и выждал бы, пока либо австрийцы, либо русские не приблизятся к нему на открытую местность достаточно близко, чтобы он мог расправиться с ними? Не так ли он намечал себе первоначальный план действий весной 1757 г.?

Раз кампания закончилась неудачно, то нетрудно было и раньше и теперь задним числом заявлять, что лучше, мол, было бы ее вовсе не предпринимать. Хотя бесполезные затраты и понесенные потери и не были уже так значительны [2], а моральный ущерб, понесенный пруссаками снятием осады с Ольмюца, был уравновешен впечатлением от столь блестяще проведенного отступления, но все же можно было бы обойтись без всяких потерь при оборонительном образе действий, и Фридрих располагал бы несколько бо́льшими силами под Цорндорфом. Поэтому правы те, кто говорит, что лучше было бы, если бы Фридрих не предпринимал Моравской экспедиции.

Таковы объективные соображения; но стратегия никогда не может быть разгадана объективными расчетами. Субъективность полководца имеет свои права. Мы одобрили Дауна, когда он не использовал отступления пруссаков, потому что это было именно в его духе; теперь мы должны то же самое сделать и для Фридриха, только наоборот. Фридрих не был бы Фридрихом, если бы после победы при Лёйтене он смирно просидел до июля следующего года, выжидая, не подойдет ли к нему неприятель. Во вторжении в Моравию он усмотрел шанс одержать положительный успех, а в таком случае для него было невозможно оставить этот шанс неиспользованным. В одном заключении венского Гофкригсрата [3] мы читаем, что прусский король «в конце концов заставит Дауна, какие бы позиции тот ни занимал, принять баталию своим маневрированием, в котором, как известно, он всегда превосходит нас». Должен ли был Фридрих с самого начала признать, что Даун не даст себя вовлечь в сражение и что последнему удастся отрезать осаждающим подвоз продовольствия и снарядов, несмотря на то, что Ольмюц отстоял от прусской

---

[1] Не напечатанные сведения (Ungedruckte Nachrichten, II, 367). Заслуга Бернгарди, I, 243, что он обратил внимание на это своеобразное сообщение, почерпнутое из дневника субалтерн-офицера. Но когда он добавляет — «с методом реквизиций никто толком знаком не был», то он не отдает должного изобретательности и сообразительности Фридриха и его офицеров.

[2] Рецов, стр. 294, правда, категорически заявляет, что «потери людьми, орудиями, снарядами и продовольствием были значительны», но надо, с другой стороны, принять во внимание, что Фридрих для содержания своей армии черпал много из неприятельской страны. В Богемии даже собиралась контрибуция (Ungedruckte Nachrichten, II, 367).

[3] Труд Генерального штаба, VII, 232.

границы всего на 8 миль? Ведь могло же случиться иначе, и представление о прусском короле, как о человеке, который сумеет использовать всякую возможность, это представление-то, в конце концов, и было тем моментом, который удерживал неприятеля, как бы он ни превосходил его численно, от решительного наступления на него. Как раз в это время Лаудон писал своему приятелю, что для прусского короля нет почти ничего на свете невозможного[1]. Как о Дауне мы сказали, что это тот самый Даун, который оттеснил, так удачно маневрируя, Фридриха от Ольмюца и затем не сумел использовать почти безнадежное положение короля при его отступлении из-под Ольмюца, так и Фридрих был тем самым Фридрихом, который, несмотря на ничтожные шансы, предпринял Моравскую кампанию и именно своей предприимчивостью и отвагой настолько импонировал противнику, что, когда кампания закончилась неудачей, он вышел из нее, почти не потерпев урона.

Сражение при Цорндорфе (25 августа 1758 г.) также не привело к тому решительному исходу, которого желал Фридрих. Русские удержались на своих позициях, а затем отступили вдоль прусского фронта, причем Фридрих не рискнул вновь их атаковать; правда, они очистили территорию Новой Марки, но осадили Кольберг. Того же результата король мог бы достигнуть, если бы, следуя совету генерала Рюитса, вместо того чтобы атаковать русских, овладел их обозом и запасами, которые были отделены от армии. Соответственная попытка была им предпринята после сражения. Возражая против других предложений, Фридрих сказал: «Это лучше всякой баталии», но попытка его не увенчалась успехом.

Выигрыш от Цорндорфского сражения опять-таки получился не материальный, а моральный: воля противников парализовалась постоянным страхом подвергнуться атаке.

Но когда Фридрих чересчур на это положился, то Даун, наконец, собрался с духом, внезапно напал на него в его легкомысленно выбранном лагере под Гохкирхом (14 октября 1758 г.) и нанес ему тяжелое поражение. В свою очередь Фридрих загладил это поражение, но не новым победоносным боем, а рядом быстрых, искусных маршей, которые помешали австрийцам развить и упрочить достигнутые ими успехи путем захвата крепостей в Силезии и Саксонии.

1759 ГОД

С четвертым годом войны устанавливается перемена в стратегии Фридриха, поскольку он теперь решает придерживаться принципа стратегической обороны в той форме, какую он наметил еще в 1757 г. Теперь он решил держаться в границах своих владений (включая сюда и Саксонию) и предоставить противникам приблизиться к нему. Ведь две крупные наступательные операции 1757 и 1758 гг. потерпели неудачу под Прагой и Ольмюцем; последовавшая же за ними оборона удалась. Сам он объясняет это в памятной записке, составленной им в конце 1758 г., усовершенствованием искусства обороны у австрийцев. В области обороны они сделались мастерами в отношении искусного устройства лагерей, тактики маршей и артиллерийского огня. Прислонив оба крыла к опорным пунктам, окруженные

[1] Arneth, V, 388.

и поддерживаемые бесконечным количеством пушек, они нормально располагались в три линии: первая — с пологим скатом впереди, так что огонь ее действует особенно настильно, вторая — на вершине, так укрепленная, что здесь и должен разыграться самый ожесточенный бой; на этой линии пехота перемешана с кавалерией; последняя при первых признаках колебания в рядах наступающего противника тотчас бросится вперед и врубится в его ряды; третья линия предназначена для усиления того участка, на который противник направляет свои главные силы. Фланги, как цитадель, уставлены пушками. Кавалерийские атаки, которыми еще недавно, как общее правило, начинались сражения, оказываются теперь против таких позиций и таких артиллерийских масс невыполнимыми; поэтому от пользования кавалерией при завязке боя приходится отказаться; вводить ее в бой можно лишь в последнюю, решительную минуту и для преследования.

Надежды Фридриха теперь покоились на том, что австрийцы в своем стремлении отвоевать Силезию дадут себя, наконец, увлечь на равнину и там доставят ему желанный случай к переходу в наступление. Но Даун для этого был слишком осторожен, и Фридрих, наконец, оставил его и попытался нанести русским удар в Новой Марке. Три раза возобновлял он эту попытку: под Цорндорфом (25 августа 1758 г.), под Кайем (23 июля 1759 г.) и под Кунерсдорфом (12 августа 1759 г.). Уже под Цорндорфом в 1758 г. успех оказался недостаточным; под Кайем и под Кунерсдорфом на следующий год пруссаки потерпели полное поражение.

КУНЕРСДОРФ[1]

12 августа 1759 г.

Русские стояли с Лаудоном перед воротами Франкфурта, на правом берегу Одера. Фридрих, направляясь с юга, проследовал мимо них, переправился к северу от них через Одер; но, так как с севера русских прикрывала болотистая низина, он продолжил обход и, в результате, повел на них охватывающее наступление с юго-востока.

Его атака, задуманная как чисто фланговая, оказалась на первых порах весьма действенною, и можно было подумать, что ей удастся смести весь боевой фронт русских. Однако, в конечном счете, она потерпела крушение, ибо русский фронт был настолько прикрыт и с юга несколькими прудами и ручьями, что пруссаки могли атаковать лишь на чрезвычайно узком пространстве, а главное — их кавалерия, насчитывавшая до 13 000 сабель, не могла быть использована в полной мере. Дабы не нарушить единства боевого порядка, король не захотел направить свое левое крыло в обход этих фронтальных препятствий; благодаря этому русские имели возможность притягивать к месту боя все новые и новые войска из той половины их боевого фронта, которая не была вовсе атакована. Эти-то войска, в конце концов, одержали верх над пруссаками своим численным превосходством. Клаузевиц (т. X, стр. 99) по этому поводу высказался следующим образом: «Можно сказать, что король сам попал в петлю собственной системы косого боевого порядка»; это подтверждает и труд Генерального штаба.

[1] Новейшее исследование, опирающееся на труд Генерального штаба, опубликовано Лаубертом в «Brandenburg-preussische Forschungen», XXV, 91 (1913 г.).

Под Кунерсдорфом фланговая атака получила еще более резкое выражение, чем под Лёйтеном, поскольку пруссаки полностью охватывали восточное крыло русских. Численные соотношения в обоих сражениях были приблизительно одинаковыми. Различия в обстоятельствах, которые под Лёйтеном доставили пруссакам победу, а под Кунерсдорфом поражение, заключались, во-первых, в значительной растянутости австрийского фронта под Лёйтеном, задержавшей переброску подкреплений от не подвергавшихся атаке частей фронта к атакованному крылу; во-вторых, в значительно более благоприятной для обороны местности, на которой располагались русские у Кунерсдорфа как внутри их расположения (Кугрунд), так и впереди их фронта; в-третьих, в укреплениях и засеках, которые были сооружены русскими, уже восемь дней занимавшими эту позицию; в-четвертых, в том обстоятельстве, что, благодаря преградам перед фронтом, русский центр не подвергался атаке, что и облегчило русским переброску подкреплений на атакованный фланг.

Нередко Фридриха упрекали (в особенности Наполеон), что он, готовясь к решительному сражению под Кунерсдорфом, не усилил своей армии. Труд Генерального штаба (X, 84) весьма правильно излагает причины, почему он этого не сделал, но при этом не вскрывает самого главного, а именно, что эти причины можно признать вполне достаточными лишь при предпосылке, что Фридрих действовал и должен был действовать согласно принципам стратегии измора. Если бы Фридрих мог пойти на то, чтобы временно предоставить Саксонию своей судьбе, то он еще под Кайем мог бы послать войска принца Генриха на помощь Веделю, а если бы он захотел рискнуть еще и куском Силезии, то мог бы притянуть к себе войска Фуке к Шмотзейфену и усилить на это количество войск свою армию для решительного сражения при Кунерсдорфе. И, во всяком случае, нельзя согласиться с тем, что говорится в книге Генерального штаба (стр. 85), что Фридрих якобы не мог пойти на то, чтобы Даун «с большей частью своей армии последовал за ним по пятам». Следовало бы эту фразу как раз вывернуть наизнанку. Если бы Даун последовал непосредственно за Фридрихом, ему пришлось бы покинуть свою укрепленную позицию и, наконец, предоставить Фридриху долгожданный случай атаковать его в открытом поле. Русские не могли бы помочь; ведь они еще стояли по ту сторону Одера. Тогда нам представилась бы картина, подобная той, какая создалась для Наполеона в 1815 г., когда он одной и той же армией задумал на протяжении двух дней разбить сначала пруссаков, а затем — англичан. Однако, Фридрих не рассчитывал, чтобы его войска справились с такой задачей. С той же точки зрения надо оценивать и события, предшествовавшие Цорндорфу.

СПАСЕНИЕ ПРУССИИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

Семилетнюю войну всегда рассматривают почти исключительно с точки зрения действий и стратегии короля Фридриха. Однако, можно сказать как раз наоборот, что основная проблема этой войны заключается в следующем: как могло случиться, что Фридрих выдержал поражение при Кунерсдорфе? Этот вопрос не исчерпывается ответом, будто бы его спасли неспособность и несогласия — «divine âneries» (божественно-ослиная глупость) его противников.

Столь безусловно неспособными людьми ни Салтыков, ни Даун отнюдь не были; они должны были иметь основания для своего поведения, и задача в том-то и заключается, чтобы понять эти основания.

Король Фридрих ожидал — а по нашим современным понятиям это бы само собой разумелось, — что противники, соединившись, будут его преследовать после победы, атакуют и уничтожат его армию, возьмут Берлин и тем положат конец войне. Этого требовал и Венский Гофкригсрат. Дауну было предписано, чтобы он пристально следил за разбитой армией и не выпустил ее из рук, «а со всей энергией устремился на нее и полностью ее уничтожил».

Несмотря на тяжелое поражение, понесенное пруссаками, выполнить это задание все же было не так легко и просто. В этом случае свидетельство Фридриха не является безусловно авторитетным. Хотя он, действительно, думал, что все пропало, хотел отказаться от престола и передал верховное командование генералу Финку, но из этого следует лишь, что он обладал гораздо более впечатлительным характером, чем, например, Наполеон, и субъективные впечатления оглушенного страшным ударом человека не могут служить объективным масштабом для суждения об обстановке и о мероприятиях противников.

На поле сражения под Кунерсдорфом прусская армия насчитывала около 50 000 человек, и если к вечеру этого дня у короля оставалось всего лишь 10 000 человек, то все же спаслась бóльшая часть войска, так как настоящие, действительно ощутимые потери ограничивались 19 000 человек и артиллерией. Кроме этих войск, у короля имелись еще две армии, под начальством принца Генриха и Фуке, а также рассеянные кое-где мелкие отряды, — всего около 70 000 человек. Следовательно, несмотря на понесенное им страшное поражение и тяжелые потери, у него было под ружьем еще очень сильное войско, вполне способное сражаться и маневрировать. Непосредственное преследование после сражения не имело места, и рассеявшиеся войска снова собрались в ближайшие дни в 6 милях от поля сражения у Фюрстенвальде. В этом нет ничего удивительного, так как мы знаем, что преследование во все времена было делом очень трудным, в те времена мало практиковалось и пруссаками, а русские и австрийцы сами понесли очень тяжелые потери под Кунерсдорфом[1] (17 000 человек).

Если бы по истечении некоторого времени военные действия возобновились, то пришлось бы атаковать короля на занятых им позициях за р. Шпрее, причем в тылу у себя союзники имели бы армию принца Генриха в Лузации. Несомненно, это было вполне выполнимо при значительном превосходстве сил русско-австрийских армий, но лишь при условии, чтобы главнокомандующие действовали единодушно и решительно. Такое сотрудничество в союзных армиях, как то показывает опыт, достигается с трудом: не только полководцы

---

[1] Труд Генерального штаба исчисляет объединенные силы русских и австрийцев, участвовавшие в сражении, в 79 000 человек, Козер — только в 68 000—69 000, из них 16 000 иррегулярных. По данным Генерального штаба, у Фридриха было 49 900 человек, причем сюда включаются и войска, прикрывавшие мосты и занимавшие Франкфурт — около 7 000. Указание Козера (II, 25), согласно которому при переправе через Одер насчитано было 53 121 человек, противоречит данным, помещенным на стр. 37, где значится только 49 000. Источник этой ошибки обнаружен еще Лаубертом (Schlacht bei Kunersdorf, стр. 52).

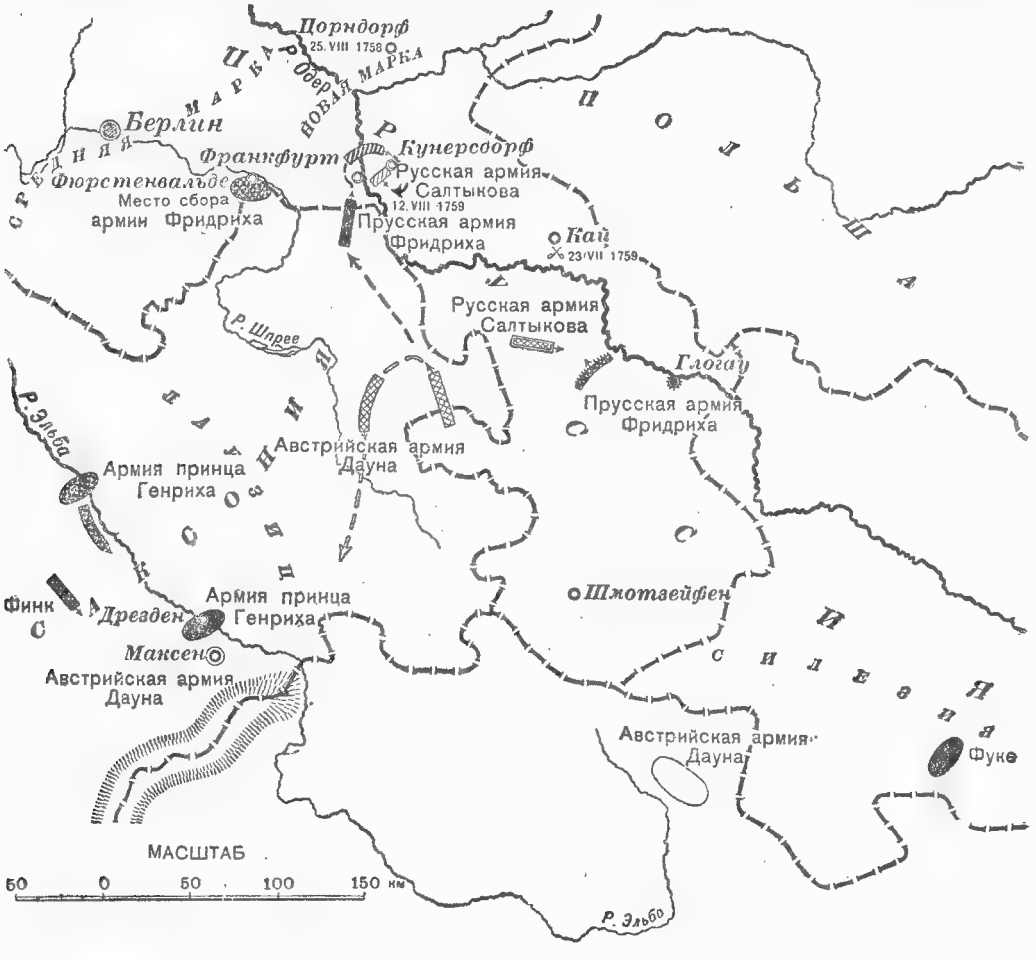
имеют разные взгляды, но за этими взглядами кроются и различные, весьма крупные интересы. Для русских война с прусским королем являлась исключительно кабинетной войной; форсировать ее ценою безграничных опасностей и потерь их не заставляла никакая истинная заинтересованность. Им не хотелось жертвовать собою ради австрийцев. А наступательное сражение против короля Фридриха всегда было сопряжено с крупным риском.

Салтыков изрек оригинальную мысль — что он якобы ничем больше рисковать не намерен (труд Генерального штаба, XI, 82) или даже — он-де больше не хочет иметь никакого дела с неприятелем (там же, X, 305). Русские были так истощены своими двумя победами при Кайе и при Кунерсдорфе, что у них уже не оставалось моральных сил на крупные действия, а без их сотрудничества австрийцы хотя и имели численный перевес, но все же были недостаточно сильны, чтобы немедленный переход к наступательным операциям им не казался крайне опасным начинанием. Даун, следовательно, только остался верен себе и своим принципам, когда сразу же отверг мысль завершить войну несколькими быстрыми, мощными ударами. Правда, неоднократно обсуждался вопрос, атаковать ли принца Генриха или короля, или же итти на Берлин, но от всех подобных дерзаний, в конце концов, отказались. Даже занятие Берлина — заявил австрийский полководец — не принесет существенной выгоды, так как в истощенной Марке нельзя будет расположиться на зимние квартиры. Таким образом, оба полководца сошлись на том, чтобы сперва подождать, пока имперская армия займет очищенную пруссаками Саксонию и возьмет Дрезден (что и удалось выполнить), и пожать плоды великой победы, расположившись на зимних квартирах в Силезии.

Идея использовать победу под Кунерсдорфом до полного сокрушения Пруссии представляет известный параллелизм с идеей, что король Фридрих должен был бы привлечь для атаки русских армию принца Генриха. Ни та, ни другая идея не укладывались в рамки условий и мышления той эпохи. Тот, кто не ставит последнего требования Фридриху, не в праве требовать первого от Дауна. Тот и другой не совершили какой-либо бессмыслицы, но действовали в полном согласии со своими принципами, с которыми мы уже могли познакомиться. Под Кунерсдорфом потерпела поражение не прусская армия, а лишь половина ее. Если бы теперь же удалось так использовать победу, что союзники удержали бы в своих руках Саксонию и Силезию, то они этим самым уже достигли бы огромных результатов и могли бы предполагать, что следующая кампания поставит Пруссию на колени.

Этот план не удалось выполнить потому, что между союзниками не было согласия, и король Фридрих так смело и энергично использовал оставшиеся у него силы, что его противники должны были вернуться на старые зимние квартиры, которые они занимали в предыдущем году, за исключением Дрездена, который они удержали в своих руках. Современные теоретики, совершенно не понимающие сущности двухполюсной стратегии, обычно с глубоким пренебрежением говорят о маневрировании. Пусть они внимательно познакомятся с тем, как Пруссия была спасена при помощи маневрирования: один раз — после поражения при Гохкирхе и другой — после поражения при Кунерсдорфе. Когда три недели после сражения дело

действительно зашло так далеко, что австрийцы и русские решили пойти на остатки армии Фридриха и на Берлин, то принц Генрих не атаковал их с юга в тыл, но, наоборот, еще более удалился от неприятеля, направившись дальше на юг, чтобы броситься на его коммуникационную линию и захватить его магазины. Даун тотчас по-



Положение перед сражением у Кунерсдорфа.

Место переправы армии Фридриха через р. Одер.

Положение во время сражения при Кунерсдорфе.

Положение после сражения при Кунерсдорфе.

Движение Дауна к русской армии и ответное движение принца Генриха.

Движение принца Генриха к югу (в ответ на движение Дауна).

Позиция Фридриха, которую не решился атаковать Салтыков.

Схема 38. 1759 год.

вернул вспять, отказавшись от задуманного похода на Берлин, и снова русские и австрийцы разошлись, отойдя на далекое расстояние друг от друга.

Когда же должны были приступить к выполнению плана относительно Силезии, главная австрийская армия была в Саксонии. Для того чтобы оставаться в Силезии, русским необходимо было, по крайней мере, овладеть Глогау; но, раньше чем они успели появиться

перед этой крепостью, король их опередил форсированными маршами и занял такую позицию, что им понадобилось бы атаковать его и отбросить, прежде чем приступить к осаде. Несмотря на значительное превосходство своих сил (Лаудон все еще оставался с ними), русские не склонны были дать наступательное сражение, тем более что на самый план занятия Силезии они с самого начала согласились неохотно. Силезия была, по их мнению, слишком отдалена от их базы на нижнем течении Вислы и в Восточной Пруссии.

Австрийцам хотелось их сюда привлечь не столько потому, что они желали приобрести эту провинцию при заключении мира, сколько потому, что для их военных операций она, будучи наиболее близкой, представляла всего больше удобств и обеспечивала им ничем не угрожаемую коммуникационную линию. Русские же сочли совершенно неслыханным требование совершить такое большое передвижение, которое к тому же не только удаляло их от их базы, но и подвергало их опасности фланговой атаки со стороны Марки и со стороны Померании; даже Восточную Пруссию они, по их словам, могли утратить, уйдя так далеко[1]. Таким образом, Салтыков с самого начала отнесся несерьезно к предложению австрийцев осадить Глогау, и если бы Фридрих не поступил опрометчиво, послав Финка австрийцам в тыл, что закончилось его капитуляцией при Максене, то поражение при Кунерсдорфе прошло бы почти бесследно[2].

Тщательно проанализировав свою деятельность, король осенью 1759 г. поставил перед собою вопрос, не сбился ли он с правильного пути под влиянием своей склонности к решительным сражениям. Он задумался над судьбою Карла XII и записал уже цитированные нами соображения о нем, в которых говорит, что король во многих случаях мог бы побережливее относиться к человеческой крови. «Конечно, бывают положения, когда приходится давать сражение; но итти на это надо лишь тогда, когда неприятель — будь то на стоянке или на походе — проявляет небрежность или когда решительным ударом его можно принудить к миру. Впрочем, бесспорно установлено, что большинство генералов, которые легко вступают в бой, лишь потому прибегают к этому исходу, что не умеют предпринять ничего другого. Далеко не ставя им этого в заслугу, в этом скорее усматривается признак недостатка гениальности». Храбрость — ничто без ума, и, в конечном итоге, расчетливый ум одерживает победу над дерзкой отвагой.

С этого времени Фридрих уклонялся от сражений с русскими даже тогда, когда к тому представлялся чрезвычайно благоприятный случай. С тех пор он лишь настойчиво и упорно старался уловить

---

[1] У Масловского, «Семилетняя война с русской точки зрения» (Der Siebenjährige Krieg nach russischer Darstellung, перевод Драгильского), мы то и дело встречаемся с этими доводами.

[2] Клаузевиц находит, что неосторожность эта была так велика, что «ее едва можно было объяснить и тем менее — оправдать». Объяснение найдено и изложено в исследовании Людвига Моливо (Ludwig Moliwo), Марбургская диссертация, 1893 г. Оно заключается в столь характерном для того времени понятии «неприступная позиция». Король был уверен, что австрийцы собираются эвакуировать Саксонию, и не допускал мысли, чтобы они перешли в наступление. Однако, Даун заметил свое преимущество, собрался с духом, атаковал и одолел Финка подавляющим превосходством своих сил, и это ему удалось тем легче, что к войскам Финка было примешано значительное число пленных русских и насильно завербованных саксонцев.

промах австрийцев, но в последующие пять лет войны дал только одно действительно генеральное сражение — под Торгау. Перед этим, в сражении под Лигницем, инициатива исходила не от него, а от противника.

1760 ГОД. ЛИГНИЦ. ТОРГАУ

Под давлением венского правительства и по приказу своей императрицы Даун теперь действительно решил взяться за прусскую армию. Австрийцы вступили в Нижнюю Силезию с одной стороны, русские — с другой; их разделял только Одер.

У Фридриха имелось уже только 30 000 человек, у австрийцев — 90 000; 74 000 русских сдерживал своими 37 000 человек принц Генрих. Фридрих считал себя уже слишком слабым, чтобы дать сражение; он хотел ограничиться одним маневрированием, прикрывая Бреславль и Швейдниц от осады, чтобы таким образом протянуть время до конца лета. Наступательный план австрийцев принес ему избавление. Подгоняемый из Вены Даун составил план не только наступательного сражения, но и сражения на полное уничтожение неприятеля.

Австрийские корпуса должны были двинуться одновременно с трех сторон, ночным переходом окружить армию короля и ее раздавить. Но так как прусские войска, предприняв, в свою очередь, ночной марш, столкнулись с одним из этих корпусов в 24 000 человек, которым командовал Лаудон, и опрокинули его еще на рассвете, раньше чем главные силы австрийцев успели подойти, то последние, прибыв на место, уже не решились продолжить и довести до конца задуманное предприятие. Из этого мы видим, насколько неправилен взгляд, будто Дауну мысль о сражении на полное сокрушение противника была вообще чужда. Принять такое решение было не трудно, но Дауну лучше, чем его насмешливым критикам, было известно, как трудно было его выполнить, имея своим противником прусского короля.

Успех, достигнутый Фридрихом под Лигницем, спас его из того крайне тяжелого положения, в котором он находился в данную минуту, и вот к концу года он еще раз попытался могучим ударом подчинить себе судьбу и атаковал Дауна на его позиции под Торгау (3 ноября 1760 г.). Ему во что бы то ни стало было необходимо снова вырвать из рук противника Саксонию. Как бы извиняясь, говорит он в своих мемуарах, что ему снова пришлось вверить судьбу Пруссии боевому счастью, так как ему не удалось маневрированием заставить Дауна бросить его позицию под Торгау. Дорого обошлась ему эта победа, а достигнутый ею результат оказался весьма умеренным: австрийцы отошли на расстояние лишь трех переходов и удержали за собою Дрезден.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ КОСОГО БОЕВОГО ПОРЯДКА

Косой боевой порядок можно рассматривать как одну из разновидностей сражения, решаемого на одном из крыльев, а именно — как таковое сражение при условии единого, неразрывного боевого фронта, соответствовавшего требованиям элементарной тактики тогдашней эпохи. Лишь единственный раз этот прием удался или, правильнее говоря, его оказалось достаточно для достижения успеха: под Лёйтеном. После Лёйтена Фридрих дал лишь три больших

сражения: два — против русских: Цорндорф 1758 г., Кунерсдорф 1759 г., и одно — против австрийцев: Торгау 1760 г. Развитие этой формы боя со времени Лёйтена заключалось в том, что теперь король марширует вдоль неприятельского фронта не только до тех пор, пока ему не удастся охватить одно из крыльев противника, но пока он совершенно его не обойдет так, чтобы можно было его атаковать с тыла, если бы противник, с своей стороны, не произвел соответственного поворота. Но так как последний таковой выполнил, то цель маневра не была достигнута, и все по существу свелось к фронтальному сражению. Под Цорндорфом обе армии повернулись даже таким образом одна вокруг другой два раза.

Под Кунерсдорфом русское крыло — можно сомневаться, как его правильнее называть: правым или левым[1] — было охвачено полностью, но так как король продолжал упорно держаться принципа, что фронт должен быть сплошным, то значительная часть русской армии не была затронута атакой и поддерживала атакованный участок до тех пор, пока наступательная энергия пруссаков не ослабела.

Под Торгау Фридрих применил совершенно новый метод, который, однако, опять-таки можно назвать дальнейшей формой развития сражения, решенного на одном из крыльев. На этот раз он отказался от сплошного фронта, разделил свою армию на две части и повел часть, назначенную для охвата, вокруг правого, северного, крыла австрийцев и описал около него полукруг, чтобы одновременно атаковать австрийцев и спереди и сзади. Трудность этого приема заключалась в том, что никаким способом не было возможности обеспечить одновременности обеих атак. Нельзя было ни назначить заранее точный час, ибо невозможно было наверняка рассчитать время, какого потребует обходное движение, ни положиться на сигналы, которые зависят от ветра и погоды. Внешней колонне короля надо было пройти не менее 4 миль, причем дорога шла лесом. Король ли атаковал слишком рано, запоздал ли Цитен со своей атакой, — как бы то ни было, их наступление не совпало[2]. Тем не менее сражение было выиграно, так как значительная часть австрийцев под командой Ласси, в неуверенности, куда Цитен направит свою атаку, осталась на левом крыле и не поддержала правого крыла. Уже сильно расстроенные боем с силами короля, австрийцы оказались не в состоянии отразить атаку Цитена с другой стороны.

Совершенно так же за два года перед тем (23 июня 1758 г.) Фердинанд Брауншвейгский атаковал французов под Крефельдом тремя далеко друг от друга отстоявшими корпусами, из коих один зашел противнику в тыл. Несмотря на свое значительное численное превосходство, французский командующий, князь Клермон, не решился, со своей стороны, атаковать один из этих изолированных корпусов

[1] Несомненно левым: русские настолько изучили манеру Фридриха обходить с тыла, что расположились сразу тылом на запад, фронтом к России, и, когда Фридрих обошел русскую армию, он оказался как раз на фронте русских. Этот смелый поступок русского командования не был понят историками в течение 150 лет, и они заставляли русскую армию поворачиваться на поле сражения на 180°, от чего и получилась путаница в обозначении флангов. — *Ред.*

[2] Герман опубликовал в «Brandenburg-preussische Forschungen» (1889 г., т. II, стр. 263) письмо Гауди к принцу Генриху от 11 декабря 1760 г., в котором тот пишет, что «злосчастные орудийные выстрелы» были причиной преждевременной атаки. Кавалерия и артиллерия тоже не оказались на месте.

противника и распорядился отступить раньше даже, чем его главные силы вступили в серьезный бой [1].

Наполеон подверг очень резкой критике разделение атакующей армии как под Крефельдом, так и под Торгау: это, по его мнению, противоречило всем правилам военного искусства. Ведь изолированные корпуса могли быть разбиты. По мнению Наполеона, Торгау — единственное сражение, в котором Фридрих не проявил ни малейшего таланта.

Как видит читатель, мы пришли как раз к противоположному суждению и усматриваем в разделении атаки проявление творческого духа, которому удается поднять на последнюю, высшую ступень традиционную форму, уже утратившую свою действенность. Конечно, не исключена была возможность, чтобы Даун приказал атаковать Цитена под Торгау в то время, как король еще выполнял свое обходное движение. Но вероятность того, что Даун так быстро примет это решение, была не настолько велика, чтобы Фридрих не мог позволить себе пойти на этот риск.

1761—1762 ГОДЫ

Несмотря на свои победы под Лигницем и Торгау, Фридрих в 1761 г. находился в худшем положении, чем после Кунерсдорфа и Максена.

Он уже не может давать сражений, укрывает свою армию за полевыми укреплениями (Бунцельвиц) и одну за другой теряет свои крепости — Глац, Швейдниц, Кольберг.

Правда, и австрийцы настолько истощили свои силы, что Мария Терезия решается сократить численность своей армии (в декабре 1761 г.), которую она уже не в состоянии дольше ни содержать, ни оплачивать. Каждый полк должен был распустить по две роты; офицеры увольнялись с половинным окладом, поскольку они не находили свободных вакансий в других ротах [2]. Несмотря на это, все еще рассчитывали выиграть войну, когда смерть царицы Елизаветы (5 января 1762 г.) коренным образом изменила обстановку. Русские не только порвали союз с австрийцами, но перешли на сторону пруссаков.

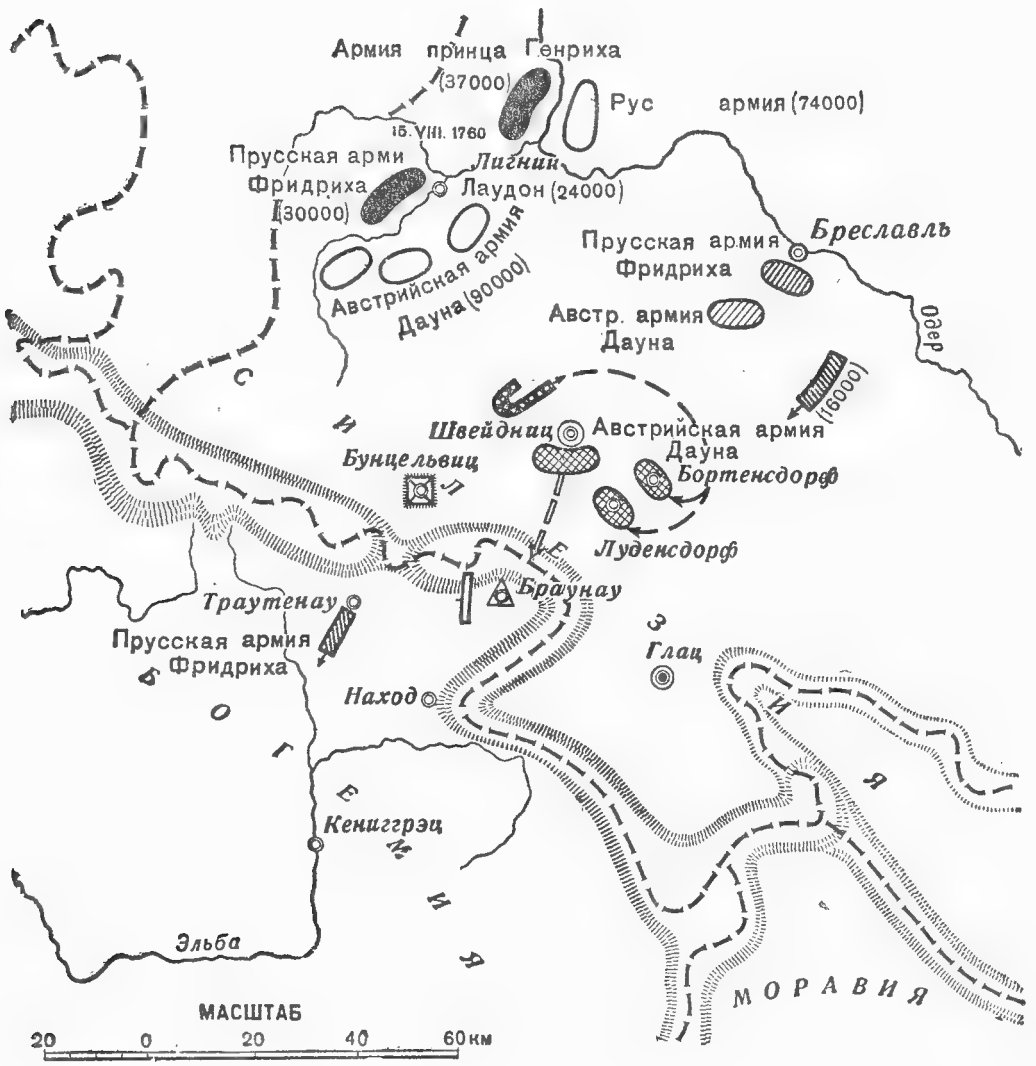
Благодаря переходу русских на сторону Фридриха, численный перевес оказался на его стороне. Однако, решительного сражения он уже не стал добиваться, а с самого начала направил кампанию на маневренные успехи. К концу 1761 г. австрийцам еще удалось овладеть крепостью Швейдниц и, опираясь на нее, занять зимние квартиры в Силезии. Пруссаки же были оттеснены до самого Бреславля. Вместо того чтобы соединенными силами атаковать австрийцев, по возможности еще по сю сторону гор, король ослабил себя, отправив крупный отряд (16 000 человек) в Верхнюю Силезию, и оттеснил Дауна при помощи обходных движений за Швейдниц [3].

---

[1] Daniels, «Preussische Jahrbücher», т. 78, стр. 137.

[2] Arneth, VI, 259.

[3] 30 июня русский корпус под командой Чернышева соединился с пруссаками, и 1 июня началось наступление соединенных армий. Только 18 июля пришло известие о низложении царя Петра. За это время Фридрих успел бы дать сражение с значительным превосходством сил, если бы он к этому стремился. Однако, он имел в виду дать сражение лишь в случае, если австрийцы окажутся вынужденными выделить часть своей армии против турок.



Положение перед сражением при Лигнице.

Направление вторжения Фридриха в Богемию.

Укрепленный лагерь, в котором укрылась прусская армия.

Магазины.

Потерянные в 1761 г. крепости

Заслон для прикрытия магазина.

Положение в 1762 г.

Маневрирование и атака Вида.

Положение, в которое Фридрих оттеснил Дауна обходным движением.

Отход Дауна в горы.

Схема 39. 1760, 1761 и 1762 годы.

Из этой-то позиции Фридрих старался его выдворить, сперва путем атаки одного из отрядов на левом фланге австрийцев, но здесь он был отражен; затем он с той же целью, несколько севернее, через Траутенау, вторгся в Богемию, где велел произвести сбор контрибуций. Но Даун не дал себя сбить с толку: он своевременно прикрыл свои магазины у Браунау и остался у Швейдница. Вторжение в Богемию легко могло закончиться неудачей вроде Максенской.

Поэтому Фридрих снова отступил из Богемии и показал, что, ограничиваясь маневрированием, он это делает вовсе не из слабости или нерешительности.

Он приказал войскам, под командой Вида, дотоле маневрировавшим против левого крыла австрийцев, сделать три ночных перехода подряд, провел их в обход Швейдница против правого крыла австрийцев и внезапно атаковал здесь их отряды у Буркерсдорфа и Лейтмансдорфа, выдвинутые на расстояние полумили от главных сил для прикрытия фланга. Неожиданное нападение увенчалось успехом, хотя его пришлось осуществлять на крайне пересеченной местности; теперь уже Даун оказался вынужденным отойти в горы настолько, что пруссаки могли, наконец, приступить к осаде Швейдница. Так как осада затянулась до 9 октября, то на этом и закончилась кампания. Фридрих в данном случае отнюдь не изменил себе, но, по условиям данного момента, он счел возможным отказаться от опасного и дорогого средства — сражения. Цель, ради которой он шесть лет тому назад предпринял войну, — приобретение Саксонии — была теперь недостижима ни при каких обстоятельствах. Дело шло о том, чтобы добиться status quo ante (довоенного положения), а на это можно было рассчитывать и без новых сражений. Правда, победа ускорила бы развязку, но, опираясь на приобретенный опыт, Фридрих теперь уже настолько приблизился к маневренному полюсу своей стратегии, что при сложившихся обстоятельствах предпочел уклониться от сражений. От формулы «войны Пруссии должны быть короткими и стремительными» ему пришлось отказаться.

1778 ГОД

Пруссаки вторглись в Богемию почти по тем самым путям, по которым они вступили в нее 88 лет спустя, в 1866 г.: Фридрих — из Силезии, через Находский проход, принц Генрих — с севера, из Лузации. В 1866 г. это концентрированное наступление привело к решительному сражению под Кениггрецем; в 1778 г. австрийцы заставили прусаков остановиться на позициях, расположенных за верхним течением Эльбы и за Изером. Был момент и в 1866 г., когда австрийцы занимали эти позиции. Все глубокое различие в эпохах и в изменившейся за это время стратегии сказывается в полной противоположности результатов. В 1866 г. пруссакам удалось добиться решительного сражения, которое и привело к окончанию войны. Все бои, в общем, потребовали семь дней. В 1778 г. обе стороны простояли три месяца, наблюдая друг друга и совершая лишь незначительные передвижения, а по прошествии четверти года пруссаки пошли обратно за пограничные Богемские горы и прозвали эту кампанию «картофельной войной», ибо вся она складывалась вокруг копки этого впервые массами посаженного овоща. Силы с обеих сторон, как и в 1866 г., численно были приблизительно равны.

Образ царственного полководца, как он запечатлелся в памяти потомства, естественно слагается из впечатлений от тех кампаний, в которых он должен был бороться против подавляющего численного превосходства неприятельских сил, выдерживал их натиск и, в конце концов, справился с ним. Чтобы понять его стратегию, надо, естественно, рассмотреть и те его кампании, в которых он выступал или с равными, или с превосходными силами. Таковых большинство. Из двенадцати кампаний четыре — 1741, 1742, 1756 и 1762 гг. — он вел с безусловно превосходными силами; в 1744, 1745 и первой половине 1757 г. — можно признать силы обеих сторон приблизительно равными; в остальных кампаниях — второй половине 1757 г., 1758, 1759, 1760 и 1761 гг. — превосходство сил было на стороне его противников.

Глава VI

Фридрих как стратег

За период с эпохи Возрождения до Фридриха Великого тактика изменилась глубочайшим образом в самом своем корне; но основы стратегии остались теми же самыми. Густые, глубокие пехотные колонны превратились в вытянутые в струнку тонкие линии; пикинеры и алебардщики стали мушкетерами; сражавшиеся в одиночку рыцари были заменены сомкнутыми эскадронами; вместо немногих тяжеловесных, неуклюжих пушек мы видим бесчисленные батареи, но искусство полководца через все эти века являет нам один и тот же лик. Снова и снова мы наблюдаем одинаковым образом создающиеся положения и одинаково мотивированные решения. В редких случаях обе стороны идут непосредственно навстречу друг другу, чтобы добиться решения. Иногда обе стороны, иногда лишь та сторона, которая чувствует себя более слабой, занимают неприступные позиции. Сражения возникают из того, что одной стороне кажется, будто ей представляется особо благоприятный случай, — например, что она может атаковать противника раньше, чем он успеет укрепиться (Белая гора в 1620 г., Гохштедт в 1704 г.), либо в связи с осадой крепости. Сражения под Равенной 1512 г., под Нэрдлингеном 1634 г., при Мальплаке 1709 г. возникли при совершенно одинаковых условиях: сильнейшая сторона намеревается осадить город, другая же сторона пытается этому воспрепятствовать занятием выгодной позиции поблизости, причем последняя подвергается атаке. Коллин отличается от вышеперечисленных сражений лишь тем, что осаждающий идет несколько навстречу армии, пришедшей на выручку крепости. Иногда наблюдается обратное явление: пришедшая на выручку армия атакует осаждающую армию, хотя и более сильную, но связанную осадой: Павия 1525 г., Турин 1706 г. Значительная часть Семилетней войны вертится вокруг осады или прикрытия крепостей: Прага, Ольмюц, Дрезден, Швейдниц, Бреславль, Кюстрин, Нейссе, Глац, Козель, Кольберг, Глогау; то же самое происходит и в войнах между Карлом V и Франциском I, и в Тридцатилетнюю войну, и

в войнах Людовика XIV. Решение Густава Адольфа дать сражение при Брейтенфельде и при Люцене возникло из тех же самых мотивов, что и решение Фридриха — относительно сражений при Лёйтене или Торгау. В каждом периоде, в каждой кампании, у каждого полководца наблюдаются при этом индивидуальные черты, заслуживающие особенного внимания. Густав Адольф атакует Валленштейна под Люценом потому, что не хочет, чтобы тот зимовал в Саксонии; Фридрих атакует австрийцев под Лёйтеном и под Торгау, чтобы не дать им перезимовать в первом случае в Силезии, во втором — в Саксонии. В этом обстановка представляет сходство, но есть и существенное различие, поскольку для Фридриха риск в обоих случаях был несравненно больший, чем для шведского короля. Опять-таки широкий размах и подвижность Торстенсона придают его стратегии совершенно своеобразную окраску, однако, основные черты ее не иные, чем у Густава Адольфа. Даже в истории одного и того же полководца мы встречаемся с поразительными параллелями: и Евгений, и Фридрих дали свои последние крупные сражения, отличавшиеся большим кровопролитием и весьма умеренными стратегическими достижениями — первый при Мальплаке, второй под Торгау, — и с тех пор вели кампании, в которых они уже не стремятся к решительным сражениям. Мальплаке был тем, что принято со времени глубокой древности называть Пирровой победой; немногим больше была и победа при Торгау. Поэтому, с точки зрения всемирной истории войн, следует ставить вопрос не столько о том, почему Фридрих после 1760 г. так приблизился к маневренному полюсу, сколько о том, как, после опыта своих предшественников — великих полководцев, мог он снова дать увлечь себя с такой силой к полюсу сражений.

Мы видели, что тяготение гениального удальца (Wagehals) к решительным сражениям объясняется и в стратегическом отношении новыми перспективами, открывшими высокие качества прусских войск, и тактической их сноровкой, которая, в конечном счете, дала идею косого боевого порядка и внушила мысль об ее осуществимости.

Если непосредственные результаты даже самых крупных тактических решений оказываются всегда ограниченными и от них нельзя ожидать, чтобы они, сами по себе, привели к миру, то второстепенные ценности приобретают такое значение, что полководец отнюдь не может ими пренебрегать и даже в праве ради них отвлекать часть своих сил от главного, решающего тактического действия. Во время Тридцатилетней войны значительно бо́льшая часть наличных войск была использована в качестве гарнизонов бесчисленного множества укрепленных городов. В сражениях же участвуют сравнительно небольшие армии. У Евгения и Мальборо в такой же мере, как и у Фридриха, мы встречаемся со случаями, когда в решительном сражении нехватает войск, которые, рассуждая теоретически, могли бы быть налицо. Фридрих в своих «Генеральных принципах» 1748 г. выдвигает следующее основное положение: «Когда одновременно подвергаешься атаке нескольких противников, приходится пожертвовать неприятелю какую-нибудь провинцию, а тем временем всеми своими силами наброситься на других противников, заставить их принять сражение и напрячь все свои силы, чтобы их разгромить, после чего надлежит отправить часть войск и против первого противника». Однако, когда описанный случай действительно наступил

в 1756 г., Фридрих все-таки не решился пожертвовать провинцией, а потому и не сосредоточил всех своих сил. Сверх того он все же добавляет в своих «Генеральных принципах»: «Этот способ ведения войны разрушает армию изнурительными переходами, которые ей приходится проделывать, и если такие войны затягиваются, то все же, в конечном счете, они приходят к несчастливому концу». Поэтому он всегда лишь относительно применял этот принцип «действий по внутренним операционным линиям», как он был назван позднейшими теоретиками. Ибо, как ни высоко он ценил решительное сражение, он все же сознавал, что до действительного сокрушения неприятеля он поднять его не может и что поэтому для продолжения войны прикрытие провинций и, в отдельных случаях, даже магазинов имеет не меньшее значение. Поэтому, когда в позднейшем теоретическом рассуждении он снова возвращается к вопросу о сосредоточении всех своих сил на одном пункте, последнее является для него лишь крайней мерой, продиктованной отчаянием, чтобы с честью умереть.

Когда зимой 1761/62 г. его бедственное положение достигло высшего предела и, казалось, ниоткуда больше нельзя было ожидать помощи, он указывал (9 января 1762 г.), за несколько дней до получения известия о кончине царицы [1], своему брату, принцу Генриху, на этот исход, на что Генрих возразил, что, сосредоточивая в одном месте все свои силы, придется, во всяком случае, в других местах оставить неприятелю провинции и магазины.

Таких же мыслей держался и сам король, когда, вопреки своему принципу — располагать возможно бо́льшими силами в сражении, он все же постоянно давал сражения лишь частью своих сил, так как расходовал остальные войска на прикрытие. Под Кессельдорфом, под Прагой, под Цорндорфом и Кунерсдорфом он мог бы располагать на поле сражения бо́льшими силами, если бы его не связывали соображения прикрытия. Уже в то время он осаждал Ольмюц, русские дошли до самого Одера и угрожали Берлину; принц Генрих хотел двинуть свои войска из Саксонии на соединение с графом Дона и дать сражение русским, чтобы освободить от них Марку. Однако, прикрытие Саксонии представлялось королю слишком важным делом, и этот план не был осуществлен. То обстоятельство, что мы постоянно наблюдаем это явление, показывает нам, что мы имеем дело не со случайными ошибками, а с принципами. От систематического сосредоточения всех сил отказывались тем охотнее, что управлять более крупными массами труднее. Заставить, равняясь, продвигаться вперед 20—30 батальонов, развернутых в ряд, было безмерно трудным делом [2]. Вместо стремления к возможно большему увеличению сил, то и дело возникает мысль, не следует ли установить предельный максимум, не явится ли большая масса войск обузой и помехой, от которых лучше было бы избавиться. Подсчитывали, какая численность всего выгоднее; следовательно, пытались сконструировать нормальную армию. Уже Макиавелли утверждал, что наилучшей является армия в 25 000—30 000 человек: подобной армией можно занять такие позиции, на которых ее нельзя будет

[1] Дочери Петра I, Елизаветы.

[2] Это очень наглядно изображает генерал фон-Кеммерер в своей книге Wehr und Waffen, II, стр. 101.

принудить к сражению, и таким путем взять измором более крупную армию [1], которую нельзя содержать продолжительное время. Тюренн предпочитал командовать немногочисленными армиями, максимум в 20 000—30 000 человек, половину которых составляла кавалерия [2]. Монтекуколи также не хотел иметь больше 30 000 человек. «Бой ведется скорее духом, чем телом, — писал он, — а потому большая численность не всегда полезна». Слишком большие армии бесполезны [3]. Впоследствии эту цифру несколько увеличили. Маршал Саксонский определяет максимум в 40 000 человек. Флемминг в своем сочинении «Der vollkommene deutsche Soldat» (1726 г.) пишет (стр. 260): «Армия в 40 000—50 000 решительных и хорошо дисциплинированных солдат способна предпринять все, что угодно; она даже может без чрезмерной самонадеянности взять на себя завоевание целого мира. Все, что превосходит это число, является излишним и вызывает лишь всяческие неудобства и беспорядки». Гибер, полстолетия позднее, дошел до 70 000 [4]. Еще во времена Наполеона Моро говорил о 40 000 человек, как о норме, а маршал Сен-Сир заявлял, что руководство более чем 100 000 человек превышает человеческие способности [5].

Мысль о нормальном размере армии представляет прямую антитезу принципу возможно большего сосредоточения всех сил для сражения.

Что же дает победу в сражениях, если не превосходство сил, предполагая, что боевые качества и храбрость приблизительно равны у обеих сторон?

Клаузевиц позднее отчеканил следующее положение: «Наилучшая стратегия — это быть возможно сильнее: во-первых — вообще, а во-вторых — на решающем пункте». Мыслителю старой школы эта истина была настолько непонятна, что Дитрих фон-Бюлов счел необходимым особо обосновать преимущество численного превосходства: оно вызывается необходимостью не дать себя охватить с флангов. «Когда располагаешь численным перевесом над противником и умеешь должным образом его использовать, то ему уже не помогут ни большая сноровка, ни большая храбрость его солдат» [6].

Подобно тому как каждый орган прусского военного государства, по лучшей подготовке и более интенсивной напряженности, превосходил соответственный орган Австрийского государства, точно так же, в конце концов, и стратегия Фридриха превзошла стратегию Дауна. Прусские войска маневрируют с бóльшим искусством, скорость стрельбы прусской пехоты больше, шок прусской кавалерийской атаки сильнее, артиллерия у пруссаков подвижнее, управление надежнее и позволяет довести пятипереходную систему до семи и даже девятипереходной системы: все это король-полководец, над которым нет высшего авторитета, нет Гофкригсрата, перед которым он нес бы ответственность, претворяет в эту бесконечно превосходную своей смелостью и эластичностью стратегию.

---

[1] Когда Trewe Rath (Фрундсберг) требует для борьбы с сильным неприятелем 10 000 пехоты, 1 500 всадников и изрядное количество полевых орудий, то и здесь имеется уже отголосок идеи нормальной армии.

[2] Susane, Histoire de l'infanterie française, I, 106.

[3] Монтекуколи, Gesammelte Schriften, I, 327, 364.

[4] Guibert, Essai général de tactique, II, 41 (изд. 1772 г.).

[5] Jähns, III, 28, 1.

[6] Bülow, Geist des neueren Kriegssystems, стр. 209.

Мы уже видели, какие чудеса может совершить командование. Но в то же время мы то и дело наблюдали, какую существенную роль играет случай, совершенно слепая удача; и это значение случайности постепенно нарастало в эпоху, которую мы обозревали, а ко времени Фридриха достигло высшей степени. Теодор фон-Бернгарди в своем сочинении «Friedrich der Grosse als Feldherr» («Фридрих Великий как полководец») высмеивает современников Фридриха, которые исход сражения рассматривали как продукт случая. В этой концепции он усматривает характерное различие между королем и не только его противниками, но и его сподвижниками, принцем Генрихом и принцем Фердинандом Брауншвейгским. Однако, при этом он упускает из виду, что сам Фридрих, подобно прочим полководцам — его современникам, очень часто добиваясь сражения, называет его вызовом, брошенным судьбе[1]; особенно же упустил он из виду, что в условиях XVIII в. случай действительно играл значительно бо́льшую роль в исходе сражения, чем в какую-либо иную, предшествовавшую или последующую военную эпоху.

Дабы использовать действие огня, линии пехоты стали делать очень тонкими и поэтому — длинными. Но такие тонкие и длинные линии были чрезвычайно хрупкими; их легко могла разорвать и привести в расстройство всякая пересеченность почвы: овраги, болота, канавы, пруды, лесные заросли. Кроме того, они были крайне чувствительны на флангах. Чем построение глубже, тем легче передвигаются войска и тем легче для них обороняться также и на флангах. Чем построение войск тоньше, тем действие их огня сильнее, но зато тем труднее для них делать передвижения как вперед, так и в сторону.

Следовательно, исход сражения зависел в большинстве случаев от того, удалось ли наступающему выиграть фланг противника и довести до него свои линии сколько-нибудь нерасстроенными; далее, надо было, чтобы атака являлась, по возможности, неожиданной, ибо в противном случае неприятель мог успеть образовать новый фронт.

Насколько все это удастся выполнить, в значительной мере зависело от условий местности, которых полководец наперед не знал, да и не мог сразу охватить; а когда прибегали к покрову ночи, то войскам было трудно ориентироваться в темноте.

Качественное превосходство пруссаков над их противниками не в малой степени опиралось на то, что, благодаря своему более интенсивному обучению и более высокой дисциплине, они легче могли справляться с этими затруднениями. Поэтому-то Фридрих и решился выдвинуть положение, что если фланговый маневр удался, то 30 000 человек могут вести бой против 100 000; фактически ему и удалось при Сооре и Лёйтене опрокинуть таким способом значительно превосходившие его силы.

Но рассчитать заранее, сколько встретится благоприятных и неблагоприятных условий, было невозможно.

---

[1] В General-Prinzipien (1784 г.), в статье о планах кампании. В Réflexions sur la tactique (1758 г.), Oeuvres (XXVIII, стр. 155). В письмах к принцу Генриху от 8 марта 1760 г., 15 ноября 1760 г., 21 апреля 1761 г., 24 мая 1761 г., 15 июня 1761 г. Во введении к истории Семилетней войны.

В том же духе писал и Мальборо после своей победы при Уденарде своему другу Годольфину, что, если бы того не требовали безусловно обстоятельства, он избегал бы подвергаться опасному риску сражения. Coxe, Marlborough, Life and Letters.

Австрийцы лишь потому потерпели неудачу при Хотузице, что они слишком долго задержались на выполнении своего ночного марша. Пруссакам ночной марш, приведший их к Гогенфридбергу, удался.

Чисто счастливой случайностью явилось для пруссаков то, что под Кессельдорфом они атаковали саксонцев до прибытия австрийцев.

Под Ловозицем сражение, собственно говоря, выиграли австрийцы, а за пруссаками победа осталась лишь потому, что Броун, не заметив и не доведя до конца своего успеха, ночью отступил.

Под Прагой Даун двигался со своей армией на соединение с главными силами. Передовые отряды корпуса Пуебла во время сражения уже подошли к месту боя в тылу у пруссаков на расстояние $1^1/_2$ миль. В корпусе было до 9 000 человек, и он смог бы решить колеблющийся исход боя не к выгоде пруссаков.

Под Лёйтеном цепь холмов дала возможность пруссакам скрыть обход левого крыла австрийцев, а под Коллином это оказалось невозможным.

Под Цорндорфом отдельный корпус русских в 13 000 человек находился на расстоянии двух переходов от поля сражения и легко мог соединиться с главными силами русских.

Под Кайем пруссаки могли бы победить, если бы колонна под командой генерала фон-Каница, которая широкой дугой должна была обойти русских с юга, смогла переправиться через речку Эйхенмюленфлис.

Под Кунерсдорфом королю вполне удалось подвести свою армию во фланг русским, но это преимущество было утрачено, так как местность представляла затруднения для атаки, которых король не предусмотрел, отчасти же и не мог предусмотреть заранее.

Под Торгау все зависело от совокупного действия двух совершенно отделенных друг от друга частей армии: одной — под командой короля, другой — Цитена; лишь в самую последнюю минуту начали осуществлять это совместное действие.

Остановимся здесь, чтобы яснее представить себе специфический облик короля-полководца. Когда генерал Леопольд фон-Герлах прочитал «Историю Пруссии» Ранке, он записал в своем дневнике за 1852 г. (1/791): «Стратегия Фридриха неоднократно поражает непонятной слабостью, но имеет и очень блестящие моменты». То, что Герлаху представлялось непонятной слабостью, составляет существо стратегии измора, понимание которой для солдата XIX в. было утрачено. Тот, кто не умеет смотреть на короля с этой основной точки зрения, фактически не может избежать того, чтобы не произнести над ним обвинительного приговора. В совершенный тупик попадают те, кто считает Фридриха принципиальным сторонником стратегии сокрушения; для них будничный Фридрих, за исключением немногих редких моментов, должен был рисоваться слабым человеком, не решающимся ни продумать до конца, ни осуществить собственные принципы. Лишь тот в полной мере может познать все величие Фридриха, кто в нем видит представителя стратегии измора. В расценке значения сражения, как мы видели, между ним и его предшественниками и современниками нет никакой разницы. Он безусловно всю жизнь держался взглядов стратегии измора, но в зените своей военной карьеры настолько приблизился к полюсу сражений, что

могло создаться представление, будто он является приверженцем стратегии сокрушения и, как таковой, — предтечей Наполеона. Этим думали окружить его особым ореолом славы, а на самом деле дают ему чрезвычайно невыгодное освещение. Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы известные предпосылки, которых не было ни в структуре его государства, ни в структуре его армии; на каждом шагу Фридрих поневоле отстает от требований стратегии сокрушения. К нему прилагают масштаб, который совершенно к нему не подходит и который даже в самые важные моменты его жизни рисует его мелочным и ограниченным, а позднейшие его годы изображает как отказ от самого себя. Но, будучи поставлен в надлежащую рамку и на подлинную почву стратегии измора, он являет нам живой образ крупного полководца. В самом существе стратегии измора заложен, как мы видели, неустранимый момент субъективности: я считаю себя в праве утверждать, что стратегия Фридриха была субъективнее стратегии какого-либо другого полководца всемирной истории. Он то и дело запрещал своим генералам собирать военный совет; когда он передал генералу Дона командование армией против русских, он подтвердил это запрещение даже под страхом смертной казни (письмо от 2 августа 1758 г.). В военном совете, думал он, всегда одерживает верх более робкая сторона. А он требовал, чтобы ставили ставку даже на неизвестность. Такое решение всегда будет носить личную окраску, должно быть субъективным. Военный совет всегда слишком робок, так как он объективен.

Если допустимо здесь сравнение с изобразительными искусствами, то мы позволим себе напомнить, что XVII и XVIII вв. были эпохой барокко и рококо, в которых фантазия работала со всей свойственной ей необузданной субъективностью, в то время как классическое искусство держится объективных форм. Но это не дает права назвать Фридриха героем в стиле рококо, ибо такой эпитет связан с представлением об известной вычурности и художественной мелочности, совершенно неуместных в данном случае. Скорее такое определение подходило бы к французским полководцам времен Семилетней войны. В отношении Фридриха это сравнение указывает лишь на полное отсутствие схематизма, характерное для его деятельности как полководца. Его решения никогда не определяются естественной необходимостью, а исключительно — свободной личной волей. Вместо широкого вторжения с разных сторон в Богемию он мог бы в 1757 г. держаться и оборонительного образа действий, предоставляя инициативу противнику. Он не раз мог бы перейти в наступление, когда он этого не делал [1], и мог бы отказаться от наступления под Ловозицем, Цорндорфом, Кайем и Кунерсдорфом. Формально, правда, то же самое можно сказать о решениях Наполеона, но фактически последние определялись внутренним законом, который с логической необходимостью ведет к цели. Чем сильнее влияет субъективный момент на обдумывание, предшествующее решению,

[1] Например, 15 и 16 августа 1761 г., когда он имел возможность атаковать русский корпус значительно превосходными силами. Бернгарди, Friedrich der Grosse als Feldherr, II, 358 и сл., весьма наглядно очерчивает сложившуюся обстановку и видит объяснение в своего рода прихоти короля, которую он втемяшил себе в голову, — вступить в открытый бой не с русскими, а непременно с австрийцами.

тем бремя ответственности тяжелее, тем труднее бывает принять решение. Сам герой ощущает свое решение не как результат рациональной комбинации, а как вызов судьбе, случаю. Нередко исход столкновения складывается против него. Но если он проявил величие своего характера в дерзости принятого им решения, то ему еще более пришлось его проявлять в той стойкости, с которой он противостоит несчастью.

Если сравнить Фридриха с его непосредственным предшественником принцем Евгением, то полководческий путь прусского короля гораздо более изобилует превратностями судьбы; у принца Евгения мы наблюдаем известную упорную последовательность в развитии, обостряющуюся за целые годы лишь к самым крупным моментам его карьеры; а у Фридриха мы видим иной раз четыре больших сражения в течение одного года: Прага, Коллин, Росбах, Лёйтен, с чередующимися победами и поражениями; перенесение последних заслуживает еще больше славы, чем самые победы. Нет сомнения, что попытка взять в плен в Праге всю австрийскую армию вела к перенапряжению сил и что атака вдвое сильнейшей австрийской армии на ее превосходной позиции под Коллином являлась актом безумной отваги. Однако, и победы и поражения такого рода имели моральное значение, выходившее далеко за пределы непосредственных военных результатов и почти от них не зависящее. Это — то огромное уважение, которое Фридрих внушил неприятельским полководцам. Почему они так редко пользовались теми благоприятными случаями, которые Фридрих неоднократно им предоставлял? Они на это не решались. Они ждали от него решительно всего. Если вообще двухполюсной стратегии присуще, что к крупным решениям приступают лишь с большой осторожностью, то эта осторожность у главного противника Фридриха, Дауна, доведена была до боязливости, когда он узнал, что против него стоит сам король. Война — не шахматная игра; война — это борьба в такой же мере физических сил, как сил моральных и интеллектуальных. Если проследить даже кампании Фердинанда Брауншвейгского против французов, то становится заметным, насколько этот ученик фридриховой школы превосходит своих противников одним уже высоким стратегическим мужеством, смело идущим на риск, от которого противник уклоняется. В 1759 г. Фердинанд имел 67 000 против 100 000; в 1762 — 82 000 против 140 000, и все же он устоял. Сражения — менее значительны и не столь кровопролитны, в остальном же наблюдаемые здесь контрасты совершенно те же, что и на главном театре войны, где Фридрих вел борьбу с австрийцами и русскими.

Его современники, с его братом, принцем Генрихом, во главе, порицали короля, нередко в самой резкой форме, укоряя его в том, что он понапрасну проливает кровь и что его военное искусство состоит лишь в том, чтобы все время драться. Французский полковник Гибер пытался доказать (1772 г.), что он одерживал победу не своими сражениями, а своими маршами[1]. Новейшие же исследователи, наоборот, видели доказательство его гениальности в том, что

[1] Guibert, Essai général de tactique, I, стр. XXXIII. «Всюду, где прусский король имел возможность маневрировать, он достигал успеха. Но почти всякий раз, как он бывал вынужден дать сражение, он терпел поражение: факт, свидетельствующий о превосходстве его войск в отношении тактики, если такого превосходства в мужестве у них и не было».

он, и притом — он единственный из всех своих современников, правильно понял существо сражения и обращался к нему на деле. В конечном счете король признал правоту своих современников, критиковавших его: он объявил своего брата Генриха единственным полководцем, не совершившим ни одной ошибки; в последних своих кампаниях он отказался от принципа сражений и в своей «Истории Семилетней войны» признал метод Дауна правильным. И действительно, мы видим, что в Семилетнюю войну решение определялось не исходом сражений. Если бы Фридрих не дал сражений ни под Прагой, ни затем под Коллином, не дал также ни Цорндорфского, ни Кунерсдорфского сражений, он бы легче и успешнее выдержал войну. Но это очень поверхностная оценка. Нет спора, что избежать этих сражений было возможно, что источником их была не внутренняя, объективная необходимость, а личное благоусмотрение и субъективный характер полководца. Но ведь необходимы были сражения при Росбахе и Лёйтене, а для полководца, дерзнувшего вступить в эти сражения, и Прага, и Коллин, и Цорндорф, и Кунерсдорф являлись также необходимостью, — правда, лишь внутренней, субъективной. «Фаэтон низвергнулся»,— глумился принц Генрих после поражения под Коллином. Сравнение было бы верным, если бы в этой катастрофе Пруссия действительно пошла ко дну и король не нашел в себе силы снова воспрянуть. Но, обладая этой силой, он не только мог отважиться взяться за управление солнечной колесницей, но и должен был это сделать. Он не был бы самим собою, если бы не пытался подчинить себе судьбу. Практически это было бы выгоднее, но для него вступить в Семилетнюю войну с той скромной программой стратегической обороны, какую он стал проводить с 1759 г., было внутренней невозможностью. Ведь и в 1757 г. он ее первоначально выдвигал, но, когда Винтерфельд указал ему на блестящую возможность успешного наступления, он уже не мог и не смел уклониться от роковых чар такой перспективы. С этой-то точки зрения надлежит понимать не только его самого, но и противоречивые суждения о нем. Наивная толпа его современников, которая видела лишь его геройские деяния, его боготворила; критики специалисты его времени вынесли ему обвинительный приговор; позднейшая военная история поняла абсурдность такого приговора, но в своем оправдании пошла по ложному пути и тем самым запуталась в неразрешимых внутренних противоречиях.

В своем введении к «Истории Семилетней войны» Фридрих пишет, что нужда заставляла его порою искать решения в сражении. Теодор Бернгарди утверждает противное: нужда-то и заставила короля отказаться от сражений. Можно ли встретить что-либо более курьезное, чем то, что столетие спустя стратегию Фридриха в прусском Генеральном штабе уже не понимали и что приступлено было к изданию обширного, основанного на первоисточниках труда о его войнах, — причем, когда работа по составлению этого сочинения уже значительно продвинулась вперед и когда уже было выпущено много томов, пришли к открытию, что в основу положена ложная точка зрения? Как это ни курьезно, однако это не только факт, но и явление не столь уже противоестественное. Между историческим анализом и практикой какого-либо искусства такое расхождение легко возникает.

Ведь историческое углубление, как оно ни ценно для практика, имеет и свои опасные стороны, ибо оно выявляет, как нечто, обладающее лишь относительной ценностью, многое такое, что практик превращает и должен превращать в абсолютный закон, чтобы обеспечить себе полную уверенность и непоколебимость убеждений, необходимых для его деятельности. Лишь очень сильные умы способны совмещать и то и другое; и я закончу эту главу рассказом о том, как фельдмаршал Блументаль, несомненно принадлежавший к самым решительным сторонникам стратегии сокрушения (ведь в 1870 г. он настаивал на том, чтобы одновременно с блокадой Парижа было поведено обширное наступление внутрь Франции), однажды высказал мне свое согласие с моей концепцией стратегии Фридриха; при этом он добавил, что, может быть, настанет время, когда к ней снова вернутся.

К ИСТОРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Открытием того факта, что существуют две различные основные формы стратегии, мы в действительности обязаны Клаузевицу.

Это открытие находится в написанном им в 1827 г., следовательно, незадолго до его смерти,— «сообщении» (Nachricht), предпосланном им его труду «О войне», а также в некоторых намеках в седьмой книге этого сочинения, проработку которого он сам не считал еще законченною. Так как Клаузевиц не успел, как он намеревался, переработать свое сочинение под углом зрения существования «двойственного вида войны» и так как он не нашел себе ни в рядах армии, ни среди ученых непосредственного преемника, который развил бы далее ход его мысли, то открытие им двойственного вида войны оказалось утраченным уже в следующем поколении, и составилось представление, будто существует только один истинный способ ведения войны, а отклонения, с которыми мы встречаемся в военной истории, надо рассматривать не как явления, вызванные и обоснованные историческими условиями, а как нечто вытекающее из недостатка понимания,— как заблуждение, как доктринерский предрассудок. Когда предварительные изыскания к биографии Гнейзенау привели меня к этой проблеме, я скоро убедился в ошибочности такой точки зрения, и мне нетрудно было, исследуя исторический облик Клаузевица, как философа войны, построить при помощи наличных исторических фактов ряд соображений в том направлении, как это, несомненно, сам Клаузевиц имел в виду [1]. Не как новое открытие и не с мыслью, что я этим сообщаю что-нибудь неизвестное современному мне поколению, а лишь полагая, что я повторяю всем известную историческую истину, я высказывал эту мысль в одной рецензии в 1873 г., упрекая автора в неведении этой истины.

Однако, моя концепция была отвергнута; первым выступил против меня Кольмар фон-дер-Гольц, впоследствии — генерал-фельдмаршал, причем выяснилось, что я нахожусь в таком грубом противоречии с господствующим мнением, что меня даже не понимают. Вокруг этой проблемы возникла целая литература, но главная борьба, которую мне пришлось выдержать, заключалась не столько в защите моей концепции, сколько в отражении целого ряда неискоренимых недоразумений. В центре спора, естественно, стояла стратегия Фридриха Великого, о котором составилось представление, что на него следует смотреть как на предтечу Наполеона в отношении открытия истинных принципов стратегии, между тем

[1] Как предуказание, можно, пожалуй, отметить одно замечание Бойена в его труде Beiträge zur Kenntniss des Generals von Scharnhorst, где мы читаем (стр. 20): «В маневренных войнах искусные передвижения дают возможность либо избегать сражений, либо вызывать их лишь при особо благоприятных условиях (система Фридриха Великого)».

как я его изображал как представителя стратегии измора, великого не открытием новых принципов, но силой своего характера и величием своей личности. Непонимание того, что я хотел сказать, зашло так далеко, что один видный военный писатель, генерал фон-Богуславский, совершенно чистосердечно цитировал в своей рецензии «без всякого сражения» там, где у меня написано: «при помощи сражения». Особенно же не хотели мне поверить, что моя концепция является и должна являться реабилитацией Фридриха; в ней видели злостное желание «ощипать лавровый венок великого короля». Раздраженный таким обидным непониманием, я прибег к помощи пародии и доказал в «Стратегии Перикла», что если исходить из принципов стратегии сокрушения, то так называемый великий полководец Фридрих окажется стратегическим путаником, в результате чего мне пришлось пережить тяжелую минуту, когда прусскому министру народного просвещения в Верхней палате был брошен укор, что он сделал профессором человека, обозвавшего Фридриха Великого стратегическим путаником.

Корнем всех недоразумений являлся термин «стратегия измора». Я отчеканил эту формулировку как антитезу к термину Клаузевица «стратегия сокрушения», но должен сознаться, что это выражение отличается тем недостатком, что оно порождает неправильное представление о чистой маневренной стратегии. Но до сих пор мне не удалось подыскать более удачного выражения, ибо и выражение «двухполюсная стратегия», которым я тогда стал пользоваться, во избежание этого неправильного понимания, во многих отношениях является спорным и не получило права гражданства.

Долгое время я находился в полном одиночестве с моей концепцией. Корифеи исторической науки того времени — Дройзен, Зибель и Трейчке — были заодно с фельдмаршалом Мольтке и историческим отделением Большого генерального штаба, которое приступило с 1890 г. к изданию широко задуманного, построенного на первоисточниках труда: «Войны Фридриха Великого», и отвергли мой взгляд, а тот ученый[1], которому приписывали наиболее глубокое понимание военного дела, написал двухтомное сочинение «Фридрих Великий как полководец» («Friedrich der Grosse als Feldherr») (1881 г.) в опровержение моих взглядов, на которые смотрели как на ересь, и притом, по неоднократно высказанному «Крестовой газетой» мнению, как на опасную и вредную ересь. В «Preussische Jahrbücher» Альфред Дове категорически присоединился к мнению Бернгарди.

Однако, Иенс в третьем томе своей «Geschichte der Kriegswissenschaften» (1891 г.) проводил в общем тот же взгляд на стратегию Фридриха Великого, как и я; он категорически отвергал представление Теодора фон-Бернгарди, будто Фридрих имел иную, более глубокую концепцию о существе стратегии, и особенно о сражении, и установил (стр. 2029), что король сделался великим не благодаря своей стратегической теории, а вопреки ей; он не мог окончательно освободиться от традиционных пережитков и заключил компромисс между этими доктринами и своим темпераментом. Связь между политико-социальными условиями старой монархии, структурой армии и стратегией он рисует совершенно так же, как и я. Разница между нами заключается лишь в том, что Иенс порою подбирает для короля слишком невыгодные для него выражения, выводит из неосуществленных планов периода второй Силезской войны такие заключения, которые я признаю необоснованными, а потому считает начало Семилетней войны не кульминационным пунктом Фридриха, а уже моментом отказа его от себя самого (стр. 2027).

Таким образом, Иенс, так сказать, заходит дальше, чем я. Однако, он так мало это осознавал, что, неправильно излагая мою концепцию, он вообразил, что

[1] Теодор Бернгарди, отец Фридриха Бернгарди, известного автора «Современной войны». — *Ред.*

занял примиряющую позицию между мною и моими противниками. Когда же Густав Ролофф в статье, напечатанной в приложении к «Augsburger Allgemeine Zeitung» (1893 г., № 16), доказал, что наши взгляды во всех существенных пунктах сходятся и что Иенс даже пользуется теми же самыми терминами, как и я. Иенс однажды в разговоре со мной объяснил это недоразумение тем, что он, как и все остальные, разделял ошибочное представление, будто я хочу превратить Фридриха в голого, так сказать, методиста и поэтому, хотя перенял, не отдавая себе в этом отчета, отчасти мою терминологию, все же он ощущал себя в противоречии со мною. Но так как в своей «Истории военных наук» он уже высказался раз против моей концепции, то в научных кругах так и осталось сомнение по этому поводу.

Еще вреднее для правильного понимания оказалась позиция, занятая специалистом-знатоком той эпохи, Рейнгольдом Козером.

Фактически его учение совпадает с моим — в частности, что Фридрих не мог применять стратегии сокрушения, и весьма схоже со мной описывает объективные и субъективные причины, побуждавшие Фридриха искать решения в сражениях. Однако, он стремится установить различие между стратегией Фридриха и стратегией его противников, причем лишь последнюю признает за стратегию измора, так как они принципиально стремились избегать риска сражений, между тем как Фридрих частым применением сражения стремился хотя и не сокрушить неприятеля, но лишить его мужества и устрашить. Против такой формулировки можно было бы и не возражать, если бы она обрисовывала только практику той и другой стороны. Между тем Козер констатирует, так сказать, три (или даже четыре) различные теоретические основные формы стратегии: стратегия сокрушения, стратегия Фридриха Великого и стратегия измора. Это, прежде всего, вносит ту путаницу, что, заимствуя у меня термин «стратегия измора» (Ermattungs Strategie), он пользуется им в ином смысле — как «слабая, тусклая стратегия» — matte Strategie, не доводя в должной мере до сознания читателя это отклонение от первичного, основного смысла этого термина. Между тем на фактах нетрудно убедиться, что козеровское тройное подразделение не отвечает историческим фактам. То, что он, филологически допустимо, определяет как стратегию измора, а именно — чистую маневренную стратегию, представляет метод, который в действительности никогда не встречается в истории войн, и если бы где-либо и можно было найти пример такого метода, то уже во всяком случае не у противников, с которыми Фридриху пришлось бороться. Ни один из них, как то изображает Козер, принципиально не избегал сражения. Напротив, скорее они имели его в виду и добивались во всех тех случаях, когда считали его уместным.

Под Мольвицем австрийцы заставили Фридриха дать сражение, став на пути отступления пруссаков; под Хотузицем, Бреславлем и Гохкирхом наступление вели они; под Соором они всемерно готовились это сделать; под Лигницем они приняли все меры к тому, чтобы дать сражение с целью полного уничтожения противника. Такой же план был составлен перед Росбахом. Императрица Мария Терезия и император Франц точно так же, как и русский совет министров, постоянно настаивали на том, чтобы дано было сражение, и указывали на прусскую армию, а не на какое-либо приобретение территории, как на действительный объект военных действий. Следовательно, не усматривается какое-либо принципиальное различие между Фридрихом и его сторонниками. Да и как мог бы в таком случае Фридрих назвать метод Дауна правильным? Если бы в методе Фридриха, в отличие от метода его противников, преобладал безусловно принцип решения при помощи сражения, то в кампаниях 1762 и 1778 гг., а также в том факте, что после Лёйтена он за пять лет только один раз предпринял наступление против австрийцев в широком масштабе, он тем самым отрекся бы от самого

себя и проявил бы нерешительность и непоследовательное колебание то в ту, то в другую сторону.

Правильную оценку Фридриху можно дать лишь при условии, что различие между ним и его противниками будут искать не в иной теории и не в иных принципах, а в силе его личности, в решимости, в быстроте взгляда, в плодотворности ума, в твердости воли. Вся суть именно в этом различии, и так как Козер в этом случае не дошел до ясного и определенного понимания, то, несмотря на фактически правильную ориентацию его сочинения, проблема все же осталась окутанной известным туманом.

Отто Гинце в своем труде «Гогенцоллерны и их деяния» (Otto Hinze, Die Hohenzollern und ihr Werk), появившемся в 1915 г., выражается следующим образом (стр. 357): «Фридрих всегда предпочитал искать решения в сражении, в противоположность методистам старой школы, которые отдавали предпочтение маневрированию». Против этого, пожалуй, в общем не стоило бы возражать, но с научной точки зрения такая формулировка неточна или же прямо неверна. Ни противникам Фридриха не дано меткой, исчерпывающей характеристики в определении их как «методистов старой школы», ни сам Фридрих не предпочитал «всегда» искать решения в сражении — даже в 1756 г., не говоря уже о 1742, 1761, 1762 и 1778 гг. Там, где он к этому стремился, его стремление часто не было достаточно сильным, чтобы добиться такого решения,— как, например, в 1744 г.,— или же, когда он давал сражение, он сам на него смотрел как на средство отчаяния, своего рода «рвотное», и прибегал к нему потому, что иного выхода для него не было,— например, в 1741, 1745, 1760 гг.

Пока историки продолжали колебаться, оставаясь в нерешительности, а труд о войнах Фридриха Великого в дальнейших своих томах продолжал итти, хотя и с некоторыми смягчениями, по раз намеченному пути, в самом историческом отделе Большого генерального штаба возникло и одержало верх новое течение. В 1899 г. в «Военно-исторических монографиях» (Kriegsgeschichtliche Einzelschriften), выпуск 27, появилась монография под заглавием: «Взгляды Фридриха Великого на войну в их развитии в 1745 до 1756 г.» — «Friedrichs des Grossen Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwickelung von 1745 bis 1756»; автор ее почти без оговорок стал на мою точку зрения. Он точно устанавливает, что Фридрих сознательно и определенно отказался вступить на путь, подобный тому, по которому 50 лет позднее должен был пойти Наполеон (стр. 375). То, что я назвал полярностью в стратегических взглядах Фридриха, перефразируется так, что-де взгляды короля были нередко в состоянии коллизии между собою (стр. 374). Также и взгляд, который еще отстаивал Иенс — будто бы Фридрих при первых своих выступлениях в юношеском увлечении порвал с традиционными взглядами, — категорически отвергается автором. Еще после 1746 г. король-де всецело стоял на точке зрения традиционной теории, которая к сражению относилась с недоверием (стр. 267). Но тогда как в этом труде нашло себе выражение правильное понимание, большой труд о войнах Фридриха Великого продолжал выходить в прежнем духе, и то и дело появлялись отдельные работы сотрудников Большого генерального штаба, которые пытались приписать Фридриху принципы Наполеона.

Из полемической литературы по этому вопросу отмечу:

Von Taysen, Das militärische Testament Friedrichs des Grossen в «Miszellaneen zur Geschichte Friedrichs des Grossen», 1878 г.

Delbrück, Рецензия на это сочинение в «Zeitschrift für Preussische Geschichte», т. 15, стр. 2117.

Colmar von der Golz, «Zeitschrift für Preussische Geschichte», т. 16, 1879 г., с моим возражением.

Teodor von Bernhardi, Friedrich der Grosse als Feldherr, 2 т., 1881 г.

Delbrück, Рецензия на это сочинение в «Zeitschrift für Preussische Geschichte», т. 17, стр. 541.

Von Taysen, Zur Beurteilung des 7-jährigen Krieges, 1892 г.

Von Caemmerer, Friedrichs des Grossen Feldzugsplan für das Jahr 1754, 1883 гг. Последние два сочинения рецензированы мною в «Historische Zeitschrift», т. 52, стр. 155.

Von Malachowsky (Major), Die metodische Kriegsführung Friedrichs des Grossen в «Grenzboten», 1884 г., № 31. Мой ответ в «Preussische Jahrbücher», т. 54, стр. 195.

Delbrück, Ueber die Verschiedenheit der Strategie Friedrichs und Napoleons, в «Historischen und politischen Aufsätze», 1887 г.

Delbrück, Die Strategie des Perikles erläutert durch die Strategie Friedrichs des Grossen, 1890 г.

Max Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, отдел III, 1891 г.

Von Rössler (Major), Die Angriffspläne und die Verteidigungspläne Friedrichs in den beiden ersten schlesichen Kriegen. «Militärisches Wochenblatt», 1891 г.

Friedrich von Bernhardi, Delbrück, Friedrich der Grosse und Clausewitz, 1892 г.

Delbrück, Friedrich, Napoleon, Moltke, 1892 г.

Dalhoff-Nielsen (dänischer Hauptmann), «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine», февральский выпуск, 1902 г.

Von Boguslawsky (General-leutenant), Die Strategie in verschiedener Beleuchtung, «National-Zeitung», 1892 г., № 169 и № 175.

Gustaw Roloff, «Augsburger Allgemeine Zeitung», 1892 г., прилож. № 16.

Fr. von Bernhardi, «Augsburger Allgemeine Zeitung», 1892 г., прилож. № 65.

Richard Schmidt, «Göttingener Gel. Anzeiger», 1892 г., № 23.

R. Koser, König Friedrich der Grosse, I т., 1893 г., II т., 1903 г.

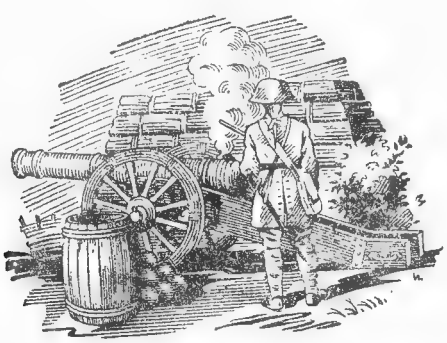
Grosser Generalstab, Abteilung für Kriegsgeschichte, Friedrich der Grosse, Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwickelung von 1745 bis 1756. Kriegsgeschichtliche Einzelschriften, вып. 27, 1899 г.

E. Daniels, «National Zeitung» от 28/XII 1898 г. и от 8/I 1899 г. Полемика с Богуславским и Иенсом.

Koser, Die preussische Kriegsführung im Siebenjährigen Kriege, «Historische Zeitschrift», т. 92 (104 г.), стр. 239 и т. 93, стр. 71. Мои ответы, т. 93, стр. 66—449.

Von Caemmerer, Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert. Моя рецензия в «Preussiche Jahrbücher», 115, стр. 347.

Fritz Hönig (Hauptmann), «Deutsche Heeres-Zeitung», 1892 г. №№ 18, 19, 22.



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЭПОХА НАРОДНЫХ АРМИЙ

Глава I

Революция и вторжение во Францию

ПО ОКОНЧАНИИ Семилетней войны политические организмы (politischen Gebilde) Европы впали в своего рода оцепенение. Колоссальная борьба этих семи лет закончилась, не внеся ни территориальных изменений в Европе, ни перемещений в соотношении сил. Державы, поняв, что они не могут нанести друг другу существенного ущерба, стали пытаться притти к взаимному соглашению, не прибегая к решениям силой оружия. Первый раздел Польши, отторгнувший от нее Западную Пруссию, Галицию и обширные восточные области, был произведен путем дипломатических переговоров. То же самое, что характеризует политику того времени, наблюдается и в стратегии и в военном деле вообще. Мы видели, как уже в Семилетнюю войну Фридрих все более и более стал приближаться к маневренному полюсу. В течение двух последних кампаний, 1761 и 1762 гг., а также во время войны за Баварское наследство 1778 г. он уже не дал ни одного сражения: в 1762 г. — несмотря на свое численное превосходство, в 1778 — несмотря на приблизительное равенство его сил с силами противника. Теория шла по тому же пути. Считали возможным совершенно отказаться от решения при помощи сражения и выработали чистую маневренную методику, которую и раньше кое-кто рекомендовал.

Фэш — «Правила и принципы военного искусства» (Fäsch, Regeln und Grundsätze der Kriegskunst, I, 213, 1771 г.), цитирует Тюрпена

де-Криссе: «Полководец никогда не должен ни допускать, чтобы его принудили к сражению, ни давать такового без особой нужды. Но если он решается дать сражение, он должен стремиться скорее щадить человеческую кровь, чем ее проливать».

Саксонский капитан Тильке [1] поучает, что не только нравы облагораживаются наукой, но и что «по мере того как тактика будет достигать все большей и большей высоты и совершенства, а офицеры приобретут в ней глубокое понимание и силу, все реже и реже будут иметь место сражения, да и самые войны».

Англичанин, генерал Ллойд, служивший во французских, прусских, австрийских и русских войсках и написавший первый систематический критический труд о Семилетней войне, пишет (1780 г.): «Умные генералы всегда скорее положат в основу своих мероприятий эти предметы (знание местности, науку о выборе позиций, об устройстве лагерей, о маршах), чем вверят свое дело случайности исхода сражения. Тот, кто знает толк в этих делах, может руководить военными действиями с геометрической точностью и постоянно вести войну, никогда не оказываясь вынужденным дать сражение» [2].

Ллойд отнюдь не был не заслуживающим никакого внимания, незначительным человеком. Так, например, он отлично доказывает (I, 320), что единственная разумная цель всякого маневрирования заключается в том, чтобы на о д н о м каком-нибудь пункте ввести в бой больше людей, чем противник.

Также и блещущий богатством мысли французский военный писатель граф Гибер, написавший весьма распространенное сочинение по тактике и радушно принятый королем Фридрихом, дозволившим ему в 1773 г. присутствовать на прусских маневрах, говорят, писал в 1799 г. (сам я этого места у него не нашел), что эра больших войн закончилась и что больших сражений мы больше не увидим.

Так как войну предполагалось вести путем маневрирования, то стали искать принципов, правил и рецептов этого искусства. Стали изучать географию, чтобы установить, где можно найти позиции, с одной стороны мало доступные для неприятеля, с другой — удобные для подвоза всего необходимого для своей армии. Особо выгодные в этом отношении позиции или крепости называли «ключами» страны. Установили, что реки или горы образуют внутри страны «секторы» («Abschnitte»), где оперирующая армия должна сосредоточиться, прежде чем минует их. Формы и правила тактики и крепостной войны перенесли на стратегию. Области рассматривались как бастионы и куртины крепости, и, например, формулу — войска должны остерегаться, чтобы в бою не быть атакованными с тыла, — перенесли и на стратегию, где, при известных условиях, бывает как раз наоборот, а именно: если представляется возможность разбить противника с одной стороны раньше, чем он успеет подойти с другой стороны и принять участие в сражении; между тем в тактике наступление в тыл дает себя знать непосредственно и действует с такого расстояния, с какого пушки и ружья могут поражать. Так как в течение боя выгодно занимать более возвышенную позицию, чем против-

---

[1] Tielke, Beiträge zur Kriegskunst, II. Предисловие.

[2] Des H. General von Lloyds Abhandlungen über die Allgemeinen Grundsätze der Kriegskunst, нем. перев., стр. XVIII.

ник[1], то из этого вывели стратегический принцип, что обладание водоразделами имеет решающее значение. Область, из которой армия черпает свое снабжение, назвали базой и пытались установить, в каком отношении должны находиться операции к этой базе. Простая, очевидная истина, что чем ближе армия находится к своей базе, тем легче бывает снабжать ее, облекалась в ученые, математические формулы. Линия, которая ведет от базы через расположение нашей армии к неприятельской, была названа «операционной линией»; если соединить передовую часть оперирующей армии с конечными пунктами его базы, которая мыслилась в виде линии, то получается треугольник; совершенно произвольно, но весьма многозначительно звучало поучение, что удаление армии от ее базы не должно-де превосходить расстояние, которое образуется, когда угол в вершине такого треугольника равняется 60° (т. е. угол этот не должен быть острее).

«История военного искусства» Иоганна Готфрида Гойера (1797 г.) — весьма ценный исторический труд — характеризует мышление того времени тем, что в одном энциклопедическом издании, «История искусств и наук», этот труд помещен как подотдел «Математики». Военное искусство понималось как практическое применение известных, теоретически установленных, математических знаков.

Последний представитель этого направления был Дитрих Генрих фон-Бюлов, брат Бюлова фон-Денневица, бывшего впоследствии генералом. Он развил сущность маневренной стратегии до последнего ее логического заключения, утверждая, что объектом операций является не неприятельская армия, а ее магазин. «Ибо магазины представляют собою сердце, поразив которое разрушают коллективный человеческий организм — армию». При помощи стратегического маневрирования на флангах и в тылу противника можно-де свести к нулю каждую победу, одержанную им при помощи оружия. А так как в пехотном бою ведут только огневой бой и решающим моментом является линия огня, то моральные и физические качества не имеют больше значения. «Ибо и ребенок может застрелить великана».

Как ни абсурдными представляются последние фразы, однако надо всегда иметь в виду, что основное понятие — чистая маневренная стратегия — было фактически продуктом предшествовавшей военной эпохи, и что эти писатели-систематики все же явились творцами некоторых понятий, как, например, «операционная линия» и «база», которые оказались на деле весьма практически пригодными и были сохранены военными теоретиками[2].

Лишенное внутреннего смысла военное дело, истолкователями которого были эти писатели, породило и таких генералов, как Зальдерн, который пространно рассуждает о том, лучше ли пехоте делать 75 или 76 шагов в минуту, или же как Тауенцин, который в самый разгар революционных войн, в 1793 г., отдал следующий приказ: «Коса должна сзади доходить до поясницы, а шпага — быть под-

[1] Фридрих писал Фуке (1758 г.): «Пушечный и ружейный огонь не оказывает никакого действия при стрельбе снизу вверх, и вести огневой бой с противником снизу — все равно, что драться палкой против оружия; это — невозможно».

[2] Положения, определяющие взгляды Бюлова, сведены Кеммерером, в его сочинении Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert (1904), причем, однако, им не обращено достаточного внимания на то, что многие положения Бюлова, не выдерживающие критики, в значительной мере сходятся с тем, что можно найти в трудах Фридриха Великого.

тянута выше бедра; две букли (Hammelspfoten) и туппе из завитых волос (in der Frisur)».

По мнению Гойера[1], за время революционных войн прусские войска усовершенствовались в том отношении, что от построения в три шеренги перешли к еще более тонкому построению — в две шеренги, но за три года этой войны они, хотя и участвовали в нескольких боях, однако не дали ни одного настоящего сражения. Как мало предчувствовали приближение нового времени, в достаточной мере явствует из того, что даже тогда, когда оно уже наступило, явилось несколько из цитированных выше сочинений, например: «История военного искусства» Гойера (Hoyer, Geschichte der Kriegskunst, 1797 г.) и «Дух новейшей военной системы» Бюлова (Von Bülow, Geist des neueren Kriegssystems, 1799 г.).

Всего три года прошло с тех пор, как скончался прусский король, когда во Франции вспыхнуло огромное внутреннее движение, которое постепенно втянуло в свой водоворот всю Европу. Победу революции решило отпадение армии, ее переход от короля на сторону республики, а эта победа революции, в свою очередь, не только внесла коренное изменение в характер армии, но и в тактику, а в заключение — коренным образом изменила стратегию и породила новую эпоху в истории военного искусства.

Повторные поражения, понесенные французской армией во время войны за Испанское наследство, не расшатали все же существенным образом ее структуры, а в царствование Людовика XV Франция еще добилась крупного внешнего успеха — присоединения Лотарингии. После этого она еще два раза пыталась произвести мощный натиск, стремясь одновременно добиться гегемонии в Европе и оспаривать у Англии колониальное господство в Индии и Америке, в первый раз — в союзе с Пруссией, во второй раз, в Семилетнюю войну — с Австрией, — и оба раза безуспешно. Армия ее была многочисленна и хорошо снаряжена, вожди ее не были лишены личной храбрости и искусства. Но принимать действительно крупные решения, каких требует стратегия, придворные генералы, командовавшие французскими армиями в Семилетнюю войну, не были способны. Я полагаю, что изучение кампаний Семилетней войны на Западном театре военных действий — прекрасная подготовка для изучения генезиса французской революции[2].

Я не хочу сказать, чтобы здесь проявились какие-либо чудовищные злоупотребления или нарушение долга со стороны правящего класса и руководящих лиц; и двор и генералы, как ни замкнуто-дворянским был их образ мыслей, оказались достаточно свободными от предрассудков, чтобы вверить важную должность генерал-интенданта армии выходцу из буржуазии; то был дю-Верней, сын кабатчика, который, хотя и вызывал много нареканий, однако, несомненно, сделал многое. Но во главе армии стояли преимущественно мелкие души, и надлежащему ее ведению сильно препятствовали личные интриги.

Повторные неудачи и поражения, понесенные французскими полководцами, разложили моральную основу армии, ее дисциплину.

[1] Hoyer, Geschichte der Kriegskunst, II, 949.

[2] E. Daniels, Ferdinand von Braunschweig, «Preussische Jahrbücher», тт. 77, 78, 79, 80, 82.

Ведь французская армия никогда не была дисциплинирована в том смысле и в том роде, как прусская. Во Франции ничего не знали о строгости и точности прусской муштры, о бесконечном труде, который затрачивался изо дня в день на это искусство. Французской дисциплины хватало как раз на то, чтобы поддерживать внешний порядок в войсках и вести их в бой. Когда же вернулись домой с Семилетней войны с малой славой, но с большим запасом самоосмеяния и критики, от военного авторитета мало что уцелело. Военный министр Сен-Жермен попытался произвести сильный нажим для восстановления военной дисциплины; он ввел, взамен ареста, по прусскому образцу фухтеля, удары обнаженным клинком, плашмя. Однако, эта мера встретила отпор как со стороны офицерства, так и со стороны рядовых. Как ни плохи были элементы, которыми преимущественно комплектовалась армия, все же солдаты не могли мириться с телесными наказаниями, а офицеры уклонялись от применения этой карательной меры, которая им претила. Ибо гуманитарный дух, которым была насыщена французская литература той эпохи, охватил и французское дворянство. Строгость, которую желали снова ввести, должна была бы проводиться сверху вниз, как это было в Пруссии; надо было подтянуть офицерство с не меньшей суровостью, чем рядовых. А этого нельзя было достигнуть министерскими распоряжениями и ссылками на пример прусской армии.

Сен-Жермен в 1758 г. писал генерал-интенданту дю-Верней: «Субординация — это те узы, которые связывают людей между собою и которые создают гармонию общества; там, где больше нет субординации, все приходит в замешательство, а затем очень скоро наступает хаос и всеобщее крушение». Но если, несомненно, дисциплина создает мощь, то и для создания дисциплины нужна мощь. Этой мощи уже не было у королевской власти Бурбонов, а неудавшаяся попытка Сен-Жермена ввести более суровую дисциплину в войска принесла только вред; дух противления лишь усилился и получил новое поощрение. Правда, абсолютизм Людовика XIV сломил упрямый дух сопротивления феодального дворянства, однако не искоренил его окончательно. С падением авторитета королевской власти и усилением нападок на нее снова возродилась оппозиция, которая пошла рука об руку с демократией и вовлекла в оппозиционное движение и офицерский корпус. Таким образом, и случилось, что в 1789 г. королевская власть не располагала армией для подавления народного движения, и общественная власть перешла в руки Национального собрания, давшего государству новую конституцию.

По этой конституции армия должна была попрежнему оставаться наемным войском. В воинской повинности усмотрели нечто насильственное и отклонили ее почти единогласно. Так как конституция была построена на принципе разделения власти, то распоряжение армией должно было, как и раньше, оставаться в руках короля, как власти исполнительной. Этого требовала доктрина, но, как это часто бывает, доктрина не отвечала требованиям жизни. Начали утверждать, что король, в качестве главы армии, представлял бы серьезную опасность для новой свободы, и потому ввели всевозможные ограничения для его исполнительной власти. Ему предоставлено было назначать лишь часть офицерского состава; остальные вакансии должны были замещаться по сложной системе старшинства и выборов. В округе, радиусом в 8 миль от места пребывания Нацио-

нального собрания, король не имел права держать никаких войск, кроме своей гвардии, численностью не более 1 800 человек. Иностранные полки должны были быть распущены. Наряду с постоянной армией должна была быть сформирована другая вооруженная сила, милиция, получившая название «национальной гвардии», которой должны были распоряжаться не король, а избранные народом бургомистры. Эта «национальная гвардия» представляла огромную массу людей, ибо все основные избиратели должны были входить в ее состав.

Несмотря на это, в случае реакции в общественном мнении, король, вероятно, снова захватил бы в свои руки бразды правления, если бы внутреннее движение не осложнилось в это время внешней войной.

При всех своих политических и национальных перегородках Европа все же представляет слишком большое единство, чтобы такое движение, как французская революция, не оказало сильнейшего действия и по ту сторону границ Франции. Хотя и неверно, будто короли объединились, чтобы задушить молодую свободу, зародившуюся во Франции, однако они все же пытались угрозами оказать известное давление, покровительствовали эмигрантам, собиравшимся большими массами на границе, и отказывались входить в полюбовное соглашение относительно еще сохранившихся в Эльзасе феодальных прав немецких князей. Все это дало повод французским демократам с своей стороны объявить императору Францу войну, которая, как они надеялись, не только придаст им моральную силу, но и доставит Франции старинный объект ее национального честолюбия — аннексию Бельгии. Между тем Австрия получила помощь от Пруссии, отказавшейся от политики Фридриха и теперь, в согласии с Австрией и в антагонизме с социальным переворотом, происшедшим во Франции, считавшей возможным выступить на новый путь, который должен был привести ее к могуществу и завоеваниям.

Французская армия оказалась почти небоеспособной. Офицерство, само еще фрондировавшее в начале революционного движения, с дальнейшим развитием его совершенно потеряло почву под ногами. Большинство, которое не могло помириться с новыми идеями и условиями жизни, покинуло армию и эмигрировало.

Была произведена попытка вторгнуться в Бельгию, которая оставалась почти беззащитной; но при первом появлении противника французы рассеялись, начали кричать об измене и перебили своих офицеров. Прошло более четверти года без военных действий, прежде чем подошла настоящая австрийская армия и пруссаки.

Тем временем французская армия несколько усилилась путем вербовки добровольцев из национальной гвардии, но большинство сформированных из них батальонов оказались непригодными. Тем не менее французы кое-как держались. Прусская армия, под начальством герцога Брауншвейгского, с вспомогательными отрядами насчитывала 82 000 человек. Австрийцы, только что закончившие войну с Турцией, все еще располагали лишь крайне небольшими силами в Бельгии, приблизительно — 40 000 человек. Тем не менее, вторжение в пределы Франции было предпринято в предположении, что основная масса населения Франции настроена монархически и будет приветствовать немецкие войска как своих избавителей. В этом отношении последовало полное разочарование. После того как пруссаки взяли

Лонгви и Верден, командующий французской армией Дюмурье занял за Аргоннами оборонительную позицию и остался на ней и после того, как пруссаки полностью ее обошли. У него было 60 000 человек; пруссаки же располагали в первый день 30 000, а во второй — 46 000 человек. Остальные войска были употреблены для заслонов против еще не взятых, расположенных позади, французских крепостей (Седана, Диденгофена, Меца). Вопрос сводился к тому, могли ли пруссаки в таких условиях отважиться на сражение с перевернутым фронтом? В случае поражения, они подвергались угрозе полного уничтожения. Но даже в случае победы они едва ли смогли бы проникнуть до Парижа при враждебном настроении населения. Правда, французские войска неспособны были к наступательным действиям, однако на их стороне было численное превосходство, и они обладали многочисленной артиллерией. Правильно оценивая свое положение и с решимостью, заслуживающей всяческой похвалы, Дюмурье ограничился обороной и удержал свою позицию. После канонады, выбившей из строя с обеих сторон не более 200 человек (20 сентября 1792 г.), пруссаки решили отказаться от атаки и, наконец, начали отступление.

Предпринял ли бы Фридрих атаку под Вальми? Вспоминая безумную отвагу его атак при Коллине, Лёйтене, Цорндорфе, Кунерсдорфе, Торгау, мы склонны дать утвердительный ответ на этот вопрос. Но если, с другой стороны, мы примем в соображение, что Фридрих всегда предостерегал от слишком глубокого вторжения в неприятельскую страну (Pointe) — ведь уже его продвижение в Богемии до Будвейса представлялось ему таким «вклиниванием» — и, наконец, что он никогда не помышлял о серьезной угрозе Вене, то мы готовы усомниться и перенести решение этого вопроса в область субъективной природы полководца; а здесь всякое гадание останется необоснованным.

Можно поставить вопрос и наоборот: такое решение — или, вернее, отказ от решения — не являлось ли претворением теории в практику, осуществлением ведения войны без кровопролития? Возможно, что психологически эти представления сыграли свою роль, однако на эту роль нельзя смотреть как на решающую. Решающим моментом было открытие, что натолкнулись на гораздо более сильное сопротивление, чем то, которое ожидали встретить; что помощь со стороны населения Франции, на которую рассчитывали, не оказалась налицо, и что для такого огромного предприятия, как поход на Париж, в котором сам Фридрих усомнился бы, силы были далеко не достаточны.

Вторжение во Францию потерпело крушение. Хотя это старое военное государство и было приведено в большое расстройство, причем этот ущерб далеко не был восполнен небольшим числом волонтеров и батальонами федератов, но и прусско-австрийское наступление было гораздо слабее того, например, которое некогда предпринимали объединенными силами Евгений и Мальборо; таким образом, стратегический результат кампании 1792 г. был естественным подытоживанием сил обеих сторон, которое не дает поводов к особым критическим оговоркам или персональным обвинениям.

Глава II

Революционные армии

Лишь после отражения нашествия начала постепенно формироваться во Франции новая военная организация на основе новых политических идей и условий.

Прежде всего усилили традиционную наемную армию батальонами добровольцев. При отражении нашествия они еще не оказали существенной помощи. Но когда, после ухода пруссаков, Дюмурье обратился против австрийцев к Бельгии, он получил, благодаря этим добровольцам, такое существенное подкрепление, что имел возможность атаковать при Жемаппе близ Монса австрийский корпус, едва насчитывавший 14 000 человек, втрое превосходными силами, опиравшимися на могучую артиллерию (6 ноября 1792 г.). Тем не менее французы пошли в огонь весьма робко и сначала были отражены австрийцами, но перевес сил на стороне французов был слишком велик для того, чтобы австрийцы могли использовать свой успех. Они очистили поле сражения и, в конце концов, были принуждены отдать французам всю Бельгию [1].

Четыре месяца спустя последовал обратный удар. Французы были разбиты австрийцами под Неервинденом (18 марта 1793 г.) и прогнаны за границу. Но как раз к этому времени конвент постановил (24 февраля) перейти от добровольной вербовки к принудительному набору и на первый раз призвал 300 000 человек. Их должны были поставить коммуны или по назначению, или по жребию. Следовательно, новый закон уже в значительной мере приближался к всеобщей воинской повинности, но у большинства французского народа он встретил сильное противодействие и был отвергнут им. В момент казни короля Вандея еще оставалась спокойной, но, когда стали заставлять крестьянских сыновей драться за враждебную церкви республику, поднялась вся деревня, а за нею и большие провинциальные города — Лион, Марсель, Бордо и более 60 департаментов из всех 83. Только бассейн Сены с Парижем и области, служившие театром войны, оставались послушными конвенту. В то время как на границе Франции угрожали австрийские, английские, прусские, пьемонтские и испанские войска, внутри кипела гражданская война, которая велась с ужасающей жестокостью. Однако, против внешних врагов республика держалась благодаря их раздорам и победила внутри, потому что за нее стояла демократизированная армия с батальонами добровольцев, сформированными в 1791 и 1792 гг. После широкого рекрутского набора, проведенного весной, оказалось возможным отдать приказ о — принципиально — всеобщей воинской повинности, levée en masse (23 августа 1793 г.). Призваны были все холостые молодые люди, годные в строй, в возрасте от 18 до 25 лет, без права заместительства. К 1 января 1794 г. армия хотя и не была доведена до 1 млн. человек, как гласит предание, но, по расчетам

---

[1] De la Jonquière, La bataille de Jemappes (Paris, 1902), на стр. 124 определяет силы австрийцев в 16 000 человек, а на стр. 143 — едва-едва в 14 000, силы Дюмурье (стр. 146) вместе с корпусом Гарвиля, оказавшим ему большое содействие, — в 40 000—42 000 человек.

герцога Омальского, все же достигла 770 000, из коих против внешнего врага стояло под ружьем около полумиллиона человек [1].

Это дало французам огромный перевес сил над наемными войсками старых держав, а потому им удалось достигнуть успеха при Гондшоттене (8 сентября 1793 г.) с 50 000 против 15 000 и при Ватиньи с 45 000 против 18 000. Действительного превосходства они, однако, еще не получили, так как республиканское правительство было еще не в состоянии дать прочное устройство этой огромной массе людей. Из 9 000 офицеров старой армии две трети, около 6 000 человек, ушли с военной службы; из старых генералов оставалось только три: Кюстин, Богарне и Бирон, и все три были гильотинированы. Таким образом, надо было снизу сформировать новый офицерский корпус. Особенно препятствовало то обстоятельство, что конвент еще в течение продолжительного времени относился подозрительно к бывшей королевской армии и потому не хотел отказаться от самостоятельных батальонов добровольцев. Когда генерал Кюстин, завоеватель Майнца, приказом по армии пригрозил расстреливать беглецов, бунтовщиков и подстрекателей, военный министр Бушотт выразил ему порицание, так как свободный человек должен добиваться повиновения своим приказам со стороны своих братьев не страхом, а приобретая их доверие. На это Кюстин отвечал, что он слишком хороший республиканец, чтобы смотреть на дурака, будь он даже министром, как на господа бога. После этого Кюстина гильотинировали. Депутат конвента, Карно, бывший капитан, будучи назначен Комитетом общественного спасения на должность военного министра, провел слияние добровольческих батальонов с старыми линейными полками, воссоздал пригодный офицерский корпус и, до известной степени, положил предел беспорядкам, расточительности и хищениям. Совершенно непригодные элементы сами собою устранились, и, так сказать, самая война на третий год (1794) выработала для французов новое военное устройство. Карно, приняв должность министра, оказался вынужденным уволить 23 000 офицеров, так как большинство оставшихся под знаменами хотели быть не рядовыми, а офицерами. Наоборот, в более скромных операциях, когда во главе стояли пригодные люди, революционные войска хорошо дрались уже и в 1793 г., как, например, при осаде Тулона, где при отличном командующем осадного корпуса, генерале Дюгоммье, состояли в качестве комиссара конвента циничный, но храбрый Баррас, а начальником артиллерии — лейтенант Буонапарте [2].

Совершенно однородные картины можно было наблюдать и в Вандее, и притом как с той, так и с другой стороны, — как в лагере восставших крестьян, так и в лагере республиканской национальной гвардии. По превосходной книге генерала фон-Богуславского об этой войне (Берлин, 1894 г.) можно всесторонне и вполне достоверно ознакомиться с тем, что́ эти народные ополчения дали и чего они дать не могли.

Чем дольше длилась война, тем больше изживались слабые стороны, и снова стали выкристаллизовываться более прочные военные

---

[1] Результаты февральского рекрутского набора исчисляются в 180 000 человек, а поголовный призыв — levée en masse — в августе — 425 000—450 000 человек, Kuhl, Bonapartes erster Feldzug, стр. 32, 33.

[2] Согласно, повидимому, вполне достоверному в общем описанию Г. Дюрюи, приложенному к мемуарам Барраса.

формы, в которых, однако, дух революции продолжал жить. — Саксонский лейтенант — впоследствии генерал — Тильман, писал еще с театра революционной войны на родину (1796 г.): «Мы приближаемся к моменту, когда великий народ, с которым мы ведем войну, будет нам предписывать законы и заставит заключить мир; нельзя не восторгаться этим народом; вчера я взял в плен гусарского офицера, поведение которого было так благородно, что можно притти в отчаяние, не встречая таковых у нас»[1]. В докладной записке 1808 г. он же свидетельствует, что «немецкий солдат религиознее, чем французский, но французский нравственнее, поскольку принцип чести оказывает на него неизмеримо большее влияние, чем на немецкого».

Демократизация армии, введенная новым военным устройством, принесла с собою особое преимущество, понизив претензии офицерства. Можно было существенным образом сократить обозы, ибо теперь офицерам дозволялось возить за собой лишь самые необходимые предметы. Пожалуй, предание и преувеличивает рассказы о тех предметах комфорта, какие офицеры старой армии, вплоть до лейтенантов, таскали за собою в поход; все же вполне естественно, что при сближении офицеров с рядовыми первые оказались вынужденными не слишком выделяться перед последними своей роскошью. В Пруссии каждый лейтенант имел 1 верховую и 1 вьючную лошадь[2], капитаны имели от 3 до 5 вьючных лошадей, и целые вереницы фур и телег обычно тянулись за войсками сверх уставных норм. Французские офицеры, — говорили в Пруссии, — конечно, не нуждаются в таком снаряжении, так как ведь они, по социальному положению, не более как унтер-офицеры, прусские же офицеры — дворяне, и, если бы их приравняли к рядовым, они бы чувствовали себя оскорбленными, униженными и поставленными ниже своего общественного положения[3].

Не одни офицеры, но и рядовые должны были подвергаться на службе отечеству лишениям, которых не захотели бы переносить наемные солдаты старого времени. Палатки были отменены, и солдаты стали бивакировать под открытым небом, в то время как за каждым прусским пехотным полком следовало не менее 60 вьючных лошадей, нагруженных палатками[4].

Новая военная организация породила и новую тактику.

Войска XVIII в. состояли почти повсеместно, лишь с немногими отклонениями, из профессиональных солдат: из офицерства, жившего в рыцарских представлениях чести и верности, и из рядовых, которые рассматривались как более или менее индиферентные. Дисциплина сковывала их в сплоченные тактические единицы, и чем эти построения бывали сплоченнее, тем выше их ценили. Совершеннейший тип представляла выступавшая в три шеренги, стрелявшая залпами линия.

---

[1] Другие суждения о новообразованном французском офицерском корпусе звучат совершенно иначе, например фон-дер-Марвиц (von der Marviz, Lebensbeschreibung, изд. Мейзеля, I, 459).— *Прим. Дельбрюка.*

Фон-дер-Марвиц — крайний реакционер, убежденнейший прусский юнкер.— *Ред.*

[2] Согласно Kriege Friedrich's des Grossen Большого генерального штаба, т. I, прилож. № 2, стр. 38, этот порядок существовал уже в 1740 г.

[3] Lehmann, Scharnhorst, II, 147.

[4] Приложение к «Militärisches Wochenblatt», 1901, стр. 436.

Новейшие республиканские войска уже не представляют наемников на службе монарха, они преисполнены собственными идеями, новым мировоззрением, новыми понятиями о свободе и равенстве, о защите отечества. Эти идеи нисколько не утратили своей силы, когда первоначальный принцип добровольности был заменен законом установленной воинской повинностью; в результате получился солдатский материал, который, коренным образом отличаясь от прежних наемников, открывал возможность для привития ему выдающихся воинских качеств. При этом не следует упускать из виду, что во французских национальных полках и до революции уже жило известное национальное чувство, — правда, в военном отношении еще не действенное, а во время революции даже способствовавшее разрушению дисциплины, и с нею вместе — и разложению старой армии; но оно претворилось в новый дух и облегчило переход. То же произошло с новой тактикой [1].

Естественно, что сначала республиканские армии попытались действовать в старых, традиционных формах. Но дать требуемое они не могли. Не имея возможности сохранять порядок и маневрировать при построении солдат в тонких линиях, их сомкнули в глубокие колонны и придали этим колоннам огневую силу, рассыпав впереди и по бокам отборных солдат или целые части в качестве стрелков (Schützen) или застрельщиков (tirailleurs).

Этот прием ведения боя не представлял собой чего-либо совершенно нового. Не только кроаты и пандуры в эпоху Фридриховых войн с большим успехом применяли стрелковый бой, но и пруссаки с той же целью сформировали вольные батальоны. Французы, с своей стороны, уже во время войны за Австрийское наследство придали своим линейным пехотным полкам отдельные роты легкой пехоты. Но все эти формирования были предназначены не столько для поддержки линейной пехоты в бою, сколько для выполнения второстепенных военных заданий — разведки, патрулирования, фуражировки, для чего линейная пехота была мало приспособлена. Опыт войны за независимость Соединенных штатов, где народное ополчение справилось с регулярными наемными войсками, состоявшими на английском жалованьи, несколько продвинул это дело вперед. Сформированы были особые батальоны легкой пехоты — фузильеры (наряду с мушкетерами), и каждой роте придали известное число стрелков, вооруженных нарезными ружьями. Нарезное ружье, винтовка, изобретенная еще в XV в., обладает преимуществом меткости выстрела; гладкоствольное же — быстроты заряжания; разница — приблизительно аналогичная той, какая существовала между луком и арбалетом (т. III, стр. 405). Однако, многие теоретики предпочитали преимущество быстрого заряжания; ибо, — говорили они, — в пылу сражения не приходится целиться с большой точностью, а в массе несколько выпущенных из ружей лишь примерно нацеленных выстрелов имеют бо́льшую действительность, чем одиночные выстрелы из винтовок, хотя бы и с порядочным прицелом.

За «застрельщиками» французских революционных армий следовали, как резерв, для конечного решительного удара колонны.

[1] Это с полным правом усиленно подчеркивает Кеммерер (Caemmerer), Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im XIX Jahrhundert, 1904, гл. 2.

И стрелковый бой и тактика колонн революционных войн имели своих предшественников, но в то время как первый возник из практики, вторую породила теория. Развитие тактики пехоты привело к тому, что, в целях усиления действия огня, построение делалось все более тонким. Однако, тонкая линия должна была не ограничиваться одной стрельбой, но и наносить удар. При затруднительности стрельбы на ходу, пруссаки одно время хотели при атаке наносить удар без выстрела. От этого, впрочем, скоро отказались, но появились теоретики, и в частности француз Фолар, которые указывали на то, что удар более глубокой колонны будет оказывать совсем иное действие, чем удар тонкой линии. Колонна безусловно должна прорвать и разорвать на части тонкую линию. Поговаривали даже о том, чтобы заменить ружье со штыком пикой. Граф Липпе, учитель Шарнгорста, на службе которого последний находился, был поборником этой идеи, и молодой Шарнгорст с ним соглашался (1784 г.[1]). Передают также об одних французских маневрах, состоявшихся в 1778 г. под руководством герцога Брольи, одного из талантливейших французских генералов того времени, на которых соединение подготовительного огневого боя с заключительной атакой колоннами предуказало новый боевой прием[2]; даже в Семилетнюю войну, в сражении при Бергене, Брольи вводил в бой свою пехоту таким образом. В течение всего промежутка времени, отделявшего Семилетнюю войну от войн революционных, преимущества линии и колонны служили темой теоретических дебатов, и хотя в общем за сторонниками линии остался перевес, тем не менее французский строевой устав 1791 г., — следовательно, изданный уже во время революции, но еще не затронутый ее духом, — наряду с линейным построением предусматривал несколько построений колоннами, между прочим батальонную колонну из середины. Сам устав не выводит из этого никаких дальнейших заключений; он всецело выдержан в духе линейной тактики. Представляется, что колонны включены чисто внешним образом, но не введены органически в систему пехотного боя[3]. Но теперь практика революционных войн отвергла то, что ей не подходило — длинные выравненные линии — и воспользовалась построением колоннами, которое, даже без чрезмерной точности в построении, все же было пригодно, в сочетании, правда, с заранее уже известным, но получившим теперь сильное развитие стрелковым боем. Колонны не только обладали преимуществом более сильного удара, но и могли с гораздо большей легкостью передвигаться по неровной местности, чем линии, и легко находили прикрытие, укрывавшее их от взоров и орудийного огня противника.

Новый метод ведения боя можно было бы охарактеризовать так, что тактика линейной и тактика легкой пехоты слились, получив добавление в виде заимствованной у теории колонны. Но это вызвало бы побочное представление, будто мы имеем дело с сознательным новым изобретением, что на самом деле неверно. Ни в одном дошедшем до нас источнике мне не попадалось указаний на то, чтобы

---

[1] Klippel, Leben Scharnhorst's, I, 44, прим. Принципиально высказанное в данном случае согласие на практике было, однако, весьма ограниченным: Lehmann, Scharnhorst, I, стр. 51.

[2] Jähns, III, 2588.

[3] Так, несомненно верно, отмечает Kuhl, стр. 43.

существовало в сознании представление о создании или желании создать что-то новое, лучшее, как то было в отношении государственного строя, а просто пользовались из числа традиционных форм теми, которые можно было применить, отказавшись от тех, которые были непригодны. Таким образом, возникла совершенно новая форма боя, в которой, однако, каждый отдельный момент преемственно связан с чем-то традиционным, имевшимся в наличности [1].

Даже тогда, когда дисциплина была восстановлена и армия снова получила более твердые формы, не было введено нового систематизированного порядка. Наполеон не дал нового строевого устава, и французская армия вплоть до 1831 г. продолжала обучаться по уставу 1791 г. Следовательно, в области тактики не только революция непосредственно была связана с традицией, но и в дальнейшем развитии вновь воспринимались такие традиционные моменты, которые успели уже утратиться. Особенно это относится к дисциплине. Генералы, сделавшие карьеру во время революции, были почти все (за исключением главным образом Моро) уже до революции солдатами, большей частью молодыми лейтенантами, как, например, Бонапарт; и убеждение, что плодом муштры является дисциплина и что боеспособность войска покоится на дисциплине, сохранилось в их умах сквозь все смуты и беды революции. Как только новые генералы снова взяли в свои руки армию, они усердно и строго стали работать в этом направлении. Тотчас после заключения мира 1797 г. Наполеон отдал приказ, чтобы офицеры изучали уставы, чтобы по утрам производилось одиночное учение, по вечерам — батальонное, а два раза в неделю — полковое. Сам он лично производил инспекторские смотры так усердно, «как настоящий казарменный фронтовик» (Kazerner-Troupier) [2]. Как только он получил власть, он разрешил зачислять рекрут в полки не раньше, чем они будут внешне вымуштрованы и притом приучены внутренне к военным порядкам [3].

Оригинальное свидетельство того, как в новой французской армии происходило смешение новизны и старины, милитаризма и национального духа, представляет приказ Наполеона о зачислении в войска негров. Когда в Египте, отрезанный от родины, он увидел, как постепенно тает его армия, он написал генералу Дезэ (Desaix) 22 июня 1799 г.: «Гражданин генерал! Я хотел бы купить от 2 000 до 3 000 негров, в возрасте от 16 лет и старше и зачислить их приблизительно по 100 человек в каждый батальон».

До тех пор, пока стрелковый бой оставался приемом, применяемым по необходимости, постоянно угрожала опасность, что его

---

[1] Особенно ценного свидетеля мы имеем в лице Дюгема (Duhesme), который проделал все революционные войны с самого начала и в 1814 г., будучи генерал-лейтенантом, издал книгу Essai sur l'infanterie légère, начав писать ее еще в 1805 г. Он свидетельствует, что стрелковый бой был введен лишь по нужде, и говорит (стр. 114), что в 1793 г. вся французская пехота усвоила себе боевые приемы легкой пехоты; это не вполне верно, постольку, поскольку в новый способ ведения боя входил не только рассыпной строй, но и следующие за ним ударные колонны, которые не принадлежат к боевым приемам легкой пехоты.

[2] Цитата заимствована у Kuhl, стр. 44.

[3] Относительно других отраслей военной деятельности Наполеона весьма нагляден и документально обоснован труд Германа Гирля (Hermann Giehrl, Der Feldherr Napoleon als Organisator). Обзор его организации связи и сношений, его способов работать и отдавать приказы. Берлин, Э. С. Миттлер и Сын, 1911 г.

разовьют слишком широко и что у командования не останется достаточно войск для производства конечного удара. Поэтому, когда вновь водворился некоторый порядок, стали снова ограничивать стрелковый бой. Стали применять одновременно и попеременно, в зависимости от потребности, стрелковый бой, линейное построение и колонны. По этой причине коренное противоречие между старой и новой тактикой не так бросалось в глаза внешнему наблюдателю, как можно было бы полагать, и современники, в частности сами французы, едва отдавали себе отчет в происшедшей на их глазах перемене, при этом из многих показаний усматривается, как мало думали о систематической разработке новых форм. Для стрелкового боя, естественно, необходимо обучение солдата стрельбе; но в этом направлении делалось так мало, что начальник штаба Бонапарта, Бертье, еще в 1800 г., за несколько дней до выступления в поход через Большой Сен-Бернар должен был издать приказ: «С завтрашнего дня надлежит заставлять всех новобранцев ежедневно делать несколько выстрелов; их следует обучить тому, как прикладывать ружье, чтобы нацелиться, и как, наконец, надо заряжать ружье». В том же (1800) году вышла в Германии уже упомянутая нами превосходная книга Гойера «Geschichte der Kriegskunst». В ней автор ставит вопрос: «Приобрело ли что-либо, в смысле своего развития, военное искусство за эту войну (с 1792 г.)?» На этот вопрос, — полагает автор, — невозможно ответить безоговорочно ни да, ни нет. Далее идет перечисление: более разностороннее использование артиллерии, удачное применение стрелков в горной войне, применение воздушных шаров для рекогносцировки: «На основании всего этого можно, правда, утверждать, что военное искусство развилось за эту войну, как, впрочем, и всякая война вообще содействовала развитию военного искусства, но что коренному перевороту тактика не подверглась. В одном месте (II, 958) он говорит о стрелковом бое в Вандее. Колонны представляются ему просто беспорядочными толпами, что с внешней точки зрения и верно. «Ни в одну войну, — говорит он (стр. 1017), — не применялось так часто искусство полевой фортификации, как в настоящую». В другом же месте (т. I, Предисловие) он говорит об усовершенствованиях ружья, о более сильно действующем порохе, об изобретенном оптическом телеграфе. Наконец (стр. 886), он говорит, что победы одерживали те революционные генералы, которые разыскали позиции, выбранные прежними французскими генералами в пограничных местностях и зачерченные в военном министерстве, которые умели читать карты и ими пользоваться.

Мы, обозревающие эволюцию в ее последовательном ходе, видим военно-историческое значение революционных войн не в усовершенствовании пороха и ружей; происшедшие за это время изменения в этом отношении представляются нам столь ничтожными, что мы даже говорим, что войны Фридриха и Наполеона велись одними и теми же ружьями. А то, что тогда достигалось при помощи наблюдения с воздушного шара, представляется нам не более как курьезом. Никто из нас не видит в применении полевых укреплений существенного признака революционных войн и не приписывает победы революционных генералов тому, что они сумели высмотреть на картах позиции, открытые прежними французскими генералами. Единственным решающим для нас моментом является новая организация армии, сперва породившая новую тактику, из которой затем

должна была развиться и новая стратегия. Гойер, этот умный, образованный наблюдатель-специалист, усматривает новую тактику лишь в горной войне и в Вандее, а о новой стратегии он даже не подозревает.

Когда начала приближаться война с коалицией, французы предложили пост главнокомандующего армией герцогу Фердинанду Брауншвейгскому — тому самому, который затем командовал против них армией коалиции и был разбит в 1806 г. под Ауэрштедтом. Фридрих Великий так высоко ценил храброго принца и осыпал его такими похвалами, что его почитали за величайшего из оставшихся в живых полководцев. Так некогда готы предложили полководцу своих противников — Велизарию — корону [1], и подобно тому как этот наивный план гóтов служит нам доказательством, что их военное дело было совершенно чуждо всякой политической мысли, так можно использовать и эту идею французов как свидетельство того, что они даже не подозревали, что их революция означала наступление совершенно новой эпохи в военном деле.

При новой форме боя потери были гораздо меньшими, чем при линейной тактике, когда сомкнутые части попадали в сферу картечного огня или когда они взаимно осыпали друг друга своими залпами. Это уже было отмечено современниками. Шарнгорст, рецензируя в 1802 г. одну французскую книгу, доказывал [2], что во время революционных войн среди старших генералов было мало убитых. Совершенно иное видим мы в прусской армии во время Семилетней войны. В первые же годы ее эта весьма небольшая армия потеряла обоих своих фельдмаршалов, Шверина и Кейта, кроме того — еще Винтерфельда и других наиболее известных и старейших генералов. Но и в каждом отдельном сражении этой войны (например, под Прагой, Цорндорфом, Кунерсдорфом, Торгау) пало больше людей, чем в течение целой кампании революционной войны (т. е. чем в 4—10 сражениях), не исключая даже итальянской кампании Бонапарта.

Также в 1813 г., насколько я припоминаю, единственным прусским генералом, который был убит, был Шарнгорст [3]. В общем же потери за время наполеоновских войн снова очень возросли [4].

Старые державы расценивали новые боевые приемы французов как вырождение и сознательно их отвергали. Австрийский фельдмаршал-лейтенант и генерал-квартирмейстер, Мак, составил в октябре 1796 г., следовательно, тогда, когда Бонапарт одержал свои победы в Италии, а Журдан и Моро оказались вынужденными снова отступить из Германии, — памятную записку, в которой он излагает преимущества старых форм боя. Во Фландрии, где сильно пересеченная местность не дает возможности вести атаку сомкнутым строем, австрийская армия тоже приучилась к наступлению рассыпным строем. Даже без особого распоряжения пехотная атака вырож-

[1] Том II, стр. 360.
[2] Перепечатано у Klippel, т. III, стр. 40.
[3] Шарнгорст умер от раны.— *Ред.*
[4] В одном подробном исследовании (Gustaw Roloff, Der Menschenverbrauch in den Hauptschlachten der letzten Jahrhunderte, «Preussische Jahrbücher», т. 72, стр. 105, 1893 г.) автор установил волнообразные подъемы и снижения цифр потерь, начиная с XVII в., причем совместно и одна против другой действовали различные причины (оружие, тактика, стратегия).

дается в него, как только в пылу сражения исчезает первоначальный порядок. «Однако, против этого злоупотребления следует бороться, ибо оно ослабляет напор атаки и может, при неожиданном сопротивлении неприятеля, вырвать из рук первоначально достигнутый успех, а в случае появления некоторого количества неприятельской кавалерии приводит к неизбежной гибели рассеянных, опьяненных победой войск... Регулярную, выравненную, стойкую пехоту, когда она храбро наступает сомкнутым строем, полным шагом (in gestreckten Schritten), под прикрытием огня своей артиллерии, не могут задержать рассыпавшиеся застрельщики; поэтому она не должна уделять внимания последним и не должна задерживаться ни ведением стрелкового боя, ни открытием огня частями, а поскорее добраться и взять за горло противника, все время поддерживая самый строгий порядок в своем построении... Этот метод поистине более всего сберегает людей; вся эта пальба и выделение застрельщиков влекут за собою потери и не приводят к решительному исходу».

Таких же взглядов, естественно, держались и в Пруссии. Весьма наглядно отражен подобный ход мышления в одной памятной записке, вероятно, от 1800 г., которую генерал фон-Франзекки опубликовал в одном этюде о генерале Гнейзенау в 1856 г. (Приложение к «Militär-Wochenblatt», стр. 63). В ней мы читаем: «Стрелковый бой из всех форм боя — самая естественная, т. е. она более всего отвечает заложенному в нас инстинкту самосохранения; из этого, однако, вовсе не следует, чтобы она была наиболее целесообразной, как некоторые пытаются это доказать. Ведь самая война противоречит человеческой природе; стараться привести ее в согласие с последней — значит сделать ее невоинственною, а это, во всяком случае, не может быть задачей военного искусства. Кто-то совершенно правильно однажды заметил: «Перестрелка питает в человеке природного подлеца, который, говоря откровенно, сидит в каждом из нас, а его-то подавить мы и должны стараться». Тут мы слышим, как против нас подымается целый хор голосов. «Подвиги французской армии! — кричат нам, — отвага их стрелков, их атаки сомкнутыми колоннами в итальянских сражениях! — Разве все это не доказывает противное?» На это мы совершенно спокойно отвечаем: для нас — нет. Как бы мы ни уважали опыт, мы все же слишком мало придаем значения подобным общим цитатам, чтобы наш здравый рассудок капитулировал перед ними. Он же нас учит тому, что человек, привыкший всегда пользоваться каким-либо прикрытием от опасности, превратится в труса, когда он лишится этого прикрытия и окажется вынужденным пойти навстречу опасности. Попытаемся распутать сумятицу этих голосов, чтобы узнать, что́ мы можем на них ответить. Тем, кто кричит о подвигах французов, мы напомним, что в кампанию 1793 г., так же как и в кампанию 1794 г., в кампанию 1799 г., так же как и в кампанию 1800 г., французы с одинаковым успехом проделали со своим стрелковым боем как наступление, так и отступление, и, что, вторгаясь в Швабию и убегая из нее, они применяли один и тот же стрелковый бой. Приходится поневоле говорить эти общие места, когда видишь, что люди не продумывают или не хотят продумать эти факты. Относительно отваги французских стрелков, если то действительно была отвага, мы заметим следующее. Каждому роду опасности соответствует особый род мужества. Голландец не может понять, как можно вверить свои кости необузданному нраву

дикого коня; зато он совершенно спокойно плавает по бурным волнам океана. Человек, приученный стоять в строю, уж, конечно, неспособен с такой дерзостью прокрасться к самым пушкам крепости, как французский стрелок; он особенно будет бояться опасности быть взятым в плен или зарубленным, либо затоптанным кавалерией; наоборот, стрелок, лишенный привычной защиты своих изгородей, канав, ям и пр., решит, что ему ничего другого не остается делать, как удрать к этим закрытиям и искать их защиты.

«Однако, такой недостаток мужества, происходящий от незнакомства той и другой стороны с известного рода опасностью, еще не доказывает того, что́ мы утверждали выше, что стрелковый бой вообще ослабляет мужество, или, вернее, презрение к опасности. Если стрелок становится все более и более отважным, то это происходит оттого, что он начинает понимать, что опасность не так уж велика, как он себе ее воображал, и потому, что с каждым днем он сам становится все хитрее и изобретательнее на разные уловки и приемы. Следовательно, в нем растет не презрение к опасности, а он лишь приучается искуснее с ней бороться. Там, где он этого не может делать, где он ей может противопоставить одно лишь презрение, там-то и обнаружится, как тем временем он воспитал и взрастил в себе естественного подлеца.

«Что же, наконец, касается сражений в Италии, в которых французы, наперекор только что сделанным нами выводам, с чрезвычайным презрением к опасности шли без какого-либо прикрытия навстречу смерти сомкнутыми атаками, то на это мы имеем сказать следующее:

«Во-первых, мы слишком мало знаем об этих опасностях, чтобы сказать, какую степень мужества и храбрости проявили в данном случае французы и какое сопротивление при этом приходилось им преодолевать. Все описания этих боев изобилуют пышными тирадами и крайне бедны подробностями. В общем, о мужестве, проявленном в бою той и другой стороной, приходится судить по числу убитых и раненых, а в этом отношении, судя по хорошо всем известным результатам, революционные войны ни в какой мере не приходится сравнивать с Семилетней войной. Во-вторых, мы в данном случае говорим не о той необузданной храбрости, одушевляющей людей во время свалки как бы некоей страстью и являющейся природным свойством французов, так как они живее, чем другие национальности, но о холодном презрении к смертельной опасности, сохраняющем в длительном бою порядок и выдержку, которое мы находим доведенным до высшей степени в старых испанских отрядах в сражении при Рокруа и в прусской армии, воспитанной в духе Леопольда (Дессау), под Мольвицем. Поэтому наш вывод остался непоколебимым.

«Стрелок, благодаря навыкам своих боевых приемов, теряет мужество, необходимое для боя в сомкнутом строю. Из этого следует, что линейная пехота никогда не должна вести стрелкового боя рассыпным строем, если она не желает утратить часть своей боеспособности как линейной пехоты.

«Те, кто желает ввести стрелковый бой утверждают, будто на пересеченной местности иначе как рассыпным строем сражаться нельзя. В основе этого утверждения лежит коренная ошибка.

«Когда с батальоном, который никогда не действовал в рассыпном строю, но рабски сохраняет свои ряды, приходится проходить через лесную заросль, как бы густа последняя ни была, чтобы нанести удар неприятелю, то, конечно, маршировать стройными шеренгами и рядами невозможно, а приходится несколько разомкнуться и двигаться людям поодиночке.

«Но разве это называется рассыпным строем? — Отнюдь нет! Имеют ли намерение в этот момент вести стрелковый бой? — Еще менее! Утрачивается ли в этом случае существо сомкнутой атаки? — Тоже нет! Хотят ударить на противника и его опрокинуть, как то, собственно, имеет место при всяких атаках. Батальон, атакующий по самой ровной местности батарею, не сохранит же в самом деле до последней минуты свое построение по шеренгам и рядам, и все же дух сомкнутой атаки сохраняется.

«Раз линейная пехота не должна вести стрелкового боя, то и в мирное время ее нечего и не следует ему обучать, по той причине, что и на войне его не следует дозволять даже там, где в частности его можно бы почитать и безвредным.

«Не диво, если французские стрелки, сотнями тысяч нахлынувшие из недр своей страны, отбросили наши старые принципы. Однако, если и можно до известной степени испугаться такого явления и потерять голову, надо все же притти в себя, если заслуживаешь имени мужчины».

После понесенных ими поражений старые державы, наконец, прозрели и усвоили себе новые боевые приемы французов. Ведь зачатки их у них уже были в лице легкой пехоты и распределенных по ротам стрелков, вооруженных винтовками; тут произошло дальнейшее развитие, естественно, путем пересмотра уставов — сначала у австрийцев, в 1806 г., затем у пруссаков, в 1809 и 1812 гг. Если бы случайно сохранились одни только прусский и французский строевые уставы, можно было бы вообразить, что у нас в руках имеется документальное доказательство того, что тактика боя в рассыпном строю придумана пруссаками в 1812 г.; и этому тем охотнее поверили бы, если бы кто-нибудь разузнал, что еще в 1770 г. Фридрих Великий в своем труде «Элементы кастраметрии и тактики» (Elements de castramétrie et de tactique) предписывал, чтобы при наступлении впереди первых уступов линии шла стрелковая цепь из вольных батальонов, и что незадолго до своей кончины великий король приказал сформировать батальоны легкой пехоты. В действительности эти вольные батальоны предназначены были не для положительных действий, а лишь для того, чтобы привлекать на себя неприятельский огонь, а с легкой пехотой мы познакомились не как с преобразованной пехотой, а как с вспомогательным родом войск. Для того чтобы создать новую тактику, потребовалось создание нового государства. Случайно сохранившиеся отдельные сообщения можно лишь тогда признать достоверными и видеть в них правильное отображение действительности, когда можно установить, что они совпадают фактически с общим направлением развития.

В области истории военного искусства этот метод критики имеет особое значение. Как было одурачено историческое исследование пресловутым указанием Ливия (Livius, VIII, 6), будто римляне еще в древнейшие времена умели маневрировать и вести бой очень небольшими тактическими единицами, или теми случайно сохранившимися

капитуляриями последних лет царствования Карла Великого, из которых, казалось, нельзя было не заключить, что ленная система была введена в то время! И, наоборот, можно сослаться на подобные аналогии и в отрицательном смысле. Глубокое, коренное изменение, которому подверглась античная тактика, заключалось в переходе от массового напора фаланги к линейному порядку во время второй Пунической войны. Но Полибий, современник Сципионов, так же мало нам об этом рассказывает, как и Гойер, современник Бонапарта,— о превращении линейной тактики в тактику рассыпного строя, хотя и того и другого мы должны признать за обладавших специальным образованием наблюдателей высшего порядка. Мы не располагаем также документальными повествованиями о возникновении ленной системы. Не лучше обстоит дело с вопросом об исчезновении римских легионов в III в. императорского периода. Какой коренной переворот эти изменения ни вносили бы, все же они протекают в порядке постепенных переходов, которые скрывают их от глаз современников, а случайно дошедшие до нас отрывочные сообщения преданий или недоразумение несведущего рассказчика (вроде Ливия) вызывают путаницу, разобраться в которой критике удается лишь после работы нескольких поколений.

Как мы выяснили в начале настоящего труда, все военное искусство заключено между двумя полюсами или основными силами — храбростью и боеспособностью индивида и сплоченностью и стойкостью тактической единицы. Две крайности — это, с одной стороны, рыцарь, почти всецело предоставленный личным достижениям, и стреляющий залпами батальон пехоты Фридриха Великого, где каждый до такой степени пригнан, как часть, к машине, что даже строптивые элементы могут быть отлично использованы. Регулируемый и руководимый сверху стрелковый бой имеет своей задачей соединить выгоды тактической единицы с выгодами доброй воли отдельного индивида. Предпосылкой для такого изменения является, следовательно, солдатский материал, от которого ожидается, что он обладает доброй волей. Такой доброй волей отличались старые наемники, которые добровольно шли к вербовщикам. Но составленные таким образом армии могли быть только малочисленными. Увеличение размера армий повлекло за собою и ухудшение материала. Новая идея защиты отечества принесла с собою не только новое численное увеличение, но и такое усиление доброй воли в этой массе, что на основе ее могла развиться и новая тактика.

В артиллерии значительные улучшения в конструкцию орудий внес Грибоваль еще в последние годы старой монархии. Постепенно додумались, где без ущерба для прочности можно сэкономить на металле и весе орудий. До тех пор тяжелые орудия вывозились перед началом сражения на предназначенные им места, и, раз установленные, они обычно уже не меняли своей позиции. Поэтому могли обходиться тем, что их перевозили крестьяне. Продвигавшиеся же вперед войска сопровождались совсем легкими батальонными орудиями, которые везла на себе пехота. Грибоваль настолько уменьшил вес полевых орудий, что на поле сражения их перевозить могли сами солдаты, снабженные с этой целью кожаными лямками. Революция ввела конную артиллерию по образцу прусской. Наполеон, немедленно по вступлении его в командование, внес то улучшение, что милитаризировал ездовых. Крестьяне, перевозившие раньше

орудия, как только они попадали в сферу неприятельского огня, обнаруживали чрезмерную склонность уходить, уводя с собою лошадей. С методически обученным личным составом и лошадьми артиллерия теперь уже могла следовать за пехотой на поле сражения, а потому легкие орудия, перетаскиваемые солдатами, были упразднены. Если значение артиллерии, благодаря ее большей подвижности, таким путем увеличилось, то, с другой стороны, она, как и кавалерия, утратила долю своего значения, вследствие того, что численный рост армии коснулся исключительно пехоты. В то время как под конец Фридрих Великий возил за своей армией по семи орудий на каждую тысячу человек пехоты, во время революционных войн эта пропорция снизилась до двух орудий и даже до одного орудия на тысячу человек, с тем чтобы снова несколько подняться во времена империи. Под Ваграмом у Наполеона было несколько больше двух орудий на тысячу человек (395 на 180 000), в 1812 г. — приблизительно три[1]. Большая подвижность этой артиллерии дала возможность выдвинуть новый тактический принцип ее применения. Сосредоточивали действие огня на определенном пункте, который, таким образом, подготовляли для прорыва пехоты. Такой результат достигался с тем большей легкостью, чем неожиданнее для неприятеля. это удавалось выполнить. Однако, и эта идея возникла во французской армии и преподавалась в ней еще до революции[2].

В старых армиях самой крупной постоянной единицей был полк, и для каждого сражения издавали особый приказ («Ordre de bataille»), которым между генералами распределялось командование линиями или частями линий. Стрелковый бой, рассчитанный на большую продолжительность и требовавший взаимной поддержки разных родов войск, сделал желательным более постоянное объединение войсковых частей. Поэтому французы создали сначала дивизии, а позднее — и армейские корпуса. На первый взгляд это представляется чисто внешним распорядком, но в то же время такое объединение является выразителем совсем иного духа в способе ведения боя. Сражение эпохи Фридриха Великого было построено на организованном самим полководцем едином решительном ударе, который должен был приводить, и неизбежно приводил, к быстрому исходу. Теперь сражение стало распадаться на отдельные, а может быть, даже на многие отдельные акты, в которых дивизионный или корпусный командир располагал, по собственному усмотрению, своими различными родами войск — своими стрелками, своей сомкнутой пехотой, своей подвижной артиллерией, а полководец только с развитием боя и в зависимости от обстоятельств принимал решение относительно удара, который должен был дать конечный результат.

Хотя от линейного построения окончательно не отказались, однако оно отошло на второй план. Вместо него все большее и большее значение для хода сражения стало приобретать сохранение и использование резерва. Сражение уже не строилось на решении первым ударом, но сперва завязывалось, питалось из глубины, затягивалось

---

[1] Freytag-Loringhoven, Die Heerführung Napoleons, стр. 43, насчитывает для 1809 г. «немногим больше 1½ орудий на 1 000 человек, а для 1912 г.— 3½».

[2] Caemmerer, Geschichte der strategischen Wissenschaften, стр. 14, цитирует по Colin, L'éducation militaire de Napoléon.

или усиливалось. «Сражения выигрываются только тем, что в критический момент подкрепляют боевую линию», — писал маршал Сен-Сир [1].

Различия между сражением Фридриха и сражением Наполеона можно представить схематически приблизительно в следующем сопоставлении, если не слишком уточнять смысл отдельных выражений:

Фридрих	Наполеон
Армия составляет единое целостное тело.	Армия распадается на корпуса и дивизии.
Начальники линий или частей их не отправляют иных функций, как только передают приказы полководца и, следуя верхом впереди своих частей, показывают войскам пример неустрашимости.	Посредствующие командиры выполняют самостоятельные задачи и имеют возможность применять на деле свой боевой опыт и компетентное суждение.
Полководец распоряжается развертыванием войск и наступлением согласно определенной идее.	Полководец завязывает сражение по всему фронту и от момента к моменту решает, где и как он его разовьет дальше и доведет до решительного исхода (on s'engage partout et après on voit — всюду завязывают бой, а затем будет видно).
Никаких, либо крайне ничтожные резервы.	Очень сильные резервы.
Первый удар — самый сильный.	Последний удар—наиболее сильный.
Случай играет огромную роль.	Случай сохраняет свою власть, но уступает первенство численному превосходству и лучшему командованию.

Подобно тому как полководец разлагает сражение на отдельные акты, руководство которыми он передает подчиненным ему генералам, так точно он слагает с себя заботу о подробностях походного движения. Жомини рассказывает про Наполеона, будто он намечал по карте передвижения корпусов при помощи циркуля, открытого на дистанцию 7—8-часового перехода по воздушной линии. Во время похода от Булони к Дунаю в 1805 г. было пройдено 100 миль, следовательно 2½ мили по воздушной линии в сутки.

Подобно стрелковому бою, новое военное устройство придало французской армии второе, весьма существенное качество. Старые армии зиждились на правильном снабжении из магазинов; армия всегда должна была везти с собою запасов на 18 дней: трехдневную порцию хлеба нес на себе сам солдат, на 6 дней везла хлебная фура, имевшаяся по расчету на каждую роту, и на 9 дней муки перевозилось на мучных фурах интендантского обоза [2]. Без такой заботливой предусмотрительности невозможно было бы поддерживать строгую дисциплину. Чем тщательнее вырабатывался своеобразный характер армии в течение XVIII в., тем больше придавалось значения тому, чтобы интендантство хорошо и регулярно снабжало продовольствием солдат.

[1] Мастерски выполненный обзор контрастов между способами ведения сражений Фридрихом и Наполеоном дает фон-Кеммерер, Wehr und Waffen, стр. 100 и сл., особенно стр. 108.

[2] Lehmann, Scharnhorst, II, 149.

На этом сходились и непосредственные потребности дисциплины и господствовавший государственный строй. Война была делом начальства, а не подданных; последние, если не оказывались непосредственно на поле сражения, не должны были даже замечать, что идет война. Строжайшим образом предписано было солдату на походе и на биваках щадить страну и население. Французы перестали считаться с этим. У них война была делом всего народа, жертвовавшего своею кровью, и армия имела право брать из страны все то, что́ ей было нужно. Когда магазинное довольствие оказывалось несостоятельным, солдаты брали у населения все необходимое там, где они находились. Такие реквизиции легко переходили в грабеж; они ослабляли спайку частей и способствовали развитию весьма заразительного начала — мародерства. Если бы Фридрих Великий допустил это в своих войсках, его армия, в результате дезертирства, растаяла бы у него на глазах. Лишь в редких, совершенно исключительных случаях крайней нужды он допускал довольствование солдат хозяевами отведенных им квартир. И французские революционные армии сначала очень страдали от дезертирства, но это дезертирство ничем не было связано с системой снабжения войск продовольствием; к тому же для борьбы с ним не существовало никакого дисциплинарного надзора. Но и после исчезновения ненадежных элементов, под знаменами все же оставалась весьма значительная часть людей, следовавших за ними по собственному влечению.

Генерал Лагарп доносил в 1796 г. своему главнокомандующему, Бонапарту, что его войска хуже вандалов; два командира бригад подали в один и тот же день в отставку, и сам Бонапарт писал Директории, что он стыдится иметь под своим начальством такую шайку разбойников. При восторженных кликах народа вступили в Милан французы, которые должны были принести народам свободу, а неделю спустя, доведенный дурным обращением до отчаяния народ поднял против них возмущение, но был укрощен расстрелами. То же, что и Бонапарт из Италии, доносит Моро из Германии (17 июля 1796 г.): «Я делаю, что могу для пресечения грабежей, но солдаты уже два месяца не получают жалованья, а транспорты с провиантом не могут поспеть за нашими быстрыми переходами; крестьяне разбегаются, а солдаты грабят опустевшие дома». То же пишет и Журдан (23 июля): «Солдаты очень дурно обращаются с населением страны: мне стыдно стоять во главе армии, которая ведет себя столь недостойным образом. Когда офицеры пытаются воспротивиться солдатам, им угрожают, в них даже стреляют». Со временем генералам все же удалось снова прибрать войска к рукам. Не одно человеческое чувство — самые интересы войны того требовали. Уже в вышеприведенном письме Журдан доносит, что доведенные до крайности жители берутся за оружие и что скоро без конвоя нельзя будет ездить по коммуникационной линии. Бывали случаи, когда войска после победоносного боя рассеивались за реквизицией и добычей и на них нападали и разбивали их. С восстановлением порядка как в области тактики, так и в деле снабжения французской армии, снова были введены старые испытанные формы, и только в крайних случаях солдату приходилось прибегать к неупорядоченному самоснабжению. Однако, несмотря на столь значительное увеличение французской армии, продовольственный ее обоз был гораздо меньше, чем в прежние времена. Если к этому прибавить сокращение офицерского багажа

и упразднение палаток, то исчисление Рюстова представляется правдоподобным, когда он говорит, что весь обоз французской пехоты в 1806 г. составлял лишь одну восьмую или одну девятую обоза прусской пехоты [1].

Однажды Фридрих писал фельдмаршалу Кейту (11 августа 1757 г.) о транспорте с провиантом, которого он ожидал: «На него я возлагаю последнюю надежду государства». В устах Наполеона такая фраза была бы невозможна.

Насколько мне известно, ни один современный писатель не упоминает о том, насколько распространение во второй половине XVIII в. обработки картофеля облегчило непосредственное довольствие армии местными средствами. В эпоху Семилетней войны картофель еще не играл никакой роли. Двадцать лет позднее война за Баварское наследство уже получила по нему шуточное прозвание. В осеннюю кампанию 1813 г. картофель, несомненно, сыграл большую роль [2].

Как ни превосходен был порядок, в который Наполеон привел свою армию, все же в области продовольствования время от времени старые язвы снова открывались, и стоило в чем-нибудь возникнуть недостатку, как вновь возрождалось все зло разложения и упадка дисциплины [3].

Наполеон в то же самое время довершает революцию и заканчивает ее. Он захватывает верховную власть не в силу принадлежавшего ему права, а путем плебисцита, провозгласившего его сначала консулом, а потом императором. Поэтому, несмотря на восстановление монархии, армия сохранила существенные черты характера, впервые выработавшиеся в ней при республике. Различие между офицерством и рядовыми уже не носило сословного характера, а лишь характер различия между бо́льшим или меньшим образованием, большей или меньшей степенью пригодности, причем лишним связующим звеном служило еще то обстоятельство, что совершенно необразованные рядовые при выдающихся боевых качествах могли дослужиться до капитана, а при особых отличиях — и до высших командных

[1] Von Rüstow, Geschichte der Infanterie, II, 296.

[2] Ср. обращение Гнейзенау к Иорку в вечер сражения при Кацбахе, Delbrück, Leben Gneisenaus, I, 342. Наполеон 24 октября 1805 г. писал из Аугсбурга генерал-интенданту армии, Пети, что ему по необходимости приходилось оперировать, не имея складов, но, несмотря на благоприятное время года и несмотря на непрерывные победы, солдаты очень страдали «в сезон, когда не бывает картофеля в поле, так что, если бы армия потерпела некоторые неудачи, отсутствие складов привело бы нас к величайшим бедам».

[3] Лористон писал начальнику штаба 25 мая 1813 г.: «Я должен привлечь внимание вашей светлости к положению войск на походе. Прекращение выдачи пайков в течение нескольких дней развивает в солдатах готовность итти на все, чтобы добыть себе продовольствие. Отсталых гораздо меньше, чем уходящих вперед, едва только покажется на пути какой-нибудь город или деревня. Генералы применяют все меры для прекращения этого беспорядка; но малочисленность офицерского состава парализует все применяемые меры, тем более что сами офицеры ищут для себя продукты». Rousset, La grande armée de 1813.

Связь между дисциплиной и регулярным снабжением продовольствием ярко выражена в приказе по корпусу Блюхера (написанном Гнейзенау) от 8 мая 1813 г.: «Для поддержания дисциплины мы должны убедить солдата, что к удовлетворению его нужд мы принимаем все зависящие от нас меры, но в то же время строго соблюдать экономию». Далее мы читаем: «... дабы солдат окончательно мог убедиться в заботливости своих начальников»...

Сообщено в статье Leben Reihers, приложение к «Militär-Wochenblatt», 1861 г., стр. 84.

постов. Каждый солдат, как тогда говорили, носил в своем ранце маршальский жезл. Правда, это не следует понимать в том смысле, будто великие наполеоновские маршалы вышли из народных низов; подавляющее большинство из них, подобно самому Наполеону, уже до революции были военными по профессии, и их выдающиеся достижения не в малой мере основаны были на том, что революция, освобожденная от всяких традиций, привела их на руководящие посты еще в таком возрасте, когда юношеские силы, в соединении с юношеским честолюбием и отвагой, давали им возможность выполнять неслыханные подвиги. Самому Наполеону было 27 лет, когда он принял на себя командование итальянской армией, а большинство его маршалов было не старше или только немногим старше его.

Всеобщая воинская повинность для пяти возрастов, от 20 до 25 лет, была еще раз провозглашена, как принцип, в 1798 г., но в 1800 г. несколько ограничена установлением заместительства. И до этого она на практике не применялась постольку, поскольку молодые люди массами уклонялись от воинской повинности или, даже вступив в ряды армии, снова самовольно возвращались домой. Административная организация была недостаточно сильна и подготовлена для того, чтобы этому воспрепятствовать; право заместительства раз уже было допущено и затем отменено. Введенный законами 1798 и 1800 гг. рекрутский набор с правом заместительства представляет по своей природе весьма растяжимую систему, фактически применявшуюся с большой мягкостью. В то время как каждый возраст насчитывал, по крайней мере, 190 000 годных к службе молодых людей, Наполеон набирал ежегодно за 1801—1804 гг. всего лишь по 30 000 человек для полевой армии и по 30 000 человек для резерва; последние должны были обучаться только 15 дней в году и по одному воскресенью в месяц. По достижении 25-летнего возраста солдат подлежал увольнению.

С 1806 г. наборы стали все более и более повышаться, а правило относительно увольнения в 25-летнем возрасте, ввиду перманентного состояния войны, вероятно, уже не выполнялось. Положительных указаний по этому поводу мы не имеем; не располагаем мы также точными данными о том, каких размеров достигли действительно (а не по публикациям) наборы с 1812 по 1814 г. Достоверно известно лишь то, что до 1805 г. даже не слишком строго проводившийся рекрутский набор встречал упорное сопротивление и мог осуществляться лишь путем применения силы. Рекрутов, уклонявшихся от набора, называли «refractaires», выслеживали их повсюду при помощи специальных жандармских команд, отводили их связанными в полки или притесняли их родителей и родственников постоями, либо, наконец, возлагали ответственность на их общины [1].

Таким образом, от провозглашенного революцией идеального принципа всеобщей воинской повинности очень сильно отошли. Пожалуй, можно бы сказать, что новый рекрутский набор представлял не что иное, как восстановление системы старой монархии: заместители, продолжавшие служить сверхсрочно (als Kapitulanten), составляли особый вид профессионалов-наемников, а ведь наряду с этим и Людовики производили наборы. Еще более сходится эта система

[1] Von Lettow Forbeck, Die Französische Konscription unter Napoleon I (Приложение к «Militär-Wochenblatt», 1892 г., вып. 3).

с прусской военной организацией, в которой набор по кантонам играл существенную роль и поставлял половину состава всей армии. Тем не менее, хотя и частично, многое перешло из республиканской армии в наполеоновскую, не только в отношении иного духа офицерского корпуса, иных отношений между офицерством и солдатской массой, но и в отношении существа и духа самих солдат. По самому своему происхождению они были не наемниками, но сынами и защитниками французского отечества, даже тогда, когда становились ими против своей воли. Но это различия лишь относительные, а не абсолютные; ведь и в старой французской армии уже жил национальный дух, но подъем его теперь был настолько велик, что, противопоставляя оба типа армии, различие между ними можно и должно обозначить как родовое.

Хотя при сравнении с Пруссией можно сказать, что в последней на основе кантон-регламента набор производился так же строго, — если не строже, — чем во Франции, но во Франции он давал совсем иные массы людей, ибо Франция насчитывала в пять раз большее число жителей, чем Пруссия, — а прусские кантонисты, хотя у них и была большая преданность королю и государству, все же, конечно, лишены были действительной силы идеи отечества, ибо Пруссия была лишь случайным, династическим государством, а не государством национальным. Наконец, надо иметь в виду, что если даже уроженцы Пруссии и составляли половину или даже более половины армии, то именно они оставались под знаменами лишь короткое время, между тем как иностранцы служили подолгу и накладывали на целое печать своего духа, т. е. более или менее почтенного военно-профессионального духа, а не духа защиты отечества.

Лучше всего можно себе представить это различие, если сравнить уже приведенные нами выше предписания Фридриха в его знаменательном наставлении о способах предотвращения дезертирства с приказом по армии, с которым Наполеон перед Аустерлицким сражением обратился к своим войскам. Фридрих поучает: «Существенный долг каждого генерала предотвращать случаи дезертирства. Это можно сделать следующим путем: надо избегать становиться лагерем близ леса; надо приказывать почаще навещать ребят в палатках; вокруг лагеря надлежит наряжать гусарские патрули; на ночь следует расставлять посты егерей по ржи, а к вечеру удваивать полевые посты кавалерией; нельзя позволять солдатам разгуливать, офицеры обязаны вести их строем, когда идут за соломой или водой; мародерство должно караться весьма строго; на походе часовые в деревнях должны быть сняты не раньше, чем вся армия будет под ружьем; ночных маршей не следует делать; строго запрещать солдатам покидать свои взводы на походе; с боков должны следовать гусарские патрули, когда пехота проходит через лес; надо внимательно смотреть за тем, чтобы войска не терпели недостатка в необходимом — будь то в хлебе, мясе, водке, соломе и пр.».

А вот как гласит приказ Наполеона от 24 ноября 1805 г.: «Временно армия остается на отдыхе. Начальники отдельных частей должны озаботиться составлением списков мародеров и отставших без уважительной причины; они должны рекомендовать солдатам внушить виновным, чтобы они устыдились своего проступка, ибо во французской армии тягчайшее наказание за непринятие участия в опасностях и победах — это позор, которым виновных покрывают их

собственные товарищи. Если найдутся солдаты, которые окажутся в таком положении, то император не сомневается, что они с готовностью соберутся и станут под свои знамена».

Своеобразный обычай старых наемных войск отпускать за денежный выкуп военнопленных — рансонирование — был запрещен уже декретами Национального собрания (19 сентября 1792 г. и 25 мая 1793 г.).

В позднейшие годы — 1812 и 1813, — когда Наполеон был вынужден все более и более повышать рекрутские наборы, ему также пришлось сильно страдать от дезертирства. Можно даже сказать, что и кампании 1812 и 1813 гг. он проиграл из-за дезертирства. Ибо благодаря утечке в войсках уже во время наступления он прибыл в Москву с такими слабыми силами, что продолжать войну уже не мог, и если в осеннюю кампанию 1813 г. он вступил с войском, мало чем уступавшим численно союзникам, а два месяца спустя, под Лейпцигом, у него было почти наполовину меньше войск, чем у его противников, то это было обусловлено многими причинами, но в особенности неслыханно большим процентом дезертиров на стороне французов.

И армия Фридриха в течение Семилетней войны также постепенно ухудшалась; мы видели, как король пытался восполнить недостаток пехоты увеличением своей артиллерии. У Наполеона, как мы отметили выше, наблюдается то же самое, хотя и не в той же мере. У Фридриха это внутреннее изменение в армии привело к изменению его стратегии; у Наполеона, как мы увидим ниже, — нет.

Кратко формулируя: военное дело, как оно создано было во время революции и самой революцией, отличается от такового в старой монархии в трех отношениях: армия гораздо больше, она сражается рассыпным строем, она снабжается при помощи реквизиций. Об этих трех отличительных военных свойствах, коими новое военное дело поднялось над военным делом прошлой эпохи, надо, однако, в заключение заметить, что не все они проявились одновременно и в одинаковой мере. Так, большой численный состав появился вначале, при массовом призыве, — levée en masse, — а затем временно снизился, так что в первые свои кампании Наполеон в отношении численности своих войск только-только равнялся со своими противниками.

ГЕНЕРАЛЫ РЕСПУБЛИКИ И МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

Дюмурье, род. в 1739 г.; офицер уже в Семилетнюю войну.

Келлерман, род. в 1735 г.; офицер в Семилетнюю войну.

Серван, род. в 1742 г.; штаб-офицер к началу революции.

Карно, род. в 1753 г.; инженерный капитан к началу революции.

Гушар, род. в 1740 г.; драгунский ротмистр к началу революции.

Гош, род. в 1768 г.; в 1784 г. солдат гвардии, в 1792 г. лейтенант.

Марсо, род. в 1769 г.; в 1785 г. солдат, в 1789 г. сержант, в 1792 г. командир батальона волонтеров.

Моро, род. в 1763 г.; юрист, в 1793 г. командир батальона волонтеров.

Журдан, род. в 1762 г.; в 1778 г. солдат, был со своим полком в Америке в 1784 г. Затем некоторое время был разносчиком; в 1791 г. командир батальона волонтеров.

Пишегрю, род. в 1761 г.; учитель математики, в 1783 г. солдат, к началу революции зауряд-офицер.

Шерер, род. в 1747 г.; офицер австрийской и голландской службы, в 1791 г. капитан французской армии.

Клебер, род. в 1753 г.; архитектор, некоторое время австрийский лейтенант; в 1792 г. офицер батальона волонтеров.

Серрюрье, род. в 1742 г.; зауряд-офицер, капитан с началом революции.

Бертье, род. в 1753 г.; к началу революции офицер генерального штаба.

Монсей, род. в 1754 г.; в 1779 г. подпоручик, в 1789 г. лейтенант.

Периньон, род. в 1754 г.; в 1784 г. подпоручик.

Лефевр, род. в 1755 г.; в 1770 г. солдат, в 1782 г. сержант, в 1789 г. лейтенант национальной гвардии.

Массена, род. в 1756 г.; к началу революции зауряд-офицер.

Ожеро, род. в 1757 г.; в 1774 г. солдат, в 1776 г. дезертировал, сделался учителем фехтования в Пруссии; вернулся во Францию, когда вспыхнула революция, и делается зауряд-офицером в немецком легионе.

Бернадот, род. в 1763 г.; в 1779 г. солдат, к началу революции зауряд-офицер.

Брюн, род. в 1763 г.; юрист, в 1791 г. волонтер.

Гувион Сен-Сир, род. в 1764 г.; живописец, в 1792 г. волонтер.

Виктор, род. в 1764 г.; солдат с 1781 г.

Макдональд, род. в 1765 г.; в 1784 г. лейтенант.

Груши, род. в 1766 г.; в 1781 г. лейтенант.

Удино, род. в 1767 г.; в 1784 г. солдат.

Мюрат, род. в 1767 г.; в 1787 г. солдат.

Бессьер, род. в 1768 г.; в 1792 г. делается солдатом, в 1793 г. подпоручиком.

Мортье, род. в 1768 г.; сын депутата Национального собрания, в 1791 г. волонтер и тотчас же выбран капитаном.

Дезэ, род. в 1768 г.; в 1783 г. подпоручик.

Ней, род. в 1769 г.; в 1788 г. солдат.

Сульт, род. в 1769 г.; в 1785 г. солдат, к началу революции унтер-офицер.

Лан, род. в 1769 г.; сын конюха, маляр, в 1792 г. волонтер.

Бонапарт, род. в 1769 г.; в 1785 г. лейтенант.

Сюше, род. в 1770 г.; в 1792 г. солдат.

Даву, род. в 1770 г.; учился в военном училище, в 1788 г. лейтенант.

Мармон, род. в 1774 г.; в 1790 г. подпоручик.

Итак, офицерами старой армии были (кроме Лафайетта, Кюстина, Бирона и Богарне): Дюмурье, Келлерман, Серван, Карно, Гушар, Бертье, Монсей, Груши, Дезэ, Макдональд, Бонапарт, Периньон, Даву, Мармон.

Зауряд-офицерами были: Пишегрю, Бернадот, Массена, Серрюрье.

Могли рассчитывать быть зауряд-офицерами: Ожеро, Сульт, Ней, Мюрат, Виктор, Удино.

Офицеры иностранной службы: Шерер, Клебер.

Остались бы рядовыми или в лучшем случае дослужились бы до унтер-офицеров в старой армии: Журдан, Гош, Марсо, Лефевр, Лан.

Штатские с высшим образованием, которые вступили в армию лишь с началом революции: Моро, Брюн, Мортье, Бессьер, Сюше, Сен-Сир.

Глава III

Стратегия Наполеона[1]

Естественный, основной закон стратегии, — повторяем это еще раз, — сосредоточить свои силы, отыскать главные силы неприятеля, их разбить и преследовать после победы до тех пор, пока побежденный неприятель не подчинится воле победителя и не примет его условий; в крайнем случае — преследовать вплоть до занятия всей неприятельской страны. «Из всех целей, какие можно преследовать на войне, уничтожение неприятельских вооруженных сил является главенствующей над всеми» (Клаузевиц). Итак, не какой-нибудь географический пункт, не область, не город, позиция или магазин, а именно вооруженные силы противника являются объектом наступления. Раз при помощи крупного тактического решающего действия удалось настолько разрушить физически и морально неприятельские вооруженные силы, что они уже больше сражаться не могут, то победитель развивает свою победу до тех пределов, до каких он считает это нужным с точки зрения своей политической цели.

Армии старой монархии были слишком малы, слишком беспомощны и неповоротливы в своей тактике, слишком ненадежны по своему составу, чтобы проводить эти принципы в своей стратегии. Они задерживались перед позициями, неприступными для их тактики; а обойти их они не могли, потому что должны были тащить за собою все свое продовольствие. Они не могли отважиться на глубокое вторжение в неприятельскую страну, так как не могли прикрывать обширные районы, и были вынуждены во что бы то ни стало обеспечивать сообщения со своей базой.

Наполеон чувствует себя свободным от этих пут. Он сразу ставит всю свою ставку на тактическое решение, которое должно вывести из игры неприятельскую полевую армию, и затем развивает свою победу до тех пор, пока противник не подчинится его условиям. Из этого высшего принципа вытекают следствия, которые охватывают все — от планов кампаний вплоть до отдельных военных мероприятий. Так как все с самого начала направлено на сокрушительный решающий акт, то все остальные цели и соображения подчиняются этой главной цели, и самый план кампании отличается известной естественной простотой. Стратегия измора построена на отдельных предприятиях, которые могут получить тот или иной вид.

---

[1] Graf York, Napoleon als Feldherr. Это очень поучительная и распространенная книга, из которой и я кое-что позаимствовал; однако, во многом весьма существенном с автором ее согласиться нельзя. К сожалению, автор более примыкает к Жомини, чем к Клаузевицу; можно подумать, что здесь вновь находит себе проявление старый антагонизм между Гнейзенау и Иорком; словно внук генерала Иорка не хочет признавать друга и ученика Гнейзенау — Клаузевица. Местами автор обнаруживает недостаточное изучение источников, особенно нельзя согласиться с его взглядом, будто сила гения Наполеона стала ослабевать с 1809 г. и будто он сам себе изменил. Главный довод, на который он ссылается в подтверждение своего взгляда (II, 95, письмо к Кларку от 21 августа 1809 г.), основан на неправильном переводе. Наполеон не говорит, что лишь тогда можно давать сражение, «когда больше нельзя рассчитывать на новый поворот счастья», а наоборот, что сражения не следует давать, покуда еще есть надежда, что шансы на успех могут измениться к лучшему (ср. стр. 415, прим.).

В начале Семилетней войны Фридрих колебался между разнообразнейшими и даже противоречивыми планами. Чем предприимчивее, чем активнее полководец, тем больше возможностей открывалось его фантазии, и тем субъективнее были его решения. Планы кампаний Наполеона носят в себе известную внутреннюю, объективную необходимость. Как только их познаешь и уяснишь себе, то начинаешь ощущать, что иными они и быть не могли, что творческий акт стратегического гения заключался лишь в раскрытии того самого, что повелевала природа вещей. Стиль ампир, о котором говорит история искусства, с его классицизмом, с его прямолинейной простотой, можно сравнить с военным искусством той эпохи.

Постараемся сделать общий обзор тех положительных следствий, которые непосредственно вытекают из противоположности этих основных принципов. Нам нет надобности развивать их диалектически: мы можем распознать их на деяниях двух великих мастеров, Наполеона и Фридриха.

Наполеон в своих концепциях (замыслах) кампаний всегда устремлял свой мысленный взор на неприятельскую армию и ставил себе единственной задачей не только ее атаковать, но и, по возможности, уничтожить. Фридрих также выдвигал принцип: «Кто хочет все сохранить, не сохранит ничего. Следовательно, самый существенный предмет, на котором надлежит сосредоточиться, — это неприятельская армия». — Однако, мы видели, что для Фридриха этот принцип имел лишь относительное значение, что он то и дело, и притом весьма сильно, от него отклонялся. Для Наполеона же он имел значение абсолютное. Когда Наполеон имел дело с несколькими противниками, он мог с ними всеми покончить поодиночке, разбив одного за другим. В 1805 г. он разбил австрийцев (под Ульмом); затем русских с остатками австрийцев (под Аустерлицем) раньше, чем пруссаки успели вмешаться. В 1806 г. он опять-таки наносит поражение пруссакам раньше, чем подоспели русские (Иена), и в 1807 г. он бьет русских раньше, чем австрийцы снова собрались с силами.

Совсем иначе действовал Фридрих в начале Семилетней войны. Уже в июле 1756 г. обстановка совершенно созрела: австрийцы еще не были вполне подготовлены, а русские и французы находились далеко. Однако, вместо того чтобы, по возможности, поспешить нанести удар, Фридрих искусственно затянул начало кампании до конца августа. Будь он стратегом сокрушения, т. е. если бы средства, коими он располагал, дозволяли ему быть таковым, мы были бы вынуждены увидеть в этом его поведении величайшую ошибку всей его военной карьеры. Но так как план полного сокрушения Австрии, даже при самых благоприятных условиях, был для него исключен, то надо признать, что он действовал правильно, ограничившись на этот год оккупацией Саксонии и приступив к ней так поздно, что французы уже не сочли удобным помешать ему в этом.

Мы видим, как неправильно действуют те, кто пытается для вящшего прославления Фридриха доказать, будто в следующем году он действительно возымел намерение сокрушить Австрию (сражение под Прагой, осада Праги). Если бы такой план был действительно выполним в 1757 г., то насколько легче было бы его осуществить в 1756 г.! Ясными и последовательными представляются действия Фридриха только на почве стратегии измора. А если это так, то и, наоборот, мы можем использовать эту завязку Семилетней войны

в ее коренном противоречии с действиями Наполеона в 1805 и 1806 гг. как самое блестящее и богатое выводами доказательство естественной противоположности между сущностью и принципами обоих видов стратегии, которые устанавливаются исторически.

Поищем дальше на том же пути.

В стратегии измора на первом плане стоят осады крепостей, меры воспрепятствования им, освобождение от осад,— у Фридриха, правда, в меньшей мере, чем у его противников, но все же в значительной степени. Наполеон за все свои кампании (если не говорить о побочных предприятиях) осаждал лишь две крепости: Мантую в 1796 г. и Данциг в 1807 г. Да и на эти две осады он решился лишь потому, что со своими наличными силами он временно оказывается не в состоянии продолжать и двигать вперед войну в открытом поле против неприятельской полевой армии. При стратегии сокрушения осаждают лишь то, чего в конечном счете нельзя не осаждать, — будь то неприятельская столица, как Париж в 1870 г., или крепость, если в ней окажется запертою целая неприятельская армия, как Мец в 1870 г., или же менее значительные, побочные объекты. Для Фридриха же взятие крепости, вроде Нейссе (1741 г.), Праги, Ольмюца, Швейдница (1762 г.), нередко составляет самую задачу кампании.

Фридрих категорически учил: «Если вы окажетесь в стране, в которой много крепостей, то не оставляйте ни одной из них в тылу у себя, но возьмите их все; при этих условиях вы будете методически продвигаться вперед, и вам не придется беспокоиться за свой тыл [1]».

Если бы союзники вздумали придерживаться этого принципа Фридриха в 1814 г., при своем вторжении во Францию, они никогда не одолели бы Наполеона.

Фридрих сооружал каналы; он пользовался водными путями не только для торговых сношений, но и для доставки продовольствия своим войскам; Наполеон строил шоссейные дороги: он вел войны прежде всего маршами.

Для Фридриха сражение, согласно часто повторявшемуся им выражению, являлось «рвотным», которое дают больному. «Мне ничего другого не оставалось», — неоднократно пишет он, когда хочет оправдать принятое им решение — дать сражение [2]. Оно представляется ему вопросом, обращенным к судьбе, вызовом, брошенным случаю, который решит исход неизвестным заранее способом. Наполеон же заявлял, что его принцип: никогда не решаться на сражение, не имея 70% шансов на победу на своей стороне [3]. Если бы Фридрих держался этого принципа, то он едва ли мог бы дать хотя бы одно сражение.

---

[1] Pensées et règles générales pour la guerre (1755 г.); статья, озаглавленная «Projets de campagne».

[2] Ср. выше, стр. 360; далее письмо к Винтерфельду, 5 августа 1757 г.: «Я хочу пройти между Рейхенбахом и Бернштедтелем, чтобы направить внимание неприятеля (Jalousie zu geben) на Гёрлиц; если это удастся — хорошо, если же он не захочет уйти от Циттау, то я окажусь вынужденным его атаковать, где бы я его ни нашел: другого выхода я не вижу.

[3] Письмо к военному министру Кларку, 21 августа 1809 г.: «... что сражений не следует давать, если нельзя рассчитывать на 70 шансов успеха из 100, что даже не следует давать сражения иначе, как тогда, когда уже нельзя рассчитывать на увеличение своих шансов, ибо по самой природе исход сражения всегда сомнителен; но раз решено его дать, то надо либо победить, либо погибнуть».

Но это вызывается не различием в степени отваги обоих полководцев, о которой вообще не может быть и речи, а различием в системе: если бы стратегия сокрушения расценивала исход сражения как нечто случайное, то и вся война оказалась бы делом случая, ибо исход ее решается сражением. В стратегии же измора сражение является одним из многих моментов, и решение, которое оно приносит, может быть снова уравновешено. Фридрих, взвешивая шансы одного сражения, писал однажды: «Даже если бы оно было проиграно, наши обстоятельства от этого не ухудшились бы по сравнению с настоящим положением»[1]. В устах Наполеона такая фраза была бы непонятна и невозможна. На его взгляд, выигранное или проигранное сражение, при каких бы то ни было положениях, коренным образом меняет обстановку. Пруссия могла залечить рану, нанесенную ей под Кунерсдорфом, Иену же нет. Мы видели, как принцип, неоднократно провозглашенный Фридрихом, что для сражения следует привлекать все находящиеся в распоряжении силы, в значительной мере ограничивался им при практическом применении. Наполеон же проводил его действительно до конца, хотя, конечно, и это не следует понимать в абсолютном смысле[2]. Он пишет Мармону (15 ноября 1805 г.): «Мне приписывают несколько бо́льшую долю таланта, чем другим, а все же, чтобы дать сражение неприятелю, которого я привык побеждать, я никогда не считаю, что у меня слишком много войск, и стягиваю к себе все, что могу собрать».

Фридрих держался правила составлять возможно более обширный план кампании, о котором он сам себе заранее говорил, что его проект при выполнении съежится. Этот принцип он постоянно повторяет: «Широко задуманные планы кампании, — читаем мы в его политическом завещании 1768 г., — без всякого сомнения — самые лучшие, ибо при их выполнении сразу замечаешь, что́ может оказаться невыполнимым, и, ограничиваясь выполнимым, продвигаешься вперед дальше, чем при маленьком проекте, который никогда ни к чему великому привести не может». «Такие широкие планы не всегда увенчиваются успехом; зато, если их удастся осуществить, то они решают исход войны». «Составьте четыре таких проекта, и если хотя бы один из них удастся осуществить, то вы вознаграждены за все ваши труды»[3]. Таким образом, если сравнить его первоначальные проекты с последующим их выполнением, то получается впечатление, что его энергия не на высоте его стратегических идей. Не может быть более грубой ошибки! Он прежде всего вполне сознательно составлял планы, выходившие за пределы возможного, с тем чтобы в дальнейшем ни при каких обстоятельствах не оказаться ниже уровня возможного. Суровые факты ставили ему границы, он знал, что это так будет, и этого-то и хотел. Поэтому его стратегические идеи могут быть достойно оценены лишь при этой оговорке.

---

[1] Письмо к принцу Генриху, 8 марта 1760 г.

[2] Все те случаи, когда Наполеон высказывался за сосредоточение всех войск перед сражением, сведены в превосходном исследовании Балка (Balk, Napoleonische Schlachtenanlage und Schlachtenleitung, приложение к «Militärisches Wochenblatt», вып. 2, 1901 г.).

[3] Фридрих Великий, Oeuvres, XXIX, 60, 78, 91, 143, Réflexions sur les projets de campagne, 1775. Exposé sur le gouvernement prussien, 1776. Réflexions sur les mesures à prendre au cas d'une guerre nouvelle aves les Autrichiens, 1779.

С Наполеоном дело обстоит наоборот. Его планы не «съеживались» при их выполнении, но, скорее, разрастались. Он сам о себе говорил: «Нет более малодушного человека, чем я, когда я составляю план кампании; я в преувеличенном виде представляю себе все опасности, и все обстоятельства рисуются мне в таких мрачных красках, как это только возможно; я нахожусь в болезненном возбуждении. Это, впрочем, не мешает мне казаться окружающим меня бодрым и веселым. Но раз я принял решение, я забываю все и думаю лишь об одном — что может способствовать его удаче».

В сражении Фридриха Великого все рассчитано на цельное, связанное воедино действие: первый же натиск должен принести с собою и решительный исход; а Наполеон нередко вступает в бой без определенного плана сражения, иногда даже без определенного представления о позиции, занимаемой противником. «Завязывают бой, — говорит он, — а там будет видно, что́ надо делать». Поэтому весьма значительная часть армии должна оставаться в резерве, дабы им добиться решительного исхода на пункте, который укажет полководец. В первую голову это различие между сражениями Фридриха и сражениями Наполеона надо отнести к различию в тактике, различию между линейным построением и стрелковым боем. Однако, это различие связано и с стратегией. Наполеоновское сражение вырастает органически из предшествующих операций и нередко является неожиданным. Сражение Фридриха исходит из более или менее подготовленного субъективного решения, следовательно обходится без длительной завязки и стремится к решительному исходу — чем скорее, тем лучше.

Фридрих всю жизнь возился с взвешиванием стратегических принципов, вспомогательных средств и планов. Наполеон говорил: «Я знаю только три вещи на войне: делать 10 лье в день, сражаться и отдыхать» [1].

Сказанное нами об отдельном сражении, что Наполеон давал ему развертываться без предвзятой идеи, относится также и к его стратегии. Сам он говорил, что у него никогда не было заранее составленного плана кампании. Это не противоречит вышеприведенным его словам, что при разработке своих планов он всегда был полон тревоги. Нередко цитируемое изречение Мольтке гласит: «Ни один оперативный план не может с известной уверенностью охватить события дальше первого столкновения с главными силами противника. Лишь профан может воображать, что в ходе кампании он видит последовательное проведение заранее принятой, продуманной во всех подробностях и выдержанной до конца первоначальной мысли». В этом смысле и Наполеон говорит, что у него никогда не было плана кампании. Тем не менее, для развертывания и во время развертывания его войск у него, конечно, была весьма определенная идея, и он тщательно взвешивал все возможности, которые при этом открывались, не останавливаясь, однако, заранее на той или другой из них. В стратегии измора мы постоянно встречаемся с планами кампаний, заранее и

[1] Несомненно верно, что Наполеон, пока его полководческая карьера не была закончена, в гораздо меньшей степени, чем Фридрих, задумывался над теоретическими вопросами стратегии. Однако, приводимый Дельбрюком (по Жомини) афоризм Наполеона чрезвычайно сомнителен. Леваль его весьма удачно атаковал. См. «Стратегию в трудах военных классиков», т. I, стр. 169.— *Ред.*

издалека составленными, — у Фридриха, пожалуй, не в такой мере, как у его современников, — но, естественно, также и у него.

И Наполеон не был достаточно силен для того, чтобы доводить сокрушение своих противников до той степени, до которой его доводил, например, Александр Великий, овладевший всей Персией. Даже пруссаки продолжали бы бороться в 1807 г., если бы и русские на это были готовы. Наполеон доводит свои войны до конца не одними лишь победами, а в конечном счете и политикой. Поэтому можно было бы сказать, что разница между ним и его предшественниками была лишь относительная. Однако, мы видели, что на деле различия оказались глубокими и что Наполеон фактически действовал по принципам, логически вытекающим из стратегии сокрушения, но иначе, чем Александр Великий. Он мог так поступать, будучи уверен или считая себя в праве быть уверенным, что если, в конечном счете, чего-нибудь и не будет хватать до полного сокрушения противника, если он, так сказать, выдохнется, то он сумеет восполнить недостающее политикой. Да, пожалуй, мы в праве сказать, что в этом и заключается его историческое величие. По своей природе Наполеон был в значительно большей степени государственным деятелем, чем солдатом.

Все мыслящие военные того времени заняты были вопросом — не следует ли от тонких линий снова вернуться к глубоким колоннам; у лейтенанта Бонапарта мы не встречаем и следа таких размышлений. Фридрих читал решительно все, что содержала старая и новая литература по военному делу и военной истории. Правда, и Наполеон нередко указывал, что солдат должен изучать деяния великих полководцев, дабы у них учиться, — при этом он называет Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюренна, Евгения, Фридриха, — но сам он, кроме Цезаря, в сущности знаком был лишь с совершенно невоенными биографиями Плутарха и охотнее читал политические и морально-философские сочинения. Нет ничего более характерного для него, как его поведение в начале революционной войны. Он был французским лейтенантом; будь его наиболее сильная склонность — военная, он должен был бы стремиться на фронт со своим полком, тем более что был горячим сторонником новых идей. Между тем весь первый год молодой офицер уклонялся от участия в войне, а носился с несколько авантюристическими планами корсиканской политики. Лишь после крушения их он отправился в армию. Уже его первый план большой кампании, составленный в 1796 г., после того как он был назначен командующим армией в Италии, был построен под политическим углом зрения, на отторжении Сардинии от Австрии, а завершил он, в конце концов, борьбу с Австрией в 1797 г. политически тем, что, подступив уже к самой Вене, не только заставил побежденных уступить известные области (Бельгию и Милан), но и посулил им крупное приобретение (Венецию). То же мы наблюдаем и в его последующих войнах; при всей необузданности его фантазии он все же обладал глазомером при определении границ своих сил. Покинуло ли его с 1812 г. его благоразумие, переставшее сдерживать его в известных границах, или неизбежная внутренняя необходимость вывела его за эти границы, — этот вопрос мы оставляем пока открытым. Сейчас мы остановимся лишь на одном: обстоятельства делали для него возможным то, что для Густава Адольфа, полководцев Людовика XIV, принца Евгения и Фридриха Великого было недоступно,—

строить планы своих кампаний не на одном изморе, но и на сокрушении противника, с тем чтобы завершить свое дело средствами политики.

Если бы кто вздумал заключить, что новая стратегия выросла на почве новых отношений, как их естественный продукт, сама собою, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности вылепил из данного ему материала действительно новое явление. Именно на таких явлениях с особенной ясностью убеждаешься в том, что мировая история отнюдь не представляет собою естественно-исторического процесса, как то считают материалисты[1]. В этом убеждаешься, когда сравниваешь первые кампании, в которых новая стратегия претворяется в действие, кампании генерала Бонапарта с кампаниями наиболее выдающегося из его коллег, генерала Моро.

После того как 1795 г. прошел, не принеся с собою крупных решающих действий, а Пруссия вышла из коалиции, заключив Базельский мир, французы выставили весною 1796 г. три армии: одну под начальством Бонапарта в Италии, другую под начальством Моро на верхнем течении Рейна и третью под начальством Журдана на среднем течении Рейна до Дюссельдорфа. При помощи английских субсидий австрийцам и их более мелким союзникам удалось противопоставить, в конце концов, французам армии, не только не уступавшие им числом, но даже несколько превосходившие их. С обеих сторон войска, с расчетом на прикрытие областей, были распределены на длинном фронте. Бонапарт, войска которого частью стояли в Альпах, частью растянулись вдоль Ривьеры, почти до самой Генуи, стянул свои главные силы к крайнему правому своему флангу, на Ривьере, так что оставил свою коммуникационную линию с Францией лишь слабо прикрытою. Обе стороны двинулись друг другу навстречу через горные проходы Апеннин; но хотя французы в общем и были слабее своих противников на несколько тысяч человек, однако, благодаря распределению своих войск, они в каждом отдельном бою имели численное превосходство над ними, разбили их среднюю колонну, прорвались, таким образом, между австрийской и сардинской армиями[2] и окончательно взяли верх, причем их генерал предоставил сардинскому королю перемирие на выгодных условиях. После этого он погнал австрийцев назад до самой Мантуи, окружил здесь остатки их армии и осадил этот город. Четыре раза спускались австрийцы с Альп, чтобы снять осаду с Мантуи. Всякий раз французы их били; при этом один раз Бонапарт отказался от окружения крепости, пожертвовав своей тяжелой артиллерией, дабы воспользоваться своим превосходством в сражении в открытом поле.

После победы, во время переговоров относительно Леобенского перемирия, он сказал австрийским генералам: «В Европе не мало

---

[1] Следующие страницы вышли из-под пера уже стареющего и озлобленного германской революцией Дельбрюка, вспоминающего свою принадлежность к буржуазии и огрызающегося на марксизм. По существу, конечно, исторический материализм отнюдь не отрицает значения личности в истории: разгадка новых требований эволюции и направление практики в соответствующее новое русло оставляют для исторической роли личности крупнейшее поле деятельности.— *Ред.*

[2] Подробности этой кампании даны в Берлинской диссертации 1901 г. Экштоффа (Erich Eckstoff, Studien zur ersten Phase des Feldzuges von 1796 in Italien), в которой автор опровергает совершенно неправильное описание этих событий у Жомини и у графа Йорка и вносит исправление ошибки, допущенной Клаузевицем.

хороших генералов, но они видят сразу слишком много вещей. Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними».

Несколько позднее, в Милане, он высказался следующим образом: «Сущность стратегии заключается в том, чтобы с более слабой армией всегда иметь больше сил, чем противник, на том пункте, на котором ты атакуешь или на котором атакуют тебя». Наконец, на острове св. Елены: «Во время революционной войны держались неправильной системы — раздроблять свои силы, высылать колонны направо и колонны налево, что является грубой ошибкой. Именно противоположная система была тем, что доставило мне так много побед. Ибо накануне сражения, вместо того чтобы рассыпать свои дивизии в разные стороны, я их стягивал все к тому пункту, который я хотел одолеть. Там и была сосредоточена моя армия и легко опрокидывала то, что ей противостояло и было, естественно, более слабым» [1].

Фактически и для Моро и для Журдана было бы вполне уместно оперировать и в Германии таким же образом, как Бонапарт оперировал в Италии. Австрийцы, под начальством эрцгерцога Карла, стояли распределенными по фронту, тянувшемуся от Базеля до Зиги. Силы, после того как один корпус, под командой Вурмзера, был отправлен в Италию, в связи с победами Бонапарта, оказались приблизительно равными. Французы, сосредоточив свои войска, имели возможность поодиночке атаковать и разбить австрийские корпуса. Намечались действительно сильные удары; но подлинную цель видели не в уничтожении неприятельских вооруженных сил, а в захвате территории. При незначительных боевых столкновениях оба французских генерала при помощи маневрирования оттеснили эрцгерцога до самой Баварии. Моро достиг р. Изар. Тем временем эрцгерцог с главными силами обратился против Журдана, нанес ему чувствительный удар под Вюрцбургом и оттеснил его к самому Рейну. На Изаре Моро имел вдвое больше сил, чем его противник, тем не менее и он стал отступать, да и в дальнейшем не сумел использовать своего превосходства, и по прошествии четырех месяцев оба противника стояли приблизительно на тех же позициях, как и в начале военных действий. Тем не менее общественное мнение поставило Моро в заслугу его благополучное отступление без потерь через Адскую долину (Höllenthal), считая это даже великим стратегическим достижением.

План кампании французов, с одновременным развертыванием трех армий — Бонапарта, Моро и Журдана, исходил от военного министра Карно; в этом плане пытались усматривать некую стратегическую концепцию высшего порядка, исходя из предположения, что Карно намеревался направить все три армии концентрически на Вену. Бесспорно Карно имел в виду совместные действия армий итальянского и немецкого театров войны, но не в том смысле, чтобы все три армии, из которых каждая опиралась на особую базу, в своем продвижении в заключение сошлись на одном поле сражения для сокрушения неприятельских вооруженных сил; цель, которую он ставил в действительности, заключалась в том, чтобы они друг друга поддерживали, угрожая

[1] Эти три цитаты заимствованы мною из книги Kuhl, Bonapartes erster Feldzug, 1796 г., Берлин, 1902 г., стр. 319.

флангам противника, теснили его при помощи маневрирования и захватили возможно бо́льшую территорию.

Этот план можно до известной степени сравнить с вторжением Фридриха в Богемию в 1757 г. Подобно тому как Фридрих видел сущность своего плана в том, что он «почти что выгонит неприятеля из Богемии»[1], нанося ему при этом, по возможности, и удары, так и Карно в письмах своих к генералам рисовал им картины того, как они будут обходить фланги противника и захватывать его магазины; одновременно они должны были вести энергичное наступление и не прекращать преследования неприятеля до тех пор, пока они его окончательно не разобьют и не приведут в полное расстройство.

Эта инструкция может служить прописью двухполюсной стратегии. Однако, разница между 1757 и 1796 гг. заключалась в том, что, когда к тому представился случай, Фридрих усилил боевую тенденцию, доведя ее до грандиозного сражения под Прагой и, наконец, до идеи захвата в плен всей неприятельской армии в Праге, в то время как Моро, ограничившись весьма умеренными боевыми столкновениями, так и завяз в идее маневрирования и не сумел над нею подняться даже тогда, когда отпадение от Австрии немецких имперских государей весьма существенно ослабило боевые силы последней, предоставив французам несомненный, существенный численный перевес над ней.

Совершенно такую же картину представляет и сравнение с двойной кампанией 1800 г. В 1799 г. австрийцы, с помощью русских, прогнали французов из Италии, в то время как Бонапарт находился в Египте. Сделавшись первым консулом, Бонапарт сначала вознамерился руководить кампанией в Германии. Он хотел присоединить к войскам Моро резервную армию, формировавшуюся им в Дижоне, атаковать охватывающим движением из Швейцарии австрийцев, по возможности уничтожить их армию и затем направиться на Вену. План оказался невыполнимым, так как Моро не хотел командовать под начальством первого консула, а последнему приходилось считаться со следующим за ним по репутации и старшинству генералом. Политически рискованно было бы для него, если бы обиженный Моро подал в отставку.

Поэтому Бонапарт решил направить резервную армию не в Германию, а через Швейцарию — в Италию. Он спустился восточнее Женевского озера с Альп, притянул к себе, через Сен-Готард, еще один вспомогательный корпус от Моро и с этими силами появился, к великому изумлению австрийцев, у них в тылу. С величайшей дерзостью он распределил свои дивизии так, чтобы иметь возможность преградить им путь, по какой бы дороге они ни попытались отступить, но все же предусмотрительно держал свои отдельные дивизии на таком близком расстоянии друг от друга, что они могли оказать друг другу взаимную поддержку. Когда произошло неожиданное столкновение у деревни Маренго (14 июня 1800 г.), то австрийцы, располагавшие приблизительно 30 000 против только 20 000 французов, начали одерживать верх. Еще немного — и сражение кончилось бы полным поражением французов. Однако, подошедшая, по распоряжению Бонапарта, дивизия Дезэ (еще 6 000 человек) и кавалерийская атака, поведенная

[1] Письмо к фельдмаршалу Левальду от 16 апреля 1757 г.

генералом Келлерманом по собственной инициативе, наклонили чашу весов в обратную сторону. Престарелый австрийский командующий Мелас уже покинул поле сражения, и австрийцы перешли в довольно беспорядочное наступление, когда произошла неожиданная контратака. Таким образом, французы одержали победу, несмотря на численное превосходство противника, благодаря прекрасным качествам своих солдат и юношеской энергии своих генералов. Так как сражение было дано с перевернутыми фронтами, то австрийцы решили, что у них нет пути отступления, и Бонапарт овладел всей Верхней Италией до Минчио, предоставив Меласу свободно отступить, под условием эвакуации этой области.

В Германии Моро достиг подобного же успеха, прогнав, правда очень медленно, австрийцев за Инн. Разница заключалась в том, что Германия была главным театром войны, в то время как Италия представляла собой лишь второстепенный театр военных действий, и что Бонапарт с малыми силами, благодаря неслыханной отваге своего вождения, добился тех же успехов, каких добился Моро без особого риска, своей методичностью. Сравнение, сделанное нами, не меняется от того, что Моро, в заключение, одержал еще (по окончании срока перемирия) победу под Гогенлинденом (3 декабря 1800 г.). Ибо последняя победа была не плодом заранее продуманной стратегии, а, как верно выразился Наполеон, «удачной встречей», — правда, крупного масштаба [1]. Успех выпал на долю французов опять-таки благодаря качественному превосходству войск и решительности юного генерала Ришпанса.

Еще в 1813 г., когда Моро, приглашенный союзниками для дачи стратегических советов, обсуждал с Бернадоттом положение северной армии, он настоятельно советовал не переходить в наступление согласно трахтенберговскому плану, так как его операционная линия не имела достаточной опоры [2].

Если сравнить Моро с Фридрихом и Дауном, то можно убедиться, какие значительные различия могут быть и при одинаковых основных взглядах. Таких решающих исходов, каких Фридрих добивался своими крупными сражениями, мы ни разу не встречаем в боевой практике Моро. Однако, в то же время он никогда не удалялся настолько от полюса сражений, как король — в последние годы. С Дауном его также нельзя поставить на одну доску, ибо последнего французский генерал решительно превосходил энергией и подвижностью. Самый юношеский состав его армии придавал Моро такой огонь и импульс, которых традиционный австрийский уклон был совершенно лишен.

Было бы грубой ошибкой пренебрежительно судить о Моро потому, что он был стратегом измора. Чтобы не быть таковым, ему надо было бы быть именно Наполеоном. Ему надо было бы обладать не только безошибочной верностью суждения, но и тем ни с чем

---

[1] Французские историки, например Мартен и Тьер, считают, что суждение Наполеона внушено его самовлюбленностью, не признававшей никого рядом с собою. Возможно, что в этой несколько пренебрежительной формулировке звучал отголосок и такого чувства. Но, что Моро в отличие от Наполеона был человеком «метода», признается и его почитателями и, пожалуй, даже подчеркивается ими, — например, в одном исследовании Парижского военного архива (Depôt de la guerre) от 1829 г. Цитировано у Lort de Serignan, стр. 212.

[2] Wiehr, Napoleon und Bernadotte im Herbstfeldzug, 1813 г., стр. 61.

не сравнимым соединением отваги и осторожности, пылкой фантазии и самого холодного расчета, героизма и политического искусства, которое является отличительным признаком стратегии Наполеона. Не быть Наполеоном — еще не укор. Не для того, чтобы приравнять этих двух людей друг к другу, привели мы это сравнение, а для того, чтобы показать, что мировая история строится не только из отношений и обстоятельств, но что личности, по меньшей мере, составляют один из многих элементов, деятельно в ней участвующих. Не одна французская революция создала современную стратегию сокрушения и заменила ею стратегию измора: Наполеон был ее творцом, воспользовавшись возможностями, предоставленными ему революцией[1]. Да он это и сам сознавал. «Только вульгарное честолюбие, — говорил он,— может пользоваться такими средствами, к каким прибегали Людовик XIV и Фридрих II». Так пишет маршал Сен-Сир в своих мемуарах; он готов порицать Наполеона за то, что последний пренебрегал правилами, которые все признавали хорошими, и полагал, что они пригодны лишь для посредственных умов.

Современники не могли еще установить различия в существе достижений Моро и Бонапарта. Правда, говорили о какой-то итальянской и какой-то немецкой «школе» стратегии, там — Бонапарт, здесь — Моро, однако не могли еще распознать ни истинной природы противоречия между ними, ни абсолютного превосходства одной «школы», т. е. личности, над другой[2]. Бонапарт взялся произвести государственный переворот и этим сделался хозяином Франции, но был ли он действительно человеком, призванным на то судьбою, и единственным призванным, это далеко еще не представлялось современникам как нечто заранее доказанное, и это сомнение привело к эпилогу кампании, ознаменовавшейся сражением при Маренго; последний дает нам повод, с точки зрения военной истории, сделать к ее описанию некоторое добавление.

Когда в 1804 г. Наполеон заставил избрать себя и короновать императором, он ведь еще находился лишь в преддверии своего величия, своих деяний и своей славы. Его фантастический поход в Египет закончился неудачей, и можно было задать себе вопрос, хорошо ли он

[1] Впервые правильно разработано сравнение стратегии Моро и стратегии Наполеона в двух диссертациях Эггеркинга и Метте (Theodor Eggerking, Moreau als Feldherr in den Feldzügen 1796 und 1799, Берлин, 1914 г. и Siegfried Mette, Napoleon und Moreau in ihren Plänen für den Feldzug von 1800, Берлин, P. Тренкель, 1915 г.). Книга Германа (Alfred Hermann, Marengo, Мюнстер, 1903 г.) интересна, но порою перегружена критическими указаниями; она усматривает ошибки в распоряжениях Наполеона как раз там, где особенно проявляется его величие. Ср. по этому поводу рецензию Э. Даниэльса в «Preussische Jahrbücher», 116, 347. Правильное понимание этой кампании, к тому же превосходно обоснованное источниками, мы находим в книге майора де-Кюньяка (de Cugnac, La campagne de Marengo. Париж, 1904 г. Рецензия на нее — von Caemmerer, «Militär. Liter. Zeitschr.», 1905 г., № 2, столбец 86). О роли Моро в 1813 г. мы узнаем из его беседы с Бернадоттом в «Recueil des ordres de Charles Jean, Prince royal de Suède», Стокгольм, 1838 г. Особым влиянием он тогда не пользовался.

[2] Также и в книге Napoléon et les grands généraux de la Révolution et de l'Empire, Lort de Sérignan, Париж 1914 г., при правильной в общем ориентации, самая сущность проблемы еще не уловлена. Автор признает одного лишь Даву за ученика Наполеона в полной мере. На Лекурба, Дезэ и Сен-Сира он смотрит как на учеников Моро. Я решительно возражаю против распространения утверждения, повторяемого и Сериньяном, будто Наполеон подготавливал не учеников, а одних лишь послушных ему исполнителей.

поступил, покинув там в трудном положении свои войска. Его успехи 1796 и 1800 гг. были блестящи, но Моро стоял рядом с ним, а злые языки шипели, что победой при Маренго Франция обязана, в сущности, не столько ему, сколько павшему в этом сражении генералу Дезэ. В противовес этому мнению император приказал составить официальный отчет об этой кампании, который он сам исправлял и который должен был быть переработан согласно этим исправлениям, с грубым извращением истины в том смысле, будто полководец все заранее знал и рассчитал; временное же отступление французов и критические моменты сражения должны были быть опущены. Для историка-критика эти, скажем открыто, подлоги не увеличивают, а умаляют славу полководца. Ибо не бывает великого стратегического действия, которое не заключало бы в себе и великого риска, а следовательно — и критических моментов, и заслуга всеобъемлющего и безусловно правильного предварительного расчета — или фикция, или случайность, так как такой предварительный расчет всегда возможен лишь в ограниченных пределах.

Неужели же Наполеон настолько не отдавал себе отчета в своих поступках, либо был так ослеплен собственным тщеславием, что позволил сделать из себя такое чучело? Нет, он прекрасно понимал то, что делал. Он знал, что истинное величие недоступно пониманию народа. Точно так же, как народ всегда охотнее всего рисует себе храбрость в виде победы малочисленного войска над многочисленным, точно так он видит вернейшее доказательство искусства полководца в том, когда ему докажут, что великий человек все совершенно точно наперед рассчитал и знал. Что стратегия есть движение в непроницаемой для взора стихии, а существеннейшее качество полководца — отвага, умение рисковать, это — открытие, сделанное впервые Клаузевицем и введенное им в военную науку. Сознайся Наполеон, что он едва не проиграл сражения, фактически же основные силы его были уже разбиты, когда поздно вечером подоспел Дезэ, — французский народ не восторгался бы его смелостью, а порицал бы за легкомысленное распыление своих сил, за спасение лишь благодаря счастливой случайности. Ведь и афиняне не иначе умели изображать своим детям величие Фемистокла, как рассказывая им о его коварном тайном послании, которым он соблазнил персидского царя повести атаку при Саламине.

Одновременно с генералом Бонапартом выступил на мировой сцене в роли полководца и эрцгерцог Карл, бывший еще на 2 года моложе его (род. в 1771 г.). Эрцгерцог обладал склонностью к теоретическим умозрениям и, еще в молодом возрасте, работая наряду со шпагой и пером, написал много сочинений. В отношении стратегии он безусловно стоит на почве стратегии измора. Пусть он, подобно Фридриху, провозглашает, что необходимо употребить все усилия, дабы война длилась как можно меньше, и что цели войны можно добиться, лишь нанося решительные удары; он в то же время ограничивает это положение тем, что учит: «В каждой стране есть стратегические пункты, имеющие решающее для нее значение, ибо, обладая ими, овладеваешь ключами данной страны и ее ресурсами». И далее: «Решающее значение стратегических линий обязывает не поддаваться никакому соблазну хотя бы величайших тактических выгод и не предпринимать никакого движения, которым можно уклониться от этих линий так далеко или в таком направлении, что они могут сделаться добычей

неприятеля». Или еще: «Важнейшие тактические мероприятия редко приносят длительные выгоды, раз они принимаются в пунктах или в направлениях, не являющихся стратегическими» [1].

Для стратегии измора эти положения являются вполне закономерными и целесообразными. В ней действительно многое зависело не только от того, что сражение было выиграно, но и от того, где оно было выиграно, ибо победа, которую нельзя преследовать далее, имеет лишь переходящую ценность, а развитию ее преследованием часто положены весьма тесные границы. Мы ведь видели, как Фридрих, после весьма блестящей победы при Сооре, даже отступил. В стратегии сокрушения победа не находится в зависимости от того «пункта», на котором она одержана, или от той «стратегической линии», по которой продвигаются, а полководец исходит из предположения, что вместе с победой он берет в свои руки и стратегические пункты и определяет стратегические линии. Именно тем, что Наполеон бросил на произвол судьбы свою стратегическую линию, он и мог, как мы то сейчас увидим, взять в тыл пруссаков под Иеной и Ауэрштедтом, и не только их победил, но и сокрушил [2].

Наполеоновская стратегия свободна от всякого схематизма. Однако, одна основная форма так часто повторяется у Наполеона, что она заслуживает быть особо отмеченною. При развертывании своей армии он надвигает все свои силы на одно крыло или во фланг противника, пытается его охватить, оттеснить от его базы и этим, по возможности, окончательно его сокрушить. Таков был его план еще весной 1800 г., когда он, совместно с Моро, хотел повести наступление против австрийцев в Южной Германии со стороны Швейцарии. Так же он действовал и в 1805 г., когда атаковал австрийцев на Дунае, охватывая их с севера и приказав с этой целью Бернадотту выступить из Ганновера через Ансбахскую территорию. Тот же прием он применил и в следующем году, когда атаковал пруссаков в Тюрингии не со стороны Рейна, но от верхнего течения Майна; он настолько полно их обошел, что в сражениях под Иеной и Ауэрштедтом бой происходил с перевернутым фронтом: пруссаки дрались лицом к Берлину, французы — повернувшись к нему тылом. Если бы французы в этом положении потерпели поражение, то у них отступление произошло бы в еще худших условиях, чем отступление пруссаков; оттесненные к Рудным горам и к австрийской границе, они могли подвергнуться полному истреблению. Но, уверенный в победе, Наполеон рискнул этим и получил возможность совершенно уничтожить прусскую армию, оттесненную при отступлении от ее базы.

Говорят, что прусский генерал фон-Граверт верно предсказал операцию Наполеона, но истолковал ее в том смысле, что «неприя-

---

[1] Эти цитаты заимствованы из книги эрцгерцога Grundsätze der Strategie 1813 г. *Прим. Дельбрюка.* См. «Стратегию в трудах военных классиков», т. II, стр. 84—98. — *Ред.*

[2] Теория и сочинения эрцгерцога Карла прекрасно разобраны Омменом (Heinrich Ommen, Die Kriegführung des Erzherzogs Karl, Берлин, 1900 г. Э. Эберинг). В этом труде также поучительно рассмотрены устройство войск, тактика, снабжение и пр. Однако, в отношении стратегии Оммен допустил ошибку. Он понимает старую стратегию как чисто маневренную, каковой ведь она бывала лишь там, где приходила в состояние окостенения, — вследствие чего он изображает эрцгерцога Карла как бы в противоречии с нею (стр. 13); последнего фактически не было. Ср. W. Krauss, Die Strategie des Erzherzogs Karl, 1796 г. Берлинская диссертация, 1913 г.

тель обойдет наш левый фланг и отрежет нас от Эльбы, т. е. от всех наших источников снабжения и пополнения, от Одера, от Силезии» [1].

Не может быть лучшей характеристики различия между старой и новой стратегией, чем сравнение этого толкования с истинным намерением Наполеона. Граверт понял все совершенно верно с точки зрения стратегии Фридриха. Наполеон же совсем не дорожил этим «отрезыванием» от «источников снабжения», что заставило бы прусскую армию, маневрируя, отступить и передало бы в его руки известную территорию; он занял линию отступления пруссаков, чтобы переловить их самих.

К той же категории относится и план осенней кампании Наполеона в 1813 г. Он хотел первоначально держаться оборонительно по отношению к богемской и силезской армиям, пока северная армия Бернадотта не будет разбита и вся страна до Данцига не окажется в его руках. Этим было бы положено начало большому наступлению с севера на юг, которое должно было оттеснить русских от их сообщений с родиной. План этот потерпел крушение, так как северная армия, руководимая Бернадоттом, осторожно, но зрело обдуманно, отбросила французские войска под Грос-Беереном и Денневицем.

Лишь с возобновлением общей войны в 1805 г. Наполеон достигает вершины не только своей славы и величия, но и своей стратегии. Беспорядки, вызванные революцией, преодолены; большие массы, патриотический дух, новая тактика — все это вводится в рамки дисциплины; император Наполеон имеет возможность без помехи со стороны других сил и влияний выполнять то, что он признал правильным.

Истинный секрет великого полководца заключается именно в соединении отваги и осторожности. Мы наблюдаем это и у Александра, когда он, прежде чем предпринять свой поход во внутренние области Персии, сперва обеспечивает свой тыл завоеванием Тира и Египта и значительно усиливает свою армию. Мы встречаемся с этим и у Ганнибала, когда, вместо осады Рима, он ставит себе целью отторгнуть от столицы ее итальянских союзников. Мы находим его и у Сципиона, когда он хотя и ставит все на карту большого, решительного сражения без возможности отступления, но сперва притягивает к себе подкрепления в лице Массиниссы. Мы видим его и у Цезаря, который сначала решается обратиться против армии без полководца, а затем — против полководца без армии [2]. Мы наблюдали это соединение и у Густава Адольфа и у Фридриха Великого. То же мы видим и у Наполеона. Как ни дерзновенно он бросает то и дело свои вызовы судьбе, все же он отнюдь не устремляется без оглядки в беспредельное, но отлично знает, где должен остановиться, переходит от наступления к обороне, предоставляет неприятелю выбор — атаковать его или нет, и одновременно старается дополнить свою победу политикой.

Прекраснейшим образцом такого образа действий является Аустерлицкая кампания. Наполеон сокрушил одну австрийскую армию под Ульмом, занял Вену и проник в Моравию под самый Ольмюц, где

[1] Rühle von Lilienstern, Bericht eines Augenzeugen vom Feldzug des Fürsten von Hohenlohe, 1807 г., стр. 63.

[2] Цезарь сначала ликвидирует лучшие легионы, оставшиеся верными сенату и расположенные в Испании, и затем лишь переносит операции на Балканский полуостров, против Помпея.— *Ред.*

главные силы русских преградили ему дорогу. Дать на таком крайнем пункте (pointe) наступательное сражение кажется Наполеону чересчур рискованным, к тому же неприятель несколько превосходит его численностью войск. Он завязывает переговоры, а при приближении неприятеля занимает позицию для оборонительного сражения. 2 декабря 1805 г. он его выигрывает, благодаря тому, что, верно уловив минуту, он из оборонительного положения наносит наступательный удар. Чтобы охватить Наполеона, противники сильно растянулись, вследствие чего у них оказался очень неглубокий центр без подлинного резерва. Тут-то и надо было сделать прорыв. «Сколько времени вам потребуется, чтобы взять эту возвышенность (Праценские высоты)?» — спросил император стоявшего около него маршала Сульта. — «20 минут».— «В таком случае подождем еще четверть часа». Верно уловить эти четверть часа — вот от чего зависело все дело.

Из всех форм боя оборонительно-наступательное сражение—самая действительная. И оборона и наступление имеют каждое свои сильные и слабые стороны. Главная выгода обороны заключается в возможности выбрать поле сражения и вполне использовать условия местности и действие огнестрельного оружия. Главное преимущество наступления — это моральный подъем, вызываемый атакой, возможность выбора того пункта, на который она будет направлена, и достижение положительного результата. Оборона дает всегда сначала лишь негативный результат. Поэтому оборонительные сражения в чистом виде лишь редко заканчиваются победой (Креси 1346 г., Омдурман 1878 г.)[1]. Но высшее достижение получается, когда полководец в верно выбранное мгновение и на надлежащем пункте от удачной обороны переходит к контратаке. С классическим примером оборонительно-наступательного сражения мы познакомились на примере Марафона. Современным воспроизведением его может служить Аустерлиц. Это сражение важно для нас как по своему замыслу, так и по своему выполнению, ибо оно показывает нам полководца во всей силе его самообладания: здесь мы видим, как этот человек, при всей своей дерзновенности, отнюдь не отказывался от рассудительности. Его осторожность доходила даже до того, что, когда ему донесли о приближении неприятеля, он отдал Талейрану, ведшему переговоры в Вене, приказание заключить мир на умеренных условиях. Хотя он и рассчитывал с полной уверенностью на победу, все же он хотел на случай поражения обеспечить себя дипломатическим путем.

К наиболее рискованным предприятиям его военной карьеры принадлежит переправа через Дунай, приведшая к сражению под Асперном (21 и 22 мая 1809 г.). Совсем близко к месту переправы стоял на северном берегу Дуная эрцгерцог Карл со всей австрийской армией, численностью более 100 000 человек. Французам предстояло переправиться через эту могучую реку по единственному импровизированному мосту. Мост разорвался в первый раз, когда перебралось лишь 22 500 человек, а во второй раз — на другой день в 8 час. утра, когда на том берегу уже было около 60 000 человек. Тем не менее, несмотря на учетверенное превосходство сил в первый день и более чем полуторное — во второй, австрийцам не удалось сбросить французов в реку. У эрцгерцога Карла еще оставались резервы, но он не решился их пустить в ход. Здесь особенно ярко обнаружилось все различие,

[1] Победа Китченера в Судане над дервишами. — *Ред.*

между ним и Наполеоном [1]. Для Фридриха Великого еще, собственно, не существовало вопроса о применении резервов, ибо он хотел все завершать первым ударом, а потому придавал ему всю, какую только мог, силу, не оставляя сколько-нибудь значительных резервов. С новой тактикой австрийцам пришлось усвоить себе и принцип сохранения резервов, но, подобно тому как эрцгерцогу нехватало силы духа, чтобы подняться до уровня стратегии сокрушения, так у него не было и правильного представления о существе и способе применения резервов. Он выдвинул основной принцип: «Резервы должны лишь тогда быть двинуты в бой, когда участие их несомненно приведет к решительному исходу». «Их, правда, можно кое-когда вводить в бой, если требуется произвести последний натиск для завершения победы, но вообще их главное назначение — служить для обеспечения и прикрытия отступления» [2].

Даже согласно этому принципу, как он ни слаб, ему следовало под Асперном бросить в бой решительно все свои силы, чтобы добиться возможно полной победы. Более благоприятного случая нельзя было ждать. Но у эрцгерцога для этого нехватало размаха. Ведь он все еще был по уши погружен в представления стратегии измора, которые не придавали победе, как таковой, особенного значения. Эрцгерцог Карл был слишком малодушен, чтобы схватить тот дар, который Фортуна с улыбкой ему преподносила под Асперном. Он все оглядывался назад, подобно тому как с бессознательной жестокой иронией изображен на конной статуе своего памятника в Вене. Французская пехота защищала обе деревни, Асперн и Эсслинген, а их малочисленная кавалерия удерживала за собой промежутки между ними, производя одну за другою отважные атаки. Сам Наполеон, подвергая себя страшной опасности, разъезжал под огнем между рядами своих войск, чтобы поддержать их мужество. Наконец, австрийцы принудили своих противников отступить на остров близ северного берега Дуная, но эрцгерцог Карл не посмел их там атаковать или вообще использовать иным каким-либо образом свой успех [3].

---

[1] Мы не можем согласиться с резко отрицательной характеристикой, которую дает Дельбрюк эрцгерцогу Карлу. Основное заблуждение Дельбрюка, как нам кажется, заключается в преувеличенном представлении о значении личности. Нельзя критиковать полководцев вне зависимости от тех государств, интересы коих они защищают, и тех армий, которыми они командуют. Конечно, эрцгерцогу Карлу трудно тягаться с Наполеоном, но прежде всего потому, что один опирается на все силы нового строя, созданного революцией, а на другого давит весь балласт старого порядка Габсбургской монархии, и армия — дореформенное орудие, которым ему приходится работать, страдающее многими изъянами. Все отношения австрийской государственности связывали эрцгерцогу Карлу руки и рекомендовали ему осторожность, по поводу которой иронизирует Дельбрюк. Поскольку эрцгерцог Карл ясно сознавал недостатки старого строя, всеми силами боролся с ними, стремился к широкому заимствованию всех достижений революционной Франции, старался насадить ландвер, модернизировать тактику и оперативные приемы австрийской армии, — нельзя ставить ему в укор все недостатки Австрии. Это не его вина, а его беда. — *Ред.*

[2] Ср. мою статью «Erzherzog Karl» в «Erinnerungen», стр. 590. Кроме того, «Kriegsgeschichtliche Einzelschriften», вып. 27, стр. 380, где цитируются более старые теоретики, учение которых воспринял эрцгерцог.

[3] August Menge, Die Schlacht bei Aspern, Берлин, Георг Штильке, 1900 г. Holtzheimer, Schlacht bei Wagram, Берлинская диссертация, 1904 г. Граф Иорк в своей книге Napoleon als Feldherr (II, 247) следующим образом сопоставляет Наполеона с Фридрихом и эрцгерцогом Карлом: «Если стратегия Наполеона отличается грандиозностью замыслов и смелостью исполнения, которых я в равной

Шесть недель спустя Наполеон настолько усилился, что уже мог возобновить свою попытку, которая на этот раз увенчалась успехом; сражение состоялось при Ваграме, 6 июля 1809 г. Наполеон выиграл это сражение благодаря своему значительному численному превосходству и охвату левого фланга австрийцев: Те большие массы артиллерии и пехоты, которые он сосредоточил в центре, не привели к решительному исходу, как то принято было думать. Совершенно неосновательно расточают эрцгерцогу Карлу похвалы за то, что он атаковал левое крыло французов с фланга отдельной частью армии; это было бы предвосхищением руководства сражением Мольтке. Но в данном случае сходство чисто внешнее. Атака была слишком слаба для того, чтобы оказать решительное воздействие, и эрцгерцог Карл, хотя и имел достаточно времени, чтобы подготовиться к новой попытке французов переправиться через Дунай, вообще не располагал никаким продуманным планом сражения и колебался в нерешительности между мыслями о наступательном и оборонительном образе действий [1].

Настоящую проблему наполеоновской стратегии представляет кампания 1812 г. Наполеон разбил русских под Бородиным, взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию. То же случилось бы и с Фридрихом, если бы он отважился на взятие Вены. Даже при тех силах, коими располагал Наполеон, стратегия сокрушения имеет свои пределы: не лучше ли поступил бы Наполеон, если бы в 1812 г. он обратился к стратегии измора и повел бы войну по методу Фридриха? Клаузевиц на этот вопрос дал весьма

мере не нахожу ни в стратегии Фридриха, ни в стратегии эрцгерцога Карла, зато в поступках последних не наблюдается и того падения с первоначальной высоты (как у Наполеона), они остаются верны своему образу действий, хотя последний у них никогда и не достигал того полного величия военного гения, как у Наполеона». Такого рода сравнение мы безусловно должны отвергнуть со всех точек зрения. Ни Наполеон не спускался со своей высоты, ни эрцгерцога Карла никоим образом нельзя ставить на одну доску с Фридрихом; не следует также при сравнении Наполеона с Фридрихом игнорировать различие двух эпох; да и перемена в самом Фридрихе не должна упускаться из виду. Если измерять величие полководца лишь по «грандиозности его замыслов и смелости их исполнения», то как раз пришлось бы признать, что именно Фридрих и «спустился с прежней своей высоты».

[1] Однажды Наполеон, в связи с этим сражением, изложил одному австрийскому офицеру различие между его способом давать сражение и австрийским (напечатано, между прочим в «Трилогии» Кнезебека (Knesebeck, Trilogie), и у Ранке (Ranke, Werke, 48, 125: Hardenberg); Ранке полагает, что это было обобщенное описание второго дня сражения под Ваграмом. «У вас принято,— значится тут,— наступать небольшими корпусами, связанными в одно целое вашим планом сражения; вы составляете свою диспозицию накануне сражения в то время, когда вам еще неизвестен маневр противника. В этих условиях вы можете принять в расчет только условия местности. Я же не развертываюсь до боя; в ночь, предшествующую сражению, я осторожно держу свои войска сосредоточенными вместе. При первых лучах солнца я произвожу рекогносцировку расположения неприятельских сил. Как только я получу сведения о его движениях, я составляю свою диспозицию, но последняя ориентируется более на противника, чем на местность». Не скажу, чтобы в данном случае Наполеон верно отметил разницу между французами и австрийцами; он скорее изображает различие между оборонительным и наступательным сражением. Вот почему это описание вполне подходит к сражению при Ваграме. Под Аустерлицем ведь и Наполеон составил накануне свой план сражения и построил свои войска в соответствии с условиями местности. Если там у противной стороны не оказалось полководца, который мог бы в самое утро сражения непосредственно распорядиться подходом войск и наступлением, а подробную диспозицию издавал Генеральный штаб, то все же нельзя сказать, что именно в этом заключается существенное и решительное различие в порядках той и другой стороны.

обоснованный отрицательный ответ и доказал, что наибольшие шансы выиграть эту войну французский император все же имел, ведя ее тем методом, который до тех пор ему всегда гарантировал победу. Впрочем, при существовавшем тогда распределении сил он не мог бы победить ни при помощи стратегии измора, ни при помощи стратегии сокрушения. Согласно последним исследованиям, он выставил против России 650 000 человек под ружьем, включая сюда и гарнизоны. Через границу перешло 612 000 человек, из них больше половины — не менее 350 000 человек — приходилось на главную армию в центре. Когда же он прибыл в Москву, в его распоряжении оставалось только 100 000 человек. Уже в течение первых двух недель после переправы через Неман он потерял 135 000 человек почти без боя, благодаря одному лишь дезертирству, плохому снабжению и болезням. Французская половина войска состояла по большей части из совсем молодых людей, призванных в войска лишь в 1811 г., в их числе — много уклонявшихся, которых обучали военному делу на голландских островах, откуда они не могли дезертировать. Однако, это воспитание при продвижении через пустынные русские области не выдержало испытания. Снабжение из магазинов функционировало не вполне удовлетворительно; по своему обыкновению, Наполеон не уделил этому делу достаточного внимания и не принял в расчет, что русские земли не могли дать ему тех средств, которые ему давали Италия и Германия[1]. Таким образом, он проиграл войну в результате дезертирства и недостатка снабжения, но не из-за русской зимы, которая прикончила уже лишь остатки его армии; кроме того, в 1812 г. зима наступила позднее и была значительно менее суровой, чем в другие годы.

Кампанию Наполеона 1812 г. можно сравнить с вторжением Фридриха в Богемию в 1744 г., когда последний, не проиграв ни одного сражения, был вынужден одним лишь действием противника на его коммуникационную линию эвакуировать эту страну, потеряв при этом значительную часть своей армии. Сам он признавал это вторжение (pointe) в неприятельскую страну ошибкой, но имел возможность еще за зиму вновь устроить свою армию и сражением при Гогенфридберге восстановил нарушенное было равновесие. Как бы то ни было, Фридрих намеревался и при этом вторжении провести кампанию в духе стратегии измора, а потому его поражение было не неизгладимым, между тем как Наполеон стремился к гораздо большему — к окончательному, решительному исходу, а так как этого ему не удалось достигнуть, то и реакция оказалась гораздо более тягостной. Она ведь заключалась не в одной потере армии, но, — что очень существенно,— в том, что оба его союзника поневоле, Пруссия и Австрия, теперь нашли в себе мужество от него отложиться.

Таким образом, ошибка, погубившая Наполеона, заключалась не столько в том, что он стратегически действовал неправильно, сколько в том, что он переоценил силу внутренней моральной спайки фран-

[1] 11 октября 1805 г., по поручению Наполеона, Бертье писал Мармону: «Во всех письмах, которые генерал Мармон мне пишет, он только и говорит, что о снабжении продовольствием. Повторяю, что в маневренных войнах, сопряженных с вторжением в неприятельские государства, которые ведет император, не бывает магазинов; дело командира корпуса — добывать своим солдатам продовольственные средства в самой стране, через которую они проходят». 8 июля 1812 г.— Понятовскому: «Его величество крайне недоволен тем, что вы говорите о плате и о хлебе тогда, когда дело заключается в том, чтобы преследовать неприятеля».

цузского народа в своей империи. Правда, значительная часть французского народа с благоговением и благодарностью держалась за него или же была увлечена и ослеплена его славой; однако, у немалой части эти чувства либо были неглубоки, либо совершенно противоположного свойства. За него не хотели сражаться, и люди, забранные насильно в войска, дезертировали. Правда, в 1813 г. еще раз удалось выставить в поле огромную армию, но и она в крайне тяжелых условиях осенней кампании была разрушена в значительной доле не столько неприятелем, сколько дезертирством. Как это ни странно, но, собственно говоря, мы не имеем сведений о том, что сталось с дезертирами 1812 г. Надо полагать, что значительная их часть добралась до Германии и вернулась во Францию, а в 1813 г. снова была забрана в войска. Но так как каких-либо данных по этому поводу не сохранилось, то и нельзя сделать подсчета, каково именно действительное количество рекрут, поставленных императору Францией в эти годы.

Кампания 1814 г., как то показали более глубокие исследования, всецело протекала под влиянием политических мотивов, но для «Истории военного искусства» она представляет тот интерес, что эти политические мотивы умели облекаться в одежду правил старой стратегии. Одна партия, возглавляемая Меттернихом, стремилась к соглашению с Наполеоном и хотела, в случае, если таковое не состоится, реставрации Бурбонов; другая партия хотела низвержения Наполеона, а император Александр желал на его место посадить Бернадота. Дабы не сражаться за враждебные им цели, австрийцы отказывались от продвижения вперед и сознательно либо бессознательно маскировали эту сдержанность стратегическими соображениями. Они ссылались на то, что ни Евгений, ни Мальборо, которые ведь тоже были великими полководцами, никогда не вели операций против Парижа. Прусский король не хотел даже продолжать преследования за Рейн: Рейн представляет рубеж, и на таковом всегда, мол, следует задержаться и сперва собрать свои силы, а его генерал-адъютант Кнезебек хотел расположиться на Лангарском плоскогорьи, потому что там водораздел Франции, и, следовательно, с этого пункта господствуешь над Францией.

В кампании 1815 г. противоречие между двумя методами стратегии еще играет известную роль. Веллингтон, который, несомненно, был выдающимся генералом, все еще жил в представлениях стратегии измора. Объединенные армии союзников в Бельгии почти вдвое превосходили силы Наполеона (220 000 человек, правда, частью состоявшие из войск более низкого качества, против 128 000 превосходных солдат). Все же император был очень близок к победе, так как Веллингтон, все время озабоченный вопросами прикрытия географических ценностей, недостаточно своевременно сосредоточил свои войска для сражения, а потому опоздал к бою под Линьи, а еще 18-го, в момент сражения при Бель-Альянсе [1], оставил целый корпус в 18 000 человек стоять в 2 милях в стороне от поля сражения. Справедливо сравнивали такое раздробление сил с образом действий Фридриха, когда он, во время сражения под Прагой, оставил корпус Кейта стоять по другую сторону города. Но то, что в эпоху фридриховой стратегии если и не было обязательным, то во всяком случае являлось естественным, в эпоху Наполеона представляло тяжкий промах. Он был заглажен

[1] Немцы так называют сражение под Ватерлоо. — *Ред.*

тем, что Гнейзенау, руководимый, наоборот, исключительно мыслью о боевом решении, отказался от непосредственных сообщений с родиной разбитой под Линьи прусской армии и направил ее отступление на Вавр, поблизости от англичан, так что пруссаки имели возможность подоспеть к ним на помощь на следующий день[1]. Конечная победа потопила все ошибки Веллингтона в таком сиянии славы, что на них почти не обратили внимания. Но с точки зрения военной истории их необходимо особенно подчеркнуть, не как ошибки, но как доказательство могущества и вредоносности ложных теорий. Четырехдневную кампанию 1815 г. можно рассматривать как столкновение двух противоположных методов стратегии в их самом полном и выпуклом выражении. Когда эрцгерцога Карла одолевал Наполеон, то это была победа гения над пустой головой и слабым характером. Но когда Веллингтон проявил настолько глубокое непонимание Наполеона, что приписал последнему намерение оттеснить его при помощи маневрирования и взять Брюссель, почему и не стянул своевременно свои войска, то у такого значительного человека и превосходного солдата, каким был Веллингтон, это можно объяснить, лишь ясно представив себе, насколько он был еще в плену у старых стратегических воззрений.

Если бы Веллингтон воевал только в Испании и закончил свою карьеру в 1814 г., то против него можно было бы возразить только то, что он не подвергался высшему испытанию, а зная его характер, можно было бы строить предположения о том, как бы он проявил себя в нем. Но вот в 1815 г. он подвергся этому экзамену и как тактик — выдержал его блестяще, но как стратег — срезался[2]. Он разрешил лишь оборонительную часть задачи и применил испанские методы там, где они уже были неуместны. Конечный полный успех был достигнут тем, что блюхер-гнейзенауское руководство блестяще восполнило его стратегию в том самом пункте, где последняя оказалась несостоятельною.

О ПРОТИВОРЕЧИИ СТРАТЕГИИ ИЗМОРА И СТРАТЕГИИ СОКРУШЕНИЯ

В то время как я перечитывал корректуру вышеизложенного, я познакомился с статьей Otto Hinze, Friedrich der Grosse nach dem Siebenjährigen Kriege und das politische Testament von 1768 (Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte, B. 32), из которой я заключил, что, несмотря на появление 27-го выпуска монографий Генерального штаба, время недоразумений по вопросу о стратегии Фридриха еще не миновало. Я привожу здесь отрывок из статьи Гинце дословно, дабы еще раз с возможной ясностью и полнотой выявить все те пункты, где мысль сбивается с правильного пути или где заблуждение особенно ярко выступает наружу. В скором времени будет опубликовано самое «Политическое завещание» в качестве приложения к политической переписке короля; профессор Гинце любезно предоставил в мое распоряжение корректурные листы, так

---

[1] Картина, нарисованная в моем сочинении Gneisenau, дополнена моей статьей General Wolseley, Wellington und Gneisenau, помещенной в сборнике «Erinnerungen, Aufsätze und Reden».

[2] Главное достоинство Веллингтона заключалось в абсолютной неуязвимости его для новых воззрений, почему он, в общем, оказывался вполне на месте в роли вождя английской армии, остававшейся вполне еще армией XVIII в. В этом — существенное преимущество Веллингтона перед эрцгерцогом Карлом. Остальные комплименты нам кажутся преувеличенными. — *Ред.*

что я имею возможность присоединить сюда и самый текст соответственных мест. Изложение самого Гинце гласит:

«Король имеет в виду только оборонительную войну против Австрии и возможных ее союзников; но он держится того взгляда, что не следует начинать эту войну стратегической обороной, а надо сразу пустить в ход действенное наступление, конечной целью которого должна быть неприятельская столица. Это его прежняя стратегическая идея-норма, которую уже А. Ноде совершенно правильно уяснил по переговорам относительно плана кампании 1757 г.: «Надлежит с главной армией вторгнуться в Моравию и тотчас отправить вдоль течения Мархи летучие отряды до окрестностей Вены — это самое уязвимое место австрийцев; угрозой Вене их скорее всего можно принудить к миру. Разумеется, одновременно необходимо повести наступление и в Богемии, — все остальное должно быть поставлено в зависимость от обстоятельств. Эту идею король уже имел в 1757 г.; тогда, под влиянием советов Шверина и Винтерфельда, он ее заменил концентрическим вторжением в Богемию, с целью дать решительное сражение под Прагой. В 1758 г. он снова к ней вернулся, но упорное сопротивление, оказанное ему Ольмюцем, и захват австрийцами большого транспорта разрушили тогда этот план. Однако, эта идея прочно засела в голове короля, и здесь она снова появляется как стратегический план-норма, рекомендуемый наследнику. Сам Фридрих пытался действовать согласно ему в войну за Баварское наследство в 1778 г., но препятствия, которые чинил командовавший в Богемии принц Генрих, желавший удержать поблизости от себя главную армию для прикрытия своего фланга, и на этот раз помешали его выполнению.

И по отношению к России Фридрих предполагал при известных обстоятельствах не придерживаться исключительно стратегической обороны, причем, однако, предпосылкой наступления являлась поддержка не только Австрии, но и Англии. При этом он помышляет о походе на Петербург вдоль побережья Балтийского моря; снабжение армии должен был обеспечивать флот, сопровождавший вдоль берега продвижение армии. Откуда возьмется этот флот — не указано: видимо, надо думать о поддержке со стороны союзной морской державы, ибо в «Политическом завещании» 1768 г. Фридрих высказывается еще решительнее, чем в 1752 г. против постройки Пруссией собственного военного флота.

Мы видим, что смелость и грандиозность стратегических проектов короля не уменьшились после войны, но скорее увеличились. В главе об основных принципах войны король отдает предпочтение широким проектам стратегии сокрушения перед мелочными планами стратегии измора. Способ, каким он здесь излагает общую идею кампании 1757 г., указывает на широкую, почти по-современному звучащую тенденцию, которую в споре о стратегических принципах короля не всегда достаточно учитывали. Здесь нельзя применять обыкновенный метод критики, при котором за позднейшими, ретроспективными рассуждениями мемуарного типа признается бо́льшая сила, чем за свидетельствами, современными событиям, сопровождающими самое действие, которые часто сохраняются лишь в форме отрывочных указаний, переговоров и т. д. Эти отдельные указания и приказы получают свою подлинную связанность и надлежащий фон лишь через эти, позднее оглашенные, общие идеи. Выполнение большей частью отстает от замысла. Вопрос заключается в том, способны ли вообще данная эпоха и данный человек на концепцию в стиле стратегии сокрушения, и в отношении Фридриха на этот вопрос следует безусловно ответить утвердительно. Правда, средства для ведения войны, коими он располагал, и общие обстоятельства, обусловливавшие военные действия, как, например, способ обработки почвы, состояние дорог, возможности снабжения, были в то время таковы, что они ставили выполнению подобных планов бо́льшие затруднения, чем во времена Наполеона или Мольтке. Это в достаточной мере испытал сам Фридрих, вследствие чего и самая

стратегия Фридриха сохранила тот колеблющийся характер, который снова приближает ее к старой, методической, маневренной стратегии. Основой всех его операций прежде всего является снабжение армии продовольствием из магазинов. И он наперед предвидел, что в будущем по отношению к австрийцам придется мириться с ведением позиционной войны (guerre de postes). Кампания 1778 г. подтвердила это предсказание».

Что смелость и широкий размах стратегических проектов короля не уменьшились после Семилетней войны — с этим согласиться можно; предположение, что они даже усилились, вероятно, основано на его идее похода на Петербург, и действительно, такой план, кажется, превосходит все то, что король раньше когда-либо имел в виду. Ведь даже Вене Фридрих ни разу серьезно не угрожал, а Петербург — нечто совершенно другого порядка. Объяснение надо искать во флоте, который должен был сопровождать армию, а комментариев надо искать в его «Размышлениях о военном таланте Карла XII». Здесь Фридрих подробно излагает, как шведский король в том именно и погрешил, что, вместо того чтобы пойти на Петербург, пошел на Смоленск, в направлении Москвы. Тем самым он отрешился от своих сообщений, от возможности снабжать и пополнять свою армию от своей, как мы теперь выражаемся, базы. Следовательно, строя предположение о возможности войны с Россией в союзе с Австрией и одной из морских держав, он вращался в сфере прежнего хода своих мыслей, намечая поход на Петербург. Тем, что он при этом заставлял флот сопровождать свою армию во время этого похода, он, так сказать, тянул свою базу за собою. Другого способа победить русских или принудить их к миру не существовало. Раз фантазия принималась за организацию войны обширной коалиции против России, то такой человек, как Фридрих, должен был на основании своих стратегических взглядов отвергнуть поход вглубь России; оставалась, следовательно, одна цель — Петербург, и то при условии флота, сопровождающего армию.

Ошибка, которую делает Гинце в своем исследовании, заключена в его фразе: «Король отдает предпочтение широким проектам стратегии сокрушения перед мелочными планами стратегии измора». Это сопоставление доказывает, что автор неправильно разумеет оба понятия — «стратегия сокрушения» и «стратегия измора». Что Фридрих отдавал предпочтение широким проектам перед мелочными планами — известно всем, и этого он держался всю жизнь. «При исполнении, говорил он себе, планы и без того съеживаются, а когда удается осуществить действительно больший план, то тогда — дело выиграно». Но разве из-за этого широкие планы непременно являются стратегией сокрушения? Разве и в стратегии измора не бывает также широких проектов? Если широкие планы делают полководца стратегом сокрушения, то и Густав Адольф, и Мальборо, и Евгений были стратегами сокрушения; поход Густава Адольфа до самого Мюнхена, поход Мальборо из Нидерландов к Дунаю в 1704 г. (сражение при Гохштедте), поход Евгения от Эча вдоль южного берега По — до Турции в 1706 г. не менее широко задуманы, чем что-либо когда бы то ни было предпринятое Фридрихом. Следовательно, если решающим моментом является широкий размах, то различие между сокрушением и изморомне не что иное, как различие между великим и ничтожным полководцем. Лишь тот исследователь правильно понял это различие, кто осознал, что задача стратега измора не менее значительна, а по своей двухсторонности — порою субъективно труднее, чем задача стратега сокрушения. Следовательно, различие не лежит в большей или меньшей широте замысла.

Для того чтобы убедиться, принадлежат ли цитированные Гинце «широкие проекты» Фридриха к стратегии сокрушения, нам следует проверить их по существу. Гинце говорит, что король рекомендовал в своем завещании «предпринять наступательные действия, целью которых была бы неприятельская столица». Это звучит как сокрушение Но вот в следующей фразе говорится лишь об

отправке «летучих отрядов до окрестностей Вены». Ясно, что о «сокрушении» уже не может быть больше речи. Не говоря уже о том, что Вена расположена на южном берегу Дуная, что даже не армия, а только летучие отряды должны были приблизиться к Вене, что, следовательно, о действительной угрозе столице не было и речи, надо иметь в виду и то, что в этом самом «Политическом завещании» (стр. 360 и сл.) указаны те пространно изложенные соображения, по которым король не советует давать сражения не только в гористых местностях, но даже и на равнине. Следовательно, король желает продвинуться к окрестностям Вены, но не давать сражения [1]. Если кампания на сокрушение такова, то, очевидно, мы под словом «сокрушение» разумеем совершенно разные вещи. Для применения понятия «сокрушение» в моем смысле надлежало бы, чтобы Фридрих написал: «Мы не довольствуемся угрозой Вене, но переправляемся через Дунай и берем ее: австрийскую армию, которая пытается прикрывать столицу, мы атакуем и разбиваем».

Что план Фридриха — одолеть Австрию при помощи операции, направленной против Вены через Моравию, принадлежит к категории правильно понятой стратегии измора, косвенно доказывает то, что, по примеру Ноде и Козера, Гинце называет его стратегической идеей-нормой Фридриха. Этот термин спорный, но если мы его принимаем, то ясно, что стратегическая «идея-норма» могла возникнуть и развиться лишь на почве стратегии измора. Объект, который стратегия сокрушения всегда имеет в виду,— это армия противника: ее надо разыскать и разбить. Поэтому тот, кто составляет план стратегии сокрушения, задается прежде всего вопросом: где приблизительно находится неприятельская армия? У Фридриха же вопрос — географический, которая из двух немедленных провинций представляет наиболее благоприятные и выгодные условия для вторжения и ведения войны? Идея-норма у Фридриха заключается в том, что он себе уяснил, что вторжение в Моравию представляет известные преимущества перед вторжением в Богемию. Для такого простого, обыденного соображения нельзя пользоваться столь многозначительным названием, как «идея-норма»; последнее звучит, словно за ним кроется нечто большее, чем то, что оно действительно содержит. Да к тому же Фридрих гораздо чаще вторгался в Богемию, чем в Моравию [2].

Заглянем и мы теперь в подлинный текст того пассажа в «Политическом завещании», который Гинце кладет в основу своих рассуждений. Приводим его дословно [3].

«Всякий раз, как нам придется обнажить мечи один против другого, надо всегда начинать с того, чтобы оккупировать Саксонию, а оттуда направить корпус в Богемию, вдоль Эльбы. В Силезии надо иметь еще бо́льшую армию, которая,

---

[1] См. в моем сборнике «Historische und politische Aufsätze», стр. 273, изд. 2-е, стр. 269, и след. статью Ueber die Verschiedenheit и т. д. и Friedrich, Napoleon, Moltke, стр. 45, где проводится та мысль, что, даже в том случае, когда имеют в виду дать сражение, как то фактически и имело место в 1778 г., это не меняет основного характера плана войны. Ведь и стратегия измора дает сражение.

[2] Koser, Friedrich der Grosse, II, стр. 400 (изд. 4-е), объясняет это в одном месте так: «По теории Фридриха, жребий между Пруссией и Австрией должен был когда-нибудь быть брошен в Моравии». Аналогично на стр. 457. В другом месте (стр. 585) мы читаем обратное: «Взятием Праги противнику должен был быть нанесен удар «обухом по голове», от которого он не мог бы оправиться».

Ошибка заключается в том, что вопросу: «Богемия или Моравия?», как таковому, придается решающее значение. Значение же это различно, в зависимости от обстоятельств. Порою одна провинция, порою другая, как то показала сама практика, представляет больше выгод для того, чтобы добиваться в ней решения. Теоретически поход в Моравию представлял некоторые преимущества; однако, они не были так велики, чтобы помешать Фридриху иногда предпочитать вторжение в Богемию.

[3] Подлинник завещания написан по-французски.— *Ред.*

оставив отряды в Ландсгуте и в Глацском графстве, проникла бы в Моравию со стороны Гульчина. Если у нас будут союзники, которые будут действовать в согласии с нами, мы сможем отбросить австрийцев во вторую кампанию за Дунай. Желательно было бы, чтобы турки одновременно действовали в Венгрии или чтобы экспедиционный корпус русских в 30 000 человек вторгся до Дуная, между Прессбургом и Будапештом. Этим способом можно было бы овладеть Богемией, дабы затем обменять ее на курфюршество, более близкое к нашим границам».

Таким образом, хотя король и исходит из предположения союза с русскими и турками, он думает проникнуть до Дуная, но лишь во вторую кампанию. И это называется стратегией сокрушения? В этом отношении Мольтке в июле 1866 г. преподал нам несколько другой урок. Он не повел одну часть армии в Богемию, а другую — в Моравию, но постарался при первой возможности соединить все части для решительного сражения и не довел пруссаков первый год до Дуная, чтобы затем развести их на зимние квартиры и продолжать войну в следующем году: он поставил все на карту, чтобы одним духом продолжать войну до тех пор, пока противник не примет наших условий мира. Вот какова действительная стратегия сокрушения!

Правильнее, чем Гинце, на мой взгляд, судит Иэнс, который о плане, разработанном королем почти тождественно в 1775 и 1778 гг., говорит (J ä h n s, Geschichte der Kriegswissenschaften, III, 2015), что эти планы, собственно говоря, сводятся к простым демонстрациям.

Нельзя не удивляться тому, что Фридрих мог воображать, что ему удастся таким ведением войны вынудить у дома Габсбургов уступки Богемии, с тем, чтобы потом обменять ее на Саксонию. Но не менее удивительно и то, что Гинце держится того представления, будто Фридрих задумал политически, как оборонительную, такую войну, при которой на стороне Пруссии были бы Турция и Россия и которая в результате должна была принести ему Саксонию.

В этом, правда, нет прямого противоречия, а все же это искажает лицо Фридриха, когда он одновременно должен играть роль безобидного политика, ведущего одни лишь оборонительные войны, и роль фантастического стратега, который берется со своими крайне ограниченными средствами сокрушить чрезвычайно могучего противника.

В частности, я считаю нужным указать еще на следующую ошибку в изложении Гинце.

В 1757 г. первоначально у Фридриха не было намерения вторгаться в Моравию, и он не дал Шверину и Винтерфельду уговорить себя отказаться от этого предприятия; на самом деле его первоначальная идея была — занять оборонительную позицию в Саксонии, и лишь после того, как он в течение этой обороны разобьет австрийцев тактическим наступлением, он хотел в полном согласии с этими обоими генералами двинуться в самую Моравию.

Да и в 1757 г. Фридрих вступил в пределы Богемии отнюдь не с целью «дать решительное сражение под Прагой». Правда, в своем «Завещании» 1768 г. он изображает это так, и я охотно готов согласиться с тем, что такого рода ретроспективными экскурсами, носящими характер мемуаров, не следует пренебрегать наряду с свидетельствами, сопровождавшими самые действия. Но в данном случае это описание, носящее мемуарный характер, не является дополнением, а стоит в полном противоречии с документальными показаниями и даже не вполне сходится с подлинными, написанными пять лет перед этим и посвященными этому времени мемуарами — историей Семилетней войны. Следовательно, это показание 1768 г., конечно, нельзя признать за полновесное доказательство.

Я не могу также оставить без возражения то утверждение, будто захват в 1758 г. большого транспорта разрушил план короля. Ведь одновременно с за-

хватом этого транспорта Дауну уже удалось освободить от осады Ольмюц с восточной стороны, так что это само по себе вызвало бы крушение плана Фридриха, даже если бы транспорту удалось благополучно прибыть по назначению.

Наконец, что касается кампании 1778 г., то не одно личное сопротивление принца Генриха, а сама природа вещей помешала армии короля удалиться в Моравию, в то время как другая ее половина находилась в Богемии.

Далее мы читаем у Гинце: «Вопрос заключается в том, способны ли вообще данная эпоха и данный человек на концепцию в смысле стратегии сокрушения, и в отношении Фридриха на этот вопрос следует безусловно ответить утвердительно». Разумеется, нельзя этого не сделать, если понимать стратегию сокрушения так, как ее понимает Гинце. Но то же относится и к императору Францу; русскому совету министров, фельдмаршалу Дауну и генералу Субизу, как это достаточно убедительно показано выше. Ведь «концепции» охвата пруссаков Субизом при Росбахе, полного окружения и уничтожения их Дауном под Лигницем были не хуже чего бы то ни было, когда-либо выполненного Фридрихом. Но если Гинце уклоняется признать на этом основании Дауна и Субиза стратегами сокрушения, то он тем самым признает, что неправильно применяет это понятие и к Фридриху.

Еще более признается он в этом, когда дальше говорит: «Правда, средства для ведения войны, коими он располагал, и общие обстоятельства, обусловливающие военные действия, как, например, способ обработки почвы, состояние дорог, возможности снабжения были в то время таковы, что они ставили выполнению подобных проектов бóльшие затруднения, чем во времена Наполеона и Мольтке. Это в достаточной мере Фридрих испытал на собственном опыте, а потому и самая стратегия Фридриха сохранила тот колеблющийся характер, который снова приближает ее к старой методической, маневренной стратегии».

Если не обращать внимания на оттенок порицания, заключающийся в выражении «колеблющийся характер», то можно бы сказать, что Гинце совершенно правильно и в полном согласии со мной причисляет Фридриха к категории двухполюсной стратегии измора. Почему же он перед этим называет его стратегом сокрушения? Нельзя допустить мысли, чтобы такой ученый, как Гинце, мог сам себе так прямо противоречить. Объяснение заключается совершенно просто в том, что он употребляет термины «стратегия сокрушения» и «стратегия измора» в совершенно ином смысле, чем я, когда установил эту терминологию и пользуюсь ею. При этих условиях понятно, что одно недоразумение громоздится на другое. То же произошло и с Козером, который также пользовался моей терминологией, не уяснив ни себе, ни читателю, что он вкладывает в эти слова совсем иное содержание, чем я.

Тот, кто под стратегией измора разумеет ведение войны, без силы и размаха, а под стратегией сокрушения — ведение войны гениальное и смелое,— тот, естественно, будет сильно изумлен, что я причисляю Фридриха к стратегам измора.

Особенно же приходится возражать против последних положений, высказанных Гинце; ибо причины, не дозволявшие Фридриху быть стратегом сокрушения, указаны крайне неполно, и как раз главных-то у него и недостает. Прогресс в «обработке земли, состоянии дорог, в возможности снабжения армии» не был уже так велик за те 18 лет, которые отделяют последнюю кампанию Фридриха от первой кампании Наполеона, чтобы этот прогресс открыл возможность для применения совершенно иной стратегии. Да ведь и сам Гинце говорит только о «бóльших затруднениях (для Фридриха), чем во времена Наполеона». Если бы дело шло только о «бóльших затруднениях», то можно бы на это сказать, что для того и существуют затруднения, чтобы их преодолевать, и в таком случае

в словах Гинце можно было бы прочесть новый упрек в отношении к Фридриху. На самом деле речь идет вовсе не о «затруднениях», а о невозможности. Уяснить себе, в чем именно заключалась эта невозможность, эти непреодолимые препятствия,— в этом и заключается задача, разрешить которую необходимо для того, чтобы оценить Фридриха по достоинству; а так как Гинце этого не сделал, мы снова встречаемся с тем результатом, что автор в своем желании особенно прославить Фридриха, характеризуя его как стратега сокрушения, настолько его умаляет теми оговорками, которые он вынужден добавить, что представление о нем совершенно искажается. Мне снова приходит на мысль моя пародия, в которой я доказал, что Фридрих обращается в «стратегическую тупицу», если на него смотреть как на стратега сокрушения. Фридрих уже сам, собственно говоря, оградил себя от такого предположения, когда он, издеваясь над Вольтером, говорил, что последний закончил курс военных наук только у Гомера и Виргилия; между тем Вольтер восхваляет Карла XII за то, что последний (согласно принципу стратегии сокрушения) безостановочно преследовал бегущих русских и спешил от одного сражения к другому.

Глава IV

Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц

Военная организация Фридриха впервые столкнулась с новой французской организацией при Вальми, продолжала затем борьбу в течение еще 2 лет, 1793 и 1794 гг., и за это время все еще проявляла свое качественное превосходство над последней. Из политических соображений, не потерпев, однако, военного поражения, Пруссия, по Базельскому миру, весной 1795 г. прекратила свое участие в войне. Когда 11 лет спустя она снова скрестила оружие с французами, последние уже развернулись в наполеоновских солдат, и тут Пруссия рухнула при первом же столкновении с ними. Это явление не исчерпывается словами королевы Луизы, что Пруссия почила на лаврах Фридриха Великого. Как пруссаки ни гордились унаследованной славой, все же критика и стремление к реформам были у них очень живы, и уже до кризиса старина и новизна стояли в открытой борьбе между собою. Еще раньше, чем в самой Франции хорошо осознали собственное творчество в области тактики, Шарнгорст, бывший тогда майором ганноверской службы, занес 10 июля 1794 г. в свой дневник следующую запись: «Современная французская война в некоторых отношениях потрясает до основания установленную в настоящее время систему тактики», а затем, в конце столетия, он написал несколько трактатов, в которых исходил из следующего положения (1797 г.): «французские стрелки решили бо́льшую часть боев этой войны; эта истина не подлежит сомнению»; с этим положением он связывал свои предложения относительно эволюции тактики, еще господствовавшей в то время в немецких войсках [1].

[1] Lehmann, Scharnhorst, I, 254.

Он хотел органически соединить между собою старое и новое. Отказаться от линейного построения, а тем более рассыпать всю пехоту стрелковой цепью казалось ему ошибкой; но он предлагал использовать для стрелкового боя третью шеренгу [1].

Для стрельбы залпами и без того третью шеренгу почти нельзя было использовать, и в течение революционной войны фактически уже перешли к построению в две шеренги. Однако, введение этого строя, как общего правила, давало не поддающиеся управлению, по своей растянутости, и опасные, по своей тонкости, линии. Рассыпав же стрелковой цепью треть пехоты, причем для этого брали не первую, а третью шеренгу, сохраняли старый, хорошо выравненный и крепко спаянный фронт и могли выявить все его преимущества; стрелки же, развертывавшиеся впереди, из-за крыльев батальонов, усиливали действие огня гораздо интенсивней, чем если бы они оставались в третьей шеренге линейного фронта; при этом они могли в случае нужды снова занять свои места для уплотнения фронта.

Сохранение плотно сомкнутого фронта для огня залпами и, в заключение — для атаки, казалось Шарнгорсту настолько важным, что он даже не хотел и слышать об обучении стрелковому бою солдат двух первых шеренг.

Однако, и после того как Шарнгорст перешел на прусскую службу (1801 г.), его идеи все еще не могли проложить себе дорогу. Правда, генерал князь Гогенлоэ ввел (1803 г.) стрелковый бой третьих шеренг в тех самых силезских полках, которыми он затем командовал под Иеной. Но в том же году фельдмаршал фон-Моллендорф издал в Берлине приказ, коим он прямо запрещал целиться во время стрельбы — солдаты должны были «держать голову прямо, стрелять горизонтально, перед собою» [2].

Таким образом, старина и новизна еще до 1806 г. вступили между собою в борьбу в Пруссии; но во всем наиболее существенном старые порядки сохранились непоколебимыми, и по своей структуре армия попрежнему оставалась старой фридриховой армией. Как таковая, она была не хуже и даже лучше, чем во времена Фридриха. Дисциплина в ней оставалась незыблемой, офицерство было храбро; но прежнего духа не было; высший командный состав был жалким, противник был гигантом, а потому армия являлась обреченной. В других моих трудах я подробно говорил об этом времени и об этих событиях, о катастрофе, постигшей Пруссию, о ее воссоздании и конечной победе и не хочу здесь повторяться [3].

---

[1] Эту мысль — употребить третью шеренгу для стрелкового боя, пожалуй, впервые высказал принц Фердинанд Брауншвейгский, согласно приложению к труду Лемана о Шарнгорсте (Lehmann, Scharnhorst, I, 543): в январе 1761 г. он приказал одному генералу вооружить третью шеренгу легкой ганноверской пехоты нарезными ружьями.

[2] Urkundliche Beiträge zur Geschichte des preussischen Heeres, вып. 5. Jany, Die Gefechtsausbildung der preussischen Infanterie von 1806, 1903 г. Приказ Моллендорфа гласит: «Солдатам надо лучше показывать приемы стрельбы, чтобы они не прислоняли головы, как они до сих пор это делают, к прикладу и не целились, а, прижав приклад к плечу и подняв голову прямо, стреляли, таким образом, горизонтально; его величество на смотрах в текущем году об этом напоминал и повелеть соизволил». А в 1807 г. Реорганизационная комиссия предложила «ввести более изогнутые приклады, которые давали бы возможность целиться». Sherbening, Die Reorganisation der preussischen Armee.

[3] Delbrück, Leben Gneisenaus, 3-е изд., 1907 г. Этот труд дополняется статьей Neues über 1813 в «Preussische Jahrbücher», т. 157, июльский выпуск 1914 г. Его же,

В результате, Пруссия усвоила себе идеи французской революции, восторжествовавшей над ней, при их помощи омолодилась, в области военного дела даже превзошла их и разработала — как практически, так и теоретически — до конечных их последствий.

Надлежит здесь же отметить, что и Австрия, после поражения 1805 г., реформировала старую тактику под руководством эрцгерцога Карла и искусно сочетала рассыпной строй и колонны с линейным порядком, поскольку это было возможно в армии, не обладавшей национальной основой [1].

Я уже выше приводил аргументацию генерала Мака (стр. 398 и сл.), которой он доказывал необходимость отвергнуть рассыпной строй. Поразительным свидетельством тому, насколько иным был дух старой военной педагогики и как трудно было найти переход к новому духу, может служить доклад фельдмаршал-лейтенанта Вукассовича Гофкригсрату (1803 г.): «Во время турецкой войны у плотины Безания приказали половине людей одной воинской части взять ружья на руку, но так как солдат не научили, как им дальше пользоваться штыками, то они и продолжали стоять истуканами. Этим воспользовались турки, бросились с обнаженными ятаганами ниже уровня штыков и тотчас принялись рубить солдатам ноги, поэтому пришлось потом обучать солдат колоть штыком по команде «коли» [2].

Русские еще следовали лозунгу Суворова: «пуля — дура, штык — молодец». Еще в 1813 г. в русской армии только егерские полки вели стрелковый бой; остальная пехота совсем не имела одиночной подготовки для рассыпного строя [3].

В Пруссии Шарнгорст, в должности военного министра, превратил старую наемническую армию в национальное войско: он отменил вербовку иностранцев и осуществил всеобщую воинскую повинность, от которой французы снова отказались. Эта идея была встречена таким сопротивлением, что провести и осуществить ее удалось не в период подготовки, а лишь в самый момент всеобщего подъема (9 февраля 1813 г.). Сперва общая воинская повинность была провозглашена лишь на время войны, но в 1814 г. ученик и преемник Шарнгорста, Бойен, снова — и на этот раз окончательно — добился ее введения [4].

Правда, как мы видели, у французов действия в рассыпном строю приобрели огромное значение, но они оставались как бы дико растущим растением. В Пруссии же, а еще ранее в Австрии, рассыпной строй культивировался систематически уставом, составленным на основах, выдвинутых в военной литературе Шарнгорстом еще в 1797 г. Как и раньше, основной формой осталось трехшеренговое линейное

General von Klausewitz и Der preussische Officierstand. Обе статьи напечатаны в сборнике «Historische und politische Aufsätze», 2-е изд., 1907 г. Рецензия на книгу Lehmann'a Stein в «Preussische Jahrbücher», т. 134, 1908 г. Статья Von Armin bis Scharnhorst в сборнике «In Wehr und Waffen», изданном Кеммерером и фон-Арденом.

[1] Это прекрасно изложено в книге Оммена (Ommen, Die Kriegführung des Erzherzogs Karl).

[2] То же сообщает и Валори о прусской кавалерии в 1742 г. («Brandenburg-preussische Forschungen», т. VII, стр. 310). Выдающийся прусский офицер ему рассказывал, что в сражении при Хотузице, когда сомкнутые прусские эскадроны доскакали до неприятеля, пришлось сперва кричать солдатам, чтобы они рубили. Сам Фридрих рассказывал о том же графу Жизору. Rousset, Le comte de Gisors, стр. 105.

[3] Müffling, Mein Leben, стр. 31.

[4] Friedrich Meinecke, Leben Boyens.

построение с его залповым огнем, сметающим все перед фронтом. Но третья шеренга должна была рассыпаться перед фронтом для стрелкового боя, а в случае надобности (в этом Шарнгорст пошел дальше своего первоначального предложения 1797 г.) мог быть рассыпан весь батальон [1].

Развернутый в линию батальон не должен был ограничиваться тем, чтобы стрелять залпами, но он должен был также уметь во время атаки использовать ударную силу массивного построения.

Для достижения этого Шарнгорст сконструировал, также по французскому образцу, «колонну из середины», имевшую по фронту два взвода, а в глубину — четыре взвода. С величайшей быстротой батальон мог развернуться из этой колонны в линию или из линии свернуться в колонну, ибо находящиеся снаружи, справа и слева взводы могли одновременно становиться позади средних.

Колонна из середины (так как батальон состоял из 4 рот или 8 взводов) имела в глубину 12 человек, а если стрелки были рассыпаны, то — 8 человек. Это — нормальная глубина греческой фаланги, следовательно, по древним понятиям, все еще линейное построение, но по сравнению с трехшеренговым построением, до которого дошли в XVIII в.,— уже колонна.

Как Шарнгорст перенес французскую организационную идею в Пруссию и одновременно обновил ее, так и Гнейзенау, который уже помогал Шарнгорсту при его реформе армии, был тем из партнеров Наполеона, который полностью воспринял стратегию последнего, так что получил возможность поразить этого гиганта его собственным мечом. Главная задача союзников в течение осенней кампании 1813 г. заключалась в том, чтобы соединить на одном поле сражения все свои армии, стоявшие полукругом около Наполеона в Бранденбурге, Силезии и Богемии, не предоставив при этом противнику на его центральной позиции случая наброситься и разбить их поодиночке. Это было достигнуто тем, что, когда Наполеон захотел атаковать силезскую армию, после ее переправы через Эльбу, у Вартенбурга (3 октября), последняя не отступила на Эльбу, а, бросив свои сообщения на произвол судьбы, обошла вокруг Наполеона, с тем чтобы на Заале соединиться с армией Шварценберга. Этим маневром Наполеон оказался отрезанным от Франции и мог быть окружен и уничтожен превосходными силами союзников. В этом смысле начальник генерального штаба Шварценберга Радецкий уже наметил диспозицию, которую до настоящего времени нелепо истолковывают и искажают, словно весь смысл ее заключается не в том, чтобы уничтожить французскую армию, а в том, чтобы принудить ее, в духе старой стратегии, путем маневрирования к отступлению. Гениальный план Радецкого пошел на смарку вследствие вмешательства императора Александра, по проискам его военного советника, генерала фон-Толля. Армии союзников вновь разошлись в разные стороны и тем самым предоставили французам свободный путь отступления на запад [2].

---

[1] Инструкции датированы 1809 г.; в 1812 г. они были сведены в строевой устав. Как пережиток различия между линейной и легкой пехотой, устав сохранял еще различие между мушкетерскими (или гренадерскими) и фузилерными (стрелковыми) батальонами, но об этом распространяться не приходится, так как практического значения это разделение не имело.

[2] Ни одна книга не дала так много и в то же время не породила столько заблуждений относительно истории освободительных войн, как обработанные

Аналогичным, по смелости замысла, маршу от Эльбы к Заале в 1813 г. является движение от Линьи через Вавр к Ватерлоо в 1815 г.[1].

Оба эти маневра оказались тем более действенными, что Наполеон их не учитывал, а потому строил свои операции на ошибочном основании; в 1813 г. он нанес удар по воздуху, а в 1815 г. не вызвал своевременно корпуса Груши. «Эти скоты кое-чему-таки научились!»— воскликнул он.

Для завершения крупного явления в реальном мире необходима теория. Как это ни странно, но тот теоретический мыслитель, который сумел охватить в теоретическую концепцию стратегические действия Наполеона, также принадлежал к прусской армии: то был Клаузевиц, ученик Шарнгорста и друг Гнейзенау. Как эти три мужа группируются один подле другого, прекрасно выражено в письме Гнейзенау к Клаузевицу, по случаю перенесения праха Шарнгорста из Праги, где он умер, на кладбище Инвалидов в Берлине: «Вы были его Иоанном, а я — лишь его Петром, хотя я никогда от него не отрекался, как отрекся Петр от своего учителя».

Уже раньше, чем Клаузевиц, французский швейцарец Жомини пытался анализировать военное искусство Наполеона. Он был одаренным, начитанным и очень плодовитым писателем; он хорошо понял и изложил основной момент наполеоновской стратегии — его стремление к решению войны сражением (уже в 1805 г.), однако в подлинное существо наполеоновских действий и стратегии вообще он не проник. Для этого надо было обладать той склонностью к философскому углублению, которая со времен Канта и Гегеля заполняла жизнь Германии и пробудила в прусском офицере истолкователя того бога войны, деяния которого опрокинули старый мир и принудили человечество построить новый. Жомини пытался найти существо стратегии в операционных линиях и производил изыскания относительно преимуществ внутренних и внешних операционных линий. Клаузевиц понял, что «база» и «операционная линия» и все прочее, что сюда относится, хотя и являются весьма пригодными для взаимного понимания и уяснения себе обстановки формулировками концепций, но что выводить из них правила для составления планов и принятия решений — нельзя, ибо на войне элементы действования — все неопределенны и носят относительный характер. Поэтому стратегическое действие не может быть доктринерским по своей природе, а исходит оно из глубин данного характера. Война же представляет часть политики, а потому стратегию нельзя рассматривать изолированно, а всегда лишь в связи с политикой. Тот, кто жалуется на вмешательство политики в военные дела, говорит нечто противоречащее логике и на самом деле хочет сказать, что политика, которая в данном случае

Бернгарди воспоминания Толля — Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserlichen russischen General's der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll. Theodor von Bernhardi. Книга написана увлекательно, автор — компетентный военный критик; оставшиеся после Толля бумаги предоставили в его руки драгоценнейший материал, — не диво, что суждения Бернгарди пользовались долгое время чуть ли не каноническим авторитетом. Я также долгое время находился под обаянием этого авторитета, и лишь с трудом, после кропотливых исследований одного пункта за другим, я научился преодолевать его пристрастные предубеждения.

[1] Сверхкритики пытались подкопаться и под этот подвиг. Превосходное опровержение им, помимо моего Gneisenau, можно найти у Кеммерера (Caemmerer, Die Befreiungskriege. Ein strategischer Ueberblick, 1907 г.).

вмешивается в войну, ему представляется неправильной. Правильная политика,— если только политик не делает ошибок мышления в военном отношении,— может дать и стратегии только верное направление. В наиболее напряженный, решающий момент невозможно отделить политику от стратегии, а всемирно-историческое действие великого стратега, в целом, исходит из его личности. Умеренный план военных действий Фридриха в начале Семилетней войны и усиление его в последующем году безусловно определялись политическими моментами, оглядкой на союзников императрицы; а перейти в наступление под Лёйтеном он решился не потому, что наверняка рассчитывал разбить австрийцев своим косым боевым порядком, а потому, что приучил себя к мысли погибнуть с честью. Превосходство, поднявшее генерала Бонапарта превыше других храбрых и блестящих солдат революционной армии, имело своим источником не только его выдающиеся военные качества, но в такой же мере его понимание политики. Ибо только политическое разумение дало ему возможность выполнять его широкие стратегические идеи, ибо он имел в виду завершить политически свои военные успехи раньше, чем реакция разрушит их. Если Наполеон в день сражения при Ватерлоо не принял в расчет возможности нового появления пруссаков,— то это следует, рассуждая отвлеченно, зачесть ему как трудно объяснимый промах. Но в этом и заключается его героизм. Рассчитывай он заранее на прибытие пруссаков — он вовсе не мог бы вступить в бой против подавляющего превосходства сил и кончил бы так же, как кончил Базен в 1870 г.; последний с самого начала отчаивался в успехе и, в результате, без решающего сражения вынужден был капитулировать. И Наполеон никак не мог выиграть кампании против подавляющего численного превосходства и таких двух полководцев, как Веллингтон и Гнейзенау. Но то, что он был совсем близок к победе и, в конце концов, был побежден не позорно, но со славой, озарило его самого немеркнущим сиянием, а для его народа создало источник моральной силы, из которого он непрерывно черпает все новую и новую живую воду.

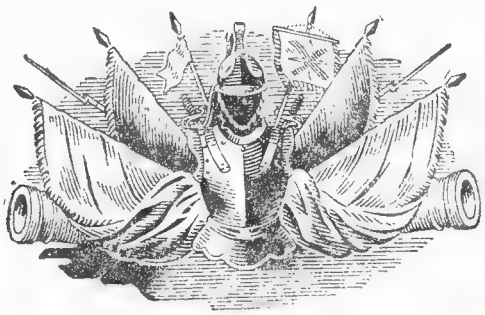
За эпоху от Ренессанса до конца старой монархии перед нашим взором проходит бесконечная вереница великих воинов и полководцев. Но в первую половину этой эпохи мы не захотим еще приложить ни к кому из них названия «великого стратега»; самые размеры военных событий, несмотря на грандиозные сражения, с которыми мы встречаемся, недостаточно велики, или, лучше выражаясь, военный элемент в общей связи событий скорее вращается в сфере единичных военных подвигов на политическом фоне, чем в том единстве политики и военного действия, которое и составляет существо стратегии.

Великие стратеги, в полном значении этого слова, появляются лишь начиная с Густава Адольфа. В Валленштейне государственный человек и организатор играют бо́льшую роль, чем собственно стратег. Великие полководцы из школы Густава Адольфа, Кромвель, ряд выдающихся маршалов царствования Людовика XIV — в памяти потомства останутся в тени перед Евгением Савойским и Мальборо. Кульминационную точку и завершение находит себе эта эпоха в Фридрихе Великом. Долгое время старались отвести последнему особое место тем, что его характеризовали как предтечу Наполеона. Эту формулировку мы признали неправильною и, как таковую, отвергли.

Фридрих был не предтечей, а завершителем. Лишь благодаря Клаузевицу, философски углубившему понятие стратегии в ее связи с политикой и психологически проанализировавшему существо стратегического действия, раскрылось полное понимание равенства и в то же время различия обоих богатырей военного искусства. Сам Клаузевиц уже распознал этот конечный вывод хода своего мышления, но не успел его разработать. В одной приписке, сделанной им 10 июля 1827 г. и напечатанной в начале оставшегося после него труда «О войне», он высказывает намерение еще раз переработать это сочинение с той точки зрения, что существуют два вида войны: один — «где задача — сокрушение неприятеля» и другой — «где желают лишь завоевать несколько пограничных провинций». Необходимо всюду проводить различие между «вполне отличной природой» этих двух тенденций. Но, не выполнив этой работы, Клаузевиц скончался в 1831 г. Заполнить оставленный им пробел было одной из задач настоящего труда.

Появлением после смерти Клаузевица его сочинений (1831 г.), так сказать, заключается наполеоновский период истории военного искусства. Они служат переходом к новому периоду, поскольку Мольтке воспитал свое мышление на трудах Клаузевица. Содержание новой эпохи определяется новой техникой не только в отношении оружия, но и в отношении способов передвижения и всех вспомогательных средств нашей жизни, начиная от железных дорог и телеграфа и кончая продуктами питания, которые в течение XIX в. умножились в таком бесконечном изобилии.

До этого пункта я и хотел довести настоящий мой труд. Последующее — феноменальный рост Пруссии и ее конечное крушение, — пусть этим когда-нибудь займутся другие.



ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аахенский мир (1668 г.) — 208
Абсолютизм — 197 и сл.
Авила, испанский историк — 49, 107, 109, 256
Австрийская война за наследство — 263
Австрия — 320 и сл., 357, 397
Агитаторы в английском солдатском совете — 163
Акциз в Бранденбурге — 215
Алансон, герцог — 80, 90
Алебардщики — 138
Алезия — 277
Александр Великий — 148, 375, 383
Александр Пармский — 199
Александр I — 388, 398
Альба, герцог — 61, 110
Альберт Магнус — 28, 30
Альбрехт Алчибиад — 111, 113, 117, 164, 226
Альбрехт Ахилл — 130
Альбрехт, герцог прусский: военная книга — 109; об интервалах и дистанциях — 144, 238, 258
Альвиано, венецианский генерал — 77
Альрама, Гассан — 29, 30
«Амбозат» — 227
Ангальтский, граф — 249
Ангиари, сражение — 24
Ангиенский, герцог — 91, 255
Англичане под Орлеаном — 40
Англия: военное искусство — 157, 158; английская и французская армии — 160, 161; мушкет и пика — 162; Семилетняя война — 310.
Андело, генерал у гугенотов — 199
Антверпен — 140
Апраксин — 309
Ариост об огнестрельном оружии — 36
Аркебуз — 44, 46
Аркебузир, конный — 107, 108, 116
Арланибэус — 156, 157
Арманьяки — 64
Армейский корпус — 362
Армия Фридриха — 367
Арним — 185
Артикульная грамота — 56
Артиллеристы: как техники — 39; крестьяне — 361
Артиллерия: увеличение ее Густавом Адольфом — 153; действие ее при Черезоле — 94; развитие в эпоху Фридриха Великого — 248; Грибоваль — 361; милитаризация ездовых при Наполеоне — 362; при Фридрихе Великом — 225; конные артиллеристы — 248, 362
Архенгольц — 316
Архимед как изобретатель огнестрельного оружия — 35
Асперн, сражение — 385
Атаки — 119, 246
Аустерлиц, сражение — 371, 383, 384

Б

Баварское наследство: война за него — 343, 365, 390
База — 345, 399
Базельский мир (1795 г.) — 395
Базен (Basin) — 14
Базен (Bazaine) — 400
Бакгаузен, гессенский капитан-лейтенант — 146
Баярд — 20, 22, 42
Баллисты — 40
Балк, историческое исследование — 373, прим. 3
Банда «черная», при Павии (1525 г.) — 18
Банды — 150
Баннер — 191 и сл., 297

Барбаросса — 56, 64
Баррас — 351
Баста, Георг, испан. генерал: о кавалерии — 123; о жаловании и дисциплине — 140
Батальоны добровольцев Французской революции — 350
«Белая гора», сражение — 166, 238, 255, 257
Беллиль, французский маршал — 204
Беллэй, дю — 107, 265
Бель-Альянс (Ватерлоо), сражение — 388
Бельгия — 348, 350
Бенедетти — 19
Бербиг — 58
Бервик — 278
Берген, сражение (1759 г.) — 354
Беренгорст: 226; о скорострельности — 249; о Сооре — 290
Бернадотт — 206, 369, 379, 382, 388
Бернгард Веймарский — 185, 200
Бернгарди — 234, 333, 337, 339, 398, прим. 2, 399
Бертье, франц. маршал — 356, 369
«Бескровные сражения» — 24
Бессьер, франц. маршал — 369
Бикокка, сражение (1522 г.) — 82
Билльон — 145, 265
Бирон, франц. генерал — 351
Блюменталь, прусск. маршал — 338
Блюхер — 389
Богарнэ, франц. генерал — 351
Богуславский — 351
Боевой клич — 162
Боевой порядок, венгерский — 91
Бойен, прусский генерал — 237, 338, 397
Бойна, сражение (1690 г.) — 260
Боксель, нидерландский капитан-лейтенант — 146
Бомбарды — 30, 36, 37
Бонниве, франц. полководец — 22
Борджиа, Цезарь — 25, 100
Бородино, сражение — 386
Брантом — 61
Браччио, стратег. школа в Италии — 24
Брейтенфельд, сражение — 174 и сл., 256, 257; перебежчики — 63; сравнение с Каннами — 154, 179, 181; сравнение с Торгау — 152, 210, 257, 295, 330
Брольи, франц. маршал — 284, 354
Бронзарт, Шеллендорф — 250
Броун, австрийский генерал — 302, 305
Брюн, франц. маршал — 369
Бунцельвиц (1761 г.) — 255
Буркерсдорф, сражение — 328
Буфлер, франц. маршал — 281
Бушотт, франц. военный министр — 351
Бэкон, Роджер — 28, 30
Бюккуа — 166
Бюлов, Дитрих — 332, 345—346
Бют, де — 14

В

Ваграм, сражение (1809 г.) — 386
Ваза в Швеции — 150
«Vasa», ружье — 29
Вайля, сражение (1505 г.) — 25
Валленштейн: его стратегия — 256; отмена караколе — 153, 154; Люцен — 181, 182, 185, 211, 215, 264, 406
Вальгаузен — 64, 210; взаимоотношения с начальниками ландскнехтов — 62; о копье и пистолете — 112; в защиту копья — 124, 222, 227
Вальми — 349, 395
Вандея — 350, 352, 356
Вандом, франц. маршал — 278
Вартенбург, переход через Эльбу — 398
Варшава, сражение — 214
Ватиньи, сражение (1793 г.) — 351
Вегеций в Средние века — 94, 148, 177, 253, 271
Велизарий — 357
Величина армии и финансовая мощность государств — 59
Веллингтон и Наполеон — 388—389, 204, прим. 2
Вена — 295, 310; смотр войск (1532 г.) — 90, 130
Венгерский боевой порядок, Рюстов о нем — 133
Веннингер — 246
Вербовка во французскую армию — 206, 216, 218, 219
Вервенский мир (1598 г.) — 199
Верден — 349
Верней — 207, 346
Вернэ — 346
Верт — 195, 220, 294
Вестфален: о снабжении из магазинов — 259
Виельвиль, мемуары — 22
Виктор, маршал — 369
Виллар, франц. маршал — 279
Вильгельм Людвиг, Нассауский — 135; линейный порядок — 137; окопные

работы и постоянные укрепления— 142; расстояние в шеренге и ряде — 144
Вильгельм Оранский — 134
Винкельрид, Арнольд — 80, 85
Винтерфельд, прусский генерал —300, 337
Винтовка, нарезное ружье — 354
Вир — 379, прим. 2
Вителли, создатель итальянской пехоты — 107
Виттшток, сражение (1636 г.) — 191 и сл., 194, 195, 397
Вобан — 232, прим. 2
Военные теории — 313
Военный совет — 335
Военный суд в наемном войске — 56
Военный устав — 54; швейцарский ландтаг — 58; добыча — 58; жалование — 60
Воздушный шар — 356
Воинская честь — 223
Война и политика — 399
Война и хозяйство — 254
Война с гугенотами — 112, 165, 254, 256
Вольные батальоны, прусск., их формирование — 244—245; 353, 361
«Вольные стрелки» — 21
Вольтер — 320
Вооружение во Флоренции — 96
Врангель, шведский полководец — 63
Всадники, разных видов — 108; ходили в атаку на Дрэ четыре раза—114
Вукассович, австрийский генерал — 397
Вунш, генерал Фридриха II — 225
Вурмсер — 377
Выплата жалования и дисциплина в XVI веке — 140
Вьючная лошадь в войске Фридриха II — 352
Вюцбург, сражение — 377

Г

Гаданк, Карл — 23, 81, прим., 91, прим.
«Гаковница» — 44, прим. 2
Галиарди о Новаре — 72, 74, прим.
Галлас, королевский генерал — 185, 200, 294
Ганнибал — 154, 191, 383
Гансаугэ — 249
Гардт — 245
Гаркензе — 81, прим.
Гасконцы у Равенны — 70; у Черезоле — 22, 93
Гацфельд — 194
Гвасто, королевский полководец при Черезоле (1544 г.) — 91
Гвичиардини, итальянский историк: о Кондотьери — 24; о Равенне — 69; о французском рыцарстве при Наварре — 74; о Мариньяно — 81; о швейцарцах при Бикокке — 83, 86; усталость швейцарцев при Павии—90, 272
Гебль, Курт — 143
Гегель — 339
Гейн, обучение солдат — 139, прим. 3
Гейнц, Отто — 77, прим. 1
Генеральный штаб, прусский: о стратегии Фридриха Великого — 250, 281—282, 290, 337; о Фридрихе и Наполеоне — 345; о косом боевом построении — 240; о 1741, 1744 гг.— 286; о Кунерсдорфе — 318
Генрих II, король французский — 108, 164
Генрих III, король французский — 134
Генрих IV, король французский — 127, 134, 165, 199, 200
Генрих, принц прусский — 272: о Фридрихе Великом—336—337; Фридрих Великий о нем — 337; после Коллина—337; после Кунерсдорфа— 311, 319, 320, 322, 328, 331, 333
Генфнер, генерал — 243
Георг, Вильгельм, курфюрст Бранденбургский — 64, 211, 213
Георг Люнебургский — 62, прим. 3
Гербер — 308
Герлах, генерал — 334
Герман, Альфред — 380
Герман, Отто — 281, прим. 1
«Герреруэлос», испанская конница — 112
Гертруденборг, осада, производимая Морицем Оранским — 142
Гехштедт, сражение — 238, 273, 296, 329
Гибер, переводчик Фридриха Великого — 248, 332, 336, 344
Гиз, Франц — 200
Гильбурггаузен — 307
Гинегата, сражение (1479 г.) — 12, 16, 77
Гинце, Отто — 341, 390
Глегау — 322
Гнейзенау: 365, 395 и сл.; стратегия — 398; о Клаузевице — 399; осенняя

кампания 1813 г. — 398 и сл.; Линьи, Вавр, Бель-Альянс — 399; у Бель-Альянс — 389
Гобом: о Макиавелли — 19, прим. 1; возрождение военного искусства — 95; о мушкете — 49; о длинной пике — 260, 294
Гогенлинден, сражение (1800 г.) — 377
Гогенлоэ: о строевом учении — 139
Гогенлоэ, прусский генерал — 396
Гогенфридберг, сражение — 287; значение случая — 344; преследование — 268, 288, 295
Годольфин — 278
Гойер: история военного искусства — 345, 346; успехи в тактике во время революционной войны — 357; тактика — 237, 264, прим. 2, 361
Голендрини — 18
Гольц, интендант Фридриха Вел. — 290
Гольцгеймер — 386
Гонзало де-Айора, современник Гонзало де-Кордова — 24
Гонзалос де-Кордова в сражении под Чериньоллой — 23, 60, 66
Гонфалоньеры во Флоренции — 97
Гондшоттен, сражение — 351
Горн, шведский фельдмаршал — 176, 185
Гослих, Дитрих — 306, прим.
Государственные финансы и величина войска — 69
Гохкирх, сражение — 321, 340, 417
Гош — 368
Грабители («Gardebrüder») — 64
Граве, Карл — 302
Гравелинген, сражение — 264
Граверт, прусский генерал — 383
Грансон, сражение — 11
Грибоваль — 361
Гриммельсгаузен — 231
Гронинген, капитуляция — 63
Грос-Беерен, сражение — 383
Гроций, Гуго — 197
Груши — 369
Гугеноты — 62; ландскнехты — 60; в бранденбургско-прусской армии — 228
Гуго, Герман, иезуит — 127
Гусары — 107, 225, 247
Густав Адольф, король шведский: как полководец — 149; создатель шведской национальной армии — 149—150; его стратегия — 256, 330; увеличивает артиллерию — 153; реорганизует кавалерию — 153; отменяет караколе — 153; полевые укрепления — 254; Люцен — 181 и сл.; 63, 174 и сл., 198, 295, 383, 400
Гушар — 368
Гэшуфф, швабский рыцарь — 16, 18
Гюи, изобретатель орудия, действующего на началах скручивания — 41
Гюнтер фон Шварцбург, «черный рыцарь» — 111

Д

Давила: о пистольерах и копейщиках — 123
Даву, франц. маршал — 370
Дадизеель — 12, 14
Даниэльс — 153
Данкельман — 216
Данциг, осада (1807 г.) — 372
Даун, австр. генерал — 255; Фридрих Великий о нем — 289; при Ольмюце — 310; Кунерсдорф — 391; мысли об уничтожающем сражении — 324; сражение при Лигнице — 324; как противник Фридриха — 338; Фридрих Великий об его методе — 337; оценка — 256, 305, 315, 320
Дворцовая челядь — 211
Дворянство придворное и провинциальное во Франции — 228
Двуручный меч — 20
Деволюционная война — 208
Дезертирство и стратегия — 220; дезертирство во время русского похода (1812 г.) — 387; осенний поход 1813 г. — 247, 367, 388
Дезэ, франц. генерал — 369; при Маренго — 379, 381, 396
Декер — 249
Денневиц, сражение — 383
Деньги и натуральное хозяйство — 199
Дерфлингер, прусск. фельдмаршал — 225
Деттэ, Эрвин — 218, прим. 1
Деутик, Карл — 181
Дефо, Даниель — 266
Дивизия — 362
Дижон, осада — 77
Дилих — 265
Distritto, флорент. область — 97
Дисциплина: дисциплина, государственные финансы и ландскнехты — 60; в наемном войске — 56; дисци-

плина у швейцарских и испанских ландскнехтов — 100; в эпоху Тридцатилетней войны и в XVIII веке — 223; дисциплина и снабжение в XVIII веке — 364; дисциплина в армиях Фридриха и Бурбонов — 346—347; дисциплина и реквизиции в революционной армии — 365; дисциплина французской армии — 355
Длинная пика — 51, 148
«Добрый совет» — 53, 56
Дове, Альфред — 339
Донауверт — 186
Драгуны, их происхождение — 116
Драка — 58
Дройзен — 339
Дрэ, сражение (1562 г.) — 165; караколе — 113
Дуик—135, прим.; число стрелков—129
Дюгем, франц. генерал — 335
Дюгомье — генерал — 352
Дюлак о метательной машине — 41
Дюмурье, франц. генерал — 349, 368

Е

Евгений, принц: Евгений и Фридрих Великий — 336; о сражениях — 267, 273; кавалерия — 245; опустошение в Баварии — 261; Турин — 276; Мальплаке — 279 и сл., 294, 388, 400
«Европейский театр» — 156
Егерские роты — 245
Египет — 77, 381
Елизавета, королева англ. — 158
Елизавета, императрица русск. — 326

Ж

Жалование ландскнехтов — 58
Жандармы — 108, 112, 118
«Железнобокие», солдаты Кромвеля — 161
Жемапп, сражение — 350
«Живодеры», уволенные ландскнехты — 64
Жигон — 165
Жизор — 397
Жомини — 364, 370, 377, 399
Журдан, франц. маршал — 365, 368, 376, 377

З

Залпы — 233
Зальдерн — 345
Затравочный шуруп — 250
Зейдлиц — 245
Земпах, сражение — 86
Зибель — 339
Зиверсгаузен, сражение — 113, 164
Зигенская военная школа — 209
Зидерслебен, Эрих — 66, прим. 2
Зимние квартиры — 261
Зимние походы — 264
«Золотоеды» — 79

И

Иври, сражение (1590 г.) — 166
Игольчатое ружье — 250
Иена и Ауэрштедт, сражение — 371, 373, 382
Иенс, стратегический спор — 339; Равенна — 61, 66, 205, 340, 393
Имгоф, Иоахим — 258
Инвалиды — 207
Инициатива и стратегия — 288
Интенданты во франц. войсках — 202
Иованович, Иван — 294, прим. 1
Иовий, итальянский историк — 19; стратегия измора — 97; последние примеры смешанного боя — 197; жизнь Гонзалос де-Кордова — 23; о кондотиери — 24; Франциск I — 263; об артиллерии — 48; о действии огнестрельного оружия в бою — 48; о пистолетах — 48—49; о длинных пиках — 51; о смотре войск (Вена) 1532 г. — 90
Иоган Нассауский — 63, 64, 177, 209, 222
Иоган-Фридрих, Саксонский — 174
Иорга — 132, прим. 1
Иорк, Вартенбург — 370, 386
Иохим, майор — 242, прим. 2
Ирландцы — 158
Испания, постоянное войско — 196, 197
Испанская бригада — 133
Испанская война за наследство — 238, 261, 273, 279, 281, 346
Испанская конница — 112; «Терции» — 133
История (личности и обстановка) — 376, 380

К

Кавалерия: происхождение — 106; рыцарство — 126; рейтары в Египте — 127; численное отношение к пехоте — 247; численность в Тридцатилетней войне — 257; разведка — 246;

атаки — 245; развитие во Франции — 244; в Австрии — 244; реорганизация, проведенная Густавом Адольфом — 153; развитие при Фридрихе Великом — 244
Кадетский корпус — 226
Казарма — 206
Кайе, сражение — 318, 321, 334
Калибр ружья — 206
Каллиано, сражение — 17
Каменные ядра — 40, 41
Каниа — 293, прим.
Канны и Брейтенфельд — 154, 180; Виттшток — 148, 191, 265
Кант — 399
Кантон, регламент (1733 г.) — 218, 367
«Капитуляция» — 225
Капитулярии Карла Великого — 211, 363
Капитш — 82, прим. 2
Каппелер, предводитель ландскнехтов — 17
Караколе, как средство для дисциплины — 114; Вальгаузен и Басто об этом — 124; линейное построение — 152; мушкеты — 113, 130, 233
Кардона, вице-король Неаполя — 67, 99
Кариньяно (Турин) — 91, 94
Карл Великий — 363
Карл I, король англ. — 158, 197
Карл V, его борьба за господство в верхней Италии — 82; смотр войск (Вена, 1532 г.) — 90, 196, 256, 260, 263
Карл XII, король шведский, Фридрих Великий о нем — 323; сравнение с Густавом Адольфом и т. д. — 261, 269, 297
Карл VIII, король франц. и швейц. — 78
Карл IX, король франц. — 63
Карл X, шведский — 214
Карл, коннетабль у Бурбонов — 104
Карл, Лотарингский, австр. полководец — 264, 288, 290, 292
Карл Храбрый: полевые укрепления — 251; Вегеций и Ксенофонт — 94
Карл, эрцгерц.: Ваграм — 386; использование резервов — 385; войсковые резервы — 397; как полководец — 381, 384, 389
Карно, как воен. министр — 351; план кампании 1796 — 1797 гг. — 351, 368, 377
Картофель — 365
«Картофельная война» (1788 г.) — 328
Карты местности — 251
Катина — 204
Кауниц — 271
Квадратная колонна как тактическая единица — 55
Квалифицированные воины в Средние века и в новейшее время — 59
Кванд (Quandt) — 299, прим.
Квицов, Дитрих и Ганс — 40
Кевенгюллер — 238, 267
Кейбель — 290, прим.
Кейт, прусск. фельдмаршал — 259, 314, 389, 503
Келлерман, франц. генерал — 368, 379
Кеммерер, прусск. генерал — 250, 363
Кениггрец, сражение (1866 г.) — 328
Кессельсдорф, сражение — 292 и сл.; значение случая — 296, 335
Кирасиры — 115; кирасиры и копейщики — 123; рейтары—пистольеры — 115
Кирасы и кожаные колеты — 201
Китай, изобретение пороха — 28
Клаузевиц, лучшая стратегия — 332; основные формы стратегии — 338; его теория войны — 399, 400, 401; о Густаве Адольфе — 256; о Валленштейне — 256; о Тюренне — 296; сражение у Соора — 292, прим.; о Праге (1757 г.) — 304; о Коллине — 305; о Кунерсдорфе — 318; о Максене — 323; о походе 1812 г. — 387; 297, 370, 381
Клебер, франц. маршал — 369
Клейн-Шнеллендорф — 284
Клермон, франц. полководец — 207, 325
Кнезебек, генерал-адъютант Фридриха Вильгельма III — 388
«Книга огневого дела» — 39
Коалиционные войны — 255; 1796—1797 гг.—376; 1800 г.—378; 1805 г.—384
«Кожаные пушки» Густава Адольфа — 153
Козер — 250, 286, 340, 392, 394
Коллеони, создатель полевой артиллерии — 38
Колиньи, вождь гугенотов — 57, 60, 164
Коллин — 305, 337; значение случая — 334; кроаты — 245, 302, 329
Колонна — 398; тактика действия колоннами — 353

Колонна, Виктория — 67
Колонна, главнокоманд. Карла V—82, 103
Колонна, Фабричио — 66, 70
Колумеллы — 200, прим. 1
Кольберг — 317
Комиции в Риме — 100
Конде — 200, 201
Конде-де-Бюккуа — 265
Кондотьер — 24, 25, 197
«Конкордат» — 204
Конная артиллерия — 247
Конница различных видов — 108, 115; вооружение — 111, 112; «черные рейтары» — 111, 112; в Испании — 112
Константинополь, взятие (1453 г.) — 40
Контадо, флорентийская область — 97
Контарини, венецианский посол — 117
Корде, вождь французов при Гинегате — 12
Корнейбург — 295
Копейщик — 123
Копье — 119, 121, 128
Косое боевое построение — 240, 324; фланговый бой — 238; при Кунерсдорфе — 261, 318
Косс — 164
Краус — 382, прим. 2
Кребс — 166
Крейцберг — 29, 30
Кремневый замок — 232
Кремневый пистолет — 112
Кремс — 295
Креси (1346 г.), сражение — 33, 384
Крефельд, сражение (1758 г.) — 325
Кроаты — 243
Кромвель, как создатель английской армии — 159; «железнобокие» — 157, 161, 401
«Круглоголовые» и кавалерия — 160
Крусперго, первое применение огнестрельного оружия — 29, 33
Ксеркс — 18
Ксименес — 130
Кулачник, кремневый пистолет — 112
Кулеврина — 42
Кунерсдорф, сражение—318; как фланговый бой — 325, 336; спасение Пруссии — 319; потери австрийцев и русских — 320; значение случая — 334; Лейтен — 319, 320, 373
Куртрэ, сражение (1302 г.) — 13
Кутлер фон Берн — 16
Кюстин, франц. генерал — 351

Л

Лазарет — 270
Ландоно, число стрелков — 129
Ландрат в Пруссии — 220
Ландскнехты — 15 и сл.; происхождение названия — 15, 18; возникновение — 16; Максимилиан как создатель ландскнехтов — 16; их сущность — 18; в народной песне — 18; обучение — 19; походный порядок — 19; сила — 59; социальный состав — 61; отношения с начальниками — 163; дисциплина — 100, 227; отсутствие дисциплины — 62; бунты из-за низкого жалования — 60; старосты — 227; мероприятия против грабежа — 64; после увольнения — 64; ландскнехты и регулярное войско — 204; в независимости от государства — 150; в Англии и Савойе — 17; противоположность швейцарцам — 17; первое столкновение со швейцарцами — 16; на службе у иностранных князей — 62; суровое ведение войны — 63; при Кальяно — 17; при Равенне — 69; при Наварре — 73; жены ландскнехтов в наемном войске—61
Ланнэ, франц. маршал — 369
«Ланспесады», франц. дворяне в пехоте — 22
Ласси — 325
Лафатер о расстоянии в шеренге и ряде — 146
Лев, вост.-римский император — 136, 139
«Levée en masse» (всенародное ополчение) — 355
Левктры, сражение — 239
Легионы римские — 199, 204, 219
Легионы Франциска I, франц. — 22
Лейвальд, прусский фельдмаршал — 302, 309, 382
Лейден, образование университета—135
Лейманн, Макс — 218, прим. 1
Лейпциг, сражение (1642 г.) — 63, 231, 294
Лейпциг, сражение (1813 г.) — 398 и сл.
Лёйтен, сражение — 309 и сл.; необходимость — 337; значение случая — 334; как фланговый маневр — 324—325, 333; эшелонное наступление — 242; преследование — 262; кроаты — 243; гусары — 247; зимние кварти-

ры — 263; Лейтен и Люцен — 305, 330, 399
Лейцке, Макс — 287
Ленная система — 363
Лео, Эрих — 139, прим. 2
Леобенское перемирие — 377
Леопольд Дессауский при Кессельдорфе — 292; 221, 226, 232, 277, 282
Ле-Телье — 201, 203, 206, 232
Лефевр — 369
Ливий — 173, 361
Лигниц, сражение (1760 г.) — 324, 340
Лиль — 278
Линейная тактика — 152, 236, 243, 333, 357; линейный порядок — 137
Линьи, сражение — 388, 389
Липпе, граф — 354
Липсиус, Юстус — 134, 135, 173
Личность в мировой истории—376, 380
Ллойд, англ. военный писатель — 234, 237, 271, 344
Ловозиц, сражение — 299; значение случая — 334; кроаты — 244
Лонгви, занятие — 349
Лор-де-Сериньян (Lort de Sérignan) — 379, 380
Лоссов — 249
Лотарингия — 346
Лотрек, франц. полководец — 84
Лувуа — 201, 208
Лудон, австр. генерал — 317, 318, 323
Луиза, королева прусская — 395
Лук против огнестрельного оружия — 47
Людовико, герцог Миланский — 19
Людовик XII, король франц. — 66; Людовик XII и швейцарцы — 78
Людовик XIV, король франц. — 201, 207, 217, 258, 273, 279, 330
Людовик, Баденский — 254, 266, 273
Людовик VII, король франц. — 64
Людовик XI, король франц., и швейцарцы — 79; ордонансовые роты — 21, прим. 1
Людовик XV — 346
Людовик Оранский — 265
Люксенбург, маршал — 259
Лютер об огнестрельном оружии — 36
Люцен, сражение (1632 г.) — 181; численность — 257; зимние квартиры — 263; сравнение с Лейтеном — 330
Лягарп, франц. генерал — 364
Ля-Фельяд — 277

М

Магазинная система снабжения — 258 и сл., 363, 364, 387
Магазины — 207
Магдебург, взятие его Тилли — 174; в 1636 г. — 191
Мадридский мир — 253
Мадфаа — 29, 32
Мазарини — 201, 202
Мак, австр. генерал — 358
Макдональд, франц. маршал — 369
Макиавелли — 94; его система милиции — 95; его теория стратегии—101, 102, 253; о войне и хозяйстве—255; регулярная армия — 331; о кондотьери — 24; о швейцарцах — 104; о расстояниях в шеренге и роте — 143; о действии орудий — 42, 43; сравнение с Полибием — 105; о Равенне — 71; макиавеллиевская милиция — 99
Маркс Зиттиг фон-Эмбс, старшина ландскнехтов — 88
Максен, капитуляция — 323
Максимилиан I, немец. король, его автобиография — 18; при Падуе — 20, 60; Бургундское наследство — 14, 17, 22, 60, 103
Максимилиан, герцог, позднее курфюрст Баварский — 166, 197, 254, 258
Максимилиан Эммануиль, курфюрст Баварский — 273
Мальборо, поход (1708 г.) — 277, 278
Мальплаке, сражение — 279 и сл., 329
Мамелюки, как рейтары — 126
Маневренная стратегия — 238, 296, 339, 344
Мансфельд, Эрнст — 197, 211
Мантинея, крепость — 372, 377
Марадас — 185
Марафон — 76, 276, 384
Марбо, франц. генерал — 47
Марвиц, генерал — 246
Маренго, сражение (1800 г.) — 378—381
Мариньяно, сражение — 81, 130
Мария, дочь Карла Бургундского — 59
Мария Терезия — 284, 286, 295, 303, 326, 340
Марк, изобретатель особого вида деревянного укрепления — 74
Маркус, первый правильный рецепт пороха — 28

Мармон, франц. маршал — 370
Марсо, франц. генерал — 369
Марсель — 87
Марсен, франц. маршал — 273, 277
Марстонмур, сражение — 162
«Маршал» — 225
Маршал, австр. генерал — 314
Маршалы Наполеона — 366, 369
Массена — 369
Массовый огонь — 232
Медичи во Флоренции — 97, 99
Мелас, австр. генерал — 379
Меллендорф, фельдмаршал — 396
Менге — 386, прим.
Мендоза Бернардино о копье и пистолете — 123; штык и ружье — 231; о сражении — 110, 265
Мерси — 254, 296
Мескамп — 152
Метте, Зигфрид — 380
Меттерних — 388
«Miles perpetuus» — 214
Милиция: 209 и сл.; в Италии — 100; в Англии—158; милиционный полк—208; милиционная система во Флоренции — 96
Мировая история и личность—376, 380
Могач — 132
Молине — 14
Мольвиц, сражение: поражение прусск. кавалерии — 245; артиллерия — 248; заслуга Шверина — 288; фланговый бой — 239, 296, 340
Мольтке: Мольтке и Клаузевиц — 401; о плане похода — 339, 375, 386, 387
Монконтур, сражение (1569 г.) — 114, 165
Монлюк, франц. маршал — 123; о Черезоле — 93; о числе стрелков — 129, 204
Монс — 279, 281
Монсей — 369 и сл.
Монтазе — 271
Монтекуколи: косое боевое построение — 238; о расстоянии в шеренге — 146; регулярное войско — 331, 332; об укреплениях — 216, 226, 259
Монтень о действии орудий — 43
Моокерская равнина, сражение (1757 г.) — 112, 124, 126, прим. 1
Мориц Гессенский: о расстоянии между рядами — 145, 222
Мориц Дессауский — 235, 300
Мориц Оранский — 134, 135; упразднение копья — 125; об учениях — 138, 221; создатель офицерского корпуса — 141; строгая дисциплина — 142; выплата жалования — 140; сражение при Ньюпорте — 63, 143, 151, 198, 209
Мориц, герцог и курфюрст Саксонский — 164, 256, 270
Мориц Саксонский, франц. маршал — 226, 235, 262, 268, 332
Моро, как стратег — 377; сравнение с Фридрихом и Дауном — 378; поход 1796—1797 гг. — 378; поход 1800 г.— 378, 379; 1813 г. — 379; о грабежах— 364; 368
Моро, Доменико, число стрелков — 129
Мортье, франц. маршал — 369
Мочениго, венецианский посланник: о коннице — 109
Муртен, сражение — 254
Мушкет — 45; происхождение названия — 49; применение при Павии — 90; мушкеты и караколе — 233; развитие во время Густава Адольфа — 152; мушкет и пика в Англии (Кромвель) — 162; мушкетеры и пикинеры — 157
Мэнтенон — 229
Мюллер — 285, прим. 2
Мюллер Гиклер — 9
Мюльгоф — 278, прим.
Мюрат — 369

Н

Набор и вербовка — 218; при Фридрихе Вильгельме I — 217; при Наполеоне — 366, 367
Наварро — 67, 72
Наемное войско, его организация—55; офицерский корпус — 55; артикулярная грамота — 56; снабжение — 57; женщины — 60, 61; пьянство — 60; обоз — 61; перебежничество — 62; в XVIII веке — 353; наемные и народные армии — 350, 398; наемные войска и религия — 62, 63
Налоговая система и постоянная армия — 64
Нанси, сражение — 12, 17, 254
Наполеон I: под Тулоном — 351; как государственный деятель —375; политика и стратегия — 399; о его стратегии — 376 и сл.; ведение сражений

в противоположность Фридриху Великому — 363; планы кампаний — 370, 374; бой — 373; об австрийском способе ведения сражений — 386, прим. 2; о Коллене — 305; о Кунерсдорфе — 319; о Крефельде и Торгау — 326; о мамелюках и кавалерии — 127; обучение и дисциплина — 355; о грабеже — 364; зачисление негров — 355; улучшение артиллерии — 361; марши — 363; подлог доклада о Маренго — 381; планы охватывающих действий в 1800 и 1805 гг. — 382; армейский приказ — 367; Аустерлиц — 383; 1806 г. — 383; Асперн — 385; Ваграм — 386; дезертирство и походы 1812—1813 гг. — 368; осенний поход 1813 г. — 383; геройство при Ватерлоо — 400; Наполеон и Александр Великий — 375; Наполеон и Моро — 376; Наполеон и Веллингтон — 388, 389; чтение — 375; его маршалы — 366; наполеоновское сражение — 374; наполеоновская стратегия — 371 и сл.; основные формы — 382; Наполеон и Фридрих — 371 и сл.; завершение при помощи политики — 375; 1812 г. — 387, 388
Народная милиция — 217
Народное войско в Пруссии — 397; во Франции — 350
Нассби — 161
Наступление эшелонами — 241
Натуральное и денежное хозяйство — 199
Национальная франц. гвардия — 348
Начальники в наемном войске — 61
Негры — 355
Ней, франц. маршал — 369
Неймайер фон-Рамсла — 151—152, 231, 265
Нейперг, австр. генерал — 383
Нейссе, осада (1741 г.) — 372
Нель — 15, прим. 1
Нервинден (1793 г.) — 260, 350
Нердлинг — 200
Нидерландские бригады — 138
Нидерландцы, борьба с испанцами — 134; окопные работы — 141
Новара, сражение (1513 г.) — 73, 252
Нодэ — 390, 392
Ну, де-ля: его взгляды — 120; общины — 61; о снабжении наемной армии — 58; число стрелков — 129; о пистолете — 113, 117; копье и пистолет — 121; караколе — 114, 203
Ньюбери — 162
Нюренберг, лагерь — 257

О

Обозы в наемном войске — 61
Обозы во Франции и Пруссии — 352
Оборона страны — 217, 218
Оборонительно-наступательное сражение — 384
Оборонительные бои — 384
«Обученное войско» — 158
«Община» у ландскнехтов — 56
Огнестрельное оружие, изобретение — 31; изобретатель — 35; первое применение — 29; старейшее огнестрельное оружие — 30; дальность действия — 33; Петрарка о нем — 64; мнение современников — 35, 36; проклятие Лютером и Ориостом — 36; культурное значение — 36; «Рибодекен» — 33; мушкеты и их происхождение — 49, 50; пистолет — 48, 49; фитильный и кремневый замок — 232; крупные орудия — 36, 37; в XVI и XVII веках — 131; в Турции — 131, 132; рыцарство и огнестрельное оружие при Грансоне и Нанси — 48
Огонь взводами — 232, 233
Одиночная стрельба — 233
Ожеро, франц. маршал — 369
Оксенстиерн — 298
Оливский мир (1660 г.) — 214
Ольмюц (1758 г.) — 310
Омальский, герцог — 351
Омдурман, сражение (1898 г.) — 384
Оммен — 382, прим. 2
Операционная линия — 345, 399
Опиц, Вальтер — 174
Ордонансовая рота — 198, 21, прим. 1, 77
Орлеанский герцог — 277
Орудия, бомбарды — 37; лафеты и цапфы — 38; Коллеони — 38; пушкарного дела мастера — 39; «Книга огневого дела» — 39; осадные орудия, их действие — 40; «Ленивая Грета» — 40; баллисты — 40; орудия, действующие на началах скручивания в Средние века — 41; в древности — 40, 41; названия различных видов орудий — 44; запряжка — 44;

двустволки, револьверные и органные орудия — 45
Оружие ландскнехтов — 18; «римские свечи» — 28; «пики неистового огня» — 28; торпеды — 29
Осада крепостей — 372
Освободительные войны: осенний поход 1813 г. — 399; поход 1814 г. — 388; поход 1815 г. — 383, 388, 389, 399
Отпуск — 224
Офицерский корпус и рядовой состав в XVII веке — 223; состав их в XVII веке—223; устав—227; «рыцарская верность вассалов» — 197, 226; во Франции перед революцией — 203; после Наполеона — 352; при Фридрихе — 229, 352; зауряд-офицеры — 206, 224; офицерский состав при Морице Оранском — 141; офицерские должности, покупка их — 204
Офицеры в наемном войске — 60, 223; офицеры из буржуазии — 244; число их в различных армиях — 205

П

Павезы (щиты) — 81
Павия, сражение (1525 г.) — 87, 101 и сл., 104, 253, 329
Палатка — 353
Пандольфини, доклад о Равенне—66, 72
Папенгейм — 178, 181
Париж, осада — 372
Пассиволанты и наемное войско — 61
Патрон (бумажный) — 238
Перикл и Фридрих Великий — 339
Периньон, франц. маршал — 369
Пескара, полковник Карла V — 60, 67; взят в плен при Равенне — 70; при Ля-Мотта—77; при Бикокке—83; при Павии — 88, 101; вторжение в южную Францию — 103
Петель — 57
Петербург — 390
Петр I — 204
Петрарка об огнестрельном оружии — 35
Пехота: происхождение названия—22, 23; возникновение европейской пехоты — 11 и сл.; современная пехота и стратегия — 101; авантюрьеры—21; ланспессады — 22; незначительная ценность итальян. и франц. пехоты — 25; происхождение и ценность пехоты во Франции — 21, 200; в Испании — 23; оппозиция против пехоты в Испании — 24; испанская и швейцарская пехота — 24; братья Вителли, создатели пехоты в Италии — 25; дальнейшее развитие — 25; романьолы —25; легкая пехота—244; егерские роты — 245; формы боя в XVI и XVII веках — 131 и сл.
Пехотная тактика: усовершенствование — 129 и сл.; тонкое построение и удары — 354
Пехотное ружье — 235
Пика — 232, прим. 3
Пикинеры и стрелки — 131, 132
Пилленрейт, сражение — 109
Пирна — 220, 299
Пистолет, его происхождение — 48, 49; кремневый пистолет и пика — 117, 120, 122; у всадников — 109, 111, 113; возражение против этого — 117
Пистольеры побеждают у Сен-Винсена — 117
Пишегрю, франц. маршал — 369
План похода при Фридрихе и Наполеоне — 371, 373, 374
Платнер — 210
Плесси-Прален — 202
Плутарх — 375
Полевое укрепление — 254
Полибий и Макиавелли — 105; их мнение о военных вопросах — 248
Политика и война — 399
Полк — 362
Полковник в наемном войске — 60
Полководец — 383
Полковой лазарет — 207
Польша: ее ландскнехты на службе у немецких князей — 63; раздел Польши — 343; польское наследство, война (1733—1735 гг.) — 261
Помпадур — 229
Пон-де-л'Арш, как колыбель франц. пехоты — 21
Понт-а-Муссон — 17
Попелиньер — 114
Порох, изобретение его — 27; первый рецепт — 28; очистка селитры — 34; зернистый порох — 34; скатанный порох — 34; мелкий порох — 34; смесь — 34

Постоянная армия — 196; во Франции — 202, 206, 228; в Пруссии — 208, 228; дисциплина — 221; отпуска—224
Построение тонкой цепью — 113
Права кавалеристов (наемное войско) — 57
Право принесения жалоб в армии Фридриха — 228
Прага взята Фридрихом Великим в 1744 г. — 376
Прага, сражение 1757 г. — 302; возможность избегнуть его — 337; значение случая — 334, 389
Придворные генералы во французской армии — 229
Призыв, всеобщая воинская повинность во Франции — 350; в революционной армии — 366; в Пруссии — 216, 397
Принудительный набор — 216
Прицеливание — 233
«Прогонять сквозь строй» — 153, 228
Профос в наемном войске — 56, 57
Пруссия, образование — 226; «кантонрегламент» — 218; армия 1806 г.— 397; поражение — 395, 396, мнения о стрелковом бое — 358; реорганизация армии — 397, 398; введение рассыпного строя — 397, 398
Пузыревский, генерал — 246
Пулевое ружье — 33
Пуническая война, вторая — 236, 361
Пушка, первое изобретение — 41
Пушкарного дела мастера — 39
Пфальц: опустошение — 206
Пюисегюр: о косом боевом построении — 239; линейная тактика — 240; о сражениях — 267

Р

Рабютен — 108
Равальк — 200
Равенна, сражение (1512 г.) — 66, 101, 108, 149, 272, 329
Радецкий, австр. генерал — 398
Разведка — 247
Рамильи, как фланговое сражение (1706 г.) — 238, 277
Ранке: о Равенне — 66; о швейцарцах при Бикокке — 86; о войне шмалькальденцев — 255; «Прусская история» — 192, 215, прим. 2, 334
Рансонирование — 207, 368
Расовые особенности: не играют роли — 25
Расстояние между шеренгами — 143
Расстояния в роте — 143, 233
Революционные армии Франции — 364
Революционные генералы — 368, 369
Революция Французская — 346
Регенсбург (1634 г.) — 185
Регулярная армия — 331
Резервы — 363, 385
Рейснер, биограф Фрунсберга — 120
Рейтары во время гугенотских войн— 112; преимущество перед жандармами — 112, 121
Рекрутский набор при Наполеоне—366
Религия и наемное войско — 62
Ренэ II, Лотарингский — 17
Реслер, майор — 286
Рибодекен — 33
Рим — 97, 99
Римская дисциплина — 100
«Римские свечи» — 28
Ришелье — 200, 203, 204, 207
Ришпанс, франц. генерал — 379
Риттер М. — 188, прим. 2
Рогатки — 231
Розебек, сражение (1382 г.) —13, 14
Ролофф — 340, 358, прим. 2
Романьолы, итал. пехота — 25
Ромон, инструктор нидерландских войск в сражении при Гинегате — 13
«Ronca» (ронча), легкая алебарда — 96
Росбах, сражение — 243, 264, 307, 336, 340
«Рослый детина» — 219
Ротюрьеры — 205
Ружье Минье — 250
Ружья — 232
Рупрехт, Пфальцский — 161
Русская армия в эпоху Петра I — 297
Русский поход 1812 г.—386 и сл.
Ручное огнестрельное оружие, изобретение фитильного курка и замка — 44; заряжание — 44; наводка, прицел и мушка — 44; пулевые ружья — 44; ружья с крюками — 44; литературные споры о преимуществах лука и аркебуза — 46; борьба с луком, стрелой и т. д. — 47; действие при Черезоле — 94
Рыцари, объединение их в тактические единицы — 108; боевой порядок — 108

Рыцарство и изобретение огнестрельного оружия — 47; рыцарство и стратегия — 101; рыцарство и кавалерия — 126; реорганизация в кавалерию — 106; остатки их после гугенотских войн — 199
Рюиц, генерал — 317
Рюстов: о длинной пике — 51; о Равенне — 66; «венгерский боевой порядок» — 91, 131; нидерландская бригада — 138; о шведском боевом порядке — 151, 156; о французском обозе — 365

С

Савелли, начальник в флорентийской милиции — 98
Саламин — 381
Салтыков — 320, 321, 323
Самопал (sclopetum), огнестрельное оружие — 29
Санта-Круз, маркиз — 267
Саперные работы и наемные солдаты — 58; в Нидерландах — 141; богемские войска — 142
Сарисса и длинная пика — 148
«Свиная щетина» — 231
Семилетняя война — 244, 298 и сл., 310, 329, 337, 344, 371
Сенеффе, сражение (1674 г.) — 260
Сен-Жермен, франц. военный министр — 232, 347
Сен-Кантен, сражение (1557 г.) — 164
Сен-Сир, франц. генерал — 332, 363, 370, 380
Сепульведа — 91
Серван, франц. генерал — 368
Серюрье, франц. маршал — 369
Сигизмунд, герцог Тирольский — 17
Силезские войны — 281, 282, 286
«Симплициссимус» — 224
Ситтрад, сражение — 109
Скорострельность — 234; в XVIII веке — 248
Случайность на войне—264, 333 и сл., 363
Смайт — 47
Смешанный бой — 122
Снабжение при Тюренне — 296; реквизиции — 364; картофель — 365; снабжение из магазинов — 207, 258
Содерини во Флоренции — 97
Солдатский совет в английском войске — 163
Сольмс — 63
Соор, сражение — 290; импровизированное сражение — 264; фланговый бой — 333; Соор и Лейтен — 296, 305, 306, 340
Спингарда — 30
Сражение при Фридрихе и Наполеоне — 363, 373, 374
Староста — 227
Старшина в наемном войске — 57
«Старые банды» (vieilles bandes) — 199
Страдиоты, албанская легкая кавалерия — 107
Стратегический спор — 338
Стратегия измора: сущность ее — 334; понятие — 339; измор и сокрушение — 372; сражение — 373; нормальная армия — 311, 312; значение случая — 333; пути армии — 370 и др.; полевые укрепления — 254; стратегия измора в данную эпоху — 102; маневренная стратегия при Тюренне — 296; Торстенсон и Фридрих — 294, 295; Фридрих при Кессельдорфе—292; эрцгерцог Карл — 381; Веллингтон — 388, 389; 1812 год в России — 387
Стратегия сокрушения, понимание ее Клаузевицем — 338; Наполеон как ее создатель — 380; сражение — 373; стратегия сокрушения и измора — 371; Людовик XIV — 273; Фридрих (1757 г.) — 302; Соор — 290; 1812 г. в России — 387; 102
Стратегия: стратегия и политика — 399; стратегия как искусство — 251; основной закон — 370; инициатива — 288; теоретики о сражении (XVI—XVIII вв.)—265; стратегия и тактика у теоретиков — 345; стратегия и дезертирство — 221; два рода стратегии — 371; стратегия сокрушения и измора—252, 389; нормальная армия—331, 332; стратегия и тактика в Средние века — 101; от Средних веков к Новому времени—251; от эпохи Возрождения до Фридриха Великого — 272, 329; к началу Нового времени—101; тактика швейцарцев—252; эпоха Тридцатилетней войны и абсолютизм — 256, 260, 370; Французская революция — 346; зимние походы — 264

Страффорд — 197
Стрелки в древности и средневековье — 130; увеличение числа их — 130; стрелки и пикинеры — 130 и сл.; английские стрелки-янычары — 131; стрелки против конницы — 131 и сл.
Стрелковая тактика — 353, 357
Стрелковая цепь Фридриха Великого — 360
Стрелковый бой (Tiraillieren): франц., прусские и австр. генералы о нем — 358; Фердинанд Брауншвейгский и Шарнгорст о нем — 396, 397; в России — 397; в Австрии — 397; в Пруссии — 397
Стрельба — 233, 248
Стрелковый бой — 353
Строевое учение и дисциплина при Наполеоне — 355
Строевое учение у швейцарцев и испанцев — 136; у принца Оранского — 137, 221; во Франции и Пруссии — 229
Строевой устав — 222, 354
Субиз, франц. генерал — 243, 370
Суворов — 397
«Суд длинных пик» — 57
Суд для солдата и рейтара (наемные войска) — 56
«Суд рядового солдата» — 57
Сулейман, султан — 91
Сульт, франц. маршал — 369, 384
Сфорца, стратегическая школа — 24
Сфорца, герцог Миланский — 83
Сфорца Максимилиан, герцог Миланский — 74, 77, 78
Сципион — 383
Сюзан — 24, прим. 2
Сюли — 200
Сюше, франц. маршал — 369

Т

Таванн, мемуары — 118; о караколе — 115; о пистолете — 117; о копье и пистолете — 118; его реорганизация кавалерии — 118; отношение к атакам — 119; рыцарство и кавалерия — 126; о расстояниях в шеренге и ряде — 144
Тактика бургундская, нидерландская и швейцарская — 12; линейный боевой порядок во второй Пунической войне — 14; ландскнехты — 18; тактическая единица и ее эконом. и полит. предпосылки — 59; квадратное построение — 51; тактика трех колонн — 67; тактика Фридриха — 243; от эпохи Возрождения до Фридриха Великого — 329; косое боевое построение — 236; сражение при Фридрихе и Наполеоне — 372, 373, 374; колонны и стрелки — 335, 336; сражение — 362 и сл.; резервы — 363; тактические правила, перенесенные на стратегию — 344, 345; Французская революция — 346; тактика и наука — 255
Тактика огня — 235
Тактика римских манипул — 136
Тактические единицы — 18
Талейран — 384
Таллар, франц. полководец — 273
Тарталия — 144
Тауенцин — 244, 345
Телесное наказание — 229
Теруан — 13, 14
Терции — 133; отношение терции к «колумеллам» — 200; испанские терции — 178
Тилли — 167, 174
Тильке — 344
Тильман, генерал — 352
Товарищество в наемном войске — 61
Толь — 399
Том Р. — 87, прим.
Тонкая цепь и эскадрон — 117, 124
Торгау, сражение — 324; как фланговый бой — 325; значение случая — 334; артиллерия — 194, 230, 249
Торпеда Гассана Альрамы — 29
Торстенсон и Фридрих Великий — 260, 294; сравнение стратегии Фридриха Великого, Густава Адольфа и Торстенсона — 330; его стратегия — 256; численность войска — 257; перед войной — 191, 192, 277, 295
Траун, австр. генерал — 286, 297
Траупиц, «Военное искусство» — 151, 156
Трейчке — 339
Тремуйль — 74
Тривульцио — 43, 74, 81
Тридцатилетняя война — 63; стратегия — 256, 330; численность — 256, 257; 221, 238

Тулон, осада (1524 г.) — 104, 352
Тунис, взаимоотношения с Францией — 77
Турин как фланговое сражение — 236, 276, 329
Турки, стрелки, всадники, пикинеры — 132
Турне — 279
Тюренн: Тюренн и Цезарь — 267; Тюренн и Фридрих Великий — 297; о сражениях — 265; постоянная армия — 332; 200, 202, 296
Тюрпен-де-Криссе — 343

У

Ударные колонны и фаланги — 148
Удино, франц. маршал — 369
Уклоняющиеся — 367, 387
Укрепления в эпоху абсолютизма — 261
Уланы, польского происхождения (XVIII в.) — 118
«Улитка» — 18
Улиточный огонь при Мариньяно — 130
Ульм — 371
Установка ствола на лафете — 38

Ф

Фабий Максимус — 367, 368
Фаланга македонская — 148
Фарсал, сражение — 269
Фёкьер — 239, 266
Фельдмаршал в наемном войске — 56, 226
Фельдфебель — 55
Фемистокл — 381
Ферарули — 112
Фердинанд III — 185
Фердинанд (Карл Вильгельм) Брауншвейгский: стрелковый бой — 244, 325, 333, 336, 349, 357, 396
Фермор, русский генерал — 47
Ферт — 158, 162
Ферфакс — 160, 163
Филиберт Савойский — 111
Филипп II, король испанский — 164
Филипп Гессенский — 129; число стрелков — 129, 255
Финк, генерал — 320, 323
Фитильный замок — 44
Фитильный курок — 44
Фицсаймон — 169
Фишер — 72, 74
Фланговые бои — 238
Фланговый бой и косое построение — 242, 243, 324
Флеминг — 332
Флерюс, сражение (1690 г.) — 260
Флорентийская милиция — 96, 99
Флоренция — 96, 99
Фоларкк — 238, 267, 269, 354
Фонтенэ, сражение — 233
Форма — 206
Франзекки, генерал — 358
Франциск I, король франц.: национальная французская пехота — 22; при Павии — 90, 162; ландскнехты — 58; «Золотые мосты» — 78, 329, 363
Франциск I (Стефан), немецкий король — 271, 309, 340
Франция: постоянная армия — 198; происхождение пехоты — 199; армия и офицерство — 203; королевская власть и народный суверенитет — 230; континентальная гегемония и колонии — 346; всеобщая воинская повинность — 350; революция и внешняя политика — 348
Французская армия: число офицеров — 205; от войны за испанское наследство до революции — 346; телесное наказание — 229, 230; военная организация и тактика — 353; офицерство — 351; дисциплина — 355; революция — 348; levée en masse — 350; принудительный набор — 350; сравнение с прусской армией — 347
Французская революция — 230, 347
Французские революционные генералы — 368, 369
Французское рыцарство при Новаре — 76
«Фрейвахтер» — 224
Фридрих Великий: место в мировой истории — 400; стратегия — 261, 294, 328; специфический облик — 334 и сл.; стратегия измора — 268 и сл.; стиль рококо — 335; предшественник Наполеона — 335, 338, 339; политика и стратегия — 400; о военном совете — 335; о плане кампании — 371, 373; преследование — 262; о случае — 333; офицеры из буржуазии — 225, 226; военное воспитание дворянства — 222; о вербовке — 219; о дезертир-

стве — 367; снабжение — 365; реквизиции — 364; легкая пехота — 244; гусары — 245; артиллерия — 248; огневая тактика — 235; косое построение — 240; полевые укрепления — 234; о ведении сражения — 268 и сл., 334, 337, 372; ведение сражения в противоположность Наполеону—363; о зимнем походе — 264; 1742 г.—284; силезская война 1744 г. — 287; стратегия в Семилетней войне — 298; стратегические планы 1757 г.— 300 и сл.; стратегия сокрушения в 1757 г.— 302; Ольмюцское предприятие — 316; стратегическая оборона 1759 г.— 317; поход 1778 г.— 328; Вена — 263, 310; Фридрих и Перикл — 339; Фридрих и Цезарь — 269; полководцы со времен Вегеция — 271; Карл XII — 269; принц Евгений — 336; Тюренн — 297; Торстенсон — 260; Фердинанд Брауншвейгский — 357; Наполеон — 335 и сл.; Пюисегюр — 239; Фолар — 238; 267; Фёкьер — 239, 266; о Фабии и Ганнибале—266; об его брате Генрихе — 336; о Дауне — 269 и сл.; о Санта-Крузе — 267; современники о нем — 337; труд Генерального штаба — 282, 284; Вальми (1792 г.)—349; политическое завещание — 389 и сл.

Фридрих Вильгельм, курфюрст — 213, 232, 297

Фридрих Вильгельм I: военное воспитание дворянства — 226; офицерство — 225; кавалерия — 245; система отпусков — 223; Мальплаке — 216, 217, 220, 221, 279

Фридрих I, король прусский — 217

Фридрих I, курфюрст Бранденбургский — 40

Фронда, война — 296, 297

Фрундсберг: при Ля-Мотта — 77; при Бикокка — 83; ландскнехты-лютеране — 62; «добрый совет» — 109; полевой устав — 56; об огнестрельном оружии — 36; число стрелков — 52, 130, 175, 176

Фуа, франц. полководец — 67, 69, 71

Фузильеры, легкая пехота — 354

Фукэ, прусск. ген. — 311, 319, 321

Фэш — 343

Фюгер об огнестрельном оружии — 36

Фютер — 95, прим.

Х

Хемниц, характеристика Густава Адольфа — 154; 258, 295

Хениг — 157, 161

«Hôtel des Invalides» — 267

Хотузиц, сражение (1742 г.) — 285, 290, 296, 334, 340

Христиан Ангальтский — 166, 169

Христиан Ангальтский (сын) — 172, 173

Ц

Цезарь: Цезарь и Фридрих Великий— 269, Цезарь и Тюренн—267. 375, 383

Циркумвалационная линия — 278

Цитен, при Торгау — 325

Цорндорф, сражение — 317; как фланговое сражение — 225; значение случая — 334; возможность избежать сражения — 337

Ч

«Человеческий квадрат» — 53

Черезоле, сражение (1544 г.) — 91, 253, 256

Черинъола, сражение — 23, 48, 66, 254

«Черные банды» при Павии — 90

«Черные рейтары» — 111, 165

Чиновничество, образование его — 197

Ш

Шарнгорст: о пике и штыке — 354; о стрелках — 396; о скорострельности — 249; о потерях — 357; о Соре — 290; о всеобщей повинности — 397

Шахматный порядок Липсиуса — 173

Шварц Мартин, предводитель ландскнехтов — 16

Шварценберг, австр. ген. — 398

Шварценберг, бранденбургский министр — 212

Шведское боевое построение — 151, 156

Шведы — 150, 151

Швейдниц — 310, 311

Швейцарская военная мощь и большая политика — 82; создание пехоты — 82

Швейцарцы и ландскнехты — 17; суровость ведения войны — 25, 62; при Равенне (1512 г.)—66; при Новаре — 72 и сл.; Максимилиан Сфорца—77;

отношения с франц. королями — 79; дисциплина — 100; построение в три колонны — 133; народное ополчение — 150; швейцарцы и регулярное войско — 204; стратегия сокрушения — 251
Швенди, Л. — 61, 265, 266
Швердтфегер — 279, прим. 1.
Шверин, прусск. фельдмаршал — 283, 288, 300, 305
Шелленберг — 273
Шеренговое построение — 233
Шерер, франц. ген. — 369
Шертлин фон Буртенбах, старшина ландскнехтов — 90, 113, 256
Шефер, Фр.— 128
Шило — 231
Шиннер, епископ Зиттенский — 79
Шмалькальденские войны — 109, 111, 129, 256
Шмидт, Курт — 215
Шмидт, Р.— 191
Шмоллер — 270
Шнейдер — 41
Шомпол железный — 306; цилиндрический — 248
Шпангенберг, рыцарь — 33
Штабенов, Г. — 293
Штальвиц — 91, прим.
Штейн, А., швейцарский полководец при Бикокке — 86
Штрук — 185
Штульвейсенбург — 13, 60
Штык и пика — 354; штык с шейкой — 232, прим. 2; ружьее со штыком—231
Штыковая трубка — 232
Шуазель — 246, 271
Шуленбург, сакс. ген. — 297
Шульц, Оскар — 290

Щ

Щиты, упирающиеся в землю — 81, прим.

Э

Эггеркинг — 380, прим.
Эгмонт — 164
Эджгил, сражение (1642 г.) — 159, *162*
Экономические войны — 253
Экшторф — 376
Элггер (Elgger) — 258, прим. 1
Эли, ген. — 351
Элиан — 148
Эльзас — 348
Эмигранты французские — 348
Энгельберт Нассауский — 13
Энцгейм, сражение (1674 г.) — 231
Эскадрон: пистолеты — 112; эскадроны и развернутые шеренги (Haag)— 117
Эссекс, граф — 160, 161
Эсте, герцог Феррарский — 69

Ю

Юлий II, папа — 66
Юнг-Бунцлау — 302
Юсуф — 29

Я

Ядра с железными обручами — 38, 39
Якоб, Карл — 185, прим.
Якоб фон-Эмс, начальник ландскнехтов — 68
Яков II, король англ. — 152
Янкау, сражение — 195, 257, 294
Янычары — 130, 216

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава I. Возникновение пехоты в Европе 11
Нидерландцы и сражение при Гинегате 12
Ландскнехты 15
Французы, испанцы и итальянцы 21
Глава II. Огнестрельное оружие 27
Изобретение пороха и стрельбы . . . . . —
Крупные орудия 36
Ручное огнестрельное оружие 43
Пистолеты 48
Мушкеты 49
Глава III. Тактика колонн пикинеров 51
Глава IV. Внутренняя организация наемных войск 55
Глава V. Отдельные сражения 66
Сражение при Черриньоле . . . . . —
Сражение при Равенне . . . . . —
Сражение при Новаре 72
Сражение при Ля-Мотта (Креаццо) 77
Сражение при Мариньяно . . . . . —
Сражение при Бикокке 82
Сражение при Павии 87
Осмотр войск близ Вены в 1532 г. 90
Сражение при Черезоле 91
Глава VI. Макиавелли 94

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Глава I. Преобразование рыцарства в кавалерию 106
О Германе Гуго 127
О поражаемости копьем 128
Глава II. Увеличение числа стрелков. Усовершенствование пехотной тактики. . 129
Глава III. Мориц Оранский 134
Расстояние между шеренгами и ширина рядов колонны пикинеров . . . 143

	Стр.
Глава IV. Густав Адольф	149
Шведский боевой порядок	156
Глава V. Кромвель	157
Глава VI. Отдельные сражения	164
Зиверсгаузен	—
Сражение при Сен-Кантене	—
Сражение при Гравелингене	—
Гугенотские войны. Сражение при Дрэ (Dreux)	165
Сражение при Монконтуре	—
Бой при Кутрасе	—
Сражение при Иври	166
Сражение при Белой горе	—
Сражение при Брейтенфельде	174
Сражение при Люцене	181
Сражение при Нэрдлингене	185
Сражение при Виттштоке	191
Исчисление сил	194
Сражение под Янкау	195

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПОХА ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ

Общие замечания	196
Глава I. Франция	198
Глава II Бранденбург—Пруссия	209
Глава III. Строевое учение. Изменения в тактике, происшедшие в XVIII столетии.	231
Исследование относительно скорости ружейного огня в XVIII столетии	248
Глава IV. Стратегия	251
Глава V. Стратегические очерки и отдельные сражения	273
Сражение при Гохштедте	—
Сражение при Турине	276
1708 год	277
Сражение при Мальплаке	279
1710—1713 годы	281
1741 год	—
1742 год	284
1744 год	286
1745 год	287
Фридрих и Торстенсон	294
Тюренн	296
Карл XII	297
1756 год	298
1757 год	300
1758 год (Ольмюц)	310
1759 год	317
Кунерсдорф	318
Спасение Пруссии после поражения при Кунерсдорфе	319
1760 год. Лигниц. Торгау	324
Дальнейшее развитие косого боевого порядка	—
1761—1762 годы	326
1778 год	328
Глава VI. Фридрих как стратег	329
К истории стратегической дискуссии	338

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЭПОХА НАРОДНЫХ АРМИЙ

Стр.

Глава I. Революция и вторжение во Францию 343
Глава II. Революционные армии 350
Глава III. Стратегия Наполеона 370
О противоречии стратегии измора и стратегии сокрушения 389
Глава IV. Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц 395
Предметно-именной указатель 402

Редактор майор П. Подорожный
Технический редактор А. Бабочкина
Корректоры О. Руднева и М. Себрякова
Художник Б. Иванов

Сдано в производство 29.11.38. Подписано к печати 29.11.38.

Формат бумаги 72×110/16. Объем 26,5 печ. л. + 4 вклейки = 2 печ. л. 37,6 авт. л. В бумажном листе 102000 знаков

Упрлит. Главлита № Г—9460
Издательский № 426. Заказ № 5448

Цена книги 7 р. 50 к., переплета 1 р. 50 к.

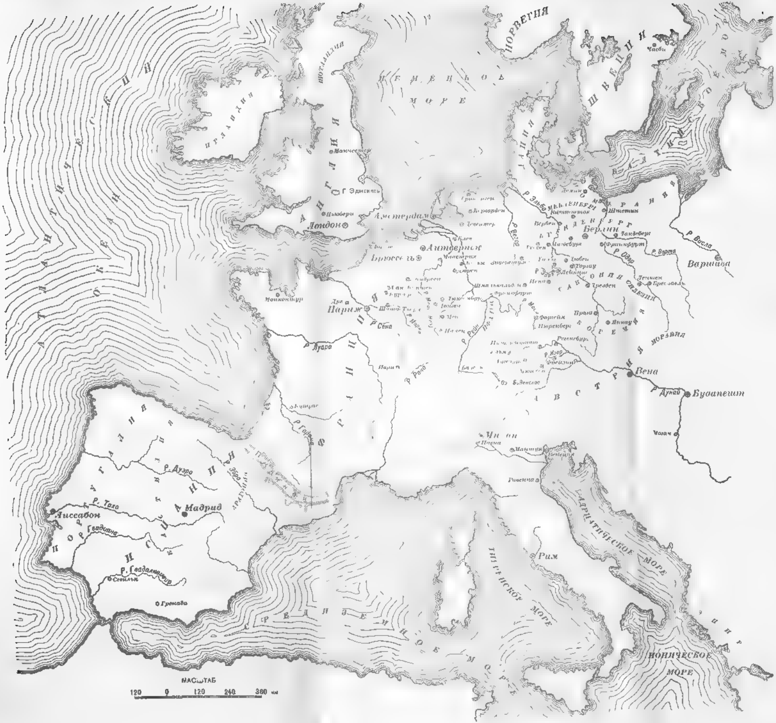
Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината.
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

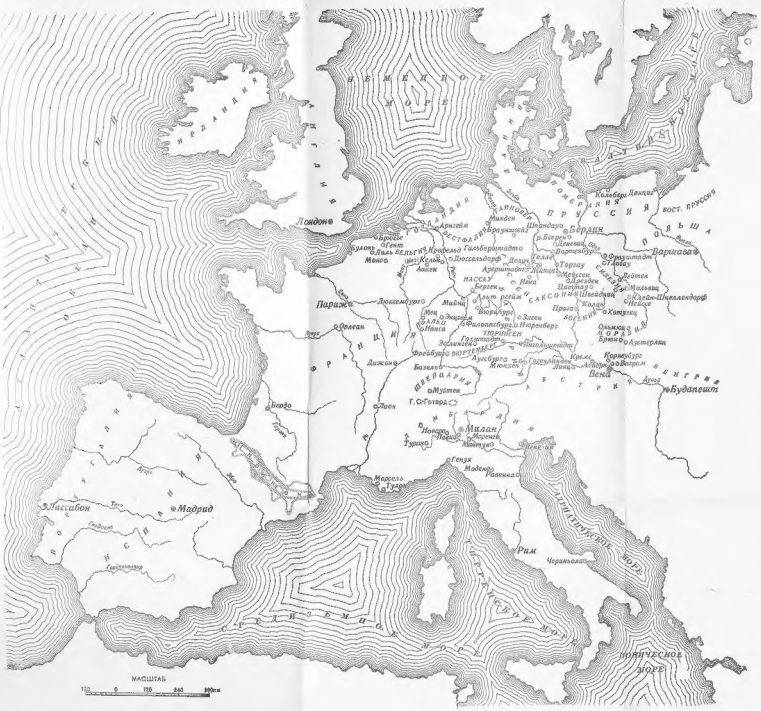
Набрано и сматрицировано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО Союза ССР
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3
Отпечатано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

КАРТА I

К части первой


НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
НЕМЕЦКОЕ МОРЕ
ИРЛАНДИЯ
ШОТЛАНДИЯ
АНГЛИЯ
Лондон
Амстердам
Антверпен
Брюссель
Париж
ФРАНЦИЯ
Берлин
Варшава
Вена
Будапешт
АВСТРИЯ
Дрезден
Прага
МОРАВИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
ИСПАНИЯ
Мадрид
Лиссабон
Гренада
Рим
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
МАСШТАБ
120 0 120 240 360 км

НЕМЕЦКОЕ МОРЕ
ГОЛЛАНДИЯ
Амстердам
Антверпен
Брюссель
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
Люксембург
Р. Рейн
МАСШТАБ
30 0 30 60 90 км


НЕМЕЦКОЕ МОРЕ
ГОЛЛАНДИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПРУССИЯ
ПОЛЬША
ФРАНЦИЯ
ИСПАНИЯ
ИТАЛИЯ
ВЕНГРИЯ
Лондон
Париж
Берлин
Варшава
Мадрид
Рим
Будапешт
Вена
Милан
Марсель
Лиссабон
Средиземное море
Адриатическое море
Ионическое море
Тирренское море
Балеарские о-ва
Сардиния
Корсика
Сицилия
Мальта
Ла-Манш
Ирландское море
Ирландия
Англия
Шотландия
Пиренеи
Альпы
Апеннины
Балканский п-ов
Пиренейский п-ов
Апеннинский п-ов
Скандинавский п-ов
Британские о-ва
Ирландские о-ва
Северное море
Балтийское море
Ламанш
Бискайский зал.
Генуэзский зал.
Венецианский зал.
Ботнический зал.
Финский зал.
Рижский зал.
Данциг
Кенигсберг
Мемель
Либау
Ревель
Петербург
Выборг
Або
Стокгольм
Упсала
Карлстад
Гетеборг
Христиания
Христиансанд
Бергенские о-ва
Ставангер
Бергенъ
Тронтгеймъ
Христиансундъ
Молде
Ромсдаль
Берген
Ставангер
Христиансанд
Гетеборг
Карлстад
Упсала
Стокгольм
Выборг
Петербург
Ревель
Рига
Либау
Мемель
Данциг
Кенигсберг
Варшава
Берлин
Лондон
Париж
Мадрид
Лиссабон
Рим
Будапешт
Вена
Милан
Марсель
МАСШТАБ
0 100 200 300км
МАСШТАБ
0 30 60 90км

Двойной, л. IV.

Цена 9 р.